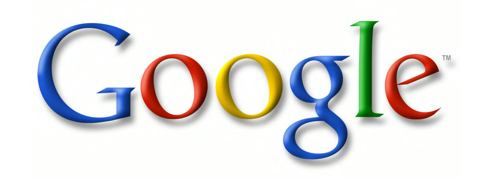
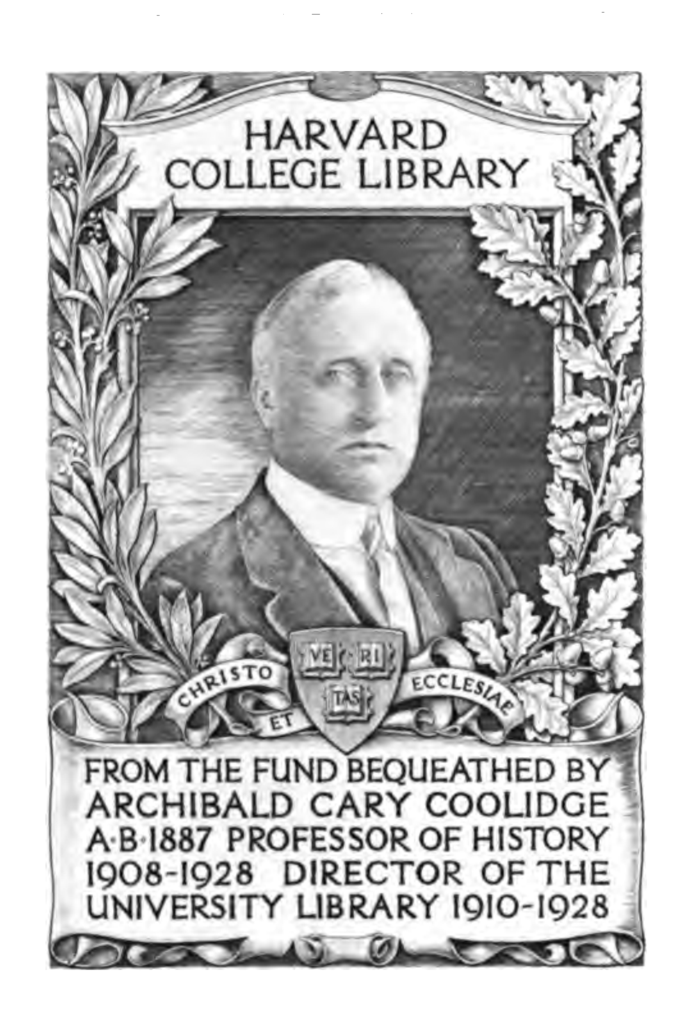

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

за 1877 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Оффиціальный отдѣлъ.

II. Неоффиціальный отдѣлъ.

III. Приложеніе.

КІЕВЪ.
Типографія В. И. Давиденко, на Михайловской ул., въ собств. домѣ.
1877.

ИЗВѢСТІЯ

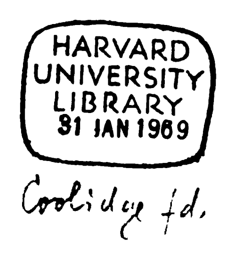
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

князя Безбородко въ Нѣжинѣ,

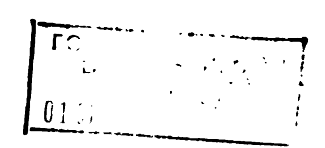
за 1877 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

КІЕВЪ.
Типографія В. И. Давиденко, на Михайловской ул., въ собств. домѣ.
1877.

Печатано по опредѣленію Конференціи Института князя Безбородко.

I

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОТЧЕТЪ

объ открытіи Историко-филологическаго института князя Безбородко и о состояніи лицея и гимназіи за 1874|5 годъ*).

14-го сентября сего года, въ праздникъ Воздвиженія Животворящаго Креста, происходило въ Нѣжинѣ торжественное открытіе Историко-филологическаго института князя Безбородко. Ко дню торжества прибыли: изъ Кіева — г. помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа И. П. Новиковъ, и изъ Чернигова—преосвященный Серапіонъ, епископъ Новгородсѣверскій, управляющій Черниговскою епархіею. Наканунѣ праздника отслужена была въ институтской церкви всенощная архіерейскимъ служеніемъ. Изъ города стеклась къ всенощной и къ обѣднѣ многочисленная публика, такъ что институтская церковь была совершенно полна народомъ.

Въ самый день торжества литургія началась въ 9½ часовъ утра: ее совершалъ соборнѣ преосвященный Серапіонъ. За причастнымъ, послѣ пропѣтаго пѣвчими концерта, законоучитель института А. Ѳ. Хойнацкій сказалъ слово, въ которомъ, упомянувъ сначала въ сочувственныхъ выраженіяхъ о полезной дѣятельности и заслугахъ бывшаго Лицея князя Безбородко, на мѣсто котораго учрежденъ теперь Историко-филологическій институтъ, перешелъ къ опредѣленію

*) См. Журналъ Минист. Народн. Просв. 1875 г. ноябрь.

*

важнаго назначенія сего послѣдняго учебно-воспитательнаго заведенія и развилъ мысль о томъ, какую великую услугу способно оказать не только обществу и государству, но также и церкви то серьезное классическое образованіе, какое будетъ давать своимъ воспитанникамъ Институтъ. Послѣ литургіи совершенъ былъ водосвятный молебенъ и освящена икона Спасителя, которую его преосвященству благоугодно было принести въ даръ Институту, какъ знакъ своего архипастырскаго благословенія новому разсаднику просвѣщенія. По освященіи иконы, преосвященный тутъ же въ храмѣ вручилъ ее г. директору Института, совершилъ ходъ съ крестомъ и св. водою по зданіямъ, окропляя комнаты св. водою. По возвращеніи въ церковь, преосвященный взошелъ на архіерейскую, среди церкви, каѳедру и, обращаясь къ студентамъ и начальству, произнесъ краткую рѣчь, въ которой увѣщевалъ любителей слова, т. е. науки, хранить свято въ своемъ сознаніи, что Едина есть Вѣчная Истина и Жизнь, Богъ Слово, и что тотъ, кто самъ хранитъ Слово Божіе и малыхъ сихъ научаетъ тому, великимъ наречется въ Царствіи Небесномъ, а кто разоритъ Слово Божіе и тому же малыхъ научитъ, малымъ наречется въ Царствіи Небесномъ; архипастырь заключилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы Господь Богъ благословилъ труды дѣлателей въ новооткрываемомъ Институтѣ, и сподобилъ ихъ «великими нарещись въ Царствіи Небесномъ».

Послѣ божественной службы, преосвященный, г. помощникъ попечителя И. П. Новиковъ, духовенство и служащіе при Институтѣ и Гимназіи приглашены были для краткаго отдыха въ квартиру директора, гдѣ имъ предложенъ былъ чай.

Затѣмъ всѣ отправились въ актовую залу, которая была уже полна публики.

Передъ началомъ акта пѣвчими пропѣта была молитва «Царю небесный».

Актъ былъ открытъ слѣдующею рѣчью г-на помощника попечителя:

«Г. министръ народнаго просвѣщенія препроводилъ къ попечителю Кіевскаго учебнаго округа Высочайше утвержденное въ 20-й день ноября 1875 г. мнѣніе, воспослѣдовавшее въ общемъ собраніи Госу-

дарственнаго Совѣта о преобразованіи въ 1875 г. лицея князя Безбородко въ Нѣжинѣ въ Историко-филологическій институтъ князя Безбородко, а 21-го апрѣля нынѣшняго года Высочайше утвержденъ и уставъ Института. Открываемый нынѣ Институтъ являетъ собою новое доказательство неусыпной заботливости Государя Императора о благѣ молодыхъ поколѣній, воспитывающихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ то же время свидѣтельствуетъ о непреклонной волѣ Монарха утвердить и упрочить тотъ путь, на который вступила отечественная наука по иниціативѣ нашего просвѣщеннаго Государя.

«Институтъ завершаетъ цѣлый рядъ мѣръ, предпринятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія къ приготовленію возможно лучшихъ преподавателей древнихъ языковъ, въ которыхъ со введеніемъ въ нашихъ гимназіяхъ новой системы обученія и съ быстрымъ въ послѣднее время размноженіемъ самыхъ гимназій, возникла вдругъ столь обширная потребность.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря незабвенной услугѣ, оказанной русскому просвѣщенію однимъ изъ сыновъ этого края, нашлось для возрождающагося Института готовое помѣщеніе, и Кіевскій учебный округъ удостоился чести вмѣстить въ себѣ второй въ Имперіи Историко-филологическій институтъ; а вамъ первымъ выпало на долю осуществить новый шагъ, дѣлаемый въ Россіи классическою системою образованія.

«Вашими руками, мм. гг., зажигается новый свѣтильникъ для будущихъ поколѣній Россіи. Это налагаетъ на васъ обязанность всецѣло посвятить себя трудамъ, чтобы сдѣлаться достойными великихъ воспитательныхъ цѣлей, которымъ вы предназначаетесь служить, и поставить Институтъ съ первыхъ же дней его существованія на высоту его призванія — быть однимъ изъ главныхъ хранителей и разсадниковъ классическихъ знаній въ нашемъ отечествѣ.

«Но однихъ трудовъ недостаточно, чтобы исполнить задачу — быть проводниками истинныхъ знаній: для этого нужно прежде всего неослабно имѣть въ виду конечную цѣль всѣхъ человѣческихъ знаній—утвержденіе въ народѣ истиннаго Богопознанія и укорененіе въ немъ чувства нравственнаго и гражданскаго долга. Объ отношеніяхъ

вашихъ къ религіи и Слову Божію вы слышали сегодня столь же краснорѣчивое, сколько проникнутое теплымъ чувствомъ увѣщаніе достоуважаемаго архипастыря церкви, украсившаго нашъ праздникъ своимъ присутствіемъ. Что же касается до гражданскаго долга, то высшимъ выраженіемъ его служитъ безпредѣльная, непоколебимая преданность Престолу и Отечеству, и покорность закону не только изъ страха, но и по совѣсти и сознанію долга. Если отъ этого условія зависитъ гражданскій и общественный порядокъ, то оно не менѣе необходимо и для процвѣтанія науки, ибо и она растетъ и укрѣпляется въ народѣ лишь подъ охраною внутренняго мира и тишины.

«Послѣдуйте примѣру доблестнаго мужа, котораго имя начертано на фронтонѣ этого зданія. Воодушевитесь его ревностью къ просвѣщенію, вооружитесь крѣпостью его патріотическаго чувства, и — смѣю думать, — вы оправдаете и попеченіе объ васъ Монарха, и исполните надежды, возлагаемыя на васъ учебнымъ вѣдомствомъ. Для васъ, гг. учащіеся, исполненіе вашихъ обязанностей будетъ тѣмъ естественнѣе, что лишь имъ заплатите вы долгъ благодарности Тому, отъ щедротъ Котораго пользуетесь безплатно высшимъ благомъ — воспитаніемъ.

«Затѣмъ, мм. гг., позвольте благодарить васъ за благосклонное вниманіе. Имѣю честь объявить Историко-филологическій институтъ князя Безбородко открытымъ».

Вслѣдъ затѣмъ, директоръ Института Н. А. Лавровскій вступилъ на каѳедру и прочелъ слѣдующій отчетъ:

«Прежде всего считаю долгомъ предложить вашему вниманію краткій отчетъ о состояніи трехъ ввѣренныхъ мнѣ учебныхъ заведеній: одного, только что возникшаго—Историко-филологическаго института князя Безбородко, другаго, уже оканчивающаго свое существованіе — лицея князя Безбородко и третьяго, имѣющаго продолжать прежнее свое существованіе, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ — Нѣжинской гимназіи, а также о своей восьмимѣсячной дѣятельности. Къ отчету о двухъ послѣднихъ учебныхъ заведеніяхъ должны примкнуть свѣдѣнія о совершившемся въ нихъ до моего прибытія въ Нѣжинъ.

I. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко. 20-го

ноября 1874 года Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о преобразованіи въ 1875 году лицея князя Безбородко въ Нѣжинѣ въ Историко-филологическій институтъ князя Безбородко, на основаніи Высочайше утвержденныхъ устава и штата Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, изъ которыхъ главнѣйшія:

Ст. I пунктъ 1-й: Институтъ состоитъ въ главномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется непосредственно попечителю Кіевскаго учебнаго округа, чрезъ котораго восходятъ къ министру всѣ представленія Института по дѣламъ, требующимъ разрѣшенія высшаго начальства. Пунктъ 7-й: Институтъ пользуется всѣми правами, присвоенными университетамъ въ статьяхъ 125—135 общаго устава университетовъ.

Ст. III. Должность почетнаго попечителя лицея, изъ рода графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ, сохранить и на будущее время съ тѣми же служебными правами, предоставивъ лицу, занимающему оную, участвовать въ засѣданіяхъ конференціи и правленія института по дѣламъ, касающимся хозяйственной и административной частей, и возложивъ на него наблюденіе за своевременнымъ поступленіемъ, а равно предоставить ему право контроля за правильнымъ употребленіемъ суммъ, поступающихъ изъ экономіи графини Мусиной-Пушкиной, пожертвованныхъ графомъ Безбородко и графинею Мусиною-Пушкиною къ ежегодному взносу въ пользу лицея, примѣнительно къ §§ 70, 80 и 81 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Ст. V. Предоставить министру народнаго просвѣщенія избрать на первый разъ, при открытіи Института, инспектора, профессоровъ, преподавателей и наставниковъ, съ тѣмъ, чтобы избраніе всѣхъ сихъ лицъ на будущее время было производимо на точномъ основаніи устава Института.

Ст. VI. Въ дополненіе къ получаемой нынѣ Нѣжинскимъ лицеемъ суммѣ (14,250 руб.) ассигновать къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства на Институтъ князя Безбородко 73,914 р. со внесеніемъ сей суммы въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Самый уставъ и штатъ Института князя Безбородко утверждены 21-го апрѣля сего года.

Назначенный, 1-го января сего года, директоромъ института, я долженъ былъ немедленно по прибытіи на мѣсто службы озаботиться, кромѣ возложеннаго на меня завѣдыванія лицеемъ и гимназіей, всѣми необходимыми приготовленіями для предназначеннаго къ началу учебнаго года открытія Института.

Помѣщеніе. Самое зданіе, давно не ремонтированное основательно по недостатку средствъ, требовало общаго ремонта. Онъ былъ произведенъ въ послѣдніе три мѣсяца по всему зданію, благодаря весьма значительной суммѣ, назначенной для этой цѣли. Необходимо было распредѣлить помѣщенія для Института, лицея и гимназіи, и при томъ такъ, чтобы послѣдніе не потерпѣли ни въ чемъ существенномъ отъ помѣщенія среди нихъ новаго учебнаго заведенія. Благодаря тому обстоятельству, что лицей къ началу наступившаго учебнаго года долженъ былъ сократиться до одного послѣдняго курса, а Институтъ начаться только первымъ, возможно было не только устроить оба учебныя заведенія безъ всякаго взаимнаго стѣсненія, оставивъ гимназію въ прежнемъ ея помѣщеніи безъ всякой перемѣны, но и выдѣлить часть зданія для временнаго помѣщенія преподавателей Института.

Мысль о необходимости послѣдняго занимала меня съ первыхъ дней прибытія въ Нѣжинъ. Дороговизна квартиръ, не уступающая дороговизнѣ квартиръ въ большихъ городахъ, но безъ удобствъ послѣднихъ, затрудненіе въ сообщеніи, по причинѣ сильной грязи, господствующей весьма продолжительное время, вмѣстѣ съ другими неудобствами жизни въ небольшомъ провинціальномъ городѣ,—все это не могло, конечно, служить средствами привлеченія лучшихъ учебныхъ силъ въ Нѣжинъ. Мысль эта, встрѣченная сочувственно его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, получила дальнѣйшее движеніе, и въ настоящее время существуетъ проектъ устройства особыхъ флигелей для помѣщенія преподавателей Института. Въ то же время разрѣшено впредь, до устройства послѣднихъ, помѣстить преподавателей временно въ самомъ зданіи Института, что въ настоящее время и исполнено. Для расширенія же институтскихъ помѣщеній въ самомъ зданіи, необходимаго съ образованіемъ въ теченіе

трехъ слѣдующихъ лѣтъ полнаго комплекта студентовъ, предназначается постройка 3-го этажа надъ срединой зданія, имѣющая увеличить помѣщенія на 10—12 комнатъ съ корридоромъ, для чего ассигновано изъ государственнаго казначейства 50,590 рублей.

Учебныя пособія. Другимъ важнымъ дѣломъ, занимавшимъ меня съ марта по послѣдніе дни, было устройство институтской библіотеки. Прежняя основная лицейская библіотека, документальный каталогъ которой представляетъ любопытныя наслоенія, соотвѣтствующія направленіямъ, которыя суждено было испытать высшему учебному заведенію, обязанному своимъ существованіемъ незабвенному пожертвованію князя Безбородко, историко-филологическому, физико-математическому съ естественно-историческимъ и, наконецъ, юридическому, состояла изъ 6,807 названій въ числѣ 13,057 томовъ. Впрочемъ, число названій, довольно значительное съ перваго взгляда, по внимательномъ разсмотрѣніи каталога, оказалось обманчивымъ, такъ какъ отдѣльные выпуски и томы многотомныхъ сочиненій въ немъ помѣщены отдѣльными названіями; кромѣ того, внесено довольно названій, не имѣющихъ дѣйствительнаго библіотечнаго значенія, въ родѣ книгопродавческихъ каталоговъ, объявленій и т. п. Предстояло выдѣлить сочиненія, которыя не могли найти себѣ мѣста въ библіотекѣ Института, составить новый документальный и систематическій каталоги, размѣстить книги въ новомъ порядкѣ. По выдѣленіи излишнихъ и сведеніи разрозненныхъ названій, число названій въ новомъ документальномъ каталогѣ понизилось до 4,034. Въ настоящее время институтская библіотека имѣетъ вновь составленные документальный и систематическій каталоги, и составленный прежде алфавитный каталогъ, требующій, впрочемъ, измѣненій, слѣдовательно представляетъ всѣ условія для правильнаго и вполнѣ удобнаго пользованія ею. Помѣщеніе библіотеки въ тѣсной, хотя большой комнатѣ вмѣстѣ съ гимназическою, необходимо требовало расширенія даже въ прежнемъ ея составѣ; при предстоящихъ же ей ежегодныхъ приращеніяхъ, оно было бы невозможно. Здѣсь я считаю своею обязанностью отъ имени Института выразить глубочайшую и искреннѣйшую признательность нашему достоуважаемому почетному попечителю, графу А. И. Мусину-Пушкину, который при первомъ моемъ заявленіи о затрудненіяхъ, по крайней мѣрѣ на первое время, по вопросу о помѣщеніи библіотеки и необходимости

дать ей большій просторъ, изъявилъ полную готовность отдѣлить для нея большую часть своей квартиры въ зданіи Института, составляющей издавна неприкосновенную собственность почетныхъ попечителей учрежденія князя Безбородко. Въ настоящее время, благодаря просвѣщенному сочувствію графа А. И. Мусина-Пушкина къ нуждамъ нашего Института, библіотека, помѣщаясь въ пяти прекрасныхъ комнатахъ, на долгое время обезпечена въ пространствѣ, не смотря на ожидаемыя и весьма значительныя ежегодныя приращенія.

Кромѣ основной лицейской библіотеки, въ институтъ поступила существующая съ 1858 года студентская библіотека, заключающая въ себѣ 524 названія.

Наличный библіотечный матеріалъ, унаслѣдованный Институтомъ отъ лицея князя Безбородко, еще до открытія института обогатился, благодаря просвѣщенной заботливости его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія о возникавшемъ учебномъ заведеніи, пріобрѣтеніемъ библіотеки покойнаго директора С.-Петербургскаго историко-филологическаго института И. Б. Штейнмана, заключающей въ себѣ значительное собраніе классическихъ авторовъ и сочиненій по классическимъ языкамъ, литературѣ, древности и миѳологіи. Вошедшая въ общій составъ институтской библіотеки, она, безъ сомнѣнія, послужитъ важнымъ подспорьемъ для двухъ важнѣйшихъ каѳедръ Института.

Кромѣ того, вслѣдствіе распоряженія г. министра народнаго просвѣщенія, обращены въ институтскую библіотеку полезныя для насъ дублеты бывшей Варшавской городской, нынѣ университетской библіотеки, относящіеся преимущественно къ отдѣламъ богословскому, историческому и литературному, и при томъ по ихъ отношенію къ Польшѣ и западной Россіи. Первая партія этихъ дублетовъ прибыла въ Нѣжинъ лишь недавно, а потому я не могу сообщить никакихъ свѣдѣній о размѣрѣ приращеній институтской библіотеки отъ Варшавскихъ дублетовъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что они послужатъ къ весьма значительному обогащенію нашего библіотечнаго имущества.

Небольшой по размѣру, но цѣнный вкладъ въ институтскую библіотеку сдѣланъ былъ здѣшнимъ греческимъ училищемъ. Освѣдомившись о его небольшомъ книгохранилищѣ, я осмотрѣлъ его и нашелъ въ немъ нѣсколько весьма цѣнныхъ книгъ по отдѣламъ

богословскому, классическому, историческому и литературному, въ старинныхъ изданіяхъ XVI и XVII вѣковъ. Руководясь соображеніемъ, что книги этого рода въ настоящемъ ихъ помѣщеніи не только не могутъ приносить никакой пользы, но и легко могутъ быть растрачены по незнанію ихъ значенія, особенно въ виду предстоящаго преобразованія греческаго училища въ женскую гимназію, я вошелъ съ представленіемъ къ г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа о перемѣщеніи болѣе цѣнныхъ книгъ въ институтскую библіотеку, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ назначенію, на что и получилъ разрѣшеніе.

Таковъ въ настоящее время нашъ библіотечный матеріалъ. Правда, онъ оказывается недостаточно приспособленнымъ къ цѣлямъ и потребностямъ Института; но нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ можетъ послужить солиднымъ основаніемъ для будущихъ приращеній. Ассигнуемая по штату ежегодная библіотечная сумма, 2,600 руб., даетъ полную возможность въ непродолжительномъ времени восполнить всѣ важнѣйшіе пробѣлы и своевременно удовлетворять учащихъ и учащихся.

Институтъ унаслѣдовалъ отъ лицея князя Безбородко также минцъ-кабинетъ и картинную галлерею, пожертвованную графомъ Кушелевымъ-Безбородко: первый, заключающій въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ экземпляровъ, состоитъ изъ 3,546 нумеровъ монетъ и медалей, а послѣдняя, еще не имѣющая для себя отдѣльнаго помѣщенія, изъ 174 картинъ.

Кабинеты физическій, минералогическій и зоологическій, также перешедшіе въ наслѣдство Институту отъ лицея, въ настоящее время состоятъ въ пользованіи гимназіи, и пополняются ежегодно изъ гимназическихъ суммъ.

Личный составъ. Наиболѣе трудная и важная задача, рѣшеніе которой необходимо было къ открытію Института, состояла въ образованіи состава преподавателей и наставниковъ. Его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія угодно было привлечь меня къ участію въ рѣшеніи этой важной задачи, и, послѣ продолжительныхъ, иногда сложныхъ, сношеній образовался на первые два года достаточно полный составъ присутствующихъ здѣсь преподавателей и наставниковъ, готовыхъ приступить къ трудной, но благодарной дѣя-

тельности по образованію будущихъ наставниковъ русскаго юношества. Знакомый съ каждымъ изъ нихъ лично, а также и съ предшествовавшею ихъ ученою и педагогическою дѣятельностью, я смѣло позволяю себѣ выразить увѣренность, что ими будетъ сдѣлано для общаго дѣла, къ которому они призваны, все, что въ предѣлахъ человѣческихъ силъ.

Законоучитель въ лицеѣ князя Безбородко и настоятель лицейской церкви, магистръ Кіевской духовной академіи, священникъ *Хойнацкій* назначенъ законоучителемъ въ Институтѣ.

Ординарный профессоръ и докторъ русской исторіи, деканъ историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета *Аристовъ*—ординарнымъ профессоромъ русской исторіи, съ возложеніемъ на него должности инспектора Института.

Окончившій курсъ въ Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ и пробывшій два года въ Германіи для изученія классической филологіи *Никитинъ* назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ греческой словесности.

Преподаватель Императорскаго историко-филологическаго института, докторъ Гельсингфорскаго университета *Фохтъ* — ординарнымъ профессоромъ римской словесности.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, магистръ славянскихъ нарѣчій, *Будиловичъ* — ординарнымъ профессоромъ русской словесности и главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій.

Экстраординарный профессоръ Варшавскаго университета, магистръ всеобщей исторіи *Люперсольскій* — ординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи.

Наставниками института назначены: инспекторъ 1-й Харьковской гимназіи *Добіашъ* и бывшій учитель 5-й С.-Петербургской гимназіи, пробывшій передъ тѣмъ два года въ Германіи для изученія классической филологіи, *Кириловъ*.

Кромѣ того, для замѣщенія каѳедры философіи въ будущемъ учебномъ году, имѣется въ виду, окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ *Гротъ*, въ настоящее время отправившійся заграницу для изученія философіи.

Преподаваніе новыхъ языковъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, будетъ поручено учителямъ тѣхъ же предметовъ

въ Нѣжинской гимназіи съ производствомъ имъ платы изъ суммы, положенной по штату за дополнительныя лекціи въ Институтѣ.

Учащіеся. Подавшихъ прошеніе о поступленіи въ Институтъ и подвергавшихся назначеннымъ испытаніямъ изъ русскаго, греческаго и латинскаго языковъ, было 42. По внимательномъ разсмотрѣніи какъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ, по опредѣленію конференціи Института и утвержденіи г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, принято 25. Кромѣ того, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія переведены три студента перваго курса С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, такъ что общее число воспитанниковъ въ открывающемся 1-мъ курсѣ будетъ 28.

Изъ нихъ 17 обнаружили, говоря вообще, удовлетворительныя познанія по всѣмъ предметамъ испытаній, и не подали повода къ колебаніямъ по вопросу объ ихъ пріемѣ. Слабѣе были познанія 8-ми молодыхъ людей, подавшихъ поводъ къ продолжительнымъ сужденіямъ о достоинствѣ ихъ познаній. Конференція Института, принимая во вниманіе незначительность различій въ ихъ познаніяхъ, желая также предоставить себѣ возможность, обративъ на нихъ особенное вниманіе точнѣе испытать ихъ способности и трудолюбіе въ теченіе цѣлаго учебнаго года, и наконецъ, вообще признавая полезнымъ для полноты комплекта въ послѣднихъ курсахъ, имѣть въ запасѣ отъ одного до трехъ студентовъ въ первыхъ, опредѣлила принять всѣхъ 8 молодыхъ людей, съ объявленіемъ имъ, что на нихъ будетъ обращено особенное вниманіе и что неуспѣшность занятій въ теченіе учебнаго года повлечетъ за собою увольненіе ихъ изъ Института.

II. Лицей князя Безбородко. Лицей князя Безбородко, впродолженіе своего 35-ти-лѣтняго существованія отвѣчавшій потребностямъ времени образованіемъ полезныхъ дѣятелей на практическо-юридическомъ поприщѣ, и имѣющій полное право гордиться нѣкоторыми именами, снискавшими себѣ обширную извѣстность въ области науки, литературы и на различныхъ поприщахъ общественнаго служенія, въ послѣднее время, съ измѣненіемъ условій и средствъ жизни, постепенно приходилъ въ то состояніе, въ которомъ было невозможно дальнѣйшее его существованіе съ прежнимъ достоинствомъ и прежнею пользою, и которое требовало рѣшительнаго преобразованія. Возникшая съ ежегоднымъ

размноженіемъ гимназій и прогимназій, вмѣстѣ съ новымъ гимназическимъ уставомъ, неотложная потребность въ учителяхъ гимназій, а съ нею и столь же неотложная потребность въ особомъ учрежденіи для спеціальнаго образованія, рѣшила участь лицея князя Безбородко: ему суждено было преобразоваться въ Историко-филологическій институтъ.

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 20-го ноября 1874 года были предоставлены студентамъ лицея, застигнутымъ преобразованіемъ, всѣ средства безпрепятственно, на прежнемъ основаніи устава 1840 года, окончить свой курсъ, съ производствомъ имъ стипендій въ прежнихъ размѣрахъ, и въ то же время было предоставлено г. министру народнаго просвѣщенія озаботиться, чтобы нынѣшніе стипендіаты лицея князя Безбородко, въ случаѣ нежеланія ихъ продолжать курсъ въ преобразованномъ заведеніи, были обезпечены въ денежныхъ средствахъ для окончанія начатаго ими юридическаго образованія безъ испрошенія на то особаго кредита. Вслѣдствіе этого распоряженія, въ наступившемъ учебномъ году, послѣднемъ для лицея, будутъ одновременно существовать первый курсъ института, и послѣдній лицея. Для этого послѣдняго курса совѣтъ лицея, вслѣдствіе предложенія г. попечителя округа, руководясь уставомъ 1840 года и правилами, утвержденными въ 1873 г., въ засѣданіи 19-го января сего года, опредѣлилъ оставить слѣдующихъ четырехъ преподавателей: законоучителя *Хойнацкаго*, по каѳедрѣ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ *Скордели*, по каѳедрѣ законовъ казеннаго управленія *Яснопольскаго*, и по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ *Забугина*; остальныхъ же преподавателей — по каѳедрѣ энциклопедіи и государственныхъ законовъ *Затыркевича* *), по каѳедрѣ русской исторіи, русской и всеобщей статистики *Сребницкаго*, оставить за штатомъ, какъ окончившихъ преподаваніе своихъ предметовъ въ первыхъ двухъ курсахъ. Въ мартѣ сего года, по случаю смерти исправлявшаго должность профессора Забугина, совѣтъ лицея поручилъ преподаваніе гражданскихъ законовъ г. Скордели. Въ апрѣлѣ того же года, по случаю предстоявшаго и теперь состоявша-

*) Утвержденнаго, по пріобрѣтеніи имъ степени магистра, профессоромъ лицея по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія съ 26-го апрѣля сего года.

гося перемѣщенія исправляющаго должность профессора уголовныхъ и полицейскихъ законовъ Скордели, на службу въ Кіевскую контору государственнаго банка, совѣтъ лицея, вслѣдствіе прошенія кандидата правъ Мозговаго и по разсмотрѣніи и одобреніи представленной послѣднимъ программы по гражданскому праву, судопроизводству и законамъ благоустройства, а также по прочтеніи имъ двухъ пробныхъ лекцій, опредѣлилъ войти къ г. попечителю съ представленіемъ объ утвержденіи г. Мозговаго исправляющимъ должность профессора лицея по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ. Въ случаѣ утвержденія послѣдняго представленія, оказывается возможнымъ, по раздѣленіи между двумя наличными преподавателями, гг. Ненопольскимъ и Мозговымъ, предметовъ по тремъ каѳедрамъ — гражданскихъ законовъ, уголовныхъ и полицейскихъ, и законовъ казеннаго управленія,—заключить лицейскіе курсы на прежнихъ основаніяхъ, и тѣмъ предоставить послѣднему выпуску студентовъ безпрепятственно окончить ихъ юридическое образованіе.

Въ истекшемъ учебномъ году законоучитель Хойнацкій напечаталъ: 1) Практическое руководство для священниковъ при совершеніи церковныхъ требъ. Выпускъ 1-й: о таинствахъ крещенія, миропомазанія и причащенія (въ Черниговскихъ епархіальныхъ извѣстіяхъ), и 2) Объ исповѣди. Для чтеній по предмету практическаго руководства для пастырей (въ Душеполезномъ чтеніи). И. д. профессора Скордели отлитографировалъ 2-ю часть «Курса уголовнаго судопроизводства».

Къ 1-му сентября 1874 года всѣхъ студентовъ было .		68
Въ теченіе учебнаго года выбыло:		
до окончанія курса	2	
по окончаніи курса	43	
		45

Изъ 20 человѣкъ подвергавшихся годичнымъ испытаніямъ переведены изъ 2-го курса въ 3-й 19

Изъ подвергавшихся окончательному испытанію удостоены аттестатовъ: съ правомъ на чинъ XII класса—28 и съ правомъ на чинъ XIV класса—15. Затѣмъ къ 14 сентября сего года на послѣднемъ

курсѣ лицея остается, со вновь поступившими и оставшимися въ томъ же курсѣ, 23 человѣка.

Стипендіатовъ въ лицеѣ было: а) штатныхъ 24 и б) на счетъ капитала, пожертвованнаго генералъ-лейтенантомъ Л. П. Рудановскимъ, въ память отца его Платона Рудановскаго—1. Освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій состояло 11 человѣкъ.

III. Гимназія. На основаніи Высочайше утвержденнаго 20 ноября 1874 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта Нѣжинская гимназія должна быть обращена въ гимназію при Историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко и поставлена къ нему въ тѣ же отношенія, въ какихъ находится гимназія при Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ къ сему послѣднему, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права, не выходя изъ штатной суммы, назначенной на Нѣжинскую гимназію, и примѣнительно къ устройству гимназіи, существующей при С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ,—приспособить ее къ цѣлямъ новаго Института. Такое назначеніе гимназіи, имѣющей составить съ Институтомъ одно органическое цѣлое, служить цѣлямъ Института по рѣшенію одной изъ важнѣйшихъ задачъ его, по приготовленію будущихъ наставниковъ къ ихъ призванію посредствомъ упражненій въ практическомъ преподаваніи,—само собою возвышало ее до значенія и характера образцовой гимназіи. Понятно, что она же налагала на меня непремѣнную обязанность обратить на нее особенное вниманіе, съ цѣлью постепеннаго ея подготовленія къ ожидающему ея новому положенію. Дѣйствительно, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, она была для меня предметомъ непрерывныхъ наблюденій и въ составѣ учащихъ и въ составѣ учащихся. Наблюденія эти и усвоенное общее впечатлѣніе для меня дороги, такъ какъ они доставили возможность вполнѣ сознательно относиться къ ея нуждамъ и интересамъ, а также и къ тѣмъ ея сторонамъ, которыя могутъ нуждаться въ исправленіи. Исходя изъ убѣжденія, что ничто такъ не нуждается въ умѣренномъ и осторожномъ образѣ дѣйствій, какъ учебное дѣло, что обратный образъ дѣйствій можетъ только принести вредъ ему, и что успѣхъ его зависитъ отъ суммы безконечно-разнообразныхъ условій, я старался тѣсно примкнуть къ наличному составу учащихъ силъ, изучить его и въ немъ открыть средства къ достиженію цѣли, тѣмъ болѣе, что мѣстныя условія нель-

зя назвать благопріятными для привлеченія наилучшихъ силъ. Дорого для меня вынесенное мною общее впечатлѣніе потому, что я могу быть вполнѣ сознательнымъ помощникомъ новому непосредственному начальнику гимназіи, завѣдывающему ею. Не останавливаясь на частныхъ явленіяхъ внутренней жизни гимназіи, и на нѣкоторыхъ мѣрахъ, принятыхъ для успѣха учебнаго дѣла въ продолженіе истекшаго учебнаго года, я считаю долгомъ остановить ваше вниманіе на послѣднемъ, чрезвычайно важномъ, постановленіи, Высочайше утвержденномъ 4 іюля сего года, относящемся сколько къ нашей гимназіи, столько и къ Институту,—создающемъ совершенно новое положеніе для первой и обезпечивающемъ вѣрный, достаточно обработанный матеріалъ для втораго. Постановленіе это заключается въ слѣдующемъ. Г. министръ народнаго просвѣщенія, находя необходимымъ принять мѣры къ подготовленію возможно лучшаго контингента воспитанниковъ для поступленія въ имѣющій открыться, съ начала будущаго учебнаго года, Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, къ устраненію тѣмъ самымъ замѣчаемаго нынѣ недостатка въ основательно приготовленныхъ учителяхъ гимназій и прогимназій по филологическимъ предметамъ преподаванія, въ особенности же по древнимъ языкамъ, — остановился на предположеніи сосредоточить въ Нѣжинской гимназіи, состоящей при Институтѣ князя Безбородко, такихъ учениковъ, которые могли бы составить вполнѣ надежный контингентъ для укомплектованія состава студентовъ означеннаго Института. Съ этою цѣлью предположено:

1. Учредить въ 4-хъ высшихъ классахъ Нѣжинской гимназіи (5, 6, 7 и 8), по числу допускаемыхъ на основаніи устава гимназіи при С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ въ каждомъ классѣ учениковъ, по 30 стипендій въ классѣ, а всего 120 стипендій, въ размѣрѣ по 200 р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы получившіе эти стипендіи воспитанники обязаны были, по удовлетворительномъ окончаніи испытаній зрѣлости, поступать въ число стипендіатовъ Историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ.

2. Во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ возложить на обязанность директоровъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій, и инспекторовъ четырехклассныхъ прогимназій предлагать ученикамъ, окончившимъ четырехклассный прогимназическій курсъ и отличившимся какъ

прилежаніемъ и способностями, такъ и благонравнымъ поведеніемъ, означенныя выше стипендіи въ Нѣжинской гимназіи.

3. Если окажутся желающіе быть отправленными для сего въ Нѣжинъ, и на такое отправленіе изъявятъ согласіе ихъ родители, опекуны или ближайшіе родственники, обязать начальства гимназій и прогимназій высылать немедленно по окончаніи экзаменовъ въ 4-мъ классѣ сихъ заведеній, къ директору Историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія объ учебныхъ занятіяхъ и поведеніи этихъ учениковъ, съ присоединеніемъ письменныхъ на послѣднемъ испытаніи работъ каждаго изъ нихъ.

4. По разсмотрѣніи сихъ свѣдѣній и работъ, директоръ Института избираетъ изъ числа всѣхъ кандидатовъ самыхъ отличныхъ, по числу имѣющихся свободными стипендіальныхъ вакансій, и о таковыхъ сообщаетъ подлежащему начальству гимназій или прогимназій, которое за симъ высылаетъ избранныхъ учениковъ къ началу учебнаго года въ Нѣжинъ, съ выдачею необходимыхъ по усмотрѣнію, на проѣздъ до мѣста назначенія, денегъ, изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

5. Предлагаемыя мѣры ввести въ дѣйствіе съ начала 1876/77 учебнаго года, дозволивъ въ томъ году въ видѣ исключенія, принятіе стипендіатовъ не въ 5-й, а въ 6-й классъ Нѣжинской гимназіи, слѣдовательно изъ учениковъ, окончившихъ курсъ 5-го класса другихъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій, дабы этимъ способомъ ускорить однимъ годомъ доставленіе Институту лучшаго контингента.

Что же касается средствъ для осуществленія сего предположенія, то г. министръ нашелъ возможнымъ обратить на этотъ предметъ между прочимъ деньги, отпускаемыя нынѣ изъ казны на выдачу стипендій воспитанникамъ казеннымъ и пансіонерамъ Государя Императора въ тѣхъ гимназіяхъ, при коихъ пансіоны болѣе не существуютъ, по мѣрѣ выбытія лицъ, пользующихся нынѣ сими стипендіями.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу въ 4/16 день іюня сего года, Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе таковыхъ предположеній.

Излишне было бы распространяться о великой важности сообщеннаго постановленія какъ для гимназіи, такъ и для Института. Съ бу-

дущаго учебнаго года первая уже утрачиваетъ свой прежній мѣстный характеръ, перестаетъ быть Нѣжинскою гимназіей, удовлетворявшей мѣстнымъ нуждамъ образованія; въ силу новаго постановленія она получаетъ общій характеръ, общее значеніе, она привлекается къ участію въ рѣшеніи важнѣйшей и труднѣйшей задачи — образованія наставниковъ русскаго юношества. Если въ понятіе о гимназіи при Историко-филологическомъ институтѣ и въ прежнемъ ея положеніи необходимо заключалось понятіе объ образцовой гимназіи, какъ служащей цѣлямъ Института, какъ доставляющей матеріалъ для спеціальнаго приготовленія студентовъ къ ихъ будущему призванію посредствомъ опытовъ въ практическомъ преподаваніи: то въ силу новаго постановленія, она становится образцовою въ полномъ и обширномъ значеніи этого слова, какъ всецѣло входящая въ цѣли и задачи Института, какъ приготовительная для него школа; отъ ея успѣховъ будутъ зависѣть и успѣхи Института».

Секретарь педагогическаго совѣта гимназіи прочелъ съ каѳедры отчетъ о состояніи гимназіи за истекшій годъ и непосредственно за тѣмъ розданы были награды удостоеннымъ ихъ ученикамъ гимназіи; награды эти выдавалъ каждому изъ своихъ рукъ преосвященный Серапіонъ.

Хоръ институтскихъ пѣвчихъ пропѣлъ духовный концертъ: «Всемірную славу».

По окончаніи концерта, директоръ Института снова взошелъ на каѳедру и обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой объяснилъ необходимость для Россіи такого рода учебныхъ заведеній, какъ Историко-филологическій институтъ, а также разумность той системы образованія, то-есть классической, какая введена нынѣ правительствомъ.

Актъ окончился пѣніемъ народнаго гимна «Боже Царя храни».

Въ числѣ публики, присутствовавшей на актѣ, сверхъ лицъ приглашенныхъ Институтомъ, было много прибывшихъ на это торжество безъ приглашенія. По подпискѣ служащихъ въ Институтѣ и гимназіи лицъ, въ день открытія Института, въ одной изъ залъ его приготовленъ былъ обѣдъ, который почтили своимъ присутствіемъ: преосвященный Серапіонъ, г. помощникъ попечителя И. П. Новиковъ, о. ар-

химандритъ Іеронимъ, настоятель мѣстнаго мужскаго монастыря, и другія почетныя лица изъ мѣстнаго городскаго общества, присутствовавшія на актѣ. Во время обѣда первый тостъ провозглашенъ былъ г. помощникомъ попечителя за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы и всего царствующаго дома; тостъ былъ покрытъ восторженными и единодушными криками «ура!». Второй тостъ г. помощникъ попечителя провозгласилъ за здоровье его сіятельства г-на министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго: тостъ принятъ былъ общими одушевленными восклицаніями. Въ заключеніе преосвященный Серапіонъ провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе Института и за здоровье учащихъ и учащихся въ немъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему»

Въ С.-Петербургѣ, 21-го апрѣля 1875 года.

УСТАВЪ

Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

1. Въ память сдѣланнаго покойнымъ государственнымъ канцлеромъ княземъ Безбородко, братомъ его, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Безбородко, и внукомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ, графомъ Кушелевымъ-Безбородко, значительнаго пожертвованія на учрежденіе и содержаніе въ Нѣжинѣ училища высшихъ наукъ, учреждается въ семъ городѣ Историко-филологическій институтъ князя Безбородко.

2. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко имѣетъ цѣлью приготовленіе учителей древнихъ языковъ, русскаго языка и словесности и исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также по сношенію съ симъ министерствомъ и для тѣхъ изъ другихъ вѣдомствъ, которые пожелаютъ содержать въ Институтѣ своихъ стипендіатовъ.

3. Институтъ состоитъ въ главномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется непосредственно попечителю Кіевскаго учебнаго округа, чрезъ котораго восходятъ къ министру всѣ представленія Института по дѣламъ, требующимъ разрѣшенія высшаго начальства.

4. Ближайшій начальникъ Института есть директоръ, который опредѣляется и увольняется Высочайшимъ приказомъ по представленію министра народнаго просвѣщенія.

5. При Институтѣ состоятъ: а) по части учебно-воспитательной: инспекторъ, профессоры, преподаватели и наставники; б) по административной: ученый секретарь, секретарь правленія, экзекуторъ (онъ же и экономъ), бухгалтеръ (онъ же и казначей) и врачъ.

6. Составныя части управленія Института суть: 1) конференція и 2) правленіе.

7. Штатное число воспитанниковъ полагается 100 человѣкъ, которые живутъ въ зданіи Института и состоятъ на полномъ казенномъ содержаніи. Допускаемые въ Институтъ на основаніи ст. 2-ой стипендіаты другихъ вѣдомствъ также живутъ въ зданіи Института вмѣстѣ съ штатными казенными воспитанниками.

ГЛАВА II.

Личный Составъ.

А. Почетный попечитель.

8. Званіе почетнаго попечителя Института предоставляется, послѣ смерти нынѣшняго почетнаго попечителя графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, старшему въ родѣ изъ числа прямыхъ потомковъ, по нисходящей линіи, отъ брака его, графа Мусина-Пушкина, съ графинею Любовію Александровною, урожденною графинею Кушелевою-Безбородко. Почетный попечитель Института утверждается въ семъ званіи Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія. Почетный попечитель считается въ государственной службѣ и ему присвоивается по сему званію, если выше чиновъ не имѣетъ, Ѵ классъ по должности и Ѵ разрядъ по мундиру.

9. Почетный попечитель имѣетъ право участвовать въ засѣданіяхъ конференціи и правленія Института, по дѣламъ, касающимся хозяйственной и административной частей, при чемъ занимаетъ первое

мѣсто, но не предсѣдательствуетъ. Ему принадлежитъ право наблюденія за своевременнымъ поступленіемъ и право контроля за правильнымъ употребленіемъ суммъ, поступающихъ изъ экономіи графини Мусиной-Пушкиной, пожертвованныхъ графомъ Безбородко и графинею Мусиною-Пушкиною къ ежегодному взносу въ пользу сего заведенія, примѣнительно къ §§ 70, 80 и 81 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Б. Директоръ.

10. Директоръ избирается изъ лицъ, имѣющихъ степень доктора по историко-филологическому факультету и пріобрѣвшихъ извѣстность въ дѣлѣ воспитанія.

11. На обязанности директора, сверхъ благоустройства всѣхъ частей Института, лежатъ также главное наблюденіе за нравственностію студентовъ и ихъ занятіями и непосредственное руководство ихъ въ научно-практическихъ занятіяхъ по одному изъ предметовъ преподаванія.

12. Въ случаѣ небреженія или упущенія со стороны служащихъ въ институтѣ, директоръ дѣлаетъ имъ напоминаніе или замѣчаніе, а при неуспѣшности сей мѣры, сообщаетъ о такихъ упущеніяхъ на разсужденіе конференціи или правленія, по принадлежности. Жалобы на студентовъ директоръ разрѣшаетъ собственною властію и только о важнѣйшихъ случаяхъ предлагаетъ конференціи на обсужденіе.

13. Директоръ вообще никакихъ дѣлъ, касающихся учебной или хозяйственной части Института, самъ собою не разрѣшаетъ, но предлагаетъ объ нихъ, по принадлежности, конференціи или правленію.

14. Съ званіемъ директора не можетъ быть соединяема никакая другая должность по учебной или административной части.

В. Инспекторъ.

15. Инспекторъ избирается конференціею изъ профессоровъ Института и, по представленію директора, утверждается въ должности и увольняется отъ оной министромъ народнаго просвѣщенія.

16. Инспекторъ имѣетъ, подъ главнымъ наблюденіемъ директора, надзоръ за учебною и воспитательною частію Института.

17. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія директора, инспекторъ исправляетъ его должность.

Г. Профессоры, преподаватели, наставники и прочія должностныя лица.

18. Профессоры, преподаватели и наставники Института избираются конференціею и, по представленіи директора, утверждаются въ должности и увольняются отъ оной министромъ народнаго просвѣщенія.

19. Въ профессоры Института избираются лица, имѣющія ученую степень доктора по историко-филологическому факультету, полученную въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, и пріобрѣвшія достаточную опытность въ преподаваніи. Въ случаѣ затрудненія въ пріисканіи лицъ, удовлетворяющихъ всѣмъ симъ требованіямъ, профессорами могутъ быть опредѣляемы и такія, которыя, хотя не имѣютъ высшей ученой степени, но извѣстны своими основательными познаніями, учеными или педагогическими трудами и опытностію въ преподаваніи.

20. Въ преподаватели и наставники опредѣляются лица, окончившія курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ по историко-филологическому факультету или выдержавшія установленное испытаніе на званіе учителя гимназіи по древнимъ или новымъ языкамъ, по русскому языку и исторіи.

21. Законоучитель Института избирается конференціею и, по предварительномъ одобреніи его мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія.

22. Независимо отъ чтенія лекцій, профессоры и преподаватели руководствуютъ студентовъ при словесныхъ и письменныхъ практическихъ занятіяхъ въ Институтѣ.

22. Профессоры и преподаватели посѣщаютъ также классы состоящей при Институтѣ гимназіи (ст. 28), удостовѣряясь при этомъ

въ способностяхъ студентовъ къ преподаванію и сообщая имъ свои совѣты и наставленія относительно его методы и способовъ.

24. Наставники имѣютъ нравственный надзоръ за студентами и помогаютъ имъ въ научныхъ занятіяхъ.

25. Секретарь правленія, бухгалтеръ, экзекуторъ и врачъ избираются директоромъ и утверждаются въ должности, а равно увольняются отъ оной, попечителемъ учебнаго округа.

ГЛАВА III.

Учебно-воспитательная часть.

26. Предметы преподаванія въ Институтѣ суть: 1) Законъ Божій; 2) философія (логика, психологія и исторія философіи); 3) педагогика и дидактика; 4) греческая словесность (греческій языкъ и толкованіе авторовъ, исторія греческой литературы и греческія древности); 5) римская словесность (латинскій языкъ и толкованіе авторовъ, исторія римской литературы и римскія древности); 6) русская словесность (исторія церковнославянскаго и русскаго языка и ихъ литературъ и главнѣйшія славянскія нарѣчія); 7) исторія всеобщая; 8) исторія русская; 9) языки французскій и нѣмецкій.

27. Ученіе въ Институтѣ раздѣляется на четыре годичныхъ курса. Распредѣленіе предметовъ преподаванія по курсамъ, раздѣленіе высшихъ курсовъ по специальностямъ и опредѣленіе сихъ специальностей, порядокъ производства испытаній и репетицій, а равно и практическія упражненія студентовъ, опредѣляются особыми правилами, составляемыми конференціею Института и утверждаемыми министромъ народнаго просвѣщенія.

28. Для практическаго упражненія въ преподаваніи, при Институтѣ состоитъ гимназія, которая поставляется къ нему въ тѣ же отношенія, въ какихъ находится гимназія Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ къ сему послѣднему.

29. Академическій годъ въ Институтѣ продолжается отъ 16-го августа до 15-го іюня.

30. Управленіемъ по учебной части Института завѣдываетъ конференція, которую, подъ предсѣдательствомъ директора, составляютъ: инспекторъ и профессоры. Директоръ можетъ приглашать въ собраніе конференціи и другихъ преподавателей, но они имѣютъ совѣщательный голосъ только тогда, когда конференція признаетъ нужнымъ потребовать отъ нихъ объясненій или мнѣній по какимъ-либо отдѣльнымъ вопросамъ.

31. Дѣла въ конференціи рѣшаются по большинству голосовъ, при равенствѣ которыхъ, перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя. Баллотированіе употребляется только въ двухъ случаяхъ: а) при избраніи должностныхъ лицъ Института и б) при рѣшеніи о достоинствѣ сочиненія, назначаемаго къ чтенію на годичномъ торжественномъ актѣ или къ печатанію съ одобренія конференціи.

32. Дѣлопроизводство въ конференціи ведетъ ученый секретарь, избираемый конференціею изъ профессоровъ или преподавателей на три года. Онъ пользуется въ конференціи правомъ голоса наравнѣ съ прочими членами.

33. Порядокъ дѣйствій конференціи опредѣляется особою инструкціею, утверждаемою министромъ народнаго просвѣщенія.

ГЛАВА IV.

О попечителѣ Учебнаго округа.

34. Утвержденію попечителя учебнаго округа предоставляется: а) распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату Института; б) утвержденіе правилъ объ обязанностяхъ секретаря правленія, казначея, эконома и врача; в) утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки не свыше 7,000 руб. на одинъ предметъ; г) утвержденіе постановленій конференціи Института о принятіи молодыхъ людей въ число студентовъ Института и оставленія ихъ на второй годъ на курсѣ, а равно объ увольненіи ихъ изъ заведенія по различнымъ причинамъ.

ГЛАВА V.

Хозяйственная часть.

35. Хозяйственною частію Института завѣдываетъ правленіе, которое, подъ предсѣдательствомъ директора, составляютъ: инспекторъ и одинъ членъ, избираемый конференціею изъ профессоровъ или преподавателей на одинъ годъ.

36. Канцелярію правленія составляютъ: секретарь, бухгалтеръ и нужное число канцелярскихъ служителей, опредѣляемыхъ директоромъ по найму.

37. Ни одно распоряженіе о выдачѣ денегъ изъ суммы, опредѣленной на содержаніе Института, не можетъ быть произведено безъ опредѣленія правленія; только въ особыхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ, предоставляется директору разрѣшать выдачу собственною властію, не свыше 100 руб., изъ аванса, съ заявленіемъ о семъ правленію въ первомъ за тѣмъ засѣданіи.

ГЛАВА VI.

Учащіеся.

38. Въ Институтъ принимаются молодые люди, достигшіе 17-ти лѣтняго возраста, которые или имѣютъ аттестаты въ знаніи предметовъ полнаго курса гимназій и представляютъ одобрительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи, или же, при такихъ же свидѣтельствахъ съ успѣхомъ окончили курсъ въ философскомъ классѣ семинарій. Всѣ поступающіе въ Институтъ подвергаются повѣрочному испытанію изъ предметовъ, назначенныхъ конференціею и во всякомъ случаѣ изъ древнихъ языковъ.

39. При пріемѣ воспитанниковъ наблюдается, чтобы они не имѣли какого-либо природнаго недостатка, препятствующаго быть учителемъ, и чтобы состояніе здоровья и тѣлосложеніе ихъ были вполнѣ благонадежны.

40. Каждый, поступающій въ Институтъ въ число штатныхъ воспитанниковъ, обязывается, подпискою прослужить, по окончаніи курса, не менѣе шести лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію министра. Обязательность службы стипендіатовъ, содержимыхъ на счетъ другихъ вѣдомствъ, зависитъ отъ усмотрѣнія послѣднихъ.

41. Студенты Института обязаны повиноваться начальству Института и соблюдатъ какъ въ Институтѣ, такъ и внѣ онаго, порядокъ, установленный особыми для учащихся правилами, составленными конференціею и утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія. При вступленіи въ Институтъ каждый студентъ обязывается подпискою въ соблюденіи означенныхъ правилъ.

42. Студентамъ, окончившимъ курсъ съ успѣхомъ, предоставляется званіе учителя гимназіи, дающее всѣ права кандидатовъ университетовъ.

43. Всѣмъ вообще студентамъ, выпускаемымъ изъ Института, дозволяется, по окончаніи курса, оставлять при себѣ учебныя книги, по опредѣленію конференціи, по спеціальнымъ предметамъ, къ преподаванію которыхъ они будутъ назначены, а равно и одежду.

44. Студенты, удостоенные званія учителя, получаютъ при отправленіи къ должностямъ, прогонныя, по званію своему, деньги и третное не въ зачетъ жалованье на общихъ, при опредѣленіи учителей въ гимназіи, правилахъ.

Примѣчаніе. Поступающіе на службу въ гимназіи Сибирскихъ губерній, а также сѣвернаго Кавказа и Закавказскаго края, пользуются предоставленными всѣмъ опредѣляемымъ туда лицамъ особыми преимуществами.

45. Студенты, получившіе званіе учителя гимназіи, имѣютъ право, по прошествіи одного года, подвергаться испытанію на степень магистра. Въ такомъ случаѣ они могутъ быть назначаемы, по избранію университетскихъ совѣтовъ, къ отправленію заграницу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и для приготовленія къ профессорской должности.

ГЛАВА VII.

Учебныя пособія.

46. При Институтѣ полагаются: библіотека и собраніе учебныхъ пособій, необходимыхъ для преподаванія назначенныхъ въ Институтѣ наукъ.

47. Библіотека и собраніе учебныхъ пособій Института подлежатъ вѣдѣнію какъ конференціи, такъ и правленія. Первая заботится о содержаніи ихъ въ порядкѣ и надлежащей полнотѣ, а послѣднее имѣетъ общій надзоръ за ихъ цѣлостью, какъ за собственностію Института.

48. Для ближайшаго завѣдыванія библіотекою и собраніемъ учебныхъ пособій Института избирается и утверждается конференціею библіотекарь изъ преподавателей или наставниковъ Института.

ГЛАВА VIII.

Права и преимущества Института.

А. ПРАВА, ВООБЩЕ ИНСТИТУТУ ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ.

49. Институтъ пользуется всѣми правами, присвоенными университетамъ въ статьяхъ 125—135 общаго устава университетовъ.*)

50. Институтъ имѣетъ собственныя печати: большую и малую,

---

*) § 125. Университеты входятъ съ представленіями только къ попечителю, со всѣми же прочими мѣстами и лицами сообщаются отношеніями.

§ 126. Университеты свободны отъ платежа вѣсовыхъ денегъ за отправляемыя по дѣламъ ихъ письма и посылки, когда послѣднія вѣсомъ не болѣе пуда.

§ 127. Университеты свободны отъ употребленія гербовой бумаги и отъ платежа крѣпостныхъ и иныхъ пошлинъ по совершаемымъ отъ имени ихъ актамъ и вообще по всѣмъ касающимся до нихъ дѣламъ.

§ 128. Университеты имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и сборниковъ, ими издаваемыхъ.

съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: «Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ».

Б. Преимущества лицъ, принадлежащихъ къ институту.

51. Директоръ Института, доколѣ занимаетъ сію должность, считается въ IV классѣ.

52. Профессоры ординарные состоятъ въ V, а экстраординарные въ VI классѣ, преподаватели и наставники въ VIII классѣ и, по представленію конференціи Института, утверждаются, установленнымъ порядкомъ, въ чинахъ, симъ классамъ соотвѣтствующихъ. Затѣмъ всѣ

---

§ 129. Университетамъ предоставляется право свободно и безпошлинно выписывать изъ-заграницы всякаго рода учебныя пособія. Кипы и ящики съ сими вещами, адресованные въ университеты, въ пограничныхъ таможняхъ не вскрываются, а только пломбируются и потомъ свидѣтельствуются въ университетахъ въ присутствіи таможеннаго или полицейскаго чиновника.

§ 130. Книги, рукописи и повременныя изданія, получаемыя университетами изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію цензуры.

§ 131. Университетскія зданія освобождаются на основаніяхъ, изложенныхъ въ существующихъ постановленіяхъ, отъ квартирной повинности, какъ постоемъ, такъ и деньгами, а равно и отъ денежныхъ въ пользу города сборовъ. Правило сіе не распространяется на тѣ изъ принадлежащихъ университету зданія, которыя приносятъ доходъ посредствомъ отдачи ихъ въ наемъ.

§ 132. Университеты могутъ издавать періодическіе труды ученаго содержанія и имѣть собственныя типографіи и книжныя лавки на общемъ основаніи.

§ 133. Университетамъ, при коихъ состоитъ медицинскій факультетъ, позволяется содержать свои аптеки.

§ 134. Если преподаватель и вообще чиновникъ университета умретъ на службѣ, не оставивъ наслѣдниковъ и не сдѣлавъ о своемъ имуществѣ надлежащаго распоряженія, то университетъ обязанъ сообщить о томъ мѣстному Губернскому Правленію для вызова родственниковъ покойнаго, и буде, въ постановленный законами срокъ, наслѣдниковъ не окажется, то оставшееся послѣ умершаго имущество обращается въ собственность университета.

§ 135. Университетамъ предоставляется пріобрѣтать на правѣ полной собственности движимыя и недвижимыя имущества.

они, равно какъ и прочія должностныя лица, въ штатѣ показанныя, производятся въ чины, по выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ, на общемъ основаніи, по соображеніи съ классами, присвоенными ихъ должностямъ.

53. Профессоры, преподаватели и наставники производятся двумя чинами выше присвоеннаго ихъ должностямъ класса.

54. Если преподаватель или чиновникъ Института будетъ арестованъ не по участію или подозрѣнію въ уголовномъ преступленіи, то немедленно препровождается, съ заявленіемъ поступка его, къ директору; въ противномъ же случаѣ Институтъ увѣдомляется о задержаніи виновнаго.

55. Относительно пенсій и единовременныхъ пособій, служащіе по учебной части при Институтѣ пользуются правами, изложенными въ статьяхъ 467—529 уст. о пенс. и единовр. пособіяхъ (Св. Зак. изд. 1857 г., т. III). Директору назначается пенсія наравнѣ съ попечителями учебныхъ округовъ, профессорамъ—наравнѣ съ профессорами университета св. Владиміра, а преподавателямъ и наставникамъ—наравнѣ съ учителями гимназій г. Кіева.

56. Всѣ прочія за тѣмъ лица, состоящія на службѣ при Институтѣ, получаютъ пенсіи и единовременныя пособія по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 1—243 Св. Зак. того же тома и устава, а врачъ—по правиламъ о пенсіяхъ по медицинской части.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія

графъ Дмитрій Толстой.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Быть по сему.»

С.-Петербургъ 21-го апрѣля 1875 года.

ШТАТЪ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

	Число лицъ	Одному				Всѣмъ	Классы должности	Разряды	
		Жалованья	Столовыхъ	Квартирныхъ	Итого			По мундиру	По пенсіи
Директору	1	4,800	1,200	Въ натурѣ.	6,000	6,000	IV	IV	По правил. о пенс. Попечит. Уч. Округовъ.
Законоучителю . . .	1	1,568	196	—	1,764	1,764			
Инспектору (изъ профессоровъ) добавочныхъ .	—	800	—	Въ натурѣ.	800	800	V	V	По учебной части.
Профессорамъ:									
Ординарнымъ . . .	5	2,400	300	300	3,000	15,000	V	V	По учебной части.
Экстраординарнымъ .	5	1,600	200	3-мъ по 200	2,000	9,600	VI	VII	По учебной части.
Наставникамъ . . .	3	1,200	200	Въ натурѣ.	1,400	4,200	VIII	VII	По учебной части.
Ученому секретарю (изъ профессоровъ или преподавателей) добавочныхъ .	—	300	—	Въ натурѣ.	300	300			
Секретарю правленія .	1	600	—	Въ натурѣ.	600	600	IX	IX	VII
Эконому (онъ же экзекуторъ)	1	500	—	Въ натурѣ.	500	500	IX	IX	VII
Бухгалтеру (онъ же казначей).	1	500	—	Въ натурѣ.	500	500	IX	IX	VII
Библіотекарю (изъ преподавателей или наставниковъ) добавочныхъ . .	—	200	—	—	200	200			
Преподавателямъ за дополнительныя лекціи .	—	—	—	—	—	6,000	VIII	VIII	По учебной части.

	Число лицъ	Одному: Жалованья	Столовыхъ	Квартирныхъ	Итого	Всѣмъ	Классы должности	Разряды: По мундиру	По пенсіи
Врачу	1	300	—	—	300	300	VIII	VIII	По медицинской части.
На библіотеку и учебныя пособія	—	—	—	—	—	2,600			
Содержаніе студентовъ.	—	—	—	—	—	25,000			
» больницы .	—	—	—	—	—	1,000			
» канцеляріи .	—	—	—	—	—	1,800			
Хозяйственные расходы, отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги, ремонтъ.	—	—	—	—	—	12,000			
						88,164			

Примѣчанія: 1-е. Профессоры пользуются полагаемыми по сему расписанію окладами лишь тогда, когда они руководствуютъ студентовъ и при практическихъ упражненіяхъ и занятіяхъ ихъ. Къ чтенію лекцій по общимъ предметамъ и дополнительнымъ приглашаются преподаватели съ платою не свыше 200 рублей за годовой часъ.

2-е. Лица, имѣющія по сему штату право на квартиры въ натурѣ, въ случаѣ недостаточности оныхъ, получаютъ квартирныя деньги изъ штатныхъ суммъ Института: наставники по 200 руб., секретарь, экономъ и бухгалтеръ по 150 руб. каждый въ годъ.

Подписалъ: Министръ народнаго просвѣщенія
графъ Дмитрій Толстой.

ИНСТРУКЦІЯ

въ дополненіе къ уставу Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

а) Директоръ.

Права и обязанности директора, какъ начальника Института вообще, изложены въ §§ 11, 12 и 13 Устава. Затѣмъ права и обязанности директора, какъ предсѣдателя конференціи и правленія Института (§§ 30 и 35 устава) заключаются въ нижеслѣдующемъ:

1. Директоръ вскрываетъ всѣ поступающія на имя Института бумаги, означаетъ на нихъ день полученія и передаетъ ихъ по принадлежности, назначая имъ очередь для обсужденія и рѣшенія.

2. Директоръ назначаетъ, открываетъ и закрываетъ засѣданія конференціи и правленія.

3. Предписанія начальства, не требующія никакихъ разсужденій въ конференціи о мѣрахъ къ приведенію ихъ въ исполненіе; дѣла, бывшія на разсмотрѣніи конференціи или правленія, коихъ дальнѣйшее производство не представляетъ сомнѣнія и не предполагаетъ никакихъ отступленій отъ сдѣланныхъ уже постановленій; разрѣшеніе обстоятельствъ, для коихъ существуютъ опредѣленныя и ясныя постановленія; доставленіе всякаго рода свѣдѣній по требованіямъ высшаго начальства и по отношеніямъ равныхъ Институту мѣстъ; повтореніе отношеній, на которыя не получено еще надлежащихъ отвѣтовъ

и вообще вся переписка, для которой не предстоитъ надобности въ новыхъ разсужденіяхъ конференціи или правленія, исполняются ученымъ секретаремъ или секретаремъ правленія, по принадлежности, за подписаніемъ директора. О всѣхъ таковыхъ дѣлахъ сообщается въ ближайшемъ за тѣмъ засѣданіи конференціи или правленія.

4. Директоръ входитъ къ попечителю учебнаго округа съ представленіями, а съ посторонними властями и вѣдомствами сносится сообщеніями и хранитъ большую печать конференціи, употребляемую при выдачѣ студентамъ аттестатовъ на званіе учителей.

5. Директоръ даетъ преподавателямъ отпуски на вакаціонное время или на сроки до 29 дней собственною властью, а на болѣе продолжительные сроки съ разрѣшенія попечителя. Прочимъ лицамъ, состоящимъ на службѣ при Институтѣ, директоръ также даетъ отпуски на 29 дней собственною властью, а выше этого срока съ разрѣшенія попечителя.

в) Инспекторъ.

6. **Инспекторъ, какъ ближайшій сотрудникъ и помощникъ директора,**

А) по учебной части обязанъ:

1. ежедневно удостовѣряться, всѣ ли студенты находятся на лицо во время лекцій.

2. Имѣть наблюденіе за прилежаніемъ студентовъ и требовать отъ нихъ своевременнаго исполненія классныхъ работъ, задаваемыхъ профессорами и преподавателями.

3. Заботиться о томъ, чтобы студенты не имѣли недостатка въ необходимыхъ для своихъ занятій пособіяхъ.

4. Присутствовать при испытаніяхъ студентовъ.

В) по части воспитательной:

Инспекторъ заботится какъ о нравственности студентовъ, такъ и объ ихъ внѣшнемъ благосостояніи въ заведеніи. Онъ посѣщаетъ помѣщенія студентовъ, присутствуетъ при ихъ утренней молитвѣ,

*

обѣдѣ и ужинѣ и разсматриваетъ кондуитныя книги, которыя ведутся наставниками.

7. Инспекторъ, наблюдая за дѣйствіями наставниковъ, совѣщается съ ними о мѣрахъ, принимаемыхъ для лучшаго надзора за студентами и оказываетъ наставникамъ нужное содѣйствіе.

8. По обязанности члена конференціи и правленія, инспекторъ имѣетъ наблюденіе за исправнымъ состояніемъ библіотеки и ежегодно, вмѣстѣ съ профессоромъ, назначаемымъ конференціею, производитъ общую ревизію библіотеки, о результатѣ которой доноситъ конференціи и правленію.

c) Наставники.

ОБЯЗАННОСТИ ИХЪ.

А) Общія.

9. По части воспитательной, прямая обязанность наставниковъ стараться, по возможности и при всякомъ удобномъ случаѣ, совѣтомъ, внушеніемъ и, въ особенности, своимъ собственнымъ примѣромъ развивать и укрѣплять въ студентахъ нравственно-христіанскія убѣжденія, чувства долга, чести, справедливости, законности, патріотизма и, наконецъ, правильное понятіе о важности ихъ педагогическаго призванія.

10. По учебной части наставники вообще наблюдаютъ за занятіями студентовъ, слѣдятъ за ихъ успѣхами и соотвѣтственно тому направляютъ ихъ дѣятельность своими указаніями и совѣтами; въ случаѣ обращенія къ нимъ преподавателей съ замѣчаніями о неуспѣшности студентовъ или въ частности о невыполненной ими работѣ по какому либо предмету, обращаютъ на нихъ особенное вниманіе и принимаютъ мѣры, какъ къ вознагражденію сдѣланныхъ упущеній, такъ и къ устраненію ихъ на будущее время; помогаютъ студентамъ въ научныхъ занятіяхъ всякій разъ, когда тѣ обращаются къ нимъ съ просьбою дать имъ совѣтъ, объяснить встрѣтившіяся трудности, указать лучшія вспомогательныя сочиненія по предмету занятій каж-

даго; облегчають, по возможности, студентамъ пониманіе таковыхъ книгъ, бесѣдуя съ ними о прочитанномъ. Само собою разумѣется, что каждый наставникъ помогаетъ студентамъ преимущественно по той наукѣ, которая составляетъ его спеціальность.

В) по дежурству.

11. Наставники исправляютъ свою должность по установленной съ общаго согласія между ними и инспекторомъ, очереди, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ наставниковъ находился безотлучно въ Институтѣ, какъ дежурный по заведенію, съ 7-ми часовъ утра до 11-ти вечера, а въ слѣдующую за тѣмъ ночь не отлучался изъ зданія Института.

12. Дежурный наставникъ имѣетъ строгій надзоръ за соблюденіемъ правилъ нравственности и благоприличія со стороны студентовъ.

13. Наблюдаетъ, чтобы студенты исправно посѣщали аудиторіи и свободное отъ лекцій время употребляли на учебныя занятія.

14. Наблюдаетъ за чистотою воздуха въ студенческихъ камерахъ, въ столовой, въ аудиторіяхъ и рекреаціонныхъ комнатахъ.

15. Наставникамъ, по дежурству, выдаются ежегодно изъ правленія Института, за подписью директора, двѣ дежурныя книги (журналы). Въ первой дежурный наставникъ записываетъ, какъ всѣ замѣченныя имъ во время своего дежурства неисправности со стороны студентовъ, такъ и поступки ихъ, заслуживающіе особеннаго одобренія, а также отмѣчаетъ отлучки изъ Института студентовъ, сверхъ назначеннаго для нихъ времени и своевременное или несвоевременное возвращеніе ихъ въ Институтъ, а равно и взысканія, если таковыя были сдѣланы. Во вторую вноситъ письменныя извѣщенія профессоровъ и преподавателей о неявкѣ ихъ на лекцію, съ указаніемъ причины неявки.

16. Въ случаяхъ особенной важности, не терпящихъ отлагательства, дежурный наставникъ немедленно обращается за разрѣшеніемъ къ инспектору, а въ его отсутствіе къ директору.

17. Въ случаѣ болѣзни одного изъ наставниковъ, оба остальные исправляютъ его должность, раздѣляя время дежурства между собою, по соглашенію съ инспекторомъ.

Педагогическія совѣщанія.

18. Инспекторъ и наставники собираются, по мѣрѣ надобности, на педагогическое совѣщаніе, которое происходитъ подъ предсѣдательствомъ директора. На совѣщаніи разсматриваются замѣчанія, сдѣланныя дежурными наставниками по кондуитной книгѣ, обсуждаются способности, прилежаніе, поведеніе и характеръ каждаго студента въ отдѣльности и изыскиваются мѣры, какъ къ прекращенію замѣченныхъ неисправностей, такъ и къ цѣлесообразному направленію занятій студентовъ. О результатахъ педагогическаго совѣщанія составляется протоколъ.

D) Профессоры и преподаватели.

19. Профессоры и преподаватели имѣютъ опредѣленное число еженедѣльныхъ лекцій по росписанію предметовъ преподаванія, составляемому конференціей въ началѣ каждаго полугодія и утверждаемому начальствомъ. Число лекцій, по усмотрѣнію конференціи и съ утвержденія начальства, можетъ быть измѣняемо въ теченіе учебнаго года. Профессоры и преподаватели обязаны въ началѣ курса представить конференціи программу преподаваемаго ими предмета для предстоящаго академическаго года, а по окончаніи послѣдняго—отчетъ о пройденномъ.

20. Всѣ преподающіе въ Институтѣ не ограничиваются изложеніемъ своего предмета (акроаматическимъ методомъ преподаванія), но а) по возможности часто повѣряютъ знанія своихъ слушателей посредствомъ репетицій, при чемъ обращается вниманіе и на словесное изложеніе предмета; б) пріучаютъ студентовъ къ самодѣятельности посредствомъ самостоятельныхъ работъ; в) въ высшихъ же курсахъ руководятъ ихъ въ разработкѣ вопросовъ по предметамъ ихъ спеціальныхъ занятій и разбираютъ съ ними учебники, пособія и пробныя ихъ лекціи.

21. Всѣ предметы, кромѣ словесности греческой и римской, преподаются на русскомъ языкѣ. Для упражненія студентовъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы наукъ, относящихся къ

каѳедрамъ греческой и римской словесности, должны читаться на латинскомъ языкѣ.

22. Каждый преподаватель долженъ вести списокъ своимъ слушателямъ и отмѣчаетъ въ немъ успѣхи ихъ; чрезъ каждые полгода эти списки представляются конференціи, которая подвергаетъ ихъ обсужденію и составляетъ изъ нихъ общіе выводы и соображенія. Въ случаѣ замѣченной неуспѣшности студента или невыполненія имъ назначенной работы, преподаватели сообщаютъ о томъ наставникамъ, съ цѣлью обратить на него особенное вниманіе послѣднихъ.

23. Въ преподаватели новыхъ иностранныхъ языковъ опредѣляются лица, соотвѣтствующія требованіямъ § 20 устава и владѣющіе русскимъ языкомъ.

24. Профессоры и всѣ служащіе въ Институтѣ по учебной и воспитательной части подаютъ просьбы объ увольненіи ихъ отъ занятій по Институту на имя конференціи.

е) Конференція.

25. Конференція имѣетъ обыкновенныя засѣданія въ учебное время два раза въ мѣсяцъ, въ часы, свободные отъ лекцій или экзаменовъ. Сверхъ того, по усмотрѣнію директора, могутъ быть назначаемы чрезвычайныя засѣданія.

26. Для рѣшенія дѣлъ въ конференціи необходимо присутствіе болѣе половины ея членовъ.

27. Директоръ, какъ предсѣдатель конференціи, руководитъ совѣщаніями и, при разногласіи въ мнѣніяхъ, предлагаетъ рѣшеніе по большинству голосовъ, собирая послѣднія съ младшихъ членовъ конференціи; при равенствѣ голосовъ перевѣсъ даетъ голосъ директора.

28. Каждый членъ имѣетъ право предлагать на разсужденіе конференціи вопросы, входящіе въ кругъ ея дѣятельности, предварительно заявляя о томъ директору, который назначаетъ очередь для обсужденія сихъ вопросовъ въ ближайшемъ засѣданіи конференціи.

29. Члены, отсутствующіе по законнымъ причинамъ, имѣютъ право присылать письменныя мнѣнія о рѣшаемыхъ въ ихъ отсутствіе дѣлахъ, но имъ не предоставляется права подачи голосовъ заочно. Изъ сего исключаются дѣла объ избраніи должностныхъ лицъ Института, рѣшаемыя баллотированіемъ; неявившійся къ послѣднему можетъ передать свой шаръ одному изъ присутствующихъ членовъ, письменно извѣстивъ директора о такой передачѣ передъ началомъ баллотированія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы уполномоченный могъ располагать по довѣренности не болѣе какъ однимъ шаромъ.

30. Если дѣло требуетъ обстоятельныхъ предварительныхъ разсужденій, то конференція можетъ передать оное на разсмотрѣніе и предварительное заключеніе особой коммиссіи, составленной изъ членовъ конференціи и другихъ преподавателей и наставниковъ Института, избранныхъ конференціею; коммиссія, разсмотрѣвъ дѣло, вноситъ въ конференцію свое заключеніе письменно, а конференція рѣшаетъ дѣло въ общемъ собраніи.

31. Предметы занятій конференціи суть:

А) предоставляемые утвержденію конференціи:

1. Избраніе ученаго секретаря, члена правленія и библіотекаря.

2. Общіе планы преподаванія и избраніе преподавателями руководствъ и пособій.

3. Росписанія лекцій предъ началомъ учебнаго года.

4. Назначеніе предметовъ повѣрочнаго испытанія при пріемѣ въ студенты Института.

5. Выдача окончившимъ курсъ студентамъ аттестатовъ объ успѣхахъ и поведеніи ихъ.

6. Обсужденіе важнѣйшихъ проступковъ студентовъ и опредѣленіе взысканій за оные на основаніи составленныхъ для сего особыхъ правилъ.

7. Разсмотрѣніе представленій о пріобрѣтеніи учебныхъ пособій.

8. Предварительное распредѣленіе окончившихъ курсъ студентовъ на учительскія мѣста, на основаніи сообщенныхъ депар-

таментомъ народнаго просвѣщенія свѣдѣній объ имѣющихся вакансіяхъ.

9. Одобреніе къ печати сочиненій профессоровъ, преподавателей, наставниковъ и студентовъ Института, которыя предназначаются къ изданію на счетъ Института.

10. Разсмотрѣніе годичнаго отчета о дѣятельности Института

B) представляемые на утвержденіе попечителя:

1. Мѣры и средства, ведущія къ усиленію ученой дѣятельности Института.

2. Утвержденіе постановленій конференціи Института о принятіи молодыхъ людей въ число студентовъ Инстутута и оставленіи ихъ на второй годъ на курсѣ, а равно объ увольненіи ихъ изъ заведенія по различнымъ причинамъ.

C) представляемые чрезъ попечителя на утвержденіе министра:

1. Составленіе распредѣленія преподаванія по курсамъ, правилъ для производства испытаній и репетицій и правилъ для практическихъ упражненій студентовъ (§ 27 устава).

2. Составленіе правилъ для дѣйствій конференціи (§ 33 уст.).

3. Избраніе инспектора, профессоровъ, преподавателей и наставниковъ.

4. Окончательное назначеніе окончившихъ курсъ студентовъ на учительскія мѣста.

32. Кромѣ вышеисчисленныхъ занятій, конференція обсуждаетъ всѣ входящіе въ кругъ дѣйствій Института вопросы, представляемые какъ ея членами, такъ и преподавателями.

33. Всѣмъ разсужденіямъ и рѣшеніямъ конференціи составляются протоколы за подписью директора и всѣхъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ конференціи и скрѣпою ученаго секретаря. Члены, заявившіе въ засѣданіи свое несогласіе съ рѣшеніемъ большинства, имѣютъ право въ теченіе трехъ сутокъ послѣ засѣданія конференціи подать особое письменное мнѣніе директору, который пріобщаетъ таковое мнѣніе къ протоколу.

34. По дѣламъ, касающимся служащихъ при Институтѣ лицъ, конференція посылаетъ симъ послѣднимъ выписки изъ протоколовъ засѣданій за скрѣпою ученаго секретаря; всѣ же прочія исходящія бумаги подписываетъ директоръ и скрѣпляетъ ученый секретарь.

35. Конференція представляетъ чрезъ попечителя министру народнаго просвѣщенія, по истеченіи года, отчетъ о состояніи учебной части Института.

36. Состояніе годичнаго отчета о дѣятельности Института лежитъ на обязанности ученаго секретаря. Онъ завѣдываетъ архивомъ конференціи, имѣетъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи канцелярію и отвѣтствуетъ за содержаніе въ порядкѣ и за цѣлость всѣхъ вообще дѣлъ конференціи.

г) Часть хозяйственная.

37. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко содержится на суммы, отпускаемыя изъ Государственнаго казначейства по Высочайше утвержденному штату.

38. Управленіе и распоряженія по хозяйственной части Института принадлежитъ правленію.

39. Правленіе, подъ предсѣдательствомъ директора, составляютъ: инспекторъ и одинъ членъ, избираемый конференціею изъ профессоровъ или преподавателей на одинъ годъ.

40. Почетный попечитель имѣетъ право участвовать въ засѣданіяхъ конференціи и правленія Института по дѣламъ, касающимся хозяйственной и административной частей, при чемъ занимаетъ первое мѣсто, но не предсѣдательствуетъ. Ему принадлежитъ право наблюденія за своевременнымъ поступленіемъ и право контроля за правильнымъ употребленіемъ суммъ, поступающихъ изъ экономіи графини Мусиной-Пушкиной, пожертвованныхъ графомъ Безбородко и графинею Мусиной-Пушкиной къ ежегодному взносу въ пользу сего заведенія, примѣнительно къ §§ 70, 80 и 81 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (§ 9 устава).

41. Канцелярія правленія состоитъ: изъ секретаря, бухгалтера и нужнаго числа канцелярскихъ служителей, опредѣляемыхъ директоромъ по найму.

42. Секретарь правленія завѣдываетъ дѣлопроизводствомъ онаго и наблюдаетъ за исполненіемъ всѣхъ закономъ установленныхъ правилъ по дѣламъ, относящимся къ кругу дѣйствій и распоряженій правленія. Бухгалтеръ ведетъ приходную и расходную книги о всѣхъ суммахъ Института и исполняетъ свои обязанности на точномъ основаніи правилъ единства кассы и бухгалтерскаго счетоводства.

43. Засѣданія правленія бываютъ еженедѣльно одинъ разъ, по назначенію директора.

44. Дѣла въ правленіи рѣшаются по большинству голосовъ.

Предметы занятій правленія суть:

А) предоставляемые утвержденію правленія:

1. Правленіе получаетъ сумму на содержаніе Института по ежегодному росписанію и производитъ выдачи, не выходя изъ смѣтнаго назначенія и наблюдая въ отношеніи, какъ расходованія суммы, такъ и отчетности, порядокъ, предписанный общими законами и правилами установленнаго контроля. Никакое распоряженіе о выдачѣ денегъ изъ суммы, опредѣленной на содержаніе Института не можетъ быть произведено безъ опредѣленія правленія.

2. Въ концѣ каждаго мѣсяца правленіе требуетъ изъ казначейства отпуска, какъ суммы, потребной на удовлетвореніе выслуженнымъ содержаніемъ чиновниковъ Института и прислуги, такъ и аванса на мелочные расходы въ теченіе слѣдующаго мѣсяца.

3. Поставщикамъ и подрядчикамъ за поставляемые для Института предметы и припасы и за произведенныя для него работы, правленіе дѣлаетъ уплаты въ сроки, назначенные въ контрактахъ, выдавая поставщикамъ и подрядчикамъ на причитающуюся имъ сумму установленные талоны.

4. Въ особыхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, предоставляется директору разрѣшать выдачу собственною властію,

не свыше ста рублей, изъ аванса, съ заявленіемъ о семъ правленію въ первомъ за тѣмъ засѣданіи.

5. Торги на всякаго рода подряды и поставки производятся въ правленіи узаконеннымъ порядкомъ.

6. Правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи зданія и вообще собственность Института. Оно вообще наблюдаетъ за благочиніемъ и порядкомъ въ зданіяхъ Института, за содержаніемъ ихъ въ чистотѣ и исправности, за предохраненіемъ отъ порчи и пожара и назначаетъ въ нихъ квартиры служащимъ при Институтѣ.

7. Ежегодно, въ 1-й половинѣ января мѣсяца, правленіе поручаетъ одному изъ своихъ членовъ, вмѣстѣ съ секретаремъ правленія, обревизовать какъ зданія Института, такъ и все институтское имущество, находящееся въ завѣдываніи эконома. О результатахъ ревизіи производившіе оную доносятъ правленію.

8. Правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи больницу и заботится о своевременномъ снабженіи ея всѣмъ необходимымъ по указаніямъ врача.

В) представляемые на утвержденіе попечителя:

1. Распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату Института.

2. Утвержденіе правилъ объ обязанностяхъ секретаря правленія, казначея, эконома и врача.

3. Утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки не свыше 7,000 руб. на одинъ предметъ (§ 34 устава).

С) представляемые чрезъ попечителя министру:

1. Утвержденіе контрактовъ на подряды и поставки свыше 7,000 руб. на одинъ предметъ и, въ случаѣ надобности, производства оныхъ хозяйственнымъ способомъ.

2. Ежегодное представленіе къ 1 марта подробнаго отчета, какъ о хозяйственномъ состояніи Института вообще, такъ и въ особенности о приходѣ и расходѣ суммы, назначенной на содержаніе Института за минувшій расчетный годъ.

45. При правленіи состоятъ: врачъ, казначей (онъ же и бухгалтеръ) и экономъ (онъ же и экзекуторъ).

ОБЯЗАННОСТИ ВРАЧА.

46. Врачъ Института пользуетъ студентовъ и постоянно заботится о ихъ здоровьѣ. Онъ постоянно наблюдаетъ за исполненіемъ гигіеническихъ условій въ Институтѣ, ежедневно посѣщаетъ больницу и справляется, не нуждается ли кто изъ студентовъ въ медицинской помощи; въ случаѣ безотлагательной надобности, онъ обязанъ являться немедленно въ Институтъ по приглашенію директора или инспектора. Сверхъ сего, онъ наблюдаетъ, чтобы въ Институтъ не поступали молодые люди, имѣющіе тѣлесные недостатки, препятствующіе исполненію учительскихъ обязанностей. По нуждамъ больницы и больныхъ врачъ непосредственно сносится съ директоромъ и сообщаетъ надлежащія свѣдѣнія дежурному наставнику. Врачу вмѣняется также въ обязанность пользовать и служащихъ при Институтѣ лицъ.

ОБЯЗАННОСТИ КАЗНАЧЕЯ.

47. Казначей (онъ же и бухгалтеръ), въ концѣ каждаго мѣсяца командируется правленіемъ для полученія изъ казначейства нужныхъ суммъ. Ему же поручается и раздача жалованья чиновникамъ Института и прислугѣ подъ росписку каждаго получателя.

ОБЯЗАННОСТИ ЭКОНОМА.

48. Ближайшее смотрѣніе за домомъ, за чистотою и исправностію зданій, за безопасностью ихъ, храненіе и расходованіе припасовъ и вещей, какъ относящихся къ содержанію студентовъ, такъ и вообще составляющихъ собственность Института, поручается эконому (онъ же и экзекуторъ).

49. Экономъ принимаетъ въ свое завѣдываніе все имущество Института и зданія по описямъ, надлежащимъ образомъ составленнымъ и засвидѣтельствованымъ. Не иначе, какъ по такимъ же описямъ, онъ и сдаетъ институтское имущество, при увольненіи своемъ отъ должности.

50. Экономъ даетъ требованія поставщикамъ, по которымъ они доставляютъ въ Институтъ нужные припасы. Если же правленіе признаетъ болѣе полезнымъ дѣлать запасы разныхъ предметовъ продовольствія (для стола студентовъ), то тѣ изъ нихъ, которые могутъ быть хранимы въ кладовыхъ, не подвергаясь порчѣ, какъ-то: мука, крупа, масло, свѣчи, огородныя овощи, коренья, сахаръ, чай и пр., поставляются въ назначенные дни и часы и принимаются экономомъ въ присутствіи директора или инспектора; припасы же, которые легко подвергаются порчѣ, какъ-то: мясные, молочные и т. под. поставляются ежедневно и принимаются экономомъ. Относительно качества припасовъ, мѣры и вѣса, экономъ строжайше наблюдаетъ условія контрактовъ. Всѣ принятые припасы немедленно вносятся экономомъ въ данную ему на сей предметъ особую шнуровую книгу и пріемъ скрѣпляется его подписью.

51. По окончаніи мѣсяца, поставщики представляютъ эконому счеты съ приложеніемъ квитанцій эконома о принятіи поставленныхъ ими для Института припасовъ. Экономъ, провѣривъ счеты и найдя согласными съ пріемною книгою, надписываетъ на счетахъ засвидѣтельствованіе о ихъ вѣрности и возвращаетъ ихъ поставщикамъ для представленія правленію.

52. Экономъ вмѣстѣ съ дежурнымъ по кухнѣ студентомъ выдаетъ повару, булочнику и буфетчику нужное количество припасовъ, смотря по ихъ свойству, ежедневно или на нѣсколько дней (сахаръ, чай и т. п.). Выданные припасы немедленно записываются въ расходную шнуровую книгу и каждая выдача скрѣпляется подписью эконома и дежурнаго по кухнѣ студента.

53. Независимо отъ всего сказаннаго въ §§ 48 — 52, экономъ чаще всего посѣщаетъ кухню, булочную и буфетъ и строго взыскиваетъ за малѣйшее допущеніе безпорядка поваромъ, булочникомъ и буфетчикомъ. Замѣтивъ же неисправность или недобросовѣстность, немедленно докладываетъ директору объ удаленіи отъ должности виновнаго.

54. Если въ кладовыхъ Института хранятся запасы по продовольствію студентовъ, то, по окончаніи мѣсяца, экономъ составляетъ

подробную вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ припасовъ и представляетъ оную директору.

55. Равнымъ образомъ, по требованіямъ эконома, поставляются подрядчиками, съ которыми заключены контракты: платье, бѣлье и обувь для студентовъ. Всѣ поставленныя вещи, послѣ осмотра и одобренія ихъ правленіемъ, принимаются и записываются въ особую шнуровую книгу экономомъ. Имъ же свидѣтельствуются въ вѣрности и представленные подрядчиками счеты.

56. Въ концѣ каждаго года экономъ представляетъ правленію двѣ вѣдомости: а) о сдѣланномъ въ теченіе года новомъ пріобрѣтеніи платья, бѣлья, обуви и проч. и б) вещахъ, сдѣлавшихся негодными къ употребленію и потому назначаемыхъ къ продажѣ съ публичнаго торга, а равно объ исключеніи изъ описей такихъ вещей, которыя негодны и къ продажѣ.

57. Въ случаѣ надобности сдѣлать какую-либо малозначительную покупку по хозяйственной части или мелочное исправленіе по дому, экономъ входитъ въ правленіе съ рапортомъ, съ приложеніемъ списка и съ означеніемъ въ немъ, какъ цѣны каждой изъ предположенныхъ къ пріобрѣтенію вещей, такъ и того, во что можетъ обойтись требуемое исправленіе. Правленіе, по надлежащемъ разсмотрѣніи рапорта эконома, дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ подъ его росписку требуемой суммы изъ аванса, счетъ которой экономъ ведетъ по особой, выданной ему на сей предметъ шнуровой книгѣ, а пріобрѣтенныя вещи вноситъ въ опись. Сверхъ сего, на непредвидимыя мелочныя издержки ему выдается ежемѣсячно до 50 руб.

58. Экономъ, по обязанности экзекутора, завѣдываетъ всею прислугою Института и есть непосредственный ея начальникъ. Пріисканіе хорошихъ служителей, равно какъ и строгое наблюденіе за ихъ исправностію и благочиніемъ, лежатъ на обязанности эконома. Служители, имѣющіе что либо въ своемъ завѣдываніи, по его представленію, опредѣляются и увольняются директоромъ.

59. Экономъ употребляетъ особенную осмотрительность въ выборѣ людей, опредѣляемыхъ для прислуги въ частяхъ главнаго зданія Института, назначаемыхъ собственно для помѣщенія студентовъ.

СОДЕРЖАНІЕ СТУДЕНТОВЪ.

60. Студенты помѣщаются въ особыхъ комнатахъ, снабженныхъ необходимою мебелью.

61. Комнатную мебель составляютъ: столы, стулья, диваны, диваны, шкафы для храненія всего, что принадлежитъ къ занятіямъ, туалетные шкафы у кроватей, наконецъ желѣзныя кровати съ тюфяками и двумя подушками, байковыми и пикейными одѣялами и обыкновеннымъ постельнымъ бѣльемъ.

62. Комнаты освѣщаются: утромъ — не ранѣе какъ съ шести часовъ, вечеромъ — не долѣе какъ до одинадцати часовъ.

63. Одежду студентовъ составляютъ: пиджакъ, брюки и жилетъ изъ темносѣраго кастора или сукна для ношенія въ заведеніи; однобортный сюртукъ, брюки и жилетъ изъ черного сукна—внѣ заведенія; драповое черное пальто; подтяжки, галстухъ, фуражка: сверхъ сего на лѣтніе мѣсяцы: пиджакъ, брюки и жилетъ каламенковые или парусинные.

64. Пальто строится на три года, черная пара ежегодно, сѣрая пара только при поступленіи въ Институтъ, коломенковые или парусинные—на одинъ годъ; послѣднюю одежду, впрочемъ, допускается строить смотря по надобности; галстухъ и подтяжки — до изношенія. При отбираніи стараго платья наблюдается, чтобы сверхъ новой пары у каждаго оставалось на рукахъ еще двѣ ношеныхъ пары для домашняго употребленія.

65. Бѣлье постельное перемѣняется одинъ разъ, а носильное два раза въ недѣлю.

66. Столъ студентовъ: въ 7½ часовъ утра и въ 6 часовъ вечера чай съ булкою; въ 11½ часовъ утра—ломоть хлѣба съ солью; въ два часа по полудни, на обѣдъ — три блюда; въ 9½ часовъ, на ужинъ —одно блюдо. Для питья—квасъ и вода.

Примѣчаніе. Больнымъ студентамъ пища и питье назначаются врачемъ.

68. Блюда къ обѣденному столу приготовляются по особому росписанію на цѣлую недѣлю, которое составляется экономомъ вмѣстѣ съ дежурнымъ по кухнѣ студентомъ и утверждается директоромъ.

ПРАВИЛА ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ

Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 10-го апрѣля 1876 года.

Студенты Историко-филологическаго института князя Безбородко, свободно предназначая себя къ высокому званію педагоговъ, должны прежде воспитать самихъ себя такъ, чтобы впослѣдствіи собственнымъ примѣромъ имѣть доброе вліяніе на тѣхъ, кто будетъ ввѣренъ ихъ педагогическимъ заботамъ. Имѣя это въ виду, Институтъ, съ своей стороны указываетъ, въ видѣ правилъ, на тѣ обязанности, неисполненіе которыхъ со стороны студентовъ, начальство Института считаетъ прямымъ доказательствомъ нежеланія или неспособности студента посвятить себя педагогической дѣятельности. Правила эти могутъ быть раздѣлены на два разряда: къ первому относятся тѣ изъ нихъ, которыя предписываются уставомъ Историко филологическаго института князя Безбородко, Высочайше утвержденнымъ 21-го апрѣля 1875 года; ко второму относятся тѣ правила, которыя въ силу § 41 Высочайше утвержденнаго устава, составлены конференціею Института и утверждены министромъ народнаго просвѣщенія.

Правила перваго разряда.

1 Въ Институтъ принимаются молодые люди, достигшіе 17-ти лѣтняго возраста, которые или имѣютъ аттестаты въ знаніи пред-

метовъ полнаго курса гимназій и представятъ одобрительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи, или же, при такихъ же свидѣтельствахъ, съ успѣхомъ окончили курсъ въ IV классѣ духовныхъ семинарій. Всѣ поступающіе въ Институтъ подвергаются повѣрочному испытанію изъ предметовъ, назначенныхъ конференціею и во всякомъ случаѣ изъ древнихъ языковъ (§ 38 устава).

2. При пріемѣ воспитанниковъ наблюдается, чтобы они не имѣли какого-либо природнаго недостатка, препятствующаго быть учителемъ и чтобы состояніе здоровья и тѣлосложеніе ихъ были вполнѣ благонадежны (по § 39 устава).

3. Каждый, поступающій въ Институтъ въ число штатныхъ воспитанниковъ, обязывается подпискою прослужить по окончаніи курса не менѣе *шести* лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію министра. Обязанность службы стипендіатовъ, содержимыхъ на счетъ другихъ вѣдомствъ, зависитъ отъ усмотрѣнія послѣднихъ (по § 40 устава).

4. Студенты Института обязаны повиноваться начальству Института и соблюдать, какъ въ Институтѣ, такъ и внѣ онаго, порядокъ, установленный особыми для учащихся правилами, составленными конференціею и утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія. При поступленіи въ Институтъ, каждый студентъ обязывается подпискою въ соблюденіи означенныхъ правилъ (по § 41 устава).

Правила втораго разряда.

ПРАВИЛА, КАСАЮЩІЯСЯ НРАВСТВЕННЫХЪ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ВООБЩЕ ПОВЕДЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ВНУТРИ И ВНѢ ИНСТИТУТА.

5. Студенты Историко-филологическаго института кн. Безбородко должны исполнять христіанскія обязанности. Институтъ требуетъ, чтобы студенты: во-первыхъ, ежегодно были у исповѣди и святаго причащенія; во-вторыхъ, чтобы въ воскресные и праздничные дни, въ которые учащіеся увольняются отъ классныхъ занятій, присутствовали при Божественной литургіи; въ-третьихъ, чтобы ежедневно являлись къ утренней молитвѣ въ $7^1/_2$ часовъ.

Примѣчаніе. Чтеніе какъ утреннихъ, такъ и вечернихъ молитвъ, а равно и молитвъ передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, возлагается на одного изъ студентовъ ежедневно по очереди. Послѣ утренней молитвы, читается Евангеліе на греческомъ языкѣ. Чтеніе молитвъ начинается не раньше прихода наставника въ столовую. До окончанія молитвы, послѣ обѣда и ужина, студентамъ воспрещается выходить изъ столовой безъ особаго на то разрѣшенія.

6. Студентамъ строго воспрещается принимать какое бы то ни было участіе въ тайныхъ обществахъ и въ формированіи тайныхъ кружковъ. Главный и общій отличительный признакъ подобныхъ обществъ и кружковъ есть обязательная для всѣхъ участниковъ тайна организаціи. (См. ст. о взысканіяхъ пунктъ е).

7. Студенты обязаны строго держаться установленнаго въ Институтѣ порядка относительно времени, назначеннаго для молитвъ, учебныхъ занятій, обѣда, ужина и проч. Порядокъ этотъ слѣдующій:

Въ 7 часовъ утра студенты встаютъ.
Въ $7^1/_2$ часовъ утра утренняя молитва и чай.
Отъ $8^1/_2$ до 2-хъ часовъ лекціи.
Въ 2 часа обѣдъ.
Отъ 4-хъ до 5-ти или 6-ти часовъ дополнительныя лекціи.
Въ 6 часовъ чай.
Въ $9^1/_2$ часовъ ужинъ, вечерняя молитва.
Въ 10 часовъ открываются спальни.
Въ 11 часовъ всѣ студенты ложатся спать.

8. Студенты поочередно исполняютъ обязанности дежурнаго по кухнѣ.

9. Какъ въ самомъ Институтѣ, такъ и внѣ онаго, студенты обязаны вести себя благопристойно, соблюдать полное приличіе во внѣшнемъ видѣ и вѣжливость въ обращеніи не только съ посторонними лицами, но и между собою. При встрѣчѣ съ начальствомъ Института, преподавателями и наставниками студенты обязаны дѣлать поклонъ.

10. Посѣщеніе студентовъ посторонними лицами дозволяется лишь въ свободное отъ занятій время до 9-ти часовъ вечера, съ разрѣшенія дежурнаго наставника.

11. Въ общественныхъ мѣстахъ студентамъ воспрещается играть въ какую бы то ни было игру, а въ Институтѣ допускаются игры, разрѣшаемыя начальствомъ онаго.

12. Ни въ камерахъ, ни въ другихъ мѣстахъ Института, ни подъ какимъ видомъ, не дозволяется держать оружіе, пороха, крѣпкихъ напитковъ, запрещенныхъ книгъ и игральныхъ картъ.

13. Каждый студентъ долженъ помнить, что чистота есть одинъ изъ признаковъ благовоспитаннаго человѣка и одно изъ необходимыхъ условій здоровья; а потому всѣ студенты въ назначенное время непремѣнно обязаны ходить въ баню и постоянно заботиться о чистотѣ тѣла.

14. Каждый студентъ обязанъ содержать въ порядкѣ и опрятности одежду, бѣлье, постель и вообще всѣ вещи, ему принадлежащія. Таковая же обязанность и относительно камеры возлагается на всѣхъ живущихъ въ ней студентовъ.

15. Для сохраненія чистоты воздуха въ камерахъ, куреніе табаку строго воспрещается: курить дозволяется только въ одной особо отведенной для куренія комнатѣ.

16. Въ учебные дни студенты могутъ отлучаться изъ Института только въ свободное отъ занятій время съ 2-хъ до 6-ти часовъ по полудни, въ праздничные и воскресные дни, послѣ Божественной литургіи до 11-ти часовъ вечера.

17. Съ разрѣшенія директора, по докладу дежурнаго наставника, въ вакаціонное время студентамъ дозволяется ночевать внѣ Института, у родителей или родственниковъ, а въ теченіе учебнаго времени это дозволяется лишь въ особенно важныхъ случаяхъ.

18. Если студентъ, не получившій вышеупомянутаго разрѣшенія, будетъ оставленъ на ночь, по случаю болѣзни, родителями, родственниками или знакомыми, то оставшіеся немедленно извѣщаютъ начальство Института, а нездоровый перевозится въ институтскую больницу, въ случаѣ же невозможности, оставляется на мѣстѣ съ разрѣшенія начальства.

19. Студенты не должны посѣщать такія общественныя заведенія, въ которыхъ легко могутъ уронить свое нравственное достоинство.

20. Внѣ зданій Института студенты онаго подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи.

21. Каждый студентъ обязанъ возвращаться въ Институтъ къ назначенному часу и непремѣнно явиться лично дежурному наставнику.

22. Чувствующій себя нездоровымъ долженъ обратиться къ дежурному наставнику, который немедленно выдаетъ записку о принятіи его въ больницу. Не имѣющій отъ дежурнаго наставника записки въ больницу не принимается.

ПРАВИЛА, КАСАЮЩІЯСЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ.

23. Студенты обязываются непремѣнно посѣщать всѣ лекціи и не уклоняться отъ другихъ занятій, назначаемыхъ по усмотрѣнію начальства, быть на репетиціяхъ, представлять своевременно всѣ письменныя работы, задаваемыя имъ профессорами и преподавателями.

24. Студенты должны заблаговременно, до прихода профессора, быть въ аудиторіи. Во время лекцій не дозволяется ни входить въ аудиторію, ни выходить изъ нея. Вообще студенты не должны дозволять себѣ ничего такого, что могло бы помѣшать преподаванію. На вопросы преподавателей студенты отвѣчаютъ стоя.

25. Репетиціи, назначаемыя тѣмъ или другимъ профессоромъ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ служить оправданіемъ студенту въ его неисправности по работамъ, требуемымъ другими профессорами и преподавателями.

26. Кромѣ исправнаго приготовленія лекцій студенты должны заниматься чтеніемъ и изученіемъ сочиненій, рекомендуемыхъ профессорами и преподавателями по той или другой наукѣ.

27. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ обязываются домашнимъ чтеніемъ указанныхъ профессорами и преподавателями сочиненій древнихъ авторовъ, греческихъ и римскихъ, и отчетомъ въ срокъ, назначенный профессорами и преподавателями.

28. Студенты обязываются подавать въ извѣстный срокъ письменныя упражненія.

29. Въ часы, свободные отъ учебнаго времени въ Инситутѣ, студенты могутъ давать уроки въ частныхъ домахъ, но не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія начальства.

30. Какъ учебныя книги, такъ и книги изъ библіотеки, утраченныя студентомъ должны быть пріобрѣтены самимъ студентомъ и возвращены въ библіотеку, или куплены библіотекаремъ на счетъ утратившаго.

31. Каждый студентъ ежегодно подвергается экзамену для перевода въ высшій курсъ и обязанъ представлять всѣ свои письменныя работы по тому предмету, изъ котораго экзаменуется.

32. Переэкзаменовка ни подъ какимъ видомъ не допускается.

33. Студентъ, не выдержавшій экзамена изъ какого-либо предмета, если конференція не признаетъ возможнымъ ходатайствовать о переводѣ его въ слѣдующій курсъ или объ оставленіи его на второй годъ въ томъ же курсѣ, увольняется изъ Института со свидѣтельствомъ на званіе уѣзднаго учителя, при чемъ за время пребыванія въ Институтѣ обязуется прослужить уѣзднымъ учителемъ по расчету, считая $1^1/_2$ года службы за каждый годъ пребыванія въ Институтѣ.

34. Оставленіе на другой годъ въ томъ же курсѣ допускается только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по особому ходатайству конференціи.

35. Студентъ, не подвергавшійся экзамену по случаю болѣзни, допускается къ экзамену только съ разрѣшенія конференціи.

36. Студентамъ, подающимъ до конца перваго курса прошенія объ увольненіи изъ Института, выдаются увольнительныя свидѣтельства съ означеніемъ срока ихъ обязательной службы, съ тѣмъ, чтобы они немедленно оставили Институтъ и готовились къ экзамену на званіе уѣзднаго учителя внѣ Института; при чемъ документы ихъ должны оставаться въ правленіи Института до истребованія попечителемъ учебнаго округа, въ который означенные молодые люди будутъ опредѣлены на службу.

Поступающіе молодые люди предупреждаются, что, въ случаѣ подачи ими прошенія объ увольненіи изъ Института, имъ не дозволяется оставаться въ Институтѣ до полученія мѣста учителя уѣзднаго училища.

37. Если студентъ захочетъ оставить Институтъ до окончанія полнаго курса, то обязуется уплатить за содержаніе свое сумму, по разсчету, со дня утвержденія студентомъ по день оставленія Института, полагая на каждаго студента по 400 руб. въ годъ.

38. Студены должны имѣть въ виду, что основательное знаніе древнихъ языковъ есть необходимое условіе для полученія правъ и преимуществъ, опредѣленныхъ въ §§ 42—45 устава Института, къ какому бы разряду студентъ ни принадлежалъ.

39. Студенты IV курса обязаны, по распоряженію начальства, заниматься въ гимназіи при Институтѣ практическими уроками подъ руководствомъ наставниковъ руководителей гимназіи и подъ наблюденіемъ профессоровъ и преподавателей Института.

ВЗЫСКАНІЯ.

За неисполненіе своихъ обязанностей студенты, смотря по степени виновности, подвергаются:

а) замѣчаніямъ и выговорамъ отъ наставниковъ, отъ инспектора, отъ директора;

б) лишенію права отлучаться изъ Института;

в) выговору директора отъ лица всей конференціи и въ ея присутствіи, съ предостереженіемъ, что, въ случаѣ неисправленія, студентъ подвергнется исключенію изъ Института;

г) исключенію изъ Института по представленію конференціи и съ утвержденія попечителя учебнаго округа;

д) за потерянныя студентомъ вещи дѣлается вычетъ изъ третнаго не въ зачетъ жалованья, получаемаго при опредѣленіи на мѣсто;

с) за принадлежность къ какому-либо тайному обществу или кружку, даже безъ преступной цѣли, виновные подвергаются немедленному исключенію изъ Института, съ воспрещеніемъ вступать вновь въ какое-либо гражданское или военное учебное заведеніе и съ подчиненіемъ ихъ въ мѣстахъ жительства или родины надзору полиціи.

ЛАЗАРЕТНЫЯ ПРАВИЛА

Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 10 апрѣля 1876 года.

Прибавленіе

КЪ ПРАВИЛАМЪ ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ ИНСТИТУТА.

1. Пріемъ студентовъ въ лазаретъ совершается не иначе, какъ по предъявленіи записки отъ дежурнаго наставника и зависитъ каждый разъ отъ заключенія, состоящаго при Институтѣ врача, о степени важности болѣзни. Внезапно занемогающіе отъ острыхъ болѣзней, могутъ быть приняты въ лазаретъ помощникомъ лекаря.

2. Со времени поступленія въ лазаретъ, больной долженъ безпрекословно повиноваться распоряженіямъ врача, какъ равно и дѣйствующаго по его инструкціи помощника лекаря.

3. Курить въ палатахъ вовсе запрещается.

4. Больной можетъ принимать посѣтителей, если къ тому не встрѣчается препятствій со стороны врача.

5. Посѣтители больнаго студента всякій разъ испрашиваютъ дозволеніе дежурнаго наставника, который выдаетъ имъ билетъ для входа въ лазаретъ.

6. Билетъ передается посѣтителемъ помощнику лекаря, который безъ таковаго никого не долженъ пускать къ больнымъ.

7. Одновременно въ лазаретъ допускается не болѣе трехъ посѣтителей, почему у дежурнаго наставника имѣется только три билета.

8. Большее число посѣтителей можетъ быть допущено только съ разрѣшенія директора, и то лишь въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ.

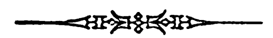
9. Если въ лазаретѣ находятся больные, страдающіе прилипчивыми болѣзнями или же такими, которыя требуютъ совершенной тишины, то посѣтители въ лазаретъ вовсе не допускаются.

10. Посѣтителямъ запрещается приносить что-либо больнымъ.

11. Посѣщеніе больныхъ допускается только отъ 11 часовъ утра до 6 часовъ пополудни.

12. Посѣтители не должны оставаться долго у больныхъ и, по первому приглашенію помощника лекаря, удаляются изъ лазарета.

13. Студенты Института могутъ посѣщать своихъ сотоварищей въ лазаретѣ, подчиняясь, наравнѣ съ прочими посѣтителями, всѣмъ вышеизложеннымъ правиламъ.

УСТАВЪ

ссудо-сберегательной кассы при Историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко и состоящей при немъ гимназіи въ Нѣжинѣ, утвержденный г. министромъ народнаго просвѣщенія 13 марта 1876 года.

1. Ссудо-сберегательная касса учреждается съ цѣлію доставить возможность добровольнымъ ея участникамъ—а) помѣщать въ ней на сбереженіе и приращеніе извѣстную долю капитала и б) дѣлать въ ней займы въ случаѣ надобности.

2. Участниками кассы могутъ быть всѣ лица, служащія въ Институтѣ и Нѣжинской гимназіи, изъявившія на то свое согласіе; лица, не участвующія во вкладахъ кассы, не имѣютъ права пользоваться ссудами.

3. Вступленіе въ члены кассы и оставленіе ея не ограничивается никакими сроками и вполнѣ предоставляется на волю каждаго.

4. Участникъ кассы, при поступленіи въ ея члены, обязанъ внести для образованія первоначальнаго капитала сумму одновременно не менѣе трехъ рублей. Затѣмъ долженъ вносить ежемѣсячно 5 проц. со всего получаемаго имъ содержанія.

§ 5. Кромѣ обязательнаго взноса, каждый членъ можетъ дѣлать добровольные вклады въ кассу, въ какомъ ему угодно размѣрѣ, отъ него также зависитъ оставлять въ кассѣ причитающіеся на его вкладъ ежегодные проценты, которые тогда причисляются къ его капиталу.

§ 6. Свободныя деньги кассы должны храниться въ банкѣ изъ процентовъ, или пріобрѣтаются на нихъ процентныя бумаги.

§ 7. Каждый вкладчикъ имѣетъ право дѣлать заемъ изъ кассы въ размѣрѣ ежемѣсячнаго содержанія его, съ прибавкой всей суммы накопившагося вклада.

§ 8. Проценты на выданную ссуду взыскиваются впередъ за всю взятую смму и за все время, до окончательной ея уплаты, считая по $^2/_3$ проц. въ мѣсяцъ (по 8 проц. въ годъ).

§ 9. При выдачѣ ссуды наблюдается строгій порядокъ и очередь, что бы одно и тоже лицо, пользуясь часто средствами кассы, не отнимало возможности у другихъ прибѣгать къ ней; въ этомъ случаѣ должна быть соразмѣрность и всѣ требованія отмѣчаются въ особой шнуровой книгѣ.

§ 10. Для облегченія счетоводства, заемъ дѣлается цѣлыми рублями безъ копѣекъ; дроби копѣекъ при всѣхъ вообще разсчетахъ идутъ за цѣлыя копѣйки.

§ 11. Желающій получить ссуду долженъ заявить объ этомъ распорядителю кассы maximum за мѣсяцъ, minimum за 4 дня до выдачи.

§ 12. Ссуда можетъ быть дана неболѣе какъ на полгода, послѣ же этого срока, выдача опять можетъ повториться на полгода тому же лицу, если не будетъ желающихъ получить ее и вообще смотря по свободнымъ капиталамъ кассы.

§ 13. Возвращеніе занятой суммы производится или сразу, по желанію заемщика, или по частямъ ежемѣсячнымъ обязательнымъ вычетомъ изъ жалованья.

§ 14. Неуплаченная въ срокъ сумма, взятая изъ кассы, взыскивается изъ жалованья заемщика, на основаніи существующихъ на сей предметъ узаконеній.

Примѣчаніе. Ежемѣсячный вычетъ изъ жалованья въ пользу ссудо-сберегательной кассы производится правильно, не смотря ни на какіе другіе вычеты, исключая казенныхъ.

§ 15. Проценты на ссуду, взятую съ 1-го до 16-го числа мѣсяца взыскиваются за цѣлый мѣсяцъ, а съ 16-го до 1-го числа считаются за полмѣсяца.

§ 16. Выбывшій изъ числа членовъ кассы, по какимъ бы то ни было причинамъ, получаетъ всѣ свои вклады съ процентами, пропорціонально количеству вклада, которые причитаются на его долю.

§ 17. Касса составляетъ неприкосновенную собственность всѣхъ членовъ ея.

§ 18. Для завѣдыванія кассой и счетоводствомъ, ежегодно избираются въ общемъ собраніи членовъ, изъ числа ихъ большинствомъ голосовъ, кассиръ и его помощникъ.

§ 19. Для повѣрки кассы выбираются собраніемъ два члена, которые имѣютъ право во всякое время контролировать дѣйствія кассира и его помощника и сооообщать о своихъ наблюденіяхъ въ общемъ собраніи.

§ 20. Кассиръ ежемѣсячно составляетъ списокъ, сколько слѣдуетъ удержать изъ жалованья каждаго члена въ кассу, и передаетъ этотъ списокъ казначею, передъ полученіемъ содержанія.

§ 21. Всѣ дѣла, разсчеты по вкладамъ и выдачѣ ссуды и процентовъ ведутся въ особыхъ скрѣпленныхъ шнуровыхъ книгахъ; книги эти опредѣляются на одинъ годъ и хранятся у кассира; кромѣ того у каждаго вкладчика должна быть своя разсчетная книжка, для отмѣтокъ его взносовъ, количества займовъ и процентовъ.

§ 22. Расходы по кассѣ покрываются изъ общихъ доходовъ, независимо отъ вкладнаго капитала, по рѣшенію собранія.

§ 23. Въ случаѣ смерти члена, всѣ его вклады съ процентами доставляются его наслѣдникамъ, а если нѣтъ послѣднихъ, то передаются начальству Института князя Безбородко или совѣту гимназіи, по при-

надлежности члена, для увеличенія средствъ образованія въ Институтѣ и для выдачи пособій и стипендій въ гимназіи; при этомъ стипендія должна носить имя вкладчика, если разрѣшитъ правительство.

§ 24. Въ случаѣ растраты суммы, принадлежащей ссудо сберегательной кассѣ, виновный подвергается отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ Россійской Имперіи.

§ 25. Въ случаѣ прекращенія существованія кассы, всѣ суммы ея дѣлятся между участниками, соразмѣрно вкладамъ и времени поступленія каждаго въ члены.

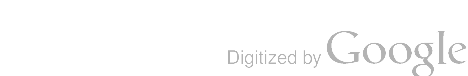
§ 26. Наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ правилъ настоящаго устава возлагается на собраніе, состоящее изъ всѣхъ членовъ кассы, какъ полныхъ хозяевъ своей собственности.

§ 27. Собраніе членовъ кассы, по мѣрѣ надобности, созывается, не менѣе двухъ разъ въ годъ, или кассиромъ или по заявленію большинства членовъ; кассиръ обязанъ дѣлать доклады собранію о ходѣ дѣлъ.

§ 28. Собраніе по управленію всѣми дѣлами, относящимися къ кассѣ, должно состоять не менѣе, какъ изъ двухъ третей всѣхъ членовъ кассы; рѣшенія его имѣютъ обязательную силу для членовъ и не бывшихъ въ засѣданіи собранія. Постановленія собранія считаются дѣйствительными, когда приняты большинствомъ голосовъ наличнаго законнаго числа членовъ (т. е. $^2/_3$ всѣхъ членовъ).

§ 29. Въ концѣ года кассиръ представляетъ въ общее собраніе годовой отчетъ о ходѣ дѣлъ и состояніи кассы; а члены повѣрочной коммиссіи сообщаютъ свои замѣчанія. Въ этомъ же засѣданіи производится дѣлежъ процентовъ между членами, соразмѣрно ихъ вкладамъ и смотря по накопившемуся приращенію прибыли.

§ 30. Настоящій уставъ въ видѣ опыта остается въ силѣ на 3 года, по истеченіи которыхъ члены кассы могутъ въ общемъ собраніи измѣнить и дополнить его, если это окажется нужнымъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ изъ ПРОТОКОЛОВЪ
КОНФЕРЕНЦІИ
Института князя Безбородко за 187⁵|₆ годъ.

Засѣданіе 1-го сентября.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. управляющаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ отъ 5-го августа 1875 г. за № 8017, состоявшееся вслѣдствіе вызваннаго представленіемъ г. директора Института отъ 25-го іюня 1875 г. за № 314 распоряженія г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 11-го іюня за № 7546-мъ объ утвержденіи съ 1-го іюля текущаго года законоучителя Лицея князя Безбородко магистра *Хойнацкаго* законоучителемъ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ; ординарныхъ профессоровъ; Харьковскаго университета *Аристова* и Императорскаго Историко-филологическаго института *Фохта*, экстраординарнаго профессора Варшавскаго университета *Люперсольскаго* и причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія магистра *Будиловича* ординарными профессорами того же Института: Аристова—по каѳедрѣ русской исторіи съ возложеніемъ на него должности инспектора, Фохта—по каѳедрѣ латинской словесности, Люперсольскаго — всеобщей исторіи и Будиловича—русской словесности; бывшаго учителя 2-й С.-Петербургской гимназіи *Никитина*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ греческой словесности, инспектора 1-й Харьковской гимназіи *Добіаша* и бывшаго учителя 5-й С.-Петербургской гимназіи *Кирилова* —наставниками студентовъ Института и инс-

пектора Варшавской женской гимназіи *Златоустовскаго*—завѣдывающимъ гимназіей при означенномъ Институтѣ. Выслушавъ заключающееся въ томъ же предложеніи г. управляющаго округомъ увѣдомленіе, что г. управляющій министерствомъ разрѣшилъ поручить преподаваніе студентамъ Института французскаго и нѣмецкаго языковъ учителямъ тѣхъ же предметовъ Нѣжинской гимназіи, конфереція постановила пригласить для преподаванія студентамъ Института французскаго языка—учителя этого предмета въ Нѣжинской гимназіи *Сертье* и для преподаванія нѣмецкаго—учителя этого языка при той же гимназіи *Штейна*; что же касается вознагражденія преподавателей новыхъ языковъ, то выдавать каждому изъ нихъ по 150 руб. за годовой урокъ изъ суммы, положенной по штату за дополнительныя лекціи въ Институтѣ. *Опредѣлено*: принять къ исполненію; а постановленіе конференціи относительно преподавателей новыхъ языковъ сообщить учителямъ Нѣжинской гимназіи Сертье и Штейну, съ предложеніемъ начать преподаваніе означенныхъ языковъ въ Институтѣ со дня открытія лекцій.

Ст. 2-я. Въ томъ же засѣданіи, на основаніи § 32 устава Института, происходило избраніе на должность ученаго секретаря: избранъ единогласно и. д. экстраординарнаго профессора П. В. Никитинъ. *Опредѣлено*: о состоявшемся избраніи донести г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа.

Ст. 3-я. Въ томъ же засѣданіи ординарный профессоръ русской словесности А. С. Будиловичъ, заявивъ, что онъ по многочисленности предметовъ, входящихъ въ его каѳедру, встрѣчаетъ затрудненія въ преподаваніи исторіи русской литературы, предложилъ конференціи просить г. директора Института, какъ преподававшаго до сихъ поръ этотъ предметъ въ Харьковскомъ университетѣ, принять на себя преподаваніе означеннаго предмета. Г. директоръ Института на сдѣланное ему предложеніе отвѣчалъ своимъ согласіемъ. *Опредѣлено*: просить г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа ходатайства предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о порученіи преподаванія исторіи русской литературы г. директору Института.

Ст. 4-я. Въ томъ же засѣданіи разсуждали объ обязательности изученія новыхъ языковъ для студентовъ Института. Принимая

во вниманіе многосложность занятій, предстоящихъ студентамъ Института, конференція постановила сдѣлать обязательнымъ для каждаго изученіе только одного изъ новыхъ языковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всякому желающему предоставить возможность изученія обоихъ языковъ и сообразно съ этимъ устроить распредѣленіе лекцій по языкамъ французскому и нѣмецкому. *Опредѣлено*: о таковомъ состоявшемся постановленіи конференціи донести г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа.

Ст. 6-я. Въ томъ же засѣданіи, на основаніи § 48 устава Института, происходило избраніе на должность библіотекаря: избранъ единогласно наставникъ *Н. С. Кириловъ*, при чемъ, имѣя въ виду, тѣ трудности, съ какими необходимо сопряжено будетъ завѣдываніе Институтскою библіотекою въ первое время ея существованія, конференція постановила сверхъ положенныхъ по штату 200 руб. выдавать библіотекарю 100 руб. изъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе библіотеки. *Опредѣлено:* какъ о результатѣ избранія библіотекаря, такъ и о постановленіи относительно его вознагражденія, донести г. попечителю округа и увѣдомить г. Кирилова.

6-го октября.

Статья 1-я. Слушали письмо къ г. директору г. Пономарева, который препровождая 24 письма Гоголя, принадлежащія вдовѣ профессора г-жѣ Максимовичъ, предлагаетъ Институту пріобрѣсти ихъ. По разсмотрѣніи этихъ писемъ, принимая во вниманіе съ одной стороны то, что письма эти, хотя уже и напечатанныя, но напечатанныя неточно и съ пропусками, не лишены нѣкотораго историко-литературнаго значенія, а съ другой стороны также и то, что въ библіотекѣ Института, бывшей Лицейской, уже хранится нѣсколько автографовъ Гоголя, какъ бывшаго ученика гимназіи высшихъ наукъ, конференція Историко-филологическаго института князя Безбородко признала весьма желательнымъ пріобрѣтеніе означенныхъ писемъ за цѣну, просимую продавщицей, а именно за 100 р. сер., тѣмъ болѣе, что эта сумма могла бы служить пособіемъ для вдовы ученаго, потрудившагося на поприщѣ русской филологіи. *Опредѣлено:* Поручить правленію Института принять надлежащія мѣры къ пріобрѣтенію означенныхъ въ докладной части писемъ Гоголя.

14-го октября.

Статья 3-я. Разсуждали о средствахъ къ устраненію замѣченныхъ г. директоромъ и гг. профессорами затрудненій, встрѣчаемыхъ студентами, какъ въ приготовленіи къ лекціямъ, такъ и въ выполненіи другихъ работъ, назначаемыхъ преподавателями. Изъ заявленій гг. наставниковъ оказалось, что, посвятивъ весьма значительную часть дня слушанію лекцій, студенты, не смотря на всѣ свои старанія, по недостатку времени, не успѣваютъ выполнить всего того, что предоставляется ихъ собственной дѣятельности. По внимательномъ обсужденіи всѣхъ сторонъ вопроса, конференція пришла къ слѣдующему рѣшенію: 1) Для славянской филологіи и для русской исторіи назначить на каждый предметъ вмѣсто прежде назначенныхъ 4-хъ лекцій, только по 3 лекціи; 2) первоначальное число лекцій по латинскому языку уменьшить на двѣ лекціи, а по греческому на одну; 3) Въ вознагражденіе за уменьшеніе числа лекцій по древнимъ языкамъ и въ видахъ большей концентраціи домашняго чтенія классическихъ авторовъ, одинъ учебный день въ недѣлю оставить совершенно свободнымъ отъ всякихъ лекцій, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ вполнѣ посвященъ студентами домашнему чтенію греческихъ и латинскихъ писателей, 4) Повѣрку такого чтенія производить вечеромъ свободнаго отъ лекцій учебнаго дня отъ 7-ми до 9½ часовъ. *Опредѣлено:* Новое распредѣленіе лекцій, составленное сообразно изложенному въ докладной части постановленію конференціи, представить чрезъ г. попечителя округа на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія.

28-го октября.

Статья 2-я. Слушали слѣдующее опредѣленіе педагогическаго совѣщанія: «Донести конференціи, не найдетъ ли она возможнымъ поручить наставникамъ, по указанію профессоровъ, слѣдить за домашнимъ приготовленіемъ нѣкоторыхъ студентовъ по тѣмъ отдѣламъ латинскаго и греческаго языковъ, въ которыхъ они оказываются слабы». *Опредѣлено:* привлечь гг. наставниковъ къ занятіямъ съ тѣми студентами, которые по замѣчаніямъ гг. профессоровъ, будутъ отставать отъ своихъ товарищей въ успѣхахъ по латинскому и греческому языкамъ вслѣд-

ствіе недостаточной подготовки по тому или другому отдѣлу классическаго языкознанія.

Ст. 4-я. Въ томъ же засѣданіи, на основаніи предложенія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 13-го іюня сего года за № 5985 о составленіи, по сформированіи конференціи Института, проекта инструкціи объ обязанностяхъ директора, инспектора, профессоровъ, наставниковъ, преподавателей и прочихъ должностныхъ лицъ Института, конференція Института князя Безбородко, принимая въ соображеніе съ одной стороны приложенную къ означенному предложенію инструкцію по Императорскому С.-Петербургскому Историко-филологическому институту, а съ другой особенныя условія Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, по внимательномъ обсужденіи какъ перваго, такъ и вторыхъ, составила: 1) проэктъ инструкціи объ обязанностяхъ конференціи, педагогическаго совѣщанія, правленія, директора, инспектора, профессоровъ, наставниковъ, преподавателей и прочихъ должностныхъ лицъ Института князя Безбородко и 2) проэктъ правилъ для студентовъ Института. *Опредѣлено:* представить г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа поименованные въ докладной части проэкты инструкціи и правилъ и возвратить г. попечителю округа, приложенную къ его предложенію отъ 13-го іюня сего года за № 5985 инструкцію по Императорскому С.-Петербургскому Историко-филологическому институту.

11-го ноября.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 23-го октября 1875 г. за № 10675, состоявшееся вслѣдствіе предложенія г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 3-го октября за № 10386, о порученіи г. директору Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Н. А. Лавровскому, чтенія студентамъ означеннаго Института лекцій по предмету исторіи русской литературы. *Опредѣлено:* принять къ исполненію.

Ст. 5 я. Въ томъ же засѣданіи конференція, выходя изъ мысли, что обязательное въ извѣстные дни для студентовъ Института

домашнее чтеніе греческихъ и латинскихъ авторовъ потеряло бы большую долю своего дидактическаго значенія, если бы лишилось характера полной самостоятельности и самодѣятельности, постановила, чтобы дежурные наставники въ дни, назначенные для домашняго чтенія, удерживали студентовъ отъ составленія такихъ кружковъ, въ которыхъ переводъ греческаго или латинскаго текста, приготовленный однимъ студентомъ, пассивно усвоялся прочими, но побуждали бы каждаго собственнымъ трудомъ и размышленіемъ доходить до пониманія классическихъ писателей, и лишь въ крайнихъ случаяхъ помогали бы студентамъ въ разрѣшеніи представляемыхъ греческимъ или латинскимъ текстомъ затрудненій. *Опредѣлено:* о таковомъ состоявшемся опредѣленіи конференціи довести до свѣдѣнія дежурныхъ наставниковъ и объявить студентамъ.

24-го ноября.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 10-го ноября сего года за № 11492 о разсмотрѣніи въ конференціи и правленіи Историко-филологическаго института князя Безбородко вопроса относительно уступки книгъ юридическаго содержанія, принадлежащихъ библіотекѣ бывшаго лицея князя Безбородко, Императорскому новороссійскому университету. *Опредѣлено:* просить гг. членовъ конференціи озаботиться просмотромъ означенныхъ книгъ, для опредѣленія ихъ пригодности для цѣлей Историко-филологическаго института, и о результатахъ просмотра донести въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій конференціи.

Ст. 4-я. Въ томъ же засѣданіи конференціи ординарный профессоръ по каѳедрѣ римской словесности Р. А. Фохтъ заявилъ, что онъ считаетъ необходимымъ усиленіе занятій студентовъ Института по латинскому синтаксису, такъ какъ по его наблюденіямъ, студенты именно въ этомъ предметѣ оказываются особенно слабыми. При этомъ Р. А. Фохтъ выразилъ готовность въ одинъ изъ вечернихъ часовъ одного изъ учебныхъ дней недѣли лично руководить домашними занятіями студентовъ по латинскому синтаксису. *Опредѣлено*: имѣть сужденіе объ этомъ предметѣ по полученіи утвержденія его сіятель-

ства г. министра народнаго просвѣщенія на тѣ измѣненія въ первоначальномъ распредѣленіи лекцій, какіе предложены конференціею въ засѣданіи 14-го октября сего года.

Ст. 5-я. Въ томъ же засѣданіи конференціи преподаватели древнихъ языковъ заявили, что имп замѣчены были случаи несамостоятельныхъ письменныхъ работъ студентовъ, случаи, повторявшіеся и послѣ сдѣланныхъ по этому поводу замѣчаній и выговоровъ. По тщательномъ обсужденіи этого вопроса, для повѣрки самостоятельности письменныхъ работъ студентовъ по древнимъ языкамъ, конференція нашла полезнымъ, чтобы студенты въ особо назначенное для того время, подъ наблюденіемъ дежурнаго наставника, каждый мѣсяцъ дѣлали два письменныхъ упражненія—одно греческое и одно латинское. Такое упражненіе должно замѣнять собою на ту недѣлю, въ которую оно производится, обычную еженедѣльную письменную работу по тому же предмету. *Опредѣлено:* принять къ исполненію.

Ст. 6-я. Въ томъ же засѣданіи подвергался обсужденію вопросъ о сочиненіяхъ студентовъ по предметамъ русской словесности, славянской филологіи, русской и всеобщей исторіи. Постановлено: 1). давать сочиненія по каждому изъ поименованныхъ предметовъ отдѣльно и поочередно; 2). срокъ для каждаго сочиненія положить шестинедѣльный. При этомъ ординарный профессоръ русской исторіи, инспекторъ Н. Я. Аристовъ заявилъ, что имъ дано уже сочиненіе по русской исторіи и что шестинедѣльный срокъ подачи этого сочиненія истекаетъ 24 декабря. *Опредѣлено:* принять къ свѣдѣнію и исполненію.

Ст. 7-я. Въ томъ же засѣданіи конференціи г. директоръ Института заявилъ, что онъ, принимая во вниманіе мѣстныя условія города Нѣжина, считаетъ необходимымъ разнообразить жизнь студентовъ такими удовольствіями, которыя могли бы благотворно дѣйствовать на развитіе въ студентахъ эстетическаго чувства. Признавая это заявленіе совершенно справедливымъ, конференція, согласно съ мнѣніемъ г-на директора, нашла полезнымъ для достиженія указанной цѣли устраивать отъ времени до времени музыкально-литературныя собранія, въ которыхъ участвовали бы какъ студенты Института, такъ и ученики соединенной съ Институтомъ гимназіи. *Опредѣлено:* ходатай-

ствовать чрезъ г. попечителя предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи означенныхъ собраній и вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться предварительнымъ соображеніемъ и составленіемъ самыхъ программъ занятій этого рода.

9-го декабря.

Статья 2-я. Выслушавъ письмо подполковника Б. Шевырева, заключающее въ себѣ предложеніе пріобрѣсти для Историко-филологическаго института князя Безбородко библіотеку отца г. Шевырева, покойнаго профессора Шевырева, за 6000 руб., конференція Института постановила войти въ сужденіе по этому предмету по доставленіи въ конференцію каталога предлагаемой къ покупкѣ библіотеки. *Опредѣлено:* просить г. директора Института снестись съ подполковникомъ Шевыревымъ съ цѣлію полученія каталога означенной библіотеки.

Ст. 7-я. Въ томъ же засѣданіи, выслушавъ предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 14-го декабря 1874 года за № 14380 о составленіи проекта положенія для соединенной съ Историко-филологическимъ институтомъ князя Безбородко Нѣжинской гимназіи, конференція, обсудивъ главныя основы таковаго проекта, постановила окончательнымъ его составленіемъ заняться въ слѣдующихъ своихъ засѣданіяхъ. *Опредѣлено*: составленіе проекта положенія для Нѣжинской гимназіи имѣть въ виду, какъ предметъ совѣщаній для ближайшихъ засѣданій конференціи.

Ст. 9-я. Въ томъ же засѣданіи конференція нашла необходимымъ устройство для библіотеки Института систематическаго подвижнаго каталога. *Опредѣлено*: поручить правленію озаботиться пріобрѣтеніемъ матеріаловъ, необходимыхъ для устройства систематическаго подвижнаго каталога.

22-го декабря.

Статья 3-я. Происходило обсужденіе приложеннаго къ сему протоколу (лит. Б) проекта положенія соединенной съ Институтомъ гимназіи. *Опредѣлено*: составленный конференціею проектъ положенія о соединенной съ Институтомъ гимназіи представить г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа.

23-го декабря.

Статья 1-я. На основаніи § 31 устава подвергалось разсмотрѣнію представленное и. д. экстраординарнаго профессора П. В. Никитинымъ къ напечатанію на казенный счетъ сочиненіе «Объ основахъ для критики текста эолическихъ сочиненій Ѳеокрита». Конференція единогласно признала полезнымъ напечатаніе означеннаго сочиненія на счетъ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ числѣ 650 экземпляровъ. Вслѣдъ за тѣмъ произведена была баллотировка, результатомъ которой оказалось: избирательныхъ голосовъ шесть, неизбирательныхъ ни одного. На издержки по изданію указаннаго сочиненія въ указанномъ числѣ экземпляровъ конференція нашла возможнымъ назначить до 200 р. изъ суммы, положенной по штату въ количествѣ 6000 р. за дополнительныя лекціи. *Опредѣлено:* ходатайствовать предъ г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа о разрѣшеніи употребить до 200 р. сер. изъ суммы, положенной по штату въ количествѣ 6000 р. за дополнительныя лекціи, на напечатаніе сочиненія г. Никитина.

13-го января.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 10-го января 1876 года за № 129 слѣдующаго содержанія: «Г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 13-го декабря истекшаго года за № 13516, увѣдомилъ меня, что его сіятельство утвердилъ на текущій учебный годъ приложенное къ протоколу конференціи Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ отъ 14-го октября за № 5 распредѣленіе лекцій въ означенномъ Институтѣ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ существованія Института въ концѣ каждаго учебнаго года представлялось на усмотрѣніе министерства распредѣленіе лекцій на слѣдующій учебный годъ. Затѣмъ по окончательномъ утвержденіи установленнаго распредѣленія лекцій, на усмотрѣніе министерства должно быть представляемо только о необходимыхъ съ теченіемъ времени измѣненіяхъ. Вмѣстѣ съ симъ его сіятельство разрѣшилъ по примѣру С.-Петербургскаго института, допустить обязательное для студентовъ Нѣжинскаго института изученіе только одного изъ новыхъ языковъ. О таковомъ предложеніи г. министра народнаго просвѣщенія, имѣю

честь увѣдомить ваше превосходительство для надлежащаго исполненія». *Справка*: объ утвержденіи распредѣленія лекцій и обязательности изученія студентовъ одного только изъ новыхъ языковъ г-нъ предсѣдатель-директоръ ходатайствовалъ представленіями отъ 18 сентября и 21 октября 1875 года за №№ 596 и 947. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію и исполненію.

Ст. 3-я. Вѣдомость о числѣ лекцій, пропущенныхъ профессорами и преподавателями Института въ теченіе перваго полугодія 1875/6 учебнаго года. *Опредѣлено:* принять къ свѣдѣнію и помѣщенію въ отчетѣ за 1875/6 учебный годъ.

Ст. 6-я. Заявленіе г. предсѣдателя-директора: отъ суммы, положенной на содержаніе личнаго состава Института по ст. 1-й § 12 смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1875 года въ настоящее время оказался остатокъ въ 3574 р. 12 к. Г. предсѣдатель полагаетъ полезнымъ употребить этотъ остатокъ на слѣдующіе предметы: а) въ виду важности и трудности инспекторскихъ занятій, возложенныхъ на г. ординарнаго профессора Н. Я. Аристова, выдать ему, по примѣру С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института, въ дополненіе къ получаемымъ имъ по штату 800 р. въ годъ, еще 350 р. за исправленіе означенныхъ обязанностей во второмъ полугодіи истекшаго года; б) въ настоящее время, какъ лично извѣстно предсѣдателю, наставникъ студентовъ Института г. Добіашъ, будучи семейнымъ и обязанный уплачивать за свое образованіе въ одной изъ чешскихъ гимназій, находится въ весьма затруднительномъ положеніи относительно средствъ своего содержанія; а потому онъ, г. предсѣдатель-директоръ, свидѣтельствуя объ особенно полезной и усердной дѣятельности г. Добіаша, полагаетъ справедливымъ выдать ему въ единовременное пособіе 300 р.; в) покрыть расходы по изданію сочиненія г. Никитина, одобреннаго конференціею къ напечатанію на средства Института въ засѣданіи 23-го декабря 1875 года, на что по приблизительному разсчету, сдѣланному г. Никитинымъ послѣ сношеній съ типографіями потребуется около 150 р. и г) остальную же за тѣмъ сумму въ количествѣ приблизительно до 2,774 р. 12 к. употребить на пріобрѣтеніе книгъ для библіотеки Института. *Опредѣлено:* согласиться съ заявленіемъ г. предсѣдателя и объ изложенномъ въ доклад-

ной части сообщить правленію Института выпискою изъ протокола для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

Ст. 7-я. По предложенію г. предсѣдателя, съ цѣлію облегченія занятій студентовъ, желая избѣжать совпаденія нѣсколькихъ репетицій въ одну и ту же недѣлю, конференція Института занималась составленіемъ распредѣленія репетицій на второе полугодіе 1875/6 учебнаго г. *Опредѣлено*: репетиціи на второе полугодіе 1875/6 учебнаго года распредѣлить нижеслѣдующимъ образомъ: между 18 и 25 января имѣетъ быть репетиція по исторіи русской литературы; между 25 января и 1 февраля — по греческой словесности; между 1 и 8 — по всеобщей исторіи; между 8 и 15 — по русской исторіи, между 22 и 28 — по славянской филологіи. Изложенный порядокъ репетицій можетъ продолжаться и далѣе безъ всякаго измѣненія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда найдутъ нужнымъ назначеніе репетицій по своимъ предметамъ законоучитель и профессоръ латинской словесности.

3-го февраля.

Статья 5-я. Слушали заявленіе гг. ординарныхъ профессоровъ Н. Я. Аристова, П. И. Люперсольскаго и А. С. Будиловича о томъ, что они желали бы въ наступающемъ посту прочитать въ Нѣжинѣ нѣсколько публичныхъ лекцій съ благотворительною цѣлію—гг. Аристовъ и Люперсольскій въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи, а г. Будиловичъ въ пользу бѣдствующихъ славянскихъ семействъ Герцеговины и Босніи. *Опредѣлено:* просить гг. Аристова, Люперсольскаго и Будиловича составить программы предполагаемыхъ ими лекцій, каковыя программы представить за тѣмъ г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа при ходатайствѣ о разрѣшеніи означеннымъ лицамъ чтенія публичныхъ лекцій.

Ст. 7-я. Заявленіе г. предсѣдателя о томъ, что онъ считаетъ необходимымъ поручить особому лицу изъ числа преподавателей Института храненіе имѣющагося при институтской библіотекѣ кабинета монетъ и медалей. При этомъ ординарный профессоръ по каѳедрѣ всеобщей исторіи П. И. Люперсольскій заявилъ, что онъ согласенъ принять на себя завѣдываніе означеннымъ кабинетомъ. *Опредѣлено*: поручить завѣдываніе кабинетомъ монетъ и медалей профессору Люперсольскому.

12-го февраля.

Статья 2-я. Слушали заявленіе г. ординарнаго профессора по каѳедрѣ римской словесности Р. А. Фохта слѣдующаго содержанія: г. профессоръ, какъ прежде неоднократно замѣчалъ, такъ и теперь еще замѣчаетъ, что нѣкоторые студенты, вслѣдствіе неудовлетворительности своей первоначальной подготовки, недостаточно знакомы съ пріемами, необходимыми для правильнаго, ведущаго къ своей цѣли, занятія письменными упражненіями по древнимъ языкамъ; по этому г. профессоръ считаетъ полезнымъ предложить желающимъ изъ студентовъ, и въ особенности наиболѣе нуждающимся въ томъ, въ свободное отъ лекцій и присутствованія при богослуженіи время, на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста, ежедневно отъ 8 до 10 ч. утра, заниматься подъ его, профессора, руководствомъ составленіемъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій. *Опредѣлено*: предложить желающимъ изъ студентовъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста, ежедневно отъ 8 до 10 ч. утра, заниматься подъ руководствомъ г. профессора Фохта составленіемъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій.

18-го февраля

Статья 1-я. Въ видахъ усиленія научной дѣтельности Института, конференція признала полезнымъ издавать при Институтѣ періодическій сборникъ, подъ заглавіемъ: «Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ,» на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Содержаніе сборника будутъ составлять, на основаніи § 31 устава Института, отчеты и рѣчи, произносимыя въ ежегодныхъ торжественныхъ собраніяхъ Института, а также статьи преподавателей и наставниковъ Института по предметамъ историко-филологическихъ наукъ и лучшія сочиненія студентовъ; сборникъ будетъ давать у себя мѣсто и статьямъ, указаніямъ и замѣткамъ учебнаго характера съ цѣлію содѣйствовать успѣхамъ преподаванія тѣхъ же предметовъ въ гимназіяхъ.

2) Сборникъ имѣетъ выходить однажды въ годъ, въ размѣрѣ не свыше 20 печатныхъ листовъ, стоимостію до 700 руб. изъ суммы (6000 р.) назначенной по штату на дополнительныя лекціи.

3) Одинъ изъ преподавателей Института избирается редакторомъ сборника.

4) Деньги, выручаемыя отъ продажи сборника, въ концѣ года раздѣляются на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна идетъ на покрытіе издержекъ по изданію, а другая на вознагражденіе сотрудниковъ.

5) Кромѣ того, сотрудники получаютъ за печатаемыя ими статьи по 50 оттисковъ своихъ статей. Если же сотрудникъ пожелаетъ отказаться отъ причитающагося ему гонорара, съ тѣмъ, чтобы получить вознагражденіе печатными экземплярами своего сочиненія, то редакція имѣетъ право выдать ему до 300 оттисковъ его статьи. *Опредѣлено*: просить ходатайства г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа о разрѣшеніи изданія означеннаго сборника.

27-го февраля.

Статья 1-я. Слушали заявленіе г. предсѣдателя слѣдующаго содержанія: въ Нѣжинѣ находится нынѣ учитель танцевъ въ Кіевскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, Тарашкевичъ, который являлся къ нему, г. предсѣдателю, съ предложеніемъ давать уроки танцевъ студентамъ два раза въ недѣлю съ вознагражденіемъ, за обученіе танцамъ всѣхъ студентовъ, въ размѣрѣ 100 р. за 25 уроковъ. По этому поводу г. предсѣдатель представилъ на обсужденіе конференціи вопросъ, не сочтетъ ли она полезнымъ ввести въ кругъ обученія студентовъ уроки танцевъ. Принимая во вниманіе, что студенты Института князя Безбородко въ настоящее время не имѣютъ ни уроковъ гимнастики, ни танцевъ, конференція признала весьма удобнымъ воспользоваться пребываніемъ нынѣ въ Нѣжинѣ учителя танцевъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ Кіевѣ Тарашкевича, изъявившаго согласіе даватъ уроки танцевъ студентамъ два раза въ недѣлю по вечерамъ въ воскресенья и субботы, съ вознагражденіемъ, за обученіе танцамъ всѣхъ студентовъ, въ размѣрѣ 100 р. за 25 уроковъ. *Опредѣлено*: изложенное въ докладной части постановленіе конференціи представить на благоусмотрѣніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго окрига съ просьбою о разрѣшеніи

употребить на уплату учителю танцевъ 100 р. изъ суммы назначенной на дополнительныя лекціи по финансовой смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1876 года § 12 ст. 1-я.

9-го марта.

Статья 3-я. Г. предсѣдателемъ предъявленъ былъ затребованный постановленіемъ конференціи отъ 9-го декабря 1875 года каталогъ книгамъ библіотеки покойнаго профессора Шевырева. *Опредѣлено*: поручить членамъ конференціи разсмотрѣть каждому касающіяся предметовъ его каѳедры отдѣленія означеннаго каталога, съ цѣлію опредѣленія пригодности библіотеки Шевырева для цѣлей Института, и о результатахъ разсмотрѣнія донести въ одно изъ ближайшихъ засѣданій конференціи.

Ст. 4-я. Слушали заявленіе г. предсѣдателя о необходимости съ точностію заблаговременно опредѣлить какъ время окончанія лекцій въ истекающемъ учебномъ году, такъ и время начала переводныхъ изъ перваго курса во второй испытаній, а также составить подробное распредѣленіе означенныхъ испытаній. *Опредѣлено*: 1) чтеніе лекцій окончить 8-го мая, переводныя испытанія начать 15-го мая, распредѣливъ ихъ нижеслѣдующимъ образомъ: 15-го мая письменное испытаніе по латинской словесности, 16-го мая устное испытаніе по латинской словесности, 21-го мая письменное испытаніе по русской словесности, 22-го устное испытаніе по исторіи русской литературы, 26-го мая устное испытаніе по предметамъ славянской филологіи, 31-го мая устное испытаніе по всеобщей исторіи, 5-го іюня устное испытаніе по русской исторіи, 7-го іюня по закону Божію, 10-го іюня письменное и 11-го устное испытаніе по греческой словесности, 12-го іюня устныя и письменныя испытанія по языкамъ французскому и нѣмецкому. 2) Составленное конференціею распредѣленіе переводныхъ испытаній, равно какъ и постановленіе относительно времени прекращенія чтенія лекцій представить на благоусмотрѣніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Ст. 5-я. По предложенію г. предсѣдателя, подвергался обсужденію вопросъ: слѣдуетъ ли ежегодно подвергать студентовъ испытаніямъ по

новымъ языкамъ при переходѣ изъ одного курса въ другой, или же предоставить студентамъ сдавать только окончательный экзаменъ по тѣмъ же предметамъ. *Опредѣлено:* 1) принимая во вниманіе, что оставленіе на второй годъ въ томъ же курсѣ студентовъ, оказавшихъ удовлетворительные успѣхи по всѣмъ прочимъ предметамъ, но мало успѣвшихъ въ новыхъ языкахъ, могло бы повредить успѣшности занятій по главнымъ предметамъ институтскаго преподаванія, конференція, руководясь примѣромъ университетовъ и С. Петербургскаго Историко-филологическаго института, опредѣлила: не производить ежегодныхъ обязательныхъ курсовыхъ испытаній по новымъ языкамъ, но предоставить студентамъ, смотря по желанію каждаго, сдавать окончательный по этимъ предметамъ экзаменъ или на одномъ изъ курсовыхъ испытаній, или же при выпускныхъ испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ; 2) о таковомъ постановленіи конференціи донести г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа, прося его ходатайства о разрѣшеніи привести означенную мѣру въ исполненіе.

26-го марта.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 16-го марта сего года за № 3073, коимъ, согласно представленію конференціи отъ 2-го марта за № 9, разрѣшается пригласить учителя танцевъ въ Кіевскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ г. Тарашкевича для преподаванія танцевъ студентамъ Института; что же касается ходайства конференціи о разрѣшеніи на выдачу г. Тарашкевичу 100 р., въ вознагражденіе за сказанный трудъ, съ отнесеніемъ сего расхода на сумму, назначенную по § 12 ст. 1 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія, то г. попечитель увѣдомляетъ, что по сему предмету онъ вошелъ съ представленіемъ къ г. министру народнаго просвѣщенія. *Опредѣлено:* предложить г. Тарашкевичу начать уроки танцевъ для студентовъ впредь до полученія разрѣшенія на выдачу ему вознагражденія изъ указаннаго источника.

Ст. 2-я. Слушали его же предложеніе отъ 18-го марта за № 3176, коимъ онъ увѣдомляетъ, что согласно представленію конференціи отъ 11-го февраля за № 5, онъ разрѣшаетъ ординарнымъ профессорамъ Института, Будиловичу и Люперсольскому, прочесть въ теченіе

великаго поста нѣсколько публичныхъ лекцій съ благотворительною цѣлью въ пользу недостаточныхъ учениковъ Нѣжинской гимназіи, по представленнымъ программамъ; что же касается программы профессора Аристова, то, по заключенію Епархіальнаго начальства, чтеніе лекцій «о невольномъ и неохотномъ постриженіи въ монашество у нашихъ предковъ» признано неудобнымъ. *Опредѣлено*: сообщить объ этомъ гг. профессорамъ Аристову, Будиловичу и Люперсольскому.

Ст. 3-я. Слушали его же предложеніе отъ 24-го марта за № 3403, коимъ онъ увѣдомляетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія на ходатайство его, г. попечителя, о разрѣшеніи употребить изъ штатныхъ суммъ Института 200 р. на напечатаніе 650 экз. сочиненія и. д. экстра-ординарнаго профессора сего Института Никитина подъ заглавіемъ: «объ основахъ для критики текста эолическихъ стихотвореній Θеокрита», не призналъ возможнымъ разрѣшить выдачу г. Никитину просимой имъ суммы изъ указаннаго источника, такъ какъ на основаніи смѣтныхъ правилъ (§§ 30 и 31) министрамъ предоставляется право замѣны недостатковъ сбереженіями по подраздѣленіямъ второстепеннымъ въ томъ только случаѣ, если по одной статьѣ предвидятся сбереженія, а по другой недостатокъ; но такъ какъ въ штатѣ Нѣжинскаго Института не заключается статьи расхода на напечатаніе профессорскихъ сочиненій, то слѣдовательно расходъ по сей статьѣ, какъ непоказанный въ штатѣ Института, не можетъ быть относимъ на остатки по другимъ штатнымъ статьямъ сего Института; въ виду сего Его Сіятельство призналъ возможнымъ назначить г. Никитину испрашиваемые на напечатаніе 200 р., изъ суммы, опредѣленной по § 15 ст. 2 смѣты министерства народнаго просвѣщенія 1876 г. въ распоряженіе Его Сіятельства, каковыя деньги и будутъ переведены департаментомъ народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе Института для выдачи по принадлежности. *Опредѣлено:* принять къ исполненію.

Ст. 4-я. Слушали заявленіе г. директора Института Н. А. Лавровскаго относительно библіотеки покойнаго профессора Московскаго университета *Шевырева*: наслѣдники сего послѣдняго отнеслись къ г. директору съ предложеніемъ, не признаетъ ли онъ нужнымъ пріобрѣсти означенную библіотеку для Института и препроводили къ нему каталогъ ея книгамъ; такъ какъ каталогъ этотъ, по порученію г. директора, уже былъ разсмотрѣнъ всѣми профессорами и преподавате-

лями Института, то онъ предложилъ на заключеніе конференціи вопросъ о покупкѣ для Института библіотеки профессора Шевырева, при чемъ объяснилъ, что наслѣдники Шевырева предлагаютъ купить сполна всю библіотеку, заключающую въ себѣ, какъ видно изъ присланнаго каталога, 3135 названій, и испрашиваютъ за нее шесть тысячъ рублей. Члены конференціи признали единогласно весьма полезнымъ пріобрѣтеніе для Института означенной библіотеки, въ особенности же отдѣла ея по русской словесности и литературѣ, представляющаго собою полное (до 50-тыхъ годовъ) и съ знаніемъ дѣла составленное собраніе сочиненій по указанному предмету и заключающаго въ себѣ нѣкоторыя рѣдкія и даже не существующія болѣе въ продажѣ сочиненія; въ другихъ отдѣлахъ библіотеки также содержатся книги, болѣе или менѣе нужныя для пополненія фундаментальной институтской библіотеки, а нѣкоторыя изъ нихъ могли бы съ пользою быть употреблены для составленія предположеннаго къ образованію студентскаго отдѣла библіотеки; тѣмъ не менѣе члены конференціи, въ виду значительности суммы, просимой за всю библіотеку въ цѣлости, соображаясь со средствами, какими располагаетъ Институтъ, находили бы болѣе удобнымъ, если бы наслѣдники профессора Шевырева согласились продать въ Институтъ не всю библіотеку въ цѣлости, но на выборъ тѣ книги, какія профессорами и преподавателями Института признаны будутъ необходимыми по занимаемымъ ими каѳедрамъ, за исключеніемъ однакожъ отдѣла библіотеки по русской словесности и литературѣ, который, по мнѣнію членовъ конференціи, желательно бы пріобрѣсти для Института весь сполна. *Опредѣлено:* поручить г. директору снестись съ наслѣдниками профессора Шевырева, не согласятся ли они продать въ Институтъ не всю библіотеку въ цѣлости, но на выборъ тѣ лишь книги, какія пожелаетъ пріобрѣсти Институтъ; въ случаѣ же ихъ несогласія на это, просить ихъ объ уступкѣ съ назначенной ими за всю библіотеку суммы одной тысячи рублей.

Ст. 5-я. Слушали заявленіе г. инспектора Института профессора Н. Я. Аристова о томъ, чтобы дублеты фундаментальной библіотеки Института выдѣлить изъ нея для образованія особаго отдѣла студентской библіотеки. *Опредѣлено*: предоставить каждому изъ профессоровъ Института выдѣлить по своему отдѣлу дублеты тѣхъ сочиненій, какія онъ признаетъ полезными для студентской библіотеки.

Ст. 6-я. Слушали заявленіе г. наставника студентовъ и библіотекаря институтской библіотеки Н. С. Кирилова о томъ, слѣдуетъ-ли выдавать изъ библіотеки студентамъ переводы на новѣйшихъ языкахъ сочиненій древнихъ классическихъ авторовъ. Членами конференціи признано, что пользованіе этими переводами можетъ лишь повредить успѣшному занятію студентовъ классическими языками, избавляя ихъ отъ труда самостоятельно вдумываться въ смыслъ произведеній классическихъ авторовъ въ оригиналѣ. *Опредѣлено:* переводовъ на новѣйшихъ языкахъ произведеній классическихъ авторовъ не только не выдавать студентамъ изъ институтской библіотеки безъ особеннаго указанія профессора, но и поручить гг. наставникамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы означенныхъ переводовъ не обращалось на рукахъ студентовъ.

Ст. 10-я. По случаю отъѣзда въ 28-дневный отпускъ въ Петербургъ ученаго секретаря конференціи П. В. Никитина, исправленіе его должности на время его отсутствія согласился принять на себя, по предложенію членовъ конференціи, профессоръ П. И. Люперсольскій *Опредѣлено:* поручить на время отсутствія ученаго секретаря конференціи П. В. Никитина, исправленіе его должности профессору Люперсольскому.

27-го апрѣля.

Статья 1-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 31 марта 1876 г. за № 3836, въ коемъ онъ сообщаетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія 20-го того же марта разрѣшилъ Институту издавать періодическій сборникъ подъ названіемъ «Извѣстія Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ», на основаніяхъ, изложенныхъ въ представленіи попечителю г. директора Института отъ 20 февраля за № 7, съ отнесеніемъ необходимаго по изданію означеннаго сборника расхода на суммы, назначенныя по финансовымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія на хозяйственныя надобности сего Института. *Опредѣлено:* принять къ исполненію.

Ст. 3-я. Слушали его же предложеніе отъ 16 апрѣля за № 4169, коимъ увѣдомляетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія 3-го того

же апрѣля утвердилъ постановленіе конференціи Института объ освобожденіи студентовъ отъ обязательныхъ экзаменовъ по новымъ языкамъ при переходѣ изъ одного курса въ другой и о предоставленіи имъ права, смотря по желанію каждаго, сдавать окончательный экзаменъ по этимъ предметамъ или на одномъ изъ курсовыхъ испытаній, или же при выпускныхъ испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ. *Опредѣлено*: принять къ исполненію.

Ст. 4-я. Слушали рапортъ ординарнаго профессора Р. А. Фохта слѣдующаго содержанія: «нынѣшній курсъ студентовъ въ истекающемъ учебномъ году требовалъ отъ меня, по преподаванію латинскаго языка, всего моего времени; въ будущемъ учебномъ году онъ также будетъ нуждаться въ неменьшихъ усиліяхъ съ моей стороны, такъ что въ будущемъ учебномъ году для успѣшнаго занятія съ двумя курсами вмѣстѣ мнѣ недостаточно будетъ всего времени, какимъ я могу располагать; по сему считаю долгомъ просить конференцію опредѣлить мнѣ помощника по преподаванію латинскаго языка, который могъ бы въ первомъ курсѣ руководить практическими упражненіями студентовъ въ переводѣ съ русскаго на латинскій языкъ и читать имъ латинскую грамматику. Какъ на лице, способное къ этимъ занятіямъ, равно какъ и къ занятію мѣста третьяго наставника, безъ котораго при двухъ курсахъ студентовъ едва ли возможно будетъ обойтись, я позволяю себѣ указать на окончившаго курсъ въ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ г. *А. Фогеля*, лично мнѣ извѣстнаго. По окончаніи курса въ означенномъ Институтѣ, г. Фогель прослужилъ годъ учителемъ гимназіи, состоящей при Институтѣ, затѣмъ пробылъ, по командировкѣ, два года въ лейпцигскомъ университетѣ, и все это время занимался изученіемъ латинскаго языка; на основаніи означенныхъ данныхъ, онъ даетъ полную надежду на успѣшное исполненіе такой должности. «Конференція, въ виду того, что въ наступающемъ учебномъ году имѣетъ быть два курса студентовъ въ Институтѣ, признала надобность какъ въ третьемъ наставникѣ студентовъ, такъ и въ помощникѣ г. профессору Фохту для преподаванія латинскаго языка; какъ видно изъ прочитанной записки профессора Р. А. Фохта, г. Фогель удовлетворяетъ условіямъ, требующимся уставомъ для занятія той и другой должности. *Опредѣлено:* подвергнуть

г. Фогеля въ ближайшее засѣданіе конференціи баллотированію на должность наставника студентовъ и преподавателя латинскаго языка въ Институтѣ.

4-го мая.

Стат. 2-я. По заявленію г. директора, въ конференціи поднятъ былъ и обсуждался вопросъ о необходимости имѣть особаго штатнаго библіотекаря, по многосложности занятій по библіотекѣ. По уставу Института должность институтской библіотеки исполняетъ, по избранію конференціи, одинъ изъ наставниковъ, съ вознагражденіемъ его за этотъ трудъ по 200 р. въ годъ; но какъ оказывается на опытѣ, занятія по библіотекѣ на столько многочисленны, что наставникъ студентовъ не въ состояніи выполнять ихъ успѣшно и своевременно, при своихъ прямыхъ обязанностяхъ по должности наставника; даже одна выдача книгъ, обратный пріемъ ихъ отъ получателей, наблюденіе за ихъ своевременнымъ возвращеніемъ изъ чтенія и ихъ цѣлостію, потребуютъ отъ библіотекаря, особенно съ того времени, когда въ Институтѣ будутъ всѣ четыре курса студентовъ, болѣе частаго и продолжительнаго присутствія въ библіотекѣ, чѣмъ какъ это возможно для наставника; главнымъ же образомъ много времени и занятій письменныхъ требуетъ пріемъ новыхъ поступленій въ библіотеку, по количеству отпускаемой на оную штатной суммы (ежегодно имѣетъ поступать въ нее книгъ на 2,600 р., и сверхъ того на библіотеку же можетъ быть обращаема значительная часть суммы отъ ежегодныхъ общихъ остатковъ изъ смѣтныхъ расходовъ по Институту); каждая вновь поступающая книга должна быть занесена въ три каталога (основной, алфавитный и систематическій), сдана своевременно въ переплетъ, помѣчена нумерами, подъ которыми записана въ каталоги, и помѣщена на свое мѣсто въ шкафѣ; при неотложности другихъ занятій библіотекаря, какъ наставника, каталогизація новыхъ поступленій, при такой ихъ значительности, неизбѣжно будетъ замедляться, что поведетъ къ накопленію въ библіотекѣ книгъ не каталогизированныхъ, не имѣющихъ нумераціи и не размѣщенныхъ по своимъ мѣстамъ, а это въ свою очередь будетъ затруднять пользованіе библіотекою и даже вести къ утратамъ книгъ. Въ виду всего вышесказаннаго, конференція признаетъ неотложною необходимостію имѣть при Институтѣ особаго

штатнаго библіотекеря, который бы свободенъ былъ отъ другихъ служебныхъ обязанностей по Институту; по мѣстнымъ условіямъ способное для такой должности лицо можетъ быть пріискано не иначе, какъ съ предоставленіемъ ему достаточнаго обезпеченія содержаніемъ и извѣстныхъ служебныхъ правъ, а посему конференція постановила слѣдующее: а) просить начальство объ учрежденіи при Институтѣ штатной должности библіотекаря, съ окладомъ по 800 р. въ годъ и казенною квартирою, съ правами службы по учебному вѣдомству; указанный окладъ, по мнѣнію конференціи, могъ бы составиться изъ суммы, положенной нынѣ по штату на вознагражденіе библіотекаря (200 р. въ годъ) и добавочныхъ 600 р. изъ суммы (6000 р.), положенной по штату на дополнительныя лекціи; б) такъ какъ веденіе этого дѣла въ законодательномъ порядкѣ будетъ требовать довольно продолжительнаго времени, а между тѣмъ Институтъ теперь же имѣетъ настоятельную надобность въ библіотекарѣ, особенно въ виду предполагаемаго пріобрѣтенія библіотеки покойнаго Шевырева, состоящай изъ 3135 названій, то при семъ же просить начальство о разрѣшеніи пригласить въ Институтъ временно, впредь до рѣшенія дѣла о штатной должности библіотекаря, соотвѣтственное лицо для исправленія должности библіотекаря, съ упомянутымъ выше вознагражденіемъ по 800 р. въ годъ, равно какъ съ предоставленіемъ ему казеннаго помѣщенія при Институтѣ, или же, въ случаѣ недостатка въ семъ послѣднемъ, квартирнаго пособія по 150 р. въ годъ. *Опредѣлено*: просить г. директора немедленно же войти къ начальству съ представленіемъ по этому дѣлу.

Ст. 6-я. Возбужденъ былъ вопросъ о составленіи правилъ для контроля надъ занятіями студентовъ. Конференція поручила заняться составленіемъ этихъ правилъ особой коммиссіи, членами которой назначены гг. директоръ Н. А. Лавровскій и инспекторъ Н. Я. Аристовъ. *Опредѣлено*: поручить упомянутой коммиссіи представить проэктъ правилъ въ ближайшее засѣданіе конференціи на ея разсмотрѣніе.

Ст. 8-я. На основаніи рѣшенія конференціи отъ 27 апрѣля, подвергнутъ былъ баллотированію на должность наставника и преподавателя латинскаго языка окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ А. *Фогель*. При баллотированіи

г. Фогель получилъ всѣ шары избирательные (избирательныхъ 5, неизбирательныхъ ни одного). *Опредѣлено*: представить г. Фогеля къ утвержденію въ означенныхъ должностяхъ.

Ст. 9-я. Предъявлено письмо г. министра народнаго просвѣщенія отъ 1 мая на имя г. директора Института, въ которомъ увѣдомляетъ, что онъ не встрѣчаетъ съ своей стороны препятствія къ утвержденію кандидата С.-Петербургскаго университета *Н. Грота* въ званіи и. д. экстраординарнаго профессора Историко-филологическаго института по каѳедрѣ философіи, по полученіи о томъ представленія начальства Кіевскаго учебнаго округа. *Опредѣлено*: подвергнуть г. Грота баллотированію на означенную должность въ ближайшее засѣданіе конференціи.

14-го мая.

Статья 2-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 1 мая за № 4737, при коемъ препровождаются утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 10 апрѣля сего 1876 г. правила для студентовъ Института и лазаретныя. Г. попечитель при этомъ присовокупляетъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія, оставляя въ силѣ § 36 правилъ для студентовъ Института, во избѣжаніе тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, что молодые люди въ теченіи перваго года подаютъ прошенія объ увольненіи ихъ изъ Института съ обязательствомъ прослужить, за время пребываніе ихъ въ Институтѣ на казенномъ содержаніи, установленный срокъ въ званіи уѣзднаго учителя и, до выдержанія испытанія на это званіе, живутъ въ Институтѣ, большею частью праздно, довольно продолжительное время, полагаетъ необходимымъ предупреждать поступающихъ въ Институтъ молодыхъ людей, что въ случаѣ подачи ими прошенія объ увольненіи изъ Института, согласно § 36 правилъ, имъ недозволено будетъ оставаться въ Институтѣ до полученія мѣста учителя уѣзднаго училища. *Опредѣлено*: принять къ исполненію.

Ст. 3-я. Слушали письмо г. Шевырева на имя г. директора Института, въ коемъ увѣдомляетъ, что за библіотеку отца его, покойнаго профессора Шевырева, онъ просилъ бы уплатить наслѣдникамъ покойнаго профессора 6,000 р.,—пять тысячъ по сдачѣ библіотеки, остальную же тысячу

чрезъ годъ или два; если же это условіе не можетъ быть принято, то они, наслѣдники, готовы уступить всю библіотеку за предлагаемую конференціей сумму пять тысячъ руб.; далѣе т. Шевыревъ присовокупляетъ, что библіотека хранится въ Москвѣ въ нанимаемой для нея кладовой и потому Институту необходимо будетъ поручить кому либо принять ее и отправить. *Справка*: по опредѣленію конференціи 26-го марта, поручено было г. директору Н. А Лавровскому снестись съ наслѣдниками профессора Шевырева: не согласятся ли они продать въ Институтъ не всю библіотеку въ цѣлости, но на выборъ тѣ лишь книги, какія пожелаетъ пріобрѣсти Институтъ; въ случаѣ же несогласія ихъ на это, просить ихъ объ уступкѣ съ назначенной ими за всю библіотеку суммы, одной тысячи рублей. *Опредѣлено:* принимая во вниманіе недостаточность средствъ Института, конференція, согласно прежнему своему рѣшенію, постановила уплатить за библіотеку пять тысячъ руб., а для пріема и доставленія ея въ Институтъ командировать довѣренное отъ Института лице, по назначенію институтскаго начальства, съ выдачею таковому лицу на поѣздку, содержаніе его въ Москвѣ и въ вознагражденіе за труды 200 р., на расходы же по отправкѣ библіотеки къ мѣсту назначенія 300 р.,—всего 5500 р. сер. изъ процентовъ пожертвованнаго графинею Суворовою-Рымникскою капитала.

Ст. 4-я. Читаны и одобрены составленныя, назначенною отъ конференціи коммиссіей, правила для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ Института. *Опредѣлено*: представить означенныя правила на утвержденіе начальства, а при предстоящихъ экзаменахъ принять ихъ въ руководство.

Ст. 6-я. Читаны и одобрены конференціею программы курсовъ, преподанныхъ студентамъ въ истекающемъ учебномъ году и предположенныхъ къ чтенію въ наступающемъ учебномъ году, представленныя профессорами: Н. А. Лавровскимъ—по исторіи русской литературы; Н. Я. Аристовымъ—по русской исторіи; Р. А. Фохтомъ—по латинскому языку; А. С. Будиловичемъ—по славяновѣдѣнію; П. И. Люнерсольскимъ—по всеобщей исторіи и законоучителемъ А. Ѳ. Хойнацкимъ—по богословію. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію.

Ст. 7-я. Представлены и разсмотрѣны отмѣтки объ успѣхахъ студентовъ по преподаваемымъ имъ предметамъ за второе полугодіе текущаго учебнаго года. *Опредѣлено:* принять къ свѣдѣнію.

Ст. 8-я. При чтеніи 2-й статьи протокола предъидущаго засѣданія г. директоромъ заявлено о готовности извѣстнаго нашего библіографа и критика г. Пономарева, принять на себя должность библіотекаря въ качествѣ временно исправляющаго оную, на означенныхъ въ упомянутой статьѣ протокола условіяхъ. Конференція изъявила полное согласіе на опредѣленіе г. Пономарева на означенную должность. *Опредѣлено:* просить г. Попечителя объ утвержденіи г. Пономарева временно исправляющимъ должность библіотекаря, по полученіи отъ него документовъ.

Ст. 9-я. Возбужденъ былъ вопросъ о положеніи врача при здѣшнемъ Институтѣ, которое относительно содержанія уравнено по штату съ положеніемъ врача при С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ; между тѣмъ мѣстныя условія обоихъ Институтовъ весьма различны: въ С.-Петербургѣ Институтъ имѣетъ полную возможность найти за 600 р. вознагражденія въ годъ хорошаго врача, который, сверхъ того, можетъ состоять врачемъ еще при одномъ или нѣсколькихъ заведеніяхъ, или же имѣть обширную частную практику, достаточно обезпечивающую его содержаніемъ; этого условія не существуетъ въ Нѣжинѣ и опытъ показалъ уже, до какой степени трудно здѣшнему Институту обезпечить себя постояннымъ и надежнымъ врачемъ при положенномъ ему теперь по штату незначительномъ вознагражденіи. Послѣ увольненія по прошенію отъ должности врача при Институтѣ лекаря Ковнера, Институтъ принужденъ былъ прибѣгать къ временнымъ врачамъ, сначала къ г. Круковскому, затѣмъ, по отъѣздѣ его изъ Нѣжина, къ г. Леонтовичу; приглашенный Институтомъ изъ Харькова и утвержденный въ должности Институтскаго врача докторъ Вилкомирскій, явившійся на мѣсто службы спустя полтора мѣсяца по своемъ опредѣленіи, не рѣшается вступить въ должность, по недостаточной обезпеченности, какъ онъ объяснилъ, содержанія его въ Нѣжинѣ, въ виду невозможности разсчитывать здѣсь на значительную частную практику. Поэтому конференція признаетъ настоятельною необходимостью ходатайствовать предъ начальствомъ объ увеличеніи содержанія

Институтскому врачу, именно о предоставленіи ему казенной квартиры при Институтѣ, или же квартирныхъ денегъ въ размѣрѣ 200 р. въ годъ изъ остатковъ отъ личнаго состава по Институту, и кромѣ того 100 р. разъѣздныхъ, для посѣщенія больныхъ гимназистовъ въ ихъ частныхъ квартирахъ — изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи. Послѣднюю сумму безусловно необходимо назначить врачу, принимая въ соображеніе разбросанность квартиръ учениковъ гимназіи и непроходимую грязь, какая бываетъ въ Нѣжинѣ въ осенніе и весенніе мѣсяцы. *Опредѣлено*: просить г. директора войти съ представленіемъ объ увеличеніи содержанія Институтскаго врача, въ указанномъ въ докладной части протокола размѣрѣ.

Ст. 11-я. Въ виду предстоящихъ экзаменовъ, согласно § 3 вновь составленныхъ правилъ для испытанія студентовъ, назначены ассистенты къ преподавателямъ, въ качествѣ членовъ экзаменаціонной коммиссіи, именно: для экзамена по греческому языку—наставникъ А. В. Добіашъ, по латинскому языку—наставникъ Н. С. Кириловъ, по исторіи русской литературы—ординарный профессоръ А. С. Будиловичъ, по славянской филологіи—инспекторъ Н. Я. Аристовъ, по русской исторіи ордин. профессоръ П. И. Люперсольскій, по всеобщей исторіи—инспекторъ Н. Я. Аристовъ. *Опредѣлено:* принять къ исполненію.

Ст. 12-я. На основаніи рѣшенія конференціи въ предъидущемъ ея засѣданіи, произведено баллотированіе кандидата С. Петербургскаго университета *Н. Грота* на званіе исправляющаго должность экстраординарнаго профессора Института по каѳедрѣ философіи. При баллотированіи г. Гротъ получилъ избирательныхъ шаровъ 5, неизбирательныхъ—ни одного. *Опредѣлено*; просить г. директора войти съ представленіемъ объ утвержденіи г. Грота въ означенной должности.

15-го Іюня.

Статья 3-я. Читанъ представленный и. д. экстра-ординарнаго профессора греческой словесности П. В. Никитинымъ отчетъ о преподанномъ имъ въ истекшемъ учебномъ году. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію.

Ст. 4-я. Читана представленная тѣмъ же преподавателемъ программа курса, предполагаемаго къ преподаванію въ будущемъ учебномъ году. *Опредѣлено:* одобрить означенную въ докладной части программу.

Ст. 5-я. Читанъ рапортъ исправляющаго должность экстра-ординарнаго профессора греческой словесности П. В. Никитина слѣдующаго содержанія: «при преподаваніи греческаго языка въ младшихъ курсахъ Института требуются, какъ извѣстно конференціи, кромѣ устныхъ, еще еженедѣльные письменные переводы съ русскаго языка на греческій. Для успѣшнаго руководства такого рода упражненіями, при многочисленности студентовъ въ младшихъ курсахъ, нужно много усидчиваго тяжелаго труда. Отсутствіе же въ русской учебной литературѣ сколько нибудь удовлетворительнаго сборника статей для письменныхъ переводовъ налагаетъ на преподавателя обязанность заниматься нетолько исправленіемъ ошибокъ, дѣлаемыхъ въ переводахъ студентами, но и отыскиваніемъ и обработкою текстовъ для переводовъ. Этимъ много отнимается времени у другихъ работъ преподавателя. А время преподавателя особенно дорого въ первые годы существованія Института, когда Институтъ выработываетъ свои, согласные съ условіями Институтскаго устройства, методы преподаванія, когда приходится много трудиться надъ выборомъ учебнаго матеріала, надъ построеніемъ такого курса науки, который, вполнѣ соотвѣтствуя потребностямъ учащихся, удовлетворялъ бы цѣлямъ Института. На этихъ основаніяхъ я затрудняюсь взять на себя все преподаваніе греческаго языка въ обоихъ курсахъ и прошу конференцію, оставивъ за мною 5 лекцій во второмъ курсѣ и двѣ (для чтенія Гомера) въ первомъ, для трехъ остальныхъ лекцій въ первомъ курсѣ пригласить другаго преподавателя, который бы занимался со студентами означеннаго курса повтореніемъ грамматики, переводами съ русскаго языка на греческій и находящимся въ тѣсной связи съ послѣдними—чтеніемъ аттическаго прозаика. Какъ на лице вполнѣ способное къ исполненію указанныхъ преподавательскихъ обязанностей, я могу указать на наставника А. В. Добіаша, хорошо извѣстнаго членамъ конференціи какъ своими познаніями въ греческомъ языкѣ, такъ и своими педагогическими способностями.» *Опредѣлено*: соглашаясь съ заявленіемъ г. Никитина относительно затруднительности для одного лица преподаванія

греческой словесности въ обоихъ младшихъ курсахъ Института и признавая г. Добіаша вполнѣ способнымъ къ исправленію должности преподавателя означеннаго предмета въ Институтѣ князя Безбородко, конференція постановила подвергнуть г. наставника Добіаша въ ближайшемъ засѣданіи конференціи баллотированію на должность преподавателя греческаго языка.

Ст. 6-я. Читанъ рапортъ ординарнаго профессора П. И. Люперсольскаго о томъ, что онъ, г. Люперсольскій, согласно опредѣленію конференціи 3-го февраля 1876 года, принялъ въ свое завѣдываніе отъ г. учителя Нѣжинской гимназіи И. Н. Михайловскаго принадлежащее Институту нумизматическое собраніе. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію.

Ст. 7-я. Разсмотрѣна общая вѣдомость успѣховъ студентовъ Историко-Филологическао Института за 1875/6 учебный годъ, изъ которой оказалось слѣдующее: 19 студентовъ по всѣмъ предметамъ имѣютъ отмѣтки удовлетворительныя, или болѣе чѣмъ удовлетворительныя, два студента, оказавъ успѣхи ниже удовлетворительныхъ по одному предмету, по всѣмъ прочимъ предметамъ имѣютъ отмѣтки удовлетворительныя, или выше удовлетворительныхъ и въ общемъ выводѣ отмѣтки выше удовлетворительныхъ: одинъ $3^1/_{14}$ другой $3^3/_{26}$, два студента, имѣя отмѣтки ниже удовлетворительныхъ по двумъ предметамъ, по всѣмъ прочимъ предметамъ оказали успѣхи удовлетворительные и частію выше удовлетворительныхъ, въ общемъ выводѣ имѣютъ отмѣтки: одинъ $2^{27}/_{28}$, другой $2^{23}/_{28}$; два студента оказали успѣхи ниже удовлетворительныхъ по четыремъ предметамъ каждый; относительно одного изъ этихъ студентовъ, кромѣ того, по справкѣ оказалось, что онъ предварительно до поступленія въ Историко-филологическій институтъ князя Безбородко пробылъ уже годъ въ 1-мъ курсѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставаться на второй годъ въ томъ же курсѣ Института князя Безбородко; одинъ студентъ оказалъ слабые успѣхи по пяти предметамъ; не подвергались вовсе курсовымъ испытаніямъ два студента: одинъ уволенный по болѣзни на родину и другой, по случаю долговременной болѣзни въ теченіи года, получившій отъ конференціи дозволеніе держать курсовые экзамены послѣ кани-

кулъ. *Опредѣлено:* 1) На основаніи § 14, одобреннаго конференціею въ засѣданіи 14 мая сего года проэкта правилъ для испытаній, студентовъ, имѣющихъ по всѣмъ предметамъ отмѣтки удовлетворительныя или выше удовлетворительныхъ, удостоить перевода въ слѣдующій курсъ. 2) Ходатайствовать предъ г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа о переводѣ въ слѣдующій курсъ, на указанныхъ въ означенномъ § проэкта правилъ условіяхъ, студентовъ, оказавшихъ по всѣмъ предметамъ успѣхи удовлетворительные и только по одному не удовлетворительные. 3) На основаніи того же § проэкта правилъ для испытаній и § 34 утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія правилъ для студентовъ Историко-филологическаго института князя Безбородко, ходатайствовать предъ г. попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа объ оставленіи на второй годъ въ первомъ курсѣ студентовъ, хотя и оказавшихъ не удовлетворительные успѣхи по двумъ предметамъ каждый, но подающихъ, по мнѣнію конференціи, надежды на успѣхи по нимъ въ случаѣ оставленія ихъ на второй годъ въ первомъ курсѣ. 4) Студентовъ, оказавшихъ неудовлетворительные успѣхи по четыремъ и пяти предметамъ, на основаніи того же § 14 проэкта правилъ для испытаніи и § 33 правилъ для студентовъ, уволить изъ Института, выдавъ имъ, во вниманіе къ степени ихъ общаго развитія и усердію въ занятіяхъ, свидѣтельства на званіе учителей уѣзднаго училища. 5) О всѣхъ таковыхъ опредѣленіяхъ конференціи донести г. попечителю округа, препроводивъ Его Превосходительству копію сей статьи протокола и копію общей вѣдомости объ успѣхахъ студентовъ Института за 1875/6 учебный годъ.

18-го іюня.

Статья 2-я. Слушали отчеты о преподаваніи новыхъ языковъ въ истекающемъ учебномъ году, представленные преподавателями: французскаго языка—г. Сертье и нѣмецкаго—г. Штейномъ. *Опредѣлено:* принять къ свѣдѣнію.

Ст. 3-я. Конференція занималась распредѣленіемъ лекцій на будущій 1876/7 учебный годъ. *Опредѣлено:* 1) лекціи на будущій учебный годъ распредѣлить такимъ образомъ, какъ показано въ прилагаемой къ сему протоколу (подъ лит. C) таблицѣ; 2) вслѣдствіе предложенія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 10 января

1876 года за № 129 и на основаніи предложенія г. министра народнаго просвѣщенія отъ 13 декабря 1875 года за № 13516, представить копію съ составленнаго конференціею и приложеннаго къ сему протоколу (подъ лит. С) распредѣленія лекцій на 1876/7 учебный чрезъ г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія.

Ст. 4 я. Слушали рапортъ ординарнаго профессора П. И. Люперсольскаго о томъ, что онъ, г. Люперсольскій, по порученію начальства Института, принялъ отъ директора Нѣжинскаго греческаго училища, занумеровалъ и размѣстилъ въ одномъ изъ шкафовъ институтской библіотеки — библіотеку, принадлежащую означенному училищу. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію.

Ст. 5-я. На основаніи опредѣленія конференціи отъ 15-го сего іюня, подвергнутъ былъ баллотированію на должность преподавателя греческаго языка въ Историко-филологическомъ институтѣ, А. В. *Добіашъ*; результатомъ баллотированія оказалось: избирательныхъ голосовъ 4, неизбирательныхъ—ни одного. *Опредѣлено*: донеся г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа о состоявшемся баллотированіи, съ препровожденіемъ копіи баллотировочнаго листа, просить его превосходительство ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. наставника Добіаша въ должности преподавателя греческаго языка въ Историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородко.

24-го августа.

Статья 3-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 20 августа за № 8850 слѣдующаго содержанія: «Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 6 августа за № 8560, разрѣшилъ пріобрѣсти для ввѣреннаго вамъ Института библіотеку отъ наслѣдниковъ покойнаго профессора Шевырева, съ употребленіемъ на это *пяти тысячъ пяти сотъ рублей* изъ процентовъ съ пожертвованнаго княгинею Италійскою графинею Суворовою-Рымникскою капитала. О вышеизложенномъ разрѣшеніи г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія имѣю честь сообщить вашему превосходительству для надлежащаго исполненія, въ отвѣтъ на представленіе отъ 8 минувшаго іюня за № 26». *Опре-*

дѣлено: принявъ къ свѣдѣнію и исполненію изложенное въ докладной части предложеніе г. попечителя, спросить наслѣдниковъ Шевырева: когда и отъ кого можетъ быть принята предложенная ими къ пріобрѣтенію для Института библіотека.

28-го августа.

Статья 1-я. Въ настоящемъ засѣданіи конференціи рѣчь профессора Люперсольскаго подъ заглавіемъ: «Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла», по предварительномъ прочтеніи ея членами конференціи, одобрена къ произнесенію на торжественномъ актѣ 30-го августа 1876 г.

Ст. 2-я. Составленный ученымъ секретаремъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Института за 1875/6 г., по предварительномъ прочтеніи его членами конференціи, въ настоящемъ засѣданіи одобренъ къ произнесенію на торжественномъ актѣ.

Ст. 3-я. Разсматривали списокъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ въ латинскомъ, греческомъ и русскомъ языкахъ, для поступленія въ число студентовъ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ. По внимательномъ обсужденіи какъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ по тремъ вышеозначеннымъ предметамъ, а также по выслушаніи рапорта г. врача Института о результатѣ произведеннаго имъ по распоряженію его превосходительства, г. директора Института, освидѣтельствованія состоянія здоровья подавшихъ прошенія о зачисленіи въ студенты Института, конференція нашла возможнымъ принять въ студенты Историко-филологическаго института князя Безбородко нижепоименованныхъ 9 лицъ: *Бенько Павла*, *Доброумова Ивана*, *Ивануху Якова*, *Лебедева Сергѣя*, *Никольскаго Алексѣя*, *Никольскаго Николая*, *Покровскаго Василія*, *Троицкаго Ивана* и *Шпигеля Фердинанда*. *Опредѣлено:* принять въ студенты Историко-филологическаго института князя Безбородко означенныхъ въ докладной части сего протокола лицъ, о чемъ представить, на основаніи § 34 Высочайше утвержденнаго устава Института, на утвержденіе г. попечителя округа, а также увѣдомить, для надлежащихъ распоряженій, правленіе Института, съ препровожденіемъ въ оное и документовъ сихъ молодыхъ людей.

ПРАВИЛА для ИСПЫТАНІЙ

и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 13 ноября 1876 г.

1) Студенты, по окончаніи каждаго учебнаго года, подвергаются переводному или курсовому испытанію изъ всего пройденнаго въ теченіи года.

2) Для производства переводныхъ или курсовыхъ испытаній, распредѣляемыхъ заблаговременно конференцій, назначается не болѣе шести недѣль.

3) Испытанія производятся въ особо-назначенныхъ конференціей испытательныхъ коммиссіяхъ, состоящихъ, подъ предсѣдательствомъ директора, или, по болѣзни, отсутствію, а равно по особымъ занятіямъ его по своей должности, инспектора,—изъ преподавателя предмета и ассистента.

4) Испытаніе производится преподавателемъ предмета, при чемъ предоставляется право предлагать вопросы прочимъ членамъ коммиссіи. Въ случаѣ же болѣзни или отсутствія преподавателя, а также

если каѳедра его осталась незамѣщенною, конференція поручаетъ производство испытанія одному изъ наличныхъ преподавателей.

5) Испытанія бываютъ устныя и письменныя. Послѣднія назначаются непремѣнно по языкамъ древнимъ и русскому.

6) Испытаніе по новымъ языкамъ производится только окончательное—или на одномъ изъ курсовыхъ, или же при выпускныхъ испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ, по желанію каждаго студента.

7) Испытанія производятся по вопросамъ, составленнымъ на основаніи программъ преподаванія, предварительно разсмотрѣнныхъ и утвержденныхъ конференціей. Эти вопросы сообщаются студентамъ, не менѣе какъ за три дня до начала испытанія по каждому предмету.

8) Вопросы предлагаются студентамъ или по жребію, въ формѣ билета, или словесно, по соглашенію между членами коммиссіи. Число предлагаемыхъ вопросовъ предоставляется усмотрѣнію коммиссіи.

9) Оцѣнка познаній студентовъ по устнымъ или письменнымъ испытаніямъ, а равно и сочиненій, опредѣляется цифрами: 1, 2, 3, 4 и 5, соотвѣтствующими словеснымъ опредѣленіямъ: слабое, посредственное, хорошее, очень хорошее и отличное знаніе.

10) При оцѣнкѣ познаній студентовъ принимаются во вниманіе ихъ годовыя отмѣтки; по древнимъ же языкамъ, преподаваніе которыхъ, сопровождаясь ежедневною провѣркою приготовленія студентовъ къ лекціямъ и еженедѣльными письменными упражненіями, отличается особымъ характеромъ сравнительно съ преподаваніемъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, годовыя отмѣтки по устнымъ и письменнымъ упражненіямъ выставляются въ особыхъ графахъ и входятъ въ сложеніе, для вывода средней отмѣтки, съ отмѣтками по испытанію, устному и письменному.

11) Отмѣтка за письменные отвѣты по языкамъ древнимъ и русскому, а также за сочиненіе студентовъ, назначаемое ежегодно по каждому изъ главныхъ предметовъ, слагаются съ отмѣтками по устнымъ испытаніямъ изъ того же предмета и изъ нихъ выводится средняя.

12) Отмѣтки ставятся преподавателемъ по соглашенію съ прочими членами коммиссіи. Въ случаѣ разногласія въ оцѣнкѣ познаній студента, вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ, а при раздѣленіи голосовъ—выводомъ средней цифры изъ отмѣтокъ всѣхъ членовъ коммиссіи. Въ случаѣ же несогласія кого-либо изъ членовъ коммиссіи съ результатомъ послѣдней оцѣнки, дѣло передается въ конференцію, которая и рѣшаетъ вопросъ большинствомъ голосовъ.

13) Отмѣтка менѣе 3-хъ лишаетъ студента права на переходъ въ слѣдующій курсъ, если не послѣдуетъ рѣшенія конференціи, по особо важнымъ соображеніямъ, ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о переводѣ, при чемъ ходатайство конференціи возможно только при отмѣткѣ менѣе 3 изъ *одного* предмета, при отмѣткѣ же менѣе 3 изъ *двухъ и болѣе* предметовъ студентъ, по опредѣленію конференціи, утвержденному высшимъ начальствомъ, или остается въ томъ же курсѣ, или увольняется изъ Института.

14) Студентъ, не подвергавшійся экзамену по болѣзни, допускается къ экзамену послѣ вакаціоннаго времени только съ разрѣшенія конференціи.

15) Кромѣ переводныхъ или курсовыхъ испытаній по окончаніи каждаго учебнаго года, для контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ въ теченіе года назначаются: по древнимъ языкамъ еженедѣльныя письменныя и практическія упражненія въ переводѣ съ русскаго языка и провѣрка домашняго чтенія древнихъ авторовъ, репетиціи и сочиненія, по возможности, по каждому изъ главныхъ предметовъ.

16) Время для репетицій назначается конференціей въ началѣ каждаго полугодія; при чемъ наблюдается, чтобы на одинъ день не приходилось болѣе одной, а въ теченіе недѣли не назначалось болѣе трехъ репетицій. Распредѣленіе репетицій на полугодіе сообщается студентамъ немедленно по составленіи его конференціею.

17) Сочиненія въ порядкѣ предметовъ, опредѣляемомъ конференціей, назначаются студентамъ съ начала учебнаго года, при чемъ каждый преподаватель въ установленномъ порядкѣ въ свое время

предлагаетъ студентамъ на собственный ихъ выборъ нѣсколько темъ. Предлагаемыя темы должны относиться къ содержанію прочитанныхъ лекцій, при чемъ, для основательнаго усвоенія послѣднихъ, указываются, для изученія, главнѣйшіе источники и пособія. Для сочиненія по каждому предмету назначается не менѣе одного мѣсяца.

РѢЧЬ

директора Института князя Безбородко Н. А. Лавровскаго, произнесенная на актѣ 30 августа 1876 года.

Милостивые Государи!

Годъ тому назадъ, представляя отчетъ о состояніи Института, Лицея и Гимназіи, относительно перваго я могъ сообщить только свѣдѣнія о тѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, которыми было вызвано къ жизни новое учрежденіе, предназначенное служить новымъ разсадникомъ наставниковъ русскаго юношества, и о тѣхъ приготовительныхъ мѣрахъ, которыя были необходимы для его открытія. Въ настоящее время, кромѣ свѣдѣній о продолжающемся устройствѣ Института, внѣшнемъ и внутреннемъ, конференція имѣетъ честь представить общія свѣдѣнія о его существованіи въ теченіи цѣлаго учебнаго года. Не касаясь частныхъ явленій, которыя найдутъ себѣ мѣсто въ отчетѣ и будутъ вслѣдъ за симъ предложены вашему вниманію, я позволяю себѣ коснуться въ не многихъ словахъ нѣкоторыхъ общихъ явленій изъ жизни трехъ ввѣренныхъ мнѣ учебныхъ заведеній.

Извѣстный вамъ личный составъ преподавателей Института къ наступающему учебному году увеличился преподавателемъ философіи, кандидатомъ С.-Петербургскаго университета, только что возвратившимся изъ-за границы, гдѣ онъ занимался спеціальнымъ изученіемъ своего предмета въ теченіе года, г. Гротомъ, опредѣленнымъ съ званіемъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора по ка-

ѳедрѣ философіи, наставникомъ Института, окончившимъ курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ и также только что возвратившимся изъ-за границы, гдѣ онъ въ теченіе двухъ лѣтъ занимался спеціальнымъ изученіемъ классической философіи, г. Фогелемъ. Съ опредѣленіемъ послѣдняго, Институтъ получилъ полное число наставниковъ, положенное по штату. Общее число наличныхъ учебныхъ и воспитательныхъ силъ, готовыхъ къ предстоящему имъ труду, вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ Института при его первыхъ двухъ курсахъ. Основными и, позволю себѣ сказать, вполнѣ благонадежными силами Институтъ уже обладаетъ; въ послѣдствіи съ открытіемъ всѣхъ четырехъ курсовъ, понадобятся только дополнительныя, пріобрѣтеніемъ которыхъ предстоитъ своевременно озаботиться. Обращаясь къ настоящему составу преподавателей и наставниковъ, въ самыхъ существенныхъ интересахъ заведенія, я не могу не высказать надежды, что онъ на долго посвятитъ ему свои силы, что въ немъ, съ теченіемъ времени, образуется та съ каждымъ годомъ укрѣпляющаяся связь съ заведеніемъ, какая возникаетъ между питомцемъ и воспитателемъ, влагающимъ душу въ дѣло воспитанія. Противъ такой связи безсильны житейскія соображенія и расчеты. Кромѣ того, въ личномъ составѣ служащихъ въ Институтѣ произошли слѣдующія перемѣны: врачъ Института и гимназіи, лекарь Савелій Григорьевичъ Ковнеръ, согласно прошенію, уволенъ отъ должности и на его мѣсто опредѣленъ стипендіатъ университета св. Владиміра для приготовленія къ профессорскому званію, лекарь съ отличіемъ Евгеній Васильевичъ Вербицкій. Экзекуторъ и экономъ Института и гимназіи Кониській, послѣ почти полувѣковой службы, по собственному прошенію уволенъ отъ должности.

Учащіеся. Изъ 28 студентовъ перваго курса, по опредѣленію конференціи, утвержденному г-мъ попечителемъ, переведено во 2-й курсъ 21.

Въ прежнемъ отчетѣ я имѣлъ честь указать на тѣ побужденія, коими руководствовалась конференція въ пріемѣ трехъ молодыхъ людей сверхъ числа, положеннаго по штату,— на желаніе предоставить себѣ возможность, обративъ особенное вниманіе на подавшихъ поводъ къ сомнѣніямъ и колебаніямъ относительно пріема, точнѣе испытать

ихъ способности и трудолюбіе въ теченіе цѣлаго учебнаго года, на пользу для полноты комплекта въ послѣдующихъ курсахъ имѣть въ запасѣ до трехъ студентовъ въ первыхъ. Соображенія конференціи на опытѣ оказались весьма основательными: нѣкоторые изъ принятыхъ, подъ условіемъ успѣшности занятій, выровнявшись въ теченіе года, оказали на переводныхъ испытаніяхъ вполнѣ удовлетворительные успѣхи. Говоря вообще, о занятіяхъ студентовъ перваго институтскаго курса я могу отозваться съ полнымъ одобреніемъ, и едва-ли не съ большимъ—о ихъ поведеніи. Въ послѣднемъ отношеніи, соблюдая строгую истину, я долженъ заявить, что въ теченіе цѣлаго учебнаго года не было ни одного проступка, который бы можно было назвать злокачественнымъ, въ которомъ можно бы было подмѣтить признаки испорченной природы, и я позволю себѣ высказать увѣренность, что этотъ курсъ не только поддержитъ образовавшееся о немъ мнѣніе конференціи, но и, совершенствуясь нравственно, будетъ служить примѣромъ для вновь поступающихъ, дѣйствуя на нихъ воспитательно.

Изъ 14 подавшихъ прошеніе о поступленіи въ Институтъ въ нынѣшнемъ году и послѣ медицинскаго освидѣтельствованія конференція признала возможнымъ принять 9-ть. Недостаточное число подавшихъ прошеніе повидимому находится въ связи съ совершающимися преобразованіями въ семинаріяхъ, которыя доставляютъ обоимъ Институтамъ наибольшій контингентъ.

Истекшій учебный годъ былъ годомъ устройства внутренней жизни Института, внесенія въ нее порядка, снабженія ея правилами, въ предѣлахъ которыхъ должно совершаться правильное и цѣлесообразное движеніе этой жизни. Конференціи предстояло много труда. Ею составлены были и утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія инструкціи для самой конференціи, правленія и разныхъ должностныхъ лицъ, правила для студентовъ, больницы, для переводныхъ испытаній и другихъ видовъ контроля надъ занятіями студентовъ (утвержденіе послѣднихъ еще не состоялось), наконецъ проектъ положенія и штатовъ соединенной съ Институтомъ гимназіи. Всѣхъ засѣданій конференціи было 26. Если конференція много потрудилась для регламентаціи внутренней жизни Института, то правленіе не менѣе озабочено было опредѣленіемъ условій матеріальной жизни студентовъ и

*

преимущественно мѣрами для имѣвшихся производиться нынѣшнимъ лѣтомъ въ обширныхъ размѣрахъ работъ по расширенію помѣщеній студентовъ, а также по постройкѣ разныхъ службъ, и вслѣдъ затѣмъ наблюденіемъ надъ самымъ производствомъ этихъ работъ. Всѣхъ засѣданій правленія было 75. Въ нынѣшнемъ году должны окончиться въ чернѣ: надстройка 3-го этажа, постройка необходимыхъ службъ, на что ассигновано изъ Государственнаго казначейства 50590 руб. Кромѣ того, въ этомъ же году должна начаться постройка двухъ каменныхъ флигелей для преподавателей Института, на что Высочайше утвержденнымъ 27-го апрѣля 1876 года мнѣніемъ Государственнаго совѣта разрѣшено до 38701 руб. 72 коп. изъ свободныхъ остатковъ отъ суммъ, ассигнованныхъ по финансовымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія 1875 — 1876 годовъ. Такимъ образомъ мысль объ устройствѣ казенныхъ помѣщеній для преподавателей, благодаря энергическому участію г. министра народнаго просвѣщенія и усердному содѣйствію нашего достоуважаемаго почетнаго попечителя графа А. И. Мусина-Пушкина, всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ относящагося къ нуждамъ Института, получивъ Высочайшее утвержденіе, будетъ осуществлена въ ближайшемъ будущемъ; до того времени всѣ преподаватели, за исключеніемъ одного, будутъ удобно помѣщены въ институтскихъ зданіяхъ. И такъ, еще одно лѣто, и Институтъ, благодаря щедро и обильно дарованнымъ средствамъ, будетъ вполнѣ и надолго обезпеченъ всѣмъ, что необходимо для его внѣшняго благосостоянія.

Лицей князя Безбородко въ концѣ учебнаго года, вмѣстѣ съ послѣднимъ выпускомъ, прекратилъ свое существованіе. Согласно съ утвержденнымъ представленіемъ Совѣта лицея, послѣдніе курсы лицея раздѣлены были между двумя преподавателями—*Яснопольскимъ*, читавшимъ законы казеннаго управленія и государственнаго благоустройства, и *Мозговымъ*, преподававшимъ по найму гражданскіе законы и законы государственнаго благочинія. Съ закрытіемъ лицея, первый остался за штатомъ на общемъ основаніи. Мнѣ остается помянуть добрымъ словомъ лицей, сослужившій свою общественную службу и удовлетворявшій въ свое время потребностямъ, вызвавшимъ его учрежденіе: послѣдній курсъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ сдалъ свой

окончательный экзаменъ; изъ 24 студентовъ удостоены высшаго, XII класса, 16 и только 8—XIV класса.

Гимназія. Въ прежнемъ отчетѣ я имѣлъ честь объявить о Высочайше утвержденномъ 4 іюля прошлаго года положенія о 120 казенныхъ стипендіатахъ при институтской гимназіи, по 30 въ каждомъ изъ высшихъ четырехъ классовъ, обязанныхъ по удовлетворительномъ окончаніи испытаній зрѣлости, поступить въ Историко-филологическій институтъ. Къ началу наступающаго учебнаго года заявившихъ желаніе поступить на означенныя стипендіи было 17; изъ нихъ, по разсмотрѣніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній о ихъ учебныхъ занятіяхъ и поведеніи, доставленныхъ начальствами гимназій и прогимназій, а также ихъ письменныхъ работъ на послѣднемъ испытаніи, принято 11, соотвѣтственно суммѣ, ассигнованной для настоящаго учебнаго года, въ количествѣ 2260 руб. Такимъ образомъ гимназическій стипендіальный институтъ, вмѣстѣ съ которымъ гимназія становится приготовительной школой для Института, имѣющею доставлять послѣднему непрерывный и вполнѣ благонадежный контингентъ, въ наступающемъ учебномъ году получилъ свое начало, и нѣтъ сомнѣнія, что по мѣрѣ освобожденія казенныхъ стипендій въ разныхъ гимназіяхъ Имперіи, онъ въ непродолжительное время окажется въ полномъ своемъ составѣ, опредѣленномъ положеніемъ.

Существовавшіе въ гимназіи три низшіе параллельные класса, необходимые въ свое время, въ послѣдніе годы, вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія числа поступающихъ въ эти классы, не могли имѣть надлежащаго контингента. Въ прежніе годы, при усиливавшемся запросѣ на образованіе, когда Нѣжинская гимназія вмѣстѣ съ Черниговской должна была удовлетворять потребностямъ цѣлой губерніи, число поступавшихъ въ нее увеличивалось съ каждымъ годомъ и вызвало необходимость открытія параллельныхъ классовъ. Число учениковъ въ послѣднихъ, доходившее до 30, поддерживалось долго съ замѣчательнымъ постоянствомъ, чѣмъ вполнѣ и оправдывалась ихъ необходимость. Со времени же открытія гимназіи въ Лубнахъ, гимназіи и учительскаго института въ Глуховѣ, прогимназіи Въ-Прилукахъ, Суражѣ, число поступающихъ въ низшіе классы Нѣжинской гимназіи стало замѣтно уменьшаться. На пріемныя испытанія въ августѣ прошлаго

года желавшихъ поступить въ приготовительный классъ явилось только 31, въ 1-й 24, такъ что первый параллельный классъ упразднился самъ собою; въ августѣ нынѣшняго года подавшихъ прошеніе о поступленіи во всѣ три низшіе класса было только 22, вслѣдствіе чего упразднился и 2-й параллельный классъ, такъ что въ наступившемъ учебномъ году останется только одинъ третій; вслѣдствіе того же преподаватели параллельныхъ классовъ, Молодшій и Воробьевъ, должны были оставить гимназію. Сумма, назначенная на параллельные классы, 3515 р., новымъ положеніемъ введена въ общую штатную сумму гимназіи.

Нѣжинская гимназія въ истекшемъ учебномъ году получила новое положеніе и новые штаты, Высочайше утвержденные 9 іюля сего года. Вмѣстѣ съ симъ точно и вполнѣ благопріятно опредѣлились и ея учебныя и воспитательныя силы, и ея отношеніе къ Институту, и, наконецъ, ея матеріальныя средства. Чтобы представить себѣ обиліе послѣднихъ, достаточно указать, что общій бюджетъ соединенной съ Институтомъ гимназіи на 6109 р. превышаетъ бюджетъ институтской С.-Петербургской гимназіи и на 3515 р. бюджетъ нормальной классической гимназіи по уставу 1871 года. Если несомнѣнно, что отъ внѣшняго благосостоянія учебнаго заведенія во многомъ зависитъ внутреннее, то нельзя не признать, что она поставлена въ наилучшія условія для успѣха своей дѣятельности, и притомъ преимущественныя сравнительно со всѣми гимназіи имперіи. Я позволю себѣ выразить твердую увѣренность, что всѣ, отъ кого зависитъ преуспѣяніе нашей гимназіи, всѣ, на комъ лежитъ нравственная обязанность прямаго направленія ея къ предначертанной ей высокой цѣли, посвятятъ ей всѣ свои силы, честно исполнятъ возложенныя на нихъ обязанности.

Мм. Гг. Изъ предложеннаго Вашему вниманію краткаго обозрѣнія общихъ явленій изъ жизни двухъ, ввѣренныхъ мнѣ, учебныхъ заведеній, Вы могли усмотрѣть, что истекшій годъ былъ для нихъ въ высокой степени знаменательнымъ и навсегда достопамятнымъ: въ этомъ году не только дана жизнь одному и преобразовано другое, но и совершилось внѣшнее и внутреннее ихъ устройство, точно очерченъ кругъ, въ которомъ должно совершаться ихъ движеніе въ будущемъ, оба заведенія щедро надѣлены всѣмъ, что необходимо для ихъ преу-

спѣянія. Начиная новый учебный годъ, мы смѣло можемъ смотрѣть впередъ, точно сознавая и высокую, предначертанную обоимъ заведеніямъ, цѣль и способы къ достиженію этой цѣли. Съ нашей стороны необходимо только неуклонное стремленіе къ этой цѣли, живое воодушевленіе ею и это для того, чтобы своею дѣятельностію и полнотою ея успѣховъ оправдать возлагаемыя на Институтъ и его гимназію надежды Государя Императора, въ Его стремленіяхъ къ установленію на незыбленыхъ началахъ системы образованія русскаго юношества.

ОТЧЕТЪ

о состояніи и дѣятельности Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ за 187⁵/₆ учебный годъ, читанный на годичномъ актѣ 30 августа 1876 года ученымъ секретаремъ конференціи П. В. Никитинымъ.

14-го Сентября 1875 года состоялось торжественное открытіе Историко-Филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Повѣрочныя испытанія для желающихъ поступить въ число студентовъ Института производились во второй половинѣ августа того же года. Къ испытаніямъ явилось 42 молодыхъ человѣка; изъ нихъ принято 25, въ томъ числѣ одинъ бывшій студентъ университета, 2 воспитанника гимназій и 22 воспитанника духовныхъ семинарій. Приняты безъ повѣрочнаго испытанія переведенные, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, въ 1-й курсъ Института князя Безбородко 3 студента того же курса Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института. Такимъ образомъ общее число студентовъ, принятыхъ въ Институтъ предъ началомъ 1875/6 учебнаго года было 28. Изъ принятыхъ по экзамену 17 обнаружили, говоря вообще, познанія удовлетворительныя и не подали повода къ колебаніямъ по вопросу о ихъ пріемѣ въ Институтъ. Слабѣе были познанія остальныхъ 8 молодыхъ людей, подавшихъ поводъ въ конференціи къ продолжительнымъ сужденіямъ о сравнительномъ достоин-

ствѣ ихъ познаній по всѣмъ предметамъ испытаній. Однако конференція, съ одной стороны принимая во вниманіе незначительность различій въ достоинствѣ ихъ познаній, съ другой—желая предоставить себѣ возможность, обративъ на нихъ особенное вниманіе, опредѣлить точнѣе ихъ способности и трудолюбіе въ теченіе перваго учебнаго года, наконецъ считая вообще полезнымъ для полноты комплекта въ послѣднихъ курсахъ имѣть въ запасѣ отъ одного до трехъ студентовъ въ первыхъ, постановила, принявъ всѣхъ этихъ 8 молодыхъ людей, объявить имъ, что на нихъ обращено будетъ особенное вниманіе и что неуспѣшность ихъ занятій въ теченіе года неминуемо повлечетъ за собою увольненіе изъ Института. Послѣ курсовыхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ текущаго года, 21 студентъ переведенъ во второй курсъ, два, обнаружившіе познанія не по всѣмъ предметамъ удовлетворительныя и два, вовсе не подвергавшіеся курсовымъ испытаніямъ вслѣдствіе продолжительной болѣзни въ теченіи года, оставлены на второй годъ въ 1-мъ курсѣ и 3 уволены изъ Института за малоуспѣшность, со свидѣтельствами на званіе учителя уѣзднаго училища. Изъ числа тѣхъ 8 молодыхъ людей, отвѣты которыхъ на повѣрочныхъ испытаніяхъ, при поступленіи въ Институтъ, оказались не вполнѣ удовлетворительными, 5 переведены во второй курсъ, 2 оставлены на второй годъ въ 1-мъ курсѣ и 1 уволенъ за малоуспѣшность.

На повѣрочныя испытанія для поступленія въ первый курсъ Института, производившіяся во второй половинѣ августа текущаго года, изъ 14 молодыхъ людей подавшихъ прошенія явилось 13. Принято изъ нихъ 9, въ томъ числѣ 1 бывшій студентъ университета, 2 воспитанника гимназій и 6 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Такъ какъ кромѣ того въ первомъ же курсѣ оставлено 4 студента, принятыхъ въ Институтъ въ прошломъ году, то всего въ этомъ курсѣ Институтъ имѣетъ 13 студентовъ, а въ обоимъ курсахъ 34.

Въ истекшемъ учебномъ году студентамъ 1-го курса преподавались слѣдующіе предметы: законъ Божій (священникъ Хойнацкій), греческая словесность (исправляющій должность экстра-ординарнаго профессора Никитинъ), римская словесность (ординарный профессоръ Фохтъ), славянская филологія (ординарный профессоръ Будиловичъ), русская словесность (директоръ Лавровскій), всеобщая исторія (ординар-

ный профессоръ Люперсольскій), русская исторія (ординарный профессоръ Аристовъ), языки французскій (преподаватель Сертье) и нѣмецкій (преподаватель Штейнъ).

По *закону Божію* (одна лекція въ недѣлю) предметомъ чтеній было: а) введеніе въ науку догматическаго богословія, б) ученіе православнаго догматическаго богословія о Богѣ и в) православное христіанское ученіе о мірѣ.

По *греческой словесности* (5 лекцій въ недѣлю и одинъ день въ двѣ недѣли для домашняго чтенія греческихъ писателей) изложены основные законы устройства эпическаго гекзаметра, переведены и объяснены I и первая половина V пѣсни Одиссеи; сдѣланъ краткій обзоръ жизни и сочиненій Ксенофонта и переведены и объяснены 1-я и часть 2-й главы первой книги Ксенофонтовыхъ Ἀπομνημονεύματα. При чтеніи Гомера вниманіе слушателей сосредоточивалось главнымъ образомъ на сличеніи формъ эпическаго іонизма съ формами аттическаго нарѣчія, а при чтеніи Ксенофонта на синтаксическомъ строѣ рѣчи этого прозаика. Въ домашнемъ чтеніи студентами пройдены II-я и конецъ V пѣсни Одиссеи, а также III, IV и начало V книги сочиненія Ксенофонта Ἀνάβασις. Въ связи съ устными и письменными переводами съ русскаго языка на греческій повторены главнѣйшіе отдѣлы греческаго синтаксиса. Тексты для устныхъ переводовъ съ русскаго брались изъ сборника Григоревскаго, а для письменныхъ были составляемы преподавателемъ.

По *римской словесности* (6 лекцій еженедѣльно и одинъ день въ двѣ недѣли для домашняго чтенія латинскихъ писателей) на лекціяхъ читались Овидіевы Tristia, а именно: 10-я элегія IV-й и 1-я I-й книги и «Tusculanae disputationes» Цицерона, а именно: первыя 29 главъ первой книги; въ то же время изложенъ былъ syntaxis congruentiae и syntaxis verbi латинскаго языка по грамматикѣ Ходобая и потому же руководству пройдены глаголы, отступающіе въ образованіи своихъ формъ отъ общихъ правилъ. Съ русскаго на латинскій студенты переводили письменно задачи, составленныя профессоромъ, съ цѣлію практическаго усвоенія студентами синтаксическихъ правилъ по мѣрѣ теоретическаго ихъ изученія, изъ выраженій, встрѣтившихся въ прочитанныхъ отрывкахъ Цезаря, Цицерона и Овидія, а

устно-отдѣльныя фразы, частію предложенныя словесно самимъ профессоромъ, частію заимствованныя изъ книги упражненій къ латинской грамматикѣ Ходобая и Виноградова. Домашнимъ образомъ студентами прочитаны нѣсколько главъ первой книги »Тускулянскихъ бесѣдъ« и четыре первыя книги и избранныя мѣста изъ книгъ 5 и 6 »Галльской войны Цезаря«.

По *славянской филологіи* (3 лекціи въ недѣлю) прочитаны слѣдующіе отдѣлы славяновѣдѣнія: 1) топографическій обзоръ территоріи западнаго и южнаго славянства; 2) этнографическій очеркъ современнаго славянства, 3) первый отдѣлъ славянскихъ древностей, заключенный VI вѣкомъ по Р. Хр., 4) введеніе въ славянскую филологію, обнимающее очеркъ исторіи языкознанія, съ изложеніемъ основаній науки объ языкѣ, а также системъ классификаціи языковъ вообще и славянскихъ въ особенности; 5) изъ исторической грамматики славянскаго языка: отдѣлъ первый о звукахъ (фонетика) и изъ отдѣла втораго о формахъ (морфологіи) ученіе о формахъ корней и способахъ образованія именныхъ темъ.

По *русской словесности* (двѣ лекціи въ недѣлю; чтенія начались со времени полученія на то разрѣшенія отъ г. министра народнаго просвѣщенія, т. е. съ 27 октября 1875 года) прочитана исторія русской литературы Кіевскаго періода съ обозрѣніемъ русской народной поэзіи.

По *всеобщей исторіи* (4 лекціи въ недѣлю) преподана исторія древняго востока по слѣдущей программѣ: 1) введеніе во всеобщую исторію; 2) исторія Индіи (Индустана); 3) исторія Вавилона и Ассиріи; 4) исторія Ирана и 5) исторія Египта.

По *русской исторіи* (3 лекціи въ недѣлю) прочитана исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ до царей изъ дома Романовыхъ.

По *французскому языку* (3 лекціи въ недѣлю) преподаватель занимался со студентами грамматикою и переводами съ русскаго языка на французскій и съ французскаго на русскій по книгѣ Игнатовича.

По *нѣмецкому языку* (3 лекціи въ недѣлю) занятія состояли

въ изученіи грамматики и переводахъ на русскій языкъ 30-ти лѣтней войны Шиллера.

Всего обязательныхъ для студентовъ лекцій въ недѣлю было 27. Одинъ день въ недѣлю (четвергъ) оставленъ былъ совершенно свободнымъ отъ лекцій съ тою цѣлью, чтобы студенты посвящали его домашнему чтенію древнихъ авторовъ, то греческихъ, то латинскихъ, попеременно. Не ограничиваясь только приготовленіемъ къ лекціямъ и репетиціямъ, студенты составляли сочиненія по предметамъ: исторіи русской литературы, славянской филологіи, и русской и всеобщей исторіямъ. Профессорами и преподавателями пропущено было по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ въ теченіи года всего 26 лекцій.

Въ теченіе учебнаго года профессорами Института изданы слѣдующіе ученые труды: 1) Законоучителемъ А. Ѳ. Хойнацкимъ: »объ обрядахъ, предшествующихъ совершенію крещенія, для практическаго руководства священнослужителей (напечатано въ »Христіанскомъ чтеніи«) и »Путеводитель по горѣ Почаевской« (отдѣльная книжка); 2) Н. Я. Аристовымъ напечатанныя въ сборникѣ »Древняя и Новая Россія:« »Преданія о мѣстныхъ Святыняхъ«, »Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ и нѣсколько критическихъ статей; 3) Р. А. Фохтомъ напечатанныя въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія статьи: критическая замѣтка о Cic. Tuscul. II и »Логическая связь мыслей въ первой книгѣ Тускуланскихъ бесѣдъ Цицерона»; 4) А. С. Будиловичемъ: »XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской С.-Петербургской библіотеки XI вѣка (С.-Пб. 1875 г.); статьи частію уже напечатанныя въ 1-мъ томѣ славянскаго сборника, частію печатающіяся во II-мъ томѣ того же изданія подъ заглавіями: »Нѣсколько замѣчаній и соображеній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи«, »О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ«, »Нѣсколько замѣчаній о славяновѣдѣніи«, »О всеславянскомъ литературномъ языкѣ«; три публичныя лекціи изъ Сербской исторіи, читанныя въ гг. Нѣжинѣ и Кіевѣ: 1) «о паденіи Сербскаго Царства, 2) о возрожденіи Сербскаго народа и 3) о взаимныхъ историческихъ связяхъ народовъ русскаго и сербскаго« и рядъ политиче-

скихъ статей о восточномъ или славянскомъ вопросѣ, напечатанныхъ въ журналѣ »Гражданинъ« за 1875 и 1876 годы; 5) П. В. Никитинымъ изслѣдованіе »объ основахъ для критики текста эолическихъ стихотвореній Ѳеокрита«. (Кіевъ 1876 г., напечатано на средства, дарованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія).

Конференція Института имѣла въ теченіи учебнаго года 26 засѣданій. Главными предметами занятій конференціи, кромѣ текущихъ дѣлъ, были слѣдующіе: 1) избраны: а) и. д. экстра-ординарнаго профессора Никитинъ на должность ученаго секретаря и наставникъ Н. С. Кирилловъ—на должность библіотекаря; 2) приглашены къ преподаванію студентамъ Института французскаго языка учитель той же гимназіи Сертье и нѣмецкаго—учитель той-же гимназіи Штейнъ; 3) во вниманіе многочисленности и важности предметовъ, входящихъ въ каѳедру русской словесности, преподаваніе исторіи русской литературы отдѣлено отъ преподаванія славянской филологіи и первое предложено директору Н. А. Лавровскому, а послѣднее оставлено за ординарнымъ профессоромъ по означенной каѳедрѣ А. С. Будиловичемъ. 4) Ординарному профессору по каѳедрѣ всеобщей исторіи П. И. Люперсольскому поручено завѣдываніе имѣющимся при Институтѣ собраніемъ монетъ и медалей; 5) составлены: а) проекты инструкцій объ обязанностяхъ конференціи, педагогическаго совѣщанія, правленія, директора, инспектора, профессоровъ, наставниковъ, преподавателей и прочихъ должностныхъ лицъ Института и проекты правилъ для студентовъ института и правилъ лазаретныхъ; б) разсмотрѣны и одобрены составленые въ особыхъ коммиссіяхъ, назначенныхъ конференціею, проекты: а) правилъ для библіотеки Института и б) правилъ для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ Института; 7) разсмотрѣны и одобрены, выработанныя въ особыхъ засѣданіяхъ хозяйственнаго комитета соединенной съ Институтомъ гимназіи: а) соображенія и мѣры относительно будущаго положенія и содержанія стипендіатовъ означенной гимназіи и б) проектъ положенія и штатовъ той-же гимназіи; 8) принимая во вниманіе многосложность занятій обязательныхъ для студентовъ Института, конференція постановила: а) сдѣлать обязательнымъ для каждаго студента изученіе только одного изъ новыхъ языковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить каждому желающему возможность изученія обоихъ и б) по новымъ

языкамъ обязательныхъ курсовыхъ испытатій не производить, но предоставить студентамъ, смотря по желанію каждаго, сдавать окончательный по этимъ предметамъ экзаменъ или на одномъ изъ курсовыхъ испытаній, или-же при выпускныхъ испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ; в) во избѣжаніе затруднительнаго для студентовъ совпаденія на одной недѣлѣ нѣсколькихъ репетицій по разнымъ предметамъ, составлено точное распредѣленіе репетицій; 9) съ цѣлью усиленія научной дѣятельности Института, конференція, признавъ полезнымъ издавать при Институтѣ періодическій сборникъ подъ заглавіемъ «Извѣстія Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ», выработала основанія для означеннаго изданія; 10) членами конференціи разсмотрѣнъ заключающій въ себѣ 3135 названій каталогъ библіотеки покойнаго профессора Шевырева, предложенный наслѣдниками профессора къ пріобрѣтенію для Института; такъ-какъ отдѣлъ этой библіотеки по русской словесности и всеобщей литературѣ представляетъ собою полное, со знаніемъ дѣла составленное собраніе сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя очень рѣдки и даже вовсе не существуютъ болѣе въ продажѣ, а въ другихъ отдѣлахъ такъ-же содержатся книги болѣе или менѣе нужныя для пополненія Институтской библіотеки, то конференція опредѣлила просить высшее начальство о дозволеніи пріобрѣсти означенную библіотеку для Института, на что и послѣдовало разрѣшеніе высшаго начальства; 11) опредѣлено положить начало устройству особой студенческой библіотеки посредствомъ выдѣленія дублетовъ изъ состава фундаментальной библіотеки Института, а равно и посредствомъ пріобрѣтенія книгъ покупкою по мѣрѣ средствъ Института; 12) для пополненія комплекта преподавателей, наставниковъ и другихъ должностныхъ лицъ Института на будущій 1876/7 учебный годъ конференціею приняты слѣдующія мѣры: а) кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Н. Я. Гротъ приглашенъ для преподаванія въ Институтѣ философіи въ званіи исправляющаго должность экстра-ординарнаго профессора, въ каковомъ званіи и утвержденъ 15 іюня; б) окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ со званіемъ учителя гимназіи и находившійся въ послѣднее время въ заграничной командировкѣ для приготовленія къ званію профессора по предметамъ классической филологіи А. М. Фогель избранъ на должность наставника студентовъ (и въ этой должности утвержденъ съ 1 іюля), ему-

же поручены нѣкоторые отдѣлы преподаванія римской словесности въ первомъ курсѣ Института; в) наставнику студентовъ А. В. Добіашу поручена въ томъ-же курсѣ часть преподаванія греческой словесности; г) по случаю перемѣщенія изъ Нѣжина учителя гимназіи Штейна, состоявшаго въ Институтѣ преподавателемъ нѣмецкаго языка, для преподаванія этого предмета студентамъ Института приглашенъ учитель Нѣжинской гимназіи г. Мургуловичъ; д) въ виду крайней сложности и обременительности занятій библіотекаря въ Институтѣ, который будетъ имѣть до 100 студентовъ и ежегодно пріобрѣтать книгъ на сумму до 2600 руб. сер., а при существованіи ежегодныхъ общихъ остатковъ и болѣе, конференція признала неотложною необходимостью имѣть при Институтѣ особаго штатнаго библіотекаря, который былъ-бы свободенъ отъ другихъ служебныхъ обязанностей по Институту, а потому вошла къ высшему начальству съ представленіемъ объ учрежденіи при Институтѣ штатной должности библіотекаря, съ платою по 800 руб. въ годъ и казенной квартирой или квартирными деньгами въ количествѣ 150 руб. серебромъ.

Педагогическое совѣщаніе, имѣвшее въ теченіи года 10 засѣданій, обсуждало успѣхи и поведеніе студентовъ, вырабатывало мѣры къ ихъ вящшему научному и нравственному преуспѣянію, и о важнѣйшихъ дѣлахъ доносило конференціи.

Библіотека Института, въ основаніе которой легла библіотека бывшаго лицея князя Безбородко, увеличенная пріобрѣтеніемъ библіотеки покойнаго Директора С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института, Штейнмана, пополнялась въ теченіи года покупкою книгъ по предложеніямъ профессоровъ и преподавателей, присылкою казенныхъ изданій и пожертвованіями какъ высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, такъ и частныхъ лицъ. Въ библіотеку-же Института поступили дублеты библіотеки Императорскаго Варшавскаго университета, а также библіотека Нѣжинскаго Александровскаго училища, заключающая въ себѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ книгъ по отдѣламъ: богословскому, классическому, историческому и литературному. Отдѣлъ Гоголевскихъ рукописей обогатился пріобрѣтеніемъ отъ вдовы покойнаго профессора Максимовича 24 писемъ знаменитаго писателя, которыя не лишены нѣкотораго историко-литературнаго значенія и—хотя

уже напечатаны, но напечатаны не точно и съ пропусками. Всего въ документальныхъ каталогахъ библіотеки Института къ 30 августа настоящаго года значилось названій книгъ 5134, томовъ 16,874. Для большихъ удобствъ въ пользованіи библіотекою, положено начало устройству подвижнаго систематическаго каталога. Въ будущемъ учебномъ году библіотеку Института ожидаютъ весьма значительныя приращенія, такъ-какъ кромѣ обширной библіотеки покойнаго профессора Шевырева, въ распоряженіе Института поступятъ еще, изъ пожертвованной въ пользу Археографической коммиссіи почетнымъ гражданиномъ Григорьевымъ библіотеки покойнаго члена Государственнаго Совѣта П. А. Муханова, дублеты и другія книги, какія окажутся ненужными для Археографической коммиссіи. Институтъ унаслѣдовалъ отъ лицея князя Безбородко такъ-же минцъ-кабинетъ и картинную галлерею, пожертвованныя графомъ А. Г. Кушелевымъ-Безбородко. Картинная галлерея, еще неимѣющая для себя отдѣльнаго помѣщенія, состоитъ изъ 174 картинъ; въ минцъ-кабинетѣ находится около 4550 нумеровъ монетъ и медалей.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ отчета по гимназіи за истекшій $187^5/_6$ учебный годъ.

I. Перемѣны въ личномъ составѣ гимназіи.

1. Уволены:

1) Преподаватель исторіи и географіи, с. с. Венедиктъ Дмитріевичъ *Юскевичъ*—по прошенію, за выслугою лѣтъ.

2. Перемѣщены:

1) Преподатель нѣмецкаго языка, с. с. Юлій Ивановичъ *Штейнъ*—преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Прилукскую прогимназію.

2) Исправляющій должность учителя латинскаго языка, *Молодшій*—преподавателемъ въ Суражскую прогимназію.

3. Опредѣлены:

1) Наставникъ Института князя Безбородко, Антонъ Вячеславовичъ *Добіашъ*—преподавателемъ греческаго языка въ высшихъ классахъ, 7 и 8-мъ.

2) Наставникъ Института князя Безбородко, Николай Стратониковичъ *Кирилловъ*—преподавателемъ греческаго языка въ высшихъ классахъ, 5 и 6-мъ.

3) Кандидатъ университета Св. Владиміра, состоящій въ VIII классѣ, Иванъ Аѳанасьевичъ *Сребницкій*—преподавателемъ исторіи и географіи.

4) Воспитанникъ Кіевской духовной академіи, Георгій Дмитріевичъ *Мургуловичъ*—преподавателемъ нѣмецкаго языка.

5) Бывшій воспитатель Михайловской Воронежской военной гимназіи, с. с. Павелъ Ивановичъ *Борисовъ*—воспитателемъ гимназіи.

6) Бывшій учитель Темиръ-Ханъ-Шуринской окружной Горской школы, Андроникъ Александровичъ *Борода*—исправляющимъ должность воспитателя гимназіи.

4. Оставлены на службѣ сверхъ выслуги лѣтъ:

1) Преподаватель русскаго языка, с. с. Моисей Григорьевичъ *Левдикъ*, сверхъ выслуги 35 лѣтъ еще на два года.

2) Преподаватель математики, с. с. Климентій Андреевичъ *Мошинскій*, сверхъ выслуги 30 лѣтъ—еще на одно пятилѣтіе.

II. Награды и повышеніе въ чинахъ:

Преподаватель латинскаго языка, состоящій въ VIII классѣ, Я. М. *Гадзинскій*, произведенъ въ коллежскіе ассесоры со старшинствомъ съ 16 іюля 1867 года.

Денежныхъ наградъ удостоены:

Преподаватель русской словесности И. Н. *Михайловскій*, преподаватель латинскаго языка, П. Г. *Лапа*, преподаватель математики, Ѳ. И. *Куликовскій*, письмоводитель гимназіи, Н. В. *Горбачевъ*.

III. Степендіи и пособія ученикамъ. Освобожденіе отъ платы за ученіе.

Вслѣдствіе желанія Генералъ-Лейтенанта Рудановскаго перевести учрежденную въ 1869 году на пожертвованный имъ капиталъ въ 4000 р. при Лицеѣ князя Безбородко стипендію имени покойнаго отца его въ гимназію, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала при гимназіи двухъ стипендій, по сту рублей каждая, и на наименованіе ихъ степендіями Платона Осиповича Рудановскаго. Означенныя стипендіи

въ минувшемъ учебномъ году получили ученики 1-го класса—*Малинка* и *Листопадъ*.

На основаніи § 32 устава, выдано въ пособіе бѣднымъ ученикамъ въ уплату за ученіе въ оба полугодія по 105 р. въ каждомъ 11 ученикамъ.

На основаніи § 31 того же устава, отъ платы за ученіе освобождены были въ 1-мъ полугодіи 25 и во 2-мъ 24 ученика гимназіи, а изъ учениковъ приготовительнаго класса въ 1-мъ полугодіи 4 и во 2-мъ 4.

Нѣжинская земская управа, въ пособіе бѣднымъ ученикамъ, въ уплату за ученіе въ 1-мъ полугодіи, назначила 250 р. 25-ти ученикамъ, во 2-мъ 300 р. 30-ти ученикамъ.

Учениковъ изъ евреевъ, получившихъ въ минувшемъ году пособіе по 60 р. изъ суммъ свѣчнаго сбора съ евреевъ, было 9.

Свѣдѣнія по учебной части:

1) Въ распредѣленіи уроковъ сдѣлано было слѣдующее отступленіе отъ нормальнаго распредѣленія: въ VIII классѣ прибавленъ былъ, для усиленія преподаванія древнихъ языковъ, одинъ урокъ къ 6-ти нормальнымъ по греческому и по латинскому языкамъ, на что испрошено было разрѣшеніе начальства. Преподаваніе прочихъ предметовъ происходило согласно съ учебными планами. Въ преподаваніи употреблялись учебники и учебныя пособія, рекомендованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Годовая плата за обученіе рисованію и черченію была назначена по 3 р., вносилась по полугодіямъ и выдавалась преподавателю по мѣрѣ поступленія.

Въ минувшемъ учебномъ году обучалось рисованію и черченію 21 ученикъ.

Гимнастикой занимались всѣ ученики гимназіи, за исключеніемъ слабыхъ здоровьемъ.

Пѣнію обучались ученики всѣхъ классовъ, имѣющіе голоса. Пѣнію обучалъ учитель *Молотковъ*, а хоровому церковному—наставникъ Института А. В. *Добіашъ*.

Танцамъ обучалось 20 учениковъ.

2) Количество книгъ въ библіотекахъ основной и ученической.

Въ основную библіотеку въ минувшемъ году вновь поступило: покупкою—61 названіе въ количествѣ 101 тома и 1049 названій въ количествѣ 1672 томовъ изъ основной библіотеки бывшаго лицея по преобразованіи ея въ институтскую; такимъ образомъ въ настоящее время въ ней состоитъ 3236 названій въ 5941 томѣ.

Въ ученическую библіотеку вновь поступило 52 названія въ 72 томахъ; въ настоящее время она содержитъ въ себѣ 644 названія въ 1526 томахъ.

3) Количество предметовъ въ кабинетахъ физическомъ и естественныхъ наукъ:

Въ минувшемъ учебномъ году въ физическомъ кабинетѣ инструментовъ и приборовъ состояло 283.

Кабинетъ естественныхъ наукъ заключалъ въ себѣ 320 разныхъ предметовъ: зоологическихъ 68, минералогическихъ 242, ботаническихъ 10.

Для преподаванія рисованія состояло приборовъ 314.

4) Особыя распоряженія педагогическаго совѣта гимназіи:

Въ 1875—1876 учебномъ году педагогическихъ засѣданій было 52. Изъ нихъ 14 засѣданій были по поводу испытаній постороннихъ лицъ на званіе учителей и учительницъ. Предметами прочихъ педагогическихъ засѣданій было: переводъ учениковъ въ высшіе классы, увольненіе изъ гимназіи, оцѣнка ихъ поведенія, вниманія и прилежанія, выписка книгъ для основной и ученической библіотеки, назначеніе пособій и освобожденіе отъ платы за ученіе. Изъ особыхъ распоряженій педагогическаго совѣта должно упомянуть о распредѣленіи между классными наставниками и нѣкоторыми преподавателями

ученическихъ квартиръ для лучшаго и постояннаго наблюденія за поведеніемъ учениковъ внѣ учебнаго времени.

Свѣдѣнія объ учащихся.

1) Обозначеніе количества пріема учениковъ въ 1875—1876 учебномъ году.

Оставалось къ началу учебнаго года:

въ Приг.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
16	28	49	52	31	21	24	10	12

Поступило по пріемному экзамену въ августѣ мѣсяцѣ 1875 года:

въ Приг.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
30	12	3	2	2	3	—	1	—

Поступило въ теченіи учебнаго года:

въ Приг.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
—	—	—	—	—	—	—	3	—

Итого въ истекшемъ учебномъ году состояло:

въ Приг.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
46	40	52	54	33	24	24	14	12

2) Вѣдомость о числѣ учениковъ, выбывшихъ въ теченіи учебнаго года до начала экзаменовъ.

Выбыло до начала переводныхъ экзаменовъ:

въ Приг.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
3	1	3	2	6	1	2	3	—

Осталось къ началу переводныхъ экзаменовъ:

въ Приг.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
43	39	49	52	27	23	22	11	12

3) Распредѣленіе учениковъ по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ.

Въ 1875—1876 учебномъ году учениковъ было:

а) *по вѣроисповѣданіямъ:*

Православнаго	261
Римско-Католическаго	18
Лютеранскаго	6
Іудейскаго	13
Единовѣрческаго.	1
Итого. . .	299

б) *по сословіямъ:*

Дворянъ и чиновниковъ	166
Духовнаго званія	51
Городскаго	61
Сельскаго. . . . . , ...	18
Иностранцевъ	3
Итого. . .	299

4) Свѣдѣнія о числѣ учившихся: а) обоимъ новымъ языкамъ; б) одному нѣмецкому; в) одному французскому.

Обоимъ новымъ языкамъ обучались:
во II кл. 2, въ III—3 ученика, IV—1 ученикъ.

Одному нѣмецкому:

II	III	IV	V	VI	VII	VIII
33	32	17	8	7	5	5

Одному французскому:

II	III	IV	V	VI	VII	VIII
19	22	16	16	17	9	7

5) Вѣдомость о числѣ учениковъ а) удостоенныхъ перевода въ высшій классъ; б) неудостоенныхъ перевода; в) выбывшихъ за малоуспѣшность.

Число переведенныхъ въ высшій классъ:

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
26	20	38	31	14	18	18	11

Число неудостоенныхъ и оставленныхъ въ томъ же классѣ:

Пр.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
9	14	7	12	12	3	2	—	1

Число выбывшихъ за малоуспѣшность послѣ экзамена:

Пр.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
8	5	4	9	1	2	2	—	—

6) Свѣдѣнія объ испытаніяхъ зрѣлости:

Въ истекшемъ учебномъ году изъ 12 учениковъ VIII класса не допущенъ къ испытанію зрѣлости только одинъ. Всѣ прочіе удовлетворительно выдержали испытаніе. Вслѣдствіе чего педагогическимъ совѣтомъ выданы аттестаты зрѣлости: *Буштедту Петру*, *Вири-*

дарскому Сергѣю, *Годило-Годилевскому Григорію*, *Иваненку Василію*, *Иванухѣ Якову*, *Пелчевскому Антону*, *Свириденку Ивану*, *Симонову Василію*, *Эльяшеву Лейбѣ*, *Якимову Александру*, *Полозову Александру*.

Изъ постороннихъ лицъ подвергался испытанію зрѣлости только одинъ: *Игнатій Суханевичъ* и удостоенъ педагогическимъ совѣтомъ свидѣтельства для поступленія въ горный институтъ.

7) Имена учениковъ удостоенныхъ наградъ:

Золотой медалью награжденъ, по окончаніи испытанія зрѣлости, *Антонъ Пелчевскій*.

Въ августѣ 1876 года удостоены наградъ слѣдующіе ученики: награды 1-й степени: 1-го класса: *Листопадъ Григорій;* 7-го класса: *Демковъ Михаилъ;* награды 2-й степени: 2-го класса: *Скитскій Лавръ*, *Ершовъ Алексѣй*, *Крачковскій Семенъ, Мизко Николай;* 3-го класса: *Щербакъ Александръ*, *Грингаузъ Іосифъ*, *Галковскій Григорій*, *Александренко Василій*, *Локоть Яковъ;* 4-го: *Игнатенко Иванъ;* 5-го: *Яголимъ Шулимъ*; 6-го: *Квитницкій Степанъ*, *Дравинъ Янкель*.

Свѣдѣнія по воспитательной части.

Распредѣленіе учениковъ по среднимъ за годъ выводамъ изъ отмѣтокъ по поведенію.

	Баллы:		
Классы:	**5**	**4**	**3**
Пригот.	35	10	1
I	30	9	1
II	49	3	—
III	47	7	—
IV	30	3	—
V	22	2	—
VI	19	5	—
VII	12	1	1
VIII	12	—	—

Свѣдѣнія по хозяйственной части.

Изъ суммъ Государственнаго казначейства ассигновано на содержаніе гимназіи:

а) на содержаніе личнаго состава	21844	р. 80	к.
б) на содержаніе параллельныхъ классовъ. .	3515	« —	«
в) на хозяйственные расходы	2700	« —	«
Итого .	28059	р. 80	к.

Специальныя средства гимназіи состояли въ платѣ, получаемой гимназіей за ученіе.

Въ 1-й половинѣ учебнаго года поступило .	2308	р. —	к.
Во 2-й « « « « .	2270	« —	«
Итого .	4578	« —	«

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 9 іюля 1876 года,

УТВЕРЖДАЮ

Управляющій Министерст. Народн. Просвѣщенія, Товарищъ Министра, князь Ширинскій-Шихматовъ.

13 іюля 1876 года.

ПОЛОЖЕНІЕ

о гимназіи при Историко-Филологическомъ Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

1. Гимназія Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, служа цѣлямъ Института, въ то-же время должна удовлетворить мѣстнымъ потребностямъ образованія. На семъ основаніи, она руководствуется общимъ уставомъ гимназій съ нижеслѣдующими изъятіями и дополненіями.

2. Въ четырехъ высшихъ классахъ гимназіи назначается 120 стипендій, по 30-ти стипендій въ классѣ, въ размѣрѣ по 200 рублей въ годъ каждая, съ тѣмъ, чтобы получившіе эти стипендіи воспитанники обязаны были, по удовлетворительномъ окончаніи испытаній зрѣлости, поступить въ число студентовъ Института князя Безбородко.

3. Составляя съ Институтомъ одно учебно-воспитательное заведеніе, гимназія, подъ главнымъ начальствомъ Директора Института, состоитъ въ ближайшемъ управленіи завѣдывающаго оною, одного изъ наставниковъ—руководителей.

4. При гимназіи, кромѣ Директора и завѣдывающаго гимназіею, состоятъ слѣдующія должностныя лица: 1) Наставники—Руководители, они же и преподаватели; 3) Классные Наставники; 4) Надзиратели; 5) Письмоводитель; 6) Врачъ.

Примѣчаніе. Бухгалтеръ (онъ же и Казначей) и Экзекуторъ (онъ же и экономъ) Института исправляютъ тѣже должности и по гимназіи.

5. Дѣла гимназіи Института, касающіяся учебной и воспитательной частей, подлежатъ обсужденію Педагогическаго Совѣта гимназіи и особыхъ засѣданій Конференціи Инстутута, а дѣла по части хозяйственной разсматриваются въ Правленіи Института при участіи завѣдывающаго и одного преподавателя гимназіи, избираемаго Совѣтомъ, съ правомъ голоса по дѣламъ, касающимся гимназіи.

6. Педагогическій Совѣтъ гимназіи составляютъ, подъ предсѣдательствомъ завѣдывающаго оною: законоучитель, наставники—руководители, преподаватели наукъ и языковъ и надзиратели. Обязанности Секретаря Совѣта исполняетъ одинъ изъ его членовъ, избираемый Совѣтомъ на три года.

ГЛАВА II.

Взаимныя отношенія Гимназіи и Института.

7. Студентамъ четвертаго курса Института поручается преподаваніе въ гимназіи тѣхъ предметовъ гимназическаго курса, которые входятъ въ составъ спеціальныхъ ихъ занятій въ Институтѣ и къ преподаванію которыхъ оные преимущественно предназначаются въ будущемъ.

8. Порядокъ практическихъ упражненій студентовъ въ преподаваніи установляется Конференціею Института, съ утвержденія Министра Народнаго Просвѣщенія.

9. Ближайшее руководство студентовъ въ практическихъ занятіяхъ по преподаванію въ гимназіи лежитъ на обязанности наставниковъ—руководителей, подъ наблюденіемъ Директора Института.

10. По вопросамъ о занятіяхъ студентовъ преподаваніемъ въ гимназіи въ засѣданіяхъ Конференціи Института присутствуютъ наставники—руководители, съ правомъ голоса, на равнѣ съ членами конференціи.

11. Наставникъ—руководитель, завѣдывающій гимназіею, и прочіе наставники—руководители избираются Директоромъ Института, съ согласія конференціи, и чрезъ Попечителя Кіевскаго учебнаго Округа представляются на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія. Такимъ же порядкомъ производится увольненіе означенныхъ лицъ отъ должности, а также оставленіе ихъ на службѣ, по выслугѣ срока на пенсію.

12. Преподаватели и надзиратели гимназіи избираются Директоромъ Института и утверждаются Попечителемъ округа. Такимъ же порядкомъ производится увольненіе означенныхъ лицъ отъ должности, а также оставленіе ихъ на службѣ, по выслугѣ срока на пенсію.

13. Завѣдывающему гимназіею предоставляется увольнять всѣхъ служащихъ въ гимназіи лицъ въ отпускъ на вакаціонное время, въ теченіе же учебнаго времени на 29 дней, и въ послѣднемъ случаѣ съ донесеніемъ о томъ чрезъ Директора Института Попечителю округа.

14. Сношенія съ подлежащими присутственными мѣстами и должностными лицами по дѣламъ гимназіи производятся чрезъ Директора Института.

ГЛАВА III.

Права и обязанности должностыхъ лицъ.

15. Завѣдывающій гимназіею въ отношеніи къ обязанностямъ и къ правамъ, какъ по службѣ, такъ и по пенсіи сравнивается съ директорами гимназій г. Кіева.

16. Завѣдывающій гимназіею преподаетъ въ ней одинъ изъ учебныхъ предметовъ съ положеннымъ по штату вознагражденіемъ.

17. Завѣдывающій гимназіею участвуетъ въ засѣданіяхъ Правленія Института въ качествѣ члена Правленія, когда въ послѣднемъ обсуждаются дѣла, касающіяся гимназіи.

18. Завѣдывающій гимназіею имѣетъ не менѣе 12-ти, а наставники—руководители не менѣе 22-хъ недѣльныхъ уроковъ.

19. Наставники—руководители утверждаются въ присвоенномъ въ пхъ должности классѣ, по выслугѣ четырехъ лѣтъ, со старшинствомъ со дня вступленія въ должность. По пенсіи они сравниваются съ инспекторами гимназій г. Кіева.

20. Учители пѣнія и гимнастики опредѣляются завѣдывающимъ гимназіею.

21. Обязанности врача гимназіи исполняетъ врачъ, состоящій при Институтѣ.

22. Обязанности Письмоводителя гимназіи возлагаются Директоромъ Института на одного изъ служащихъ при канцеляріи Правленія Института.

ГЛАВА IV.

Учебная часть и учащіеся.

23. Учебный курсъ составляютъ предметы, поименованные въ общемъ уставѣ гимназій. Общее число недѣльныхъ часовъ въ гимназіи полагается 228; число же уроковъ по каждому предмету, съ распредѣленіемъ ихъ по классамъ, опредѣляется Педагогическимъ Совѣтомъ гимназіи и утверждается Попечителемъ учебнаго округа.

24. Вакаціи лѣтнія и зимнія назначаются для гимназіи въ одно время съ вакаціями Института.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 9 Іюля 1876 года

УТВЕРЖДАЮ

Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Князь Ширинскій Шихматовъ, Товарищъ Министра.

13 Іюля 1876 года.

ШТАТЪ

ГИМНАЗІИ ПРИ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе. Рубли	Классъ должности.	Разряды. Мундира.	Разряды. Пенсіи.
Завѣдывающему гимназіею (изъ числа наставниковъ—руководителей) при казенной квартирѣ добавочныхъ	1	—	800	V	V	По учебной службѣ
Законоучитель	1	13	960	—	—	По учебной службѣ
Наставники руководители [1]).	4	78	9000	VI	VI	По учебной службѣ
Преподаватели [2]) . . .	7	129	9350[3])	VIII	VIII	По учебной службѣ
Надзиратели	2	—	1400	VIII	VIII	По учебной службѣ
Имъ квартирныхъ . . .	—	—	300	—	—	
Классные наставники . .	7	—	1120	—	—	
Учитель рисованія, черченія и чистописанія	1	5	250	IX	IX	по гражд. службѣ
Учитель пѣнія и гимнастики.	2	—	500	—	—	—
Врачъ	1	—	300	VIII	VIII	по мед. служ. VIII
Письмоводитель	1	—	200	X	X	
Ему столовыхъ	—	—	200	—	—	
Добавочное жалованье секретарю совѣта и библіотекарю .	—	—	240	—	—	
На учебныя пособія . . .	—	—	400	—	—	
На канцелярскіе расходы и наемъ писца	—	—	300	—	—	
Содержаніе дома	—	—	1529 [4])	—	—	
На содержаніе приготовительнаго класса, на основаніи общаго устава гимназіи . .	—	—	1100	—	—	
ИТОГО . .	—	—	27949	—	—	
За вычетомъ на пенсіи и инвалидный капиталъ . . .	—	—	27473,80	—	—	

Примѣч. 1) 2 по древнимъ языкамъ, 1 по русскому языку и 1 по исторіи и географіи.

Примѣч. 2) 3 для древнихъ языковъ и русскаго, 2 для математики и физики и 2 для новыхъ языковъ.

Примѣч. 3) По расчету для 7 преподавателей за 129 уроковъ по 900 р., а за остальные 45 по 60 р. за годовой часъ; сюда же входятъ 350 р. для образованія одного высшаго оклада преподавателя.

Примѣч. 4) Разность сравнительно съ суммой, положенной по штату общаго устава гимназій (2000 р.) въ количествѣ 471 р., отнесена на суммы Института по той же статьѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ

о стипендіатахъ гимназіи при Историко-Филологическомъ институтѣ Князя Безбородко.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, находя необходимымъ принять мѣры къ подготовленію возможно лучшаго контингента воспитанниковъ для поступленія въ имѣющій открыться, съ начала будущаго учебнаго года, Историко-Филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, къ устраненію тѣмъ самымъ замѣчаемаго нынѣ недостатка въ основательно приготовленныхъ учителяхъ гимназій и прогимназій по филологическимъ предметамъ преподаванія, въ особенности же по древнимъ языкамъ,—остановился на предположеніи сосредоточить въ Нѣжинской гимназіи, состоящей при означенномъ Институтѣ такихъ учениковъ, которыя могли бы составить вполнѣ надежный контингентъ для укомплектованія состава студентовъ означеннаго Института. Съ этою цѣлью Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Толстой предполагалъ:

1. Учредить въ четырехъ высшихъ классахъ гимназіи (5, 6, 7 и 8-мъ), по числу допускаемыхъ на основаніи устава гимназіи при С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ въ каждомъ классѣ учениковъ, по 30 стипендій въ классѣ, а всего 120 стипендій, въ размѣрѣ по 200 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы получившіе эти стипендіи воспитанники, обязаны были, по удовлетворительномъ окончаніи испытанія зрѣлости, поступать въ число стипендіатовъ Историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ.

2. Во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ возложить на обязанность Директоровъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій и инспекторовъ четырехклассныхъ прогимназій предлагать ученикамъ, окончившимъ четырехклассный прогимназическій курсъ и отличившимся, какъ прилежаніемъ и способностями, такъ и благонравнымъ поведеніемъ, означенныя выше стипендіи въ Нѣжинской гимназіи.

3. Если окажутся желающіе быть отправленными для сего въ Нѣжинъ и на такое отправленіе изъявятъ согласіе ихъ родители, опекуны или ближайшіе родственники, обязать начальства гимназій и прогимназій высылать немедленно по окончаніи экзаменовъ въ 4 классѣ сихъ заведеній, къ Директору Историко-Филологическаго института въ Нѣжинѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія объ учебныхъ занятіяхъ и поведеніи этихъ учениковъ, съ присоединеніемъ письменныхъ на послѣднемъ испытаніи работъ каждаго изъ нихъ.

4. По разсмотрѣніи сихъ свѣдѣній и работъ, Директоръ Института избираетъ изъ числа всѣхъ кандидатовъ самыхъ отличныхъ, по числу имѣющихся свободными стипендіальныхъ вакансій и о таковыхъ сообщаетъ подлежащему начальству гимназій или прогимназій, которое за симъ высылаетъ избранныхъ учениковъ къ началу учебнаго года въ Нѣжинъ, съ выдачею необходимыхъ, по усмотрѣнію, на проѣздъ до мѣста назначенія денегъ изъ средствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

5. Предлагаемыя мѣры ввести въ дѣйствіе съ начала $18\frac{76}{77}$ учебнаго года, дозволивъ въ томъ году, въ видѣ исключенія принятіе стипендіатовъ не въ 5, а въ 6 классъ Нѣжинской гимназіи, слѣдовательно изъ учениковъ, окончившихъ курсъ 5 класса другихъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій, дабы этимъ способомъ ускорить однимъ годомъ доставленіе Институту лучшаго контингента.

Чтоже касается средствъ для осуществленія сего предположенія, то Г. Министръ нашелъ возможнымъ обратить на этотъ предметъ между прочимъ деньги, отпускаемыя нынѣ изъ казны на выдачу стипендій воспитанникамъ казеннымъ и пансіонерамъ Государя Императора въ тѣхъ гимназіяхъ, при коихъ пансіоны болѣе не существуютъ, по мѣрѣ выбытія лицъ, пользующихся нынѣ сими стипендіями.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу, въ 4/16 день минувшаго іюня Высочайше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе таковыхъ предположеній.

II

НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОЧЕРКЪ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПЕРИКЛА.

(Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, 30 августа 1876 г., профессоромъ всеобщей исторіи П. И. Люперсольскимъ).

Мм. Гг.

Знаменитыя историческія имена, начертанныя на скрижаляхъ исторіи, изъ самой далекой древности идутъ длинною цѣпію черезъ рядъ вѣковъ и, подобно монументальнымъ зданіямъ, которыя встрѣчаются одно за другимъ путешественнику, совершающему путь по исторической странѣ, невольно задерживаютъ на себѣ наше вниманіе, будятъ нашу мысль и воображеніе и вызываютъ нашу историческую любознательность. Однѣ изъ историческихъ личностей внушаютъ намъ участіе къ себѣ своею личною судьбою, другимъ мы удивляемся за ихъ великія и славныя дѣянія на благо людей; иныя напротивъ, вызываютъ въ душѣ нашей чувство негодованія за то зло, какое онѣ дѣлали людямъ при жизни. Чувствованія и склонности, какія свойственны и обычны намъ въ нашихъ всевдневныхъ сношеніяхъ съ окружающимъ насъ міромъ живыхъ людей, пробуждаются въ насъ и при знакомствѣ съ этими окончившими свой земной вѣкъ людьми, принадлежащими къ міру исторіи. Если въ чемъ, то въ особенности въ этомъ выражается наша принадлежность къ единой великой семьѣ человѣчества, котораго судьбы и стремленія, надежды и страданія, успѣхи и невзгоды близки нашему сердцу, приковываютъ къ себѣ наше вниманіе и задаютъ разуму нашему великіе жизненные вопросы. Въ этомъ же проявляется замѣчательная и до

стойная удивленія особенность нашей природы: живя каждый своею личною жизнію, ограниченною весьма тѣсными предѣлами времени и пространства, связанные всѣми своими насущными надобностями съ обществомъ и временемъ, которымъ принадлежимъ, мы въ тоже время обладаемъ способностію участвовать мыслями и чувствомъ въ той всеобщей жизни, которою живетъ весь родъ человѣческій. Съ другой стороны знаменательно и поучительно для насъ и то, что отдѣльныя человѣческія личности, производившія въ свое время особенное впечатлѣніе на общество, среди котораго жили и дѣйствовали, становятся, такъ сказать, достояніемъ всего человѣчества, имена ихъ переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ и отъ народа къ народу въ историческомъ преданіи; такъ что въ самыхъ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, онѣ продолжаютъ занимать собою умы и волновать чувства живыхъ людей. Таковъ непрерывный потокъ всемірно-исторической жизни: отъ своихъ истоковъ, скрывающихся въ сумракѣ первобытныхъ временъ человѣчества, онъ несетъ въ своемъ теченіи все то, что составляетъ внутреннее содержаніе этой жизни, дабы мы могли всматриваться въ ея сущность, наблюдать законы, управляющіе ея движеніемъ, и постигать, по возможности, ея смыслъ.

Есть историческія имена, которыми отмѣчаются особенныя, выдающіяся эпохи въ жизни народовъ. Мы говоримъ: вѣкъ Августа, вѣкъ Перикла, вѣкъ Екатерины. Бываютъ въ жизни народа эпохи, когда въ немъ пробуждается съ особенною силою его духовная дѣятельность, внѣшняя и внутренняя, изъ среды его возникаютъ многочисленныя и разнородныя творческія силы, когда имъ овладѣваетъ стремленіе къ великимъ предпріятіямъ и дѣяніямъ: очень важно, если въ такое время найдется въ средѣ его достойный вождь, который бы понялъ это стремленіе своего народа и умѣлъ руководить имъ. Великое историческое значеніе людей, именами которыхъ отмѣчаются извѣстныя знаменательныя эпохи въ жизни народовъ, заключается именно въ томъ, что они стояли во главѣ историческаго движенія своего времени, понимали его и умѣли имъ управлять.

Позвольте мнѣ, м. г., занять сегодня ваше благосклонное вниманіе очеркомъ жизни и государственной дѣятельности историческаго лица, давшаго свое имя одной изъ самыхъ знаменитыхъ эпохъ во всемірной исторіи. Я разумѣю государственнаго человѣка древней Греціи Перикла. Соплеменники его, древніе эллины, были, какъ извѣстно, первымъ народомъ въ исторіи, выступившимъ на борьбу съ азіатскими варварами за свободу и человѣчность. Этотъ же самый

народъ, вмѣстѣ съ нашими славянскими братьями, подпалъ въ христіанскія времена вѣковому гнету другихъ азіатскихъ варваровъ, еще болѣе враждебныхъ дѣлу свободы и человѣчности, чѣмъ были тѣ, напоръ которыхъ въ Европу отразили его языческіе предки. Подъ этимъ гнетомъ онъ свято сохранилъ знамя той св. вѣры, которая выражаетъ собой идею высшей человѣчности и свободы и за которую рѣкою льется теперь кровь нашихъ братій. Съ этимъ народомъ у насъ одно высшее святое знамя. Его праотцы, древніе эллины, завѣщали міру также великую и свѣтлую идею,—идею разума, просвѣщенія, историческаго преуспѣянія: эта послѣдняя идея родственна съ той первой, живетъ въ ней и оживляется ею, и сама служитъ ей вѣрною союзницей въ дѣлѣ совершенствованія человѣческаго рода. Древніе эллины для всѣхъ временъ служатъ лучшими представителями этой идеи: она лежала въ основаніи ихъ духовной природы и составляла существенное содержаніе всей ихъ исторической жизни. Воспитанные въ ней, эллины оказались болѣе способными воспринять и усвоить себѣ въ ея истинномъ характерѣ и ту идею, которая содержится въ христіанствѣ,—болѣе способными, чѣмъ другой знаменитый народъ древности, римляне, выразившіе въ своей исторической жизни совсѣмъ иного рода идею, чѣмъ элины, именно—идею права, опредѣляющаго и установляющаго степени неравенства людей въ пользованіи благами жизни. Такъ въ ново-европейской исторіи сложились, каждый на разныхъ основаніяхъ, два разнородныхъ историческихъ міра: романскій и греко-славянскій. Долгое время мало замѣчалось или даже совсѣмъ не замѣчалось это важное историческое явленіе: теперь оно выясняется все болѣе и болѣе по той мѣрѣ, какъ греко-славянскій міръ проникается самосознаніемъ и вступаетъ въ свои историческія права. Историческій праотецъ этого міра есть древній эллинскій міръ. Это былъ свѣтлый міръ, съ благородными и возвышенными стремленіями ко всему прекрасному и доброму, свойственному человѣческой природѣ.

Эпоха Перикла была временемъ высшаго процвѣтанія эллинскаго міра. Родной его городъ Аѳины стоялъ тогда во главѣ Греціи, какъ по своему политическому могуществу, такъ и по образованности.

Въ числѣ знатныхъ фамилій, изъ которыхъ большею частію выходили государственные люди Греціи, едва-ли не самою знаменитою въ аѳинской исторіи была фамилія *алкмэонидовъ*, изъ которой происходилъ Периклъ. Это былъ очень древній знатный родъ въ Аѳинахъ. Свою родословную, по обыкновенію, общему многихъ знатныхъ фа-

миліямъ въ древней Греціи, онъ возводилъ къ богамъ: вмѣстѣ съ царскимъ аѳинскимъ родомъ *кодридовъ*, алкмэониды считали своимъ родоначальникомъ Нилея, сына бога Посидона [1]). Въ первый разъ эта фамилія пріобрѣтаетъ историческую извѣстность въ исходѣ VII столѣтія до Р. X., во время сильнаго и весьма опаснаго политическаго движенія, происходившаго въ Аѳинахъ. Это была такъ-называемая смута Килона (ἡ Κυλώνειος ταραχή), въ 612 г. до Р. X. Килонъ былъ знатный и богатый аѳинскій гражданинъ, также очень древняго рода (τῶν πάλαι εὐγενής τε καὶ δυνατός), побѣдитель на олимпійскихъ играхъ, человѣкъ прекрасной наружности (εἶδος κάλλιστος), съ сильными связями и смѣлыми политическими замыслами. Онъ былъ женатъ на дочери мегарскаго тиранна Ѳеагена. При его содѣйствіи и съ одобренія, какъ онъ думалъ, самого дельфійскаго оракула, Килонъ предпринялъ ниспровергнуть существующій въ Аѳинахъ порядокъ вещей, который имѣлъ тогда строго аристократическій характеръ. Онъ хотѣлъ сдѣлаться единовластнымъ правителемъ Аѳинъ, какимъ былъ тесть его въ Мегарахъ. Во время празднованія олимпійскихъ игръ въ Греціи, Килонъ съ своими приверженцами и съ военною силою, присланною ему Ѳеагеномъ, занялъ аѳинскую крѣпость—акрополь. Алкмэониды стояли тогда во главѣ господствующаго сословія аѳинской республики. Алкмэонидъ Мегаклъ былъ въ томъ году первымъ архонтомъ (эпонимомъ) въ Аѳинахъ. Быстрыми и рѣшительными мѣрами онъ подавилъ въ самомъ же началѣ опасное возмущеніе, но при этомъ выказалъ свой безпощадный нравъ и чрезмѣрную жестокость къ несчастнымъ согражданамъ, принимавшимъ участіе въ возмущеніи. Самъ Килонъ успѣлъ бѣжать. Его сообщники, стѣсненные Мегакломъ въ акрополѣ, были доведены имъ до послѣдней крайности: изнуренные голодомъ, едва живые, они прибѣгли подъ защиту алтарей, у подножія которыхъ иные изъ нихъ умирали голодною смертію; тѣмъ, которые еще оставались въ живыхъ, Мегаклъ подъ клятвою обѣщалъ пощадить жизнь, если они ему сдадутся; однакожъ, когда они исполнили его требованіе, онъ велѣлъ перебить ихъ всѣхъ до одного; нѣкоторые успѣли было добѣжать до святилища евменидъ, находившагося близь акрополя, и несмотря на то—были умерщвлены у самыхъ жертвенниковъ этихъ,

---

1) См. Ав. Бёкка Pindari Opera, т. I. часть 2, стр. 300 слѣд. Lips. 1821. М. Куторги „Исторія Аѳинской республики", таблица III.

„достопочтимыхъ богинь“, карательницъ убійства, чтò было вопіющимъ нечестіемъ въ понятіяхъ эллиновъ [1]). Поступокъ Мегакла произвелъ крайне тяжелое впечатлѣніе на аѳинянъ. Всѣми овладѣло безпокойное, тревожное чувство. Страшились гнѣва и кары боговъ. Инымъ являлись видѣнія (φάσματα), очень зловѣщія. Знаменитый мудрецъ и законодатель Солонъ нашелъ необходимымъ принять чрезвычайныя мѣры для успокоенія жителей. Приглашенъ былъ изъ Крита святой мужъ и тайновѣдецъ Епименидъ. Онъ совершилъ по всему городу особенныя священнодѣйствія, умилостивительныя и очистительныя жертвоприношенія богамъ, и такимъ образомъ умы были успокоены. По приговору суда алкмэониды должны были оставить городъ и удалиться въ изгнаніе [2]). Они отправились въ Дельфы и тамъ не щадили усилій и своихъ средствъ, чтобы пріобрѣсти благорасположеніе Пиѳіи. Въ этомъ они успѣли вполнѣ и, покровительствуемые дельфійскимъ богомъ, возвратились въ свой родной городъ, гдѣ по прежнему заняли свое вліятельное положеніе. Въ Греціи однакожъ на долгое время остался памятнымъ нечестивый поступокъ Мегакла и съ тѣхъ поръ на алкмэонидовъ смотрѣли, какъ на людей, на которыхъ тяготѣетъ божеское проклятіе [3]). Несмотря на то, ихъ значеніе не умалилось, напротивъ постоянно возрастало въ Аѳинахъ. По духу времени и подъ вліяніемъ обстоятельствъ они постепенно видоизмѣняютъ свое политическое направленіе [4]). Ревнивые охранители древняго аристократическаго строя аѳинской республики, какими они являются первоначально, впослѣдствіи они же создаютъ въ Аѳинахъ государственный строй, основанный на крайнихъ димократическихъ началахъ. Внукъ архонта Мегакла, по имени также Мегаклъ, во время борьбы партій, происходившей въ Аѳинахъ непосредственно послѣ законодательства Солона, былъ вождемъ умѣренной димократической партіи [5]). Старинный блескъ своего дома онъ еще болѣе возвысилъ родственнымъ союзомъ съ могущественнымъ сикіонскимъ владѣтелемъ Клисѳеномъ, женившись на дочери его Агаристѣ. Руки ея домогались лица изъ лучшихъ фамилій въ цѣлой Греціи, даже изъ отдаленныхъ греческихъ городовъ въ Италіи. Клис-

1) Ѳукид. I, 126.
2) Ѳукид. ibid. Плутархъ, Солонъ 12.
3) „Ἐναγέες Ἀθηναίων, τὸ ἄγος τῆς θεοῦ. Ирод. V, 71. Ѳукид. тамъ же.
4) См. М. Куторги „Исторія Аѳинской Республики“, стр. 14 слѣд.
5) Ирод. I, 59. Плут. Солонъ 13.

ѳенъ отдалъ предъ всѣми предпочтеніе Мегаклу: „по всей Греціи, говоритъ Иродотъ, пронеслась тогда громкая молва объ алкмэонидахъ“ 1). Сынъ Мегакла отъ этого брака Клисѳенъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ умовъ въ Греціи и прославилъ себя въ аѳинской исторіи великими государственными преобразованіями. Между прочимъ имъ была введена въ Аѳинахъ важная государственная мѣра, извѣстная подъ именемъ остракизма. Самымъ

1) Ирод. VI, 131: καὶ οὕτω Ἀλκμεωνίδαι ἐβώσθησαν ἀνὰ τὴν Ἑλλάδα.—Иродотъ передаетъ намъ весьма характеристическія подробности знаменитаго сватовства на дочери сикіонскаго тиранна. Однажды Клисѳенъ присутствовалъ на олимпійскихъ играхъ и одержалъ на нихъ побѣду въ бѣгѣ на колесницѣ (τεθρίππῳ). Онъ велѣлъ глашатаямъ объявить здѣсь во всеобщее свѣдѣніе эллиновъ, что приглашаетъ тѣхъ, кто между ними считаетъ себя достойнымъ получить руку его дочери, явиться къ нему въ домъ въ теченіи 60-ти дней со дня этого объявленія; что по истеченіи этихъ 60-ти дней онъ назначаетъ для испытанія годъ времени, которое соискатели должны провести въ его домѣ; по окончаніи этого года, онъ отдастъ руку своей дочери тому, кто изъ нихъ окажется достойнѣйшимъ. Въ продолженіе назначеннаго срока собрались въ его домѣ женихи, „славившіеся какъ личными достоинствами, такъ и своей родиной“ (ὅσοι σφίσι τε αὐτοῖσι ἦσαν καὶ πάτρῃ ἐξωγκωμένοι). Всѣхъ ихъ было 12. Они прибыли изъ слѣдующихъ странъ: Италіи (изъ цвѣтущихъ тогда греческихъ колоній Сибариса и Сириса), Этоліи, Ѳессаліи, Аргоса, Аркадіи, Илиды, изъ городовъ Еретріи и Аѳинъ. Въ числѣ ихъ находились сынъ аргосскаго тиранна Фидона и одинъ изъ членовъ княжескаго дома *Скопадовъ* въ Ѳессаліи. Изъ Аѳинъ было двое: Мегаклъ и Иппоклидъ, сынъ Тисандра, „самый красивый и самый богатый изъ аѳинянъ“, родственникъ знаменитыхъ *Кипселидовъ*, коринѳскихъ владѣтелей. Въ теченіе цѣлаго года женихи гостили въ домѣ Клисѳена. Онъ давалъ имъ пышные пиры и въ то же время наблюдалъ и узнавалъ свойства и характеръ каждаго изъ нихъ; между женихами происходили состязанія въ борьбѣ и другихъ гимнастическихъ упражненіяхъ, какія были обычны у эллиновъ. Клисѳенъ, однако, больше всего обращалъ вниманіе на душевныя качества своихъ гостей, ихъ мужество, умъ и нравъ. Болѣе всѣхъ другихъ нравились ему оба аѳинянина, изъ нихъ—больше Иппоклидъ. Когда пришелъ къ концу годъ, назначенный для испытанія, Клисѳенъ принесъ въ жертву богамъ экатомву и учредилъ пиръ, на который пригласилъ жениховъ и гражданъ Сикіона. Послѣ ужина между женихами началось состязаніе въ пѣніи и въ рѣчахъ (ἀμφί τε μουσικῇ καὶ τῷ λεγομένῳ ἐς τὸ μέσον). По той мѣрѣ, какъ длился пиръ, гости поддавались дѣйствію вина, но Иппоклидъ, въ этомъ отношеніи, выдерживалъ болѣе всѣхъ. Онъ велѣлъ позвать флейтиста и началъ плясать подъ его игру. Онъ обнаружилъ въ себѣ большой талантъ въ этомъ искусствѣ, но чѣмъ съ большимъ увлеченіемъ онъ плясалъ, тѣмъ менѣе это нравилось Клисѳеву. Не обращая на то вниманія, Иппоклидъ воодушевлялся все болѣе. Наконецъ велѣлъ принести себѣ столъ, взошелъ на него и исполнилъ на немъ

труднымъ дѣломъ его жизни была борьба съ писистратидами, аѳинскими тираннами. Борьбу началъ еще отецъ его Магаклъ: онъ двукратно изгонялъ изъ Аѳинъ Писистрата (Ирод. 1, 60, 61), однакожъ и самъ съ членами своего дома, во время управленія тиранна, вынужденъ былъ жить внѣ отечества. Писистратъ умеръ на престолѣ, въ то время какъ алкмэониды томились въ изгнаніи. Клисѳенъ предпринялъ освободить Аѳины отъ тиранновъ. Ему приходилось имѣть дѣло съ сыномъ Писистрата, жестокимъ Иппіей. Съ обѣихъ сторонъ борьба велась упорно, но перевѣсъ долгое время оставался на сторонѣ Иппіи, имѣвшаго отличныя военныя дарованія и многочисленныхъ проверженцевъ. Онъ наносилъ жестокія пораженія своимъ противникамъ. Клисѳенъ обратился къ содѣйствію дельфійскаго оракула. Какъ разъ ему представился случай оказать важную услугу этому могущественному святилищу. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ (въ 548 году до Р. Хр.) сгорѣлъ въ Дельфахъ храмъ Аполлона. Амфиктіоны немедленно сдѣлали всѣ распоряженія о постройкѣ новаго храма: собрана была нужная сумма денегъ, составлены планъ и смѣта расходовъ, избранъ архитекторъ; однакожъ постройка, неизвѣстно почему, замедлилась. Тогда алкмэониды взяли дѣло въ свои руки. Благодаря распорядительности Клисѳена, постройка быстро приведена была къ концу. Притомъ храмъ построенъ былъ гораздо роскошнѣе, чѣмъ было предположено въ смѣтѣ: передняя часть его возведена была изъ паросскаго мрамора на собственныя средства алкмэонидовъ [1]). Вся Грецiя радовалась, что Аполлону воздвигнутъ новый и прекрасный храмъ. По-

---

сначала спартанскіе танцы, потомъ аттическіе, въ заключеніе сталъ на немъ головою и выдѣлывалъ танцы ногами въ воздухѣ. Клисѳенъ долго сдерживалъ себя и молчалъ, но послѣдняго подвига Иппоклида не выдержалъ и сказалъ ему: „сынъ Тисандра! ты проплясалъ невѣсту“. Сынъ Тисандра отвѣчалъ не задумываясь: „это ни по чемъ Иппоклиду“ (οὐ φροντὶς Ἱπποκλείδῃ)!. Съ тѣхъ поръ отвѣтъ этотъ вошелъ у эллиновъ въ пословицу. Клисѳенъ, помолчавъ нѣкоторое время, обратился къ своимъ гостямъ съ такими словами: „досточтимые женихи моей дочери! За всѣми вами я признаю равныя достоинства, никого изъ васъ не предпочитаю другимъ, и никого не ставлю ниже другихъ; но у меня одна лишь дочь и я долженъ избрать для нея одного изъ васъ; благодарю всѣхъ за сдѣланную мнѣ честь и прошу принять отъ меня въ подарокъ по таланту серебра; а руку дочери моей Агаристы предлагаю Мегаклу, сыну Алкмэона, если это ему будетъ угодно“. Мегаклъ выразилъ на то свою готовность и бракъ былъ заключенъ „согласно съ аѳинскими установленіями“.

1) Ирод. V, 62.

всемѣстно въ Греціи превозносили похвалами алкмеонидовъ. Пиндаръ воспѣлъ ихъ въ своихъ одахъ: „во всѣхъ городахъ, говоритъ онъ, славятъ граждан изъ города Ерехѳеева, воздвигшихъ тебѣ, Аполлонъ, прекрасный храмъ въ божественномъ Пиѳонѣ (Дельфахъ)“ [1]). За такія услуги оракулъ оказалъ алкмеонидамъ свою могущественную поддержку въ борьбѣ ихъ съ писистратидами: изъ Дельфъ дано было отъ имени бога повелѣніе спартанцамъ изгнать изъ Аѳинъ тиранновъ. Спартанцы исполнили волю бога: писистратиды были изгнаны изъ Аѳинъ и удалились въ Персію ко двору Дарія. По изгнаніи тиранновъ, Клисѳенъ создалъ и привелъ въ исполненіе широкій и смѣлый планъ государственныхъ преобразованій въ Аѳинахъ, на чисто димократическихъ началахъ [2]).

Периклъ былъ внукомъ Клисѳена по матери [3]). Отецъ его Ксанѳиппъ прославился, какъ отличный полководецъ, во время персидскихъ войнъ.

Говорятъ, что мать Перикла Агариста, за нѣсколько дней до его рожденія, видѣла сонъ, будто она родила льва [4]). Периклъ унаслѣдовалъ чрезъ нее родовыя качества фамиліи алкмеонидовъ: великія политическія дарованія, сильное честолюбіе, непреклонный характеръ, твердую волю, а также аристократическую надменность [5]). Само собою разумѣется, онъ получилъ въ дѣтствѣ воспитаніе и образованіе, соотвѣтственное своему знатному происхожденію. Умственное образованіе дѣтей состояло у грековъ, главнымъ образомъ, въ чтеніи и изученіи отечественныхъ поэтовъ, въ особенности Оми-

---

1) Пинд. Пиѳ. VII, 9—12.

2) Ирод. V. 66. VI, 131. Κλεισθένης ὁ τὰς φυλὰς καὶ δημοκρατίην Ἀθηναίοισι καταστήσας. См. М. Куртоги: „О законодательствѣ алкмеонида Клисѳена“.

3) Родословіе Перикла, начиная съ прадѣда его Мегакла, представляется въ слѣдующемъ видѣ по Иродоту (VI, 131):

Мегаклъ. Агариста.
|
Клисѳенъ. Иппократъ.
|
Агариста (за Ксанѳиппомъ)
|
Периклъ.

4) Ирод. VI, 131: ἔγκυος ἐοῦσα εἶδε ὄψιν ἐν τῷ ὕπνῳ· ἐδόκεε δὲ λέοντα τεκέειν.

5) Плут. Перикл. 5: ὁ δὲ ποιητὴς Ἴων μοθωνικήν φησι τὴν ὁμιλίαν καὶ ὑπότυφον

ра[1]). Въ періодъ дѣтства Перикла нравственное воспитаніе дѣтей аѳинскихъ граждань происходило въ духѣ старинныхъ, строгихъ и простыхъ нравовъ: дѣти воспитывались въ покорности родительской волѣ, въ уваженіи къ старшимъ, въ строгомъ благонравіи [2]). Такое воспитаніе отражалось вполнѣ на личности Перикла. Въ послѣдующее время, именно тогда, когда самъ Периклъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ и держалъ въ своихъ рукахъ кормило правленія въ Аѳинахъ, тамъ какъ воспитаніе дѣтей, такъ и общественные нравы значительно измѣнились, сравнительно съ прежнимъ: легкость и даже распущенность нравовъ стала сильно проникать во всѣ слои аѳинскаго общества и овладѣвать какъ старшимъ, такъ и младшимъ поколѣніемъ аѳинянъ. Периклъ нимало не поддался въ этомъ отношеніи духу своего времени и во всю свою жизнь остался вѣренъ правиламъ, усвоеннымъ имъ въ дѣтствѣ. Всегда онъ былъ строгъ къ самому себѣ, строгъ въ своихъ нравахъ и образѣ жизни, безукоризненно честенъ и неутомимъ въ выполненіи своихъ обязанностей. „Въ городѣ, говоритъ древній его біографъ, одна лишь была дорога, на которой видали Перикла, та, которая вела на площадь (ἐπ' ἀγορὰν) и въ думу (τὸ βουλευτήριον). Отъ приглашеній на пиры и всякихъ увеселительныхъ собраній онъ совершенно отрекся. Въ теченіи долгихъ лѣтъ своего управленія ни разу не былъ онъ на пиршествѣ ни у одного изъ своихъ друзей, за исключеніемъ единственнаго случая, именно брака его племянника Евриптолема; но и тогда онъ удалился съ пиршества, какъ только совершено было возліяніе богамъ“ [3]). Всегда и во всемъ онъ обнаруживалъ величайшую выдержанность характера, ровность нрава и власть надъ самимъ собою. Разъ какой-то незначительный аѳинскій гражданинъ, грубаго нрава человѣкъ, цѣлый день приставалъ къ нему съ бранью на городской площади, гдѣ Периклъ занятъ былъ своими дѣлами. Онъ выносилъ эту брань, не проронивъ ни слова. Къ вечеру, покончивъ свои дѣла, Периклъ пошелъ домой: неотвязчивый гражданинъ преслѣдовалъ его еще болѣе наглою бранью до самыхъ дверей его дома. Здѣсь Периклъ очень спокойно велѣлъ своему слугѣ взять факелъ и проводить этого человѣка

εἶναι τοῦ Περικλέους καὶ ταῖς μεγαλαυχίαις αὐτοῦ πολλὴν ὑπεροψίαν ἀναμεμῖχθαι καὶ περιφρόνησιν τῶν ἄλλων·

1) Плат. Протаг. 326. Ксеноф. Киръ 3, 5. W. Becker Charikles p. 51 слѣд.

2) Аристофанъ, Облака стр. 961—999.

3) Плут. Периклъ 7.

до его дому, не удостоивъ обратить ни малѣйшаго вниманія на всѣ его выходки [1]). Однажды Периклъ былъ назначенъ военачальникомъ вмѣстѣ съ поэтомъ Софокломъ, который, однако, не обнаружилъ въ себѣ нимало способностей полководца, за то обнаруживалъ при всякомъ случаѣ свою большую чувствительность къ красотѣ. По этому поводу Периклъ замѣтилъ своему товарищу: „Софоклъ! полководецъ долженъ имѣть воздержные глаза“ [2]). Съ своими домашними Периклъ былъ строгъ до суровости; самъ онъ не любилъ пиршествъ и шумныхъ увеселеній и не терпѣлъ ихъ въ своей семьѣ; онъ соблюдалъ въ своемъ домѣ такую строгую бережливость, которая казалась тягостью его домашнимъ и стоила ему большихъ семейныхъ непріятностей [3]).

Въ молодые годы Периклъ учился наукамъ у такъ-называемыхъ тогда софистовъ, т. е. у людей, которые за деньги занимались преподаваніемъ въ домахъ состоятельныхъ гражданъ. Главнымъ предметомъ ихъ преподаванія было краснорѣчіе, искусство говорить публичныя рѣчи. При тогдашнемъ политическомъ устройствѣ Аѳинъ, это было необходимое искусство для государственнаго человѣка. Периклъ отъ природы имѣлъ высокій ораторскій даръ и счастливыя внѣшнія качества, нужныя для оратора: пріятный голосъ, легкій, свободный выговоръ и величественную наружность [4]). Онъ учился краснорѣчію у лучшихъ въ то время знатоковъ этого дѣла и достигъ въ немъ совершенства [5]). Онъ былъ величайшимъ ораторомъ своего времени [6]). Нѣкоторые образчики его рѣчей сохранены намъ его современникомъ, историкомъ Ѳукидидомъ [7]): судя по нимъ, краснорѣчіе Перикла было могучее, мужественное краснорѣчіе, отличавшееся глубиною и силою мысли, твердостію убѣжденія, широтою и возвышенностію политическихъ воззрѣній. Оно производило неотразимое впечатлѣніе на слушателей. Современники сравнивали его рѣчи съ громами Зевеса и называли за нихъ Перикла—олимпійскимъ [8]). Этому вполнѣ

1) Плут. Периклъ 5.
2) Id. ibid. 8.
3) Id. ibid. 16. 36.
4) Id. idid. 7.
5) Id. ibid. 4.
6) Ѳукид. 1, 139: λέγειν τε χαί πράσσειν δυνατώτατος.
7) Ѳукид. I, 140—144. II, 35—46. 60—64.
8) Плут. Периклъ 8.

соотвѣтствовала его величавая наружность, спокойствіе и сдержанность его внѣшнихъ пріемовъ [1]).

Въ теченіе всей своей жизни Периклъ занимался самообразованіемъ и старался сближаться со всѣми лучшими умами своего времени. Свой досугъ онъ любилъ проводить въ своемъ домѣ, въ обществѣ людей, одаренныхъ умомъ, знаніями и талантами. Всего болѣе имѣлъ вліянія не только на его умъ и образъ его мыслей, но и на нравственную его сторону знаменитый философъ Анаксагора, *Разумъ Анаксагора*, какъ называли его современники за его высокій умъ, а также и потому, что онъ въ своей философской системѣ признавалъ верховнымъ міроправителемъ Разумъ [2]). Вліянію Анаксагоры древніе приписываютъ все, что возвышало Перикла надъ другими государственными людьми въ его отечествѣ и ставило его на величайшую высоту между государственными людьми всѣхъ временъ: его обширный политическій умъ, свѣтлыя, возвышенныя возрѣнія, равно какъ благородный и высоко нравственный его характеръ.

Периклъ выступилъ на политическое поприще въ очень молодыхъ лѣтахъ и несмотря на то на первыхъ же порахъ умѣлъ держать себя съ искусствомъ опытнаго человѣка. Первые свои шаги на этомъ опасномъ и скользкомъ пути онъ дѣлалъ съ величайшею обдуманностію и осторожностію. Сначала онъ совершенно устранялся отъ прямаго участія въ политическихъ дѣлахъ [3]). Кромѣ свойственной ему отъ природы сдержанности и расчитанности въ дѣйствіяхъ, была особенная причина, заставлявшая его быть весьма осторожнымъ въ этомъ дѣлѣ. Причина заключалась въ томъ, что онъ своею наружностію представлялъ поразительное сходство съ Писистратомъ, котораго напоминалъ чертами своего лица, своимъ голосомъ и даже манерою говорить. Старѣйшихъ изъ аѳинскихъ гражданъ, помнившихъ Писистрата, сходство это такъ сильно поражало, что приводило ихъ въ страхъ и внушало имъ большія опасенія на счетъ честолюбивыхъ замысловъ молодаго алкмэонида [4]). При томъ его богатство, знатное происхожденіе, кругъ вліятельныхъ друзей, который онъ имѣлъ, равно какъ его отличныя дарованія представляли весьма серьезныя основанія для такой подозрительности [5]).

1) Плут. Периклъ 5.
2) Id. ibid. 4. 5. 6.
3) Id. ibid. 7.
4) Id. ibid.
5) Id. ibid.

Периклъ отлично понималъ все это и умѣлъ съ величайшимъ искусствомъ обойти подозрительность своихъ согражданъ. Онъ началъ свою общественную дѣятельность на военномъ поприщѣ, гдѣ обнаружилъ свое геройство и отвагу [1]. Это былъ его первый счастливый шагъ къ его будущему значенію въ республикѣ. За тѣмъ, когда онъ нашелъ, что обстоятельства ему благопріятствуютъ, выступилъ на политическое поприще съ опредѣленными политическими началами, которымъ навсегда остался неизмѣнно вѣренъ и которымъ далъ полное торжество и развитіе не только въ своемъ отечественномъ городѣ, но и въ большей части Греціи.

Въ то время, какъ Периклъ рѣшился принять участіе въ политической дѣятельности, самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ Аѳинахъ былъ Кимонъ, сынъ Милтіада. Кимонъ былъ ревностнымъ приверженцемъ аристократическихъ началъ и аристократической партіи въ Аѳинахъ, во главѣ которой онъ стоялъ тогда. Онъ не обладалъ большимъ государственнымъ умомъ, ни ораторскимъ талантомъ; даже не получилъ въ молодости надлежащаго воспитанія и образованія, вслѣдствіе того, что рано лишился своихъ родителей, но онъ имѣлъ блестящія военныя дарованія и прославилъ себя громкими побѣдами надъ персами [2]. Это былъ въ высшей степени привлекательный, симпатичный характеръ [3], хотя и со многими слабостями: Кимонъ былъ отваженъ, великодушенъ, имѣлъ открытый общительный нравъ, былъ ласковъ и простъ въ обращеніи со всѣми, богатъ и щедръ. Бѣдные граждане ежедневно имѣли у него столъ, онъ имъ дѣлалъ подарки, его сады были открыты для всѣхъ [4]. Благодаря всему этому, Кимонъ, хотя и принадлежалъ по своему происхожденію [5] и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ

1) Плут. Периклъ 7: τῶν μὲν πολιτικῶν οὐδὲν ἔπραττεν, ἐν δὲ ταῖς στρατείαις ἀνὴρ ἀγαθὸς ἦν καὶ φιλοκίνδυνος.

2) Плут. Кимонъ 4.

3) Τὰ δ᾽ ἄλλα πάντα τοῦ ἤθους ἀγαστὰ καὶ γενναῖα τοῦ Κίμωνος. Плут. ibid 5.

4) Плут. Кимонъ 10.

5) Кимонъ принадлежалъ къ фамиліи *филаидовъ*, столь же знатной, какъ и алкмэониды. Родоначальникомъ ихъ былъ герой Эантъ Теламонидъ (Αἴας Τελαμώνιος). Предки Кимона были владѣтелями Херсониса ѳракійскаго. Мать его Игисипила был дочерью ѳракійскаго царя Олора. Домъ филаидовъ былъ родственъ съ домомъ *еврисакидовъ*, изъ котораго происходилъ Алкивіадъ. Діог. Лаэрт. 1, 47. Ирод. VI, 34—39. М. Куторга, Ист. аѳин. республ. табл. 2.

партіи аристократической, былъ любимъ всѣми гражданами. Съ нимъ то предстояло Периклу вступить въ политическую борьбу за первенство въ республикѣ. Онъ воспользовался отсутствіемъ его изъ Аѳинъ, когда Кимонъ находился для военныхъ дѣйствій въ Азіи, и приступилъ къ дѣлу [1]). Политическія начала, которыя Периклъ внесъ въ свою общественную дѣятельность, были прямо противоположны тѣмъ, которыхъ держался Кимонъ, именно—начала димократическія. Трудно навѣрное сказать, насколько принятая имъ политическая система въ самомъ же началѣ проистекала изъ его искренняго убѣжденія и насколько она была дѣломъ его честолюбиваго расчета. По крайней мѣрѣ мы признаемъ глубоко вѣрнымъ замѣчаніе древняго біографа Перикла, что „собственная натура его была всего наименѣе димократическою" (παρὰ τὴν αὐτοῦ φύσιν ἥκιστα δημοτικὴν οὖσαν. Плут. Периклъ 7). При своей гордой и повелительной природѣ ему было гораздо желательнѣе стоять во главѣ низшихъ классовъ, чѣмъ высшихъ. Эти послѣдніе не легко подчиняются волѣ одного человѣка. Отъ своихъ вождей они требуютъ, чтобы они уважали ихъ права и угождали ихъ собственному честолюбію и гордости. Въ противномъ случаѣ они всегда имѣютъ въ своихъ рукахъ достаточно средствъ, равно какъ достаточно вліянія и умѣнья смирить властолюбиваго человѣка. Напротивъ низшіе классы безропотно и охотно повинуются волѣ того, кто умѣетъ ими управлять; они сами готовы воздавать ему уваженіе и всякія почести, а для себя требуютъ отъ него лишь заботы объ ихъ насущныхъ нуждахъ. Между тѣмъ они имѣютъ на своей сторонѣ преимущество силы по своей численности. Опираясь на нее, ихъ вождь можетъ съ успѣхомъ смирять притязанія высшихъ классовъ и держать ихъ въ страхѣ и покорности предъ собою. На этотъ путь и выступилъ Периклъ. Съ самаго начала онъ сталъ на сторону низшихъ классовъ и навсегда остался вѣренъ этому направленію [2]). Однакожъ въ его политической системѣ и образѣ дѣйствій была особенная черта, которая ставила его на бо̀льшую высоту, чѣмъ на какую можетъ стать человѣкъ партіи. Его политическія стремленія и цѣли были выше и шире, чѣмъ стремленія и цѣли партіи. Онъ дѣйствовалъ отнюдь не въ духѣ димократической партіи, но въ духѣ димократическихъ началъ. Партія служила для него не цѣлію, а только средствомъ. Цѣль его была общегосударственная.

---

1) Плут. Периклъ 7.
2) Id. ibid.

Онъ имѣлъ въ виду благо цѣлаго государства и даже больше— благо всего эллинскаго міра. Если въ началѣ своей политической дѣятельности онъ и руководился, быть можетъ, честолюбивыми побужденіями, то впослѣдствіи, когда онъ стоялъ уже твердою ногою на избранномъ имъ пути, мы видимъ въ немъ великаго государственнаго мужа, который всецѣло преданъ душею своей идеѣ, служитъ ей съ самоотверженіемъ, воодушевляетъ ею другихъ, и даже увлекается ею свыше того, насколько условія дѣйствительности могли бы то оправдывать.

Чтобы достигнуть вліянія въ республикѣ, Периклъ, сообразно своей задачѣ, также долженъ былъ пріобрѣсти довѣріе той партіи, на которую онъ хотѣлъ опираться. Способъ его дѣйствія въ этомъ случаѣ былъ совершенно иной, чѣмъ у Кимона. Кимонъ изъ своихъ средствъ помогалъ бѣднымъ гражданамъ, старался снискать ихъ любовь ласковымъ обхожденіемъ съ ними, вообще старался приспособляться къ ихъ вкусамъ и склонностямъ. Ничего подобнаго не дѣлалъ Периклъ. Не въ его натурѣ было заискивать предъ кѣмъ-бы то ни было. Его обращеніе было со всѣми одинаково ровно и сдержанно. Даже онъ избѣгалъ говорить часто въ публичныхъ собраніяхъ. На ораторской трибунѣ онъ являлся только въ особенно важныхъ случаяхъ [1]). Не ласкаясь предъ димосомъ, онъ старался пріобрѣсти его довѣріе и уваженіе къ себѣ тѣмъ, что честно и искренно заботился объ его нуждахъ, изыскивалъ всѣ мѣры и средства къ тому, чтобы улучшить и возвысить его положеніе.

Первѣе всего Периклъ старался поднять политическое положеніе низшихъ классовъ. Для этого ему не нужно было дѣлать какія-либо основныя преобразованія въ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ. Со временъ персидскихъ войнъ въ Аѳинахъ слѣдовалъ непрерывный рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы уравнять политическія права низшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ аѳинскихъ гражданъ, съ правами высшихъ. Ко времени Перикла уже было полное политическое равенство всѣхъ аѳинскихъ гражданъ. Но, какъ это часто бываетъ, равенство это существовало лишь въ буквѣ закона, а не на самомъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности же низшіе классы продолжали находиться подъ властію высшихъ. Въ Аѳинахъ, какъ извѣстно,

---

1) Οὐχ ἐπὶ παντὶ πράγματι λέγων οὐδ' ἀεὶ παριὼν εἰς τὸ πλῆθος, ἀλλ' ἑαυτὸν ὥσπερ τὴν Σαλαμινίαν τριήρη, φησὶ Κριτόλαος, πρὸς τὰς μεγάλας χρείας 'επιδιδούς. Плут. Периклъ 7.

существовали слѣдующія правительственныя должности и учрежденія: архонты, совѣтъ пяти сотъ, ареопагъ и гражданское вѣче. Изъ нихъ только послѣднее, т. е. вѣче, было учрежденіемъ, въ которомъ низшіе классы могли пользоваться своею политическою властію наравнѣ съ высшими. На вѣчѣ могъ присутствовать и подавать свой голосъ всякій гражданинъ, достигшій извѣстнаго возраста и не лишенный своихъ гражданскихъ правъ по приговору суда. На всѣ же другія правительственныя должности граждане были избираемы. По законамъ Солона въ эти должности могли быть избираемы только граждане высшихъ классовъ, имѣвшіе узаконенный цензъ [1]). Вскорѣ послѣ знаменитой платэйской битвы, Аристиду удалось провести законъ, которымъ всѣмъ гражданамъ предоставлялось равное право быть избираемыми на всѣ государственныя должности [2]) Таковъ былъ законъ: на самомъ же дѣлѣ эти должности, въ особенности же высшія и важнѣйшія изъ нихъ, именно должности архонтовъ и членовъ ареопага по прежнему продолжали занимать только знатнѣйшіе и богатѣйшіе изъ граждань. Такъ какъ это были избирательныя должности, то само собою разумѣется, что при выборахъ происходили всѣ тѣ происки, какіе при этомъ неизбѣжны гдѣ бы то ни было [3]). Понятно также, что люди вліятельные и съ большими средствами употребляли все свое вліяніе и всякія средства для того, чтобы пріобрѣсти себѣ приверженцевъ и сторонниковъ при выборахъ. Бѣдный гражданинъ не могъ совсѣмъ и выступать на такое состязаніе съ богатыми и знатными. Это общеизвѣстный порядокъ вещей, имѣющій силу повсюду. Впрочемъ и на этотъ счетъ въ аѳинскомъ законодательствѣ существовала замѣчательная мѣра, именно — избраніе должностныхъ лицъ не подачею голосовъ, а жребіемъ (κλήρῳ, κληρώσει, κυάμῳ). Лица, искавшія извѣстной должности въ республикѣ, заявляли о томъ архонтамъ (шести ѳесмоѳетамъ): изъ числа этихъ лицъ должность предоставлялась тѣмъ, на кого выпадетъ жребій [4]). Этимъ способомъ замѣщаема была большая часть государственныхъ должностей въ Аѳинахъ. Только на нѣкоторыя должности, очень не многія, на прим. на должность стратиговъ, про-

---

1) Арист. Полит. II, 9, стр. 67 (изд. К. Гёттлинга, Іена, 1824).

2) Плут. Аристидъ, 22. Аристот. Полит. V, 3, стр. 159. Bockh Stuatca II 45 46.

3) Аристотель, Политика, V 5, стр 162 (Gœttling). G. F. Schœmann, Antiquitates juris publ. græc. § XXXIII, стр. 230.

4) K. F. Hermann, Griech. Antiquitt. I Th. § 149. Избраніе жребіемъ происходило

изводились выборы подачею голосовъ (χειροτονείᾳ, αἱρέσει). Архонты также были избираемы жребіемъ [1]). Навѣрное неизвѣстно, когда и кѣмъ была введена такая мѣра. Одни приписываютъ ее Клисѳену [2]), другіе Аристиду [3]), иные относятъ ко времени Перикла [4]). Значеніе этой мѣры также можетъ быть понимаемо различно. Обыкновенно смотрятъ на нее, какъ на крайнее примѣненіе димократическаго начала. Она составляетъ дальнѣйшее развитіе и естественное дополненіе димократическаго законоположенія, признающаго за всѣми гражданами равное право на участіе въ управленіи: этою мѣрою всѣ граждане признаются не только одинаково *правоспособными*, но и одинаково *достойными* занимать правительственныя должности. Таковъ крайній выводъ изъ идеи димократическаго равенства: „коль скоро всѣ равны, то — по всему равны", какъ выражается Аристотель [5]). Такъ именно онъ понимаетъ и объясняетъ значеніе этой мѣры въ димократическихъ республикахъ и проводитъ свой взглядъ съ свойственною ему твердостію и послѣдовательностію: избраніе жребіемъ онъ прямо и рѣшительно полагаетъ въ числѣ существенныхъ принадлежностей безусловной димократіи [6]). Взглядъ

въ храмѣ Ѳисея такимъ образомъ: ставились двѣ урны; въ одну изъ нихъ клали дощечки съ именами кандидатовъ, въ другую—извѣстное число бобовъ (κύαμος) бѣлаго и темнаго цвѣта; затѣмъ вынимались единовременно--изъ одной урны дощечка съ написаннымъ на ней именемъ, изъ другой—бобъ: на чье имя выпалъ бобъ бѣлаго цвѣта, тотъ былъ выбраннымъ.

1) Id ibid. §§ 148 и 149.

2) G. F. Schœmann, Griech. Alterth. I B. стр. 356 (3-te Aufl. Berlin 1871).

3) Max Duncker, Gesch. des Alterth. IV Bd. стр. 474—475, примѣч. 5.

4) Георгъ Гротъ, Исторія Греціи, въ нѣм. переводѣ Мейсснера, 3 ч., стр. 275. Ср. 2 ч., стр. 437 и стр. 438, прим. 18.

5) Полит. V, I, стр. 150 (Gœttling) δῆμος μὲν γὰρ 'εγένετο 'εκ τοῦ ἴσους ὁτιοῦν ὄντας οἴεσθαι ἁπλῶς ἴσους εἶναι· ὅτι γὰρ 'ελεύθεροι πάντες ὁμοίως, ἁπλῶς εἶναι, νομίζουσιν.... Εἶτα οἱ μὲν ὡς ἴσοι ὄντες πάντων τῶν ἴσων ἀξιοῦσι μετέχειν.

6) Арист. Полит. IV, 8, стр. 130 (Goettl.): δημοκρατικὸν μὲν εἶναι τὸ κληρωτὰς εἶναι τὰς ἀρχάς. VI, I, стр. 199: τὰ τοιαῦτα δημοτικά· τὸ αἱρεῖσθαι τὰς ἀρχὰς πάντας ἐκ πάντων· τὸ ἄρχειν πάντας μὲν ἑκάστου, ἕκαστον δ' ἐν μέρει πάντων· τὸ κληρωτὰς εἶναι τὰς ἀρχὰς ἢ πάσας, ἢ ὅσαι μὴ ἐμπειρίας δέονται καὶ τέχνης· τὸ μὴ ἀπὸ τιμήματος μηθενὸς εἶναι τὰς ἀρχὰς ἢ ὅτι μικροτάτου· τὸ μὴ δὶς τὸν αὐτὸν ἄρχειν etc.

его усвоенъ большею частію новѣйшихъ ученыхъ [1]). Однакожъ, разсматривая эту мѣру въ ея практическомъ примѣненіи, ученые находятъ ее не вполнѣ цѣлесообразною. По ихъ мнѣнію интересы самой димократіи могли нерѣдко страдать отъ избранія должностныхъ лицъ жребіемъ, такъ какъ это лишало димократическихъ избирателей возможности замѣщать правительственныя должности исключительно своими приверженцами. Поэтому тѣ же самые ученые, принимая взглядъ Аристотеля, не совсѣмъ твердо стоятъ на точкѣ зрѣнія, имъ указанной. Даже столь основательный знатокъ и цѣнитель политической жизни древнихъ эллиновъ, каковъ былъ знаменитый англійскій историкъ Греціи Георгъ Гротъ, и несмотря на то, что онъ вполнѣ признаетъ избраніе должностныхъ лицъ жребіемъ за мѣру чисто димократическую, въ то же время выражается такимъ образомъ: „на самомъ дѣлѣ избраніе жребіемъ могло быть менѣе димократичнымъ, чѣмъ избраніе общею подачею голосовъ всѣхъ гражданъ, такъ какъ при этой послѣдней системѣ бѣдный гражданинъ пользовался важнымъ правомъ, не будучи самъ избираемъ въ должность, вліять на дѣла подачею своего голоса [2])“. Правда Гротъ говоритъ это собственно по отношенію ко времени законодательства Клисѳена, когда доступъ къ государственнымъ должностямъ еще не былъ открытъ для всѣхъ гражданъ; но въ сущности это все равно. Приведенное имъ сужденіе одинаково примѣнимо какъ ко времени до изданія закона о правѣ всѣхъ гражданъ на всѣ должности въ государствѣ, такъ и ко времени послѣ изданія этого закона: даже мы думаемъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно еще болѣе имѣетъ силы, чѣмъ въ первомъ. Послѣ того, какъ низшимъ классамъ удалось достигнуть равенства своихъ правъ съ высшими по отношенію къ правительственнымъ должностямъ, избраніе жребіемъ являлось лишь стѣсненіемъ этого ихъ права: такой способъ замѣщенія должностей лишь ограничивалъ имъ просторъ пользоваться своимъ законнымъ правомъ въ такой широкой мѣрѣ, въ какой только это было имъ угодно, такъ какъ они же составляли собою большинство избирателей. Тѣмъ не менѣе Гротъ признаетъ избраніе жребіемъ мѣрою чисто димократическою и на этомъ именно основаніи находитъ невозможнымъ относить ее ко времени Клисѳена,

1) K F. Hermann, Antiquitt. I Th. § 67. Schoemann, Griech. Alterth. I Bd. стр. 189. Duncker ibid. G. Grote ibid. Aug. Boeckh, Staatsh, d. Ath. I Bd. стр. 223.

2) Ист. Греціи, т 2, стр. 438.

который только лишь полагалъ первое основаніе для зданія аѳинской димократіи. Извѣстный германскій ученый Г. Ф. Шёманнъ оспориваетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи взглядъ Грота[1]). Введеніе разсматриваемой нами мѣры онъ приписываетъ Клисѳену, при чемъ отрицаетъ ея безусловно димократическій характеръ: »можно даже, говоритъ онъ, введенный Клисѳеномъ порядокъ замѣщенія должностей находить противодимократическимъ (die Anordnung des Klisthenes sogar als eine antidemokratische zu betrachten), такъ какъ имъ отнималось у народа право возводить въ эти должности людей, пользующихся его довѣріемъ, тогда какъ теперь случайность жребія могла предоставлять ихъ лицамъ, которыхъ народъ никогда бы не выбралъ« [2]). Шёманнъ указываетъ на то, что избраніе жребіемъ существовало не исключительно въ димократическихъ, но иногда также и въ олигархическихъ республикахъ; что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Аристотель [3]), мѣра эта вводилась для того только, чтобы устранить волненія и происки при выборахъ [4]). При всемъ томъ самъ же г. Шёманнъ говоритъ слѣдующее: »по отношенію къ должностямъ абсолютная димократія отличается отъ умѣренной, прежде всего, способомъ ихъ замѣщенія: на мѣсто выборовъ она вводитъ жребій, если не для всѣхъ, то для возможно большей части должностей, съ тою цѣлію, чтобы тѣмъ вѣрнѣе могъ достигать ихъ каждый безъ различія« [5]). Спрашивается теперь: какъ же смотрѣть на эту мѣру? должно ли считать ее димократическою, или противо-димократическою?

Въ недавнее время одинъ германскій ученый, г. Мюллеръ-Штрюбингъ высказалъ свой особенный взглядъ на это дѣло, совершенно

1) Въ своемъ сочиненіи: „Verfassungsgeschichte Athens“ Leipzig, 1854.

2) Griech. Alterth. 1 B. стр. 357.

3) Полит. V, 2, стр. 156 (Goettl.): μεταβάλλουσι δ'αἱ πολιτεῖαι καὶ ἄνευ στάσεως διά τε τὰς 'εριθείας, ὥσπερ 'εν Ἡραίᾳ· 'εξ αἱρετῶν γὰρ διὰ τοῦτο 'εποίησαν κληρωτάς, ὅτι ᾑροῦντο τοὺς 'εριθευομένους.

4) Griech. Alterth. 1 B. стр. 189.

5) Ibid. Hinsichtlich der Magistrate unterscheidet sich die absolute Demokratie von der gemässigten zunächts durch die Art der Ernennung, indem sie, wenn auch nicht bei allen, doch bei möghichst vielen statt der Wahl das Loos eintreten lässt, damit um so sicherer Jeder ohne Unterschied dazu gelangen könne.

отличный отъ вышеизложенныхъ. Онъ сильно нападаетъ на всѣхъ тѣхъ ученыхъ, которые находятъ что нибудь димократическое въ замѣщеніи должностей посредствомъ жребія. Въ своемъ обширномъ трудѣ, посвященномъ многимъ важнымъ вопросамъ политическаго устройства и политической жизни Аѳинъ [1]), онъ выступаетъ столь горячимъ поборникомъ аѳинской димократіи, что не дозволяетъ находить на ней ни одного пятна. Этого онъ не прощаетъ самымъ заслуженнымъ ученымъ и порицаетъ ихъ за то весьма рѣзко. Впрочемъ трудъ его очень цѣнный и авторъ хорошо уясняетъ нѣкоторые вопросы по греческой исторіи. По справедливому отзыву одного нѣмецкаго ученаго изданія [2]), „отъ сочиненія вѣетъ большою свѣжестію; изложеніе весьма наглядно; сочинитель обладаетъ обширною начитанностію и въ особенности тщательно ознакомился съ Аристофаномъ и Ѳукидидомъ; при этомъ онъ всецѣло преданъ своему предмету и очевидно, при написаніи книги, участвовало задушевное чувство автора; съ сердечною теплотою беретъ онъ сторону аѳинской димократіи и ея вождей".—Мюллеръ-Штрюбингъ смотритъ на замѣщеніе должностей посредствомъ жребія, какъ на такую мѣру, которая въ димократической республикѣ предоставляетъ меньшинству возможность имѣть нѣкоторое участіе въ государственномъ управленіи. Она была тамъ, по его мнѣнію, ничѣмъ инымъ, какъ *уступкою* меньшинству со стороны преобладающаго димократическаго большинства, и служила средствомъ удовлетворенія гражданскихъ правъ этого меньшинства [3]). Введеніе жребія онъ приписываетъ Аристиду и полагаетъ, что такая мѣра проведена была имъ не безъ задней мысли: послѣ блистательныхъ побѣдъ, какія аѳинскій димосъ одержалъ надъ персами на сушѣ и на морѣ, въ немъ пробудилось такое сознаніе своей силы и своего значенія въ республикѣ [4]), что Аристидъ, во-

---

1) Aristophanes und die historische Kritik. Polemische Studien zur Geschichte von Athen im 5-ten Jahrhund. von Ch. G. Von Hermann Müller-Strübing. Leipzig, 1873.

2) Philologischer Anzeiger, herausgg. von Ernst von Leutsch. 7 Band, 8 Heft 1875. (№№ 8 и 9), pag. 367. Goettingen, 1876.

3) Aristophanes und die historische. Kritik, стр. 206: „stelle ich es, говоритъ г. Мюллеръ, als Thesis hin: die Einführung des Looses bei der Besetzung der Aemter war ein Zugeständniss an die Minorität; war eine Massregel zur Befriedigung der staatsbürgerlichen Bedürfnisse und zur Gewährleistung der Rechte der Minorität."

4) Плут. Аристидъ, 7: ὁ δῆμος ἐπὶ τῇ νίκῃ μέγα φρονῶν καὶ τῶν μεγίστων

преки своимъ политическимъ убѣжденіямъ, нашелъ необходимымъ предложить крайній димократическій законъ, открывавшій низшимъ классамъ доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ; но въ тоже время онъ ввелъ при замѣщеніи этихъ должностей жребій, какъ противовѣсъ преобладанію димократіи, такъ какъ этимъ способомъ онъ оставлялъ за олигархическимъ меньшинствомъ шансы достигать власти въ республикѣ [1]).

Мы находимъ совершенно ошибочнымъ такой взглядъ на дѣло. Онъ не имѣетъ за себя ни одного свидѣтельства древнихъ и не основателенъ самъ по себѣ. Эта уступка меньшинству, какую видитъ въ разсматриваемой мѣрѣ г. Мюллеръ, была бы совершенно призрачною на дѣлѣ. При громадномъ численномъ превосходствѣ господствующей партіи она могла представлять отъ себя въ такомъ же численномъ превосходствѣ и соискателей должностей; поэтому, какъ учитъ насъ математическая теорія вѣроятностей, жребій выпадалъ бы очень рѣдко на сторонниковъ противоположной малочисленной партіи; въ составѣ должностныхъ лицъ, такимъ образомъ, они являлись бы въ очень маломъ числѣ сравнительно съ представителями господствующей димократической партіи; это только ставило бы ихъ въ очень тягостное и трудное положеніе, въ особенности если бы имъ вздумалось дѣйствовать въ интересахъ своей партіи; на каждомъ шагу они встрѣчали бы себѣ противодѣйствіе со стороны большинства другихъ правительственныхъ лицъ въ республикѣ. Впрочемъ и въ томъ случаѣ, если бы жребій, вопреки указанной математической теоріи, оказывался болѣе благосклоннымъ къ меньшинству, оно мало могло-бы извлекать для себя отъ этого практической пользы. Извѣстно, что въ димократическихъ республикахъ, и въ особенности въ аѳинской, должностныя лица находились подъ постояннымъ зоркимъ контролемъ вѣча, передъ которымъ были отвѣтственны за всѣ свои дѣйствія и на которомъ господствовало димократическое большинство: имъ оставалось одно лишь—исполнять точно и безпрекословно волю вѣча, т. е. дѣйствовать какъ разъ вопреки видамъ и цѣлямъ своей

ἀξιῶν αὐτὸν... ibid. 22: Ἐπεὶ δὲ... τοὺς Ἀθηναίους ὁ Ἀριστείδης ἑώρα ζητοῦντας τὴν δημοκρατίαν ἀπολαβεῖν, ἅμα μὲν ἄξιον ἡγούμενος διὰ τὴν ἀνδραγαθίαν ἐπιμελείας τὸν δῆμον, ἅμα δ᾽οὐκ ἔτι ῥᾴδιον ἰσχύοντα τοῖς ὅπλοις καὶ μέγα φρονοῦντα ταῖς νίκαις ἐκβιασθῆναι, γράφει ψήφισμα κοινὴν εἶναι τὴν πολιτείαν καὶ τοὺς ἄρχοντας ἐξ Ἀθηναίων πάντων αἱρεῖσθαι.

1) Aristophanes etc. стр. 247—248.

партіи, если бы эти должностныя лица принадлежали къ олигархическому меньшинству. Такимъ образомъ эта мнимая уступка въ пользу меньшинства не приводила бы, на самомъ дѣлѣ, ни къ чему больше, какъ лишь къ тому, чтобы давать постоянно чувствовать этому меньшинству свое политическое безсиліе въ республикѣ.

Между тѣмъ въ тѣхъ же димократическихъ Аѳинахъ открыты были прямыя и широкія пути всѣмъ, какъ высшимъ, такъ и низшимъ классамъ, гражданамъ какой-бы то ни было политической партіи, олигархической или димократической,—пути къ дѣятельному и совершенно свободному участію въ политической жизни и политическихъ дѣлахъ своего отечества. И, во первыхъ, такой путь открытъ былъ каждому на гражданскомъ вѣчѣ (ἐκκλησία). Здѣсь каждому гражданину предоставлено было не только равное право голоса при рѣшеніи дѣлъ, но и безусловная свобода слова при ихъ обсужденіи. Людямъ съ политическими дарованіями и высокимъ образованіемъ былъ здѣсь полный просторъ пріобрѣтать вѣсъ и силу въ политическихъ дѣлахъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и было, какъ мы знаемъ, въ аѳинской республикѣ. Политическіе таланты выступали и заявляли себя именно на вѣчѣ. Если партія меньшинства въ республикѣ имѣла въ средѣ своей людей съ талантами, если умѣла дѣйствовать дружно и умно, тогда она составляла на вѣчѣ серьезную политическую силу и даже могла пріобрѣсти преобладающее вліяніе на дѣла. Словомъ сказать, меньшинство на вѣчѣ располагало всѣми тѣми средствами вліять на дѣла, какими располагаетъ оппозиція въ современныхъ представительныхъ учрежденіяхъ. —Затѣмъ былъ еще другой, также очень дѣйствительный способъ, дававшій олигархическому меньшинству возможность выставлять изъ среды своей вліятельныхъ политическихъ дѣятелей, способъ, которымъ весьма охотно во всѣ времена пользовалась аѳинская димократія, въ виду настоятельныхъ государственныхъ надобностей: это именно замѣщеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей не посредствомъ жребія, а посредствомъ выборовъ. Таковы, напр., были должности стратиговъ (военачальниковъ), должность эллинотаміи (государственнаго казначея), и другія. Аѳинская димократія весьма охотно во всѣ времена предоставляла эти должности лицамъ изъ знатныхъ фамилій, даже такимъ, которыя завѣдомо принадлежали къ олигархической партіи. Такъ мы видѣли, что до Перикла во главѣ управленія стоялъ Кимонъ, вождь олигархической партіи: въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ избираемъ въ стратиги, при чемъ ему

поручалось не одно начальствованіе войскомъ, но и важнѣйшія дѣла внѣшней и внутренней политики [1]). При Периклѣ Кимонъ и его партія лишились власти и вліянія, самъ Кимонъ даже былъ изгнанъ остракизмомъ; но это произошло не потому, чтобы олигархическое меньшинство не имѣло въ своихъ рукахъ достаточныхъ средствъ для борьбы, вслѣдствіе димократическаго строя аѳинской республики, а потому, что Периклъ неизмѣримо превосходилъ своего противника политическими талантами и что вообще олигархическая партія не имѣла въ то время въ средѣ своей равносильнаго по дарованіямъ человѣка, котораго могла бы съ успѣхомъ противопоставить Периклу [2]); однакокожъ, сколько могла, старалась всѣми мѣрами ему противодѣйствовать [3]). Даже въ то горячее и возбужденное время, когда въ Греціи шла роковая борьба на жизнь и смерть между республиками аристократическими и димократическими, т. е. въ пелопоннизскую войну,—въ то время, какъ уже сошелъ со сцены Периклъ и его мѣсто занялъ Клеонъ, этотъ „ярый" димагогъ (βιαιότατος τῶν πολιτῶν [4]), когда аѳинская димократія приняла острый характеръ,—мы видимъ въ числѣ стратиговъ такихъ лицъ, какъ Никія, глава олигархической партіи и личный врагъ Клеона [5]), какъ знаменитый историкъ Ѳукидидъ, изъ знатнаго дома филаидовъ, искони приверженнаго къ олигархіи, въ чемъ былъ вѣренъ преданіямъ своего дома и самъ онъ [6]).

Итакъ мы думаемъ, что правильнѣе понимать дѣло совершенно наоборотъ: т. е. уступку и терпимость димократіи къ олигархическому меньшинству скорѣе можно находить въ выборахъ должностныхъ лицъ подачею голосовъ, причемъ именно избирались достойнѣйшіе и способнѣйшіе люди, какихъ димократія чаще всего находила въ рядахъ знатнаго и богатаго сословія гражданъ; тогда какъ избраніе должностныхъ лицъ жребіемъ служило для удовлетворенія чувству димократическаго равенства.

Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что названные нами ученые привносятъ въ свои сужденія относительно разсматриваемаго нами предмета взглядъ, взятый ими съ современнаго порядка вещей.

1) Плут. Кимонъ 5. 6. 8. 9.
2) Id. Периклъ 8.
3) Id. ibid. 12.
4) Ѳук. III, 36.
5) Id. ibid. IV, 27.
6) Id. VIII, 97.

Повидимому они расположены придавать выборамъ должностныхъ лицъ въ античныхъ республикахъ такой же отчасти смыслъ, какой имѣютъ выборы *представителей* въ современныхъ государствахъ. Въ отношеніи античнаго міра необходимо совершенно отрѣшиться отъ такого воззрѣнія. Тамъ не было представительства, какъ въ современныхъ государствахъ. Въ античныхъ государствахъ каждый гражданинъ *лично* и только *самъ за себя* выполнялъ свою долю участія въ государственномъ управленіи. Лица, избиравшіяся гражданами на должности, отнюдь не становились чрезъ то представителями ни своихъ избирателей, ни той политической партіи, къ которой принадлежали. Они не были продставателями, но отвѣтственными (ὑπεύθυνοι) исполнителями державной воли цѣлой общины гражданъ, все равно кѣмъ бы и какъ бы ни были избраны въ свои должности и къ какой-бы политической партіи ни принадлежали [1]). Это были „органы исполнительной власти" въ государствѣ. По отношенію къ общинѣ гражданъ они были тоже самое, что въ современныхъ государствахъ министры по отношенію къ верховной власти и по отношенію къ палатѣ представителей (потому что гражданская община совмѣщала въ себѣ права той и другой). Точно такъ, какъ въ современныхъ государствахъ верховная власть можетъ поручать обязанности министровъ лицамъ какой угодно политической партіи безразлично, лишь бы они не злоупотребляли ея довѣріемъ (или даже — лишь бы нашлись желающіе принять должность), равнымъ образомъ — палатѣ представителей нѣтъ надобности до того, къ какой политической партіи принадлежатъ министры, лишь бы ихъ дѣйствія согласовались съ ея желаніями, выражаемыми большинствомъ ея членовъ: такъ—въ томъ же почти родѣ были положеніе и отношеніе должностныхъ лицъ и гражданской общины въ античныхъ республикахъ и въ особенности—димократическихъ.

Итакъ, замѣщеніе должностей посредствомъ жребія не представляло никакой практической выгоды меньшинству, равно какъ нисколько не страдали отъ того интересы господствующаго большин-

---

1) Противъ сказаннаго, конечно, не могутъ служить возраженіемъ такого рода учрежденія въ античныхъ республикахъ, какъ ефоратъ въ Спартѣ и трибунатъ въ Римѣ: это не были *представительныя*, но такія же *правительственныя* учрежденія, какъ и всѣ другія въ республикѣ: члены ихъ избирались лишь изъ извѣстнаго класса гражданъ, также какъ члены другихъ правительственныхъ учрежденій—изъ другого класса граж-

ства. Но эта мѣра дѣйствительно могла служить хорошимъ средствомъ для устраненія волненій при выборахъ, что имѣло свою полезную сторону. При значительномъ числѣ должностей въ республикѣ и краткости срока (годъ, иногда и меньше), на который избирались должностныя лица, гражданская община слишкомъ много и часто подвергалась бы возбужденному состоянію, неразлучному съ выборами; много являлось бы оскорбленныхъ самолюбій и недовольныхъ лицъ; честолюбія сталкивались бы безъ конца и должностныя лица дѣйствительно встрѣчали бы противодѣйствіе себѣ не со стороны своихъ политическихъ противникивъ, а отъ своихъ соперниковъ, обойденныхъ выборами. Это имѣло большую важность и серьезное значеніе въ малочисленныхъ гражданскихъ общинахъ древней Греціи, гдѣ всѣ граждане составляли тѣсно сплоченный кругъ, гдѣ каждая отдѣльная личность была замѣтнѣе, а потому и чувствительнѣе ко всякому униженію, оказанному ей, и предпочтенію, отданному другой. Жребій въ этомъ случаѣ успокоивалъ всѣхъ, какъ тѣхъ, кто хотѣлъ быть избраннымъ, такъ и тѣхъ, кому нужно было подавать голосъ на выборахъ. Все сказанное приложимо въ одинаковой степени къ республикамъ, какъ димократическимъ, такъ и олигархическимъ: въ этихъ послѣднихъ соперничество между отдѣльными личностями господствующаго сословія было, конечно, никакъ не слабѣе, чѣмъ среди димократическаго гражданства. Ѳукидидъ передаетъ намъ на сей счетъ весьма замѣчательный фактъ. Во время олигархіи четырехъ сотъ въ Аѳинахъ (411 г. до Р. Х.) многіе изъ олигарховъ захотѣли снова установить въ республикѣ димократическій порядокъ вещей, «побуждаемые къ тому своими личными честолюбіями, потому что всякій изъ нихъ хотѣлъ быть первымъ; а при димократическомъ устройствѣ имъ легче было переносить каждому свой неуспѣхъ на выборахъ, такъ какъ онъ былъ бы устраняемъ отъ власти не со стороны себѣ равныхъ» [1]). Ѳукидидъ высказываетъ здѣсь глубоко вѣрное сужденіе: дѣйствительно всего тяжелѣе быть поставленнымъ ниже другихъ въ средѣ себѣ равныхъ. Аѳинскіе олигархи предпочитаютъ отказаться отъ своей власти, только бы никто изъ нихъ не

данъ, но тѣ и другіе вмѣстѣ равно составляли собою *правительство*, исполнительную власть въ республикѣ.

[1]) Ѳукид. VIII, 89: ʼεκ δὲ δημοκρατίας αἱρέσεως γιγνομένης, ῥᾷον τὰ ἀποβαίνοντα ὡς οὐκ ἀπὸ τῶν ὁμοίων ʼελασσόμενός τις φέρει.

возвышался надъ прочими: димократія, по крайней мѣрѣ, уравнивала ихъ всѣхъ. Неудивительно поэтому, что замѣщеніе должностей посредствомъ жребія существовало и въ нѣкоторыхъ олигархическихъ республикахъ: здѣсь оно также, какъ и въ димократическихъ, служило для удовлетворенія чувства равенства членовъ олигархіи. Но, конечно, такой порядокъ вещей всего болѣе умѣстенъ былъ въ димократическихъ республикахъ, гдѣ начало всеобщаго равенства гражданъ лежало въ основаніи цѣлаго строя государства.

Несмотря однако на такой несомнѣнно димократическій характеръ разсматриваемаго нами способа замѣщенія должностей, должно все таки сказать, что низшіе классы аѳинскихъ гражданъ мало могли извлекать изъ него существенной пользы для себя. Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, когда и кѣмъ введена была эта мѣра въ Аѳинахъ; но всего менѣе, намъ кажется, было бы справедливымъ приписывать ее Периклу: цѣлый рядъ мѣръ, введенныхъ имъ въ интересахъ димоса и димократіи, имѣетъ тотъ отличительный характеръ, что всѣ онѣ удовлетворяютъ прямымъ и самымъ дѣйствительнымъ образомъ нуждамъ низшихъ классовъ аѳинскихъ гражданъ, не только димократичны и либеральны по идеѣ, но служатъ къ дѣйствительному улучшенію положенія димоса. Нельзя того же сказать о замѣщеніи должностей жребіемъ: оно удовлетворяло собственно идеальному требованію; служило выраженіемъ идеи политическаго равенства всѣхъ гражданъ. Во всякомъ случаѣ не этою мѣрою могъ бы Периклъ поднять и усилить на самомъ дѣлѣ политическое значеніе димоса въ республикѣ. Дѣло заключалось въ томъ, что занятіе правительственныхъ должностей было не по силамъ бѣднымъ гражданамъ. Эти должности искони были безвозмездными. Онѣ были гражданскою почестію (τιμή) и вмѣстѣ государственною повинностію (τέλος, οἱ ἐν τέλει), которую граждане несли предъ государствомъ, какъ обязанность, неразлучную съ ихъ званіемъ [1]). Между тѣмъ должности эти требовали отъ лицъ, которымъ поручались, постоянныхъ правильныхъ занятій. Поэтому бѣдный гражданинъ, жившій своимъ трудомъ, или совсѣмъ не могъ бы проходить ихъ, или же онѣ были

---

1) Арист. Полит. III, I, стр. 71: ὁ δὲ πολίτης οὐ τῷ οἰκεῖν που πολίτης ἐστί· καὶ γὰρ μέτοικοι καὶ δοῦλοι κοινωνοῦσι τῆς οἰκήσεως... ὥστε ἀτελῶς πως μετέχουσι τῆς τοιαύτης κοινωνίας, ἀλλὰ καθάπερ καὶ παῖδας τοὺς μήπω δι' ἡλικίαν ἐγγεγραμμένους καὶ τοὺς γέροντας τοὺς ἀφειμένους φατέον εἶναι μέν πως πολίτας, οὐχ ἁπλῶς

бы для него большимъ обремененіемъ [1]). Для успѣшнаго исполненія этимъ должностей нужна была извѣстная степень образованія и знаніе дѣла, что также, конечно, не часто можно было находить въ людяхъ, принадлежащихъ къ низшимъ классамъ. Наконецъ на лицахъ, несшихъ эти должности, лежала большая отвѣтственность и они должны были давать государству отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ: это должно было казаться и въ самомъ дѣлѣ было отнюдь не простымъ и не легкимъ дѣломъ для поденщиковъ (θῆτες) и матросовъ (ναυτικὸς ὄχλος), изъ которыхъ преимущественно состоялъ аѳинскій димосъ. Периклъ умѣлъ хорошо все это взвѣсить и нашелъ другой, болѣе вѣрный путь къ рѣшенія своей задачи.

До Перикла тѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ, къ которымъ доступъ такъ былъ труденъ для низшихъ классовъ, принадлежала обширная власть въ государствѣ. Въ особенности большую силу давало имъ то, что въ ихъ же рукахъ была и судебная власть.

Главнѣйшимъ изъ этихъ учрежденій былъ ареопагъ, верховный государственный совѣтъ (ἡ ἄνω βουλή), издревле облеченный чрезвычайно обширною властію и окруженный величайшимъ почетомъ. Онъ имѣлъ высшій надзоръ надо всѣмъ въ государствѣ (ἐπίσκοπος πάντων) [2]), какъ надъ другими правительственными учрежденіями и лицами, такъ и вообще надъ всѣми гражданами (ἁπάντων ἐφρόντιζε τῶν πολιτῶν). Члены ареопага слѣдили за тѣмъ, чтобы ни въ совѣтѣ пятисотъ, ни на вѣчѣ не предлагалось ничего такого, что несогласно съ основными государственными установленіями и законами (γραφὴ παρανόμων) или что они считали вреднымъ для блага республики (τὰ ἀσύμφορα τῇ πόλει); затѣмъ, чтобы власти дѣйствовали во всемъ сообразно съ закономъ, чтобы ихъ избраніе происходило законнымъ образомъ [3]). Ареопагиты имѣли наблюденіе надъ нравами и образомъ жизни гражданъ, ихъ занятіями и способами существованія [4]): они привлекали къ суду тѣхъ, кто не имѣя обезпеченнаго состоянія велъ праздную жизнь (γραφὴ ἀργίας), или кто проматывалъ полученное отъ

δὲ λίαν, ἀλλὰ προστιθένας τοὺς μὲν ἀτε λεῖς, τοὺς δὲ παρηκμακότας....Πολίτης δ'ἁπλῶς οὐδενὶ τῶν ἄλλων ὁρίζεται μᾶλλον ἢ τῷ μετέχειν κρίσεως καὶ ἀρχῆς.

1) Арист. Полит. VI, 3, стр. 206: ἐπεὶ δὲ αἱ τελευταῖαι δημοκρατίαι πολυάνθρωποί τε εἰσί, καὶ χαλεπὸν ἐκκλησιάζειν ἀμίσθους...

2) Плут. Солонъ, 19.

3) Philochori Fragmenta p. 19, ed. Siebelis, Lips. 1811. ср. Шёманна Gr. Alterth. I B. p. 525.

4) Ἰσοκράτης, Ἀρειοπαγιτικός, 17.

предковъ наслѣдство (γραφὴ τοῦ κατεδηδοκέναι τὰ πατρῷα) [1]. Воспитаніе дѣтей также находилось подъ вѣдѣніемъ ареопага [2]. Наконецъ въ кругъ дѣятельности ареопага входило наблюденіе надъ государственною религіею [3]. Суду его подлежали важнѣйшія преступленія, какъ намѣренное убійство, измѣна отечеству, оскорбленіе религіи; но онъ могъ привлекать гражданъ къ отвѣтственности и подвергать ихъ взысканіямъ за всякаго рода проступки [4].

Ареопагъ служилъ средоточіемъ силы и вліянія олигархической партіи. Составъ его наполнялся бывшими архонтами, проходившими безупречно свою должность: ареопагиты со строгимъ разборомъ принимали въ свою среду новыхъ членовъ [5]. Учрежденіе это было однимъ изъ древнѣйшихъ въ Аѳинахъ и пользовалось почетомъ, какъ ни одно изъ другихъ аѳинскихъ правительственныхъ учрежденій. Поэтъ Эсхилъ въ одной изъ своихъ трагедій влагаетъ слѣдующую рѣчь въ уста богини Аѳины: „да внемлютъ жители Аттики завѣту моему: поставляю вамъ, какъ недремлющаго стража вашей земли, этотъ досточтимый совѣтъ, недоступный корысти, не скорый на гнѣвъ; онъ будетъ бодрствовать надъ спящими; чтите его и имѣйте должный страхъ предъ нимъ, и онъ будетъ спасительнымъ оплотомъ вашего города и вашей страны, оплотомъ, какого нѣтъ нигдѣ у людей, ни у скиѳовъ, ни въ землѣ Пелопа“ [6].

Понятно, что такое могущество ареопага, облеченнаго властію, границы которой повидимому не были даже точно опредѣлены, въ самомъ дѣлѣ составляло твердый оплотъ для олигархическихъ классовъ въ Аѳинахъ, за которымъ они крѣпко держались противъ напоровъ димократическаго движенія. Для полнаго успѣха димократіи необходимо было лишить высшіе классы этой опоры. Периклъ рѣшился наложить руку на права и власть ареопага. Задача была не только трудная, но и весьма опасная: онъ предпринималъ ни болѣе, ни менѣе, какъ подорвать политическую силу высшихъ классовъ въ самомъ ея корнѣ, нанесть ей ударъ въ такомъ ея убѣжищѣ, которое доселѣ признавалось неприкосновеннымъ: Периклъ зналъ, что дѣло

---

1) Плут. Солонъ 22. Cr. Schömann, Antiquitt. juris publ. graec. § LXVI.
2) Исократъ тамъ же.
3) Schoemann, Antiquitt. juris publ. gr. 1. 1.
4) Id. ibid.
5) Schoemann, Griech. Alterth. 1 B. стр. 525.
6) Εὐμενίδες, стт. 681—685. 703—706.

не можетъ обойтись безъ упорной борьбы. Онъ остерегся вступить открыто въ эту опасную борьбу. Онъ искалъ себѣ союзника, который бы имѣлъ мужество взяться за дѣло. Такого союзника Периклъ нашелъ себѣ въ молодомъ аѳинскомъ гражданинѣ, по имени Ефіальтѣ. Это былъ смѣлый, энергическій и рѣшительный человѣкъ, одаренный блестящими политическими дарованіями. Онъ отнюдь не служилъ лишь орудіемъ въ рукахъ Перикла, но дѣйствовалъ по собственному влеченію и убѣжденію, хотя и въ согласіи съ Перикломъ. Ефіальтъ повелъ дѣло такимъ образомъ: онъ началъ неутомимо и горячо преслѣдовать всѣми способами, т. е. и въ публичныхъ рѣчахъ на вѣчѣ и судебнымъ порядкомъ, злоупотребленія какъ членовъ ареопага, такъ равно и другихъ высшихъ правительственныхъ лицъ въ государствѣ [1]). Самъ Эфіальтъ былъ извѣстенъ высокимъ благородствомъ и честностію своего характера [2]). Онъ былъ бѣденъ и его друзья предлагали ему, для его обезпеченія въ средствахъ жизни, сумму въ десять талантовъ (свыше 15,000 рублей): Ефіальтъ отказался отъ этой поддержки своихъ друзей, изъ опасенія, какъ онъ говорилъ, оказаться неблагодарнымъ, въ случаѣ если-бы кто-нибудь изъ нихъ потребовалъ отъ него чего-либо, несогласнаго со справедливостію [3]). Тѣмъ смѣлѣе и безпощаднѣе были его нападенія, направленныя противъ неправдъ и притѣсненій, какія правительственныя лица позволяли себѣ относительно бѣдныхъ классовъ гражданъ: „онъ былъ грозою олигарховъ" (φοβερὸν ὄντα τοῖς ὀλιγαρχικοῖς), по словамъ древняго писателя [4]). Прямой и смѣлый образъ его дѣйствій встрѣтилъ сильное сочувствіе въ массѣ гражданъ [5]). Авторитетъ членовъ ареопага и другихъ правительственныхъ лицъ сильно палъ въ общемъ мнѣніи. Какъ разъ въ самый разгаръ борьбы, которая шла теперь между представителями олигархіи и вождями димоса, важныя внѣшнія дѣла удерживали Кимона внѣ Аѳинъ: онъ находился съ флотомъ въ водахъ Эгейскаго моря и занятъ былъ военными дѣйствіями сначала въ Херсонисѣ ѳракійскомъ, потомъ на о. Ѳасѣ. Всѣ его дѣйствія имѣли, какъ всегда, блистательный успѣхъ: онъ присоединилъ къ

1) Плут. Периклъ, 10.
2) Id. Кимонъ, 10.
3) Эліанъ, Var. Hist. II. 43. XI, 9.
4) Плут. Периклъ, 10.
5) id. Кимонъ, 10: Ἐφιάλτην... χάριτι τοῦ δήμου καταλύοντα τὴν ἐξ Ἀρείου πάγου βουλήν.

владѣніямъ Аѳинъ новыя богатыя области. Въ это самое время въ Аѳинахъ его партія понесла совершенное пораженіе. Ефіальту и Периклу удалось достигнуть того, что права и власть ареопага, архонтовъ и совѣта пяти сотъ, по рѣшенію вѣча, подверглись самымъ существеннымъ ограниченіямъ.

Въ извѣстіяхъ древнихъ нѣтъ точныхъ указаній на то, какія именно изъ прежнихъ правъ ареопага были у него отняты: писатели употребляютъ общее выраженіе, что Периклъ и Ѳфіальтъ „подавили" (ἐκόλουσαν) ареопагъ, уничтожили его власть(κατέλυσαν τὸ κράτος) [1]) и изъяли изъ его юрисдикціи всѣ дѣла, за исключеніемъ немногихъ [2]).

Пользуясь своимъ успѣхомъ и не давая своимъ противникамъ времени оправиться отъ удара, Периклъ и Ефіальтъ немедленно приступили къ устройству судебныхъ учрежденій въ Аѳинахъ, на новыхъ димократическихъ основаніяхъ. Это были такъ называемые суды *иліастовъ* (ἡλιασταί): тоже самое, что нынѣшніе суды присяжныхъ. Начало ихъ древніе писатели относятъ ко временамъ Солона [3]). Новѣйшіе ученые оспариваютъ справедливость такого показанія древнихъ. Впрочемъ мнѣнія ихъ въ этомъ отношеніи раздѣляются на два противоположныхъ взгляда: одни считаютъ невозможнымъ относить такое часто димократическое учрежденіе, каковы были аѳинскіе суды иліастовъ, ко временамъ Солона; другіе, напротивъ, находятъ это совершенно согласнымъ съ духомъ законодательства Солона [4]). Вопросъ былъ спорнымъ уже въ самой древности. Солону имѣютъ обыкновеніе приписывать учрежденіе означенныхъ судовъ аѳинскіе ораторы въ своихъ судебныхъ рѣчахъ [1]). Часто имъ было нужно

---

1) Арист. Полит. II, 9, стр. 67 (Goettling): καὶ τὴν μὲν 'εν 'Αρείῳ πάγῳ βουλὴν 'Εφιάλτης 'εκόλουσε καὶ Περικλῆς. Плут. Периклъ, 7: ὃς (ὁ 'Εφιάλτης) κατέλυσε τὸ κράτος τῆς 'εξ 'Αρείου πάγου βουλῆς.

2) Плут. Кимонъ, 15: 'αφείλοντο τῆς 'εξ 'Αρείου πάγου βουλῆς τὰς κρίσεις πλὴν 'ολίγων ἁπάσας.

3) Арист. Полит. II, 9, стр. 67: τά δικαστήρια ποιήσας (ὁ Σόλων) ἐκ πάντων и проч. Плутархъ, Солонъ 18.

4) Представителями перваго взгляда служатъ К. Ф. Германъ (Griech. Antiquit. I Th. § 108), Гротъ (Gesch. Griechenl. übertr. von Meissner, 2 B. стр. 96 и слѣд.); представителями втораго—Шёманнъ (Gr. Alterth. I B. p. 509), Ваксмутъ (Hellen. Alterthumsk.., 2 B. § 106. 2-te Ausg. Halle 1846). Обстоятельное изложеніе этого спорнаго предмета см. у В. Онкена въ его сочиненіи „Athen und Hellas" I ч., стр. 150 слѣд. Leipzig, 1865.

5) Димосѳенъ, Περὶ τοῦ Στεφάνου. § 6. Κατὰ Τιμοκράτ., § 148. Эсхинъ, Κατὰ Κτησιφ. p. 389.

это для ихъ ораторскихъ цѣлей,—для того, чтобы придать больше вѣсу своимъ доводамъ. Нельзя не сказать, конечно, что если суды заново въ первый разъ создалъ въ Аѳинахъ Периклъ, то было большою смѣлостію со стороны ораторовъ, спустя едва лишь столѣтіе послѣ того, приписывать учрежденіе этихъ судовъ Солону; однакожъ отрицать въ нихъ подобную смѣлость также нельзя, потому что они вообще обладали ею [1]). Не много, конечно, требовалось для того, чтобы такимъ образомъ въ умахъ аѳинянъ сложилось убѣжденіе, или привычка думать, что ихъ знаменитые суды, составлявшіе предметъ ихъ особенной гордости [2]), были въ самомъ дѣлѣ учреждены ихъ великимъ законодателемъ. Въ первый разъ подвергнулъ дѣло сомнѣнію Аристотель; но онъ выражается на этотъ счетъ съ большою сдержанностію; поэтому слова его допускаютъ возможность различнаго пониманія; такъ что на него ссылаются какъ тѣ ученые, которые приписываютъ учрежденіе судовъ Солону, такъ равно и тѣ, которые это оспариваютъ.

Намъ кажется, для уясненія вопроса должно взять исходною точкою тотъ фактъ, что уже Дракончъ, этотъ суровый законодатель, дѣйствовавшій исключительно въ интересахъ олигархіи, считалъ нужнымъ дать аѳинянамъ судебное учрежденіе ефетовъ (ἐφέται), къ которому можно было апеллировать на рѣшенія архонтовъ и ареопага: слѣдовательно уже въ то время сознавалась необходимость въ отдѣленіи судебной власти отъ правительственной и въ устройствѣ судебнаго дѣла на болѣе справедливыхъ основаніяхъ. Тѣмъ настойчивѣе должно было пробудиться такое сознаніе во время кореннаго преобразованія государственнаго строя, совершеннаго Солономъ, который несомнѣнно принималъ къ сердцу нужды и положеніе аѳинскаго димоса и старался, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ [3]), сдѣлать для него все возможное при тогдашнихъ условіяхъ. Весьма естественно поэтому, если онъ сдѣлалъ шагъ впередъ также и въ устройствѣ судебнаго дѣла въ Аѳинахъ. Свидѣтельства Аристотеля и Плутарха подтверждаютъ такой выводъ, вытекающій изъ естественнаго хода вещей. Но совершенно иной вопросъ, насколько обширенъ

1) Примѣры анахронизмовъ и вольнаго обращенія съ историческими фактами въ рѣчахъ аѳинскихъ ораторовъ указываетъ Гротъ (Ист. Греціи, нѣм. перев. Мейсснера, 2 ч. стр. 96—97, примѣч. 53).

2) Ѳукид. II, 37: ἀκροάσει τῶν νόμων καὶ μάλιστα αὐτῶν ὅσοι τε ἐπ' ὠφελίᾳ τῶν ἀδικουμένων κεῖνται.

3) Плут. Солонъ 18.

или тѣсенъ былъ кругъ дѣятельности этихъ судовъ, предоставленный имъ законодательствомъ Солона. Плутархъ говоритъ, что суды эти первоначально имѣли ничтожное значеніе (ὃ κατ' ἀρχὰς μὲν οὐδὲν), но *впослѣдствіи* пріобрѣли громадную силу; потому что, продолжаетъ этотъ писатель, бо́льшую часть тяжебныхъ дѣлъ Солонъ предоставилъ вѣдѣнію этихъ судовъ; равнымъ образомъ и по тѣмъ дѣламъ, которыя подлежали суду правительственныхъ лицъ и мѣстъ (ταῖς ἀρχαῖς), желающіе могли аппеллировать въ суды иліастовъ; говорятъ, что и законы онъ написалъ не довольно ясные именно съ тою цѣлію, чтобы увеличить силу судовъ: тяжущіеся, будучи не въ состояніи рѣшить свой споръ по смыслу закона, по неволѣ принуждены были обращаться во всѣхъ случаяхъ къ судьямъ, которые такимъ образомъ были въ нѣкоторомъ смыслѣ господами законовъ. На это указываетъ и самъ Солонъ въ своихъ стихотвореніяхъ, гдѣ сказано у него слѣдующее:

„Я далъ димосу столько силы, сколько это для
него нужно,
Чести его не умаливъ, ни увеличивъ“ 1)

Очевидно, что въ данномъ случаѣ Плутархъ самъ очень мало понимаетъ то, что̀ говоритъ, не подозрѣвая даже, что взводитъ на Солона тяжкое обвиненіе, ни съ чѣмъ не сообразное. Оказывается изъ его словъ, что Солонъ, даровавъ гражданамъ послѣдняго бѣднѣйшаго класса право засѣдать во вновь учрежденныхъ имъ судахъ, нарочито пишетъ неясные законы, чтобы предоставить ихъ толкованіе произволу этихъ несвѣдущихъ и неопытныхъ судей. Дѣлаетъ это Солонъ съ тою цѣлію, чтобы дать больше силы судамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и аѳинскому димосу, такъ какъ большинство членовъ въ судахъ присяжныхъ должно было состоять изъ гражданъ низшихъ классовъ. Легко представить, какова могла быть сила этихъ судовъ, въ которыхъ засѣдаютъ бѣдные поденьщики (θῆτες), оторванные отъ своихъ работъ, и судятъ по законамъ, которыхъ не понимаютъ. Хорошо то, что Плутархъ, высказавъ свое неправдоподобное обвиненіе противъ аѳинскаго законодателя, въ подтвержденіе его приводитъ собственныя слова самаго Солона, которыми это обвиненіе уничтожается. „Я далъ димосу столько силы, сколько нужно для него, чести его (τιμῆς—политическихъ правъ) не умаливъ и не увеличивъ“: изъ этихъ словъ, конечно, всего менѣе

1) Плут. Солонъ 18.

можно заключить, что Солонъ предоставилъ низшимъ классамъ аѳинскихъ граждан обширную судебную власть и сдѣлалъ ихъ „въ нѣкоторомъ смыслѣ господами законовъ“. Однакожъ Плутархъ не изобрѣлъ самъ того, что онъ говоритъ относительно аѳинскихъ судовъ присяжныхъ во времена Солона; онъ ссылается при этомъ на свидѣтельство другихъ (λέγεται δὲ); но своего источника не называетъ и неизвѣстно, въ самомъ ли источникѣ заключалось такое сбивчивое и запутанное показаніе, какое онъ сообщаетъ, или же онъ не ясно и не правильно понялъ дѣло. Утверждая, что первонально суды иліастовъ имѣли ничтожное значеніе и свою громадную силу пріобрѣли уже впослѣдствіи, Плутархъ, по нашему мнѣнію, передаетъ дѣло такъ, какъ оно было, но ошибается въ томъ, что то и другое положеніе вещей одинаково относитъ ко временамъ Солона. Было-бы странно и не понятно, почему Солонъ сначала предоставляетъ иліастамъ ничтожную власть, а потомъ вскорѣ же измѣняетъ самымъ радикальнымъ образомъ свое распоряженіе. Сами собою суды также не могли, конечно, въ короткое время изъ ничтожества достигнуть величайшей силы [1]).

---

1) Г. Онкенъ старается объяснить разсматриваемое нами мѣсто изъ Плутарха иначе, чѣмъ мы его понимаемъ. Онъ относитъ его не къ судамъ иліастовъ, какъ мы, а частію къ гражданскому вѣчу, частію къ судебной власти архонтовъ. Именно—выраженіе Плутарха о ничтожномъ значеніи судебной власти димоса онъ относитъ къ участію низшихъ классовъ въ засѣданіяхъ вѣча, гдѣ должностныя лица подвергались отвѣтственности за свои дѣйствія (εὐθύνη *oder die* κρίσις); то же, что Плутархъ говоритъ о большой власти судей, которая между прочимъ обусловливалась неясностію самыхъ законовъ, Онкенъ относитъ къ судебной власти архонтовъ (Athen und Hellas, I Th., стр. 157—159). Цѣлая послѣдовательность и связь рѣчи Плутарха въ данномъ мѣстѣ совершенно ясна и отнюдь не допускаетъ подобнаго толкованія. Во всемъ этомъ отдѣлѣ своего сочиненія, начинающемся словами: „во вторыхъ Солонъ, желая, съ одной стороны, всѣ правительственныя должности, какъ онѣ были, оставить въ рукахъ достаточныхъ классовъ, съ другой же—предоставить и димосу участіе въ дѣлахъ государства, чего онъ былъ лишенъ доселѣ“..., Плутархъ говоритъ о томъ, какія политическія права предоставилъ Солонъ аѳинскому димосу. Сказавъ о раздѣленіи граждан на 4 класса по имуществу, онъ продолжаетъ: „всѣ же прочіе (не вошедшіе въ три высшіе класса по цензу) назывались ѳитами; Солонъ не предоставилъ имъ доступа ни къ одной изъ правительственныхъ должностей, а предоставилъ только участіе *въ вѣчѣ и судѣ*; вначалѣ это не имѣло никакого значенія, а впослѣдствіи оказалось чрезвычайно важнымъ, *такъ какъ большая часть судебныхъ дѣлъ* (τῶν διαφόρων) *перешла къ судьямъ; даже и по тѣмъ дѣламъ, по которымъ судъ онъ вручилъ должностнымъ лицамъ* (ταῖς ἀρχαῖς), *желающіе могли апеллировать въ судъ* (εἰς τὸ δικαστήριον); говорятъ, что и самые законы онъ написалъ не довольно ясно для того, чтобы увеличить силу *судовъ*

Это сбивчивое и запутанное показаніе Плутарха уясняется, когда сличимъ его съ тѣмъ, что говоритъ о томъ же предметѣ Аристотель. „Солонъ положилъ основаніе димократіи, учредивъ суды изо всѣхъ классовъ гражданъ. Иные и порицаютъ его за то, что судамъ онъ предоставилъ полное господство надо всѣмъ въ государствѣ; потому что, при могуществѣ этихъ судовъ, всѣ угождали димосу, какъ-бы тирану, и довели димократію до ея нынѣшняго крайняго предѣла... Кажется, однако, что это произошло не по мысли Солона, а по силѣ обстоятельствъ....; Солонъ же, какъ надобно думать, предоставилъ димосу только самую необходимую власть, именно—право избирать должностныхъ лицъ и требовать отъ нихъ отчета“ [1]). Заключительное выраженіе Аристотеля напоминаетъ собою выше приведенныя слова Солона: „я далъ димосу столько силы, сколько нужно для него“. Въ послѣднихъ словахъ Аристотеля нѣкоторые видятъ прямое отрицаніе существованія судовъ присяжныхъ во времена Солона [2]): мы не видимъ надобности находить въ нихъ болѣе того, чѣмъ сколько хотѣлъ сказать самъ Аристотель. Онъ ничего прямо не отрицаетъ, но считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Солонъ далъ димосу столько силы и власти, сколько онъ имѣлъ ее въ то время, какъ получили большую силу суды иліастовъ. Аристотель имѣетъ въ виду не ту или другую частную сторону дѣла, а общій государственный строй въ Аѳинахъ при Солонѣ и послѣ него. Въ цѣломъ этомъ мѣстѣ онъ проводитъ ту общую мысль, что неограниченная власть димоса, какою она была въ періодъ крайняго развитія димократіи, произошла не вслѣдствіе законодательства Солона и не согласно его намѣреніямъ, а по силѣ обстоятельствъ, на которыя Аристотель и указываетъ (услуги, оказанныя государству гражданами низшихъ классовъ во время персидскихъ войнъ, и именно—побѣды, одержанныя аѳинскимъ димосомъ *въ морскихъ битвахъ*, за тѣмъ—вліяніе димагоговъ). Аристотель не отрицаетъ же того, что Солонъ предоставилъ низшимъ классамъ участіе въ гражданскомъ вѣчѣ. Между тѣмъ впослѣдствіи, также по силѣ обстоятельствъ, вѣче

(τῶν δικαστηρίων)“. Самымъ прямымъ и очевиднымъ образомъ Плутархъ отличаетъ здѣсь архонтовъ и судебную власть должностныхъ лицъ (ἀρχαί) отъ тѣхъ судовъ (δικαστήρια) въ которыхъ могли засѣдать въ качествѣ судей (δικασταί) граждане послѣдняго четвертаго класса.

1) Полит. II, 9, стр. 67.

2) Онкенъ, ibid., стр. 160 слѣд.

пріобрѣло громадную силу. Тоже самое должно было произойти и съ судами иліастовъ. При Солонѣ, даже если-бы онъ этого и хотѣлъ, судамъ присяжныхъ было еще менѣе возможности имѣть большую силу, чѣмъ—вѣчу; потому что, во первыхъ, засѣданія судовъ должны были происходить гораздо чаще, нежели засѣданія вѣча; поэтому участіе въ первыхъ было обременительнѣе для бѣдныхъ граждан, чѣмъ участіе въ послѣднихъ; отсюда должно было слѣдовать частое и невольное уклоненіе ихъ, всѣми возможными способами, отъ своихъ судебныхъ обязанностей; во вторыхъ, засѣдая въ судахъ, они всего болѣе должны были сознавать при этомъ свою безпомощность и безотвѣтность по незнанію и непониманію законовъ.

Итакъ, принимая, что суды иліастовъ получили свое начало при Солонѣ, мы, въ тоже время, согласно показанію Плутарха, думаемъ, что они имѣли тогда очень ничтожное значеніе. По всей вѣроятности они собирались рѣдко и въ очень маломъ составѣ присяжныхъ. Въ такомъ видѣ дѣло оставалось до самыхъ временъ Перикла. Онъ далъ этому учрежденію новую жизнь и сообщилъ ему дѣйствительную силу. Периклъ началъ съ того, что назначилъ судьямъ плату за каждое засѣданіе (ἡλιαστικὸν) [1]. Плата была очень незначительная, однако ею дорожили бѣдные граждане, и охотно поэтому исполняли обязанности судей. Для многихъ изъ нихъ это служило существенною поддержкою въ средствахъ существованія. Периклъ старался доставить такого рода поддержку возможно большему числу своихъ согражданъ. Ежегодно избиралось жребіемъ 6000 гражданъ въ составъ присяжныхъ судей; они дѣлились на 10 отдѣленій, по 500 человѣкъ въ каждомъ отдѣленіи; остальные 1000 человѣкъ служили для замѣны тѣхъ судей, которые по какимъ либо причинамъ выбывали изъ состава, или не могли участвовать въ засѣданіи. Дѣла рѣшались въ томъ или другомъ изъ 10 отдѣленій также по жребію, на какое онъ выпадетъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Впрочемъ иногда, въ особенно важныхъ случаяхъ, собирался цѣлый составъ всѣхъ судей вмѣстѣ, какъ одно судилище, или же только нѣсколько отдѣленій соединялось вмѣстѣ; а иногда, напротивъ, одно и тоже отдѣленіе раздѣлялось на меньшіе отдѣлы [2]. Каждый долженъ былъ лично защищать свое дѣло въ судѣ. Кто не чувствовалъ себя достаточно

1) Арист. Полит. II, 9, стр. 67. Плут. Периклъ, 9.

2) Harpocrat Lex. s. v. Ἡλιαία Tom. 1. pag. 146 (Oxonii, 1853. Dindorf.) K. Fr Hermann, Gr. Antiquit. I. Th. 131.

искуссным въ этомъ, тотъ поручалъ составить для него обвинительную или защитительную рѣчь другому, а потомъ выучивалъ ее наизусть и произносилъ самъ въ судѣ. Защита и обвиненіе могли два раза обмѣняться рѣчами. Приговоръ постановлялся закрытою подачею голосовъ—безусловнымъ ихъ большинствомъ. Въ случаѣ равенства голосовъ—обвиняемый былъ оправдываемъ [1]).

Устройствомъ этихъ судовъ положено было прочное основаніе политической равноправности аѳинскихъ гражданъ. Можно сказать, что теперь лишь въ первый разъ аѳинскій димосъ могъ вздохнуть свободно, теперь лишь вполнѣ освободился отъ давленія высшихъ классовъ. Мало того: онъ получилъ теперь самъ возможность дать имъ чувствовать свою силу. Все то, что говорятъ Аристотель и Плутархъ о чрезвычайномъ могуществѣ судовъ, объ ихъ неограниченномъ господствѣ надо всѣмъ въ государствѣ, относится къ тому періоду ихъ существованія, который начался со времени устройства, даннаго имъ Перикломъ. Димократическій элементъ былъ на нихъ преобладающимъ. Какъ мы видѣли, Аристотель почитаетъ ихъ главною опорою тираннической власти аѳинскаго димоса. Не слѣдуетъ, однако, думать поэтому, чтобы въ аѳинскихъ судахъ присяжныхъ была попираема справедливость и что они пользовались своею силою для угнетенія высшихъ классовъ; но такъ это должно было казаться симъ послѣднимъ. У этихъ классовъ отнята была власть, которою они пользовались издавна: уже одного этого было достаточно, чтобы имъ искренно и въ глубинѣ души думать и чувствовать, что имъ нанесена тяжкая обида. Но самая горькая обида была въ томъ, что власть перешла въ руки тѣхъ, надъ коими они ее имѣли доселѣ: очень естественно, что имъ казалась теперь власть эта тиранническою. Какъ во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ и дѣлахъ, такъ и въ аѳинскихъ судахъ присяжныхъ, конечно, не было идеальнаго совершенства; но всякая ошибка и несправедливость, допущенная ими въ своихъ рѣшеніяхъ, была замѣтнѣе и строже имъ вмѣнялась, вслѣдствіе бо́льшей публичности судопроизводства. Въ прежнее время всякій неправый приговоръ приписывался извѣстной отдѣльной личности, тому или другому архонту, неправильно рѣшившему дѣло, тѣмъ или другимъ членамъ ареопага, погрѣшившимъ противъ совѣсти: теперь въ такихъ случаяхъ вина па-

1) K. Fr. Hermann, ibid. § 143.

дала на самое учрежденіе. Несомнѣнно однако, что правосудіе теперь настолько выиграло, насколько меньше стало зависѣть отъ произвола отдѣльныхъ личностей. Въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей Периклъ, говоря о послушаніи, какое имѣютъ аѳиняне къ законамъ, въ особенности поставляетъ на видъ уваженіе ихъ къ тѣмъ законамъ, которые служатъ для защиты обидимаго [1]). Эта похвала аѳинскому правосудію, торжественно высказанная Перикломъ, была конечно заслуженна: въ димократическихъ судахъ слабый находилъ себѣ безъ сомнѣнія болѣе защиты, чѣмъ въ прежнихъ олигархическихъ.

Предоставивъ возможно большему числу аѳинскихъ гражданъ участіе въ отправленіи судебныхъ обязанностей, Периклъ достигалъ этимъ, кромѣ усиленія власти димоса, еще двоякой цѣли: во первыхъ доставлялъ нѣкоторое обезпеченіе въ существованіи многимъ бѣднякамъ, давая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ способъ быть полезными государству; во вторыхъ—суды служили школою, гдѣ граждане пріобрѣтали знаніе законовъ и опытность въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ. Съ тою же цѣлію Ефіальтъ взялъ изъ акрополя таблицы законовъ, гдѣ онѣ дотолѣ хранились, и выставилъ ихъ на площади, гдѣ происходили собранія гражданъ [2]).

Когда всѣ эти мѣры приведены были къ концу, возвратился въ Аѳины Кимонъ, увѣнчанный новыми лаврами послѣднихъ своихъ побѣдъ. Аристократическая партія ожидала его съ нетерпѣніемъ и надеждою, что онъ отстоитъ дѣло, ею потерянное. Кимонъ дѣйствительно тотчасъ же горячо вступился, прежде всего, за права и власть ареопага. Политическая борьба загорѣлась снова и новому порядку вещей, только что созданному усиліями Перикла и Ефіальта, угрожала опасность. Для его защиты теперь болѣе, чѣмъ когда либо, требовалась твердость и рѣшительность. Кимону былъ сдѣланъ прямой вызовъ: на него взведено было обвиненіе въ подкупѣ, который будто-бы онъ принялъ во время послѣдняго похода отъ македонскаго царя Александра. Это было такого рода обвиненіе, которое обыкно-

---

1) Ѳукид. II, 37: ἀκροάσει τῶν νόμων καὶ μάλιστα αὐτῶν ὅσοι τε ἐπ' ὠφελίᾳ τῶν ἀδικουμένων κεῖνται.

2) Harpocrat. Lex. s. v. „Ὁ κάτωθεν νόμος“, p. 220 (Dindorf): τοὺς ἄξονας καὶ τοὺς κύρβεις ἄνωθεν ἐκ τῆς ἀκροπόλεως εἰς τὸ βουλευτήριον καὶ τὴν ἀγορὰν μετέστησεν Ἐφιάλτης.

венно трудно бываетъ доказать, но которое всегда бросаетъ тѣнь на обвиняемаго. Защищаясь въ судѣ, Кимонъ говорилъ, что если-бы онъ хотѣлъ обогащаться посредствомъ подкуповъ со стороны иноземныхъ государствъ, то взялъ-бы подъ свое покровительство (προξενία) богатыхъ іонійцевъ или ѳессалійцевъ, а не спартанцевъ, бѣдность и скромный образъ жизни которыхъ онъ принялъ себѣ за образецъ. Однако дѣло могло принять опасный для него оборотъ. Еще свѣже было впечатлѣніе, произведенное на гражданъ недавними разоблаченіями Ефіальта, обнаружившими продажность высшихъ должностныхъ лицъ въ республикѣ. Въ настоящемъ случаѣ дѣло обвиненія велъ самъ Периклъ. Сестра Кимона Елпиника, обратилась къ нему съ прозьбами за брата и успѣла его смягчить. Периклъ слабо поддерживалъ въ судѣ обвиненіе. На защитительную рѣчь Кимона даже вовсе не сталъ возражать. Кимонъ былъ оправданъ и нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ невиновенъ [1]). Тѣмъ не менѣе Периклъ достигъ того, что ему было нужно: отвлекъ Кимона отъ нападенія на новый порядокъ вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему почувствовать свою силу, при томъ—такъ, что даже могъ оказать ему родъ снисхожденія и покровительства.

Вскорѣ за тѣмъ Кимонъ самъ увлекся въ предпріятіе, которое имѣло послѣдствіемъ его окончательное политическое паденіе. Въ Спартѣ произошло возстаніе илотовъ, извѣстное подъ именемъ третьей мессинской войны. Возстаніе приняло очень грозный характеръ и спартанцы принуждены были обратиться за помощію къ аѳинянамъ. Кимонъ былъ горячимъ приверженцемъ Спарты. Не смотря на противодѣйствіе Ефіальта, онъ успѣлъ настоять на томъ, чтобы аѳиняне послали на помощь спартанцамъ войско подъ его предводительствомъ. Походъ этотъ кончился непредвидѣннымъ и самымъ непріятнымъ для аѳинянъ образомъ: между войсками обѣихъ республикъ возникло соперничество и взаимное недовѣріе. Дѣло дошло до того, что спартанцы отослали назадъ аѳинское войско, которое пригласили къ себѣ на помощь. Народная гордость аѳинянъ была глубоко оскорблена этимъ событіемъ. По возвращеніи домой аѳинскаго войска съ ихъ вождемъ, въ Аѳинахъ господствовало всеобщее раздраженіе противъ *лаконистовъ*, т. е. приверженцевъ Спарты. Пользуясь такимъ настроеніемъ своихъ согражданъ, Периклъ рѣшился освобо-

1) Плут. Кимонъ, 14 и 15.

диться совершенно отъ своего политическаго соперника и противника. По его предложенію Кимонъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ остракизмомъ: это означало ничто иное, какъ полное торжество политической системы Перикла и полное политическое пораженіе Кимона и его партіи [1]).

Законный срокъ, на который гражданинъ изгонялся остракизмомъ изъ отечества, былъ десятилѣтній; но гражданское вѣче могло даровать изгнаннику разрѣшеніе возвратиться на родину ранѣе этого срока. Кимонъ пробылъ въ изгнаніи около пяти лѣтъ (459—454 г.) Въ теченіе этого времени произошло въ средней Греціи открытое враждебное столкновеніе аѳинянъ со спартанцами. Когда аѳинское войско стояло при Танагрѣ, готовое вступить въ битву съ непріятелемъ, въ аѳинскій лагерь явился Кимонъ и также хотѣлъ сражаться простымъ воиномъ въ рядахъ своихъ соотечественниковъ. Совѣтъ пяти сотъ запретилъ стратигамъ принимать его въ свое войско, изъ опасенія, что Кимонъ съ своими приверженцами сдѣлаетъ во время битвы движеніе въ пользу спартанцевъ. Огорченный такимъ недовѣріемъ къ нему согражданъ, Кимонъ велѣлъ тѣмъ изъ своихъ друзей, которые въ особенности были извѣстны своими сочувствіями къ Спартѣ, какъ можно доблестнѣе сражаться съ непріятелемъ въ предстоящей битвѣ и на дѣлѣ доказать свою вѣрность и преданность отечеству. Друзья обѣщали это Кимону и сдержали свое слово: сто человѣкъ изъ нихъ пало въ битвѣ, геройски сражаясь съ непріятелемъ [2]). Периклъ не хотѣлъ имъ въ этомъ уступать и, не щадя своей жизни, превзошелъ всѣхъ своимъ геройствомъ въ этой битвѣ [3]). Вскорѣ за тѣмъ произошло сближеніе между нимъ и Кимономъ, при посредничествѣ Елпиники. Горячая взаимная привязанность соединяла ее съ братомъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Съ Перикломъ у нея были особенныя своеобразныя отношенія. Увлекаемая любовію къ брату и ревнивая къ его славѣ, она позволяла себѣ иногда публично дѣлать рѣзкіе укоры Периклу. Онъ отвѣчалъ ей не то сарказмами надъ ея кокетствомъ, говоря, что оно не къ лицу ей—въ ея лѣта [4]). Однакожъ всякій разъ, когда Елпиника обращалась къ нему съ ходатайствомъ за брата, Периклъ уступалъ ея прозьбамъ. Такъ было и на сей

1) Плут. Кимонъ, 16 и 17.
2) Плут. ibid. 17.
3) Id. Периклъ, 10.
4) Id. ibid. 28.

разъ; склоненный ея прозьбами, онъ самъ внесъ въ вѣче предложеніе о возвращеніи Кимона изъ изгнанія. Онъ зналъ, что аѳинянамъ будетъ это по душѣ: благородный поступокъ Кимона, во время битвы при Танагрѣ, и самоотверженіе его друзей въ этой битвѣ пробудили въ его согражданахъ давнее чувство любви и уваженія, какое они всегда къ нему имѣли. Вѣче разрѣшило Кимону возвращеніе въ отечество. По взаимному условію съ Перикломъ, они раздѣлили между собою власть: Кимонъ принялъ начальство надъ аѳинскимъ флотомъ и отплылъ съ нимъ на востокъ, Периклъ остался одинъ во главѣ управленія въ Аѳинахъ. Кимонъ вскорѣ умеръ. Таково было обаяніе его имени и такова была его заботливость о ввѣренномъ ему войскѣ, что умирая онъ просилъ окружающихъ скрывать отъ всѣхъ возможно дольше его смерть. Цѣлые 30 дней держали это въ тайнѣ отъ войска, которое успѣшно продолжало военныя дѣйствія, будучи увѣрено, что имъ командуетъ Кимонъ [1]). Такъ окончилъ жизнь свою славный вождь, сдѣлавшій имя аѳинянъ грозным на сушѣ и на моряхъ.

Аристократическая партія лишилась въ Кимонѣ вождя, равнаго которому по значенію и вліянію болѣе не находилось въ ея рядахъ. Болѣе другихъ выдавался въ средѣ ея родственникъ Кимона, по имени Ѳукидидъ, сынъ Мелисіи. Онъ не имѣлъ большихъ военныхъ дарованій, но обладалъ краснорѣчіемъ и искусствомъ въ политическихъ дѣлахъ. Онъ умѣлъ хорошо сплотить вокругъ себя свою партію и не безъ успѣха выступалъ въ состязаніе съ Перикломъ въ преніяхъ на вѣчѣ. Тѣмъ не менѣе въ борьбѣ съ нимъ потерпѣлъ полную неудачу. Политическая система, которую проводилъ Периклъ, уже успѣла пустить глубокія корни въ аѳинскомъ государствѣ, и аѳинскій димосъ настолько привыкъ къ его твердому, предусмотрительному и въ тоже время уже ознаменованному блестящими дѣлами управленію, что теперь трудно было кому-бы то ни было поколебать его власть въ республикѣ. Ѳукидидъ, покусившійся на то, былъ также изгнанъ изъ Аѳинъ остракизмомъ [2])

Побѣда, одержанная аѳинской димократіей надъ олигархами, упрочила за Перикломъ на много лѣтъ почти неограниченную власть въ республикѣ, но стоила жизни благородному Ефіальту. На немъ

1) Плут. Кимонъ, 19. Периклъ, 10.
2) Плут. Периклъ 8 и 11.

выместила побѣжденная партія весь свой гнѣвъ. Ефіальтъ палъ отъ руки убійцы, подосланнаго политическими его врагами [1]).

Давъ новое устройство судамъ присяжныхъ и сдѣлавъ ихъ могущественными, Периклъ старался за тѣмъ поднять также значеніе и силу гражданскаго вѣча. Постепенно онъ достигъ того, что всѣ государственныя дѣла стали разсматриваться, обсуждаться и рѣшаться на вѣчѣ. Не только вопросы законодательные, вопросы о войнѣ и мирѣ, но и всѣ значительныя дѣла должны были докладываться на вѣчѣ, на немъ разсматриваться и рѣшаться. Вѣче также слѣдило за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій. Такимъ образомъ и правительственная власть должностныхъ лицъ въ государствѣ была не только ослаблена, но, можно сказать, доведена до ничтожнаго значенія. Избраніе ихъ могло быть предоставлено жребію, безъ ущерба для успѣшнаго хода государственныхъ дѣлъ. Должности эти могли болѣе или менѣе удовлетворять честолюбію, но не давали никакой дѣйствительной власти.

Вся политическая сила и власть сосредоточилась теперь въ рукахъ гражданскаго вѣча. На немъ всѣ граждане имѣли равное право голоса, но на сторонѣ низшихъ классовъ было большое численное превосходство: слѣдовательно во всѣхъ дѣлахъ имъ принадлежала рѣшающая сила.

Всѣми этими мѣрами создана была неограниченная политическая власть аѳинскаго димоса. Теперь онъ облеченъ былъ всѣми правами верховной власти. Такого рода политическое устройство древніе эллины называли *димократіей*. Слово это означаетъ *державность димоса*.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ державный димосъ: самъ онъ себѣ давалъ законы, самъ собою управлялъ, самъ себя судилъ. Его неограниченная власть внушала страхъ отдѣльнымъ лицамъ. Все должно было преклоняться предъ этимъ „собирательнымъ монархомъ“, какъ называетъ его Аристотель [2]). Грозною должна была казаться эта власть, которая господствовала надъ самыми законами. „Въ крайней димократіи, говоритъ Аристотель, правитъ не законъ, а воля большинства: такъ это бываетъ, когда веденіе всѣхъ дѣлъ предоставлено димосу; потому что при этомъ рѣшающая сила при-

1) Плут. Периклъ. 10.
2) Полит. IV, 4, стр. 123; μόναρχος γὰρ ὁ δῆμος γίνεται σύνθετος εἷς ἐκ πολλῶν.

надлежитъ не законамъ, а постановленіямъ вѣча (τὰ ψηφίσματα κύρια, ἀλλὰ μὴ τοὺς νόμους). Облеченный такою властію димосъ становится деспотическимъ и управляетъ самовластно: при немъ льстецы входятъ въ честь. Таковы—димагоги. Въ димократіяхъ они тоже самое, что придворные льстецы въ монархіяхъ. Посредствомъ угодничества и ласкательства они становятся великими людьми въ государствѣ: потому что толпа любитъ тѣхъ, кто ей льститъ, и вѣритъ имъ [1]).

Много было говорено и въ древности и въ новое время, какъ въ похвалу, такъ и въ порицаніе политической системы, введенной въ Аѳинахъ Перикломъ. Въ самомъ аѳинскомъ обществѣ почти всѣ лучшіе умы высказывались противъ этой системы: противъ нея были Сократъ, Платонъ, Аристотель, Аристафанъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ. Исключеніе составляетъ Иродотъ [2]), который, впрочемъ, вообще отличался большимъ оптимизмомъ своего міровоззрѣнія, имѣлъ всѣ причины быть вполнѣ довольнымъ аѳинянами, а главное—на страницы своего безсмертнаго труда ему приходилось заносить дѣйствительно великія и славныя дѣла, совершенныя аѳинскимъ димосомъ въ эпоху персидскихъ войнъ.

Въ новое время аѳинская димократія нашла себѣ сильнаго и рѣшительнаго защитника въ лицѣ покойнаго англійскаго ученаго, Георга Грота, наилучшаго по сіе время историка древней Греціи [3]).

Взглядъ вышеназванныхъ греческихъ писателей, стоявшихъ лицомъ къ лицу съ аѳинской димократіей, безъ сомнѣнія имѣетъ полный вѣсъ. Нельзя же всѣхъ ихъ сообща и безразлично винить въ пристрастномъ и одностороннемъ отношеніи къ дѣлу. Въ особенности должно это сказать о такомъ трезвомъ и безстрастномъ мыслителѣ, какъ Аристотель. Извѣстно, что его политическія воззрѣнія и сужденія были плодомъ изученія самыхъ разнообразныхъ государствъ, болѣе полутораста числомъ, бывшихъ въ его время. Онъ не былъ отнюдь противникомъ димократіи; напротивъ умѣренную и здравую димократію онъ именно и признаетъ тою политическою формою, которая есть самая разумная и справедливая [4]). Но не такова была, по его сужденію, аѳинская димократія.

1) Плут. Периклъ 10.
2) Ирод. III, 80. V, 78 слѣд. и въ др. мѣстахъ.
3) Ист. Греціи, перев. Мейсенера, томъ 2-й, стр. 463—467.
4) Полит. IV, 2.

Должно согласиться съ тѣмъ, что димократія, созданная Периклом въ Аѳинахъ, была въ высшей степени смѣлою и крайнею политическою системою. Это была форма правленія абсолютная. Человѣческая личность всецѣло здѣсь исчезала въ государствѣ. Она отдавалась подъ неограниченную власть цѣлой гражданской общины и дѣйствительно никакой законъ и никакое учрежденіе не защищали ее отъ произвола этой власти. Бывали и примѣры, что иногда власть эта неправедно обрушивалась на невинныхъ. Однакожъ, вообще говоря, на самомъ дѣлѣ все это было не столь страшнымъ, какъ казалось и какъ быть могло. Должно отдать справедливость аѳинскому димосу, что онъ злоупотреблялъ своею силою и властію гораздо менѣе, чѣмъ-бы могъ. Это дѣлало честь какъ его прирожденному характеру, такъ и его политическому и нравственному воспитанію.

Периклъ самъ хорошо сознавалъ и понималъ, какую громадную, вполнѣ бозотвѣтственную политическую власть онъ создаетъ въ своемъ отечествѣ. Ему первому предстояло вѣдаться съ этою грозною силою, каковъ димосъ, облеченный державными правами. Если онъ надѣялся, что справитъ съ этою силою, то, конечно, онъ имѣлъ при этомъ вѣру не въ себя только, а также—и въ аѳинскій димосъ. И самъ онъ и димосъ—вполнѣ оправдали такую вѣру.

Периклъ не былъ димагогомъ, угодникомъ и льстецомъ димоса, въ родѣ тѣхъ, о какихъ говоритъ Аристотель, а былъ настоящимъ вождемъ его и руководителемъ; не унижался предъ димосомъ, а напротивъ—старался его поднять до того нравственнаго уровня, на которомъ стоялъ самъ. Давъ ему неограниченную верховную власть, Периклъ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы димосъ пользовался достойнымъ образомъ своею властію. Онъ употреблялъ всѣ мѣры и изыскивалъ всѣ средства къ его умственному, нравственному и художественному развитію и преуспѣянію. Впрочемъ для этого уже была ранѣе прекрасно подготовленная почва: это, съ одной стороны, высокія произведенія духовнаго творчества эллиновъ, завѣщанныя предшествующими вѣками и поколѣніями, съ другой, различныя общественныя установленія и обычаи, въ особенности религіозные, также издревле существовавшіе у всѣхъ эллиновъ. Забота Перикла состояла въ томъ, чтобы всѣмъ этимъ могъ пользоваться димосъ для своего духовнаго развитія.

„Въ эту блистательную эпоху, говорилъ одинъ новѣйшій писатель, таланты толпою стекались изъ чужихъ краевъ въ столицу

образованности, чѣмъ были тогда Аѳины, этотъ пританій Греціи, по выраженію Платона" [1]). Таковы были—выше нами упомянутый философъ Анаксагора, изъ города Клазоменъ въ малой Азіи, прибывшій въ Аѳины около 456 г., далѣе—философы: Діогенъ изъ г. Аполлоніи на о. Критѣ, Архелай изъ Милита, Парменидъ и Зинонъ изъ Италіи, Продикъ съ о. Кеоса, Иппія изъ Илиды, Протагора изъ г. Авдиръ (τὰ Ἄβδηρα) во Ѳракіи [2]). Периклъ оказывалъ пришельцамъ гостепріимство и поддержку. Нѣкоторые изъ нихъ были приняты въ избранный кругъ его близкихъ друзей. Анаксагора жилъ въ его домѣ и, какъ выше сказано, былъ руководителемъ Перикла въ знаніи, добродѣтели и политической мудрости. Протагора былъ воспитателемъ его дѣтей [3]).

Философскія ученія, принесенныя въ Аѳины этими иноземцами, имѣли слишкомъ отвлеченный характеръ и могли быть доступны не многимъ; но они вызвали тамъ сильное умственное движеніе, плодомъ котораго было самостоятельное философское мышленіе, возникшее на аттической почвѣ. Въ школѣ этихъ остроумныхъ и тонкихъ мыслителей развился и окрѣпъ философскій геній Сократа, творца новой философіи въ Греціи. Отъ изслѣдованія міровыхъ сущностей, чѣмъ до него занимались греческіе философы, Сократъ обратился къ предмету болѣе живому и практическому, къ вопросамъ самопознанія и нравственности. Свое ученіе онъ старался излагать общепонятно, искалъ и находилъ себѣ учениковъ и слушателей во всѣхъ слояхъ аѳинскаго общества. Какъ извѣстно, онъ преподавалъ свои уроки безплатно, кому и гдѣ случится, на площади, въ палестрѣ и т. п. Особенность его методы состояла въ томъ, что онъ никому не навязывалъ готовыхъ воззрѣній, а каждаго вызывалъ на самостоятельное изслѣдованіе предмета; свой пріемъ въ этомъ отношеніи Сократъ сравнивалъ съ искусствомъ повивальныхъ бабокъ: онъ являлся на помощь зарождающейся мысли и любознательности въ умахъ своихъ слушателей.

Сократъ былъ еще болѣе смѣлымъ умомъ въ сферѣ мысли, чѣмъ Периклъ—въ политической. Своимъ ученіемъ онъ колебалъ самыя основы античнаго міровоззрѣнія, какъ оно сложилось искони, подъ вліяніемъ всѣхъ условій историческаго развитія эллиновъ. Со-

1) Histoire du siècle de Périclès, par M. E. Filleul, t. I., стр. 309. Paris, 1873.
2) Плут. Периклъ, 4. 36. Ср. Filleul, ibid. стр. 310—311.
3) Плут. ibid. 4—7. 36.

временные ему мыслители, съ которыми онъ велъ упорную борьбу, такъ называемые софисты, всѣ болѣе или менѣе проникнуты были духомъ сомнѣнія и отрицанія въ отношеніи народныхъ вѣрованій; но, отрицая существованіе миѳологическихъ божествъ, они переносили приписываемыя имъ свойства и дѣйствія на видимую природу; въ сущности все оставалось по прежнему; изъ этого отрицанія вытекало то лишь практическое слѣдствіе, что обязанности относительно боговъ становились излишними и не нужными; у человѣка оказывалось нѣсколькими обязанностями и нѣсколькими страхами меньше; набожное чувство оскорблялось и возмущалось такимъ отношеніемъ къ праотческой вѣрѣ и праотеческимъ богамъ; мудрецы, распространявшіе этого рода вольномысліе, должны были быть осторожными, иначе могли дорого поплатиться за свое ученіе и дѣйствительно иногда платились за него; поэтому они и предлагали свою мудрость не многимъ и за большую плату; къ толпѣ они относились презрительно. Но все ихъ вольномысліе и отрицаніе не нарушало на самомъ дѣлѣ внутренняго душевнаго мира и покоя у истаго эллина: потому что онъ и безъ боговъ могъ такъ же отдаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни, какъ отдавался имъ въ честь боговъ и подъ ихъ покровительствомъ. Аристофанъ могъ смѣяться самъ и заставить смѣяться весь аѳинскій театръ самымъ искреннимъ смѣхомъ надъ умствованіями модныхъ мыслителей; ихъ сила была не велика; но онъ сдѣлалъ злую шутку надъ Сократомъ, приписавъ ему самому подобнаго рода умствованія, въ своей извѣстной комедіи „Облака". Сократъ не отрицалъ боговъ. Онъ самъ не менѣе Аристофана посмѣялся бы надъ тѣмъ, кто сказалъ бы ему, что міромъ правитъ не Зевсъ, а эѳиръ: съ неподражаемымъ искусствомъ умѣлъ онъ приводить подобныхъ умствователей къ сознанію, что они нимало не понимаютъ того, о чемъ говорятъ. Когда Пиѳія назвала Сократа самымъ мудрымъ изъ людей, онъ былъ въ большомъ недоумѣніи, какъ понимать ему слова бога, сказанныя о немъ. „Богъ, разсуждалъ онъ самъ въ себѣ, не могъ сказать неправду; между тѣмъ я знаю, что не имѣю никакой мудрости, ни великой, ни малой". Долго обдумывая слова оракула, онъ наконецъ объяснилъ ихъ себѣ такимъ образомъ: „всѣ другіе, слывущіе между нами за мудрецовъ, знаютъ такъ же мало, какъ я, но думаютъ о себѣ, что знаютъ много; я же, ничего не зная, такъ и думаю, что ничего не знаю: въ этомъ отношеніи я дѣйствительно мудрѣе ихъ" [1]). Сократъ былъ глубоко ре-

1) Платонъ, Апологія Сократа, с. 5 и 6

лигіознымъ человѣкомъ въ душѣ. Онъ относился съ полнымъ почтеніемъ къ народной вѣрѣ. Но его религіозное сознаніе было совсѣмъ иное, чѣмъ какое внушала античная религія: оно находилось въ полномъ противорѣчіи съ этимъ послѣднимъ. Онъ вѣрилъ въ отечественныхъ боговъ, но его понятія о божествѣ были противоположны тѣмъ, какія существовали у его соотечественниковъ. Онъ понималъ божество, какъ воплощеніе верховной правды и совершеннѣйшей святости. Соотвѣтственно тому и отношеніе человѣка къ божеству измѣнялось, равно какъ измѣнялся кореннымъ образомъ взглядъ на значеніе человѣческой жизни и на цѣль нашего существованія. Раждался вопросъ о безсмертіи человѣческой души, о судьбѣ человѣка по смерти. Всѣ человѣческія отношенія получали совершенно иную нравственную основу и оцѣнку, чѣмъ какъ то признавалъ доселѣ общій смыслъ эллинскаго міра. Сократъ училъ, что счастіе человѣка въ жизни состоитъ не во внѣшнемъ успѣхѣ, не въ обладаніи внѣшними благами, а во внутреннемъ нравственномъ его совершенствѣ. Цѣлое его міровоззрѣніе вносило внутренній разладъ въ сознаніе античнаго человѣка: оно шло въ разрѣзъ съ его понятіями, усвоенными съ дѣтства, — въ разрѣзъ съ тѣмъ міросозерцаніемъ, по которому сложилась вся античная жизнь. Новое міровоззрѣніе не укладывалось въ рамки стараго: это послѣднее оказывалось дѣтскимъ и несостоятельнымъ въ сравненіи съ новымъ сократовскимъ. Сократъ повергалъ умы своихъ современниковъ въ сомнѣніе, но не относительно существованія боговъ, а относительно ихъ собственной внутренней состоятельности и правоты. Онъ возбудилъ въ душѣ ихъ вопросы, великіе и неотстранимые вопросы жизни, на которые не давала никакого отвѣта вся тогдашняя образованность эллиновъ. Тяжела была современникамъ Сократа его даровая философія.

Аѳиняне, какъ извѣстно, осудили Сократа на смерть за его ученіе. Въ обвиненіи сказано было, что „онъ не признаетъ тѣхъ боговъ, которыхъ признаетъ государство, и вводитъ новыхъ". Обвиненіе было несправедливо. Сократъ не вводилъ новыхъ боговъ, а предлагалъ иное, болѣе возвышенное представленіе о старыхъ. Такой случай не былъ предусмотрѣнъ аѳинскимъ законодательствомъ. Въ своей защитительной рѣчи Сократъ говорилъ совершенно справедливо, что его судятъ за преступленіе, которое онъ совершалъ ежедневно, въ теченіи долгихъ лѣтъ своей жизни, на глазахъ и во услышаніе всѣхъ, и все это время ни ему самому и никому изъ его согражданъ не приходило на мысль, что онъ совершаетъ преступленіе, заслуживающее смерт-

ной казни. Теперь лишь вздумали призвать его къ суду, когда ему уже свыше семидесяти лѣтъ и смерть его—безъ того не заставитъ себя ждать [1]). Сократъ говорилъ не только съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, но какъ человѣкъ, понимающій ясно свое нравственное превосходство предъ людьми, предъ которыми держитъ рѣчь. Онъ хорошо зналъ, что дѣло идетъ не о томъ, правъ онъ или нѣтъ, что обвинители его дѣйствовали по такимъ побужденіямъ, въ которыхъ они не захотятъ самимъ себѣ сознаться, и что эти самыя побужденія не чужды если не всѣмъ, то многимъ изъ его судей. Онъ думалъ не о своей личной защитѣ, а о томъ, чтобы въ полномъ свѣтѣ преставить всю правдивость и высоту этого дѣла, которому онъ неутомимо и честно служилъ, по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ, въ теченіе своей жизни. Онъ говорилъ съ своею обычною ироніею и силою убѣжденія, но говорилъ все тоже, что всегда и вездѣ высказывалъ своимъ согражданамъ и что такъ тяжело было имъ слышать,—туже неумолимую правду, отъ которой они желали бы избавиться какимъ бы то ни было способомъ. Большинство судей подало голосъ противъ Сократа и ему произнесенъ былъ смертный приговоръ.

Послѣ произнесенія приговора Сократъ еще обратился съ нѣсколькими словами къ своимъ судьямъ и сказалъ въ заключеніе: „время намъ разстаться; я иду на смерть, вы остаетесь жить: кому изъ насъ лучше, это—тайна, которую знаетъ одинъ Богъ".

Осужденіе Сократа легло на всѣ времена тяжкимъ упрекомъ на аѳинянъ. Винятъ за то какъ ихъ суды, на которыхъ не внято было голосу правды, такъ и всѣхъ гражданъ—за ихъ нетерпимость къ свободѣ мысли. Находятъ, что въ этомъ именно фактѣ съ полною очевидностію выказали себя дурныя стороны аѳинской димократіи и испорченность аѳинскаго димоса.

Защищая аѳинянъ отъ этихъ обвиненій, Гротъ говоритъ, что должно удивляться не тому, что аѳиняне осудили Сократа, а тому, что они такъ долго могли его терпѣть и не привлекли къ суду гораздо ранѣе. „Либеральное настроеніе аѳинской димократіи, говоритъ Гротъ, прочно въ ней установившееся, долгое время охраняло Сократа отъ нападенія многочисленныхъ его враговъ и давало ему возможность безъ помѣхи продолжать свою благородную дѣятельность, несмотря на всю его эксцентричность. Въ Спартѣ, Ѳивахъ,

1) Платонъ, Апол. с. 21, 33, A. c. 29. p. 38. C.

Аргосѣ, Милитѣ или Сиракузахъ ему-бы служила недостаточной защитой его безупречная жизнь, а неодолимая сила его діалектики лишь тѣмъ скорѣе вызвала бы противъ него мѣры, которыми принудили-бы его къ молчанію. Нетерпимость свойственна людямъ: эта дурная трава сама собою выростаетъ въ груди человѣка; но можно остановить ея развитіе средствами, которыя-бы вліяли на насъ либеральнымъ образомъ. Въ Аѳинахъ такимъ могущественнымъ средствомъ было димократическое устройство аѳинскаго государства, въ связи съ умственною и художественною воспріимчивостію аѳинянъ и сильно развитымъ въ нихъ вкусомъ къ разговорчивости. Свобода слова тамъ свято чтима была каждымъ, какъ одно изъ первѣйшихъ правъ гражданина; всякій привыкъ постоянно слышать мнѣнія, противорѣчащія его собственнымъ, и освоился съ мыслію, что другіе имѣютъ такое же право высказывать свои мнѣнія, какое—и онъ самъ. И хотя таково общепринятое у людей правило, что подобнаго рода терпимость не должна простираться на предметы религіозные, однако, подъ вліяніемъ указанныхъ либеральныхъ привычекъ, аѳиняне мало расположены были въ пользу строгихъ мѣръ даже и относительно людей, которые въ предметахъ религіозныхъ имѣли образъ мыслей, несогласный съ общепринятымъ. Вещь извѣстная, что въ Аѳинахъ была бо́льшая свобода мысли и слова, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Греціи. Долговременная терпимость къ Сократу представляетъ тому примѣръ, тогда какъ судъ надъ нимъ и его осужденіе отнюдь не служатъ доказательствомъ противнаго" [1]).

Къ этимъ совершенно справедливымъ замѣчаніямъ знаменитаго ученаго съ своей стороны можемъ лишь прибавить, что терпимость, равная той, какую показали аѳиняне въ дѣлѣ Сократа, во всѣ времена составляетъ величайшую рѣдкость въ какой угодно странѣ. Трудно найти на свѣтѣ судебное мѣсто, въ которомъ-бы дозволили подсудимому говорить такую рѣчь, какую держалъ Сократъ предъ аѳинскимъ судомъ присяжныхъ. Это была не защита, а обличеніе и и наставленіе судьямъ. При всемъ томъ обвинительный приговоръ произнесенъ былъ Сократу лишь незначительнымъ большинствомъ голосовъ [2]).

---

1) Ист. Греціи, перев. Мейснера, т. 4, стр. 672—673.
Плат. Апол. с. 25. р. 36. А.

Судъ надъ Сократомъ не былъ простымъ судебнымъ случаемъ. Это было событіе всемірно-историческаго значенія. Оно выражало собою ничто иное, какъ глубокую психологическую драму, происходившую въ нѣдрѣ эллинизма.

Послѣдніе годы дѣятельности Сократа и его послѣдняя судьба относятся ко времени послѣ Перикла; но при немъ Сократъ началъ свою дѣятельность и уже имѣлъ большое вліяніе въ Аѳинахъ. Онъ былъ всецѣло произведеніемъ эпохи Перикла. Методъ и содержаніе его философіи обозначаютъ собою тотъ путь, какимъ направилось умственное движеніе въ Аѳинахъ, вызванное тамъ софистами. Философское мышленіе эллиновъ, поставленное на новый путь Сократомъ, достигло своего высшаго развитія въ лицѣ двухъ лучшихъ представителей его школы, Платона и Аристотеля: въ этомъ завершенномъ видѣ оно пережило вѣка, въ теченіи которыхъ служило двигателемъ и руководителемъ человѣческаго разума въ области высшаго умозрѣнія, и составляетъ памятникъ человѣческой мысли и генія, имѣющій и понынѣ великое образовательное значеніе.

Другая важная услуга софистовъ, какъ они себя называли, принесшихъ въ эпоху Перикла на служеніе аѳинскому обществу свои дарованія и познанія, заключалась въ урокахъ краснорѣчія, которые они преподавали совмѣстно съ философіей. Нигдѣ въ цѣлой Греціи не было для успѣховъ ораторскаго искусства лучшей почвы, какъ въ Аѳинахъ. Со временъ Перикла оно стало тамъ насущною потребностію, вслѣдствіе димократическаго строя государства. Ораторамъ открыто было широкое поле дѣятельности, вліянія и славы на аѳинскомъ вѣчѣ и въ судахъ. Ораторское искусство сдѣлалось теперь настоящею политическою силою въ Аѳинахъ. Ему обязанъ былъ самъ Периклъ большою долею своего могущества. Само собою разумѣется, что оратору для своего успѣха нужно было не одно умѣнье говорить, но и серьёзное политическое образованіе. Ему предстояло руководить политическою жизнію своей страны. На этотъ путь устремилось теперь въ Аѳинахъ соперничество честолюбій и дарованій. Состязаясь другъ съ другомъ на вѣчѣ и въ судахъ своими рѣчами, въ которыхъ политическія идеи и разныя стороны отечественнаго права излагались въ увлекательной художественной формѣ, аѳинскіе ораторы не только служили проводниками политическаго образованія среди своихъ согражданъ, но и развивали въ нихъ вкусъ къ словесному искусству. Дошедшія до насъ произведенія аѳинскихъ ораторовъ служатъ образцами, по которымъ учатся политическому краснорѣчію государственные люди современной Европы.

Свѣтлую эпоху Перикла озаряетъ своимъ славнымъ именемъ и великій отецъ исторіи Иродотъ. Онъ также принадлежитъ къ числу иноземцевъ, искавшихъ и нашедшихъ въ Аѳинахъ временъ Перикла тотъ общеэллинскій пританій, гдѣ геній получалъ себѣ признаніе и цѣнимъ былъ по достоинству. Политическій изгнанникъ изъ своего роднаго города Аликарнасса, онъ жилъ и путешествовалъ въ разныхъ странахъ Греціи и востока, пока окончательно поселился въ колоніи, основанной аѳинянами въ Италіи (Θούριοι). Въ Аѳинахъ онъ былъ нѣсколько разъ, жилъ тамъ подолгу и проникся полнымъ сочувствіемъ къ успѣхамъ аѳинской димократіи. Онъ плѣнялся лучшими ея сторонами, именно гражданскою равноправностію и тѣмъ чувствомъ своего достоинства и долга, которое одушевляетъ свободнаго и полноправнаго гражданина [1]). Съ живымъ участіемъ онъ повѣствуетъ объ освобожденіи Аѳинъ отъ тиранновъ [2]), при чемъ дѣлаетъ лестный отзывъ о великой заслугѣ алкмэонидовъ для дѣла свободы, и съ сочувствіемъ говоритъ о побѣдахъ надъ своими врагами юной аѳинской димократіи, созданной Клисѳеномъ [3]). Предпринявъ въ своемъ обширномъ трудѣ передать памяти исторіи „великія и удивительныя дѣянія, совершенныя какъ эллинами, такъ и варварами", Иродотъ начерталъ въ немъ великую художественную картину двухъ тогдашнихъ историческихъ міровъ, восточнаго и западнаго, азіатскаго и эллинскаго. Первый изъ нихъ, уже завершившій свое развитіе и замершій въ вѣковой неподвижности, воскресаетъ предъ нами въ бесмертномъ твореніи историка—во всемъ разнообразіи своихъ формъ, съ своею образованностію, наслѣдіемъ тысячелѣтій, съ могучими памятниками искусства и величавыми образами грозныхъ восточныхъ властелиновъ, прославившихъ себя громкими дѣлами. Иродотъ избралъ предметомъ своего повѣствованія знаменательную борьбу обоихъ названныхъ міровъ, когда восточный міръ, пробужденный отъ своего усыпленія завоевателями, занимавшими персидскій престолъ со временъ Кира, и сплоченный во едино подъ скипетромъ персидскихъ царей, обрушился всею своею громадною тяжестію на Элладу, еще юную страну, сильную лишь беззавѣтною любовію къ ней ея сыновъ, только лишь разцвѣтшую подъ лучезарнымъ сіяніемъ роднаго неба и свободы, едва только развернувшую свои творческія силы во всей

1) Ирод. V, 78.
2) V, 55—66.
3) VI, 123. V, 91 слѣд.

ихъ свѣжей красѣ. Передавая въ простомъ, полномъ эпическаго спокойствія разсказѣ о подвигахъ самоотверженія и геройства, показанныхъ эллинами въ теченіи этой борьбы, Иродотъ приписываетъ славныя побѣды ихъ надъ варваромъ заступленію боговъ. Все твореніе его отъ начала до конца проникнуто нравственнымъ чувствомъ и религіозною вѣрою. „Чрезъ цѣлое повѣствованіе его, на всемъ непрерывномъ его теченіи, проходятъ извѣстныя идеи, которыя связываютъ отдѣльныя части произведенія въ одно цѣлое и одушевляютъ его собою; по той мѣрѣ, какъ идетъ повѣствованіе, все въ большемъ свѣтѣ выступаютъ и эти идеи, въ чемъ главнымъ образомъ заключается причина того удовлетворенія, которое мы испытываемъ при чтеніи произведенія Иродота. Это—идея праведной судьбы, идея міроправленія, которое указало каждому существу въ мірѣ свою опредѣленную стезю и установленныя границы, и которое караетъ не только преступленіе и нечестіе, но также и слишкомъ большое проявленіе могущества и богатства и соединенное съ тѣмъ горделивое самомнѣніе. Божество установило для человѣка опредѣленную мѣру величія и счастія и не терпитъ того, чтобы онъ переступалъ эту мѣру: въ этомъ состоитъ такъ часто упоминаемая Иродотомъ „завистливость боговъ“ (φθόνος τῶν θεῶν), что другіе греки обыкновенно называли „божественною Немесидою (Νέμεσις)“. Повсюду въ исторіи Иродотъ указываетъ на вліяніе этой божеской власти, какъ она часто на самыхъ позднихъ потомкахъ отомщаетъ преступленія предковъ и какъ надменность и легкомысліе ослѣпляютъ иногда умъ человѣка до того, что точно онъ самъ нарочно бросается въ близкую погибель; сами оракулы, голосъ которыхъ предостерегаетъ людей отъ нечестія и надменности, становятся посредствомъ своихъ двусмысленныхъ отвѣтовъ орудіями ослѣпленія человѣка, когда ихъ истолкователями являются самонадѣянность и страсть.. Прекрасно сказывается въ самомъ Иродотѣ это чувство страха предъ Немесидой собственною его умѣренностію, съ какою онъ обуздываетъ въ себѣ всякій порывъ столь естественной народной гордости. Хотя восточные властители сами навлекаютъ на себя погибель своею гордостію и греки одерживаютъ надъ ними побѣду; однако историкъ изображаетъ древній востокъ съ его раннею образованностію, какъ нѣчто весьма почтенное и достойное удивленія, охотно выставляетъ на видъ черты величія во враждебныхъ грекамъ персидскихъ царяхъ, показываетъ своимъ соотечественникамъ, какъ часто они обязаны были своимъ спасеніемъ божескому попущенію и счастливому стеченію обстоятельствъ—болѣе, чѣмъ своему мужеству и искусству, и вообще

всего наименѣе является онъ панегиристомъ ихъ геройскихъ дѣяній“ 1).

При всемъ томъ историческое твореніе Иродота высоко поднимало народный духъ и народное сознаніе эллиновъ. Оно научало ихъ цѣнить свободныя учрежденія родной страны и ясно имъ показывало, въ чемъ заключалась ихъ сила, давшая имъ перевѣсъ въ неравной борьбѣ съ болѣе могущественнымъ врагомъ; оно давало имъ понять, что сила эта заключалась въ ихъ любви къ свободѣ, соединенной съ повиновеніемъ своему гражданскому долгу и готовностію всѣмъ жертвовать во имя этого долга. Иродотъ не скрываетъ при этомъ и слабой стороны своихъ соотечественниковъ, которая иногда, въ минуту величайшей опасности, грозила роковою гибелью всему ихъ дѣлу: это именно ихъ наклонность къ внутреннимъ раздорамъ, взаимное соперничество и вражда какъ отдѣльныхъ республикъ между собою, такъ и—политическихъ партій и политическихъ людей внутри каждой республики. Вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе Иродота расширяло умственный кругозоръ его современниковъ. Оно знакомило ихъ со всѣми почти историческими странами и народами древняго міра. Передавая историческія событія въ своемъ изящномъ художественномъ повѣствованіи, Иродотъ въ тоже время влагаетъ въ нихъ извѣстный нравственный смыслъ и въ основу историческаго движенія полагаетъ нравственную идею.

Историческій трудъ Иродота производилъ сильное впечатлѣніе на его современниковъ. Прежде чѣмъ оно явилось въ цѣломъ видѣ въ свѣтъ, Иродотъ читалъ отрывки изъ него въ разныхъ мѣстахъ Греціи, на общественныхъ празднествахъ эллиновъ, и вызывалъ всеобщій восторгъ. Послѣ одного изъ такихъ чтеній, происходившаго въ Аѳинахъ во время празднованія тамъ великихъ панаѳинэй, въ 446 г. до Р. X., аѳинское гражданское вѣче присудило Иродоту награду въ десять талантовъ 2).

Слава Иродота и блестящій успѣхъ его произведенія, конечно, не могли не вліять на молодыя дарованія и не увлечь ихъ на тотъ же путь: таковъ былъ въ Аѳинахъ Ѳукидидъ, младшій современникъ Иродота, вслѣдъ за нимъ издавшій въ свѣтъ свое историческое произведеніе, плодъ болѣе зрѣлой исторической мысли, болѣе строгаго и положительнаго историческаго пониманія.

---

1) K. O. Müller, Gesch. der gr. Literatur, I B., p. 489—491. Breslau, 1841.

2) Плут. de malign. Herod. 26.

Такова, въ основныхъ чертахъ своихъ, была умственная жизнь Аѳинъ въ эпоху Перикла.

Художественная жизнь аѳинянъ въ вѣкъ Перикла выразилась въ созданіяхъ искусства, которыя составляютъ лучшую славу этого вѣка. Въ этой сферѣ Периклъ былъ едва ли еще не болѣе предпріимчивымъ и неутомимымъ дѣятелемъ, чѣмъ въ сферѣ государственной. Во время его управленія, по его мысли и распоряженію, воздвигнутъ былъ въ Аѳинахъ рядъ сооруженій, которыя своимъ изяществомъ превосходятъ все, что въ этомъ родѣ было создано тамъ до него и послѣ него. Если государственная дѣятельность влекла его къ себѣ, служа удовлетвореніемъ его честолюбію, и если здѣсь онъ приносилъ на служеніе обществу свой обширный государственный умъ и свои политическія дарованія, то искусство было для него средою, къ которой онъ имѣлъ безкорыстное сердечное влеченіе ради чистаго наслажденія. Въ отношеніи искусства Периклъ былъ истымъ эллиномъ и аѳиняниномъ: съ тонкимъ вкусомъ, умѣющимъ понимать и цѣнить въ искусствѣ строгую правильность и мѣру, онъ почиталъ его необходимою потребностію жизни. Судьба въ этомъ отношеніи ему особенно благопріятствовала: въ лицѣ геніальнаго Фидія послала ему сотрудника, который всѣ его планы и предпріятія по украшенію Аѳинъ созданіями искусства выполнялъ съ великою быстротою и неподражаемымъ совершенствомъ. Полное взаимное сочувствіе и пониманіе соединяло ихъ обоихъ тѣсными и прочными узами искренняго дружества.

Во время нашествія Ксеркса на Грецію Аѳины двукратно подверглись совершенному опустошенію: городъ преданъ былъ разграбленію и пламени, въ первый разъ, самимъ Ксерксомъ [1]), въ другой—его полководцемъ Мардоніемъ, который разрушилъ и сожегъ въ Аѳинахъ все, что уцѣлѣло отъ перваго опустошенія [2]). Съ тѣхъ поръ священныя зданія, бывшія въ акрополѣ, оставались въ развалинахъ до временъ Перикла. При немъ аѳинскій акрополь снова украсился величественными зданіями, которымъ по художественной красотѣ и даже внѣшнему великолѣпію не было равныхъ въ цѣлой Греціи: на ихъ постройку и скульптурныя украшенія употреблены были лучшій въ Греціи мраморъ, золото и слоновая кость. Громадныя суммы были израсходованы на эти сооруженія. Периклъ, крайне

1) Ирод. VIII, 53.
2) Id. IX, 13.

бережливый относительно государственной казны, не щадилъ никакихъ средствъ на общественныя постройки. Здѣсь онъ отдавался самъ увлеченію искусствомъ и увлекалъ вслѣдъ за собою аѳинянъ.

Главнымъ и лучшимъ зданіемъ на акрополѣ былъ *Парѳенонъ* (ὁ Παρθενών), храмъ въ честь дѣвственной Аѳины, покровительницы города, носившаго ея имя. Парѳенонъ весь построенъ изъ пентеликійскаго мрамора. Зданіе имѣетъ 227 футовъ длины и 101 футъ ширины. Внутренняя часть его, самый корпусъ зданія (σηκός) обнесенъ перистилемъ изъ 48 колоннъ (по 8 на обоихъ фасадахъ, по 17 на боковыхъ сторонахъ). Множество статуй и рельефовъ украшало наружныя части зданія. На восточномъ фронтонѣ храма группа статуй изображала явленіе на свѣтъ богини Аѳины: посрединѣ Зевсъ на тронѣ, окруженный Орами (Ὧραι), богинями временъ года, Мирами (Μοῖραι), богинями судьбы, и между ними—Богиня Счастія (Ἀγαθὴ Τύχη); затѣмъ въ группѣ слѣдуютъ божества: Афродита Уранія, Илиѳія (богиня родовъ), Ифестъ, Промиѳей, Арей и Ермій. По одну сторону группы изображена удаляющаяся на колесницѣ Ночь, по другую—День, поднимающійся на своей колесницѣ изъ водъ океана. Аѳина, только что родившаяся изъ головы Зевса отца, паритъ надъ нимъ въ воздухѣ, сверкая золотымъ оружіемъ. На западномъ фронтонѣ изображенъ былъ споръ Аѳины съ Посидономъ за обладаніе Аттикой. Рельефы на метопахъ изображаютъ дѣянія богини, подвиги мѣстныхъ аѳинскихъ героевъ, битвы гигантовъ и кентавровъ. Фризъ на наружной сторонѣ стѣны зданія представляетъ религіозныя процессіи и обряды во время празднествъ въ честь богини. „Сцены, представленныя на фризѣ, указываютъ на близкія отношенія, существовавшія между богами и человѣческимъ міромъ. Онѣ служатъ дѣйствительнымъ отраженіемъ народной жизни обитателей Аттики. Мы видимъ здѣсь, какъ этотъ ликующій народъ, всецѣло занятый празднованіемъ своихъ панаѳинэй, идетъ въ пышной процессіи, состоящей изъ дѣвъ, юношей, людей всякаго возраста и состоянія, пѣшкомъ, на коняхъ, въ колесницахъ; всѣ одѣты въ праздничные наряды; въ рукахъ у нихъ—богатыя приношенія и разные предметы, относящіеся къ обряду; иные ведутъ жертвенныхъ животныхъ,—и все это направляется къ акрополю, ко храму богини, чтобы повергнуть предъ нею свои дары и воздать ей торжественное чествованіе“ [1]).

---

1) Topographie d'Athènes d'après le colonel Leak, par Phocion Roque, p. 78. Paris, 1869.

Внутри храма находилась статуя богини изъ слоновой кости, вышиною въ 39 футовъ; ея одежда была изъ чистаго золота и вѣсила 40 талантовъ [1]; въ правой рукѣ богиня держала небольшую статую Побѣды (Νίκη), 5 ф. вышиною, также изъ слоновой кости и въ золотой одеждѣ. Статуя была изваяніемъ Фидія. „Онъ создалъ Аѳину, неуступающую совершенствомъ Аѳинѣ поэмъ Омира, прекрасную дѣву, свѣтлоокую, съ высокимъ станомъ, препоясанную эгидой: прикрываясь щитомъ, она держитъ копье впередъ“ [2]).

„Цѣлое зданіе такъ просто и естественно, что кажется оно и не могло быть инымъ. Зритель, незнакомый съ тайнами искусства, чѣмъ дольше смотритъ на парѳенонъ, тѣмъ больше поддается мысли, что при помощи хорошихъ рабочихъ онъ и самъ могъ-бы построить точно такой же. Но знатокъ въ искусствѣ, вникая въ измѣренія этого памятника, открываетъ, какое глубокое знаніе, какая тонкая наблюдательность и какія замысловатыя соображенія требовались для того, чтобы произвести эту кажущуюся простоту и осуществить планъ, какъ онъ былъ задуманъ художникомъ. Такимъ образомъ, для правильности и полноты перспективы, линіи, которыя кажутся прямыми, на самомъ дѣлѣ кривыя, при томъ кривыя въ двоякомъ смыслѣ: горизонтальныя линіи, на вертикальной плоскости, дѣлаютъ выпуклость посрединѣ своего протяженія, такъ что центральная ихъ точка выше, чѣмъ оконечности; безъ этого искривленія, говоритъ Витрувій, эти линія представляли бы углубленіе посрединѣ; въ тоже время эти же самыя горизонтальныя линіи искривлены на горизонтальной плоскости: здѣсь онѣ вогнуты наружу. Бо́льшая часть кажущихся перпендикуляровъ на самомъ дѣлѣ косыя: такъ колонны всѣ имѣютъ наклонъ къ центру зданія и нечувствительно сближаются между собою къ верху (pyramident insensiblement); толщина ихъ также не одинакова; тѣ, которыя на углахъ зданія, толще остальныхъ, такъ какъ, по замѣчанію Витрувія, преломленіе лучей свѣта скрадываетъ ихъ, представляя въ уменьшенномъ видѣ для глаза“ [3]).

Строителями Парѳенона были аѳинскіе архитекторы Калликратъ и Иктинъ. Изваянія исполнены были частію самимъ Фидіей, частію— его учениками, подъ его руководствомъ. Вообще онъ имѣлъ главный

1) Ѳукид. II, 13.

2) Maxim. Tyr. Dissert. 14, p. 260 (Reiske): δόρυ ἀνέχουσαν, ἀσπίδα κατέχουσαν.

3) Filleul, Histoire du Siècle de Périclès, t. I, p. 334—335.

надзоръ надъ всѣми постройками по храму (πάντα διεῖπε κἀὶ πάντων ἐπίσκοπος ἦν) [1]).

Кромѣ того на акрополѣ же были построены при Периклѣ храмъ Побѣды и храмъ Ерехѳея: послѣдній, впрочемъ, оконченъ былъ позднѣе. И тотъ и другой также конечно украшены были изваяніями.

Изъ всѣхъ трехъ храмовъ наилучшимъ образомъ сохранился до нашего времени Парѳенонъ; храмъ Побѣды также возстановленъ почти вполнѣ изъ своихъ развалинъ и обломковъ, найденныхъ при раскопкахъ въ 1835 г.; но храмъ Ерехѳея лежитъ въ развалинахъ; отъ него уцѣлѣло немногое и между прочимъ портикъ (πρόστασις) южной стороны, съ хорошо сохранившимися четырьмя каріатидами (было шесть). Что касается до изваяній, украшавшихъ Парѳенонъ и другіе храмы на акрополѣ, то большая часть ихъ погибла, многія повреждены, но многія сохранились частію на мѣстѣ, частію въ различныхъ европейскихъ музеяхъ и, между прочимъ, знаменитые эльджинскіе мраморы британнскаго музея. Статуя Аѳины изъ слоновой кости, произведеніе Фидіи, изчезла въ незапамятныя времена, во времена тѣхъ грабежей, жертвою которыхъ сдѣлалась несчастная Греція и прекрасные памятники ея искусства—съ тѣхъ поръ, какъ она утратила свою политическую самостоятельность.

Украшеніе акрополя довершали собою знаменитыя пропилэи. Это былъ ходъ изъ мраморныхъ ступеней, который велъ на вершину акрополя по западному склону его. По сторонамъ хода стояли колонны и статуи. Пять воротъ, однѣ за другими, пересѣкали ходъ. О великолѣпіи этой постройки можно судить по тому, что на нее израсходовано было 2012 талантовъ (около 3 миліоновъ рублей) [2]). По этой суммѣ можно составить нѣкоторое понятіе о томъ, какихъ суммъ должны были стоить Парѳенонъ и другіе храмы на акрополѣ: пропилэи служили лишь предверіемъ къ этимъ величественнымъ зданіямъ, составлявшимъ главную красоту акрополя. Строителемъ пропилэй былъ архитекторъ Мнисиклъ, постройка ихъ продолжалась пять лѣтъ [3]).

Наконецъ акрополь увѣнчивала собою колоссальная бронзовая статуя Аѳины Ратоборствующей (Ἀθηνᾶ Πρόμαχος), съ поднятымъ щитомъ и занесеннымъ на врага копьемъ, изваянная Фидіемъ на добычу, взятую аѳинянами отъ персовъ послѣ мараѳонской битвы: статуя воздвигнута была въ память этого событія.

1) Плут. Периклъ 13.
2) Иліодоръ у Арпократіока Lex. s. v. Προπύλαια, p. 260 (Dindorf).
3) Id. ibid. Плут. Периклъ 13.

Цѣнность всѣхъ этихъ художественныхъ зданій и изваяній опредѣлялась, конечно, не ихъ матеріальною стоимостію. Это были созданія генія, не имѣющія себѣ цѣны. Даже лишенныя лучшихъ своихъ художественныхъ украшеній, они представляютъ образцы зодчества и ваянія, съ которыми тщетно старается сравняться современное искусство. Путешественника поражаетъ нынѣ на акрополѣ множество мраморныхъ обломковъ, грудами лежащихъ повсюду, куда ни обратишь тамъ взоръ: безъ сомнѣнія это только незначительный остатокъ отъ того, что истреблено временемъ и расхищено рукою человѣка. Невольно приходитъ при этомъ на мысль, что нѣкогда эти мертвые и сорные остатки составляли красоту и душу прекраснаго цѣлаго. Мы любуемся теперь въ томъ или другомъ европейскомъ музеѣ какимъ-нибудь рельефомъ парѳенона, снятымъ съ своего мѣста, разрозненнымъ съ другими, съ которыми онъ составлялъ цѣльную картину: каково же было въ свое время впечатлѣніе и дѣйствіе, производимое цѣлымъ зданіемъ въ его нетронутой стройной красѣ!

Изваянія, украшавшія греческіе храмы, дѣйствовали не на одно зрѣніе и художественный вкусъ; они возбуждали и дѣятельность мысли, заставляя зрителя вдумываться въ содержаніе и смыслъ изображенія; они прочно напечатлѣвали въ памяти эллина его религіозныя вѣрованія, народныя преданія, а также и великія событія родной страны. Въ этихъ изображеніяхъ была жизненная струя, вѣрное воспроизведеніе живой дѣйствительности, мѣстныя бытовыя черты, и вмѣстѣ съ тѣмъ—воплощеніе высшихъ идеаловъ человѣчества, какъ они были въ то время понимаемы высшими творческими умами. Благородство и спокойствіе, выражащающіяся на лицахъ и въ положеніи боговъ и людей, представленныхъ на этихъ изображеніяхъ, дѣйствовали соотвѣственнымъ образомъ на собственное настроеніе каждаго, кто всматривался въ эти изображенія.

Одну изъ важнѣйшихъ сторонъ народной жизни древнихъ эллиновъ составляли религіозные праздники и торжества, которыя совершались у нихъ съ большою пышностію: на нихъ обыкновенно происходили гимнастическія, музыкальныя и поэтическія состязанія. Греческая поэзія, какъ извѣстно, этимъ праздникамъ обязана своимъ происхожденіемъ. Въ Аѳинахъ важнѣйшимъ мѣстнымъ праздникомъ были *панаѳинэи*, въ честь ихъ богини. Праздникъ этотъ совершался ежегодно, но разъ въ четыре года онъ отправлялся съ особенною торжественностію и тогда носилъ названіе *великихъ панаѳинэй*. Во время этого праздника въ Аѳинахъ происходили состязанія въ бѣгѣ

на колесницахъ, бѣгѣ на коняхъ съ горящими факелами (этотъ бѣгъ происходилъ ночью), а также—гонка на военныхъ судахъ (νεῶν ἅμιλλα [1]). Со времени Писистрата введено было на этомъ праздникѣ рецитированіе поэмъ Омира. Периклъ ввелъ, сверхъ того, музыкальныя состязанія, состоявшія въ игрѣ на флейтѣ, игрѣ на киѳарѣ и пѣніи подъ аккомпаниментъ киѳары. Для этой цѣли онъ построилъ въ Аѳинахъ особое зданіе, такъ называемый *одеонъ*, въ видѣ театра, но съ кровлею: оно напоминало собою форму шатра, изъ котораго Ксерксъ смотрѣлъ на саламинскую битву [2]).

Самыми любимыми у аѳинянъ были праздники въ честь Діониса (Вакха). Ихъ было нѣсколько въ году: великія или городскія діонисіи, малыя или сельскія, линэи и другіе. На этихъ праздникахъ обыкновенно давались драматическія представленія въ аѳинскомъ театрѣ. Во время Перикла соперничали между собою два величайшихъ трагическихъ поэта древности, Эсхилъ и Софоклъ. Эсхилъ, впрочемъ, принадлежитъ собственно предшествующему періоду, эпохѣ персидскихъ войнъ: онъ былъ уже маститымъ поэтомъ, съ упроченной славой, когда юный Софоклъ только еще начиналъ свою поэтическую дѣятельность. Драма Софокла явилась на смѣну драмы Эсхиловой. Она была всецѣло плодомъ и выраженіемъ духовнаго развитія и внутренней жизни аѳинскаго общества въ вѣкъ Перикла, и обозначаетъ собою высшую точку развитія греческой драмы. „Софоклъ есть высшій представитель античной трагедіи. Совершенствомъ своихъ произведеній онъ обязанъ не однимъ своимъ отличнымъ дарованіемъ, тщательно имъ развитымъ: не менѣе того способствовало ему подняться на небывалую высоту рѣдкое стеченіе благопріятныхъ условій, свойственныхъ тому прекрасному времени, въ какое онъ жилъ. Софоклъ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ великихъ талантовъ, которымъ судьба даровала твердую почву въ чистой средѣ, ихъ окружавшей, которые развились подъ покровомъ ничѣмъ не возмущаемаго счастія и могли всецѣло предаваться блаженству творчества. Блестящая эпоха персидскихъ войнъ осіяла послѣднимъ догорающимъ лучемъ своимъ его юность, зрѣлаго возраста онъ достигалъ совмѣстно съ возрастаніемъ могущества Аѳинъ, на его глазахъ

1) Schömann, Gr. Alterth. 2 B. p. 416.
2) Плут. Периклъ, 13.

проходило цвѣтущее время аѳинскаго государства и въ нѣкоторомъ отдаленіи открывалось взору его паденіе этого государства. Онъ не только вращался въ благородномъ обществѣ, среди свѣтлыхъ умовъ, но принималъ непосредственное участіе въ общественномъ движеніи, которое отъ поэтическаго паренія направлялось въ то время къ зрѣлой прозѣ и критическому взгляду на вещи, какой свойственъ сильно развитому чувству своей личности (Selbstgefühl), порожденному народодержавіемъ. Аѳинскій народъ обладалъ тогда богатствомъ цѣльной жизни, соединяя свою всестороннюю производительность въ области мысли, изобразительнаго и пластическаго искусствъ—съ чистотою формы и твердо установившимися законами вкуса. Софоклъ извлекалъ, сколько хотѣлъ, пользы для себя изъ такихъ благопріятныхъ условій своего времени, обращеннаго къ идеаламъ..... Не меньшую цѣну имѣетъ и та благосклонность къ нему счастія, что оно даровало въ предшественники ему Эсхила, такого учителя, геній котораго пролагалъ новыя пути въ искусствѣ и который завѣщалъ ему средства для совершенной техники. Никто другой не могъ съ такимъ умѣньемъ воспользоваться выгодами подобной приуготовительной школы, какъ Софоклъ: онъ надѣленъ былъ въ меньшей степени, чѣмъ Эсхилъ, даромъ изобрѣтенія, за то тѣмъ въ большей степени владѣлъ умѣньемъ методически исчерпывать предметъ во всей его глубинѣ. Перенесши, сообразно съ здравымъ пониманіемъ своего времени, высокое поэтическое творчество въ область современности, Софоклъ съ мудро расчитанною экономіею стянулъ драму въ рамки строго размѣряннаго построенія. За Эсхиломъ оставалось преимущество большей смѣлости, отмѣчающей его личность: никто послѣ него не могъ настроить свой голосъ на его геройскій и могучій тонъ или соперничать съ нимъ въ возвышенности и богатствѣ фантазіи; столь же мало его преемникъ могъ равняться съ нимъ по обилію высшихъ идей.... Софоклъ создалъ себѣ свою собственную область: оставивъ пышный міръ древнихъ демоническихъ существъ, онъ низошелъ въ міръ человѣческой жизни, волнуемый страстями.... Поэзія его берется не за далекія и высокія темы, касающіяся міроваго развитія, восходящія къ началу закона, религіи и человѣчности: содержаніе его поэзіи есть современность, текущая жизнь, какъ она слагается изъ взаимодѣйствія человѣческихъ страстей и нравственной силы. Эти образы, взятые изъ душевной жизни, какъ она обусловлена была народностію и временемъ, придали трагической поэзіи общедоступность и непреходящее значеніе. Изъ содержанія драматическаго матеріала поэтъ извлекъ психологическую основу, которую

приложилъ къ разнообразію дѣйствующихъ лицъ и ихъ душевныхъ состояній: отсюда выводимые въ его драмахъ характеры, вообще говоря—отвлеченнаго свойства, у него впервые получили индивидуальное содержаніе, почерпнутое имъ изъ многосторонней опытности. Они все еще продолжаютъ быть символами нравственныхъ понятій и стоять на идеальной высотѣ, но проявляютъ свой паѳосъ и чувство своей личности въ горячей страсти, полной дѣятельной силы; нравоописательныя подробности (ἠθοποιΐα), искусcно схваченныя, оживляютъ собою метко и тонко обрисованныя черты дѣйствующихъ лицъ, что составляетъ сильную сторону искусства Софокла. Борьба противоположностей приводитъ эти характеры во враждебное столкновеніе между собою, наполняя ихъ горячею кровью и всею энергіею живой личности. Въ своей собственной груди носятъ дѣйствующія лица свое счастіе и свою будущность, ихъ воля заправляетъ дѣйствіемъ, развивающимся въ драмѣ; ихъ преступленія и ошибки уже не зависятъ болѣе отъ загадочной судьбы, хотя оракулы, сновидѣнія и божественный голосъ совѣсти предостерегаютъ ихъ въ рѣшительныя мгновенія. Все развивается ясно и человѣчески, сообразно теченію нравственнаго паѳоса, изъ свободы человѣческой воли. Пластичность и чистота отдѣлки въ изображеніи характеровъ стяжали Софоклу славу трагическаго Омира. Хотя выводимые имъ характеры различны по своему нравственному достоинству и величію и въ его драмахъ нашли себѣ мѣсто люди изъ низшаго класса народа, говорящіе съ свойственнымъ имъ юморомъ, но они всегда обрисованы метко, прозрачны и очищены отъ всякой примѣси, досягаютъ до своей идеальной вершины, согласно своей нормѣ, указанной поэтомъ, и имѣютъ пластическую законченность очертанія (von plastischer Geschlossenheit), которая придаетъ имъ, на наше чувство, холодность мрамора“ [1]).

Такимъ образомъ Софоклъ сдѣлалъ въ области драматической поэзіи такой же поворотъ отъ міровыхъ сущностей къ явленіямъ внутренней душевной жизни человѣка, какой Сократъ—въ области философіи. Характеры, созданные Софокломъ, служатъ выраженіемъ нравственныхъ понятій, имѣютъ иоическій смыслъ, такъ же какъ и философія Сократа занималась вопросами человѣческой нравственности. Равнымъ образомъ Софоклъ ставитъ иногда въ своихъ драмахъ смѣлые вопросы жизни и нравственнаго порядка, на которые не даетъ отвѣта общепринятая житейская мораль: его Антигона, бла-

1) G. Bernhardy, Grundriss der Griech. Litteratur, 2 Th. 2 Abth., p. 318—321 Halle, 1872.

городный, возвышенный характеръ, исполненный не женской твердости и отваги, существо любящее, преданное, съ глубокими привязанностями, съ сильнымъ чувствомъ правды, одна сама собою производитъ возмущеніе противъ постановленій закона, противъ существующей власти, и предпочитаетъ подвергнуться смертной казни, но— не покориться установленному порядку вещей, котораго она не признаетъ справедливымъ.

Поэтическіе образы въ произведеніяхъ Софокла—плѣняютъ своею человѣчностію, знакомы и родственны нашей душѣ, но въ то же время носятъ на себѣ отпечатокъ идеальности. Это общая черта всѣхъ художественныхъ созданій эпохи Перикла. Таковъ былъ вкусъ и настроеніе тогдашняго аѳинскаго общества. Оно одушевлено было стремленіемъ къ идеаламъ, но такимъ, которые имѣли свою почву и свой смыслъ въ сферѣ живой дѣйствительности.

Софоклъ съ начала и до конца своего долголѣтняго поэтическаго поприща, которое продолжалось шестьдесятъ два года (468--406 до Р. Х.), неизмѣнно пользовался любовію аѳинянъ. Начало его поэтической дѣятельности почти совпадаетъ съ началомъ политической дѣятельности Перикла. Въ первый разъ онъ выступилъ на поэтическое состязаніе въ Эсхиломъ (въ 468 г.) при особенныхъ обстоятельствахъ. Для произнесенія суда надъ драматическимъ произведеніемъ и присужденія награды побѣдителю избираемы были жребіемъ особые присяжные судьи (ἀγωνοθέται, κριταί). Ко дню состязанія Софокла съ Эсхиломъ какъ разъ возвратился изъ похода Кимонъ и вошелъ съ своими товарищами, остальными девятью стратигами, въ театръ. Тогда архонтъ не захотѣлъ избирать установленнымъ порядкомъ судей состязанія, а предложилъ быть судьями Кимону и его сотоварищамъ: тѣ должны были принять эту честь. Они признали побѣдителемъ молодаго Софокла—и, конечно, руководствовались при этомъ не своимъ только личнымъ вкусомъ, но тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на зрителей драма Софокла [1]). Съ тѣхъ поръ Софоклъ уже безраздѣльно господствовалъ на аѳинской трагической сценѣ. Аѳиняне постоянно присуждали ему награды на поэтическихъ состязаніяхъ, избирали его въ разныя почетныя должности [2]) и даже въ стратиги, несмотря на то, что, какъ онъ самъ благодушно въ

1) Плут. Кимонъ, 8.

2) См. Bernhardy, тамъ же стр. 314.

томъ признавался, Периклъ считалъ его отличнымъ поэтомъ, но плохимъ полководцемъ [1]).

Понимая, какимъ могущественнымъ средствомъ развитія служитъ театръ, Периклъ озаботился, чтобы бѣдные граждане по недостатку средствъ не лишены были возможности посѣщать сценическія представленія. Онъ назначилъ выдавать имъ деньги на этотъ предметъ изъ государственной казны [2]).

Такъ проявлялась внутренняя духовная жизнь аѳинскаго общества въ димократическую эпоху Перикла. Властительный аѳинскій димосъ отъ своихъ политическихъ дѣлъ и заботъ искалъ себѣ отдохновенія и наслажденій въ высшемъ идеальномъ мірѣ мысли и искусства. Общественные нравы аѳинянъ отличались тогда свободою и непринужденностію, въ соединеніи съ мягкостію и нравственнымъ достоинствомъ. Въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей Периклъ начерталъ намъ картину тогдашней общественной жизни Аѳинянъ. Приведемъ здѣсь это мѣсто изъ его рѣчи.

„Я хочу нынѣ, такъ говорилъ онъ своимъ согражданамъ, обратить взоръ вашъ на внутренній строй нашей жизни, на наши государственныя учрежденія и общественные нравы, чему наше отечество обязано своимъ настоящимъ величіемъ. Я думаю, что вникнуть въ этотъ предметъ полезно будетъ всякому, какъ нашему соотечественнику, такъ и иноземцу.

„Наше государственное устройство не заимствовано нами отъ сосѣдей: напротивъ сами мы служимъ въ этомъ образцомъ для другихъ, и не мы, а намъ подражаютъ. Оно носитъ имя димократіи, потому что опирается не на меньшинство, а на большинство гражданъ. Наши законы предоставляютъ всѣмъ равныя права въ частныхъ тяжбахъ, а въ государственныхъ отношеніяхъ мы отдаемъ предпочтеніе не происхожденію и не личнымъ преимуществамъ, а заслугамъ, какія кто оказалъ отечеству: бѣдность и незнатность никому не служатъ препятствіемъ совершить, если можетъ, дѣла полезныя для отечества. Мы пользуемся свободой какъ въ жизни политической, такъ и въ своихъ вседневныхъ взаимныхъ отношеніяхъ: мы не слѣдимъ съ подозрительностію другъ за другомъ, не смотримъ неодобрительно на то, что сосѣдъ нашъ живетъ такъ, какъ ему нравится; мы не подвергаемъ гражданъ такимъ взысканіямъ, которыя, правда, неубыточны,

1) Аѳиней, кн. 13, стр. 604 (Casaub).
2) Плут. Периклъ, 9.

ои на которыя тяжело смотрѣть *). Свободные отъ принудительныхъ стѣсненій въ своей частной жизни, въ дѣлахъ общественныхъ мы повинуемся долгу совѣсти, установленнымъ властямъ и законамъ, въ особенности тѣмъ нашимъ законамъ, какіе мы имѣемъ для защиты обидимаго, равно какъ и тѣмъ неписаннымъ нравственнымъ правиламъ, нарушеніе которыхъ считаемъ постыднымъ.—Для отдохновенія послѣ трудовъ у насъ существуетъ множество развлеченій, освѣжающихъ духъ нашъ: гимнастическія состязанія, ежегодныя торжественныя жертвоприношенія, равно какъ и благоустроенный домашній бытъ, въ которомъ мы ежедневно можемъ найти себѣ успокоеніе отъ заботъ.—Благодаря громадности нашего города, въ него изо всѣхъ странъ ввозятся всякія произведенія, такъ что мы имѣемъ возможность наслаждаться у себя дома произведеніями чужихъ краевъ наравнѣ съ дарами своей родной земли.—Въ устройствѣ военнаго дѣла мы отличаемся отъ своихъ противниковъ **): нашъ городъ открытъ для всякаго; нѣтъ у насъ обычая изгонять изъ него иностранцевъ, которые пріѣзжаютъ сюда учиться или смотрѣть на наши зрѣлища; мы не думаемъ о томъ, что кто нибудь изъ нашихъ враговъ подсматриваетъ за нами; мы полагаемся не на хитрости и предосторожности, а на свою храбрость. Наши противники стараются посредствомъ усиленныхъ упражненій обучить своихъ юношей такъ, чтобы они не уступали на войнѣ зрѣлымъ мужамъ; мы не ведемъ суроваго образа жизни и однако не уступаемъ имъ ни въ чемъ среди равныхъ опасностей войны. Предаваясь больше покойному наслажденію жизнію, чѣмъ воинскимъ упражненіямъ, мы идемъ навстрѣчу опасностямъ съ незаученною, а съ природною храбростію: при этомъ мы имѣемъ ту выгоду, что не мучимъ себя до войны тягостями военной жизни, а когда настанетъ война, переносимъ эти тягости съ такоюже твердостію, какъ и тѣ, которые постоянно себя ими изнуряютъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи, какъ во всемъ другомъ, нашъ городъ заслуживаетъ удивленія.—У насъ любовь къ прекрасному соединена съ простотою жизни и любовь къ знанію не ослабляетъ нашего мужества. Богатство въ нашихъ рукахъ служитъ средствомъ для дѣятельности, а не предметомъ тщеславія. У насъ считается по-

*) Периклъ дѣлаетъ здѣсь намекъ на жестокія тѣлесныя расправы, употреблявшіяся въ Спартѣ.

*) Разумѣетъ спартанцевъ, съ которыми въ то время аѳиняне вели войну (431 г. до Р. Х.).

стыднымъ скрывать свою бѣдность, но еще болѣе постыднымъ—нерадѣніе о томъ, чтобы выйти изъ нея. Попеченіе о своихъ домашнихъ дѣлахъ у насъ совмѣщается съ заботою о дѣлахъ государственныхъ и тѣ изъ нашихъ согражданъ, которые живутъ рабочимъ трудомъ, не менѣе другихъ обладаютъ знаніемъ политическихъ дѣлъ. Это лишь у насъ одннхъ—гражданинъ, не принимающій участія въ политической жизни, считается не просто недѣятельнымъ, но негоднымъ въ государствѣ человѣкомъ *). Прежде чѣмъ рѣшимъ дѣла, мы тщательно ихъ обсуждаемъ и не боимся вреда для дѣла отъ рѣчей, а скорѣе отъ того, если приступимъ къ дѣлу, не обсудивъ его предварительно. Смѣлость нашихъ плановъ у насъ соединена съ ихъ расчитанностію, тогда какъ у другихъ эта смѣлость проистекаетъ отъ незнанія, а размышленіе приводитъ ихъ къ нерѣшительности. Въ своихъ нравственныхъ правилахъ мы также отличаемся отъ многихъ; стараемся пріобрѣтать себѣ друзей,—дѣлая людямъ добро, а не отъ нихъ требуя того себѣ самимъ..... Мы оказываемъ услуги другимъ не по расчету, а съ довѣріемъ свободныхъ людей. Кратко сказать: городъ нашъ во всемъ служитъ училищемъ для цѣлой Эллады и я увѣренъ, что каждый найдетъ въ немъ себѣ широкій просторъ и самыя благопріятныя условія для своего развитія.

„Что все сказанное мною не одни красивыя слова, расчитанныя на минутное впечатлѣніе, а настоящая правда, тому доказательствомъ служитъ могущество нашего города, которымъ мы обязаны существующему у насъ порядку вещей. Это единственный городъ въ наше время, который затмилъ собою прославленную древность, котораго побѣды надъ врагомъ не унизительны для сего послѣдняго и власть котораго надъ другими не подвергаетъ ихъ стыду быть подъ властію недостойныхъ. Мы воздвигли себѣ великіе памятники, которые свидѣтельствуютъ о нашемъ могуществѣ, и для послѣдующихъ поколѣній мы будемъ служить предметомъ удивленія, такъ же какъ служимъ теперь для современниковъ. Не нужно намъ, чтобы какой либо Омиръ воспѣлъ наши дѣла. Повсюду, на сушѣ и на моряхъ, мы проложили себѣ вольный путь своею отвагой и повсюду оставили по себѣ вѣковѣчные памятники—какъ нашего великодушія, такъ и—нашего гнѣва“ [1]).

Внѣшняя политика Перикла соотвѣтствовала уровню внутренняго величія и процвѣтанія Аѳинъ въ его время. Въ этомъ отноше-

*) По законамъ Солона, гражданинъ, который во время борьбы партій не приставалъ ни къ одной изъ нихъ, лишался за то своихъ гражданскихъ правъ (Плут. Солонъ, 20).

1) Ѳукид. II, 36—41.

ніи онъ также довершилъ то, что было начато и сдѣлано его предшественниками, прежними государственными людьми Аѳинъ, и что еще въ большей степени подготовлено было самымъ ходомъ вещей. Извѣстно, что во время персидскихъ войнъ, вслѣдствіе особеннаго стеченія обстоятельствъ, аѳиняне получили *игемонію* надъ частію греческихъ республикъ, состоявшихъ изъ ихъ соплеменниковъ іонянъ. Игемонія, въ понятіяхъ эллиновъ, означала не болѣе, какъ только старѣйшинство, первенство одной республики надъ другими съ ней союзными; въ мирное время—такому первенствующему государству принадлежало предсѣдательство на союзныхъ собраніяхъ, право созывать ихъ, и частію—исполнительная или распорядительная власть по выполненію рѣшеній, постановленныхъ въ собраніи союзниковъ; въ военное время—этому государству принадлежало главное начальствованіе надъ союзными войсками. Это было почетное право, не заключавшее въ себѣ ничего принудительнаго, основанное на добровольномъ согласіи союзныхъ государствъ, обыкновенно соплеменныхъ между собою, имѣвшихъ одинаковое политическое устройство и отчасти также—общія цѣли во внѣшней политикѣ. Такой точно характеръ имѣла первоначально и аѳинская игемонія [1]). Постепенно за тѣмъ этотъ древній характеръ ея измѣнился совершенно и игемонія въ рукахъ аѳинянъ обратилась въ дѣйствительное господство (ἀρχή) ихъ надъ союзниками (οἱ ξύμμαχοι), которые стали къ нимъ въ отношеніе почти совершеннаго подданства (ὑπήκοοι). Это произошло какъ бы само собой, безъ прямаго и намѣреннаго домогательства или насилія со стороны аѳинянъ; однакожъ такой порядокъ вещей былъ новизною въ Греціи, гдѣ издревле автономія, политическая независимость почиталась существенною принадлежностію и неприкосновеннымъ правомъ каждой отдѣльной республики—до тѣхъ поръ, пока она существовала, какъ отдѣльная республика. По укоренившимся понятіямъ считалось меньшимъ преступленіемъ, если одна республика совершенно уничтожала другую, присоединяла ея завоеванную область къ своимъ владѣніямъ, а жителей ея истребляла или обращала въ рабство, чѣмъ если какое либо изъ эллинскихъ государствъ покушалось поставить въ зависимость отъ себя другое эллинское же государство. Главною охранительницею этого рода преданій и понятій о международномъ эллинскомъ правѣ была Спарта.

1) Ѳукид. I, 97: ἡγούμενοι δὲ αὐτονόμων τὸ πρῶτον τῶν ξυμμάχων καὶ ἀπὸ κοινῶν ξυνόδων βουλευόντων etc. См. В. Бауера Аѳинская Игемонія. Спб. 1858 г.

Ей также съ давнихъ временъ принадлежала игемонія надъ дорійскими государствами въ пелопоннисѣ. Спартанская игемонія неизмѣнно сохраняла свой древній, освященный преданіемъ, характеръ—простаго первенства и предсѣдательства между союзными государствами [1]). Аѳиняне и ихъ государственные люди, конечно, хорошо знали образъ мыслей эллинскаго міра на этотъ счетъ и потому старались, по возможности, соблюсти видимость и форму древней игемоніи. Члены союза республикъ, находившихся подъ игемоніею Аѳинъ, обложены были ежегодными денежными взносами въ союзную казну, предназначавшуюся на общія союзныя предпріятія, подъ чѣмъ главнымъ образомъ разумѣлась война съ персами. Союзная казна находилась въ завѣдываніи аѳинянъ, но хранилась на о. Дилосѣ въ храмѣ Аполлона, который былъ общимъ святилищемъ всѣхъ союзныхъ государствъ. Аѳиняне ежегодно давали отчетъ союзникамъ въ расходованіи союзной казны. Такъ это было до временъ Перикла. Въ теченіи своего управленія онъ постоянно завѣдывалъ дѣлами союза, въ качествѣ государственнаго казнохранителя (ταμίας τῆς κοινῆς προσόδου—министръ финансовъ, первый лордъ казначейства). Съ этою должностію соединялось общее завѣдываніе всѣми важнѣйшими государственными дѣлами въ Аѳинахъ. Поэтому лице, ее занимавшее, носило также наименованіе „завѣдывающаго государственнымъ управленіемъ" (ἐπιμελητής τῆς διοικήσεως—первый министръ, государственный канцлеръ). На эту важнѣйшую въ государствѣ должность избираемы были способныя лица не жребіемъ, но общею подачею голосовъ, и на четырехлѣтній срокъ [2]). Периклъ, управляя дѣлами союза, велѣлъ перенести союзную казну съ о. Дилоса въ Аѳины, гдѣ она и помѣщена была для храненія во вновь построенный парѳенонъ. Это было съ его стороны очень смѣлое распоряженіе, которое должно было сильно встревожить аѳинскихъ союзниковъ. Сущность дѣла, собственно говоря, не измѣнялась такимъ распоряженіемъ. Охранителями казны были аѳиняне и отвѣтствовали за ея цѣлость. Поэтому все равно, гдѣ-бы они ее ни хранили, лишь-бы вѣрно и честно хранили. Но здѣсь именно имѣла большую важность видимость дѣла. Съ давнихъ поръ союзники уже привыкли смотрѣть спокойно на то, что аѳиняне распоряжались союзною казною по своему усмотрѣнію. Они

1) Ѳукид. I, 19.
2) Aug. Boeckh, Staatshaush. d. Athen. I B., p. 223. О значеніи этой должности Мюллеръ-Штрюбингъ высказываетъ очень основательныя соображенія. Aristophanes und die Hist. Kritik, стр. 194 слѣд.

имѣли на это и нѣкоторое право. Такъ какъ эта казна назначена была на военныя дѣйствія противъ персовъ, а войну съ персами давно уже вели одни аѳиняне, своими собственными силами, содержа для этого громадный флотъ, то конечно, они имѣли законное основаніе употреблять часть означенной казны на покрытіе расходовъ по веденію войны. Но эта война давно также перестала быть оборонительною, а обратилась въ наступательную. Аѳиняне вели ее на свой страхъ и своими собственными силами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ свою собственную пользу. Вытѣсняя персовъ изъ всѣхъ мѣстъ, занятыхъ ими на малоазійскомъ и ѳракійскомъ берегахъ эгейскаго моря, аѳиняне присоединяли эти мѣста къ своимъ владѣніямъ, при чемъ случалось, что они присоединяли къ себѣ и такія мѣста, которыя находились въ рукахъ не персовъ, а грековъ. Такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ выходило, что они употребляли деньги союзныхъ съ ними греческихъ государствъ на свои собственныя потребности, на содержаніе своего войска и флота и на расширеніе своихъ владѣній насчетъ какъ—персидскихъ, такъ—и греческихъ земель. Союзники выражали обыкновенно на это свое неудовольствіе глухимъ ропотомъ, на который аѳиняне мало обращали вниманія, но если которое либо изъ союзныхъ государствъ производило открытое возмущеніе, съ цѣлію выйти изъ союза, то аѳиняне немедленно подавляли возмущеніе вооруженною рукою. Такова была система аѳинской игемоніи: она была игемоніей по имени и формѣ, господствомъ по сущности. Периклъ рѣшился попрать и самую форму. Пока союзная казна хранилась на о. Дилосѣ, она все еще, по формѣ, считалась общею собственностію союзныхъ государствъ. Периклъ и по формѣ обратилъ ее въ собственность аѳинскаго государства. Распоряженіе его вызвало громкія порицанія даже въ самыхъ Аѳинахъ. Его политическія противники говорили, что такой образъ дѣйствій есть „тяжкое оскорбленіе, наносимое всей Элладѣ, что это есть явная тираннія и—эллины не стерпятъ того," чтобы деньги, вносимыя ими на общее дѣло борьбы съ варваромъ, аѳинское государство употребляло на статуи и храмы, стоющіе тысячи талантовъ, украшая себя, подобно тщеславной женщинѣ, любящей убираться въ дорогія каменья". Периклъ не смущался такими рѣчами. Въ оправданіе своего распоряженія онъ говорилъ, что союзная казна помѣщена имъ лишь въ болѣе безопасное мѣсто, тогда какъ на о. Дилосѣ она каждую минуту можетъ сдѣлаться добычею варвара (персовъ); впрочемъ, добавлялъ онъ, аѳинянамъ вовсе даже не слѣдуетъ давать отчетъ

своимъ союзникамъ въ этихъ деньгахъ, что деньги принадлежатъ не тому, кто ихъ выплачиваетъ, а тому, кто получаетъ, что наконецъ аѳиняне честно выполняютъ соединенныя съ пользованіемъ этими деньгами обязательства, такъ какъ всегда содержатъ въ готовности свое войско и флотъ для борьбы съ врагами союза. Аѳинскій димосъ вполнѣ и съ полнымъ сочувствіемъ одобрилъ его распоряженіе, ясно понимая, что оно свидѣтельствуетъ лишь о могуществѣ Аѳинъ [1]).

Однако Периклъ зналъ хорошо ту истину, что „право, не подкрѣпляемое силой, не дѣйствительно". Поэтому онъ старался держать постоянно въ водахъ эгейскаго моря грозный аѳинскій флотъ. Ежегодно 60 военныхъ аѳинскихъ кораблей (τριήρεις) выходили въ море и оставались тамъ въ продолженіи 8 мѣсяцевъ [2]). Аѳинскіе моряки пріобрѣтали такимъ образомъ опытность въ своемъ дѣлѣ; они получали все это время жалованье изъ государственной казны, что̀ особенно привлекало бѣднѣйшіе классы аѳинскихъ гражданъ къ морской службѣ и содѣйствовало развитію и процвѣтанію морскаго дѣла и морской силы аѳинянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это постоянное присутствіе въ морѣ вооруженнаго аѳинскаго флота дѣйствовало внушительнымъ образомъ на друзей и враговъ аѳинянъ, ихъ союзниковъ и противниковъ. Вообще въ это время Аѳины были первою морскою державою въ Греціи и безусловно господствовали въ греческомъ архипелагѣ. Однажды Периклъ съ громаднымъ флотомъ, роскошно снаряженнымъ, вошелъ въ Черное море (εἰς τὸν Πόντον) и поплылъ вдоль южнаго азіатскаго берега его до Синопы. Это было настоящее тріумфальное шествіе. Къ Периклу являлись посланные отъ находившихся на этомъ берегу греческихъ городовъ съ разными прозьбами, которыя онъ принималъ съ благосклонностію. Окрестные варварскіе народы и цари съ почтеніемъ и страхомъ взирали на это торжественное шествіе иноземнаго флота, прибывшаго изъ за нѣсколькихъ морей. Вообще положеніе дѣлъ было столь блестящимъ, что „навѣвало на многихъ аѳинянъ грёзы о завоеваніи Карѳагена и Италіи" [3]).

Съ завистію взирала на такое необыкновенное развитіе аѳинскаго могущества большая часть остальныхъ греческихъ республикъ, но въ особенности оно было ненавистно аристократическимъ республикамъ. Всюду, куда простирались вліяніе и власть аѳинянъ въ

1) Плут. Периклъ, 12.
2) Id. ibid. 11.
3) Плут. Периклъ, 20: ἦν δὲ καὶ Τυρρηνία καὶ Καρχηδὼν 'ενίοις ὄνειρος.

Грецiи, они поддерживали и проводили свои димократическiя начала. Въ димократическихъ республикахъ они также имѣли у себя сильныхъ и опасныхъ враговъ—въ рядахъ высшихъ классовъ, лишенныхъ власти и влiянiя. Всеобщее неудовольствiе противъ Аѳинянъ глухо, но быстро росло повсюду. Всего же болѣе могущество Аѳинъ, ихъ димократическое устройство и ихъ внѣшняя политика—оскорбляли и раздражали Спарту. Она стояла во главѣ аристократическихъ республикъ Грецiи и была главною опорою всѣхъ недовольныхъ аѳинянами. Съ каждымъ годомъ положенiе вещей въ Грецiи становилось все болѣе натянутымъ и тревожнымъ. Рано или поздно оно грозило разрѣшиться всеобщею междоусобною войною между эллинами. Периклъ все это хорошо понималъ и предвидѣлъ, но онъ держалъ себя наготовѣ и ничего не страшился.

Скажемъ, въ заключенiе, нѣсколько словъ о его частной жизни. Периклъ не былъ счастливъ въ своемъ семействѣ. Жена его была взята имъ изъ родственнаго съ нимъ дома. Сначала она была въ замужествѣ за Иппоникомъ, сыномъ Каллiи. Домъ Каллiи—былъ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ въ Аѳинахъ. Привыкнувъ у перваго своего мужа къ роскоши и расточительности, жена Перикла не могла выносить его строгой бережливости, того скромнаго и простаго образа жизни, какой былъ заведенъ въ его домѣ. Вообще они не сходились характерами и развелись по обоюдному согласiю [1]). Отъ этого брака Периклъ имѣлъ двухъ сыновей, Ксанѳиппа и Парала. Старшiй изъ нихъ Ксанѳиппъ, будучи еще мальчикомъ, дѣлалъ долги тайно отъ отца и вообще обнаруживалъ непокорный и строптивый нравъ. Обоихъ сыновей Периклъ лишился во время моровой язвы, бывшей въ Аѳинахъ въ началѣ пелопоннизской войны. Особенно горько оплакивалъ онъ смерть младшаго своего сына Парала [2]). — Въ домѣ Перикла жилъ и воспитывался родственникъ его, оставшiйся сиротою послѣ своихъ родителей, знаменитый впослѣдствiи Алкивiадъ. Периклъ съ братомъ своимъ Арифрономъ были его опекунами. Эта опека также причиняла Периклу не мало безпокойства, вслѣдствiе крайне своенравнаго и увлекающагося характера молодаго Алкивiада. Иногда цѣлые дни пропадалъ онъ изъ дому и опекуны не знали, гдѣ его искать. Однажды въ подобномъ случаѣ Арифронъ уже хотѣлъ даже сдѣлать публичное заявленiе о пропавшемъ безъ вѣсти Алкивiадѣ.

---

1) Плут. Периклъ, 24.
2) Плут. Периклъ 36.

Периклъ отсовѣтовалъ ему это, говоря, что если Алкивіада уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, то заявленіе поможетъ имъ отыскать его однимъ днемъ раньше, а если онъ здравъ и невредимъ, то оно повредитъ ему на цѣлую жизнь [1]).

Была въ душѣ великаго государственнаго человѣка нѣжная и глубокая привязанность, наполнявшая счастіемъ его личную жизнь. Предметъ этой привязанности, прекрасная Аспасія, принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливо одаренныхъ женскихъ личностей, которыя расливаютъ вокругъ себя очарованіе, согрѣвая и оживляя общество лучами своего ума и таланта, изяществомъ и теплотою души, въ которой находятъ себѣ отзывъ всякая живая и свѣтлая мысль и всякій благородный порывъ. Аспасія была душею того тихаго и малаго кружка друзей Перикла, къ которому принадлежали Анакса гора, Фидія, и въ которомъ происходилъ живой обмѣнъ мыслей и впечатлѣній, касавшихся политики, науки, искусства. Она была законодательницею вкуса въ этомъ обществѣ. Она давала полезные совѣты и указанія ораторамъ, поэтамъ и художникамъ—въ ихъ искусствѣ. Ея вліянію современники приписывали изящный, благородный тонъ въ рѣчахъ самаго Перикла. Сократъ восхищался умомъ и душевными качествами Аспасіи и любилъ ея общество. Периклъ питалъ къ ней неизмѣнную горячую привязанность [2]).

Послѣдніе годы жизни Перикла омрачены были тяжкими испытаніями, жестокими ударами судьбы, которые поражали его быстро одинъ вслѣдъ за другимъ. При немъ началась та роковая междуособная война эллиновъ, которая, какъ мы выше указали, давно уже подготовлялась ходомъ вещей въ Греціи. На второй годъ войны (430 до Р. X.) въ Аѳинахъ открылась страшная моровая язва, ежедневно похищавшая въ городѣ множество жертвъ. Она похитила всѣхъ родныхъ Перикла: его дѣтей, брата и сестру. Ему пришлось испытать также и немилость аѳинскаго димоса. На него посыпались упреки, какъ на виновника всѣхъ бѣдствій войны. Наконецъ нападеніямъ его враговъ подверглись самые близкіе его друзья, которые одни еще составляли его утѣшеніе и поддержку: Анаксагора, Фидія и даже Аспасія привлечены были къ суду, по разнымъ обвиненіямъ, совершенно не справедливымъ. Периклъ горячо вступился за своихъ друзей; ему удалось отстоять, по крайней мѣрѣ, Аспасію, которая

1) Плут. Алкивіадъ, 3.

2) Плут. Периклъ, 21.

обвинена была въ вольномысліи относительно государственной аѳинской религіи (ἀσέβεια). На третій годъ войны (429 г.) самъ Периклъ умеръ отъ моровой язвы, возвративъ предъ тѣмъ опять прежнее довѣріе и расположеніе къ себѣ аѳинянъ.

Всѣ великія и прекрасныя созданія эпохи Перикла, дошедшія до насъ въ произведеніяхъ мысли и искусства, составляютъ памятникъ, воздвигнутый ему исторіею.—Знаменитый его современникъ, историкъ Ѳукидидъ начерталъ на страницахъ своего глубокомысленнаго историческаго произведенія слѣдующую великую похвалу его имени, вполнѣ достойную какъ Перикла, такъ и самаго историка:

„Въ продолженіе своего управленія въ мирное время, Периклъ велъ дѣла въ духѣ умѣренности и охранялъ спокойствіе и цѣлость государства. Аѳины достигли, подъ его управленіемъ, высоты своего величія. Когда же настало военное время, то оказалось, что ему заранѣе извѣстны были силы государства и на случай войны. Съ начала войны онъ прожилъ два года и шесть мѣсяцевъ. По смерти его еще въ большемъ свѣтѣ обнаружилась его предусмотрительность по отношенію къ этой войнѣ..... Тайна его великаго вліянія и успѣха въ Аѳинахъ заключалась въ томъ, что онъ, будучи силенъ своимъ нравственнымъ достоинствомъ и умомъ, при своемъ дознанномъ безкорыстіи, правилъ свободно аѳинскимъ димосомъ, не подчиняясь ему, а подчиняя его себѣ. Такъ какъ онъ достигъ власти, не прибѣгая ни къ какимъ недостойнымъ средствамъ, то не имѣлъ надобности льстить толпѣ, напротивъ, когда нужно, онъ прямо высказывалъ ей горькія истины. Когда онъ замѣчалъ въ аѳинянахъ неумѣстную самоувѣренность, то обуздывалъ ихъ страхомъ; а когда они безъ причины падали духомъ, возстановлялъ въ нихъ снова чувство увѣренности въ себѣ. По имени— это была димократія, а на дѣлѣ—правленіе мужа, перваго между всѣми по своему достоинству“ [1]).

М. г. Нашъ Институтъ, празднующій сегодня годовщину своего основанія, также украшается знаменитымъ историческимъ именемъ, занимающимъ высокое мѣсто къ ряду достопамятныхъ именъ, какими богатъ былъ славный вѣкъ Екатерины. Великая государыня обладала драгоцѣннымъ царственнымъ даромъ открывать таланты и полезныя для государства силы въ самыхъ разнородныхъ слояхъ русскаго общества: въ числѣ такихъ ея избранниковъ былъ и знаменитый основатель

1) Ѳукид. II. 65.

этого учебнаго заведенія. Отечественная исторія съ честію хранитъ его имя на своихъ страницахъ, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей того великаго вѣка.—Другая высокая черта генія Екатерины и вмѣстѣ съ тѣмъ великая заслуга ея во всемірной исторіи была та, что она свѣтлымъ и зоркимъ умомъ своимъ постигала великую нравственную силу своего народа, вѣрно угадала его истинное историческое призваніе и смѣлою рукою повела его по предназначенному для него историческому пути. Много славныхъ дѣлъ совершено и много великихъ жертвъ принесено уже русскимъ народомъ на этомъ великомъ и многотрудномъ пути. Это путь тотъ самый, который въ настоящее время обливается славянскою кровію. Великія историческія задачи не рѣшаются безъ упорной борьбы и великихъ жертвъ. Міровая правда искупается кровію.... Тягостныя и напряженныя, но великія минуты переживалъ въ это послѣднее время весь русскій народъ. Сознаніе и предчувствіе великаго и труднаго подвига, который предстоитъ ему въ будущемъ, сказалось въ немъ. Сердце его порывалось къ завѣтному пути....

Когда настанетъ часъ, русскій народъ, мы это знаемъ, выполнитъ свой подвигъ на защиту братій своихъ по вѣрѣ и крови съ свойственнымъ ему самоотверженіемъ и вѣрою въ Бога. Но въ наше время совершился великій переворотъ въ его собственной внутренней жизни. Державною волею онъ призванъ на новый, болѣе свободный и широкій путь своего развитія. Блага свободы, гласнаго суда и начатки самоуправленія, дарованныя нашему народу въ нынѣшнее царствованіе, налагаютъ на него, на всѣхъ сыновъ Россіи—святой и великій долгъ по отношенію къ себѣ самимъ. Иной, еще болѣе высокій и самый трудный подвигъ предстоитъ намъ теперь въ нашей жизни: это—подвигъ собственнаго своего духовнаго развитія и совершенствованія. Своими многовѣковыми усиліями и славными внѣшними дѣлами, руководимый мудростію и попеченіемъ своихъ государей, русскій народъ создалъ свою государственную цѣлость, независимость и безопасность. Никакой внѣшній врагъ ему теперь не страшенъ. Свободно и смѣло можетъ онъ отнынѣ принять на себя призваніе быть защитникомъ и поборникомъ слабыхъ противъ сильныхъ, угнетаемыхъ противъ притѣснителей. За то тѣмъ настоятельнѣе для него въ настоящее время потребность быстраго и усиленнаго внутренняго преуспѣянія, чтобы оно стояло въ уровень съ его внѣшнимъ политическимъ могуществомъ и величіемъ. Только при такомъ равновѣсіи всѣхъ сторонъ его исторической жизни теченіе

ея будетъ совершаться правильно и благотворно какъ для него самаго, такъ и для другихъ.

П. Люперсольскій.

А. А. КОЗЛОВЪ.

ФИЛОСОФСКІЕ ЭТЮДЫ.

Часть первая. С.-Петербургъ. 1876 г.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

„Тотъ, кто несогласенъ съ положеніемъ, что *философія есть противоядіе противъ умственной и нравственной анархіи общества*, не можетъ ограничиться только однимъ опроверженіемъ его; онъ долженъ указать на что либо другое, что, по его мнѣнію, должно служить противодѣйствіемъ умственной и нравственной анархіи. Въ противномъ случаѣ, онъ долженъ или отрицать самый фактъ анархіи, или не считать его зловреднымъ“.

(Козловъ. Философскіе этюды. Пред. стр. VII).

Какъ видно изъ нашего девиза, мы рѣшились принять вызовъ, сдѣланный авторомъ недавно вышедшихъ „Философскихъ этюдовъ“. Мы рѣшились на это главнымъ образомъ вслѣдствіе глубоко сознаваемой нами важности затронутыхъ въ книгѣ вопросовъ.

Философія, какой бы объемъ ни придавать этому понятію, въ нашемъ отечествѣ только еще зарождается. Поэтому нельзя не привѣтствовать сочувственно каждаго сочиненія, которое пытается дать направленіе стволу молодого дерева, едва показавшагося на поверхности русской умственной почвы. Но если важна всякая попытка создать русскую философію, то еще важнѣе, послѣ каждой такой попытки, оглянуться назадъ и посмотрѣть, не брошено ли сѣмя на безплодную, каменистую почву.

Книга г. Козлова обнаруживаетъ въ авторѣ серьезныя стремленія, глубокія убѣжденія и вѣрованія,—серьезный разборъ ея, основательная провѣрка его положеній не могутъ не имѣть интереса для русскихъ читателей.

I.

Изъ предисловія автора видно, что мотивъ, положившій начало его сочиненію, былъ практическаго свойства. Подъ вліяніемъ своего житейскаго опыта, г. Козловъ усвоилъ себѣ пессимистическое воззрѣніе на современный міръ, и вотъ сталъ искать отвѣта на вопросъ: „чѣмъ поправить зло?“ Изъ „Философскихъ этюдовъ“ видно, что онъ нашелъ связующій цементъ для развалившихся кирпичей соціальнаго зданія— въ философіи. Отсюда его взглядъ на задачи и предметъ этой науки: „философія, говорится въ его первомъ тезисѣ [1]), имѣетъ своимъ предметомъ міръ, какъ цѣлое изъ всѣхъ вещей, явленій, событій, входящихъ въ сознаніе человѣческое“. Исходя изъ мысли объ *увеличивающемся растлѣніи общества*, переходя отъ нея къ вопросу: *что́ можетъ спасти человѣчество?*, находя отвѣтъ въ положеніи: *только философія можетъ выполнить это назначеніе*, г. Козловъ приходитъ къ предположенію, что философія должна быть *наукою о мірѣ, какъ цѣломъ*. На первый случай остановимся на этихъ четырехъ моментахъ его изслѣдованія.

Во первыхъ спросимъ, что̀ разумѣетъ авторъ подъ умственной и нравственной анархіей общества? Прочитавъ книгу, мы не нашли въ ней точнаго разъясненія этихъ понятій. Очевидно, г. Козловъ не считаетъ возможнымъ подвергнуть сомнѣнію фактъ указанной анархіи. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, термины „умственная“ и „нравственная“ анархія весьма условные и неизбѣжно требуютъ комментарій. Жила Европа почти въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, около полторы тысячи лѣтъ, жила, развивалась, колоссально подвинула впередъ человѣческія знанія, значительно увеличила безопасность человѣческой жизни, и вотъ въ XIX-мъ вѣкѣ мыслители открыли въ обществѣ признаки умственной и нравственной анархіи. Что̀ это значитъ? Значитъ ли это, что подобной анархія ранѣе не было, или ея только не замѣчали, не сознавали. Въ послѣднемъ случаѣ можно было бы предположить, что указываемый авторомъ фактъ неизбѣжно сопровождаетъ жизнь человѣчества, какъ гніеніе мертвой органической матеріи сопровождаетъ явленіе теплоты, распространяемой солнечными лучами. Но тогда упомянутая выше анархія, по самой неизбѣжности своей, была бы неизлѣчима, и вся идея автора лишилась бы фундамента... Нѣтъ, очевидно не то разумѣетъ онъ,—не потому умалчивали въ прежніе вѣка объ умственномъ и нравственномъ растлѣніи

[1]) Рѣчь идетъ о тезисахъ, которые были предложены публикѣ при защитѣ г. Козловымъ его сочиненія pro venia legendi, въ Кіевскомъ университетѣ, 27-го октября 1876 года.

общества, что оно не сознавалось, а потому что его не было. Но если это явленіе новое, то какія же формы оно приняло, гдѣ факты, его обнаруживающіе?

Очевидно, исходной точкой пессимизма г. Козлова были факты, въ родѣ *умноженія числа самоубійствъ*, въ родѣ *увеличенія жадности человѣчества къ деньгамъ и къ матеріальному благосостоянію*, въ родѣ *упадка въ людяхъ религіозной вѣры* и т. д. Этихъ фактовъ мы не отрицаемъ безусловно, но спрашиваемъ себя, даютъ ли они поводъ къ образованію разбираемыхъ нами понятій?—Мы привели самыя „печальныя" стороны современнаго общественнаго быта,—и позволяемъ себѣ всетаки думать, что эти явленія недостаточны для того, чтобы служить основою пессимистическихъ взглядовъ, выражаемыхъ въ „Философскихъ этюдахъ".

По нашему убѣжденію, зло въ человѣчествѣ не растетъ, а только облекается съ теченіемъ времени въ иныя формы. Не было прежде такого числа самоубійствъ,—были за то чаще безнаказанныя убійства, что̀ еще печальнѣе, ибо общество отъ послѣднихъ находилось въ болѣе шаткомъ положеніи, чѣмъ въ какое его приводятъ первыя. Здравый смыслъ заставляетъ признать вѣрность мысли, что убійствъ въ наше время меньше, чѣмъ было прежде: сравнимъ только бытъ современной Турціи, представляющей образецъ погаснувшаго въ Европѣ кулачнаго права, съ сравнительной безопасностью нашей Европейской жизни, и выводъ явится самъ собой. Притомъ прежде убійства въ большинствѣ случаевъ проходили даромъ и даже не поступали въ лѣтопись человѣческихъ дѣйствій, какъ явленія обыденныя, да и недоступныя повѣркѣ. Теперь въ большинствѣ случаевъ они такъ или иначе наказываются, и люди нашли даже средства облекать подобнаго рода событія въ опредѣленныя рамки статистическихъ цифръ. Не было прежде такихъ случаевъ колоссальной наживы на чужой счетъ путемъ обмѣна вексельныхъ и другихъ бумагъ,—зато былъ грабежъ на открытой дорогѣ, представляющійся теперь явленіемъ сравнительно рѣдкимъ и въ общей сложности гораздо болѣе невиннымъ, и т. д.

Итакъ, зло въ человѣчествѣ принимаетъ только новыя формы и, приблизительно по крайней мѣрѣ, равновѣсіе между здоровыми и больными сторонами соціальной жизни не нарушается. Но положимъ даже, что анархія въ обществѣ увеличилась (чего мы отнюдь не допускаемъ),—можно ли назвать её и „умственной" и „нравственной" анархіей? Намъ кажется, что съ практической точки зрѣнія автора эти два термина выражаютъ одно и то же—отсутствіе твердыхъ

принциповъ поведенія, и что г. Козловъ отчасти увлекся звучностью словъ въ ущербъ точности. Самъ Контъ говоритъ только объ anarchie intellectuelle, и этого вполнѣ достаточно.—Затѣмъ если даже предположить, что въ современномъ *западно-европейскомъ* обществѣ, какъ разумѣетъ самъ авторъ книги [1]), есть признаки анархіи, то поведетъ ли это неизбѣжно къ распространенію таковой и въ нашемъ отечествѣ? Намъ кажется, что Россія, по своей молодости и политическому положенію, роковымъ образомъ призвана реагировать противъ западно-европейскаго растлѣнія и „чѣмъ глубже мы будемъ втягиваться въ водоворотъ Европейской жизни“ [2]), тѣмъ интенсивнѣе будетъ противодѣйствіе нашего здороваго организма сгнившимъ основамъ западнаго быта [3]).

Нужна ли намъ для этого философія, какъ наука?

Вопросъ переходитъ отнынѣ на почву серьезной, теоретической критики. Онъ прежде всего сводится къ вопросу, — *можетъ ли вообще философія дать общественной жизни какія-нибудь основы нравственности?* Авторъ смотритъ на философію, какъ на науку, строющую сначала общія идеи о значеніи міровыхъ событій и потомъ изъ этихъ общихъ идей выводящую нравственные принципы [4]). Но можетъ ли еще философія имѣть значеніе науки, *строющей общую идею міра?* Если окажется, что философія не способна выполнить такую роль, то очевидно она должна будетъ потерять и значеніе науки, дающей фундаментъ для общественной морали.

Разберемъ сначала, какія основы даетъ г. *Козловъ* своему положенію о предметѣ философіи. По его мнѣнію, философія, какъ наука о мірѣ, въ его цѣломъ, есть *особая наука*. Доказательства его историческія. Характеръ ихъ всего лучше выражается слѣдующими заключительными словами автора въ концѣ его перваго этюда: „только въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ [5]), можно примирить всѣ философскія системы и направленія въ понятіи философіи, когда мы примемъ за ея предметъ міръ; только тогда эти направленія образуютъ виды по отношенію къ общему родовому понятію: міросозерцаніе. Я предлагаю, кому угодно, попытаться подвести подъ одно понятіе *философа*: Гегеля и Дюринга, Шеллинга и Конта, Фихте и Спенсера, Тренделен-

1) Пред., VI.
2) Собственныя слова г. Козлова, пред., VI.
3) Н. Я. Данилевскій уже доказалъ эту мысль съ исторической точки зрѣнія.
4) Стр. 109: „Философія, какъ это увидимъ мы въ другомъ изслѣдованіи, всегда даетъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ своею цѣлью дать фундаментъ для морали“.
5) Стр. 69.

бурга и Фейербаха, при томъ условіи, что предметъ философіи есть не міръ, а что либо другое: я съ своей стороны считаю это невозможнымъ". Этотъ выводъ есть совершенно послѣдовательный итогъ всему предъидущему изслѣдованію. Не считая важнымъ для нашихъ цѣлей немедленное рѣшеніе вопроса о вѣрности его съ исторической точки зрѣнія, мы позволимъ себѣ только спросить читателей, достаточно ли: собрать всѣ сходныя черты въ дѣятельности людей, случайно или не случайно „признаваемыхъ общественнымъ сознаніемъ за философовъ" [1]), выразить эти сходныя черты въ одномъ опредѣленіи и приставить это опредѣленіе къ термину *философія*, чтобъ доказать, что такое-то содержаніе философія дѣйствительно можетъ и должна имѣть въ будущемъ? Для того, чтобъ согласиться съ такимъ пріемомъ доказательства, необходимо было бы признать непогрѣшимость абсурднаго принципа, „что то, что существовало прежде, этимъ самымъ фактомъ своего прошедшаго существованія доказало свои права на неизмѣнное существованіе въ будущемъ",—такое положеніе есть явное πρῶτον ψεῦδος. Такимъ пріемомъ можно бы было, пожалуй, доказать и права схоластическихъ бредней на вниманіе современнаго общества. Мало ли было заблужденій, которыя прошли, чтобъ не возвращаться. Между тѣмъ, кромѣ этого доказательства, „Философскіе этюды" не даютъ никакихъ другихъ, болѣе убѣдительныхъ, основаній вышеприведенному опредѣленію г. Козлова касательно предмета философіи. Можетъ быть, эти основанія явятся въ слѣдующихъ этюдахъ, но тогда,—имѣлъ ли авторъ право облечь свой выводъ въ рядъ тезисовъ?

Тѣмъ не менѣе представляется существеннымъ рѣшить такъ или иначе, но положительно, вопросъ о возможности *будущаго существованія* философіи, какъ науки о мірѣ,—къ этому мы и приступимъ теперь. Условимся сначала о томъ, что мы будемъ разумѣть подъ „философіей". Г. Козловъ, какъ видно изъ его труда и какъ обнаружилось и въ теченіи его диспута, выдѣляетъ изъ области философіи психологію и психологическую теорію познанія [2]). Это науки спеціальныя,—его же философія трактуетъ о мірѣ, какъ цѣломъ. Авторъ

1) Стр. 3.

2) Стр. 48: „Далѣе, философія вовсе не занимается изслѣдованіемъ *общихъ законовъ логики* или *законовъ процесса познанія вообще:* эти изслѣдованія по праву составляютъ предметъ логики и психологіи, которыя могутъ быть разработываемы отдѣльно отъ нея, подобно математикѣ, тоже близко соприкасающейся съ философіею". Ср. также стр. 73: „ученіе о сознаніи составляетъ въ сущности психологію, а не философію!

поступаетъ въ этомъ случаѣ опять совершенно послѣдовательно: одно изъ двухъ,—или „философія“ есть только общее названіе для извѣстнаго круга частныхъ, спеціальныхъ наукъ (какъ психологія, теорія познанія, исторія развитія мысли, т. е. исторія философіи, и т. д.), или „философія“ есть не одинъ только flatus vocis, а имя науки съ извѣстнымъ особымъ содержаніемъ, которое, при настоящемъ распредѣленіи научнаго матеріала, можетъ только состоять въ построеніи знаній о мірѣ, какъ цѣломъ. Г. Козловъ становится на вторую точку зрѣнія, мы стоимъ на первой и постараемся опровергнуть положеніе автора „Философскихъ этюдовъ“.

Философія есть наука „о мірѣ, какъ цѣломъ изъ всѣхъ вещей, явленій, событій, входящихъ въ сознаніе человѣческое“. Всѣ эти вещи, явленія, событія, какъ извѣстно, разбираются уже спеціально въ разныхъ частныхъ наукахъ; слѣдовательно особаго *фактическаго* матеріала на долю *особой науки* философіи не выпадаетъ [1]). Съ другой стороны авторъ не признаетъ возможнымъ для философіи изслѣдованія вопросовъ, составлявшихъ ея содержаніе въ до-Кантовскомъ, догматическомъ періодѣ ея развитія: ни Богъ, ни душа, ни другія какія либо сущности не могутъ быть предметомъ философскихъ построеній, думаетъ Г. Козловъ [2]).—Но если простыя явленія, какъ они наблюдаются органами спеціальныхъ наукъ, и съ другой стороны—идеи сущностей, не составляютъ предмета философскихъ изслѣдованій, то какія же исходныя точки философіи, на какихъ основахъ она строитъ свои понятія о мірѣ, какъ цѣломъ? Авторъ считаетъ такими исходными точками высшія обобщенія другихъ наукъ, высшія

1) Срав. соч. Козлова, стр. 101: „Наблюденія частныхъ фактовъ и выводъ частныхъ законовъ никогда не должны входить въ кругъ спеціальныхъ занятій философа“.

2) стр. 15: „Съ точки зрѣнія раціон. деизма можетъ быть сдѣлано возраженіе, что предметъ философіи есть не только міръ, но и Богъ. На это можно было бы отвѣтить простымъ указаніемъ на существованіе науки, называемой Богословіемъ или теологіей.....“ ср. также стр. 52—59.—О невозможности познанія „сущностей“ вообще въ философіи авторъ говоритъ въ своихъ разсужденіяхъ о различіи понятій бытія и міра, напр. стр. 34: „значитъ, философія не можетъ быть познаніемъ о бытіи, а только познаніемъ о мірѣ, ибо въ противномъ случаѣ она была бы познаніемъ о самыхъ возможностяхъ, число которыхъ безконечно и которыя всетаки, всѣ вмѣстѣ и каждая порознь, представляютъ не болѣе, какъ *ничто* для познанія“, ср. также стр. 23, 28 и 29.

понятія, до которыхъ онѣ доходятъ [1]). Отсюда совершенно выясняется его взглядъ: работа, которая должна выпасть на долю философіи, при раздѣленіи труда между науками, при дифференціаціи ихъ задачъ,—есть *синтезъ результатовъ, добытыхъ всѣми прочими отраслями знанія.*—Возможна ли и нужна ли подобная наука, которая имѣла бы *спеціальностью* своей—такой высшій синтезъ? Историческій опытъ показалъ противуположное. Самъ авторъ замѣчаетъ однажды: „предметы естественныхъ наукъ, особенно въ новѣйшее время, обозначаются точно, ясно, однообразно, не подавая повода къ недоразумѣніямъ; между тѣмъ какъ изъ вышеизложеннаго очевидно, что ученые философы разногласятъ въ обозначеніи предмета своей науки“ [2]). Наука, въ которой предметъ еще не опредѣлился, не есть наука въ своемъ *прошедшемъ* и *настоящемъ*,—она можетъ сдѣлаться таковою развѣ въ *будущемъ*. Но, по отношенію къ философіи, слѣдуетъ еще спросить себя: *нужна ли она* въ будущемъ?

Частныя науки, какъ и вообще всякое индуктивное познаніе, всѣ стремятся къ обобщеніямъ и къ синтезу. Если факты даютъ возможность, то въ ихъ нѣдрахъ являются даже такія широкія идеи, которыя проливаютъ свѣтъ далеко за предѣлы той области знанія, въ которой онѣ возникли. Гипотеза развитія, напр., появившаяся сперва въ области строго-біологической науки, можетъ, какъ оказывается, быть руководящей идеей и въ другихъ областяхъ науки, каковы языкознаніе (Шлейхеръ), психологія и соціологія (Спенсеръ) и т. д. Точно тоже было и съ „закономъ“ Ньютона, который нашелъ себѣ приложеніе не въ одной астрономіи, но и въ геологіи и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ механики и физики... Стало быть, объединяющій синтезъ есть уже *идеальная цѣль частныхъ наукъ*. Если же синтезъ этотъ не является въ каждую минуту въ видѣ законченной теоріи міровыхъ процессовъ; если онъ напротивъ только періодически всплываетъ на поверхность моря науки; если научныя изслѣдованія, какъ капли морской волны, по очереди погружаются въ глубокія бездны кропотливаго анализа и потомъ смѣло возвышаются въ орлиныя области синтеза для того только, чтобы тотчасъ затѣмъ опять спуститься въ тѣже бездны,—то не зависитъ ли это отъ свойствъ самого научнаго матерьяла,—свойствъ, производящихъ извѣстное давленіе и на философа?! Но, скажетъ авторъ, мы можемъ,

1) стр. 59: „Важно для насъ то, что задача философіи есть постройка изъ данныхъ наукъ единаго міросозерцанія и т. д.“ ср. стр. 47.
2) стр. 22.

и не имѣя полнаго фактическаго матерьяла, построить *по аналогіи* и въ формѣ *плодотворной гипотезы* общую идею міра. Такой отвѣтъ былъ бы односторонен: ужѣ частныя науки наполнены гипотезами и недоказанными—хотя и плодотворными—теоріями. Какая же была бы достовѣрность той науки, которая, взявъ за основаніе эти первичныя гипотезы, синтезировала бы ихъ во вторичное, *еще болѣе гипотетическое*, представленіе о мірѣ, какъ цѣломъ! Очевидно, что и частныя науки иногда заходятъ за предѣлъ строго индуктивнаго синтеза и этимъ самымъ уже, съ излишкомъ, удовлетворяютъ всѣмъ синтетическимъ потребностямъ науки, такъ что философія, какъ *особая* наука, съ этой точки зрѣнія совершенно излишня. Но этого мало, она была бы и невозможна, еслибъ даже ея задачи и невыполнялись другими спеціальностями.

Не говоря уже о той шаткости, которую бы она имѣла, какъ гипотеза, построенная на гипотезахъ,—она, по простой логикѣ здраваго смысла, не могла бы имѣть никакой самостоятельности въ характерѣ своихъ построеній.

Въ частныхъ наукахъ исходныя точки—твердые, неизмѣнные по существу, факты, но и въ ихъ разработкѣ часто нужны поправки, вслѣдствіе возможнаго измѣненія наблюдаемыхъ формъ предметовъ, а вмѣстѣ съ ними и точекъ зрѣнія науки. Въ философіи матеріаломъ были бы неустойчивыя гипотезы другихъ вѣтвей знанія. Еслибъ задача философіи состояла въ синтезѣ этихъ гипотезъ, то, очевидно, съ каждымъ новымъ открытіемъ науки, философія должна была бы механически перестраивать свои теоріи [1]). Будучи равнодѣйствующей массы слагающихъ элементовъ, она принуждена была бы лавировать, смотря по направленію, какое принимаютъ частныя науки въ ту или другую пору [2]). И та́къ именно было въ ея исторіи. Всякая философская система, какъ продуктъ самыхъ разностороннихъ умовъ времени, всегда была, болѣе или менѣе, выразительницею, современнаго состоянія эмпирическихъ наукъ; поэтому она жила, пока не

---

1) Г. Козловъ самъ не хотѣлъ бы такого положенія философской науки (ср. стр. 110), а между тѣмъ оно неизбѣжно съ его же точки зрѣнія.

2) Эта мысль, по странному противорѣчію, высказывается и самимъ авторомъ „Фил. эт.“; онъ говоритъ: „Если міръ не есть готовый объектъ самъ по себѣ и если понятія міра, какъ цѣлаго, строятся по мѣрѣ нашего научнаго проникновенія въ предѣлы вещей и явленій, и изслѣдованія ихъ связи, то въ разныя эпохи неизбѣжно должны были явиться и являлись различныя міросозерцанія. .“ (стр. 70).

измѣнялось это состояніе, и вытѣснялась новой системой, когда эмпирическія науки вступали въ новый возрастъ своей жизни. Желательно ли продолженіе такого порядка вещей? Не въ силу того ли самого и отвергается нынѣ значеніе философіи, что философскія построенія неизбѣжно вводятъ въ самообманъ и заставляютъ дедуцировать руководящіе принципы нравственнаго поведенія изъ *эфемерныхъ*, въ буквальномъ смыслѣ слова, теорій? Даже и та философія, которая всего болѣе выходила изъ прочныхъ, фактическихъ основъ познанія, т. е. философія Конта, и эта философія потеряла вскорѣ свое значеніе, какъ таковая, т. е. какъ система, и отъ нея осталось лишь извѣстное *настроеніе* частныхъ наукъ, предшествовавшее впрочемъ ἐν δυνάμει твореніямъ Конта и бывшее даже безсознательной подкладкой его ученія. Стало быть философія, какъ прочная спеціальность, могущая дать какіе нибудь неопровержимые и устойчивые принципы человѣчеству, невозможна по самому отношенію своему къ другимъ наукамъ; но она невозможна и потому еще, что, съ увеличивающимся запасомъ фактическихъ знаній, задачи философа дѣлаются *практически* неосуществимыми. Хорошо было философствовать Өалесу и Пиөагору, когда почти весь эмпирическій фундаментъ, на которомъ они возводили свое зданіе, былъ ими же и положенъ. Но гдѣже намъ и нашимъ потомкамъ обнять всѣ области науки, когда мы рѣдко обнимаемъ, какъ слѣдуетъ, одну вѣточку ея вѣтви! Уже въ Кантѣ, величайшемъ мыслителѣ нашей эпохи, который просидѣлъ почти 50 лѣтъ на одномъ стулѣ, не поднимая глазъ съ книги, уже въ Кантѣ критики замѣчаютъ поверхностное отношеніе къ фактамъ и къ исторіи. Между тѣмъ, послѣ Канта-то собственно и создалась вся современная наука съ ея *микроскопическими* работами надъ каждымъ *волоскомъ* фактическаго матеріала. Г. Козловъ, впрочемъ, и не разумѣетъ необходимости для философа—знакомства со всѣми фактами частныхъ наукъ; по его мнѣнію, послѣднему достаточно знать „одни выводы". А ну, какъ они невѣрны? Авторъ ссылается на „авторитетъ"; но для каждой изъ взаимно исключающихъ и противорѣчащихъ другъ другу теорій существуютъ свои, столь же сильные, авторитеты,—которому изъ нихъ вѣрить? Считать ли Дарвина или Бэра за авторитетъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи видовъ? Вѣрить ли Фолькману и Нагелю, или Іоганну Мюллеру и Герингу, при изученіи напр. бинокулярности зрительныхъ ощущеній? Вѣдь необходимо же принять, или теорію тожества (Identitätstheorie), или теорію проекціи (Projectionstheorie)? А главное, какому авторите-

ту вѣрить, при рѣшеніи самаго важнаго современнаго спора—между теоріей матеріалистической и спиритуалистической? Авторитетовъ множество и съ той и съ другой стороны! Авторитетъ, по нашему мнѣнію, несогласному съ мнѣніемъ г. Козлова [1]), понятіе совершенно субъективное. Мы вѣримъ извѣстному авторитету, потому что онъ точно, въ научной или литературной формѣ, выражаетъ нашу же собственную мысль, или фактъ, эту мысль подтверждающій. Послѣдняя могла образоваться и съ вѣтру, какъ результатъ нашихъ душевныхъ влеченій, но могла быть добыта и собственной индуктивной работой. Такъ какъ изъ двухъ путей только послѣдній можетъ считаться научнымъ, то только во второмъ случаѣ авторитетъ имѣетъ какую нибудь цѣну, но разумѣется цѣну чисто формальную: авторитетъ только вѣнчаетъ нашу собственную повѣрку вопроса,—повѣрку, недоступную для философа, желающаго обнять *всѣ* явленія міра.

Выводъ изъ всего предъидущаго ясенъ самъ собой:

Философія, какъ особая наука о мірѣ въ его цѣломъ, выходящая изъ общихъ положеній другихъ наукъ, не только не нужна, но и невозможна, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія.

Но тогда можетъ быть войдетъ въ силу мнѣніе автора „Философскихъ этюдовъ“, что „кто отрицаетъ возможность философскаго построенія понятія о мірѣ, тотъ отказывается отъ реальнаго единства познанія“ [2]). Нѣтъ, скажемъ мы, это положеніе не войдетъ въ силу; такъ было бы, еслибъ наукой исчерпывалась вся наша мыслительная работа, еслибъ внѣ науки не возможны были никакія убѣжденія, никакая познавательная дѣятельность; но вѣдь наука служитъ только частнымъ выраженіемъ послѣдней. По нашему мнѣнію, пока частныя вѣтви знанія не пришли въ естественномъ ходѣ своей эволюціи къ удовлетворительному синтезу законовъ, управляющихъ міромъ, до тѣхъ поръ каждый развитой человѣкъ непремѣнно обязанъ—самъ про себя—подвести итоги своимъ знаніямъ, отдать себѣ отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающей его сферѣ явленій, и онъ не только обязанъ стремиться къ такому *личному* синтезу, но и на дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, совершаетъ

1) стр. XVIII пред.
2) стр. 31.

его иногда безсознательно, такъ какъ чувствуетъ къ этому непреодолимую потребность [1]). Не слѣдуетъ только возводить эти субъективные итоги мышленія въ объективныя нормы науки. При ограниченности того, что человѣкъ можетъ узнать и изучить въ теченіи всей жизни, даже изъ умѣреннаго количества фактовъ, извѣстныхъ наукѣ вообще, — нѣтъ сомнѣнія, что наши общія идеи о мірѣ всегда будутъ субъективны, условны, годны для насъ однихъ, пока онѣ не разовьются въ средѣ самой науки, создаваемой десятками вѣковъ и сотнями поколѣній. Муравей не можетъ одинъ построить муравьиной кучи..... Что наши общія идеи дѣйствительно субъективны, видно изъ ежедневнаго видоизмѣненія нашихъ взглядовъ, по мѣрѣ накопленія новыхъ цифръ, долженствующихъ войти въ сложеніе; видно это и изъ примѣра лицъ, живущихъ почти въ одной обстановкѣ, въ однихъ условіяхъ познанія и дѣятельности, и носящихъ все таки индивидуальный отпечатокъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Итакъ, „философскій" синтезъ долженъ считаться дѣломъ празднымъ и ни къ чему не ведущимъ только въ томъ случаѣ, если придавать синтетической работѣ нашего ума объективную, научную цѣну; но если такъ называть только эксотерическій по отношенію къ наукѣ—умственный процессъ, то этотъ процессъ также необходимъ для каждой развитой личности, какъ необходима крыша для каждаго обитаемаго зданія, какихъ бы она ни была—цвѣта и очертаній.

Всѣ предъидущія разсужденія приводятъ насъ къ слѣдующему:

1) Анархія общества, о которой говоритъ г. Козловъ, по меньшей мѣрѣ преувеличенное, если не вовсе лишенное основанія, понятіе.

2) Но если и предположить въ современномъ обществѣ такую анархію, то всеже философія, какъ наука о „цѣломъ мірѣ", не можетъ устранить зла, ибо такая наука невозможна. Это не мѣшаетъ намъ однакоже удовлетворять вполнѣ своей потребности къ синтезу—субъективному, внѣнаучному.

Поставленная нами выше задача исполнена [2]). Но дѣло нами еще не выиграно.... Г. Козловъ находитъ недостаточнымъ опроверженіе его мысли о значеніи философіи, какъ *ряда первыхъ посылокъ*

---

1) ср. стр. 50 „Этюдовъ": „.... и радъ бы человѣкъ обойти неблагодарную повидимому работу строить понятіе о мірѣ, т. е. философствовать (?), да ничего не подѣлаешь съ неизбѣжными влеченіями".

2) см. выше стр. 3.

при дедуктивномъ построеніи принциповъ нравственности,—онъ требуетъ, чтобъ критикъ, устранивъ эти посылки „философскаго" характера, далъ другія, новыя основы для созданія *правилъ* человѣческаго поведенія [1]); при этомъ авторъ естественно можетъ выйдти изъ мысли, что если зло въ мірѣ и не возрасло, всёже оно есть, а потому его слѣдуетъ и лѣчить..... Для лѣченія должны существовать «лѣкарства»... Гдѣ же они, если философія не есть та аптека, въ которую они заключены? Если не признавать общаго міросозерцанія за основу нравственной устойчивости общества, то—по мнѣнію Г. Козлова—„одно только лицемѣріе и близорукость могутъ оспаривать всю силу положеній Гоббса: homo homini lupus, bellum omnium contra omnes [2])". Постараемся обсудить эту мысль безпристрастно и разносторонне.

Нравственные принципы для общества имѣютъ только значеніе орудій, охраняющихъ его отъ зла и гибели,—подпорокъ, не дозволяющихъ обвалиться ненадежнымъ стѣнамъ зданія. Еслибъ зло въ мірѣ было невозможно, то были бы излишни и нравственные принципы, такъ какъ это значило бы, что природа человѣка, помимо извнѣ навязанныхъ правилъ, указывала бы ему во всякомъ данномъ случаѣ только на одинъ, и притомъ лучшій, способъ дѣйствованія. Слѣдовательно, чтобъ понять, гдѣ источникъ нравственныхъ принциповъ, надо выяснить себѣ напередъ, *какое зло точитъ общество.* Общество состоитъ изъ единицъ; каждая единица можетъ дѣлать зло или *себѣ* или *другимъ единицамъ.* Зло можетъ еще въ одно и тоже время быть зломъ по отношенію къ себѣ и по отношенію къ другимъ, но этотъ видъ его распредѣляется, при анализѣ, между выше указанными двумя категоріями.

Разберемъ сначала, какія формы можетъ принимать вредъ, причиняемый человѣкомъ самому себѣ. Онъ можетъ быть вообще разсматриваемъ, какъ результатъ ненормальнаго пользованія потенціально присущими нашему организму силами (даже самоубійство подходитъ подъ это опредѣленіе, такъ какъ оно состоитъ въ злоупотребленіи данной намъ возможности содѣйствовать столько же продленію, сколько и сокращенію нашей жизни). Ненормальное пользованіе нашими силами можетъ быть двоякое: *качественное*,—если мы нарушаемъ

1) см. „Этюды", пред. стр. VII (*нашъ девизъ*).
2) Пред. стр. V.

существенныя условія какой нибудь нашей дѣятельности, и *количественное*, — если мы не соблюдаемъ въ ней должной мѣры. То и другое одинаково ведетъ къ истощенію, болѣзни [1]), или преждевременной смерти организма. Что можетъ предупредить подобныя несчастія? Съ одной стороны, вліяніе той науки, которая указываетъ человѣку на всю сумму послѣдствій, вытекающихъ изъ ненормальнаго функціонированія его органовъ; съ другой стороны, вліяніе науки, благодаря которой въ организмѣ нашемъ закладываются здоровыя привычки и здоровыя потребности. Иначе сказать,—предупредить наши грѣхи противъ самихъ себя могутъ только: 1) науки, указывающія намъ на причинныя отношенія нашихъ физическихъ и психическихъ процессовъ въ ихъ разнообразной попослѣдовательности, т. е. науки *антропологическія* въ обширномъ смыслѣ слова; 2) науки, содѣйствующія безсознательному укорененію въ насъ задатковъ инстинктивно-соразмѣрныхъ дѣйствій, т. е. науки *педагогическія* въ томъ-же общемъ значеніи [2]). Такъ какъ науки педагогическія суть таже *антропологія* въ практическомъ примѣненіи, то мы не ошибемся, если скажемъ, что разумными, по отношенію къ себѣ, можетъ сдѣлать насъ только антропологическая наука, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ ея вліяніи. Пояснимъ это на примѣрѣ: медики въ наше время единогласно приходятъ къ выводу, что причина умножающагося въ наше время числа самоубійствъ и умопомѣшательствъ лежитъ въ чрезмѣрномъ распространеніи пьянства; послѣдній фактъ зависитъ отъ большей доступности и безнаказанности этого порока, сравнительно съ прежними временами. Что можетъ положить предѣлъ этому патологическому явленію въ жизни общества? По мнѣнію вышеупомянутыхъ медиковъ,—полицейская расправа, какъ палліативъ, и *просвѣщеніе* массы, какъ радикальное средство. Просвѣщеніе массы естественно должно состоять въ распространеніи среди нея добрыхъ привычекъ—путемъ раціональныхъ воспитательныхъ пріемовъ, и разумнаго самосознанія—чрезъ обученіе народа основнымъ даннымъ біологической науки. Какъ могла бы замѣнить, въ настоящемъ случаѣ, философская система о мірѣ предписанія здравой гигіены и результаты нормальнаго воспи-

1) Болѣзнь, мы разумѣемъ, какъ физическую, такъ и психическую.

2) Г. Аландскій, возражая г. Козлову въ статьѣ „Философія и Наука" (Кіевъ, Университетскія извѣстія, январь 1877) высказываетъ сходную мысль: „прежде чѣмъ обращаться къ философіи за помощью противъ умственнаго безначалія и розни въ той области, которая отвоевана наукой, надобно исчерпать всѣ средства энергическаго и *правильнаго* воспитанія." (стр. 98).

танія,—мы рѣшительно не можемъ себѣ представить. Стало быть принципы личнаго поведенія лежатъ не такъ высоко, какъ полагаетъ Г. Козловъ.

Остановимся теперь на принципахъ общественной жизни, начавъ тоже съ патологическихъ сторонъ послѣдней. Зло, причиняемое нами другимъ людямъ, можетъ быть зломъ нравственнымъ и физическимъ. Въ сущности, ни то ни другое зло не можетъ явиться отъ человѣка, который *самъ* живетъ на здоровыхъ началахъ. Поэтому, строго говоря, вредъ личности устраняется тѣми самыми мѣрами, какими устраняется вышеуказанное расположеніе ея къ саморазрушенію. Но положимъ даже, что человѣкъ самъ умѣетъ хорошо жить, а между тѣмъ не считаетъ дурнымъ посягать на чужую личность и собственность,—такіе люди рѣдки: обыкновенно дурными ближними бываютъ люди, уже сами по себѣ испорченные. Для насъ довольно, что можно себѣ представить людей упомянутой категоріи (точно также, какъ есть возможность вообразить себѣ наоборотъ людей, вредныхъ себѣ, но безвредныхъ для общества), чтобы спросить себя, нѣтъ ли *особыхъ* мѣръ для самостоятельнаго устраненія вреда, наносимаго ими окружающимъ лицамъ. Такія особыя мѣры несомнѣнно есть: посягательство на чужую личность или собственность можетъ быть предотвращено или внушеніемъ *страха* передъ законнымъ наказаніемъ, или пробужденіемъ въ человѣкѣ *добрыхъ чувствъ* къ ближнему, или наконецъ образованіемъ въ немъ *здравыхъ идей* о человѣческихъ отношеніяхъ, о взаимныхъ обязательствахъ между членами общества.

Всѣ эти результаты очевидно могутъ быть достигнуты исключительно воспитаніемъ,—воспитаніемъ не только въ дѣтскомъ возрастѣ, но и тогда, когда уже извѣстное зло сдѣлано личностью, и она попала подъ отвѣтственность передъ людьми; иначе сказать,—воспитывать въ одномъ изъ означенныхъ направленій можно какъ дѣтей, такъ и преступниковъ. Конечно воспитаніе во всѣхъ трехъ случаяхъ изберетъ особыя точки отправленія: страхъ передъ законной карой можетъ быть внушенъ воспитателемъ только при отправленіи его изъ идеи нравственной отвѣтственности, построенной на религіозномъ принципѣ высшаго авторитета; любовь къ ближнимъ можетъ быть пробуждена только при искусственномъ уходѣ за извѣстными психическими инстинктами воспитывающагося, которые могутъ легко заглохнуть безъ надлежащей культуры, но существуютъ въ зародышѣ у всѣхъ людей. Наконецъ здравый взглядъ на соціальныя отношенія можетъ быть

развитъ только при сообщеніи человѣку извѣстныхъ соціологическихъ понятій, обставленныхъ строгими юридическими и историческими доказательствами. Послѣднее направленіе всего труднѣе выдержать, такъ какъ соціологія, не отвергаемая вполнѣ и авторомъ „Философскихъ этюдовъ" [1]), еще слишкомъ молодая, неустановившаяся наука. Но еслибъ даже воспитаніе безвредныхъ членовъ общества основывалось пока исключительно на религіозной и психологической почвѣ, то и тогда „философская система" опять-таки излишня рядомъ съ такими реальными основами, какъ напр. психологическая педагогика.. *Итакъ человѣчество можетъ совершенно обойтись безъ философскихъ системъ при устройствѣ разумнаго соціальнаго быта.*

И это тѣмъ болѣе справедливо, что до сихъ поръ въ исторіи мы не видимъ ни одного примѣра—практической приложимости философскихъ міросозерцаній къ осуществленію указанной задачи. Были, правда, философы, которые являли собой примѣръ особенно высокаго нравственнаго совершенства (Сократъ, Спиноза, Мендельсонъ....), но они были рѣдкими исключеніями, да и притомъ не такихъ одностороннихъ результатовъ желаетъ г. Козловъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ эти *міросозерцанія* проливали согрѣвающій свѣтъ не на однихъ только творцевъ своихъ, но и на озябшую, нравственно, толпу „меньшей братіи"—мысль хорошая, но не осуществимая.......

Мы кажется выполнили задачу, начертанную буквальнымъ пониманіемъ взятаго нами за девизъ положенія г. Козлова. Но мы этимъ не покончили съ критикой всей книги почтеннаго философа. Разобравъ главную мысль, составляющую содержаніе перваго этюда, окинемъ бѣглымъ взглядомъ общія положенія его втораго изслѣдованія „о методахъ философіи".

II.

Къ несчастію второй этюдъ не оконченъ авторомъ [1]). Пользуясь тѣмъ же „историческимъ путемъ", онъ доводитъ обзоръ методовъ

---

1) Стр. 65.

[1]) Авторъ не исполняетъ напр. многихъ обѣщаній, данныхъ имъ въ этомъ изслѣдованіи, стр. 103 и др.

мышленія, которые употребляли люди, „признаваемые общественнымъ сознаніемъ за философовъ“, только до Сократа. Выводы автора находятъ себѣ выраженіе въ слѣдующемъ 7-мъ тезисѣ его защиты: „въ основаніи метода, посредствомъ котораго строили философскія познанія Греки до Сократа, лежатъ преимущественно слѣдующіе логическіе пріемы: аналогія, гипотеза, дедукція изъ установленныхъ понятій“. Намъ бы не хотѣлось подробно затрогивать этого положенія, такъ какъ мы намѣрены посвятить анализу логическихъ пріемовъ особое изслѣдованіе. Но мы не можемъ отказаться отъ нѣсколькихъ второстепенныхъ вопросовъ г. Козлову, по поводу этого тезиса.

Во первыхъ, что разумѣетъ авторъ при сопоставленіи трехъ означенныхъ пріемовъ. Ставитъ ли онъ ихъ, какъ три однородныя понятія? или хочетъ отмѣтить какое нибудь подчиненіе между ними? По нашему мнѣнію, логика допускаетъ только постановку рядомъ, безъ повѣрки, нѣсколькихъ цѣлыхъ, взаимно—исключающихъ другъ друга или нѣсколькихъ частей, находящихся въ подобномъ же отношеніи,—вообще всякое перечисленіе предполагаетъ единство признаковъ, служащихъ показателями различія предметовъ. Въ логикѣ аналогія и гипотеза считаются обыкновенно *вспомогательными* индуктивными пріемами, ихъ коррелатомъ признаются *главные* индукт. методы (согласія, различія и т. д.); понятіе коррелативное дедукціи есть индукція. Очевидно, что если г. Козловъ стоялъ на обыкновенной логической точкѣ зрѣнія, то онъ долженъ былъ дать совершенно иную форму своему перечисленію..... Если же онъ имѣетъ на данный вопросъ свое собственное воззрѣніе, то ему необходимо было не только обозначить его въ тезисѣ; но и въ книгѣ своей—историческому изслѣдованію предпослать точный анализъ терминовъ, имъ употребляемыхъ; это представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, что отношеніе между собою методологическихъ понятій еще весьма темное и сбивчивое, и точно установленнымъ можно считать только различіе между индукціей и дедукціей, въ самомъ общемъ смыслѣ слова.—Послѣднее доказывается и самымъ текстомъ втораго этюда, гдѣ авторъ то обнаруживаетъ склонность причислить гипотезу къ пріемамъ индуктивнымъ [1]), то приравниваетъ ее дедукціи [2]). Но эти замѣчанія

1) ср. стр. 104.

2) Стр. 102: „Истина, по Демокриту, давалась только размышленію, а не чувственному воспріятію; послѣднее должно быть переработано путемъ *математическаго построенія, гипотезы и дедукціи*, чтобъ получить правильное понятіе о бытіи“.

только мимоходомъ... Гораздо существеннѣе—остановиться (но вторыхъ) на разборѣ значенія, придаваемаго авторомъ „дедукція“, которую онъ принимаетъ въ смыслѣ „критики понятій“ [1]).

Отъ „критики понятій“ Г. Козловъ ожидаетъ весьма важныхъ услугъ въ будущемъ развитіи философіи. „На ряду съ аналогіей и гипотезой, говоритъ онъ, имѣетъ приложеніе въ философіи дедукція, *къ которой въ наше время относятся черезъ чуръ подозрительно*. Выводъ изъ понятій или положеній проходитъ черезъ всю исторію философіи..... Если вообще въ познаніи однимъ изъ главныхъ рычаговъ прогресса служитъ критика или повѣрка понятій и сужденій посредствомъ основныхъ законовъ логики, то всего болѣе эта критика должна имѣть мѣсто въ дедукціи....; въ этомъ пріемѣ критика понятій составляетъ существенную часть цѣлой мыслительной операціи, ибо сужденія состоятъ изъ понятій“ [2]). Туже мысль онъ развиваетъ и въ другихъ мѣстахъ книги [3]). По его мнѣнію „критика понятій есть для познанія тоже, что *правильная бухгалтерія* для торговаго и промышленнаго дѣла“ [4]).

Съ послѣдней параллелью мы совершенно согласны; но потому-то мы и не согласны съ положеніемъ, что критика понятій можетъ дать какую нибудь вѣрную философскую систему. Цѣль всякой критики понятій есть установленіе точныхъ названій для предметовъ и ихъ отношеній. Такое установленіе не можетъ совершаться однимъ апріорнымъ примѣненіемъ логическихъ законовъ. Послѣднее должно регулироваться повѣркою словъ со стороны ихъ адэкватнаго конкретнаго содержанія; такая повѣрка требуетъ спеціальнаго знакомства съ матеріаломъ науки, къ области которой принадлежитъ анализируемое понятіе. Слѣдовательно критика понятій есть дѣло всѣхъ частныхъ спеціальныхъ наукъ, каковыя только и компетентны въ рѣшеніи вопроса о степени гармоніи, существующей между „именемъ“ и „именуемымъ“. Конечно философъ „по профессіи“ можетъ помогать въ этомъ дѣлѣ спеціалисту, но не какъ *философъ*, а просто какъ *знающій* данную спеціальность (conditio sine qua non) человѣкъ. Поэтому въ области научныхъ терминовъ, составляющихъ формальное содержаніе частныхъ наукъ, „философская“ критика опять

---

1) Стр. 105.
2 Стр. 105.
3) Ср. стр. 92, 108 и 109.
4) Стр. 109.

таки не имѣетъ мѣста. Другихъ же, метафизическихъ, понятій философія не должна касаться, по мнѣнію г. Козлова! Правда, послѣднюю мысль онъ принимаетъ съ ограниченіемъ: онъ полагаетъ, что такія понятія (всецѣло метафизическія, какъ скоро рѣчь идетъ о ихъ содержаніи, а не о психологическомъ ихъ происхожденіи въ умѣ человѣческомъ), какъ „истина, причина, цѣль, реальность, пространство, время, движеніе, субъектъ и объектъ всегда были и будутъ достояніемъ философіи" [1]). Но метафизическому анализу ихъ онъ, очевидно, и самъ придаетъ не очень-то высокую цѣну, какъ можно заключить изъ приводимыхъ имъ, безъ всякой оговорки, словъ Тренделенбурга о зеноновскомъ анализѣ „движенія": „доводы Зенона, по заявленію Тренделенбурга, были оставлены послѣ въ сторонѣ, какъ *излишнія преутонченности*, хотя никто рѣшительно не одолѣлъ ихъ (?)" [2]). Не будутъ ли такими излишними преутонченностями и дальнѣйшія метафизированья по поводу содержанія этихъ понятій? [3]).

Итакъ, если критика научныхъ понятій и можетъ быть сравнена съ правильной бухгалтеріей, то она должна принадлежать спеціальнымъ вѣтвямъ знанія, подобно тому, какъ и бухгалтерія есть дѣло спеціальныхъ отраслей мануфактурнаго и промышленнаго дѣла. Считать полезной апріорную критику понятій, внѣ спеціальныхъ наукъ, значило бы считать возможною и апріорную бухалтерію, которая въ видѣ особой спеціальности открыла бы свою лавочку и

1) Стр. 12.

2) Стр. 106.

3) Вотъ что́ Кантъ говоритъ по этому поводу (Критика чистаго разума, пер. Владиславлева, стр. 547): „собственно говоря, нельзя опредѣлять ни одного понятія a priori, напр. сущность, причину, право, справедливость. Ибо здѣсь нельзя быть увѣреннымъ, что наше личное ясное представленіе даннаго (еще смутнаго) понятія имѣетъ совершенную полноту, и нельзя поручиться, что оно совершенно равно своему предмету. Такъ какъ въ содержаніи этихъ понятій есть между прочимъ темныя представленія, на которыя мы не обращаемъ вниманія при анализѣ, тѣмъ не менѣе нужныя при употребленіи понятія, то подробность нашего анализа остается сомнительной и можетъ быть достигнута путемъ примѣровъ только *прэдположительно*, а не аподиктически.... Если такимъ образомъ ни опытныя понятія, ни понятія apriori не могутъ быть опредѣляемы, то остаются только совершенно произвольныя понятія, на которыхъ можно пробовать это искусство.... Опредѣленію могутъ подлежать только такія понятія, которыя заключаютъ въ себѣ произвольный синтезъ, построемый apriori; значитъ только математика имѣетъ опредѣленія".

вела бы счеты мнимымъ оборотамъ надъ мнимыми величинами. Такая *спеціальная* бухгалтерія была бы еще возможна, какъ школа, которая бы указывала схематически на способы веденія различныхъ сторонъ дѣла при настоящихъ торговыхъ оборотахъ; но ктоже отрицаетъ возможность и „логической школы", подготовляющей человѣка къ разностороннему пользованію его умственными силами въ разработкѣ индуктивнаго матеріала? Не слѣдуетъ только тѣмъ схемамъ мышленія, которыя даетъ логика, приписывать объективное, реальное содержаніе, видѣть въ нихъ объектъ для особой науки *философіи*. Величины, все таки, въ упомянутыхъ выше логикѣ и бухгалтеріи, будутъ мнимыя; *дѣйствительными* будутъ только различные пріемы операцій, совершаемыхъ надъ ними; между тѣмъ философія склонна приписывать реальность не этимъ пріемамъ, а самимъ величинамъ, считая ихъ выразителями конкретныхъ событій.... На эту-то ошибочную точку зрѣнія философіи и становится г. Козловъ въ своихъ разсужденіяхъ о пользѣ дедукціи, говоря, что „если понятія, послѣ критики, окажутся правильными, то мы, при предположеніи правильной логической дедукціи, можемъ надѣяться на выводъ изъ нихъ *истинныхъ* положеній" [1]).

III.

Очеркъ нашъ былъ бы неполнымъ, еслибъ мы ограничились только оцѣнкою общихъ выводовъ, главной завязки, разбираемаго сочиненія. Необходимо остановиться и на нѣкоторыхъ частныхъ его недостаткахъ. При этомъ мы разсмотримъ послѣдовательно вопросы: 1) о неточныхъ историческихъ выводахъ автора, 2) о невѣрности нѣкоторыхъ фактическихъ его указаній, 3) о неопредѣленностяхъ и противорѣчіяхъ въ его изложеніи. Эта часть очерка конечно небудетъ имѣть въ виду безусловной полноты, — она только коснется типическихъ формъ, въ которыхъ выразились упомянутые

1) Стр. 109.

недостатки книги такъ какъ анализъ этихъ типическихъ формъ не можетъ не быть принятъ въ разсчетъ при окончательной оцѣнкѣ сочиненія.

1) Что касается до неправильности нѣкоторыхъ историческихъ выводовъ г. Козлова, то она обнаруживается въ главномъ же изслѣдованіи—о предметѣ философіи въ разныхъ фазахъ ея историческаго развитія. Задавшись идеей—доказать, что философія всегда занималась построеніемъ понятій о мірѣ, какъ цѣломъ, авторъ „Этюдовъ" рѣшительно насилуетъ многіе историческіе факты. Мы не оспариваемъ того, что иные философы, напр. дософистическаго періода, занимались только синтезомъ общихъ представленій о мірѣ; но, начиная съ софистовъ и Сократа, предметъ философскихъ умозрѣній рѣшительно раздвоился и даже разтроился. Положимъ, умозрѣнія о Богѣ и душѣ можно еще, съ извѣстной точки зрѣнія, подвести, какъ видовое понятіе, подъ родовую идею умозрѣній о мірѣ, но вопросъ о *критеріи познанія*, затронутый впервые софистами, уже совсѣмъ не подходитъ подъ категорію вопросовъ о мірѣ... „Мы не остановимся на софистахъ, говоритъ г. Козловъ, потому что, подвергая сомнѣнію достовѣрность знанія вообще и философскаго въ частности, они, конечно, не указывали на какой либо особый предметъ философіи (?)" [1]). По нашему мнѣнію, слѣдуетъ сказать совершенно наоборотъ: что именно, разрѣшая эту задачу, софисты дали содержанію такъ называемой философіи совершенно новое направленіе,—направленіе, изъ котораго вышла впослѣдствіи та самая школа, которая отвергла возможность философіи какъ науки о мірѣ, т. е. школа, сначала ощупью и безсознательно говорившая устами Бэкона и Локка, а потомъ выразившаяся законченно и опредѣленно въ ученіяхъ Конта и Милля. Направленіе, которое въ концѣ концовъ погубило философію, какъ науку о мірѣ, не могло быть частью этой самой науки о мірѣ. Между тѣмъ совсѣмъ игнорировать, при обзорѣ предметовъ философіи, кругъ вопросовъ, поднятыхъ софистами, тоже невозможно, ибо со времени этихъ „философовъ" изслѣдованія о критеріѣ познанія составляли всегда одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ умозрѣній [2]). Какъ мы намекнули выше, и Кантъ главнымъ

---

1) Стр. 13.

2) Автора можно справедливо упрекнуть въ такомъ игнорированіи, ибо онъ совершенно не излагаетъ ученій, ни Бекона, ни Беркли, ни Локка, ср. „Этюды", стр. 73.

образомъ сосредоточился на томъ же вопросѣ; но такъ какъ Кантъ, подъ вліяніемъ традицій Вольфовской школы, не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ взгляда на философію, какъ науку о мірѣ, то и выходитъ нѣкоторое противорѣчіе между тѣми двумя опредѣленіями философіи, которыя приводитъ г. Козловъ и которыя онъ неправильно старается слить въ одно. Очевидно, говоря, что „философское познаніе есть познаніе разума на основаніи понятій", Кантъ понимаетъ философію, какъ науку объ этомъ особомъ родѣ нашей познавательной дѣятельности; говоря же, что „философская система соединяетъ въ себѣ философію природы и философію нравовъ (первая касается всего, что существуетъ, вторая того, что должно быть)", Кантъ въ первой половинѣ этого опредѣленія разумѣетъ философію, какъ науку о мірѣ. Удивляемся, какъ авторъ „Этюдовъ" не замѣтилъ этого различія [1]). Во второй половинѣ опредѣленія Кантъ намекаетъ на третій кругъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ философскихъ ученій. Этотъ кругъ вопросовъ былъ впервые затронутъ Сократомъ. Г. Козловъ справедливо замѣчаетъ, что Сократъ продолжалъ съ одной стороны изслѣдованія софистовъ о критеріѣ познанія [2]). Не отвергая той доли правды, которая заключалась въ положеніи софистовъ—о *субъективномъ элементѣ* въ нашихъ разсужденіяхъ о мірѣ, и соглашаясь съ тѣмъ, что построеніе окончательнаго понятія о мірѣ, какъ цѣломъ, должно быть, покрайней мѣрѣ на время, оставлено въ сторонѣ, Сократъ нашелъ болѣе правильнымъ сосредоточиться на вопросѣ о нравственномъ самовоспитаніи человѣка. Этотъ вопросъ ввелъ философію опять въ новую фазу развитія, и разрѣшеніе его, по мнѣнію Сократа, могло быть достигнуто совершенно независимо отъ построенія какихъ либо космологическихъ теорій, единственно осуществленіемъ извѣстнаго его психологическаго принципа: γνῶθι

---

1) Оно вытекаетъ изъ самыхъ словъ Канта: „Критика чистаго разума" перев. Владиславлева, стр. 618: „философія чистаго разума есть или *наука подготовительная* (Propädeutik), изслѣдующая способность разума ко всѣмъ чистымъ познаніямъ a priori и называющіяся *критикой*, или *система чистаго разума* (наука), т. е. философское познаніе изъ чистаго разума въ систематической связи и называющаяся *метафизикой*." (Если A=a+b, а b=m+n, то а отнюдь не есть еще m+n, какъ выходитъ у г. Козлова).

2) Стр. 13.

σεαυτόν [1]). Начало, данное Сократомъ было развито далѣе въ ученіяхъ Стоиковъ, Эпикурейцевъ и Скептиковъ въ древнее время, а затѣмъ этическіе вопросы были снова подняты христіанской философіей и въ ней нашли себѣ новую, обширную и независимую, разработку. Но авторъ не обратилъ должнаго вниманія и на эту сторону дѣла, а потому и не разобралъ ни одного философскаго ученія съ практическими задачами; отсюда является и заключеніе его, что послѣ разбора Аристотелевскихъ теорій „было бы безполезно останавливаться далѣе на каждомъ философѣ и на каждой школѣ въ историческомъ движеніи философіи (до Канта)........, потому что онѣ представляютъ очень мало самостоятельнаго (?) [2])".

Вотъ самый крупный образчикъ односторонности историческихъ выводовъ въ разбираемомъ сочиненіи.

2) Есть у автора промахи и въ фактическихъ сообщеніяхъ. Такъ напр. онъ, по смерти Ланге, не исправилъ того мѣста въ своемъ предисловіи, гдѣ выражается имъ надежда, что „вѣроятно не долго заставитъ себя ждать философская система этого ученаго [3])". Такое предположеніе, высказанное въ книгѣ, помѣченной 76 годомъ является нѣкоторымъ анахронизмомъ! Далѣе, повторяя мнѣніе В. Соловьева, онъ говоритъ о „блестящемъ успѣхѣ, который получила въ Германіи философская система Гартмана [4])". Между тѣмъ Гартманъ, какъ извѣстно, не создалъ ни въ Германіи, ни въ какой либо иной странѣ сколько нибудь стоющей вниманія школы, и сочиненіе его „die Philosophie des Unbewussten" не пользуется даже среди *нѣмецкихъ* ученыхъ слишкомъ лестной репутаціей. Если же сочиненіе Гартмана разошлось уже въ семи изданіяхъ, то это слѣдуетъ приписать не сочувствію къ нему дѣльныхъ умовъ, а только крайней парадоксальности его выводовъ,—парадоксальности, которая всегда рождаетъ любопытство въ *публикѣ*. Этого ли рода успѣхъ долженъ быть названъ блестящимъ?

---

1) Сократъ не только не выводилъ своихъ нравственныхъ принциповъ изъ понятій о Богѣ и мірѣ, но напротивъ изъ первыхъ дедуцировалъ свою идею о божествѣ какъ нравственномъ постулатѣ.

2) Стр. 16.

3) Пред. стр. X.

4) Стр. VIII пред.

Г. Козловъ говоритъ, что, по ученію Пиѳагора, сущность вещей есть „гармонія чиселъ" [1]). Показаніе это неточно: сами вещи, по Пиѳагорейскому ученію, представляютъ гармонію тѣхъ или другихъ чиселъ, сущности же вещей суть просто сами „числа", какъ видно изъ многочисленныхъ мѣстъ аристотелевской метафизики [2]), главнаго источника въ данномъ случаѣ. Конкретный предметъ, какъ совокупность извѣстныхъ качествъ, есть гармонія нѣсколькихъ чиселъ [3]), но первичныя сущности вещей суть „не приведенныя еще въ гармонію" числа. Это различіе при оцѣнкѣ Пиѳагорейскихъ теорій весьма существенно [4]). Значеніе Анаксагоровскаго „ума" тоже не вполнѣ вѣрно передано въ „Этюдахъ". При разъясненіи этого понятія авторъ [5]), въ скобкахъ, приводитъ переводъ собственнаго опредѣленія Анаксагора; но переводъ этотъ очень далекъ отъ текста, такъ какъ „καθαρώτατον καὶ λεπτότατον πάντων χρημάτων" [6]) значитъ не „чистый и тончайшій *духъ*", а „чистѣйшая и тончайшая *изъ вещей*". Это различіе очень важно, потому что слово χρῆμα, вещь, подало ученымъ поводъ предположить, что Анаксагоръ смотрѣлъ на умъ матеріалистически, т. е. именно считалъ его не *духомъ*, въ томъ значеніи слова, которое укоренилось за симъ послѣднимъ въ наше время, а только особенно тонкимъ веществомъ въ родѣ нашихъ газовъ.

Наконецъ, излагая ученіе Платона, авторъ говоритъ: „еще и до сихъ поръ ученые не пришли къ соглашенію относительно значенія *идей* у Платона: разумѣлъ ли онъ подъ ними то, что мы разумѣемъ подъ родовыми понятіями, или же совершеннѣйшіе типы, идеальные первообразы, которыхъ копіи суть вещи;—это еще вопросъ, подлежащій спору" [7]). Не въ этомъ сущность спора ученыхъ. То, что идеи суть, по Платону, первообразы, которыхъ вещи суть копіи, не мо-

---

1) Стр. 7.

2) См. I, 5, 28. διὸ καὶ ἀριθμὸν εἶναι οὐσίαν ἁπάντων (ср. VII, 2, 3 и XIV, 3, 9), далѣе εἶναι μὲν ἀριθμοὺς ἐποίησαν τὰ ὄντα, XIV, 3, 2.

3) См. XIV, 3, 2: τὰ πάθη τὰ τῶν ἀριθμῶν ἐν ἁρμονίᾳ ὑπάρχει καὶ ἐν τῷ οὐρανῷ καὶ ἐν τοῖς πολλοῖς ἄλλοις.

4) Авторъ впрочемъ самъ, въ другомъ мѣстѣ книги, выражается правильно, стр. 87 („Этюды").

5) Стр. 8.

6) Ritter u. Preller, Hist. philos. ex f. l. c. Ed. quinta, стр. 83, № 123 (ap. Simpl.).

7) Стр. 13.

жетъ подлежать сомнѣнію, въ виду такихъ выраженій Платона, какъ μέθεξις [1]), ὁμοίωσις, κοινωνία, для обозначенія отношеній между вещами и идеями; какъ εἴδωλα, ὁμοιώματα, для наименованія вещей, въ ихъ отношеніи къ идеямъ; какъ παραδείγματα, для обозначенія роли идей, которыя существуютъ αὐτὸ καθ' αὑτό, т. е. сами по себѣ, независимо отъ вещей, и т. д. [2]); рѣчь идетъ только о томъ, что́ подало Платону *поводъ* создать ученіе объ идеяхъ, наши ли родовыя понятія (такъ думаетъ Аристотель и ученые, къ нему примыкающіе), или что либо другое, какъ напр. „исключительно эстетическое воззрѣніе на міръ и его содержаніе (Шопенгауеръ)“ [3]).

3) Говоря о неопредѣленностяхъ и противорѣчіяхъ въ изложеніи г. Козлова, мы должны прежде всего спросить его: какія „особенныя силы духа человѣческаго“, о которыхъ онъ упоминаетъ въ предисловіи [4]), создаютъ философію? Утверждая, что философія строится въ сущности на тѣхъ же основахъ, объективныхъ и субъективныхъ, какъ и прочія науки [5]), авторъ самъ какъ будто отвергаетъ возможность признанія указанныхъ выше „особенныхъ силъ“.—Нѣсколько далѣе рѣчь идетъ о людяхъ, „спеціально разрабатывающихъ философію въ Германіи съ 60-хъ годовъ“. Разумѣетъ ли авторъ подъ этими людьми такихъ ученыхъ, какъ Вундтъ, Гельмгольцъ, и т. д., которые, какъ извѣстно, имѣютъ въ виду въ своихъ трудахъ только психологію или психологическую теорію познанія; или такихъ, какъ Целлеръ, Куно-Фишеръ, Штёкль, Ибервегъ, которые всецѣло посвятили себя разработкѣ исторіи философіи, или наконецъ мыслителей, въ родѣ Гартмана или Ульрици, которые въ сущности представляютъ своими ученіями послѣдніе вздохи умирающей, но еще не испустившей духа германской метафизики? Во всѣхъ трехъ случаяхъ нѣмецкая философія, *какъ наука о мірѣ*, окажется не въ блестящемъ положеніи, если срав-

1) Ср. Арист. Метаф., изложеніе ученій Платона, I, 6, 4: κατὰ μέθεξιν γὰρ εἶναι τὰ πολλὰ τῶν συνονύμων τοῖς εἴδεσι.

2) Ср. Ueberweg, Grundriss d. Gesch. d. Philos. 1 Th. 1876. (5-te Aufl.), стр. 139. и слѣд.

3) Ср. Dühring, Krit. Gesch. d. Philos. B. 1873 (2-te Aufl.), стр. 99.

4) Стр. VI.

5) Стр. 30.

нить наше время съ временемъ дѣятельности Лейбница, Канта, и даже Гегеля. Затѣмъ г. Козловъ считаетъ г. Кавелина отголоскомъ Англійской эмпирической школы [1]). Вѣроятно, авторъ „Задачъ Психологіи" самъ откажется отъ такой параллели, ибо направленіе и пріемы его скорѣе германскіе, чѣмъ англійскіе. Это доказывается и тѣмъ самымъ мѣстомъ „Задачъ психологіи", на которое указывается въ „Этюдахъ" [2]) и которое отнюдь не служитъ отголоскомъ идей Милля, Бэна или Спенсера [3]).—Мы желали бы знать далѣе, какъ согласить почтеніе г. Козлова передъ авторитетомъ съ мнѣніемъ, имъ же высказываемымъ, что „истина, какъ и всякое благо, нигдѣ не лежитъ готовою: она вырабатывается путемъ борьбы и страданій"? [4]) Наконецъ, намъ кажутся странными слова: „итакъ не время намъ еще оригинальничать и измышлять восточныя міросозерцанія" [5]). Авторъ, очевидно, намекаетъ въ послѣднихъ своихъ выраженіяхъ на одно, недавно появившееся у насъ, сочиненіе по философіи. Не входя въ разборъ того, на сколько точенъ оборотъ рѣчи, употребленный г. Козловымъ, и на сколько законны тенденціи этого новаго сочиненія, мы замѣтимъ только, что критическое и свободное отношеніе русскихъ ученыхъ къ воззрѣніямъ представителей западно-европейской науки не должно состоять непремѣнно въ измышленіи восточныхъ міровоззрѣній, и что, въ виду этого, оно не только не заслуживаетъ порицанія, но напротивъ того составляетъ весьма утѣшительное явленіе. Намъ кажется, что задача русскихъ мыслителей состоитъ не въ томъ, чтобъ рабски развивать воззрѣнія западныхъ школъ, а именно въ томъ, чтобъ, воспользовавшись опытомъ чужихъ народностей, пробить свой собственный путь и прямо начать строить науку по тому идеальному плану, который создается изъ критической оцѣнки столько же достоинствъ, сколько слабостей и односторонностей, работъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французссихъ.

Этими замѣчаніями мы прерываемъ анализъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ недостатковъ, подмѣченныхъ нами въ сочиненіи г. Коз-

---

1) Пред. стр. X.

2) Ib. стр. XI.

3) Г. Кавелина уже потому нельзя считать послѣдователелъ англ. эмпирической школы, что онъ пытается дать новое рѣшеніе вопросу о сущности души, отъ чего давно уже отказались мыслители означенной школы.

4) Пред. стр. XVIII.

5) Ib. стр. XIX.

лова, и позволимъ себѣ, въ заключеніе, подвести итоги предъидущему, т. е. соединить въ одну общую оцѣнку разрозненные результаты нашей критики.

IV.

Изъ предъидущаго не трудно вывести, что мы считаемъ руководящую идею автора именно за то „сѣмя, брошенное на безплодную почву“, о которомъ мы упомянули въ нашемъ краткомъ предисловіи.

Мы полагаемъ, что философія, какъ спеціальность, изучающая міръ въ его цѣломъ и занимающаяся синтезомъ результатовъ, добытыхъ частными вѣтвями знанія, уже *невозможна* въ будущемъ. Конечно *наука вообще* будетъ проходить въ своемъ развитіи, снова и не разъ, фазы философскаго, синтетическаго характера, но это будетъ совершаться по почину существующей совокупности частныхъ наукъ, направленныхъ только къ разрѣшенію иныхъ вопросовъ, чѣмъ какіе ихъ занимаютъ теперь. Признавая влеченіе къ философіи за „высшее по моменту влеченіе въ эволюціи человѣческой психической дѣятельности [1])“, Г. Козловъ въ сущности очень близко подходитъ къ нашему толкованію. Философія, какъ *синтезъ*, есть *неизбѣжная ступень* въ развитіи познавательной дѣятельности, потому то она и является характернымъ направленіемъ *частныхъ* изслѣдованій въ *отдѣльные* періоды времени, слѣдующіе за переполненіемъ научныхъ архивовъ всевозможнымъ, какъ драгоцѣннымъ, такъ и сорнымъ матеріаломъ анализа; но какъ явленіе, наступающее періодически, синтезъ конечно не можетъ составлять задачи особой, вѣчно пребывающей спеціальности,– отсюда и полная неудача тѣхъ философовъ, которые являлись съ своимъ синтезомъ не во́ время.... Нашъ вѣкъ есть именно такое неподходящее для синтеза время; оттого всѣ столпы такъ называемой современной философіи суть либо реалисты-психологи, либо историки..

Въ наше время, если смотрѣть на дѣло съ строго-логической точки зрѣнія, правильно пониманіе философіи, только какъ родоваго термина для нѣсколькихъ сходныхъ по предмету наукъ. Какъ таковой, онъ можетъ быть употребляемъ въ двухъ значеніяхъ: или

стр. 1) 50.

для объединенія частныхъ наукъ *психологическаго* характера (психологія, теорія познанія, педагогика, соціологія),—такой смыслъ, придаваемый указанному понятію, оправдывается историческимъ фактомъ отдѣленія означенныхъ спеціальностей *послѣ* всѣхъ прочихъ отъ „философіи", какъ общей матери наукъ; или же этотъ родовой терминъ можетъ получить еще большій объемъ, если обозначать имъ всѣ спеціальности, изслѣдующія данныя субъективной жизни, сознанія, въ противуположность объективнымъ фактамъ,—и тогда философію будутъ составлять столько же психологическія науки, какъ и науки историческія, филологическія, юридическія; философія, въ противуположность къ естествознанію, будетъ означать всѣ гуманитарныя науки. Основою такого толкованія будетъ потребность отъискать наиболѣе подходящее имя для всѣхъ научныхъ изслѣдованій, имѣющихъ предметомъ факты сознанія.. Есть еще способъ пониманія анализируемаго термина, способъ „школьный", объединяющій въ названіи „философія" кругъ наукъ полуисторическаго и полутеоретическаго характера, преподаваемыхъ въ неразрывной связи въ университетахъ. Не имѣя строгаго логическаго значенія, это употребленіе оправдывается академическими традиціями, которыя имѣютъ тоже неоспоримое право на вниманіе.

Видя въ терминѣ „философія"—въ первомъ и третьемъ случаяхъ только извѣстный *flatus vocis*, а во второмъ всетаки не болѣе, какъ *conceptus mentis*, мы естественно также мало можемъ признать возможность особой науки философіи, которая бы не была ни психологіей, ни логикой, ни исторіей философіи, какъ и возможность естественной науки αὐτὸ καθ'αὐτό, которая бы не была ни физіологіей, ни анатоміей, ни химіей, ни вообще какой либо изъ частныхъ вѣтвей природо-вѣдѣнія. Г. Козловъ держится совершенно противуположнаго убѣжденія; но можно ли изъ за этого одного отнять всякую цѣну у его труда? Конечно нѣтъ!

Послѣдовательность развитія мыслей въ „Философскихъ этюдахъ", выдержанность въ характерѣ всего сочиненія, наконецъ высоко-нравственныя стремленія, послужившія мотивомъ его появленія въ свѣтъ,—все это заставляетъ забыть мелкіе недостатки въ исполненіи главной идеи и признать серьозность разобраннаго труда. Нельзя не пожелать, чтобъ продолженіе „Этюдовъ" появилось вскорѣ и чтобъ оно вызвало въ читателяхъ столько же размышленій, какъ два разсмотрѣнные очерка. Мы только позволяемъ себѣ думать, что не въ этомъ направленіи должны работать русскіе „философы", желающіе *создать* „русскую

философію". Всякій народъ, какъ и всякая личность, долженъ стремиться начинать тамъ, гдѣ кончили его предшественники. Философскія системы отжили свое время; русскимъ философамъ по профессіи не только надо на-всегда отказаться отъ построенія подобныхъ системъ, но на время воздерживаться и отъ спеціальнаго разбора таковыхъ съ исторической точки зрѣнія. Онѣ—не наши, онѣ намъ чужды; предоставимъ ихъ анализъ соотечественникамъ ихъ создателей. Эти ученые соотечественники имѣютъ передъ нами всѣ преимущества исторіографовъ и критиковъ. Мы же, вмѣсто этого, устремимся прямо на вопросы дня, а вопросы дня въ философіи—суть спеціальные психологическіе вопросы. Спеціальныя работы надъ этими вопросами, на ряду съ переводомъ и популяризаціей лучшихъ западныхъ сочиненій той же категоріи—вотъ наша задача. Только выполненіемъ ея мы можемъ надѣяться избѣгнуть переливанія изъ пустого въ порожнее.

12 ноября 1876 г.

Николай Гротъ.

АНАЛИЗЪ
СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ
СЛАВЯНСКАГО СЛОВА,
СЪ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: **А. Ученіе о строеніи славянскихъ корней.—Б. Ученіе объ образованіи основъ:** I. *Префиксы.* II. *Инфиксы.* III. *Суффиксы:* 1) Суффиксы основъ именныхъ. 2) Суффиксы основъ глагольныхъ. 3) Основы мѣстоименій и числительныхъ.—**В. Ученіе объ образованіи словъ:** 4) Суффиксы падежей. 5) Суффиксы лицъ. 6) Объ образованіи частицъ.

Звуки представляютъ въ составѣ языка то, что атомы въ природѣ; слоги же соотвѣтствуютъ молекуламъ натуральной философіи. Подобно тому, какъ изъ атомовъ и молекулъ (по ходячей гипотезѣ) образуются химическіе элементы, изъ разнообразнаго сочетанія которыхъ естествознаніе выводитъ всѣ виды природы органической и неорганической, такъ изъ звуковъ и слоговъ образуются корни, т. е. элементы языка, изъ соединенія которыхъ развились слова, предложенія, періоды, однимъ словомъ, въ параллель макрокосму физическому, развился микрокосмъ человѣческаго языка.

Аналогію эту можно продолжить еще далѣе: какъ въ природѣ рѣдко встрѣчаются химическіе элементы въ чистомъ видѣ, а большею частію въ соединеніяхъ, болѣе или менѣе сложныхъ, такъ и корни въ составѣ языка рѣдко являются въ чистомъ, обнаженномъ

видѣ; обыкновенно же они взаимно соединяются, видоизмѣняясь при этомъ такъ, что изъ данныхъ соединеній первичные корни могутъ быть выдѣлены лишь дѣйствіемъ разныхъ научныхъ реактивовъ, путемъ разнообразныхъ этимологическихъ операцій.

Корни и ихъ соединенія могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: во 1) съ внѣшней или формальной, и во 2) съ внутренней или логической. Вслѣдствіе того этимологія, или наука о словахъ, распадается на два отдѣла:

1. **Морфологію** или **ученіе о формахъ** словъ (на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія);

2. **Симазіологію** или **ученіе о значеніяхъ** (функціяхъ) тѣхъ-же словъ.

Настоящая статья посвящена разсмотрѣнію важнѣйшихъ вопросовъ Славянской морфологіи, при чемъ всѣ вопросы симазіологическіе совершенно исключены изъ этого обзора, такъ какъ во 1) смѣшеніе этихъ двухъ частей этимологіи мы считаемъ очень вреднымъ для науки, а во 2) предполагаемъ впослѣдствіи посвятить особую статью симазіологическому отдѣлу Славянской грамматики.

Задача Славянской морфологіи, какъ науки, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить:

1. какими сочетаніями звуковъ пользуется данный языкъ, какъ значащими элементами рѣчи или корнями?

2. какія звуковыя средства употребляетъ этотъ языкъ въ ходѣ образованія изъ корней—словъ, т. е. изъ элементовъ—тѣлъ?

Особое значеніе и важность получила эта часть грамматики съ тѣхъ поръ, какъ языкознаніе, съ легкой руки В. Гумбольдта, положило морфологическіе признаки въ основу классификаціи всѣхъ языковъ міра. Извѣстно, что по этимъ признакамъ (именно по формѣ корней и способамъ образованія словъ) принимаютъ три класса или типа языковъ:

1. **языки корней** (изолирующіе, моносиллабическіе), гдѣ нѣтъ различія между корнями и словами, между именемъ, глаголомъ и частицами;

2. **языки приставокъ** (агглутинирующіе), гдѣ слово состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ корней, но соединенія довольно внѣшняго

и механическаго, при чемъ лишь вторые корни (аффиксные) теряютъ свою самостоятельность, но первый удерживаетъ ее вполнѣ;

3. **языки флексіи**, гдѣ процессъ органическаго сращенія корней въ единствѣ слова прошелъ гораздо дальше и выразился потерею самостоятельности и взаимнымъ приравниваніемъ всѣхъ элементовъ слова.

Славянскій языкъ принадлежитъ къ числу языковъ высшей формаціи, т. е. флексивныхъ. Въ немъ совершился и завершился полный процессъ образованія изъ корней словъ.

Задача Славянской морфологіи заключается въ томъ, чтобы прослѣдить этотъ процессъ, въ его началахъ, теченіи и результатахъ.

Такъ какъ развитіе словъ изъ корней совершается путемъ органическимъ, то оно идетъ безъ скачковъ, по непрерывной лѣстницѣ восхожденія отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, но такъ, что промежуточныя ступени часто сливаются для глаза наблюдателя и развитіе представляется, какъ ростъ дерева, рядомъ неуловимыхъ переходовъ, въ которыхъ лишь болѣе рѣзкія фазы развитія могутъ быть подмѣчены и указаны.

Такими фазами развитія слова являются слѣдующія шесть:

1. **корень** простой или первичный;
2. „ вторичный, третичный и т. д.;
3. **основа** или **тема** первичная;
4. „ „ „ вторичная, третичная и т. д.;
5. **слово** простое или несложное;
6. „ сложное изъ 2, 3 и болѣе отдѣльныхъ темъ или словъ.

Такъ напр. древнеславянское слово: **бѫдѫштааго** можетъ быть разложено на элементы, соотвѣтствующіе каждой изъ означенныхъ фазъ развитія слова:

1. **бу**; 2. **бѫ**; 3. **бѫд**; 4. **бѫдѫшт**; 5. **бѫдѫшта**; 6. **бѫдѫштааго**.

Ошибочно было бы утверждать, будто каждое славянское слово прошло всѣ означенныя ступени; но три изъ нихъ (1, 3, 5-ая) пройдены неизбѣжно каждымъ словомъ, хотя не всегда сохранился явственный слѣдъ всѣхъ этихъ метаморфозъ, а если и сохранился, то часто въ видѣ столь слабомъ, что трудно опредѣлить подлинную фазу развитія слова въ данной формѣ.

Соотвѣтственно тремъ главнымъ фазамъ развитія слова (1. корень; 2. основа; 3. слово), морфологія естественно распадается на 3 части:

1. ученіе о строеніи корней (первичныхъ, вторичныхъ и т. д).;
2. ученіе объ образованіи основъ (первичныхъ, вторичныхъ и т. д.);
3. ученіе объ образованіи словъ.

A. Ученіе о строеніи корней.

Къ числу самыхъ трудныхъ задачъ морфологіи принадлежитъ опредѣленіе качества и количества первичныхъ корней даннаго языка. Особенно это должно сказать о морфологіи языковъ флексивныхъ, прошедшихъ корневую фазу развитія во времена очень отдаленныя и потерпѣвшихъ значительныя измѣненія и искаженія фонетическія. Тѣмъ не менѣе наукѣ удалось уже добраться до нѣсколькихъ сотъ первичныхъ корней Арійскихъ языковъ. Дѣлаются попытки разлагать еще далѣе эти 600—800 корневыхъ созвучій, но довольно гадательныя и опасныя. Научный методъ требуетъ, чтобы въ этомъ анализѣ слова остановиться тамъ, гдѣ корень является еще живымъ и значащимъ элементомъ рѣчи, а не гипотезей или трупомъ грамматическимъ. Лучше принять какую нибудь основу за корень, чѣмъ переступить за предѣлъ первичной кристаллизаціи корня, разбивъ его пополамъ.

Какой же звуковой типъ имѣетъ корень языковъ флексивныхъ?— Не одинаковый: въ однихъ онъ является съ характеромъ готоваго слога, т. е. имѣетъ своимъ средоточіемъ гласный, прикрытый съ одной или обѣихъ сторонъ однимъ или нѣсколькими согласными; въ другихъ онъ состоитъ изъ группы согласныхъ, представляя такимъ образомъ слогъ лишь въ возможности, а не въ дѣйствительности. Этотъ главнѣйше признакъ и раздѣлилъ, какъ извѣстно, классъ языковъ флексивныхъ на два подкласса:

1. Языки Арійскіе (Индо-Европейскіе), или языки корней слоговыхъ;

2. Языки Семитскіе, или языки корней трилитерныхъ (изъ группы трехъ согласныхъ).

Предполагаютъ, что первый типъ строенія корней исконнѣе послѣдняго, такъ какъ онъ господствуетъ и въ языкахъ перваго и втораго классовъ (въ языкахъ корневыхъ и приставочныхъ), т. е. во всѣхъ почти языкахъ міра, за исключеніемъ Симитскихъ.

Славянскій языкъ, какъ одинъ изъ Арійскихъ, имѣетъ корни слоговые и притомъ односложные, такъ какъ слогъ былъ не только исходнымъ, но и конечнымъ предѣломъ въ звуковомъ развитіи Арійскаго корня. Во всѣхъ языкахъ этой семьи нѣтъ корня безъ гласнаго, но нѣтъ корня и съ двумя независимыми гласными, т. е. о двухъ слогахъ. Если по разложеніи слова окажется, что коренное его созвучіе не имѣетъ гласнаго, то это значитъ, что мы не возстановили еще его въ первоначальномъ видѣ. Такъ въ русскомъ словѣ усну, по отсѣченіи префикса: у, и суффикса: ну, останется корнемъ одинъ согласный с. Если реставрировать однако древнѣйшій видъ этого слова и прослѣдить его видоизмѣненія, то не трудно убѣдиться, что корневымъ созвучіемъ служитъ здѣсь слогъ: съп (оусъпе).

Если же, съ другой стороны, по совершеніи всѣхъ этимологическихъ операцій, остается все еще двусложный комплексъ звуковъ, то это означаетъ, что мы либо вращаемся еще въ области основъ, либо имѣемъ дѣло со словомъ иностраннымъ, котораго этимологическій разборъ можетъ быть доведенъ до конца лишь на почвѣ того языка, гдѣ оно родилось и развилось. Такъ напр. слова: атаманъ, цирульникъ, капуста, куролесить, щеголь, не разлагаются на почвѣ русскаго языка; но дѣло облегчается, если сопоставить эти слова съ иностранными ихъ прототипами: Hauptmann, χειρουργός, composita, Κύριε ἐλεῦσον (по другимъ: χοραύλης), singularis и т. п.

Въ славянскомъ языкѣ открываются слѣдующіе *типы корневыхъ звукосочетаній.*

1. *Первый типъ*: корень образуется изъ одного гласнаго звука, прираженнаго легкимъ дыханіемъ (spiritus lenis), т. е. слабымъ согласнымъ шумомъ, безъ котораго гласный въ дѣйствительности не можетъ быть выговоренъ. Въ Греческой азбукѣ этотъ шумъ имѣетъ особое надстрочное обозначеніе, которое опускается въ графикѣ Славянской. Сюда относятся корни:

а: прежде указательное мѣстоименіе, потомъ частица и т. п.
и: частица; глаголъ (и-ти) и т. п.
оу: частица (оу-же; оу); глаголъ (об-оу-ти) и т. п.

2. *Второй типъ*: гласный съ согласнымъ явнымъ: а) спереди (корни открытые), или б) сзади (закрытые):

а) **да-ти; би-ти; соу-ти; мꙑ-ти; вѣ-тръ** и т. п.

б) **аз-ъ; ин-ъ; ов-ъ; ес-мь; на-оук-а; ѧ-он-ꙗ** и т. п.

Болѣе древнимъ считаютъ первый видъ этихъ корней (открытый); нѣкоторые считали его даже единственнымъ для древнѣйшаго періода, но это трудно доказать.

3. *Третій типъ*: гласный съ двумя согласными, при чемъ возможно было троякое ихъ размѣщеніе:

а) согласный+согласный+гласный.

б) согл.+гласн.+согл.

в) гласн.+согл.+согл.

Гласный могъ слѣдовательно стоять либо въ концѣ, либо въ срединѣ, либо въ началѣ группы. Таковы корни:

а) **ста-ти, слоу-ти, крꙑ-ти; влъ-на, чрь-та** и т. п.

б) **каз-ати, год-ъ, доб-а; вез-ти, съп-ати, път-ица; мьн-ѣти, чьт-ѫ; гꙑб-нѫти; вѣр-а, цѣл-ити; мѧ-ти, дѫ-ти** и т. п.

в) **агн-ьць, алк-ати** и т. п.

Нерѣдко корни типа а) и в) переходятъ въ типъ б): **гла-гол-ъ; прапор-ъ; лак-омъ**, и т. п.

4. *Четвертый типъ*: гласный съ тремя согласными, въ слѣдующихъ комбинаціяхъ:

а) три согласные+гласный;

б) два согл.+гласн.+согласный;

в) согласн.+гласн.+два согласн.

Мы встрѣчаетъ здѣсь корни то открытые (а), то закрытые одним (б) или двумя (в) согласными.

Таковы корни:

а) **стра-на, стрѣ-ла, стрь-ти, стла-ти** и т. п.

б) **влад-ѣти, вран-а, плак-ати, прос-ити, слъз-а, млъв-ити, въс-крьснѫти, Срьб-ъ** и т. п.

в) **про-зѧб-сти, при-сѧг-а, ꙗз-ꙑкъ, кѫс-ъ, кѫт-ъ**, и т. п.

Типы а) и б) иногда взаимно мѣняются:

стла-ти: по-стел-ꙗ; ср. **власть**: Gewalt; **прас-ѧ**: porcus и т. п. Въ новославянскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются перезвуки изъ б) въ в): напр. **Срьб-ъ: Серб-ъ** и т. п.

5. *Пятый типъ*: гласный съ четырьмя согласными, въ слѣдующемъ расположеніи:

а) три согл.+гласн.+согласн.

б) два согл.+гласн.+два согласн.

Таковы корни:

а) **страд-ати, скваж-ина, сирад-ъ, силъб-ъ (и: стлъп-ъ), тврьд-ь** и т. п.

а) **празд-ьнъ, звѣзд-а, свист-ъ, прьст-ъ, прѧд-ѫ, сѫ-прѧг-ъ**, и т. п.

Перестановка часто смѣшивала оба эти типа: **стълб-ъ: стлъб-ъ**; ср. **тврьдь**: рус. твердый и т. п.

Въ новославянскихъ нарѣчіяхъ, путемъ перестановки гласнаго, развился еще третій видъ того-же типа:

в) согласн.+гласн.+три согласные: перст-ъ, перст-ень; верст-а, черст-вый и т. п.

6. *Шестой типъ*: гласный съ пятью согласными, въ двухъ комбинаціяхъ:

а) четыре согласн.+гласн.+согласн.

б) три согласн.+гласн.+два согласн.

Таковы корни:

а) **сирвьн-а**;

б) **хвраст-ъ**.

Такимъ образомъ постояннымъ и основнымъ элементомъ корня является гласный звукъ; число же согласныхъ измѣняется отъ 1 до 5, при чемъ въ составъ каждой группы входитъ не менѣе половины протяжныхъ (continuae) согласныхъ, а въ послѣднемъ, самомъ сложномъ типѣ (6), четыре согласные должны быть протяжные, и лишь одинъ мгновенный (momentanea).

Надобно предполагать, что въ древнѣйшія эпохи жизни Арійскихъ языковъ строеніе корней отличалось большею простотою и однообразіемъ, чѣмъ впослѣдствіи. Славянскіе корни съ четырьмя и даже пятью согласными, по всей вѣроятности, суть корни вторичнаго образованія, т. е. представляютъ родъ основъ, или соединеній корней съ аффиксами, но—столь древнихъ и плотныхъ, что аффиксы приросли здѣсь къ самому тѣлу корня и, потерявъ свою прежнюю формативную силу, стали показателями матеріальной сущности выражаемаго корнемъ понятія, т. е. нераздѣльною частію этихъ новыхъ корней; послѣдніе можно назвать потому корнями вторичнаго или третичнаго образованія.

Знаменитый чешскій славистъ П. І. Шафарикъ посвятилъ (въ 1846 г.) особую статью вопросу о расширеніи первичныхъ глагольныхъ корней посредствомъ согласныхъ [1]) въ Славянскомъ языкѣ.

1) Sebrané Spisy. III. 458—539.

Онъ отмѣтилъ цѣлый рядъ мнимыхъ первичныхъ корней, которые, по разложеніи, оказываются соединеніемъ дѣйствительныхъ корней съ разными побочными элементами, произошедшими изъ аффиксовъ. Такими элементами оказываются, по мнѣнію Шафарика, слѣдующіе согласные:

1. р: Рус. капля: Пол. kropla; Рус. тоска: Пол. troska; Чеш. stačiti: Пол. starczyć; Пол. bawić: Серб. боравити; Рус. ныть: изнурять и т. п.
2. л: Пол. chusta: Рус. холстъ; Рус. томить: Пол. tlumić; Рус. пять: палить и т. п.
3. н: Рус. куть, ковать: Пол. knuć, knować; Рус. рѣять: ронять и т. п.
4. в: Рус. укорять: Серб. кварити; Рус. сіять: Срб. свану ти Рус. ткать: Пол. tkwić и т. п.
5. м: доу-хъ: дѫ-ти, дъм-ѫ; бꙑ-ти, бѫдѫ и т. п.
6. п: Рус.драть: Пол. drapać; Рус. сѣять: сыпать; таять: топить; Ц. Сл. тати: Чеш. tepati, ср. топоръ; Серб. траjати: Рс. терпѣть и т. п.
7. б: длато: Рус. долбить и т. п.
8. т: чоути: Чеш. cititi; Рус. терять: тратить и т. п.
9. д: рюти: рыдати; нꙑти: нѫдити и т. п.
10. к: Рус. чаять: Пол. czekać; рюти: рѫкати; тꙑти: тоукъ и т. п.
11. г: Рус. мотать: Пол. gmatwać; Рус. драть: дергать и т. п.
12. х: Рус. баять: бахорить; чуть: чихать; дремать: дрихнуть; ѣду: ѣхать; парить: порхать; вонять: нюхать и т. п.
13. с: кора: Пол. skóra; ср. Чеш. murý: smurý; тати: тесать и т. п.

Шафарикъ привелъ въ своей статьѣ болѣе значительное число примѣровъ; мы выбрали самые рѣзкіе изъ ихъ числа, хотя и между приведенными многіе очень просто объясняются производствомъ расширенныхъ глагольныхъ темъ отъ именъ, образованныхъ различными суффиксами: напр. пять: палъ: палить; чоу-ти: чоутъ: cititi и т. п. Но нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ не могутъ быть объяснены иначе, какъ допущеніемъ гипотезы Шафарика объ образованіи вторичныхъ корней путемъ приставки согласныхъ къ первичному коренному созвучію.

Употребленный Шафарикомъ пріемъ разложенія корней вторичныхъ, посредствомъ отсѣченія позднѣйшихъ наростовъ отъ созвучія первоначальнаго, въ довольно широкой степени примѣняется современными лингвистами. Такъ напр. Шлейхеръ [1]) считаетъ возможнымъ разсѣкать даже такіе плотные и простые корни, какъ: ju-g (jungo), ma-t (мѣрить), ma-n (мьнѣти), ga-n (родиться), ka-k (kochen), gi-g (жить), считая конечные согласные позднѣйшими наростами, не существовавшими въ соотвѣтствующихъ первичныхъ корняхъ.

Въ приложеніи къ Славянскому языку далѣе всѣхъ пошелъ въ этомъ направленіи г. Микуцкій, который помѣстилъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, за послѣдніе годы, цѣлый рядъ этимологическихъ этюдовъ, сосредоточенныхъ на операціи сѣченія корней вторичныхъ и выдѣленіи изъ нихъ созвучій первичныхъ. Г. Микуцкій считаетъ возможнымъ подводить къ одному корню слова самыя разнородныя, напр. отъ корня: ка, ки, ку (sonare) производятся, по его теоріи, слова: кавка, качка, куръ, кокошъ, комонь, хомякъ, шмель, кобза; отъ корня: да, ди, ду: дѣти (говорить), дума, дика, (Серб. слава), дуда, дубасить; отъ корня: ша, ши, шу, (са, си, су): шагать, шатать, шаркать, шипѣть, шушукать; отъ корня: ва, ви, ву: Ванъ (говорящій), велѣть, вопить, выть. Цѣлый рядъ коренныхъ на видъ славянскихъ словъ авторъ разлагаетъ, отсѣкая то начальные звуки (какъ префиксы), то конечные (какъ суффиксы). Такъ напр. префиксъ я (а) открытъ имъ въ словахъ: яворъ, ящерица, ягода, jaskynia (Пол.); префиксъ ка, ко, ку въ словахъ: каверза, канура, кайма, ковылять, колебать, (за)коулокъ, кувыркать, кумиръ, Куява, чумазый; суффиксъ ста, ска, зда въ словахъ: блистать, свистъ, полоскать, плескъ, доска, звѣзда, узда и т. п. Нельзя сказать, чтобы всѣ этимологическія догадки г. Микуцкаго могли выдержать строгую критику; но нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ нихъ потвердятся дальнѣйшими изслѣдованіями.

До сихъ поръ мы говорили о качествѣ Славянскихъ корней или звуковомъ ихъ построеніи; коснемся теперь мимоходомъ вопроса объ ихъ количествѣ.

Аббатъ Іосифъ Добровскій, въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи: Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, впервые исчислилъ въ морфологическомъ распорядкѣ всѣ корни Славянскаго языка,

---

1) Compendium, 1868 г. 314 стр.

открытые его анализомъ словъ. Такихъ корней оказалось 1605, изъ коихъ 72 простѣйшаго строенія (I классъ: одинъ гласный, съ предшествующимъ ему согласнымъ или безъ него), 655 болѣе сложнаго (II кл. гласный съ двумя согласными, изъ коихъ первый можетъ быть замѣненъ начальнымъ гласнымъ) и 878 еще сложнѣйшаго построенія (III классъ: гласный съ тремя, четырьмя, пятью согласными, изъ коихъ первый можетъ иногда слиться съ начальнымъ гласнымъ). Добровскій сознается впрочемъ (Institutiones, 1852 г. 255 стр.), что нѣкоторые корни третьяго класса могли бы быть отнесены ко второму, или совсѣмъ опущены, такъ что число ихъ было-бы уменьшено. Дѣйствительно, если-бы 1605 корней Добровскаго удалось разложить на ихъ элементы, то число это навѣрное уменьшилось бы въ половину для корней первичныхъ. По методу г. Микуцкаго можно бы дойти и до одной сотни праславянскихъ корней, но мы чувствовали бы себя тогда на почвѣ очень шаткой, если не фантастической. Лучше остановиться на 600—800 корней реальныхъ (какъ это сдѣлалъ г. Миклошичъ въ своемъ сочинении: Radices linguae Slavicae), чѣмъ строить этимологію на одной или двухъ сотняхъ корней очень гадательныхъ.

Б. Ученіе объ образованіи основъ.

Языкъ корней, какимъ несомнѣнно былъ Праарійскій и какимъ донынѣ остается Китайскій, есть первый и самый несовершенный лепетъ человѣка. Форма этихъ корней была очень проста, а значеніе—неопредѣленно какъ по объему, такъ и по содержанію. Лишь при помощи указательныхъ жестовъ, мимики и разнообразной интонаціи голоса возможно было этими немногими сотнями созвучій обозначить простѣйшія понятія и выразить ихъ элементарныя логическія отношенія.

Геній большей части языковъ міра не остановился на этой первой ступени развитія словъ. Корни стали рости и развиваться, путемъ то взаимныхъ соединеній, то разныхъ образовательныхъ приставокъ: языки корневые (I-го морфологическаго класса) перешли въ приставочные (II-го класса), а эти въ свою очередь поднялись въ нѣкоторыхъ семьяхъ народовъ еще ступенью выше, ставъ языками флексивными (III-го класса).

Важнѣйшимъ, а быть можетъ и единственнымъ, способомъ развитія изъ корней основъ, а изъ послѣднихъ словъ, является въ языкахъ Арійскихъ система аффиксовъ, или расширеніе коренныхъ созвучій разными приставками, въ началѣ (префиксы), срединѣ (инфиксы), или концѣ (суффиксы) тѣхъ созвучій.

Аффиксы могутъ быть разсматриваемы съ трехъ сторонъ:

1. съ генетической, по ихъ происхожденію;

2. съ морфологической, по звуковой формѣ;

3. съ симазіологической, по внутреннему значенію.

Въ нашемъ очеркѣ могутъ найти мѣсто лишь первыя двѣ части ученія объ аффиксахъ; третья же должна быть излагаема въ ученіи о функціяхъ или симазіологическомъ отдѣлѣ грамматики.

Такъ какъ матеріалъ языка состоялъ первоначально изъ однихъ корней, то уже a priori можно утверждать, что развитіе языка совершалось разнообразнымъ скрещиваніемъ коренныхъ созвучій. Звуки отдѣльные, не захваченные процессомъ кристаллизація корней, не могли принять участія въ этимологическомъ развитіи словъ; если же они и появляются иногда въ составѣ послѣднихъ, то лишь въ видѣ эвфоническихъ вставокъ, лишенныхъ динамическаго значенія. Но такъ какъ аффиксы играютъ въ составѣ словъ роль элементовъ не механическихъ, а динамическихъ, служатъ цѣлямъ не эвфоніи, а этимологіи, то они могли образоваться не изъ отдѣльныхъ и разрозненныхъ звуковъ, а изъ значащихъ звукосочетаній, т. е. изъ самостоятельныхъ нѣкогда корней.

Языки флексивные (III кл.) отличаются въ этомъ отношеніи отъ приставочныхъ (II кл.) лишь тѣмъ, что составные элементы основъ и словъ (т. е. корни) въ языкахъ III-го класса срослись тверже и объединились полнѣе, чѣмъ въ языкахъ II-го класса.

Какіе же корни сближались при этомъ между собою и какую роль игралъ каждый изъ нихъ въ составѣ основы и слова?

Процессъ мышленія заключается въ обобщеніи частностей, въ преобразованіи матеріи представленій въ логическую форму понятій и сужденій. Представленіямъ мысли соотвѣтствуютъ корни языка; понятіямъ же—основы и слова. Какъ въ понятіи соединяется извѣстный матеріальный образъ съ логической формой, подъ которой онъ мыслится, такъ и въ словѣ кромѣ матеріальнаго корня существуетъ еще звуковой показатель извѣстной логической категоріи или—показатели категорій.

На разсвѣтѣ человѣческаго сознанія, въ представленіяхъ дѣтей, эти двѣ стороны понятій (матеріальная и формальная) не различаются особенно ясно: отвлеченное мыслится образно, между конкретнымъ и абстрактнымъ почти не замѣчается различій. Тоже и въ дѣтствѣ языка. Не было еще словъ,—были только корни; и эти корни были знаками извѣстныхъ представленій, неясныхъ, неоформенныхъ.

Уже во второй періодъ развитія мысли и языка начинается все болѣе строгое разграниченіе предметовъ природы, качествъ явленій и дѣйствій жизни съ одной стороны, а ихъ отношенія къ мысли, къ лицамъ говорящему, слушающему и третьему—съ другой. Тутъ-то выдѣляются корни знаменательные (знаки предметовъ, качествъ, дѣйствій и т. п.) и корни служебные (знаки логическихъ отношеній). Первые легли впослѣдствіи въ основу частей рѣчи глагольно-именныхъ, а вторые—мѣстоименныхъ и частичныхъ.

Такъ параллельно противоположностямъ мыслящаго и мыслимаго, субъекта и объекта, формальнаго и матеріальнаго—развился въ самыхъ зернахъ рѣчи или корняхъ дуализмъ, который отразился затѣмъ на всемъ дальнѣйшемъ построеніи языка.

Первымъ обнаруженіемъ этого сознанія или чувства противоположности корней знаменательныхъ и служебныхъ,—объективныхъ и субъективныхъ, былъ процессъ образованія изъ корней основъ и словъ. Хотя фактъ образованія нѣкоторыхъ именныхъ и глагольныхъ темъ посредствомъ удвоенія корня (*тотъ*, *прапоръ*, *глаголъ* и т. п.), причемъ первый членъ редупликаціи играетъ роль префикса (какъ увидимъ ниже), показываетъ, что геній языка могъ-бы употреблять всякаго рода корни (т. е. какъ субъективные, такъ и объективные) для цѣлей формативныхъ; однако болѣе удобнымъ оказался другой путь, по которому и пошли въ своемъ развитіи всѣ Арійскіе языки: въ показатели отношеній или въ аффиксы словъ избраны изъ всего запаса корней лишь немногіе, именно самые отвлеченные, мѣстоименные корни. Ихъ соединеніе съ корнями объективными (глагольно-именными) составляетъ руководящее начало словообразованія въ языкахъ Арійскихъ.

Такимъ образомъ каждая Арійская основа и каждое слово представляетъ соединеніе по меньшей мѣрѣ двухъ корней, изъ коихъ одинъ долженъ быть мѣстоименнаго происхожденія.

Конечно, этотъ основный законъ Арійской морфологіи допускаетъ нѣкоторыя уклоненія; но число ихъ очень незначительно въ сравненіи съ массою образованій нормальнаго типа.

Во многихъ случаяхъ наука не успѣла еще дойти до первыхъ элементовъ слова, вслѣдствіе чего и происхожденіе многихъ аффиксовъ не разъяснено окончательно; однако аналогія заставляетъ предполагать прономинальное происхожденіе тѣхъ изъ нихъ, гдѣ нѣтъ явныхъ примѣтъ противнаго.

Наконецъ должно замѣтить, что даже тѣ аффиксы, которые несомнѣнно произошли изъ корней объективныхъ (напр. суффиксы: греч. ειδης, лат. fex, нѣм. heit, и т. п.), въ этой роли совершенно теряютъ прежнее свое значеніе, сокращаются въ звукахъ, обобщаются въ смыслѣ и такимъ образомъ нерѣдко совершенно примыкаютъ, какъ формой, такъ и значеніемъ, къ аффиксамъ прономинальнаго происхожденія.

Добытый приведенными соображеніями результатъ о происхожденіи аффиксовъ изъ самостоятельныхъ нѣкогда корней мѣстоименнаго значенія подтверждается фактами исторической грамматики всѣхъ Арійскихъ языковъ.

I. *Префиксы* Арійскихъ основъ и словъ, сохранившись цѣльнѣе суффиксовъ, возбуждаютъ мало сомнѣній относительно своего происхожденія.

Изъ всѣхъ обычныхъ Арійскихъ префиксовъ лишь одинъ авгментъ (Греч. ε, Санскр. a) могъ-бы показаться несамостоятельнымъ словомъ. Однако и онъ удовлетворительно объясняется изъ мѣстоименнаго корня a, являвшагося также въ видѣ предлога или нарѣчія [1]). Что касается всѣхъ остальныхъ префиксовъ, то мѣстоименные ихъ корни не подлежатъ сомнѣнію. Шлейхеръ [2]) утверждаетъ даже, что большая часть префиксованныхъ глаголовъ представляетъ результатъ очень поздняго и слабаго сопоставленія (Zusammenrückung) двухъ самостоятельныхъ словъ (а не основъ или корней), изъ коихъ первое бываетъ обыкновенно окаменѣлостью извѣстной падежной формы, напр. въ abs-tineo, гдѣ abs есть застарѣлый родит. падежъ. Слабое сцѣпленіе предложныхъ префиксовъ съ глаголами явствуетъ изъ того, что въ Греческомъ авгментъ нерѣдко вставляется въ средину такихъ соединеній: ἐξ-ε-πεσον.

Въ Славянщинѣ нѣтъ авгмента, но глаголы съ предложными префиксами представляютъ явленіе очень обычное. Самостоятельное

1) Schleicher, Compendium, 752 стр.
2) ibid. 348.

происхожденіе такихъ префиксовъ, какъ: въ, вы, възъ, до, за, изъ, на, надъ, объ, отъ, по, подъ, при, про, прѣ, разъ, съ, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ большая ихъ часть и теперь употребляются нерѣдко въ роли самостоятельныхъ словъ (предлоговъ); субъективное же значеніе лежащихъ въ основѣ этихъ префиксовъ корней доказывается какъ традиціоннымъ ихъ значеніемъ, такъ и звуковымъ сближеніемъ со многими обычными мѣстоименными корнями.

Гораздо труднѣе опредѣлить происхожденіе тѣхъ префиксовъ, которые, какъ выше показано, открываются въ составѣ нѣкоторыхъ простыхъ, на первый взглядъ, именныхъ темъ, напр. я-щерица, ко-нура, чу-мазый; но аналогія другихъ фактовъ языка заставляетъ насъ предположить и здѣсь древніе прономинальные корни.

Изъ среды префиксовъ въ особую группу выдѣляются тѣ изъ нихъ, которые образовались путемъ *редупликаціи* корня. Это явленіе особенно часто встрѣчается въ языкахъ первобытныхъ, въ рѣчи дѣтей и дикарей, а также въ говорахъ народныхъ. Это самый легкій способъ усилить смыслъ корня, расширить его въ отношеніи пространственномъ либо временномъ, или наконецъ остановить на немъ особое вниманіе слушателя. Всего чаще встрѣчается редупликація въ образованіи основъ изъ корней звукоподражательныхъ:

кукушка, кукурику, перепелка, зегзица, чечетъ; бълбълъ, хохотъ, глаголъ, клаколъ (колоколъ), дудка; люлюкать, гагати (Чеш. о гусяхъ), жужжать, сосать.

Тоже явленіе повторяется при звукоподражательныхъ корняхъ другихъ Арійскихъ языковъ:

Лат. turtur, upupa, tintinnabulum, susurrus; ululare, murmurare;
Греч. λαίλαψ, ὀλολύζω, ἀλαλάζω;
Нѣм. klingklang, wirrwar.

Есть однако не мало случаевъ удвоенія корней, не имѣющихъ звукоподражательнаго характера:

мама, папа, няня; ляля (Пол. кукла); пепелъ, прапоръ, хохолъ, титька, папоротникъ.

Эти образованія параллельны слѣдующимъ иностраннымъ: Лат. me(r)mor, pi(r)per, bibo, sisto; Франц. joujou, bonbon; πίπτω, δίδωμι, γι(ν)γνώσκω, ἀραρίσκω и т. п.

Еще далѣе отъ звукоподражательныхъ—корни мѣстоименные; однако и тутъ встрѣчаемъ факты удвоенія: тотъ, сесь, какъ; ср. Лат. sese, memet.

Но особенно часто употреблялось удвоеніе, какъ морфологическій пріемъ, при образованіи темъ прошедшаго времени, въ языкахъ: Санскр., Зенд., Греч., Лат. и Готскомъ, при чемъ первый членъ редупликаціи сильно сокращался, по требованіямъ эвфоніи: momordi, spopondi, tetigi, pupugi; γέγραφα, δέδορκα, πέπομφα и т. п.

Славянскому языку чуждъ былъ этотъ пріемъ образованія прошедшаго; но есть доказательство, что не противорѣчитъ духу и Славянскаго языка обозначеніе посредствомъ редупликаціи явленій или дѣйствій, передвигаемыхъ какъ бы въ даль прошедшаго или будущаго времени, напр. пра-дѣдъ: пра-пра-дѣдъ; пра-внукъ: пра-пра-внукъ.

Главное отличіе префиксовъ, образованныхъ удвоеніемъ корня, отъ обычныхъ, заключается въ томъ, что мы встрѣчаемъ въ основаніи первыхъ корни главнымъ образомъ объективные (знаменательные), тогда какъ въ основѣ вторыхъ лежатъ, какъ мы видѣли, корни субъективные; сходство же тѣхъ и другихъ заключается не только въ мѣсторасположеніи обоихъ элементовъ темы (первый—формативный, второй же—матеріальный), но и въ значеніи или функціи каждаго изъ нихъ. Первый слогъ удвоеннаго корня является чистымъ аффиксомъ по своему значенію, такъ какъ онъ даетъ основному слогу лишь извѣстное логическое опредѣленіе (пространственное, временное, интензивное и т. п.), не измѣняя матеріальной стороны его значенія. Вотъ почему на редупликацію необходимо смотрѣть, какъ на одинъ изъ видовъ образованія основъ посредствомъ префиксовъ.

II. Гораздо рѣже префиксовъ употребляются и труднѣе объясняются *инфиксы* Арійскихъ основъ. Самый распространенный ихъ видъ представляетъ ринезація нѣкоторыхъ глагольныхъ корней въ темахъ настоящаго времени: **сѣс-ти: садѫ; леш-ти (лег-ти): лаг-ѫ; об-рѣс-ти: об-рашт-ѫ; бꙑ-ти: бѫ-д-ѫ.**

Еще чаще встрѣчается это явленіе въ морфологіи языковъ классическихъ: μα-ν-θ-άνω, λα-μ-β-άνω; ju-n-g-o, ru-m-p-o.

Въ Санскритѣ въ соотвѣтствующихъ формахъ нерѣдко встрѣчается слогъ: на, напр. ju-na-k-ti (jungit) [1]) и т. п. Быть можетъ этотъ слогъ и соотвѣтствуетъ древнѣйшей формѣ Арійскаго инфикса, мѣстоименнаго значенія (ср. онъ, насъ и т. п.).

---

1) Schleicher, Compend. 766.

Есть въ Славянскомъ языкѣ одинъ случай полнаго инфикса на (но) въ именной темѣ: мъ-но-г-ъ. При сравненіи съ Лат. mag-nu-s оказывается, что здѣсь—корень mag, расширенный аффиксомъ na. Послѣдній является инфиксомъ, кромѣ Славянскаго, и въ Готскомъ: ma-na-ga (нѣм. ma-n-ch). Въ виду одиночности примѣра (ср. впрочемъ Греч. βένθ-ος: βάθ-ος: τύμπ-ανον: τύπ-τω) можно предположить здѣсь и позднѣйшую перестановку суффикса внутрь корня. Шлейхеръ [1]) склоненъ такъ-же объяснять и всѣ вышеприведенныя явленія ринезаціи корней въ темахъ наст. времени, основываясь при этомъ какъ на несогласіи типа инфиксовъ съ господствующимъ морфологическимъ принципомъ Арійскихъ языковъ (корень+суффиксъ), такъ и на нѣкоторыхъ примѣрахъ, гдѣ инфиксамъ однихъ языковъ соотвѣтствуютъ суффиксы другихъ, напр. Санскритск. ḱi-ná-d-mi: Греч. σκίδ-νη-μι. Нельзя однако считать это предположеніе доказаннымъ, такъ какъ въ послѣдняго рода примѣрахъ, даже будь ихъ много, столько же основаній считать переставленнымъ инфиксъ, какъ и суффиксъ; что же касается абсолютнаго несогласія формы инфиксовъ съ обычнымъ типомъ Арійскихъ темъ, то это еще вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ и въ обратномъ смыслѣ, если напр. форма инфиксовъ окажется, что очень вѣроятно, въ явленіяхъ динамическаго движенія кореннаго гласнаго, къ которымъ теперь переходимъ.

Въ Славянскомъ, какъ и въ другихъ Арійскихъ языкахъ, существуетъ цѣлый рядъ параллельныхъ формъ, различныхъ между собою единственно вокальнымъ элементомъ корня. Сравнивая между собою различные гласные этихъ параллельныхъ корней и основъ, мы замѣчаемъ между ними постоянное и правильное соотвѣтствіе, при чемъ наблюдается иногда различіе корней закрытыхъ и открытыхъ. Мѣняются вообще между собою слѣдующіе элементы:

1) ь: е, а; е: о; о: а;

2) ь: и; и: ѣ, ой, ай; ѣ: а;

3) ъ: ꙑ, оу; ꙑ: оу; ꙑ: ъв, ав; оу: ов, ав; ю: ьв,ев; ꙑ, оу: ва;

4) ѧ: ѫ.

1) Compend. 765.

Примѣры:

1. ь: е, а: **рьци: рекѫ; жьгѫ: ожегъ; мрькнѫти: миракъ; врьтѣти: вратити;**

 е: о: **нести: вꙑносъ; везти: возъ; вести: воѥвода; тешти: токъ, патока; велѣти: волꙗ; решти: пророкъ; грести: гробъ;**

 о: а: **точѫ: истачаѭ; клонити: покланꙗтисѧ;**

2. ь: и: **пьстръ: писати; мьнѣти: поминати; цвьсти: процвитати; дьрати: дира** (или **дърати: дꙑра**?);

 и: ѣ: **липнѫти: лѣпъ; висѣти: вѣсъ; обидѣти: бѣда; вити: вѣньць;**

 и: ой, ай (въ основахъ открытыхъ): **бити: бой; вити: повой; лити: лой; пити: поити, напаꙗти; почити: покоити, оупокаꙗти;**

 ѣ: а: **ѣсти: ꙗдъ; сѣсти: садъ; рѣзати: образъ, разити; лѣзти: лазити; влѣшти: облакъ;**

3. ъ: ꙑ, оу: **сълати: посꙑлати; осъпа: сꙑпати; мъшица: моуха; бъдѣти: боудити; зъвати: назꙑвати; ръдѣти: рꙑждь, роуда; бъчела: бꙑкъ, боучати; замъкнѫти: мꙑкати;**

 ꙑ: оу: **тꙑти: тоукъ; дꙑшати: доушити; привꙑкнѫти: приоучати;**

 ꙑ: ъв, ав: (въ основахъ открытыхъ): **рꙑти: ръвъ; тꙑти: отава; забꙑти: забъвенъ, забава;**

 оу: ов, ав (въ основахъ открытыхъ): **слоути: слово, слава; плоути: пловьць, плавь; коути: ковъ, ковачь; троути: отровъ, отрава, трава;** ср. **сноути: основа; крꙑти: кровъ;**

 ю: ьв, ев (idem): **рюти: ревѫ; плюнѫти: пльвати;**

 ꙑ, оу: ва (въ основахъ закрытыхъ): **кꙑснѫти: квасъ; хꙑтити: хватъ; хоулити: хвала?** ср. **Хър-съ: Свар-огъ?**

4. ѧ: ѫ: **вѧзати: ѫзꙑ; мѧти: мѫка; пѧти: пѫто; штѧдѣти: скѫдьнъ; трѧсти: трѫсъ; тѧгнѫти: тѫга.**

Сравнительная фонетика Арійскихъ языковъ учитъ, что въ основѣ перваго (1) ряда параллельныхъ паръ лежитъ праарійскій звукъ **а**, въ основѣ втораго (2) **і**, а третьяго **у**; но такъ какъ въ Славянскомъ языкѣ не только чувство, но и память о древней роли названныхъ трехъ празвуковъ давно простыла, то нѣтъ основанія распространяться объ нихъ въ морфологіи нашего языка. Важнѣе разсмотрѣть характеръ существующихъ въ Славянскомъ языкѣ и чувствуемыхъ понынѣ перегласовокъ, какъ одного изъ морфологическихъ средствъ языка.

Сравнивая вышеприведенныя пары формъ, мы замѣчаемъ, что второй членъ всюду представляется усиленіемъ или расши-

реніемъ перваго, какъ по звукамъ, такъ и по значенію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это усиленіе гласнаго звука корня представляется совершенно нагляднымъ и неоспоримымъ, въ замѣнѣ напр. гласныхъ глухихъ чистыми (ь: е; ь: и; ъ: ꙑ, оу), или простыхъ—дифтонгами (и: ѣ, ой, ай; ъ: ꙑ, оу, ов, ав, ва). Никто не станетъ оспаривать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ динамическимъ усиленіемъ гласнаго. Труднѣе доказать тоже самое по отношенію къ равносильнымъ на видъ парамъ звуковъ: е: о; о: а; ѣ: а; ѧ: ѫ; однако аналогія перваго рода перегласовокъ заставляютъ насъ предположить, что и здѣсь вторые члены паръ представляютъ звукъ болѣе сильный въ сравненіи съ первыми. Въ этомъ насъ поддерживаетъ и болѣе интенсивный смыслъ вторыхъ формъ, въ сравненіи съ первыми, заключающійся въ измѣненіи напр. глаголовъ непереходныхъ въ переходные (бъдѣти: боудити; висѣти: вѣшати; кыснѫти: квасити; привыкнѫти: приоучати; сѣсти: садити), или длительныхъ въ учащательные (плоути: плавати; вести: водити; лѣзти: лазити), а также въ образованіи изъ глагольныхъ корней именныхъ темъ, при чемъ происходитъ сосредоточеніе зыбкаго дѣйствія или состоянія глагольнаго въ болѣе опредѣленное и энергическое именное (напр. вести: воевода; решти: пророкъ; съпрѧшти: сѫпрѫгъ; трѧсти: трѫсъ).

Такимъ образомъ морфологическое значеніе паръ: е: о; о: а; ѣ: а; ѧ: ѫ ничуть не разнится отъ паръ: ь: е; и: ѣ,—т. е. гласные твердые о, ѫ являются, для субъективнаго чувства славянскаго языка, сильнѣе гласныхъ мягкихъ или небныхъ е, ѧ; срединная же гласная а оказывается сильнѣе не только древняго дифтонга о (а+у), но и новаго ѣ (а+і). Быть можетъ такая сила этого звука въ данныхъ случаяхъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ здѣсь долгимъ (т. е. соединеніемъ а+а). Что же касается причины перевѣса дифтонга оу надъ ꙑ, то она можетъ заключаться въ томъ, что одинъ изъ элементовъ послѣдняго есть небный (ꙑ: ъ+і), тогда какъ въ первомъ оба составные гласные были твердые (оу: а+у).

Какъ бы то ни было, изъ приведенныхъ соображеній слѣдуетъ, что образованіе многихъ основъ (особенно именныхъ) совершается въ Славянскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ Арійскихъ, посредствомъ динамическаго движенія или усиленія кореннаго гласнаго.

Въ какомъ же отношеніи находится этотъ способъ образованія основъ къ господствующему въ Арійскихъ языкахъ морфологическому пріему аффиксаціи корней?

Сравнивая многія изъ вышеприведенныхъ параллельныхъ формъ

между собою, мы замѣчаемъ во вторыхъ членахъ паръ родъ вставочнаго а. Всего нагляднѣе это видно въ звукосочетаніяхъ: ой, ай вм. и; ов, ав, ва вм. ꙑ; оу. Формы напр. пои-ти, на-пагати, благословити, прославляти, квасъ, при сопоставленіи съ корнями: пи, слоу, кꙑс, обличаютъ присутствіе въ себѣ вставочнаго а: пи: на-п-а-и-ати; слоу (χλύ-ω): сл-а-в-ити; коус: кв-а-с-ъ, или его замѣнителя о: п-о-и-ти, сл-о-в-и-ти.

Тотъ же элементъ а можно открыть и въ формахъ: лѣп-ъ, боуд-ити, при сравненіи съ корнями: лип, бъд, такъ какъ изъ Славянской фонетики извѣстно, что ѣ и оу были встарь дифтонгами, состоявшими изъ соединенія гласныхъ звуковъ: а+і; а+у. Ничего нѣтъ несобразнаго и въ томъ предположеніи, что въ общемъ замѣнителѣ звуковъ о и ѣ: а скрывалось двойное (долгое) а, при чемъ одно а представляло вставочный въ корень слогъ.

Если же допустить подобную вокальную вставку по отношенію ко всѣмъ исчисленнымъ темамъ, то нельзя считать изъятіемъ изъ общаго правила тѣ немногія основы, гдѣ нѣтъ столь явныхъ слѣдовъ вставочнаго а, напр. при усиленіяхъ: ь: е (а+і?); ь: и; е: о; ѧ: ѫ.

Предположеніе о вставочномъ а въ темахъ, образованныхъ усиленіемъ кореннаго гласнаго, потверждается еще тѣмъ явленіемъ, которое въ Санскритской грамматикѣ извѣстно подъ названіемъ: гуна и вридди. Оно состояло въ усиленіи исконныхъ гласныхъ а, і, у приставкою элемента а, одиночнаго или двойнаго, и играло въ Санскритѣ роль, аналогичную изложенному динамическому движенію гласныхъ въ Славянскомъ языкѣ.

Итакъ образованіе темъ посредствомъ усиленія кореннаго гласнаго есть родъ инфикса, аналогичнаго ринезаціи того же кореннаго гласнаго. Что же касается первоначальнаго значенія вставочнаго гласнаго а, то всего естественнѣе видѣть въ немъ тотъ указательный мѣстоименный корень, который появляется въ Санскр. и Греческомъ глаголахъ, въ видѣ префикса, называемаго авгментомъ (а, е).

III. Впрочемъ, если даже признать усиленіе гласныхъ за инфиксы и допустить такимъ образомъ этотъ способъ образованія основъ въ Арійскихъ языкахъ, а слѣд. и въ Славянскомъ, то все таки господствующимъ морфологическимъ принципомъ этихъ языковъ необходимо будемъ считать развитіе корней не префиксами или инфиксами, а—*суффиксами*. Это видно уже изъ того, что, хотя въ Арій-

скихъ языкахъ существуетъ много основъ, образованныхъ посредствомъ префиксовъ и инфиксовъ, однако существуетъ много и такихъ, которыя не имѣютъ ни того, ни другаго; между тѣмъ образованіе изъ темъ словъ совершается спеціально и исключительно посредствомъ суффиксовъ, такъ что не существуетъ въ этихъ языкахъ ни одного слова безъ явнаго или скрытаго суффикса.

Число элементовъ, которые фигурируютъ въ роли суффиксовъ, очень велико. Миклошичъ, посвятившій ученію объ образованіи основъ цѣлый (II-й) томъ своей „Сравнительной грамматики Славянскихъ языковъ [1])", насчиталъ въ нихъ до 185 суффиксовъ, которыми образованы именныя основы. Если-бы прибавить къ этому суффиксы темъ глагольныхъ, а также суффиксы словъ (т. е. показатели падежей, чиселъ, лицъ), то число этихъ элементовъ превысило-бы двѣ сотни. Конечно, въ этомъ числѣ находится множество повтореній однихъ и тѣхъ же элементовъ, въ разнообразныхъ взаимныхъ соединеніяхъ; если-бы выдѣлить изъ этой массы одни первичные и основные элементы, то ихъ число едва-ли превзошло-бы четыре—пять дюжинъ.

Грамматическій анализъ Боппа и его учениковъ доказалъ, что въ суффиксахъ скрываются самостоятельные первоначальо корни, субъективнаго значенія. Такъ напр. личныя окончанія глаголовъ (**юс-мь, ю(с)-си, юс-ть**) почти совершенно совпадаютъ съ корнями личныхъ (**мѧ, ты**: σύ) и указательнаго (**тъ**) мѣстоименій. Суффиксы наклоненій, напр. conjuct. a, optat. ja, i, infin. re(se), ti, находятся въ сродствѣ съ субъективными корнями: a, ja, sa, ta; суффиксы залоговъ (Лат. r=se; Слав. **сѧ**) совпадаютъ съ корнемъ возвратнаго мѣстоименія; суффиксы временъ произошли то отъ субъективнаго глагольнаго корня: **юс** (as-mi; ср. Аор. Греч. σα, Сл. **съ, хъ**; Futur. Греч. σω, Лат. ero, Слав. **шѫ**), то отъ отвлеченныхъ же корней: **бы** (bhu, fu: Лат. bam, bo), **дѣ** (dhâ, θη: Греч. Аор. Стрд.) и т. под.

Тоже въ именныхъ образованіяхъ. Какъ ни загадочно еще происхожденіе многихъ падежныхъ напр. формъ, однако связь ихъ съ мѣстоименными корнями (sa, ta, ma, na и др.) не оспаривается

---

1) Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Zweiter Band. Stammbildungslehre. Wien. 1875. XXI стр.

даже такими осторожными лингвистами, какъ Яковъ Гриммъ [1]). Въ суффиксахъ же темъ, между которыми преобладаютъ элементы: т, к, н, м, в, й и др. нельзя не открыть сродства съ тѣми субъективными корнями, которые появляются въ мѣстоименіяхъ: то, къто, нашь, мой, овъ, иже и т. п.

Такимъ образомъ, подобно префиксамъ, Арійскіе суффиксы произошли отъ самостоятельныхъ нѣкогда корней, субъективнаго значенія. Если же и встрѣчается нѣсколько суффиксовъ, производныхъ отъ корней объективныхъ, каковы напр. Греч. ειδης, εργος, φορος; Лат. fex, spex, dicus, ficus; Нѣм. heit (haidus: образъ бытія), schaft (schaffen), thum (dôm: судъ, господство), bar (φέρω); Слав. лишь (ср. нѣм. lich, gleich); то во 1. эти слоги въ роли суффиксовъ совершенно потеряли свой первоначальный объективный смыслъ, а 2. слова съ этими суффиксами представляютъ соединеніе двухъ не корней, а темъ, т. е. являются не простыми, а сложными словами.

Выше замѣчено, что при общемъ единствѣ происхожденія всѣхъ трехъ видовъ аффиксовъ (пре—, ин—и суффиксовъ) есть однако довольно существенное между ними различіе по той роли, какую играютъ префиксы и инфиксы съ одной стороны, а суффиксы съ другой въ процессѣ образованія слова. Первые образуютъ изъ корней основы, а вторые (суффиксы) и основы, и слова. Слѣдов. роль суффиксовъ въ морфологіи языка обширнѣе и разнообразнѣе роли префиксовъ и инфиксовъ. Оттого они заслуживаютъ и болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

По двоякой роли, какую играютъ суффиксы, они распадаются на два отдѣла: 1) на суффиксы основъ и 2) суффиксы словъ. Разсмотрѣніе первыхъ, подобно префиксамъ и инфиксамъ, относится ко второй части морфологіи (ученію объ основахъ); послѣдніе же (суффиксы словъ) должны быть выдѣлены въ особый отдѣлъ: ученіе объ образованіи словъ.

Но для того, чтобы выдѣлить тѣ отъ другихъ, необходимо усло-

---

1) Deut. Gram. 1870 г. стр. 753.

виться въ томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ *основою* (темою), а что подъ *словомъ?*

При тѣсной органической связи всѣхъ фазъ развитія слова, трудно бываетъ съ математическою точностію опредѣлить моментъ, гдѣ корень становится основой, а та—словомъ. Въ смыслѣ морфологическомъ основа тѣмъ отличается отъ корня, что кромѣ послѣдняго она заключаетъ въ себѣ еще аффиксъ, т. е. формативный элементъ, произошедшій изъ особаго (субъективнаго) корня; итакъ, если нормальный размѣръ корня составляетъ одинъ слогъ, то основа должна состоять по меньшей мѣрѣ изъ двухъ слоговъ. Слово же непремѣнно имѣетъ въ своемъ составѣ кромѣ корня еще суффиксъ. Но по этому признаку иногда было-бы трудно отличить основу отъ слова, если напр. первая тоже образована посредствомъ суффикса,—явленіе, очень обычное въ морфологіи; слѣдов. необходимо искать еще другаго признака для различенія основы отъ слова. Всего проще принять за такой признакъ мѣру развитія или степень реальности, достигнутую основою съ одной стороны, а словомъ съ другой. Существуетъ извѣстная аналогія въ отношеніяхъ корня къ основѣ, а послѣдней къ слову. Корень есть потенціальное зерно основы, какъ основа—слова. Основа есть нѣчто отвлеченное, неготовое, становящееся, утробное; слово же есть уже живой членъ живой рѣчи.

Аффиксъ основы можетъ стоять и въ срединѣ корня; но аффиксъ слова лишь въ концѣ его. Если въ образованіе извѣстной формы входитъ нѣсколько суффиксовъ, то всѣ они относятся къ основѣ, кромѣ послѣдняго. Таковы являются въ именахъ суффиксы падежей и чиселъ, а въ глаголахъ—лицъ и чиселъ. Всѣ остальные суффиксы, какъ напр. суффиксы степеней сравненія въ именахъ, суффиксы видовъ, залоговъ, наклоненій и временъ въ глаголахъ, относятся къ образованію не словъ, а темъ, почему и могутъ быть названы тематическими, въ противоположность первымъ—лексическимъ. Суффиксы лексическіе называются иногда флексіями, хотя столь узкое пониманіе термина флексія не вполнѣ согласно съ его значеніемъ въ приложеніи къ цѣлому классу (III) языковъ, по морфологической классификаціи В. Гумбольдта и его послѣдователей.

Болѣе подробное объясненіе различія основъ и словъ по ихъ внутреннему значенію относится къ симазіологическому отдѣлу грамматики. Для нашей цѣли достаточно пока установить различіе

суффиксовъ тематическихъ и лексическихъ, и оправдать отнесеніе тѣхъ и другихъ къ различнымъ (2-му и 3-му) отдѣламъ морфологіи.

Второй важный вопросъ симазіологіи, который необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи суффиксовъ, заключается въ различеніи частей рѣчи склоняемыхъ и спрягаемыхъ, или именъ (въ обширномъ смыслѣ) и глаголовъ. Это различеніе не исконно въ языкѣ. Былъ періодъ, когда не было ни именъ, ни глаголовъ, или когда они не дифференцировались еще. Это было въ доисторическую пору жизни языковъ нашей семьи—въ эпоху корней. Китайскій языкъ и теперь не различаетъ въ словахъ категорій имени и глагола. Однако и въ этомъ эмбріологическомъ состояніи Праарійскаго языка лежали уже, безъ сомнѣнія, основанія для раздѣленія словъ на эти два отдѣла, такъ какъ иначе они не развились бы и впослѣдствіи. Что касается психическихъ основаній, легшихъ въ основу этой дифференцировки формъ языка, то онѣ представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Предметы природы и силы жизни дѣйствовали и дѣйствуютъ на человѣческое сознаніе двоякимъ образомъ: либо своими качествами, являющимися въ пространствѣ, либо дѣйствіями, совершающимися во времени. Трудно сказать, какою стороною природа и жизнь раньше и сильнѣе дѣйствовали на человѣческую душу: формами ли и свойствами своихъ тѣлъ, или энергіей своихъ силъ,—отношеніями ли тѣлъ въ пространствѣ, или измѣненіями явленій во времени? Вслѣдствіе того вопросъ о первенствѣ имени или глагола является неразрѣшимымъ. Несомнѣнно только, что дуализмъ матеріи и силы, пространства и времени, долженъ былъ такъ или иначе отразиться на содержаніи и формахъ языка, что и выразилось въ различеніи именъ и глаголовъ, формъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ. Конечно, на физико-психической почвѣ человѣческаго языка этотъ дуализмъ не могъ развиться до контрастовъ столь непримиримыхъ, какъ въ метафизикѣ. Между именемъ и глаголомъ прошелъ цѣлый рядъ соединительныхъ звѣньевъ: такими являются инфинитивы и причастія, соединяющія въ себѣ измѣненія по категоріямъ пространственнымъ (падежи) съ временными; затѣмъ общая именамъ и глаголамъ категорія чиселъ, и наконецъ цѣлый рядъ общихъ суффиксовъ (лъ, мъ, нъ, тъ и т. п.) тоже представляютъ родъ моста между двумя полярностями въ области словъ.

Однако, при всѣхъ этихъ взаимодѣйствіяхъ и сближеніяхъ двухъ грамматическихъ категорій, все таки рѣзкая черта отдѣляетъ, какъ

по значенію, такъ и по формѣ, имена отъ глаголовъ. Однимъ именамъ свойственно обозначеніе пространственныхъ отношеній суффиксами падежей; въ однихъ глаголахъ встрѣчаемъ выраженіе личныхъ отношеній дѣйствія или явленія, посредствомъ суффиксовъ лицъ.

Итакъ, формы падежей и лицъ: вотъ существенные принадлежности именъ и глаголовъ, склоненій и спряженій. Но кромѣ этого основнаго различія развился еще цѣлый рядъ другихъ, уже болѣе спеціальныхъ особенностей, ихъ отличающихъ. Такъ имена развили категорію степеней сравненія, родъ количественнаго измѣренія качествъ и свойствъ; другія отмѣтили особыми суффиксами величину или малость предметовъ, а также способъ нашего—презрительнаго или ласкательнаго—къ нимъ отношенія. Глаголы, въ свою очередь, развили категорію отношеній временныхъ, модальныхъ, видовыхъ и т. п. Средствами для выраженія этихъ различныхъ отношеній служатъ преимущественно суффиксы—какъ тематическіе, такъ и лексическіе.

На основаніи приведенныхъ соображеній ученіе о строеніи Славянскихъ суффиксовъ считаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ изложить въ слѣдующихъ рубрикахъ:

1. суффиксы основъ { а) *именныхъ*; б) *глагольныхъ*;

2. суффиксы словъ { а) *склоняемыхъ*; б) *спрягаемыхъ*.

I. *О суффиксахъ именныхъ основъ.* [1])

Такъ какъ суффиксы происходятъ изъ самостоятельныхъ корней, то нормальный размѣръ каждаго долженъ равняться одному слогу. Какъ же смотрѣть на многочисленные примѣры суффиксовъ о двухъ

1) Главнымъ пособіемъ при изложеніи этого отдѣла служилъ цитованный выше трудъ проф. Миклошича: Stammbildungslehre.

и болѣе слогахъ, таковы напр. Славянскіе суффиксы: **атель**, **ьство** и т. п. Очевидно, это должны быть комбинаціи нѣсколькихъ суффиксовъ, изъ которыхъ одинъ приставленъ непосредственно къ корню, а остальные—къ готовой уже темѣ. Перваго рода суффиксы прилично назвать первичными; а другіе—вторичными. Въ зависимости отъ того и основы распадаются на два отдѣла: первичныя и вторичныя.

Не всѣ комбинаціи суффиксовъ даннаго языка имѣютъ одинаковую сплоченность; но въ каждомъ языкѣ есть извѣстное число сочетаній очень частыхъ, привычныхъ, сросшихся такъ крѣпко, что чутью этого языка они представляются какъ-бы нераздѣльными. Такіе составные изъ нѣсколькихъ суффиксы будемъ называть, въ необходимыхъ случаяхъ, слитными, остальные же—сложными.

Суффиксы именныхъ основъ въ Славянскомъ языкѣ, по древнимъ его нормамъ, могутъ быть распредѣлены въ восемь слѣдующихъ группъ:

1. Суффиксы съ гласными;
2. „ „ іотомъ и **в**;
3. „ „ плавными: **м**, **н**, **л**, **р**;
4. „ „ зубными: **т**, **д**;
5. „ „ гортанными: **к**, **г**, **х**;
6. „ „ свистящими: **ц**, **з**, **с**;
7. „ „ шипящими: **ч**, **ж**, **ш**;
8. „ „ губными: **п**, **б**.

Между группами 1 и 2 существуетъ довольно близкое сродство, по легкости переходовъ гласныхъ і, у въ согласные й, в; столь же тѣсное отношеніе существуетъ между группами 5, 6, 7, такъ какъ свистящіе и шипящіе развились, большею частію, изъ гортанныхъ.

Суффиксы съ гласными.

На нихъ нужно смотрѣть, какъ на родъ разложенія древнихъ слоговыхъ суффиксовъ, предполагающихъ при гласномъ непремѣнно и элементъ согласный, хотя-бы то въ видѣ легкаго придыханія.

Довольно важную роль играютъ эти суффиксы въ образованіи темъ глагольныхъ (напр. тему съ характеромъ: а, ѣ, и, уа=ова); но и въ именахъ мы встрѣчаемъ ихъ нерѣдко въ чистомъ видѣ.

Такъ какъ въ Праарійскомъ языкѣ предполагается существованіе лишь трехъ гласныхъ празвуковъ: а, у, і, то и всѣ вокальные

суффиксы должны быть возводимы къ одному изъ этихъ звуковъ. Въ Славянскомъ языкѣ (по древнимъ нормамъ) находимъ, въ видѣ замѣнъ названныхъ гласныхъ, слѣдующіе вокальные суффиксы:

1. а: ъ, о, а;
2. у: ъ, ꙑ;
3. і: ь.

Такимъ образомъ суффиксъ а дифференцировался на три (ъ, о, а), при чемъ руководящимъ началомъ служила категорія рода (ъ: муж.; о: средн.; а: женск.); суффиксъ же у распался на два вида (ъ, ꙑ), тоже не безъ вліянія категоріи рода (ъ: муж.; ꙑ: жен.).

Самую обширную роль занялъ суффиксъ ъ. Онъ является главнымъ замѣнителемъ многочисленныхъ древнихъ основъ на а и большей части основъ на у. Въ первой роли онъ примыкаетъ къ суффиксу а и почти не отличенъ отъ суф. о; во второй же—сближается съ суф. ꙑ. Гораздо ограниченнѣе роль втораго краткогласнаго элемента ь, такъ какъ основъ съ суф. і всюду было очень немного.

Принимая этотъ видъ суффиксовъ (ъ, а, о; ъ, ꙑ; ь), мы избираемъ точкою отправленія при разсмотрѣніи именныхъ основъ форму именит. падежа. Можно бы, говоря теоретически, отправляться и отъ всякой другой падежной формы, такъ какъ всюду скрывается подъ нею одна и таже основа; но въ отношеніи практическомъ удобнѣе выдѣлять славянскія именныя основы съ вокальными позвуками изъ формъ именит. падежа, гдѣ онѣ являются почти въ чистомъ видѣ, по обычномъ отпаденіи падежнаго суффикса с (sa). Что же касается темъ съ позвуками согласными (ен, ес, ер, ент и т. п.), то необходимо имѣть въ виду при ихъ возстановленіи и формы падежей косвенныхъ.

Съ другой стороны, при разсмотрѣніи именныхъ основъ съ вокальными суффиксами, нельзя терять изъ виду ихъ отношенія къ первоначальнымъ кореннымъ гласнымъ. Во множествѣ случаевъ мы замѣчаемъ въ нихъ усиленіе послѣднихъ, по разсмотрѣннымъ выше законамъ славянскаго подъема звуковъ. Если смотрѣть на этотъ подъемъ, какъ на родъ инфикса, то придется признать усиленные подъемомъ кореннаго гласнаго основы за первичныя. Вокальные суффиксы являются сдѣсь не первымъ, а вторымъ формативнымъ элементовъ, образуя такимъ образомъ родъ вторичныхъ, хотя очень древнихъ и прочныхъ основъ. Имѣя однако въ виду распространенность основъ съ инфиксомъ а (или съ усиленіемъ гласнаго элемента) и установ-

вившіяся привычки, мы будемъ условно называть ихъ корнями, а основы съ вокальными суффиксами—первичными.

Третье обстоятельство, которое имѣетъ значеніе при разсмотрѣніи вокальныхъ суффиксовъ, заключается въ томъ: къ какому корню (или древнѣйшей основѣ) они приставляются—открытому или закрытому? Явленія, происходящія въ первомъ случаѣ, сложнѣе тѣхъ, какія встрѣчаются во второмъ.

1. *Суффиксы*: ъ (а), а, о. Они могутъ приставляться къ корнямъ (праосновамъ) либо а) открытымъ, либо б) закрытымъ.

Если корень открытъ, то по приставкѣ къ нему вокальнаго суффикса происходитъ зіяніе (hiatus), которое должно быть устранено тѣмъ, или другимъ способомъ. Это совершается либо обращеніемъ въ согласный послѣдняго гласнаго въ корнѣ, либо вставкою эвфоническаго согласнаго. Перваго рода явленіе мы замѣчаемъ въ большинствѣ случаевъ, гдѣ корень имѣетъ позвучное и, оу, усиленное инфиксомъ а:

и: бити: бои-ъ, бой-ъ, бой; гни-ти: гнои-ъ, гной-ъ, гной;
оу: плоу-ти: плау-ъ, плав-ъ; троу-ти: трау-а, трав-а.

Отсутствіе ъ въ формахъ: бой, покой, гной не должно возбуждать въ насъ сомнѣній касательно суффикса этихъ формъ. Косвенные падежи показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою основы, образованныя суффиксомъ а (ъ). Форма бойъ не встрѣчается въ памятникахъ Древнеславянскаго языка; однако она не заключаетъ въ себѣ ничего несообразнаго съ его фонетикой, такъ какъ й (іотъ) есть звукъ согласный, слѣд. не только могъ, но и долженъ былъ имѣть послѣ себя гласный пазвукъ, подобно всѣмъ остальнымъ согласнымъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр. в, въ вышеприведенныхъ случаяхъ) ничуть не отличны по силѣ своего согласнаго характера отъ іота. Причина опущенія этого ъ послѣ й могла быть двоякая: 1. ложный взглядъ не только Славянскихъ, но и другихъ древнихъ, а отчасти и новыхъ писателей на звукъ й (j), который, по своей близости къ гласному и (i), самъ казался гласнымъ, не будучи такимъ въ сущности; 2. общая слабость вокальныхъ пазвуковъ ъ, ь въ Древнеславянскомъ уже языкѣ, обнаруживающаяся въ частомъ ихъ опущеніи на письмѣ, особенно въ предложныхъ префиксахъ. Впослѣдствіи ъ, ь поотпадали въ пазвукахъ и при всѣхъ другихъ

согласныхъ; но это не даетъ права предполагать, будто и въ древнѣйшій періодъ Славянскаго языка они не имѣли самостоятельнаго звуковаго значенія. Тоже заключеніе позволительно сдѣлать о позвукѣ ъ и послѣ іота. Что же касается перехода кореннаго гласнаго и въ согласный й, и у въ в, то это принадлежитъ къ явленіямъ очень обычнымъ въ Славянской фонетикѣ: иду: найду; понимаю: поймаю: ср. повелит. пей, бей, лей (при суфф. и: коли, вели, носи); заоутра: завтра и т. п.

Другой способъ устраненія зіянія заключается во вставкѣ эвфоническихъ согласныхъ: й, в. Это происходитъ обыкновенно при позвучномъ элементѣ а, изрѣдка же и при позвучныхъ: и (ѣ), оу (ꙑ):

а) **ба**: Рус. красно-бай; **ста: стай** (mansio); **ставъ**;
б) **ли: приливъ**; **пи: пиво**; **дѣ: чародѣй**; Рус. душегрѣя; припѣвъ;
в) **чоу: почоувъ** (sensus); **клювъ**; **строуга**; **рѫкомꙑꙗ, гробoрꙑꙗ**; ср. **кꙑй**, вой (**вꙑй**).

Въ послѣднихъ случаяхъ не всегда есть возможность отличить й, в эвфоническіе отъ этимологическихъ, а слѣд. суффиксъ ъ (а, о) отъ суффиксовъ ja, va, съ которыми мы встрѣтимся ниже. Единственною точкою опоры могло-бы служить при этомъ отличное значеніе темъ первыхъ отъ вторыхъ. Но при слабой разработкѣ симазіологіи Славянскихъ суффиксовъ и эта опора оказывается довольно шаткою. Въ сомнительныхъ случаяхъ гораздо надежнѣе считать элементы й, в этимологическими, чѣмъ эвфоническими, такъ какъ первые встрѣчаются гораздо чаще послѣднихъ. При томъ же въ наукѣ такъ часто злоупотребляли терминомъ „эвфонія", что ко всѣмъ ея явленіямъ нужно относиться съ большимъ скептицизмомъ.

На переходѣ отъ корней открытыхъ къ закрытымъ нужно поставить тѣ, гдѣ послѣднимъ элементомъ является одинъ изъ плавныхъ: л, р. Миклошичъ принимаетъ эти л, р за гласные; но памятники Древнеславянскаго языка показываютъ, что вокальный элементъ корней съ плавными заключался не въ послѣднихъ, а въ звукахъ ъ, ь, которые неизбѣжно появляются въ этихъ группахъ: **влъкъ**, **съмрьть**. Несомнѣнно однако, что и плавные заключали въ себѣ столько самостоятельной силы, что роль гласныхъ (ъ, ь) могла доходить при нихъ до минимальныхъ размѣровъ. Это открывается изъ того, что гласные при группахъ, закрытыхъ плавными, являются элементомъ чрезвычайно летучимъ и измѣнчивымъ. Они являются то съ одной, то съ другой стороны плавнаго: **вал-ъ, влъ-на, вла-га**; **глаголъ**; Чеш. pla-pol-áti (пылать); **прапоръ**. Перегласовка кореннаго гласнаго при плав-

ныхъ (какъ въ открытыхъ, такъ и въ закрытыхъ слогахъ) гораздо свободнѣе обычныхъ нормъ движенія гласныхъ звуковъ въ Славянскомъ. Мѣняются между собой не только звуки: ь, ъ, а, ѣ, но и звуки: а: ꙑ; и: ꙑ.

Напр. а) сльза (рус. слеза): слъза (Серб. суза, Пол. łza); мрък-нѫ: мракъ; облакъ: облѣкати;

б) палити: пꙑлъ; дира (изъ: дьрати?) и дꙑра (дърати?).

Но всѣ эти измѣненія гласнаго въ корнѣ нисколько не касаются суффикса, который сохраняетъ свой нормальный видъ: ъ, а, о: пе(л)пелъ; раздоръ; дꙑра; тьло. Послѣднее замѣчаніе относится ко всѣмъ другимъ закрытымъ корнямъ. Вокальные суффиксы ложатся непосредственно на конечные согласные, при чемъ различія встрѣчаются лишь въ способахъ измѣненія кореннаго гласнаго, при динамическомъ его движеніи.

Такъ напр. гласный а остается при этомъ безъ измѣненія: закладъ, западъ; страда; влада.

Гласный е то остается, то усиливается въ о:

а) Рус. отекъ, ожегъ; опека; щепа;

б) отокъ, отрокъ, стонъ; патока, тропа.

Нерѣдко корень и неизвѣстенъ въ первомъ, а лишь во второмъ видѣ: окопъ, потопъ, богъ, слонъ и т. п.

Гласный и (ь) либо остается, либо переходитъ въ ѣ:

а) мигъ; тьма;

б) лѣпъ, вѣсъ, бѣда.

Гласный ъ (ꙑ) то остается, то подымается въ оу, ва:

а) замъкъ, посълъ; пъта, осъпа; сꙑръ, стꙑдъ, лꙑко;

б) сѫгоубъ, наоука;

в) квасъ, хватъ.

Гласный ѣ то остается, то переходитъ въ а:

а) обѣдъ, сѫсѣдъ, пасѣка;

б) садъ, образъ.

Гласный ѧ либо остается, либо переходить въ ѫ:

а) плѧсъ; присѧга; мѧсо;

б) сѫпрѫгъ, ѫзъ; тѫга, мѫка.

Нерѣдко извѣстенъ лишь второй видъ (съ: ѫ) корня, а не первый (съ: ѧ): дѫбъ, кѫсъ, паѫкъ; дѫга, гѫба.

Этимъ исчерпывается число возможныхъ метаморфозъ Славянскихъ корней, при образованіи изъ нихъ основъ суффиксомъ а (ъ, а, о). Но этотъ суффиксъ можетъ присоединяться, какъ характеръ темы,

не только къ корнямъ, или къ основамъ столь архаичнымъ, какъ образованныя подъемомъ, но и къ темамъ вторичнымъ, а даже и къ готовымъ словамъ, которыя въ этомъ случаѣ обратно метаморфозуются въ родъ темъ, новѣйшаго третичнаго образованія.

Всего чаще образованы суффиксомъ **а** (**ъ**, **а**, **о**) вторичныя именныя основы изъ темъ *глагольныхъ*, которые въ свою очередь развились изъ корней посредствомъ глагольныхъ суффиксовъ: **и**, **ѣ**, **а**, **у**. Такъ напр. отъ корня **слоу**, съ подъемомъ: **слав**, произошла глагольная тема съ суффиксомъ **и**: **слави-ти**. Эта глагольная тема можетъ лечь въ основу дальнѣйшимъ образованіямъ, между прочимъ чрезъ посредство суффикса **а** (**ъ**, **а**, **о**). Такимъ образомъ изъ первичной глагольной темы: **слави** можемъ получить вторичную именную: **слави-ъ**. Произошедшее отъ этого соединенія зіяніе устраняется вставочнымъ **й**: **слави-й-ъ**; по отпущеніи же конечнаго краткогласнаго получаемъ форму **славий**. Аналогичнымъ образомъ изъ первичныхъ темъ: **вари(ти)**, **сѧди(ти)** получимъ вторичныя: **поварий** (coquus), **сѧдиꙗ**.

Мы видимъ, что между гласными первой темы (**и**) и второй (**а**) появляется тутъ эвфоническій согласный **й**. Этотъ послѣдній элементъ, согласно фонетическимъ нормамъ Славянскаго языка, можетъ воздѣйствовать на предшествующіе ему позвучные согласные глагольной темы, претворяя ихъ, и даже сливаясь съ ними въ одинъ дифтонгъ, путемъ ассимиляціи. Такъ отъ темы: **гради(ти)** суффиксомъ а образована форма: **гради-ъ=гради-й-ъ=граждь** (stabulum); изъ **води(ти)**: **вождь**; **въпи(ти)**: **въпль**; **нѫди(ти)**: **нѫжда**; **граби(ти)**: **граблꙗ**; **кропи(ти)**: **кроплꙗ**; **коупи(ти)**: **коуплꙗ**, и Русскія формы: пригожъ, неучъ, простокваша, сажа, порча, ловля и т. п.

Впрочемъ нерѣдко зіяніе устранялось въ подобныхъ случаяхъ не вставкой іота, а наоборотъ опущеніемъ глагольнаго суффикса **и**; такъ изъ темъ: **оудари(ти)**, **дѣли(ти)** и пр. образовались именныя основы: **оударъ**, **прѣдѣлъ**, **оукоръ**, **въпросъ**; **побѣда**, **прѣграда**, **разлѫка**; Русскія: удавъ, озно6ъ, поваръ; ѣзда, смута, потѣха.

Послѣдній видъ вторичныхъ темъ, съ суффиксомъ **а** (**ъ**, **а**, **о**) не всегда легко отличить отъ первичныхъ именныхъ темъ съ тѣмъ же суффиксомъ. Единственною опорою можетъ служить смыслъ этихъ формъ, показывающій, что онѣ прошли чрезъ глагольную среду, ставъ по значенію: nomen agentis, actio, actum.

При глагольныхъ темахъ на **ѣ** и **оу** вторичный суффиксъ **ъ** (**а**) встрѣчается гораздо рѣже. Миклошичъ приводитъ для первыхъ Сло-

винскую форму: bogatéj (homo dives). Изъ глагольной же темы на оу произошли вторичныя темы: поцѣлоуй; Малорус. будова (aedificium) и н. др. Наконецъ изъ темъ на а образовались вторичныя основы: величай (Ц.-Сл. superbia); Рус. коровай, нагоняй, растегай, попрошай; разгулъ, ласка и н. др.

Еще болѣе новую формацію представляютъ именныя темы, образованныя суффиксомъ а (ъ, а, о) изъ готовыхъ *именныхъ* же темъ, преимущественно сложныхъ, въ родѣ слѣдующихъ: богъ: небогъ, оубогъ; носъ: крънос (крънонос, ῥινότμητος); чадо: братоучадъ; рѫка: бѣлорѫкъ; чьсть: зълочьстъ.

Къ этого же рода новобразованіямъ принадлежатъ формы: Марко, Михайло; Кирила, карла и т. под.

2. Выше сказано, что суффиксъ ъ соотвѣтствуетъ не только суффиксу а, но и суффиксу у другихъ языковъ. Давно уже впрочемъ Славянскій языкъ забылъ это двоякое этимологическое происхожденіе суффикса ъ. Оттого темы на у почти не отличаются въ склоненіи отъ темъ на а. Лишь въ немногихъ словахъ и формахъ сохранился слѣдъ губнаго ъ(у), напр. въ формахъ: дат. ед. на ови, имен. мн. ове, род. мн. овъ; въ окончаніи оу въ род., зват. и предл. ед., темъ-а.

Что касается словъ съ тематическимъ ъ=у, то самыми обычными и вѣроятными образованіями этого типа были слѣдующія: домъ, медъ, полъ (latus), кратъ, садъ (planta); волъ, врьхъ, даръ, миръ, чинъ, станъ, сынъ, вънъ (foras) бръзъ и н. др.

Впослѣдствіи темы у и а совершенно перепутались. Первая распространилась насчетъ другихъ въ род. ед. (оу) и род. мн. (овъ); но вытѣснена изо всѣхъ другихъ формъ.

3. Въ родствѣ съ суффиксомъ ъ=у былъ тотъ Древнеславянскій суффиксъ, который выражался въ именит. падежѣ дифтонгомъ ꙑ (ъ+и), а въ падежахъ косвенныхъ—слогомъ ъв: любꙑ,—ъве; боукꙑ, црькꙑ, тꙑкꙑ, смокꙑ, неплодꙑ, ꙗтрꙑ, свекрꙑ; Хорут. kri (кръвь).

Уже въ Древнеслав. языкѣ согласный элементъ этого суффикса нерѣдко проникалъ и въ именит. падежъ, прикрываясь вторичнымъ гласнымъ суфф. ь или а: бръвь, кръвь; любовь; ср. лихва; котва.

Въ нарѣчіяхъ Новославянскихъ суффиксы ъв и овь, ва почти совершенно смѣшались: такъ напр. въ Русскомъ, вм. црькꙑ, тꙑкꙑ и т. п. мы постоянно встрѣчаемъ формы: церковь, тыква; свекровь, буква и т. п. Это явленіе можно объяснить дѣйствіемъ аналогіи болѣе частыхъ

темъ а и і на темы у (ꙑ), подобно тому, какъ это выразилось и въ совпаденіи основъ съ двумя разнородными ъ-ами (ъ=а; ъ=у).

4. Третій первичный гласный, играющій, на-ряду съ а, у, самостоятельную роль въ образованіи именныхъ темъ есть—и (і). Въ темахъ именит. падежа онъ является обыкновенно въ сокращеніи—ь. Не всѣ однако темы, имѣющія въ нашемъ письмѣ ь въ имен. пад., образованы суффиксомъ і, а лишь тѣ изъ нихъ, которыя сохраняли, отчасти же и теперь сохраняютъ это і во всѣхъ изгибахъ слова по склоненіямъ. Такъ напр. слово кость имѣетъ форму: кости въ 4 падежахъ ед. ч., 3 множ. и 3 дв. ч., т. е. въ большей половинѣ падежныхъ формъ. Въ остальныхъ формахъ вм. і появляются то ь, то е, естественные и обычные замѣнители перваго. Совершенно другой характеръ имѣетъ ь въ словахъ напр. мѫжь, конь. Оно подлежитъ тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и суф. ъ: мѫжа, коня,—оу,—ю и т. д. Изъ этого видно, что въ темахъ послѣдняго рода скрывается суффиксъ не и (і), а йъ (ja), съ которымъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіи.

Теперь же займемся суффиксомъ ь=и (і). Подобно суффиксу а, онъ можетъ образовать темы первичныя и вторичныя, муж. и жен. рода. Къ числу первичныхъ темъ муж. рода относятся слѣдующія: боль (homo aegrotus), навь (mortuus), звѣрь, рꙑсь, медвѣдь, чрьвь, пѫть, гладь (fames) и н. др.

Но болѣе сродства имѣлъ этотъ суффиксъ къ женскому роду, въ который перешли даже нѣкоторыя изъ мужескихъ темъ, напр. пѫть, рꙑсь. Тѣ же темы, которыя не измѣнили своего рода, сбились потомъ на аналогію основъ а (ja), напр. Русск. медвѣдя, звѣря. Образцами женскихъ первичныхъ основъ съ суффиксомъ ь=і могутъ служить слѣдующія: грязь, снѣдь, лъжь, мочь, рѣзь, ось, сꙑть, зобь, похоть и т. п.

Какъ суффиксъ вторичный, является ь въ формахъ: чадо: чадь; дитѧ: дѣть; долъ: ждоль; лѣнъ: лѣнь; тврьдъ: тврьдь; Рус. пробѣль, просѣдь и т. п.

Разсмотрѣвъ суффиксы вокальные, перехожу къ согласнымъ. И въ нихъ мы встрѣтимъ конечно одинъ изъ обычныхъ Славянскихъ гласныхъ, такъ какъ безъ гласнаго не существовало ни одного настоящаго суффикса; но главнымъ носителемъ функціи и характеристикой этихъ суффиксовъ являются вторые—согласные элементы.

Суффиксы съ небнымъ придыхательнымъ й (іотъ).

Мы встрѣчались уже съ й въ суффиксахъ вокальныхъ; но тамъ онъ былъ (предположительно) эвфоническаго происхожденія и не на немъ опиралась этимологическая сила суффикса.

Самый обычный видъ суффиксовъ съ іотомъ есть слогъ: **ĭъ** (ja) для муж. рода, **ĭо** (ю) для средняго и **ĭа** (ꙗ) для женскаго. Приставляясь къ замкнутымъ корнямъ или темамъ, этотъ слогъ большею частію подвергается нѣкоторому видоизмѣненію: согласный его элементъ (іотъ) сближается съ предшествующимъ согласнымъ, воздѣйствуя на него ассимилирующимъ образомъ; гласный же звукъ ъ (о), подъ вліяніемъ предшествующихъ небныхъ элементовъ, самъ переходитъ въ небную среду (ъ=ь; о=е). Исключеніе составляетъ женскій родъ, гдѣ гласный а (вѣроятно долгій) упорно сохраняется, вслѣдствіе болѣе срединнаго своего положенія, а потому и устойчивости какъ въ твердыхъ, такъ и въ мягкихъ слогахъ.

Суффиксъ йъ, обратившись въ **ĭь**, сближается съ суффиксомъ ь (i); однако между ними существуетъ важное различіе, состоящее какъ въ видоизмѣненіяхъ по падежамъ (1) им. ь (i), род. и; 2) имен. ь (**ĭъ**), Род. ꙗ и т. д.), такъ и въ характерѣ позвучныхъ согласныхъ корня, мало измѣняемыхъ при суффиксѣ ь (i), но совершенно преобразуемыхъ при суффиксѣ **ĭъ** (ja). Это преобразованіе происходитъ по общимъ законамъ ассимиляціи сосѣднихъ согласныхъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

л, р+йъ=ль, рь: **хмѣль, срьдоболь** (cognatus); **сѫпрь** (adversarius); **вепрь**;

б, п, в, м+**ĭъ**=б, п, в, м+ль: **добль. доупль** (cavus), **древль**;

д, т+**ĭъ**=ждь, шть: **ръіждь, вѣждь, дъждь; брошть** (purpura), **плашть, блюшть**;

г, к+**ĭъ**=жь, чь (ць): **лъжь** (mendax), **лоучь, кличь; ниць** (pronus);

з, с+**ĭъ**=жь, шь: **гмъіжь** (insectum); **ѫжь** (funiculus); **пѣшь**;

ск, ст+**ĭъ**=шть: **плишть** (**плеск-ĭъ**: tumultus), **хрѫшть, пръішть**.

Тѣже звуковые переходы происходятъ при образованіи суффиксами **ĭо** и **ĭа** именныхъ темъ средняго и женскаго рода. Вся разница состоитъ въ томъ, что гласный о самъ смягчается при этомъ въ небный е; звукъ же а остается безъ измѣненій. Такъ напр.

л, р+**ĭо**, **ĭа**=лю, рю (и: ре); лꙗ; рꙗ: **полю, морю** (и: **море**); **срьдоболꙗ, тьлꙗ, постелꙗ, пьрꙗ, зорꙗ**;

б, п, в, м+**ĭо**, **ĭа**=б, п, в, м+лю, лꙗ: **каплꙗ, землꙗ, греблꙗ**;

д, т+йо, йа=жде, ште; жда, шта: вѣште, плѣште (humerus); **ръжда, стоужда, одежда, невѣжда, пишта;**
г, к+йо, йа=же, че; жа, ча: ложе, лъжа, вельможа, сѣча, тѫча;
з, с(х)+йо, йа=же, ше; жа, ша: ѫже (catena), **соуша, доуша.**

Кромѣ темъ первичныхъ, суффиксъ **йъ** (ja) появляется нерѣдко и въ образованіи вторичныхъ основъ. При этомъ съ позвучнымъ согласнымъ первичной темы происходятъ тѣ же измѣненія, какія сей часъ были указаны. Такъ образованы изъ: **без оума: безоумль; штоудъ: штоуждь; сласть: слашть** (jucundus); **вѣсть: вѣшть** (peritus).

Всего чаще употребляется этотъ суффиксъ, какъ вторичный, при образованіи прилагательныхъ притяжательныхъ: **орьлъ: орьль; овьнъ: овьнь; мати: матерь; Царь-градъ; Ярославль, Авраамль, медвѣждь, ослѧшть, кънѧжь, пътичь, жрьчь.**

Въ послѣдняго рода вторичныхъ темахъ суффиксъ **йа** (**йъ, йо, йа**) легъ на первичные суффиксы: **ъ, ь, ер, ент, ѧз** и т. п., образовавъ такимъ образомъ суф. сложные. Между составными ихъ частями нѣтъ однако столь тѣсной и органической связи, чтобы для чувства языка суффиксы эти казались цѣльными и нераздѣльными, выражая вмѣстѣ особую, однообразную функцію. Есть однако цѣлый рядъ сложныхъ съ элементомъ **йа** суффиксовъ, представляющихъ такую плотность состава и единство значенія. Это слитные суффиксы: **айа, ийа, ейа, ойа, уйа,** т. е. сочетанія суффиксовъ **а, и, е, о, у** съ суф. **йа** (**йъ, йо, йа**). Образованныя этимъ путемъ основы нерѣдко совпадаютъ по внѣшнему виду съ разсмотрѣнными выше вторичными именными темами, образованными изъ глагольныхъ на **и, ѣ, а, у,** посредствомъ суффикса **а** (**ъ, о, а**), при чемъ получались иногда слоги: **ий, ѣй, ай, уй; ѩй** и т. п. Такіе же слоги, по сокращеніи гласнаго **а** (**ъ, о, а**), получаются нерѣдко и во второмъ случаѣ. Вся разница заключается въ томъ, что въ первомъ ряду суффиксовъ **й** есть эвфоническаго, а во второмъ—этимологическаго происхожденія, что отражается на значеніи тѣхъ и другихъ. Это различіе значеній не столь однако рѣзко, чтобы всегда безошибочно можно было отличить перваго рода суффиксы отъ вторыхъ. Миклошичъ принимаетъ напр. въ словѣ: коровай суффиксъ: **а+ъ**; но что мѣшаетъ принять за таковой **а+йъ**? Форма **ладии** фигурируетъ у него сначала въ ряду темъ **и+ъ** (ст. 43); а потомъ въ ряду основъ **и+йъ** (стр. 70), хотя оба раза сдѣлана оговорка о неясности этой темы. Разсматривая примѣры, приведенные Миклошичемъ въ ряду вторичяыхъ темъ съ **а** (**ъ, о, а**), а потомъ темъ

съ йа (ъ, о, а), мы замѣчаемъ, что, въ случаяхъ звуковаго совпаденія, къ первымъ отнесены авторомъ образованія болѣе ясныя, а ко вторымъ болѣе темныя: мѣрило довольно субъективное и ненадежное! По нашему мнѣнію, выраженному уже выше, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ благоразумнѣе находить суффиксъ съ й этимологическимъ, чѣмъ эвфоническимъ.

Изъ вторичныхъ слитныхъ суффиксовъ съ йа (ъ, о, а) всего чаще употребляется его сочетаніе съ предшествующимъ и: ийъ=ий; ию, иꙗ:

а) кравий, жрѣбий, врабий, нетий, балий (magus), виночрьпий; ср. Рус. кравчій, ловчій, чирей, улей, дуралей;

б) зелию, бꙑлию, съметию, ꙗглию, рождию, заоутрию, орѫдию, подроужию; оунꙑнию, житию, бꙑтию; ср. Русс. острее, бабье, сырье, поморье;

в) вѣтиꙗ, брат(р)иꙗ; гостиꙗ, свиниꙗ, лꙗдвиꙗ, ладиꙗ; ср. Рус. Россія, игуменья.

Есть затѣмъ цѣлый рядъ прилагательныхъ притяжательныхъ, образованныхъ этимъ слитнымъ суффиксомъ: бабий, божий, козий и т. п. Онѣ примыкаютъ къ аналогичнымъ образованіямъ суффиксомъ а (ъ, о, а)+йа: пътичь: пътичий; жрьчь: жрьчий. Въ послѣднихъ примѣрахъ мы имѣемъ предъ собою редупликованный суффиксъ: йа+йа (ja). Второй его элементъ есть мѣстоименіе и(же), въ формѣ готоваго слова. Слѣд. прилагательныя эти суть уже образованія сложныя.

Гораздо рѣже встрѣчаются сочетанія суффикса йа съ другими гласными напр. е, о, у:

а) Хорут. volej(bos), kumej(campater), malej(puer); Серб. гледеја; Рус. ищея, жнея, толчея;

б) Серб. Драгоје, Милоје, Радоје; Пол. dziewoja;

в) Ц.-Сл. волоуй (воловій), крагоуй; чешоуꙗ; Пол. niechluj (замарашка); Рус. валуй (разиня).

Суффиксы съ губнымъ придыхательнымъ в (v).

Нѣкоторую аналогію съ суффиксомъ йа представляетъ суф. ва (va). Какъ первый, такъ и второй приближаются своими согласными элементами къ гласнымъ (й: и=в: у); оба являются кой-гдѣ эвфоническими вставками, для устраненія зіянія.

Суффиксъ въ (во, ва) довольно рѣдко встрѣчается въ темахъ

первичныхъ, но очень часто во вторичныхъ. Къ числу образованій первичныхъ можно отнести слѣдующія:

1. въ: влъхвъ? [1]) трѣзвъ?

во: стръво (или: стрьво?);

ва: главa, лихва; ср. Рус. листва, дресва, лягва, куропатва, драхва, ночва.

Послѣдній видъ этого суффикса совпадаетъ съ вышеупомянутымъ видоизмѣненіемъ суффикса ꙑ: ъва. Очень правдоподобно, что формы: лягва (лягушка), патва, ночва, развились изъ: лагꙑ, пътꙑ, нъштꙑ, какъ смокꙑ, тꙑкꙑ.

Въ темахъ вторичныхъ въ (во, ва) появляется обыкновенно въ составѣ слитныхъ суффиксовъ: авъ; овъ; ивъ.

Примѣры:

2. авъ: ржкавъ, лжкавъ, кръвавъ;

ава: джбрава, гжштава, понгава; Рус. мурава. Ср. Русс. суфф. лявъ: вертлявъ, костлявъ;

3. овъ: соуровъ, галовъ, джбовъ, адамовъ; гаковъ, сгаковъ, таковъ;

4. ивъ: мꙑсливъ (intelligens), завидивъ; Рус. игривъ, лживъ, служивый;

иво: вариво, прадиво, кладиво (malleus); Рус. кресиво, топливо, жниво, огниво. Иногда вм. иво—ево: курево, марево, зарево, кружево;

ива: кропива; татива. Ср. Рус. суф. ливъ: бодливъ, пискливъ, похотливъ.

Въ двухъ случаяхъ (при суфф. авъ, ивъ) мы встрѣчаемъ въ Русскомъ параллельныя Ц.-Славянскимъ формы, съ участіемъ элемента л: лявъ, ливъ. Трудно рѣшить, произошелъ ли этотъ приставочный звукъ этимологически, какъ новый суффиксъ, родственный причастному лъ, или фонетически, посредствомъ замѣны эвфоническаго іота, какъ это обычно происходитъ при согласныхъ губныхъ.

Суффиксы съ носовыми м, н.

Согласный м очень обыченъ въ Славянскихъ суффиксахъ, какъ въ простомъ, такъ и въ слитномъ видѣ, особенно въ сочетаніи съ родственнымъ звукомъ н (мꙑ, мa, мень). На-ряду съ другими плавны-

1) Вопросительный знакъ при извѣстной формѣ показываетъ, что она не вполнѣ ясна.

мм (кромѣ р), онъ всего чаще встрѣчается въ образованіи причастныхъ основъ (какъ Греч. μενος).

Къ первичнымъ темамъ, образованнымъ суффиксомъ **мъ** (**мо**, **ма**), принадлежатъ слѣдующія:

1. **мъ**: **дꙑмъ**, **оусмъ** (indumentum), **оумъ**?, **глоумъ**?; **мо**: **рамо**, **оусмо**; **ма**: **косма**, **слама**, **кръма**; Срб. струма.

Но большею частію этотъ суф. приставляется не къ корню, а къ темѣ, образованной уже вокальнымъ суффиксомъ: **о**, **и**, **ь**, какъ напр.

2. **омъ**: **лакомъ**, **несомъ**, **вѣсомъ**;
3. **имъ**: **любимъ**, **хвалимъ**; Рус. нелюдимъ, родимый, вѣстимо; Срб. побратимъ;
4. **ьмъ**, **ьма**, **ьмо**: **письмо**, **бѣльмо**, **кръчьма**? **вѣдьма**.

Кромѣ причастныхъ образованій, суф. **мъ**, **мо**, **ма** употребителенъ въ образованіи нарѣчій направленія и образа дѣйствія, какъ напр.

мо: **камо**, **тамо**, **сѣмо**; **амо**: **овамо**, **инамо**, **дроугогамо**, **четвериамо**;
ма, **ми** (**ъма**, **ьма**): **кольма**, **кольми**; **юльма**, — **ми**; **вельма**, — **ми**; **весьма**; **польма**, **бъхъма**; **тъкъма**,—**мо**.

Возможно однако, что въ послѣднихъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло не съ темами, а со словами, т. е. что суффиксы **ма**, **ми** суть не тематическіе, а лексическіе,—быть можетъ формы творит. двойственнаго, или какія нибудь другія падежныя. Это какъ будто подтверждается русскими формами: кишьмя кишитъ, ливьмя льетъ; ср. двумя, тремя, четырьмя.

Суффиксъ **ма** можетъ соединиться съ суф. **на** и образовать слитный суф. **мана**, который затѣмъ, сокращаясь и дифференцируясь, могъ принять одинъ изъ слѣдующихъ четырехъ видовъ: 1. **манъ**; 2. **мꙑ**; 3. **мѧ**; 4. **мень**.

5. **манъ**: Русс. сукманъ, дурманъ, лихоманъ, лиманъ? Къ сожалѣнію, этотъ суф. встрѣчается столь рѣдко и въ словахъ столь неясныхъ этимологически, что трудно допустить его въ Славянскую морфологію иначе, какъ въ видѣ вопроса, допускающаго два противоположныя рѣшенія.
6. **мꙑ**, **мен**: **камꙑ**,—**ене**; **пламꙑ**;
7. **мѧ**: **знамѧ**, **чисмѧ**, **темѧ**, **вꙑмѧ**, **имѧ**, **плѣмѧ**, **брѣмѧ**, **врѣмѧ**;
8. **мень**, **мен**: **ремень**, **стрѣмень**, **кремень**; Рус. сухмень, Ильмень? Ср. мно: гумно?

Изъ четырехъ параллельныхъ формъ всѣхъ ближе къ первоначальному виду этого слитнаго суффикса первая: **мана**: **манъ**. Вторая и третья формы представляютъ стяженіе того же суффикса, образовавшееся чрезъ отпаденіе позвучнаго гласнаго: мана: **ман**. Последній звукъ этой формы, по нелюбви Древнеславянскаго языка къ согласному пазвуку, слился съ предшествующимъ гласнымъ, который предварительно нѣсколько сократился и поблекъ т. е. а=ъ, ь. Изъ слога **мън** развился суф. **мꙑ**; изъ слога же **мьн**: **мѧ**. Память объ общемъ происхожденіи того и другаго сохранилась въ однообразномъ ихъ видѣ въ большей части падежныхъ формъ: **камене**, **знамене**. Что касается наконецъ формы: **мень**, то она представляется образованіемъ вторичнымъ, расширеніемъ суффикса **мен** новымъ слогомъ: **йъ=ь**. Въ Древнеславянскомъ эта форма изрѣдка появлялась, какъ параллельная формѣ на **мꙑ** (**камꙑ**: **камень**; **пламꙑ**: **пламень**; **кремꙑ**: **кремень**). Впослѣдствіи она совершенно вытѣснила ту и смѣнила ее во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Еще обширнѣе роль суффиксовъ съ зубнымъ носовымъ: **н**. Чуть ли даже это не есть самый распространенный согласный элементъ суффиксовъ. Единственными соперниками ему могутъ быть лишь суффиксы съ согласными **т** и **к**.

Согласный **н** соединяется въ суффиксахъ, отчасти первичныхъ, отчасти вторичныхъ, со всевозможными гласными, какъ слѣдующими за нимъ (**ъ**, **о**, **а**; **ꙑ**; **ь**, **и**), такъ и предшествующими ему (**а**, **о**, **у**, **ꙑ**, **и**, **ѣ**, **ь**, **е**), при чемъ нерѣдко присоединяется элементъ **й**, чрезъ что получается цѣлый рядъ разнообразныхъ видоизмѣненій этихъ суффиксовъ:

а) **нъ**, **но**, **на**; **нꙑ**; **нь**; **ни**; **ниѧ**, **ниıа**;

б) **анъ**, **ань**; **онъ**, **онь**; **унъ**, **унь**; **ꙑнъ**, **ꙑни**; **инъ**, **ина**; **ѣнъ**, **ьнъ**, **ьно**, **ьна**, **ьнь**; **енъ**, **ень** и т. п. Приводимъ по нѣскольку примѣровъ для каждаго изъ видовъ этихъ суффиксовъ:

1. **нъ**: **станъ**, **плѣнъ**, **дрьнъ**; **данъ**, **вранъ**, **плънъ**;
   но: **соукно**, **окно**, **роуно**, **зрьно**, **лоно**, **вѣно**? **вино**? **звѣно**?
   на: **десна**, **глина**, **храна**, **лоу(к)на**, **жѣна**, **слина**, **страна**, **весна**, **влъна**, **рана**, **сръна**; **цѣна**? **сосна**?
2. **нꙑ**: **жрьнꙑ**; **остегнꙑ** (vestis).
3. **нь**: **дьнь**, **огнь**; **брань**, **длань**, **сѣнь**, **стрьнь**, **грань**; Рус. дань, дрянь, пристань. Этотъ суффиксъ очевидно родственъ причастному на **нъ**: **бранъ**: **брань**; **данъ**: **дань**; **дранъ**; **дрань** (**дрянь**).

По звуковой формѣ не отличенъ отъ суффикса нь (ни) сложный съ элементомъ небнымъ суф. н+йъ (nja)=нь. Различіе ихъ можно усмотрѣть лишь изъ формъ косвенныхъ падежей, гдѣ вм. элемента і появляется а: сѣнь: сѣни(нь=ни); синь: синꙗ (нь=нйъ) Гораздо чаще впрочемъ встрѣчается этотъ суф. въ формахъ женскаго рода, въ видѣ: нйа=нꙗ: дѫгнꙗ (cicatrix), ꙗднꙗ (cibus), стѣнꙗ (umbra); ср. Русс. брехня, долбня, квашня, пашня, кузня; Пол. peł-nia (vollmond) и т. п. Сюда относятся и формы: баснꙗ, пѣснꙗ, если предположить, что звукъ с здѣсь вставочный. Нерѣдко суф. нꙗ ложится на основы, образованныя уже другими простыми или слитными суффиксами, чрезъ что получаются вторичныя и третичныя образованія, въ родѣ слѣдующихъ:

альнꙗ: наковальнꙗ; съпальнꙗ;
ильнꙗ: бѣлильня; свѣтильня;
ельнꙗ: молельня;
арьнꙗ: овчарня (т. е. ов-ьч-ар-ьнꙗ); Малорус. писарьня;
отьнꙗ: бѣгот(ь)ня; пискот(ь)ня;
ушьнꙗ: конюш(ь)ня;
ꙑшьнꙗ: барыш(ь)ня (т. е. боꙗрꙑшьнꙗ);
овьнꙗ: волков(ь)ня, солодов(ь)ня.

Тѣмъ же суффиксомъ образованы отъ числительныхъ формы: двойня, тройня, четверня, сотня.

Дальнѣйшее развитіе суффикса ни составляетъ сложный суф. нинꙗ: илънинꙗ; свининꙗ. Ср. Рус. унья: бѣгунья, говорунья, болтунья.

4. анъ: баꙗнъ; пиꙗнъ, постоꙗнъ, истоуканъ, баранъ? жоупанъ, братанъ; Рус. брюханъ, горланъ.
ана: сметана; полꙗна.

5. ань. Этотъ суф., какъ и нь, имѣетъ двоякое происхожденіе: а) изъ ани, б) анйъ:
а) гртань, ꙗблань; рѣвань (lucta); со вставочнымъ з: азнь: боꙗзнь, приꙗзнь?
б) Хорут. vrtanj (spira); анꙗ: копанꙗ; Немања?

6. онъ: гомонъ?

7. онь (онйъ): комонь? Пол. luboń (возлюбленный):
онꙗ: Рус. тихоня; Срб. ждерона, дугоња.

8. оунъ: бабоуни (superstitio)? пероунъ? Рус. бѣгунъ, брехунъ, крикунъ, лизунъ, опекунъ; вьюнъ, в(ь)рунъ;

9. оунь (оунйъ): Пол. bratunio, Jasiunio; оунꙗ: Пол. babunia; ср. Рус. унья: бѣгунья, говорунья.

10. ꙑнъ: пелꙑнъ; ср. Пол. mł̄yn.

11. ꙑни, ꙑнꙗ: богꙑни, дроугꙑни, опꙑни, гръкꙑни, господꙑни; добрꙑни, грьдꙑни, простꙑни, сватꙑни. Всѣ эти формы измѣняютъ впослѣдствіи свое позвучное и на ꙗ: ꙑнꙗ. Впрочемъ въ Пол. и теперь удержались формы: gospodyni, bogini и т. п. Въ Рус. рядомъ съ формою ыня (простыня, богиня) встрѣчаемъ ынья, ынь: спорынья, полынья, теплынь; ср. полынь.

12. инъ: к(ъ)линъ, блинъ (мьлинъ?); ср. Рус. людинъ, воинъ, Русинъ, Гречинъ; женинъ, бабинъ, июдинъ и т. п. Этотъ суф. можетъ ложиться на другіе, образуя темы вторичныя и третичныя: Блъгаринъ, бо(л)яринъ (баринъ), гражданинъ, селянинъ, челядинъ, жидовинъ.

ина: пѫчина; лоупина; долина, година, хꙑжина, ꙗрина, ладина, маслина; бꙑстрина, дроужина, истина, обьштина. Со вставочнымъ (б. мож. эвфонически, какъ въ суффиксахъ снь, знь?) з образуется суффиксъ: изна: главизна, оукоризна, ѫтлизна, т(ь)ризна? ср. отьчина и отьчизна.

13. ѣнъ: дрѣвѣнъ, ꙗчьмѣнъ, льнѣнъ; роу(д)мѣнъ? Это ѣ является здѣсь какъ будто неорганической замѣной звуковъ ь, е. Иногда же параллелью для ѣ является тутъ а (собственно ꙗ, т. е. a+i=i+a): напр. Рус. деревянный, льняный. Сюда же относятся формы: кожанъ, воштанъ, пѣсъчанъ, гдѣ а=ꙗ=ѣ.

ѣно: полѣно, колѣно.

14. ьнъ: остьнъ, овьнъ, видьнъ; вѣрьнъ, больнъ, дивьнъ, тъчьнъ, иночадьнъ, исконьнъ. Сюда принадлежатъ и суффиксы въ названіяхъ мѣсяцевъ, напр. Хорут. brêzen, gruden, srpen, traven и пр. По-видимому изъ того же суф. ьнъ произошелъ суф. инъ, йна, йно: достоинъ, покоинъ, таинъ, Рус. буйный; ейный. Отъ суф. инъ, ина, ино онъ отличенъ краткостью, а потому и перегласовкою въ согласный звукъ (й) элемента и.

ьно: платьно, бръвьно, пѧтьно; ьна, йна: гривьна, война, тайна; ср. кънѧжьна, царевьна. Подобно тому, какъ изъ суффикса нь образовались снь, знь, а изъ суф. ина—изна; такъ изъ ьнъ развилось ьзнъ: любьзнъ. Хотя и въ вышеприведенныхъ формахъ суф. ьнъ большею частію вторичный, но встрѣчаются еще болѣе сложныя его соче-

танія съ другими образовательными элементами, въ суффиксахъ напр. формъ: **доуховьнъ**, **съмрьтельнъ**, **гоубительнъ**; Русс. лиственный, жаловальная и т. п.

15. **ьнь** (ь=і): Рус. сажень; Чеш. řizeň. Чаще происходитъ этотъ видъ суффикса отъ соединенія элементовъ: **ьн+йъ**: **сѫжьнь** (captivus), **ражьнь**, **глѣжьнь**? **отьнь**, **дѣдьнь**; **ближьнь**. Въ Русскомъ суффиксъ ьнь правильно перешелъ въ ень, въ Сербскомъ же въ ањ: Рус. баловень, ливень, сидень, оборотень; селезень? Серб. сужањ.

16. **енъ**. Этотъ суффиксъ тѣсно примыкаетъ къ суффиксу **ьнъ**. Лишь устойчивость звука **е** въ первомъ, а шаткость **ь**-ря во второмъ, служитъ основаніемъ для различенія этихъ суффиксовъ. Примѣры: **чрьвенъ**, **стоуденъ**, **зеленъ**;

ено: **врѣтено**;

ена: **с(п)лѣзена**?

17. **ень** (ь=і): **юсень**? ср. Пол. kieszeń (карманъ);

ень (ь=йъ), **еня**: Рус. жменя.

Суффиксы съ язычными плавными: **л**, **р**.

Хотя оба эти звука развились въ Арійскомъ изъ одного общаго празвука, а по сходству своей артикуляціи, находятся въ очень близкомъ взаимномъ сродствѣ, что отражается и на близости функцій образованныхъ ими суффиксовъ; однако, даже для Праславянскаго языка, необходимо принять ихъ раздвоеніе и значительную уже обособленность. Большую роль играетъ въ Славянщинѣ первый изъ двухъ элементовъ; однако и второй участвуетъ въ цѣломъ рядѣ образованій, хотя менѣе ясныхъ и прозрачныхъ.

Суффиксы съ плавнымъ **л**:

1. **лъ**, **ло**, **ла**. Существуетъ предположеніе, что суф. **ло** развился изъ слога: тра, являющагося въ суффиксахъ многихъ Арійскихъ языковъ (ср. trum, τρον и т. п.). Основывается оно на нѣкоторыхъ формахъ сѣверозападныхъ Славянскихъ нарѣчій, гдѣ появляется согласная д: mydło (мыло), sadło (сало), а также на довольно обычномъ опущеніи коренныхъ д, т, предъ звукомъ л, въ юговосточной группѣ Славянскихъ нарѣчій: **па(д)лъ**; **кра(д)лъ**; **цвѣ(т)лъ**, **ме(т)лъ** и

т. п. Это предположеніе не лишено вѣроятности, но не можетъ пока считаться доказаннымъ; такъ какъ возможно допустить и вставку зубнаго звука въ сѣверозападныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, для чего существуетъ аналогія въ формахъ: островъ, страмъ, Чеш. střibro и т. п., гдѣ зубной звукъ вставленъ въ группу предъ плавнымъ. Съ другой стороны не мало есть случаевъ, гдѣ при суф. ло нѣтъ зубнаго д не только въ юговосточныхъ, но и въ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ, напр. въ формахъ: дѣло (Пол. dział̇o, Чеш. dilo), село, стебло (Пол. źdźbło, Чеш. stblo); ср. był̇o, gnił̇o и т. п. Что звукосочетаніе дло не совершенно чуждо и юговосточнымъ нарѣчіямъ, и слѣд. могло-бы удержаться хоть отчасти въ разсматриваемыхъ суффиксахъ, видно изъ слова: сѣдло, существующаго въ этой формѣ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Итакъ возможно производить не только суф. ло изъ дло, но и наоборотъ: дло изъ ло. Рѣшеніе этого спорнаго вопроса должно предоставить дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь же мы ограничимся приведеніемъ образцовъ употребленія суффиксовъ лъ, ла, ло. Всего чаще встрѣчается этотъ суффиксъ въ образованіи одной изъ Славянскихъ причастныхъ формъ: бꙑлъ,—о,—а; гнилъ, кꙑслъ, поухлъ. Въ сродствѣ съ этими причастіями находятся прилагательныя: жѫтлъ, крѫглъ, свѣтлъ, бѣлъ? подлъ? и существительныя: жѧлъ, оудѣлъ; било (tintinnabulum), дѣло, грꙑло, крꙑло, рꙑло, сало, тѣло; начало, жало, масло, весло, число, сѣдло, стьбло; ср. Рус. дуло, гирло (о=і: малоруссизмъ), тягло, русло? кресла (ср. чрѣсла)? мꙑгла, жила, скула, игла? стрѣла, вила (русалка).

2. ль: лѣторосль; гѫсль, гѫсли; ср. Рус. убыль, вдосталь.

Этотъ, по-видимому, суффиксъ лежитъ въ основаніи неясныхъ адвербіальныхъ формъ: отъколѣ, доселѣ, николи; ср. Рус. отколь, откуль, откель; Малорус. витки(лѣ). Кромѣ суф. ль=ли встрѣчается однозвучный съ нимъ, но отличный суффиксъ ль=лій (lja): сребродѣль, кашль; жѫгль; таль? Къ послѣднему суф. относится однородный женскій на лꙗ: недѣлꙗ, дрѣводѣлꙗ; ср. Рус. петля, сопля, тесля и т. п.

3. алъ: Рус. дать д(ь)рала; Пол. kawał;

ала: Рус. объѣдала, запѣвала, шагала, Чеш. žižela (насѣкомое).

ало: чрылало, клепало, (о)рало, зрьцало; Рус. мѣняло.
4. аль (алйъ): сокаль; Рус. коваль; Пол. Moskal, Góral.
5. олъ: соколъ?
ола: Чеш. mrtvola.
6. оль (олйъ): дрьколь; мозоль, кжколь, тополь; Рус. гоголь? соболь?
оля: Рус. сусоля? Чеш. homole; Серб. топола.
7. оуль (оулйъ): Хорут. metulj (мотылекъ); Срб. славуљ.
оулга: кошулга, копороулга? Рус. ходуля, зозуля; Пол. matula.
8. ѣла: могѣла, кобѣла.
9. ѣль (ѣлйъ): Рус. мотыль, костыль, горбыль.
10. ило: гадрило, кадило, мѣрило, бѣлило, чрьнило, свѣтило, точило.
11. ѣль, галь: дѣтѣль, гѣібѣль, кжпѣль, сопѣль, свирѣль, кждѣль; пиштаљ, млъчаль; печаль.
12. ьлъ: орьлъ, осьлъ, козьлъ.
13. ьль (ьлйъ): кашьль.
14. елъ: плѣвелъ, жоупелъ? дателъ(-ель), кысelъ, веселъ, дебелъ? Рус. буселъ.
ела: бъчела; Рус омела? Хут. deželа.
15. ель (ели): жоужель (scarabaeus); Рус. мятель (метель).
ель (елйъ): Рус. кошель.

Суффиксы съ дрожащимъ р.

1. ръ: даръ, пиръ, жи(в)ръ, вихръ, джб(р)ъ (ср. джбрава); миръ? бъдръ, хѫтръ, мокръ, остръ, пьстръ, старъ? сѣръ, штедръ, добръ, мждръ, бъістръ? юдръ?
ро: вѣдро, гадро, ребро? сребро?
ра: мѣра, сѣра, икра? искра? вѣра? въідра, маздра; Рус. кара;
2. рь(ри): дьбрь, ноздрь.
рь(рйъ): жгрь, вепрь, кждрь.
3. аръ: комаръ, овьчаръ, століаръ(—яръ); Срб. гусар;
ара: кошара; Срб. овчара, Пол. moczara.
4. арь(арйъ): пекарь, зидарь, мытарь, лѣкарь; Рус. знахарь, пахарь, глухарь, господарь; ср. ар-инъ: болгаринъ, Блъгаринъ.
5. оръ: топоръ? стоборъ (columna)? Малорус. вихоръ; Пол. kaczor; ср. заматорѣлъ.
ора: котора (rixa); Чеш. bachora, nemotora.
6. орь(орйъ): тъхорь(дъхорь), ср. Рус. хорекъ; Чеш. piskoř.
орга: Рус. бахбря(краснобай); моторя.

7. оуръ, оурь(ь=йъ): котоурь; Срб. мехур; Малорус. качуръ; ср. Мазуръ.
   оура: Рус. Нѣмчура, кочура; ср. Срб. дѣвойчура.
8. ырь(ь=йъ): мѣхырь (Срб. мехур); Рус. поводырь, гладырь, пупырь, пустырь; ср. богатырь?
   ыра: сѣкыра.
9. еръ, ерь(ь=йъ): вечеръ, дѣверь; бисеръ? сѣверъ? Рус. костеръ.
   еро: юзеро.
   ера: пештера; Чеш. mezera.
10. ѣръ: Хорут. kosěr (Срб. косијер).

Суффиксы съ мгновенными зубными т, д.

Элементъ т занимаетъ между всѣми согласными первое мѣсто по разнообразію и многочисленности суффиксовъ, въ которыхъ онъ играетъ существенную роль. Звонкій д далеко отсталъ въ этомъ отношеніи отъ своего тихаго (шепотнаго) коррелятива (т: д=к: г=п: б) въ средѣ мгновенныхъ согласныхъ. Формы, образованныя при участіи звука т, отличаются большей ясностію, чѣмъ тѣ, въ которыхъ является д,—замѣчаніе, которое приложимо ко всѣмъ согласнымъ тихимъ съ одной стороны и звонкимъ съ другой.

Съ участіемъ тихаго зубнаго т образованы слѣдующіе суффиксы:

1. тъ (ъ=а), то, та. Самое обширное примѣненіе нашелъ этотъ суффиксъ въ образованіи причастныхъ страдательныхъ формъ: начатъ, възатъ, проклатъ, повитъ, отврьстъ. Также повидимому образованы прилагательныя: сытъ, гѫстъ, частъ, лютъ, сватъ, тлъстъ, жлътъ; ср. патъ, шестъ, деватъ, четврьтъ и т. п. Въ неподвижныхъ родовыхъ формахъ именъ существительныхъ встрѣчается суффиксъ тъ, то, та въ слѣдующихъ основахъ:

тъ: млатъ, мостъ, прьстъ, сѫпостатъ, щитъ, вѣтъ; ср. листъ? сътъ?
то: длато, жито, пѧто, мѣсто, злато, лѣто, оуста; врата; блато? пито сито, мыто;
та: врьста, невѣста, пата, свита; Рус. трата?

Есть еще другой суффиксъ тъ, однозвучный съ вышеприведеннымъ, но отличный отъ него этимологически тѣмъ, что его ъ про-

изошло не изъ а, но изъ оу. Это встрѣчается въ образованіи Древне-славянскаго супина на тъ, тоу: битъ, литъ; бытоу.

2. ть(ь=и). Изрѣдка этотъ суф. появляется въ именахъ муж. рода, но большею частію въ женскихъ: тать, съврьсть (aequalis); гость? тьсть, зать; благодать, благодѣть, гръсть, съмрьть, памать, нить, ость, сѣть, сласть, страсть, съвѣсть, власть, часть, побыть; пешть, вешть, мошть; клѣть? лѣть? прьсть, тръсть, плъть, опать? рать?

3. тйъ=шть: ништь? обышть?
 тю, ште: плюшта (plur.); Чеш. plice; вѣче (вѣште).
 тга, шта: оноушта, клѣшта; Рус. добыча, дача.

4. тръ: брат(р)ъ; вѣтръ, ѩтръ.
 тро: оу(с)тро? ѩтра; Пол. piątro.
 тра: Рус. пятра.

5. тлъ: пѣтлъ, датлъ? Рус. ветла; Пол. petla.

6. тер: матер-е, дъштер-е.

7. теръ, торъ: ѥтеръ, который; вьторъ; Хорут. stotero.

8. тель(й=йъ): житель, властель, датель;

9. тырь(ь=йъ): пастырь (pastor), пластырь? псалтырь (ψαλτήριον); ср. богатырь?

10. тоухъ: пастоухъ; Рус. пѣтухъ; ср. свинтюхъ.
11. тий(й=йъ): нетий; питий (potabilis).
12. тоунъ: пѣстоунъ; Рус. пѣтунъ (пѣтухъ).
13. твъ. Этотъ суфф. сродни вышеприведенному тъ=тоу (ср. Лат. mutuus). Примѣры: мрьтъ: мрьтвъ; чрьствъ.

 тво: Рус. ятво.

 тва: ѩства, битва, сѣтва, бритва, клатва, жатва, жрьтва; Рус. плотва. Иногда тва переходитъ въ тба: Срб. сѣтба.

14. тьвь=tev: вѣтвь; Хут. britev.

15. ьство. Этотъ суф. представляетъ дальнѣйшее развитіе суффикса тво, посредствомъ новаго тематическаго гласнаго ь и эвфонической вставки с: дѣвьство, тръжьство, рождьство. При открытыхъ корняхъ ь обращается въ й: дѣйство, оубийство. Иногда суф. ьство приставляется къ другимъ, предшествующимъ ему, или послѣдующимъ за нимъ: цѣсарьство, страдальство; цѣсарьствие, бальствие (medicina), свойствие.

16. **ать**: **богать, брадать**; Рус. ушатъ.

ата: **лопата**. Съ новыми наращеніями образуются сложные суффиксы: **овать**: **виновать, трьновать**; Рус. бѣловатъ, гор-ьк-ов-атъ; **ынать**: **прьнать, оустьнать**. Со вставочнымъ (эвфонически?) с образованъ суффиксъ **асть**: **плѣштасть**; Рус. чревастый, усастый; коренастый; Серб. брдаст, репаст, будаласт; ср. Рус. лопасть?

17. **атай(й=йъ)**: (о)**ратай, ходатай, съгладатай**; Рус. глашатай.

18. **атель**: **казатель, пріятель**; Рус. обыватель.

19. **ота**: **длъгота, льгота, красота, работа**; Рус. дремота, ломота, р(ъ)вота; пѣхота, сирота. Со вставочнымъ с- образуется суф. **оста**: **староста**.

20. **оть**: Рус. мякоть, копоть. Со вставочнымъ **с-ость**: **тагость, жзость, гарость, милость, пакость, радость**.

21. **оуть**: Рус. ж(ь)гутъ, Чеш. kohout; Пол. kogut, maluty (ср. малютка);

оута, юта: Рус. плакута, Васюта; Хут. košuta. Со вставочнымъ с суф. юсть: челюсть.

22. **ыто**: **копыто, корыто**;

ыта: Рус. волокита, ракита?

23. **итъ**: **маститъ, срьдитъ, нарочитъ; найинтъ**.

ита: **ланита**. Съ наращеніемъ **ов, ен** образовались сложные суффиксы: **овитъ, енитъ**: **домовитъ, сановитъ, гадовитъ; именитъ, племенитъ**. Со вставочнымъ с произошелъ суф. **истъ**: **рѣчистъ, плѣштистъ**; Рус. голосистый, льдистый, лѣсистый. Иногда этотъ суффиксъ иностраннаго происхожденія: гуслистъ, бандуристъ; ср. нигилистъ, лингвистъ и т. п. Такимъ же образомъ изъ суффиксовъ **ить, ыть** развились **исть, ысть**: **користь**, корысть, дешевисть?

24. **итва**: **молитва, ховитва, гонитва**.

итво: **чоувитво, творитво**.

25. **итель**: **чьтитель, з(ь)ритель, проситель, гонитель**.

26. **итйъ=ишть**: **отрочишть, робишть, пътишть, дѣтишть**, ср. Рус. **дѣтище**.

Изъ Древнеславянскаго суффиса **ишть** развился русскій патронимическій суф. ичъ (Серб. иħ, Пол. и Чеш. ic): **дѣдичъ**, сестричъ, княжичъ, Лукичъ, Ѳомичъ; Пол. dziedzic, księżyc.

Чеш. Martinic, Серб. Обилић. Отъ наращенія ов (ев) образовался сложный суф. овичъ (евичъ): Ивановичъ, королевичъ; Пол. królewicz; Серб. Обреновић.

27. ътъ, отъ: ръпътъ, тъпътъ; Рус. ропотъ, грохотъ, животъ, хоботъ?
28. ъть (ь=йъ): лакъть, ногъть; Рус. деготь, коготь?
29. ьтъ, етъ: шьпьтъ; трепетъ, кречетъ; Рус. лепетъ.
30. ето: тенето, Рус. рѣшето, нерето; еть (ь=и): Рус. чернеть, мокреть, теплеть, темнеть; ср. едь: чернедь, мокредь.
Со вставочнымъ с-есть, ѥсть: болѥсть, доблѥсть.
31. ѣтель: радѣтель, свидѣтель.
32. ѣтва, ıатва: желѣтва, сѣıатва.
33. ѫть: могѫть (dominus); ср. Рус. ртуть (Пол. rtęć)? Чеш. perut'.
Въ основаніи этого суффикса лежитъ слогъ ант. По законамъ Древнеславянской фонетики онъ могъ преобразиться и въ ꙑ, ѧ: градꙑ: градѫшта; словꙑ: словѫшта; хвалѧ, хвалѧшта; биѩ: биѩшта; ср. тꙑсѫшта. Изъ этихъ формъ развились русскія на учій, ущій: кипучій, гремучій, могучій, пахучій, скрипучій; большущій, тмущій, злющій.
34. ѧт. Сродни предшествующему тотъ суффиксъ, который встрѣчается въ названіяхъ молодыхъ звѣрятъ и который въ формахъ имен. падежа звучалъ въ Древнеславянскомъ ѧ, ѧта: ıагнѧ, дѣтѧ, котѧ, прасѧ, штенѧ, жрѣбѧ; Рус. близнята, ребята, утята.

Суффиксы со звонкимъ зубнымъ.

1. дъ: сѫдъ? тврьдъ? подъ, прѣдъ, задъ.
до: стадо, чоудо (штоудо)? чѧдо?
да: бразда? гроуда? мьзда (μισθός)? Подобный суффиксъ, съ темнымъ вставочнымъ звукомъ г, встрѣчается въ образованіи нарѣчій времени: къгда, тъгда, инъгда, ѥгда, вьсегда. Нѣсколько аналогично образованіе нарѣчій мѣста суффиксомъ де: къде, онъде, сьде, вьсьде. Нельзя не привести въ связь съ этими формами и тѣ адвербіальныя образованія, гдѣ въ видѣ суффикса являются слоги ѫдоу, ѫдѣ, ѫда: кѫдоу, кѫдѣ, кѫда; инѫдоу,—дѣ,—да; сѫдоу,—дѣ,—да; Рус. куда, туда; сюды, туды; сюдою, тудою. Наконецъ сюда же примыкаютъ адвер-

біальные суффиксы: **жде, жди, ждꙑ, шьди, шти: тойжде, иждe; малижди, многаждꙑ; тришьди, четꙑришти.**

2. **дь: стадь** (grex), **падь, задь; прѣдь.**
3. **адъ:** Хорут. strnad; **ада: громада; сковрада?** Рус. **голяда.**
4. **адь, ꙗдь; площадь, челꙗдь?** Рус. пестрядь, рухлядь, стерлядь? мокрядь (ср. мокреть). Въ Сербскомъ этотъ суффиксъ часто употребляется въ названіяхъ молодежи; момчад, шокчад, грчад; ср. гњилад.
5. **ѧдъ: скарѧдъ; ѧдо, ѧда: говѧдо;** Пол. gawęda; ср. Рус. дуринда; **ѧдь?** Пол. łabędź (лебедь)?
6. **оудъ?** Хут. mrtvud; Пол. maruda.
7. **ьда: правьда, кривьда, вражьда.**

Суффиксы съ гортанными **к, г, х.**

Тихимъ гортаннымъ к образованы слѣдующіе суффиксы:

1. **къ: знакъ, бракъ, навꙑкъ, прѣкъ, плъкъ: ка: ласка, соука?** Рус. бѣломойка; Срб. дойка.
2. **акъ, ꙗкъ: своꙗкъ, юнакъ, инакъ, вьсꙗкъ;** Рус. черпакъ, ходакъ, рѣзакъ; простакъ, русакъ; чудакъ, гусакъ, завтракъ; Полякъ, добрякъ, синякъ, морякъ, обинякъ.
   ака, ꙗка: Рус. писака, зѣвака, служака; гуляка, кривляка, забіяка;
3. **ѣкъ: чловѣкъ?** Хут. pišek; **ѣка: калѣка?**
4. **икъ: ѫжикъ, ближикъ;** Рус. мужикъ, старикъ, кроликъ, рыжикъ, вѣникъ, пряникъ, семикъ; мячикъ, братикъ; **ика: ѫжика, ближика;** Рус. черника, гвоздика.
   От приставки къ этому суффиксу другихъ образовались слѣдующіе сложные суффиксы:
   аникъ: рожаникъ, Рус. пос(ъ)ланикъ; земляника;
   омикъ: питомикъ;
   имикъ: любимикъ;
   ѥникъ: кръмлѥникъ, оученикъ;
   ьникъ; пѧтьникъ, кръвьникъ; Рус. жальникъ, плот(ь)никъ;
   льникъ: начѧльникъ;
   альникъ: Рус. утиральникъ;
   ильникъ: бѣлильникъ, будильникъ;

овьникъ: громовьникъ; пировьникъ;
итьникъ: рыбитьникъ;
ьтьникъ: шьпьтьникъ;
ьдьникъ: вражьдьникъ;

ьчикъ: Рус. колокольчикъ; мальчикъ; нѣт(ь)чикъ; завод(ь)чикъ.
овьщикъ: Рус. часов(ь)щикъ;
еньщикъ: Рус. камен(ь)щикъ.

5. **ъкъ, ькъ**: **пѣсъкъ, шипъкъ, цвѣтъкъ, патъкъ, добытъкъ; жзъкъ, близъкъ, дрьзъкъ**; Рус. глотокъ, пинокъ, плевокъ; затылокъ, пасынокъ, наперстокъ; **смычькъ, горькъ, тънькъ, тажькъ**, Рус. скачекъ, прыжекъ, хорекъ;

ъко, ько: **ıаблъко**; Рус. батько, гнѣд(ь)ко, бур(ь)ко;
ъка, ька(йка): **гадъка, тъчька, оуйка**; Рус. глот(ъ)ка, ков(ъ)ка, слив(ъ)ки, незабуд(ъ)ка, зыб(ъ)ка, ут(ъ)ка.
Отъ соединенія этихъ суффиксовъ съ другими образовался цѣлый рядъ сложныхъ суффиксовъ:
еньнъ: Рус. гусенокъ, львенокъ;
онькъ, енькъ: Рус. диконькій, блѣдненькій.
оушькъ: Рус соловушекъ; пѣтушекъ.
ышькъ: Рус. колышекъ;
ашькъ: Рус. барашекъ?
ешькъ: Рус. гребешекъ;

ютькъ: Малорус. ранютко, свѣжуткій.
охонькъ: Рус. бѣлехонекъ, Малорус. всехонько;
ешенькъ: Рус. здоровешенекъ; ранешенько.
юсенькъ: Малорус. голюсенькій:
осенькъ: Малорус. махосенькій.
отенькъ: Малорус. махотенькій.
охонькъ: Малорус. махохонькій.
атъко: Рус. дивчатко.
енько: Рус. оченьки.
ечько: Рус. мѣстеч(ь)ко, сердеч(ь)ко.
ишько, ишька: Рус. домиш(ь)ко; мальчиш(ь)ка;
ышько: Рус. солныш(ь)ко.

оушька, юшька: Рус. дѣдуш(ь)ка, лягуш(ь)ка, батюш(ь)ка;
ашька: Рус. милаш(ь)ка;
енька: Рус. дяденька, тетенька.
отъка: Рус. крохот(ъ)ка;

овъка: Рус. воров(ъ)ка;
ѣлъка: Рус. горѣл(ъ)ка.

6. окъ: съвѣдокъ, глѫбокъ, широкъ, въісокъ; Рус. ходокъ, ѣздокъ; ока: лалока (palatum)?

7. оукъ, юкъ: клобоукъ? Рус. индюкъ, канюкъ; Малорус. псюкъ. юка: Рус. гадюка, подлюка.

8. ъікъ: ıазъікъ; Рус. кадыкъ? к(ъ)лыкъ. ъіка: владыка, мотыка? Рус. кавыка?

9. иско, иске=иште: Пол. ognisko, babisko, chlopisko, nazwisko; ср. Рус. головишка, мужичишко.
Въ Древнеславянскомъ этотъ суффиксъ является въ смягченномъ видѣ-иште (ср. искати: иштѫ; поускати: поуштѫ): ньıриште, огниште, плъчиште, поприште, врѣтиште, гноиште, капиште; Рус. городище, кладбище, топорище; ср. ручища.
Отъ сложенія съ суффиксами ал, ил, ел образовались формы: игралиште, сѫдилиште, дѣлателиште.

10. ьскъ, йскъ: дѣтьскъ, мѫжьскъ; Рус. тысяцкій (т. е. тъісѫштьскъ); свойскій; войско.
Сложные съ другими суффиксы: звѣриньскъ; жидовьскъ.

Суффиксы со звонкимъ гортаннымъ г.

1. гъ: плоугъ? Рус. четвергъ (ЦСл. четврьтъкъ). га: слоуга, строуга, розга, снага?

2. агъ, ıагъ (ѧгъ?): кръчагъ? Рус. липнягъ, мочагъ; ага, ıага (ѧга?): лежага; Рус. бродяга, скряга? сермяга? Суф. этотъ соединяется съ другими въ формахъ Рус. бѣд(ь)няга, порт(ь)няга, двор(ь)няга, роботяга.
Предположеніе о существованіи въ этомъ суффиксѣ юса основывается на Польскихъ формахъ: włoczęga, siermięga, mitręga?
Если это предположеніе вѣрно, то разсматриваемый суффиксъ былъ бы совершенно аналогиченъ суф. ѧгъ въ словахъ: Варягъ, колбягъ, и суф. ѧзь (см. ниже), который въ женскомъ родѣ открываетъ согласный г: кънѧзь, кънѧгъіни.

3. оугъ, югъ (ѫгъ?): Рус. яругъ? пестругъ (Пол. pstrąg, т. е. пьстрѫгъ); жемчугъ? оуга, юга: коюга (pes ligneus)? Рус. бѣ-

луга, волочуга (Пол. włoczęga, т. е. влачѧга), яруга, вьюга, дерюга, радуга? ср. пар(ь)нюга, кольчуга, пьянюга.

Со вставочнымъ з получаемъ суффиксъ юзга: мелюзга.

4. **ыгъ**: **сасꙑгъ** (fornax fusoria); **ꙑга**: **котꙑга** (tunica)? Рус. лодыга (Пол. łodyga, caulis); прощелыга, торопыга.
5. **игъ**: **тригъ**? **ига**: **верига, кънига, коврига?**
6. **егъ, ѣгъ**: **ковьчегъ? бѣлѣгъ?** Со вставочнымъ **з-езгъ**: Рус. дребезги; Пол. drobiazgi.
7. **огъ**: **острогъ, чрьтогъ, иногъ** (gryps), **Сварогъ, брълогъ, сапогъ?** **хѫдогъ** (kundig)? Рус. пирогъ, творогъ? батогъ?
   ога: Рус. острога, берлога.

Суффиксы съ гортаннымъ придыхательнымъ х.

1. **хъ**: **спѣхъ, слоухъ, доухъ, смѣхъ**;
   ха: **стрѣха**; Рус. пряха, сваха, неряха, вѣха, лѣха?
2. **ахъ**: **сиромахъ**; Малорус. п(ъ)тахъ (ср. пташка);
   аха: Рус. черепаха, рубаха, плаха, п(ъ)таха.
   Въ соединеніи съ суффиксомъ **ънъ** образуется сложный суф. **ахънъ**: Серб. маљахан (parvus); Рус. боляхный.
3. **ехъ**, Рус. лемехъ (Цсл. лемешь)?
   еха: **маштеха** (Рус. мачиха); Рус. лепеха; ср. малехонекъ.
4. **ихъ**: **женихъ**; **иха**: Рус. гречиха; Чеш. pleticha; ср. Малорус. ковалиха, гончариха.
5. **охъ**: Рус. ворохъ; Чеш. jinoch, lenoch; Пол. pieszczoch;
   оха: **т(ь)роха**; Рус. проидоха, суматоха, кумоха.
6. **оухъ, юхъ**: **сопоухъ**; Рус. пѣтухъ, конюхъ, пентюхъ;
   оуха, юха: **пазоуха, горюха**; Рус. сивуха, веснуха, требуха; Пол. zawierucha.
7. **ъхъ, ьхъ**: **ветъхъ? брьчьхъ** (πλόχαμος); **ъха**; **плетъха?**

*Суффиксы съ согласными свистящими (***ц, з, с***) и шипящими* (**ч, ж, ш**).

Хотя первый членъ каждой тріады есть не элементарный звукъ, а дифтонгъ (ц$=\frac{т}{2}+$с; ч$=\frac{т}{2}+$ш), однако въ суффиксахъ онъ является для чутья языка звукомъ столь же цѣльнымъ и единичнымъ, какъ и четыре остальные.

Изъ фонетики Славянскаго языка извѣстно, что звуки свистящіе и шипящіе (т. е. протяжные зубной и небной среды) развились первоначально изъ гортанныхъ (к: ц: ч=г: з: ж=х: с: ш), а кой-гдѣ изъ зубныхъ (напр. Русскіе: ч=шт=тй; ж=жд=дй), и слѣд. представляютъ родъ звуковъ вторичныхъ, за исключеніемъ одного с, который принадлежитъ, въ большинствѣ случаевъ, къ числу звуковъ Праарійскихъ; но метаморфоза эта произошла во времена столь отдаленныя, что для исторической поры жизни Славянскаго языка необходимо признать самостоятельность этихъ производныхъ звуковъ и въ морфологическомъ отдѣлѣ грамматики разсматривать ихъ отдѣльно отъ ихъ первоисточниковъ.

Суффиксы съ зубнымъ дифтонгомъ ц.

1. **ць**: **сицъ**, **сице**? Этотъ суффиксъ встрѣчается, въ видѣ слога **ци**, какъ энклитическая привѣска при мѣстоименіяхъ и числительныхъ, съ неопредѣленнымъ значеніемъ: **дроуг.ици**, **двоици**.
2. **ьць**: **борьць**, **коупьць**, **пѣвьць**, **ж(ь)рьць**, **сѫсьць**, **отьць**, **пальць**; Рус. истецъ; заводецъ, Корсунецъ;
   ьце, **йце**: **слъньце**, **срьдьце**, **словьце**, **дрѣвьце**; **гайце**; Рус. донце; словцо, кольцо;
   ьца, **йца**: **овьца**, **мѫшьца**; **оубийца**, **кръвопийца**, **любодѣйца**; Пол. darca, rządca, rajca, owca.

Сложные суффиксы съ тѣмъ же слогомъ:

аньць: **рожаньць**;
еньць: **пѫтеньць**;
оньць: Рус. червонецъ;
иньць: **гостиньць**, **низиньць**; дѣтинецъ, звѣринецъ;
ѣньць: **роумѣньць**;
авьць: **дѣлавьць**, **ласкавьць**;
ивьць: **лъживьць**;
овитьць: **имовитьць**;
льць: **пришьльць**;
альць: **страдальць**;
ильць: Рус. кормилецъ.

3. **ица**: **пѫтица**, **ж(ь)рица**, **чародѣица**; **дѣвица**, **грълица**, **лъжица**, **соулица**; **львица**, **юница**; **троица**; Рус. столица, бездѣлица.

Сложные суффиксы:

ьница: **грѣшьница, плѣньница, деньница, горьница**; Рус. **ризница**;
ганица: **пиганица**;
авица, гавица: **пигавица**; **трасавица**;
овица: **ноговица**; **маковица**; **оноговица**;
ивица: **страшивица**;
ьлица: Рус. свѣт(ь)лица;
илица: Рус. кормилица.

4. **иць**: **гвоздиць**; Растицъ (Ростиславъ); Чеш. střevic. Впрочемъ суффиксъ іс въ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ чаще произошелъ изъ суф. **итйъ=иштъ**=Рус. ичъ, о чемъ см. выше.
5. **аць**: **мѣсаць**? **заяць**?

Суффиксы со звонкимъ зубнымъ протяжнымъ з.

Число этихъ суффиксовъ такъ незначительно и составъ соотвѣтственныхъ темъ столь неясенъ, что трудно положительно присваивать Славянскому языку этотъ элементъ, какъ темообразующій. Въ однихъ случаяхъ онъ могъ развиться, какъ поздняя неорганическая вставка, въ другихъ-же является какъ будто варягомъ, пришельцемъ изъ-за моря.

Къ числу формъ перваго рода можно отнести слѣдующія:

1. **езъ**: Серб. љемез?
2. **озъ**: Чеш. lomoz?
3. **изъ**: Рус. прямизъ (ср. прямизна), бѣлизъ, дробизъ;
4. **оузъ**: Рус. мелузъ, мелюзъ (ср. мелюзга); Бѣлорус. ментузъ (налимъ).

5. Къ темамъ, заимствованнымъ изъ-чужа, должны, по всей вѣроятности, принадлежать тѣ, которыя образованы суффиксомъ **азь**, **агъ** (Рус. язь, ягъ), соотвѣтствующимъ нѣмецкому ing. Таковы: **кънАзь** (ср. староверхненѣм. chuning), **витазь**, **пѣназь** (ср. ст. вер. нѣм. phenning), **склазь** или **стьлазь** (Пол. szeląg; ср. ст. вер. нѣм. scilinc), **оусерязь** (Рус. серьга; Готск. auhsariggs), **кладазь** (ср. Готск. kaldiggs); Пол. mosiądz (ср. средневерхненѣм. messinc), rzeciądz (и: wrzeciądz), Чеш. řetěz, Малорус. ретязъ (catena); ср. Szlązk (Чеш. Slezsko); Grudziąż (Graudenz). Во всѣхъ этихъ формахъ скрывается звукъ г, какъ показываетъ форма **кънАгыни**, а равно и сравненіе съ соотвѣтственными формами Нѣмецкаго; слѣдовательно суффиксъ **азь** не от

личенъ въ сущности отъ суффикса агъ, который необходимо предполагать въ Древнерусскихъ формахъ: Варягъ (ср. старонижненѣм. vaering), корлягъ (ср. староверхненѣм. karling), колбягъ, Ятвягъ (Ядзвингъ); ср. Пол. Elbjąg (Elbing). Касательно происхожденія исчисленныхъ словъ не установилось еще полнаго согласія между изслѣдователями, хотя не одинъ разъ онѣ были уже предметомъ изслѣдованія лингвистовъ и историковъ. Приверженцы нормандизма Варяговъ-Руси всегда принимали эти слова за одно изъ доказательствъ своей теоріи; ихъ же противники старались подъискать Славянскіе корни для приведенныхъ формъ. Наиболѣе вѣскими соображеніями подкрѣплена гипотеза послѣднихъ въ „Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка" Проф. И. И. Срезневскаго. Эти соображенія не для всѣхъ однако показались убѣдительными, какъ показываетъ примѣръ знаменитаго вѣнскаго слависта Фр. Миклошича, который считаетъ вышеприведенные слова и формы по большей части (Stammbildungslehre. 317) заимствованными. Мы должны сознаться, что при всемъ желаніи доказать славянизмъ этихъ словъ, мы бы затруднились въ этомъ. Суффиксъ азь, агъ встрѣчается всего въ дюжинѣ формъ, изъ которыхъ ни одна не представляетъ особенно яснаго и прозрачнаго Славянскаго корня, а наоборотъ всѣ почти представляютъ очень подозрительное сходство съ созвучными Нѣмецкими. Вслѣдствіе того предположеніе о германизмѣ этихъ словъ опирается, по нашему мнѣнію, на данныхъ несравненно болѣе осязательныхъ, чѣмъ противоположное—объ ихъ славянизмѣ.

Во всякомъ случаѣ, формы эти существуютъ уже очень давно во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и потому заслуживаютъ упоминанія въ Славянской морфологіи.

Суффиксы съ тихимъ зубнымъ протяжнымъ с.

1. съ: часъ, вѧсъ, лѫ(к)съ; рѫсь?
   са: Рус. плакса; Пол. beksa.

2. ес(о,еса). Суффиксъ этотъ производитъ закрытую тему, какъ и два нижеслѣдующіе (ѣс; ийъс (ijas). Такъ какъ въ им. ед. мы встрѣчаемъ форму сокращенную на о, то приведемъ здѣсь для наглядности формы именит. множ. дивеса, словеса, небеса, очеса, тѣлеса, оушеса, колеса, оудеса; ср. ложесно, древеснъ.

3. **ъс**. Это суффиксъ прошедшихъ причастій дѣйствительнаго, соотвѣтствующій Праарійскому us (vas, vans). Въ Древнеславянскомъ слогъ **ъс** въ именит. ед. мужескаго рода сократился въ звукъ **ъ**, **ь**; но въ женскомъ элементъ **с** выступаетъ наружу, въ видѣ вторичнаго звука **ш**, который остается затѣмъ во всѣхъ косвенныхъ падежахъ: **плетъ, плетъши (ж. р.); начьнъ начьнъша** (Род. ед.); **хваль, хвальши; коупль, коупльша.**
4. **ийъс** (ijas) или **ийъсйъ** (ijasja). Этотъ суф. образовалъ форму, сравнительной степени. Въ Древнеславянскомъ изъ первой приведенной формы образовалось окончаніе **ий** (**ийъс=ийъ=ий**), а изъ второй окончаніе **ѣйшь**. Первое встрѣчается въ древнѣйшихъ образованіяхъ, а послѣднее въ болѣе новыхъ: **болий, больши** (ж. р.); **мьний, лиший, льжий, тажий, бръжий, глжблий, хоуждий, слаждий, поуштий, ваштий, оуний**; но: **добрѣй, добрѣйши.**

Въ Русскомъ изъ этого суффикса развились два слѣдующіе: ьшій (большій) и ѣйшій (малѣйшій).

5. **асъ**: **к(ъ)ласъ? в(ъ)ласъ?** Рус. дубасъ, бѣласый; бѣлбасъ?
   аса: **клъбаса?** Рус. мордасы?
6. **осъ**: Серб. пркос (прекословіе).
7. **оусъ, оусь**: Пол. obdartus, całus, Kostuś; Малорус. Петрусь, татусь;
   оусıа: Малорус. бабуся.
8. **ѫсъ, ѫсь**: Малорус. Бенадысь (Benedictus); Рус. **мамысъ**, — ыса; ср. Пол. Marysia.
9. **ись**: Пол. młodniś; strojniś;
   исıа: Пол. strojnisia.

Суффиксы съ зубнонебнымъ дифтонгомъ ч.

1. **чь** (чйъ): **бичь, бричь, врачь.**
2. **ачь** (**ачйъ**): **тъкачь, сокачь, играчь, ковачь, скрипачь**; Рус. богачъ, калачъ, силачъ;
   ача: Хорут. bedača (stulta); Срб. грбача (dorsum).
3. **очь**(**очйъ**): **ласкочь** (adulator), **връкочь? иночій.**
4. **оучь**: Рус. сивучъ;
   оуча: Срб. главуча.
5. **ѫчь**: Пол. słodycz, gorycz.
6. **ечь**: Срб. Голечъ (гора);
   еча: Бѣлорус. малеча (малолѣтній).

7. **ичь**: **которичь** (homo rixosus). Этотъ суффиксъ напоминаетъ однозвучный съ нимъ въ Русскомъ патронимическій суффиксъ ичъ(итйъ). Ихъ различіе видно единственно изъ разницы формъ Церковнославянскаго: **ишть**: **ичь**.

Суффиксы съ звонкимъ небнымъ протяжнымъ **ж**.

1. **жа**: Рус. любжа. Миклошичъ относитъ сюда и Пол. формы odzieża, przedaża; но гораздо проще объяснять ихъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ Русскихъ формъ: одежа, продажа, правильно образованныхъ изъ Цер.-славянскихъ: **одежда**, **продажда** (суффиксомъ: **дйа**).
2. **ежь**: **матежь**, **падежь**, **грабежь**; Рус. дѣлежъ, свербежъ; холостежь, молодежь.
3. **оужа**: Пол. kałuża (или: ka-łuża?)? Срб. калужа (fimetum)?
4. **ѣіжь**, **ижь**: Хут. drobiž; Пол. Чеш. łaniž,—yš (родъ гриба)?

Суффиксы съ тихимъ небнымъ протяжнымъ **ш**.

1. **ша**: Рус. крыша, лѣвша, векша? Маша, Саша; ср. докторша.
2. **ашь** (ь=йъ): Рус. торгашъ, кругляшъ; Срб. великашъ; Хут. banderaš.
3. **ешь**(ь=йъ): **лемешь** (aratrum). Ср. суфф. **езъ**.
4. **ошь** (ь=і): **кокошь**; Рус. Мокошь; **ошь** (ь=йъ): Пол. rokosz, Długosz; Срб. Милошъ, Рус. юноша, святоша; ср. ладоши?
5. **оушь**, **оуша**: Рус. кликуша, толстуша; ср. матушка, хохлушка; Срб. Негуш, Хут. bogatuš.
6. **ѣішь**: Рус. катышъ, огарышъ, околышъ, подкидышъ, пріемышъ, проигрышъ, зародышъ, гладышъ, малышъ, дѣтенышъ, кукишъ? нагишемъ? Лотышъ? **ѣіша**, **иша**: Срб. богиша, грубиша.

Суффиксы съ мновенными губными **п**, **б**.

Звуки эти рѣже всѣхъ остальныхъ появляются въ образовательныхъ окончаніяхъ, какъ и вообще эти наружные звуки стоятъ довольно изолированно отъ другихъ (внутреннихъ по органамъ про-

изношенія) согласныхъ, не обмѣниваются съ ними, и даже очень слабо соединяются въ сложныя группы.

Въ роли суффиксовъ встрѣчаются слѣдующія сочетанія этихъ звуковъ:

1. **оупъ**: Серб. скоруп; Хут. gorjup (горькій);
   оупа: Рус. скорлупа (м. б. с-кор-луп-а?); ср. Бѣлорус. малюпаткій; Пол. maciupki; **стлъпъ и стлъбъ.**
2. **ба, ьба: врьба? борьба, гѫдьба, мольба; сѫдьба, тѫжьба**; Рус. рѣзьба, усадьба, туж(ь)ба, жур(ь)ба. Въ сложеніи съ суф. **ть=тьба, атьба, итьба: сѣтьба, оратьба, женитьба.**
3. **оба: зълоба, ѫтроба**; Рус. худоба, жалоба, хвороба.

Относительную роль разныхъ звуковъ въ образованіи суффиксовъ можно опредѣлить до нѣкоторой степени по числу комбинацій, въ которыхъ каждый изъ такихъ звуковъ является. Принимая точкой отправленія исчисленныя нами формы суффиксовъ, мы получимъ слѣдующія *количественныя отношенія роли звуковъ* въ суффиксахъ:

1. суффиксовъ вокальныхъ 4;
2. " съ придыхательными 5 (й: 1; в: 4);
3. " " плавными 50 (м: 8; н: 17; л: 15; р: 10);
4. " " зубными мгновенными 41 (т: 34; д: 7);
5. " " гортанными 24 (к: 10; г: 7; х: 7);
6. " со свистящими 19 (ц: 5; з: 5; с: 9);
7. " съ шипящими 17 (ч: 7; ж: 4; ш: 6);
8. " " губными мгновенными 3 (п: 1; б: 2).

Такимъ образомъ изъ 163 комбинацій звуковъ, играющихъ роль именныхъ суффиксовъ, лишь въ 4 случаяхъ находимъ чистые *гласные;* во всѣхъ остальныхъ встрѣчаемъ ихъ соединенія съ *согласными.* Этотъ сильный перевѣсъ суффиксовъ консонантныхъ надъ вокальными вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что выше сказано о генезисѣ суффиксовъ. Происходя изъ самостоятельныхъ нѣкогда корней, они должны имѣть слоговой характеръ, т. е. представлять соединеніе гласнаго звука съ однимъ или нѣсколькими согласными.

Плавные являются въ 50 комбинаціяхъ, т. е. обнимаютъ 30, 6% общаго числа именныхъ суффиксовъ. Столь значительная роль плавныхъ объясняется ихъ участіемъ въ причастныхъ образованіяхъ

(м, н, л), легшихъ въ основу цѣлому ряду вторичныхъ именныхъ суффиксовъ.

Сравнивая число группъ съ согласными *протяжными* (со включеніемъ плавныхъ) съ одной стороны и *мгновенными* съ другой, мы получимъ слѣдующее отношеніе: 98: 61. Роль первыхъ гораздо обширнѣе, слѣдовательно, роли вторыхъ. Впрочемъ, нужно вспомнить, что въ числѣ протяжныхъ есть цѣлый рядъ вторичныхъ разложеній изъ мгновенныхъ, напр. ц, ч развились изъ к; з, ж изъ г. Если прибавить эти четыре элемента къ мгновеннымъ, по происхожденію, то получится уже другое отношеніе: 77: 82, т. е. сила тѣхъ и другихъ оказалась бы почти равномѣрною, съ нѣкоторымъ даже перевѣсомъ мгновенныхъ надъ протяжными. Это согласно съ древнѣйшимъ состояніемъ Арійскаго консонантизма, гдѣ девяти согласнымъ мгновеннымъ соотвѣтствовало 6 протяжныхъ (I. k, g, gh; t, d, dh; p, b, bh; II. j, s, v; r, n, m [1]).

По отношенію къ звону согласные (за изъятіемъ плавныхъ, которые являются обоюдными) распредѣлены въ суффиксахъ такъ: комбинацій со *звонкими* (й, в, д, г, з, ж, б) 30; съ *тихими* же (т, к, с, ц, ч, ш, п) 79. Итакъ рѣшительный перевѣсъ оказывается на сторонѣ послѣднихъ. Отношеніе было-бы еще рѣзче, если-бы мы приняли во вниманіе обширную роль звука к въ сложныхъ суффиксахъ, далеко не полно выражаемую его показателямъ: 10. Роль звонкихъ въ суффиксахъ не мало ослабляется еще тѣмъ, что въ очень многихъ случаяхъ мы встрѣчаемся здѣсь съ образованіями темнаго происхожденія (напр. *д, г, з, ж, б*), и сомнительной оригинальности. Тѣмъ не менѣе не основательно было бы заподозрѣвать славянизмъ того или другаго суффикса по той единственно причинѣ, что въ его составѣ является звукъ звонкій, а не тихій, такъ какъ къ числу первыхъ принадлежатъ й, в, играющіе довольно обширную и самостоятельную роль въ Славянской морфологіи.

По *органамъ* произношенія согласные въ образованіи исчисленныхъ 159 суффиксовъ находятся въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

зубные (н, т, д, ц, з, с)	въ	77	суффиксахъ;
небные (й, ч, ж, ш)	„	18	„
гортанные (к, г, х)	„	24	„
язычные (л, р)	„	25	„
губные (в, м, п, б)	„	15	„

1) *Schleicher*. Compendium. 10.

Итакъ всѣхъ чаще встрѣчаются зубные и гортанные, съ примыкающими къ нимъ небными; всѣхъ рѣже губные; средину занимаютъ язычные.

Нельзя утверждать, чтобы разсмотрѣнныя числовыя отношенія безошибочно выражали дѣйствительную роль разныхъ звуковъ въ образованіи именныхъ основъ. Нѣкоторыя несообразности этихъ показаній прямо бросается въ глаза. Такъ напр. по нашимъ цифрамъ звуки к и р должны бы встрѣчаться по-ровну въ образованіи суффиксовъ, между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что к играетъ въ образованіи темъ роль несравненно болѣе обширную, чѣмъ р. Тоже должно сказать о х въ сравненіи съ г (7: 7), о ц въ сравненіи съ з (5: 5) и т. д. Для установленія отношеній болѣе точныхъ, необходимо провѣрить изложенныя указанія по другому метому, напр. высчитать процентное отношеніе именныхъ суффиксовъ съ разными элементами, на основаніи текста Церковнославянскаго, Русскаго и т. п.

Опытъ подобнаго вычисленія произведенъ нами, съ приблизительной точностію, по тексту Древнеславянскаго перевода „XIII словъ Григорія Богослова“ [1]), при чемъ оказалось слѣдующее.

Между 200 именными суффиксами, встрѣтившимися въ избранномъ отрывкѣ, находится: вокальныхъ 59, консонантныхъ же 141.

Въ числѣ послѣднихъ:

21	суф.	образованныхъ	придыхательными (й: 19; в: 2);
53	„	„	плавными (м: 14; н: 31; л: 3; р: 5);
35	„	„	зубными мгновенными (т: 31; д: 4);
12	„	„	гортанными (к: 7; г: 0; х: 5);
9	„	„	свистящими (ц: 2; з: 0; с: 7);
9	„	„	шипящими (ч: 3; ж: 0; ш: 6);
2	„	„	губными мгновенными (п: 1; б: 1).

Сравнивая этотъ счетъ съ предшествующимъ, мы находимъ существенное различіе въ числовомъ опредѣленіи роли гласныхъ звуковъ въ образованіи суффиксовъ. Вмѣсто прежняго отношенія 4 (гласн.): 159 (согл.) мы получаемъ: 59: 141. Послѣднее несомнѣнно вѣрнѣе, такъ какъ суффиксы вокальные, несмотря на малое число ихъ обычныхъ комбинацій, являются уже въ Древнеславянскомъ очень частымъ и важнымъ дѣятелямъ въ образованіи именныхъ основъ.

Въ ряду согласныхъ плавные обнимаютъ 25%, что почти совершенно согласно съ отношеніемъ, выведеннымъ выше (30, 6%).

---

1) См. изданіе СПБ. Академіи наукъ. 1876. стр. 110—112.

Число суффиксовъ съ протяжными и мгновенными опредѣляется отношеніемъ: 97: 44 (ср. выше: 98: 61), слѣд. фактъ перевѣса первыхъ надъ вторыми потверждается еще болѣе рѣзкимъ образомъ.

Отношеніе суффиксовъ съ тихими и со звонкими (за изъятіемъ плавныхъ) опредѣляется цифрами: 62: 26 (ср. выше: 79: 30). Для трехъ звонкихъ (г, з, ж), поставленныхъ нами выше въ ряду сомнительныхъ дѣятелей темообразованія, не оказалось ни одного примѣра, что вполнѣ соотвѣтствуетъ незначительности ихъ роли въ Славянской морфологіи.

Въ распредѣленіи согласныхъ по органамъ получаются и здѣсь отношенія, аналогичныя предшествующимъ:

зубные	участвуютъ	въ	75	суф.	(ср.	выше:	77);
небные	„	„	28	„	(„	„	18);
гортанные	„	„	12	„	(„	„	24);
язычные	„	„	8	„	(„	„	25);
губные	„	„	18	„	(„	„	15).

Итакъ преобладаніе зубныхъ надъ всѣми другими потверждается и новымъ вычисленіемъ; но роль губныхъ нѣсколько выдвигается впередъ, превыщая въ употребленіи не только гортанные, но и язычные, которые оказываются факторомъ болѣе скромнымъ, чѣмъ какъ могло казаться по числу образуемыхъ ими комбинацій суффиксовъ. Второе мѣсто послѣ зубныхъ приходится, слѣдовательно, оставить за гортанно-небными (въ совокупности 40); третье мѣсто займутъ (благодаря носовому м) губные, а послѣднее язычные.

2. *О суффиксахъ основъ глагольныхъ.*

Разсмотрѣвъ суффиксы основъ именныхъ, перейдемъ къ основамъ глагольнымъ. Онѣ отличны отъ именныхъ не только въ симазіологическомъ, но отчасти и въ морфологическомъ отношеніи. Вокальные элементы составляютъ, какъ мы видѣли, въ суффиксахъ именныхъ основъ факторъ несравненно слабѣе согласныхъ (59: 141); въ глаголахъ наоборотъ они играютъ роль преобладающую. Въ связи съ этимъ находится фактъ, что многія именныя основы представляютъ комплексъ звуковъ закрытыхъ позвучнымъ согласнымъ (напр. при суффиксахъ: ер, ес, ьш, мѧ, ѧт); въ глаголахъ же мы постоянно имѣемъ предъ собою основы открытыя, за исключеніемъ

развѣ временныхъ темъ съ суффиксомъ ес, хотя и тутъ находимъ обыкновенно какой нибудь вокальный позвукъ (а, е, ъ).

Неоспоримое различіе основъ глагольныхъ и именныхъ не простирается однако до такой степени, чтобы устранять всякую между ними аналогію. Суффиксы тѣхъ и другихъ равно были нѣкогда самостоятельными словами; произошли изъ корней субъективныхъ или (въ новѣйшихъ образованіяхъ) опустѣлыхъ по значенію объективныхъ (bam, θην и т. п.); составляютъ слогъ, если не утратили своего вокальнаго элемента. Подобно суффиксамъ именнымъ, глагольные способны, хотя и въ меньшей мѣрѣ, къ дальнѣйшему наращенію и могутъ являться въ видѣ суффиксовъ сложныхъ или слитныхъ, напр. суффиксъ ова (оу+а). Наконецъ связующимъ звѣномъ основъ именныхъ съ глагольными служатъ формы инфинитива и причастныя. Какъ по значенію, такъ и по образованію онѣ являются родомъ грамматическихъ амфибій. Съ пространственными функціями именъ (въ склоненіяхъ) онѣ соединяютъ временныя (въ спряженіяхъ) глаголовъ; кромѣ разсмотрѣнныхъ выше именныхъ суффиксовъ (ти, тоу; жшт, ъш, лъ, мъ, нъ), онѣ заключаютъ въ себѣ еще особые глагольные суффиксы (нѫ, а, ова, ѣ, и), которые будутъ разсмотрѣны нами вслѣдъ за симъ.

Число видоизмѣненій глагола, или его тематическихъ развѣтвленій, чрезвычайно обширно, чуть ли не общирнѣе именныхъ. Если сосчитать всѣ формы любаго Славянскаго глагола по видамъ, залогамъ, наклоненіямъ, временамъ и лицамъ, то получится нѣсколько сотъ видоизмѣненій одного и того же корня, въ области преимущественно основъ, такъ какъ словообразующими элементами глаголовъ являются одни личные суффиксы, съ ихъ различеніемъ по числамъ.

Удивительно, какими простыми звуковыми средствами достигается въ Славянскомъ (какъ и другихъ Арійскихъ) языкѣ это грандіозное развитіе глагольнаго корня въ области темъ! Пять суффиксовъ видовыхъ (нѫ, а, ова, ѣ, и); два для наклоненій (е, і); одинъ для временъ (съ=хъ): восемью этими суффиксами и исчерпываются морфологическія средства Славянскаго языка при развитіи темъ чисто глагольныхъ (безъ причастій и инфинитива)! Если прибавить сюда еще тря личные суффикса глагола, то мы получимъ 11 суффиксовъ для всѣхъ его видоизмѣненій, въ области не только темъ, но и словъ! При разсмотрѣніи глагольныхъ темъ, необходимо обращать вниманіе

на то обстоятельство, что всѣ онѣ даже морфологически группируются около двухъ логическихъ центровъ: а) темы аористовъ (онѣ же и инфинитива) и б) темы настоящихъ временъ, а иногда и имперфектовъ.

По внѣшнему виду перваго рода темы можно бы назвать простыми или краткими, а вторыя распространенными.

Краткія глагольныя основы (аористныя или инфинитивныя) могутъ быть образованы въ Славянскомъ языкѣ шестью различными способами:

1. Корень принимается за основу;
2. къ корню прибавляется суффиксъ нѫ;
3. къ корню или основѣ прибавляется суффиксъ а;
4. " " " " " " ова (оуа);
5. " " " " " " ѣ;
6. " " " " " " и.

Такъ получается шесть видовъ или классовъ Славянскаго глагола, отличныхъ какъ по строенію, такъ и по значеніямъ, вслѣдствіе чего на нихъ должно быть обращено особое вниманіе какъ въ морфологіи, такъ и въ симазіологіи Славянскаго языка.

Первый изъ 6 видовъ существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что по отсѣченіи суффиксовъ временныхъ или модальныхъ (хъ, ти) мы получаемъ въ немъ односложный комплексъ звуковъ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ классахъ остается въ результатѣ два и даже три слога. Такъ напр. по отсѣченіи суффикса ти мы получимъ для каждаго изъ шести классовъ слѣдующія звукосочетанія:

1. да, би, обоу, бꙑ, сѣ, пек, жи(в), мѧ, трь;
2. кос-нѫ, гꙑб-нѫ, дрьз-нѫ, гъ(б)-нѫ;
3. чес-а, рꙑд-а, бѣг-а, дѣл-а;
4. лик-ов-а, цѣл-ов-а, воі-ев-а,
5. бъд-ѣ, мьн-ѣ, им-ѣ, блест-ѣ;
6. боуд-и, сад-и, блѫд-и..

1. По своей роли въ образованіи глагольныхъ формъ, *первый* изъ шести видовъ совершенно аналогиченъ пяти послѣднимъ, почему и принимается, подобно имъ, за глагольную основу; но въ сущности онъ такъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ, въ морфологическомъ отношеніи, какъ только можетъ быть отличенъ односложный корень отъ многосложной основы.

Число глаголовъ перваго типа не очень значительно: Миклошичъ насчиталъ до 100. Мы видимъ въ нихъ глаголы самой простой и древней формаціи.

2. Второе мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ глаголы, образованные суффиксомъ нѫ. Онъ приставляется обыкновенно къ корнямъ и образуетъ основы первичныя, тогда какъ остальные суффиксы весьма часто приставляются и къ именнымъ основамъ, образуя такимъ образомъ темы вторичныя.

Что касается происхожденія слога нѫ, то сравнительное языкознаніе ставитъ его въ одинъ рядъ съ Греческимъ суффиксомъ νυ (въ формахъ: δείκνυμι, πήγνυμι), соотвѣтствующимъ Санскритскому nu. Есть дѣйствительно основаніе предполагать, что ринезація слога ноу произошла въ Славянскомъ языкѣ во время сравнительно позднее, являясь родомъ удвоенія элемента н (нѫ=вун или нан). Въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ бѣглый характеръ втораго носоваго (двигнѫ: двигнеши, — неть), такъ и случаи перегласовки юса (ѫ) въ слогъ ов, что возможно объяснить лишь предположеніемъ, что въ этомъ ѫ скрывается древній оу: прикоснѫса: прикосновенъ; плинѫти: плиновенъ; двигнѫти: двигновенъ и т. п.

3. Глагольныя основы на а обнимаютъ очень обширный кругъ формъ, съ разнообразнымъ значеніемъ, при чемъ встрѣчаются темы какъ первичныя (чесати, рыдати), такъ и вторичныя (дѣлати, оупокаıати, стрѣляти). Иногда этотъ суффиксъ какъ будто удвояется, такъ что получается тема трехсложная: сочет-ава(ти), оувѣшт-ава(ти); въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ ложится на суффиксъ съ другимъ гласнымъ: Рус. сказывать, игрывать.

Гласный суффиксъ а встрѣчается и въ прочихъ Арійскихъ языкахъ: Лат. amare; Греч. τιμάω; въ Санскритѣ онъ звучалъ aja.

4. Къ темамъ на а примыкаютъ основы на ова. Суффиксъ этотъ есть слитный; онъ явственно распадается на два: ов+а. Касательно перваго элемента возможны два мнѣнія: либо онъ самостоятельно произошелъ изъ мѣстоименнаго корня ava (овъ); либо развился подъемомъ изъ звука ъ(=a, оу) именныхъ темъ, отъ которыхъ произошли относящіяся сюда глагольныя основы. Послѣднее предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ оно потверждается и производнымъ (denominativa) характеромъ глаголовъ этого типа, и появленіемъ слога оу въ темахъ настоящаго времени: цѣловати: цѣлоуѭ; даровати: дароуѭ; воıевати: воıуѭ. Принимая это мнѣніе, не надобно

думать, будто суффиксъ ов могъ развиться лишь изъ именныхъ темъ на оу; возможно допустить образованіе его и изъ основъ на а, чрезъ посредство ъ, въ которомъ совмѣщался характеръ какъ одного, такъ и другаго прагласнаго. Мы допускаемъ здѣсь такой же переходъ звуковъ, какой совершился въ развитія суффикса родительнаго множественно на овъ, въ темахъ не только оу, но и а.

5. Темы на ѣ примыкаютъ съ одной стороны къ темамъ на а, а съ другой къ темамъ на и, что видно на основахъ настоящаго времени:

а) **имѣти: имѣюши**; ср. **рыдати: рыдаюши**;

б) **бѫдѣти: бѫдиши**; ср. **садити: садиши**.

Такая двойственность формъ этого типа коренится, по всей вѣроятности, на двойственности происхожденія и характера звука ѣ(а+і): одной своей стороной онъ примыкаетъ къ а, а другой къ і (ср. **сѣсти: садити**; **вѣдѣти: видѣти**). Быть можетъ въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ источникъ разногласія, а вмѣстѣ и почва для примиренія взглядовъ на происхожденіе этого суффикса: Шлейхеръ выводилъ его изъ aja(=eje=ѣ), а Миклошичъ изъ ja(=aj, ej, ê). Возможно какъ то, такъ и другое; но позволительно допустить и третье, именно формы **ѣти, ѣюши** выводить изъ aja (по Шлейхеру), а формы **ѣти, иши** изъ ja (по Миклошичу).

6. *Шестой* и послѣдній видъ темъ имѣетъ суффиксъ **и**. Формы, имъ образованныя, представляютъ основы по большей части вторичныя: **побѣда: побѣдити; покой: покоити, садъ: садити.** Этотъ суффиксъ **и** замѣчателенъ тѣмъ, что остается и въ темахъ настоящаго (какъ въ одной половинѣ глаголовъ 5 класса); но онъ является тамъ, по-видимому, результатомъ вторичнаго стяженія, какъ увидимъ ниже.

Изъ темъ, образованныхъ шестью исчисленными способами, развился, посредствомъ дальнѣйшихъ суффиксовъ, рядъ другихъ основъ, съ общимъ смысломъ прошедшаго или будущаго времени, какъ въ причастныхъ, такъ и личныхъ формахъ. Суффиксы прошедшихъ причастій (**ъш, ьш, лъ; нъ, тъ**) разсмотрѣны уже выше, въ обзорѣ именныхъ основъ. Что касается *темъ аористныхъ*, то онѣ бывали въ Древнеславянскомъ либо совершенно обнаженныя отъ всякаго временнаго суффикса (**идъ, идомъ, вънидѫ** вм. позднѣйшихъ **идохъ, идохомъ, идошѧ; сѣдъ, сѣдомъ, сѣдѫ** вм. **сѣдохъ, сѣдохомъ, сѣдошѧ** и т. п.), либо приращенныя суффиксомъ **с**: **чисъ(чьт-съ), съблюсъ, привѣсъ, принѣсъ, погрѣсъ, възасъ, распасъ, сънасѧ.** Впрочемъ какъ та, такъ и

другая форма, соотвѣтствующія Греческому II и I-ому аористамъ, довольно рано выходятъ изъ употребленія въ славянщинѣ и замѣняются новымъ видомъ аориста съ суффиксомъ: хъ (вм. съ).

Славянскій аористъ раскололся затѣмъ на двѣ формы: краткую (оконченнаго дѣйствія) и распространенную (неоконченнаго, или несовершеннаго дѣйствія и состоянія). Элементомъ распространенія является звукъ а, который въ зіяніи прикрывается іотомъ: чоу-ꙗ-хъ, мꙑ-ꙗ-хъ, одѣꙗхъ (при краткихъ аористныхъ формахъ: чоухъ, мꙑхъ, одѣхъ). Трудно сказать, въ какомъ отношеніи къ этимъ формамъ Славянскаго преходящаго находится тѣ, въ которыхъ вмѣсто одного а появляется его удвоеніе: аа, аꙗ: бихъ: биꙗахъ; лихъ: лиꙗахъ; пѣхъ: поꙗахъ; плоухъ: пловꙗахъ; дѫхъ: дъмꙗахъ; мѧхъ: мьнꙗахъ. Возможно двоякое предположеніе: либо перваго рода формы (съ одиночнымъ а) представляютъ позднѣйшее и довольно рѣдкое стяженіе вторыхъ (аа), какъ это допускаютъ по отношенію къ а инфитивовъ на ати (изъ: aja-ti); либо наоборотъ, формы аахъ развились изъ древнѣйшихъ на ахъ, по вліянію аналогіи преходящихъ временъ глаголовъ съ суффиксами въ инфинитивѣ: а, ѣ, и, т. е. что формы биꙗахъ, поꙗахъ, развились изъ болѣе древнихъ: биꙗхъ, поꙗхъ, по дѣйствію формъ: дѣлаахъ, жадаахъ, писаахъ; слꙑшаахъ; велѣахъ (и: велꙗахъ), дѣлꙗахъ, любꙗахъ. Первое предположеніе имѣетъ за себя чрезвычайную рѣдкость въ Древнеславянскомъ языкѣ формъ преходящаго съ одиночнымъ а, а также фактъ позднѣйшаго повсемѣстнаго стяженія суффикса аахъ въ ахъ: древнія стяженныя формы на ахъ могли быть слабымъ предвѣстникомъ того обширнаго звуковаго процесса, который обнялъ впослѣдствіи весь подлежащій матеріалъ языка. Но съ другой стороны, если не соблазняться внѣшнимъ видомъ суффиксовъ преходящаго времени (аахъ, ꙗахъ), а обращать особенное вниманіе на происхожденіе ихъ элементовъ, то окажется, что большинство Древнеславянскихъ глаголовъ имѣли характеромъ означеннаго времени суффиксъ съ одиночнымъ а, такъ какъ первое а (въ суф. аахъ) не только можно, но и должно принимать за характеръ не преходящаго времени, а первой глагольной основы, которая удерживается и въ аористѣ: дѣла-хъ: дѣла-ахъ; мета-хъ: мета-ахъ; кова-хъ: кова-ахъ; жьда-хъ: жьда-ахъ; велѣ-хъ: велꙗ-ахъ; висѣ-хъ: висꙗ-ахъ; дѣли-хъ: дѣлꙗ-ахъ; оучи-хъ: оуча-ахъ. Мы считаемъ послѣднее предположеніе болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, при подобномъ объясненіи перваго изъ удвояемыхъ гласныхъ, число формъ съ чисто-временнымъ суффиксомъ аахъ (какъ: биꙗахъ, поꙗахъ) будетъ очень незначительно; слѣ-

довательно, принимая характеромъ Славянскаго имперфекта звукъ а, мы отдаемъ предпочтеніе прочнымъ основаніямъ этимологическимъ предъ призрачными очевидностями звуковыми.

Что касается способа распространенія суффикса аахъ на темы не только съ элементомъ а, но и съ ѣ, и, даже нѫ и односложныя, то это должно было произойти по аналогіи самыхъ частыхъ формъ имперфекта, какими несомнѣнно, по своему значенію, были темы на а, заключающія въ себѣ понятіе длительности и незаконченности дѣйствія, или состоянія. Всѣхъ легче могли сбиться на тотъ же путь основы на ѣ, чрезъ промежуточную ступень звука ꙗ; за темами ѣ должны были слѣдовать родственныя имъ на и, а въ концѣ концевъ этотъ процессъ обобщенія обнялъ и глаголы перваго и втораго классовъ: вести: ведꙗахъ; пещи: печаахъ; гънѫти: гънꙗахъ; тягнѫти: тягнꙗахъ.

Когда впослѣдствіи начался процессъ стяженія сосѣднихъ гласныхъ, то во многихъ случаяхъ исчезло всякое различіе между темами аориста и имперфекта. Это произошло именно въ глаголахъ 3 и 4 класса по строенію первыхъ основъ: изъ дѣлаахъ образовалось дѣлахъ, изъ воюваахъ—воювахъ, т. е. формы прошедшаго растяженнаго слились съ краткими. Это сліяніе началось очень рано и образцы его встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности. Быть можетъ это обстоятельство не осталось безъ вліянія на вторичную дифференцировку двухъ аналогичныхъ формъ въ суффиксахъ 2 и 3 лл. ед. и 3 множ. Она выразилась въ томъ, что общій характеръ времени обѣихъ формъ х(е) оставленъ въ однихъ формахъ, а видоизмѣненъ или выброшенъ въ другихъ. Такъ въ 3 л. мн. ч. мы встрѣчаемъ суффиксъ хѫ(т) въ имперфектѣ, но шѧ(т) въ аористѣ; въ 2 и 3 л. ед. тотъ же суффиксъ, хотя и видоизмѣненный въ ш, сохраненъ въ темахъ времени преходящаго (биꙗше, мꙑꙗше), но изгнанъ безслѣдно изъ основъ аористныхъ (би, мꙑ). Обнаружилось стремленіе дифференцировать какъ-нибудь еще формы 3 л. дв. и 2 л. мн., совпадавшія въ однообразныхъ суффиксахъ: ста, сте (дѣлааста: дѣласта; писаасте писасте). Въ имперфектѣ, по аналогіи формъ единст. числа, стали показываться оригинальныя формы: шета, шете; но онѣ не имѣли уже времени распространиться и утвердиться въ языкѣ.

Суффиксъ с(юс) образовалъ, какъ въ Греческомъ, такъ и въ Славянскомъ языкѣ, темы не только аористовъ, но и *будущаго* времени, если позволительно судить объ этой давно утраченной категоріи

Славянскаго спряженія на основаніи единственной надежной формы: бышѧщеѥ, которая разъ пять встрѣчается въ рукописи XIЦ Словъ Григорія Богослова (въ смыслѣ Греческихъ: τὸ μέλλον, γενόμενον, ἐσόμενον), а также и въ нѣкоторыхъ другихъ Древнеславянскихъ памятникахъ. Эта причастная форма предполагаетъ изъявительную на шѫ: бышѫ (ср. бѫдѫщеѥ: бѫдѫ), что вполнѣ совпадаетъ съ литовской формой busiu и Греческой φύσω. Славянскіе филологи, съ легкой руки Шафарика, приводятъ еще полъ—дюжины формъ Древнеславянскаго будущаго: измишѫ (отъ минѫти), бѣгасѧѫ (бѣгати), обрьснѫ (брити), въскопысиѫ (копати), тъкысиѫ (тъкнѫти), пласнѫ (планѫти). Надобно сознаться, что ни одна изъ этихъ шести формъ не представляетъ столь ясныхъ примѣтъ будущаго, чтобы могла разсѣять всѣ сомнѣнія и возраженія. Четыре послѣднія формы очень легко могутъ быть объяснены какъ формы настоящаго времени отъ инфинитивовъ на нѫти, со вставочнымъ с (ср. именные суффиксы: снь, знь, изна, ость: баснь, боѩзнь, отьчизна, милость); изъ двухъ же первыхъ очень темныхъ формъ нельзя сдѣлать никакого положительнаго вывода.

Другая глагольная основа (настоящихъ временъ) характеризуется вставочнымъ гласнымъ, который является въ видѣ то е, то о: плет-е-ши, дъм-еть; несѫ(несон), несѫть(онть); везомъ. Лишь четыре архаическіе глагола (ѥсмь, ѩмь, вѣмь, дамь) образуютъ praesens indic. безъ этого вставочнаго гласнаго. Въ глаголахъ 5 и 6 класса, т. е. съ темами ѣ, и, встрѣчаются формы безъ вставочныхъ е, о: бъдиши, блѫдиши; трьпимъ, любимъ. Руководствуясь аналогіею, можно предположить, что и эти формы развились при участіи, хотя и скрытомъ, вставочнаго гласнаго е (о), т. е. что выщеприведенныя формы: бъдиши, любимъ развились изъ древнѣйшихъ: бъди-ѥ-ши, люби-ѥ-мъ. Стяженіе сосѣднихъ слоговъ и+ѥ въ одинъ (долгій)', путемъ ассимиляціи сосѣднихъ гласныхъ, не представляется явленіемъ невозможнымъ. Въ параллель этому роду стяженія можно поставить извѣстные случаи стяженія прилагательныхъ сложныхъ: добра+ѥго=добраго, Чеш. dobrého; или глагольныхъ формъ: видѣахъ: видѣхъ. Еще большее сходство съ разсматриваемыми формами стяженія имѣетъ Древнеславянская же форма имамь изъ има+ѥмь.

Нельзя сказать, чтобы приведенныхъ соображеній достаточно было для окончательнаго разъясненія вопроса объ отношеніи формъ на ѥши къ формамъ на иши; однако гипотеза о скрытомъ присутствіи гласной е въ составѣ звука и является пока единственнымъ

болѣе или менѣе раціональнымъ объясненіемъ разсмотрѣнныхъ формъ, вслѣдствіе чего должна быть удержана до прісканія лучшей.

Что касается происхожденія вставнаго въ распространенныхъ темахъ звука, то большинство изслѣдователей склоняется къ предположенію, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ элементомъ эвфоническаго, а не этимологическаго происхожденія. Такой элементъ встрѣчается въ Санскритѣ (a), въ Греческомъ (ε) и другихъ Арійскихъ языкахъ. Шлейхеръ предполагалъ, что соединительный гласный (α; ε; е, о) по являлся первоначально лишь въ тѣхъ глагольныхъ темахъ, гдѣ представлялся эвфоническій къ тому поводъ. Потомъ, по аналогіи, онъ распространился и на всѣ другія основы, проникнувъ даже въ аористы, при согласныхъ темахъ: **иде, идомъ, идѧ; идохъ, идохомъ; ведохъ, гребохъ, жегохъ, топохъ, гъбохъ.**

Все это произошло въ пору столь отдаленную, что не представляется фактическихъ данныхъ для убѣдительнаго рѣшенія вопроса. Даже эвфоническій характеръ соединительнаго гласнаго кажется намъ предположеніемъ, далеко еще не доказаннымъ. Можно пріискать эвфоническіе мотивы для появленія и многихъ другихъ вокальныхъ суффиксовъ (**а-ти, и-ти, ѣ-ти**), но много ли пользы наукѣ отъ столь шаткихъ предположеній?

Есть случаи, гдѣ въ темахъ настоящаго времени, кромѣ вставочнаго е, появляется еще при немъ небный элементъ **и, й**, который отражается то въ іотаціи гласнаго е, то въ разложеніи предшествующаго согласнаго: **лиюши, сѣюши; пишеши, жаждеши, приемлеши.** Въ первомъ случаѣ (при открытыхъ корняхъ, какъ: **лити: лиюши**) й могъ быть эвфонической при зіяніи вставкой; но трудно предполагать тоже при корняхъ закрытыхъ, какъ **пис, жад, им.** Въ параллель съ этими Славянскими формами можно поставить Греческія: φαίνω (φαν-ί-ω), τείνω; ἕζομαι (ἑδ-ί-ομαι), κράζω (κραγ-ί-ω), στέλλω (στελίω) и т. п.

Кромѣ вокальной вставки (соединительнаго гласнаго), вторая глагольная основа характеризуется и нѣкоторыми другими особенностями, потверждающими за ней названіе основы распространенной. Она принимаетъ иногда и согласныя прибавки, то въ концѣ корня (въ видѣ суффиксовъ), то въ срединѣ его (въ видѣ инфиксовъ). Такова приставка звука **д** въ формахъ настоящаго времени глаголовъ: **бы-ти, и-ти, о-дѣ-ти, дати: бѫ-д-еть, и-д-еть, о-де-жд-ѫть, да-дѧть.** Изъ настоящаго этотъ вставной **д** перешелъ иногда въ имперфиктъ и даже въ аористъ: **бѫдѣахъ, идѣахъ; идохъ, идъ, идомъ, идѧ.** Это

вставное д распространилось впослѣдствіи въ Сербскомъ нарѣчіи какъ на презенсъ, такъ и на аористъ: дадем, знадем, имадем; дадох, знадох, имадох. Что касается происхожденія этого вставочнаго согласнаго, то всего вѣроятнѣе предположеніе, что въ немъ скрывается корень дѣ (dhâ, θε: дѣ-ти, дѣ-лъ, дѣ-нѫ), подобно тому, какъ онъ скрывается въ Латинскихъ формахъ: vendo, credo, perdo, а быть можетъ и въ Греческихъ πρήθω, πλήθω, и въ страдательномъ аористѣ θην.

Примѣръ внутренняго распространенія корня во второй глагольной основѣ представляютъ тѣ формы, гдѣ произошла ринезація коренного гласнаго, такъ какъ она равносильна вставкѣ носоваго н, м: лешти: лѧжеть; сѣсти: сѧдеть; обрѣсти: обрѧштеть; бъіти: бѫдеть (изъ бъід-еть?). Въ послѣднемъ примѣрѣ нужно предположить развитіе корня бъі сначала звукомъ д: бъід (ср. ид, дад), а потомъ вставочнымъ (по аналогіи формъ: лѧг, сѧд, рѧт) въ средину этого комплекса звукомъ н(м). Аналогичное расширеніе корня въ основахъ настоящаго вр. встрѣчается и въ классическихъ языкахъ: λα-μ-β-άνω; τυ-γ-χ-άνω; ju-n-g-o, pu-n-g-o.

Послѣдній способъ расширенія второй глагольной основы состоитъ въ усиленіи коренного гласнаго: пѣ-ти: поі-ѫ; плъіти: плов-ѫ; ли-ти: лѣ-ѩ; сми-ıатиса: смѣ-ѩса; рю-ти: рев-ѫ; зъв-ати: зов-ѫ; бър-ати: бер-ѫ; ср. Пол. nieść: niosę; wieźć: wiozę и т. п.

Ринезація и усиленіе коренного гласнаго могутъ, по вышеизложеннымъ соображеніемъ, быть принимаемы за родъ инфикса— согласнаго въ первомъ случаѣ, и гласнаго во второмъ, вслѣдствіе чего эти явленія представляютъ видоизмѣненія одного и того же морфологическаго пріема.

Отъ второй глагольной основы, которую мы назвали распространенною, производятся, посредствомъ особыхъ суффиксовъ, темы настоящаго времени не только изъявительнаго, но и другихъ наклоненій, именно: повелительнаго и причастія.

Изъявительное не имѣетъ особаго модальнаго суффикса, если не считать таковымъ разсмотрѣнный выше вставочный звукъ е, о, который обыкновенно выводятъ изъ требованій эвфоніи.

Повелительное наклоненіе имѣетъ въ Славянскомъ суффиксъ и, который во множ. числѣ видоизмѣняется обыкновенно въ ѣ или ı (послѣ согласныхъ), а въ обоихъ числахъ въ й послѣ гласныхъ: иди: идѣмъ; неси: несѣмъ; дъми: дъмѣмъ; бий: бийте; пой: пойте.

Нѣкоторое уклоненіе отъ общихъ нормъ представляютъ глаголы на ѣти (praes. иши) и ити (praes. иши). Во множ. числѣ они не измѣняютъ своего и въ ѣ: велите, видите, любите, таите. Быть можетъ это происходило отъ большей силы звука и, образованнаго въ этихъ глаголахъ изъ сліянія двухъ гласныхъ: 1) ѣ, и глагольной основы; 2) и императива: дѣ-ли-ти: дѣли-и=дѣли; люби-ите: любите. Такимъ образомъ возможно предположить въ этомъ и (какъ результатѣ контракціи) долготу, которая отразилась какъ въ большей устойчивости этого звука въ Древнеславянскомъ, такъ и въ преобладаніи на этомъ слогѣ ударенія въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ Русскомъ: дѣлите, острите, любите, носите, оучите, трьпите, при отсутствіи въ тѣхъ же формахъ ударенія въ настоящемъ изъявительнаго.

Что касается происхожденія суффикса и въ Славянскомъ императивѣ, то его объясняютъ аналогіею Греческаго оптатива, гдѣ звукъ ί(η) соотвѣтствуетъ Санскритскому ja, ī, ē. *).

---

*) Примѣч. Въ октябрской книжкѣ Рус. Вѣстн. 1876 г. (т. 125) напечатана любопытная статья *„объ образованіи основъ и временъ Русскаго глагола“ г. Вестфаля.* Авторъ касается въ ней между прочимъ и вопроса о Славянскомъ императивѣ, который, согласно съ другими лингвистами, признаетъ за Арійскій оптативъ. При этомъ онъ останавливается на Русскихъ формахъ: пеки, сѣки и утверждаетъ, будто мы имѣемъ здѣсь предъ собою чрезвычайно архаичное образованіе, „что въ этомъ отношеніи Русскій языкъ гораздо древнѣе и первобытнѣе всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчій, первобытнѣе даже Церковнославянскаго“ (стр. 509). Это основывается на недоразумѣніи. Формы: пеки, моги (какъ и аналогичныя именныя: луки, руки, ноги) не только не превосходятъ, но наоборотъ далеко уступаютъ въ древности формамъ: пеци, мози (какъ и формамъ: лѧци, рѫци, нози), такъ какъ послѣднія господствуютъ и въ Русскомъ въ древнѣйшихъ памятникахъ не только XII, но и XIII в. Формы же: пеки, моги развились въ немъ уже позже, на глазахъ исторіи, какъ въ этомъ можно удостовѣриться по фактамъ, собраннымъ въ изслѣдованіи г. Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка“ (стр. 53, 63, 79, 92, 106).

Промахъ г. Вестфаля не стоилъ-бы не только опроверженія, но и упоминанія, еслибъ авторъ не придалъ мнимому своему открытію чрезвычайной важности, говоря, что вышеозначенная „глагольная форма (пеки, моги) бросаетъ яркій свѣтъ на отношенія Русскаго языка и Малороссійскаго нарѣчія къ другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ“ и дѣлая изъ этого выводъ, что „пора-бы вывести Русскій языкъ изъ той почти рабской зависимости отъ Церковнославянскаго языка, въ которую его до сихъ поръ ставятъ составители русскихъ грамматикъ“. Выводъ г. Вестфаля столь же невѣренъ, какъ и посылки, на которыхъ онъ построенъ. Если самъ авторъ считаетъ полезнымъ проводить аналогію между формами Русскаго языка съ одной стороны, а Санскрита, Греческаго и Латинскаго съ другой, то онъ долженъ признать существованіе извѣстныхъ аналогій,

Чище всего сохранился слѣдъ слога ja въ формахъ: ѩждь, даждь, вѣждь, виждь (изъ ѩд-йа=ѩд-йъ=ѩжд-ъ=ѩждь; дад-йа, вѣд-йа, вид-йа). Въ формахъ множественнаго: берѣмъ, берѣте, ѣ образовалось, какъ предполагаютъ, изъ соединенія тематическаго гласнаго а съ модальнымъ суффиксомъ і: а+і=ѣ.

Изъ второй же глагольной основы, какъ сказано, развились формы настоящаго времени причастій, какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залоговъ. Суффиксъ перваго—ант (ср. выше), т. е. слогъ, почти неотличный отъ личнаго суффикса 3 л. мн. ч. настоящаго изъявительнаго. Близость этихъ 2 формъ открывается и изъ того, что появленіе большаго или малаго юса въ обѣихъ формахъ взаимно совпадаетъ: ведѫть: ведѫшти (жен. р.); пекѫть: пекѫшти; биѭть: биѭшти; колѭть: колѭщи; но: видѧть: видѧшти; острѧть: острѧшти; дѣлѩть: дѣлѩшти; таѩть: таѩшти. Разсмотрѣніе скрывающихся въ основѣ этихъ формъ первыхъ глагольныхъ темъ показываетъ, что ѫ употребляется въ четырехъ первыхъ изъ шести вышеразсмотрѣнныхъ основъ (1) темы односложныя; 2) темы съ суффиксомъ нѫ; 3)—а; 4)—ова, ева); юсъ же малый употребляется въ темахъ 6-го класса (и). Что же касается 5-го класса (ѣ), то одна половина его сохраняетъ ѫ (бѣлѣти: бѣлѣюши: бѣлѣѭть: бѣлѣѭшти), другая же измѣняетъ его въ ѧ (велѣти: велиши: велѧть: велѧшти). Изъ этого слѣдуетъ, что измѣненіе ѫ въ ѧ какъ въ той, такъ и въ другой формѣ (praes. 1) indic. 2) partic.) происходитъ при темахъ съ суффиксами ѣ, и и безъ сомнѣнія по дѣйствію этихъ элементовъ, т. е. что ѧ=иѫ, ѣѫ. Такимъ образомъ большой юсъ въ этихъ формахъ древнѣе малаго. Откуда же проникъ послѣдній во всѣ почти причастныя формы имен. п. муж. р., какъ напр. дѣѩ, важѧ, пишѧ, велѩ, дѣлѩ? Надобно предположить конечно, что и здѣсь существовалъ раньше ѫ, какъ видно

а слѣдов. и сторонъ для сравненія между любымъ изъ современныхъ живыхъ Славянскихъ нарѣчій и тѣмъ отпрыскомъ языка Древнеславянскаго, какой для насъ сохранился въ древнихъ памятникахъ Церковнославянской письменности. Научная разработка любаго языка предполагаетъ сравненіе формъ его развитія какъ въ пространствѣ (діалектологія), такъ и во времени (исторія языка). Самые важные законы какъ фонетики, такъ и морфологіи всѣхъ Славянскихъ нарѣчій открыты преимущественно путемъ ихъ сравненія съ церковнославянщиной. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдняя долго еще будетъ служить неизсякаемымъ источникомъ для поученія Славянскихъ лингвистовъ и что она навсегда сохранитъ въ нашей филологіи значеніе Славянскаго Санскрита.

изъ косвенныхъ падежей: дѣѭшта, важѫшта и т. д. Онъ преобразился въ ѧ во 1. вслѣдствіе ослабленія голоса въ концѣ слова и во 2. по вліянію мягкаго согласнаго, предшествующаго юсу. Первымъ объясняется между прочимъ то явленіе, что ѫ (ѭ) сохранился въ жен. родѣ (при сохраненіи конечной гласной: пишѫшти); а второе потверждается судьбою звука ѫ въ темахъ, имѣющихъ твердые согласные позвуки. Въ этихъ случаяхъ юсъ тоже нѣсколько помутился, но преобразился онъ при этомъ не въ ѧ, а въ ꙑ: зовꙑ (зовѫшта), мꙑны, ведꙑ, пекꙑ.

Что касается настоящаго причастія страдат. залога, то суффиксомъ его является элементъ мъ (какъ въ прошедшихъ причастіяхъ нъ, тъ). Онъ приставлялся (какъ въ praes. indicat.) къ глагольной основѣ, распространенной вставочнымъ е, о: дѣѥмъ, мꙑѥмъ, колѥмъ; ковомъ, зовомъ, ведомъ. Первый появлялся въ слогахъ мягкихъ (какъ ѧ въ муж. р. прич. дѣйств.), а второй въ твердыхъ (какъ ꙑ, тамъ же) Ихъ взаимное отношеніе и употребленіе совершенно аналогично юсамъ, т. е. е: о=ѧ: ѫ(ꙑ). Но въ темахъ на ѣ, и (praes. indic. иши) мы не находимъ въ явномъ видѣ вставочнаго гласнаго е или о: видимъ, любимъ. По аналогіи съ praes. indic. нужно предполагать, что этотъ вставочный е, о (если онъ тутъ существовалъ) слился съ тематическимъ и.

Что касается образованія темъ преходящаго времени (имперфекта), то подобно аористнымъ онѣ правильно образуются изъ первой (аористной) глагольной основы. Но есть случаи, гдѣ мы находимъ противное. Изъ 63 образцевъ Славянскаго спряженія, приведенныхъ въ таблицѣ Востокова [1]), 43 образуютъ имперфектъ, изъ аористной глагольной основы, а 20 изъ второй или распространной. Между послѣдними находится 10 имѣющихъ въ инфитивѣ форму I-го класса (односложная основа), 4—втораго (нѫ-ти) и 6—шестаго (и-ти). Въ числѣ десяти односложныхъ основъ—3 имѣютъ позвуки чисто гласные (пѣ-ти: поѭ: поıахъ; плоути: пловѫ: пловıахъ; стати: станѫ: станıахъ), 2 гласные же, но при плавныхъ л, р (млѣти: мелѭ: мелıахъ; трѣти: тьрѫ: тьрıахъ), 3 юсовые (дѫти: дъмѫ: дъмıахъ; жати: жьмѫ: жьмıахъ; мати: мьнѫ: мьнıахъ) и 2 согласные (пешти: печеть: пєчаахъ; жешти: жежеть: жежıахъ). Касательно основъ съ юсовыми позвуками позволительно высказать предположеніе, что мы имѣемъ тутъ предъ собой фактъ фонетическаго, а не этимологическаго происхожденія.

---

1) Грамматика церковнославянскаго языка. 1863. Спб.

Юсы не могли стоять предъ гласными, почему и разлагались на свои обычные элементы: дяти=дън-ти: дън-іахъ.

Не вполнѣ также очевидно происхожденіе имперфектныхъ основъ отъ темъ вторыхъ или распространенныхъ въ глаголахъ VI класса. Процессъ разложенія коренныхъ согласныхъ, подъ вліяніемъ созвучія и+а=іа, могъ совершиться въ имперфектѣ и независимо отъ аналогическаго прецедента въ темѣ настоящаго: люби-ти: люби-іахъ=люблıахъ; носи-ти: носи-аахъ=ношаахъ.

Такимъ образомъ число несомнѣнныхъ образцевъ производства имперфекта отъ темъ настоящаго оказывается довольно ограниченнымъ и можетъ быть потому принято за частное уклоненіе отъ общей нормы.

3. *Объ образованіи основъ мѣстоименій и числительныхъ.*

Разсмотрѣвъ морфологическіе пріемы и средства Славянскаго языка, прилагаемые къ образованію основъ именныхъ и глагольныхъ, бросимъ теперь бѣглый взглядъ на характеръ темъ мѣстоименныхъ, а въ связи съ ними числительныхъ и частицъ.

По порядку логическому слѣдовало-бы темы мѣстоименныя разсматривать прежде именноглагольныхъ, такъ какъ первыя входятъ уже элементами въ образованіе послѣднихъ, какъ ихъ формативные экспоненты; но для ясности изложенія удобнѣе начинать съ формъ болѣе прозрачныхъ; между тѣмъ въ основахъ мѣстоименныхъ мы встрѣчаемся съ образованіями очень древними и вмѣстѣ очень трудными для научнаго анализа. Ни имена, ни глаголы не представляютъ въ строѣ рѣчи словъ столь малочисленныхъ и вмѣстѣ столь частыхъ по употребленію, какъ мѣстоименія и частицы. Вслѣдствіе того послѣднія подверглись съ теченіемъ времени чрезвычайнымъ звуковымъ измѣненіемъ, такъ что наукѣ все еще не удается возстановить ни первоначальнаго вида этихъ основъ, ни послѣдовательныхъ фазисовъ ихъ развитія. По этой причинѣ и мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими замѣчаніями и сопоставленіями, ходячими въ наукѣ, хотя, по большей части, очень проблематической еще достовѣрности.

Основы мѣстоименій личныхъ.

1. **Перваго лица.** Славянское **азъ** соотвѣтствуетъ Санскритскому agham, Греч. ἐγώ, ἐγών, Лат. ego, Гот. ik (ich). Разлагаютъ его двояко: 1) ag+am и 2) ma-gha-m [1]). Звукъ **м** вводится во второмъ разложеніи, на основаніи его появленія въ темахъ другихъ падежей: мене, **мѧ**, mei, μοῦ и т. п. Если послѣднее вѣрно, то корень ма могъ быть въ сродствѣ съ тѣмъ, который является въ формахъ: **мь-н-ѣти**; **мѫжь** (ман-ж-ъ), **мѣ-ра**, **мѣ-сяць** и т. п.; элементъ же **г** трудно объяснить; ср. Греч. γε.

2. **Втораго лица.** Слово **ты**, звучало въ Санскритѣ: tvám, Лат. tu, Греч. σύ (Дорич. τύ), Нѣм. du. Предполагать ли въ немъ корень tva, (по Боппу), или tu (по Шлейхеру), матеріальное значеніе его остается неизвѣстнымъ. Присутствіе губнаго согласнаго въ Санскритѣ отражается и въ нѣкоторыхъ формахъ Славянскаго: **тебе**, **тобоѭ** и т. п.

Столь же темны формы множ. и дв. числа этихъ мѣстоименій:

1. л. **мы**, **ны**, **намъ**;—**вѣ**, **на**;

2. л. **вы**, **вамъ**;—**ва**;

Шлейхеръ высказываетъ предположеніе, что въ основѣ этихъ формъ скрываются звукосочетаніе: 1. ma-sma (я-онъ=мы); 2. tva-sma (ты-онъ=вы); но самъ сознается, что ничего не можетъ привести для его потвержденія.

3. **Третьяго лица.** Аналогію съ **мене**, **тебе** представляетъ, по своимъ формамъ, мѣстоименіе **себе**; ср. Лат. sibi, Греч. σφέ, ἕ; ср. **свой**: suus, σφός. Но въ Славянскомъ языкѣ оно имѣетъ, какъ извѣстно, отношеніе не только къ третьему (какъ въ Латинскомъ, Греческомъ, Нѣмецкомъ), но и къ двумъ прочимъ лицамъ всѣхъ чиселъ. По звукамъ разсматриваемая основа очень близка къ темѣ 2 лица: **тебе**: **себе**=**тъ**: **сь**, **того**: **сего**. Родственны ли онѣ и по происхожденію,—это не можетъ быть ни утверждаемо, ни отрицаемо.

Въ самомъ близкомъ и непосредственномъ отношеніи къ неродовымъ личнымъ мѣстоименіямъ стоятъ, по своему образованію, мѣстоименія *притяжательныя*. Онѣ произведены отъ личныхъ суффиксомъ **йа**: **мой**, **твой**, **свой**, **нашь**, **вашь**. Послѣднія формы развились, кажется,

---

1) Ср. Schleicher, Compend. 642.

изъ род. множ. нась, вась+йа (ср. домъ: домовъ: домовой; часъ: часовъ: часовой). Еще явственнѣе связь притяжательныхъ съ родит. падежемъ въ формахъ: югова, т говъ.

За отсутствіемъ въ Славянскомъ, какъ и въ другихъ Арійскихъ языкахъ, спеціальной темы для обозначенія 3-го лица, фунгирують въ этой роли различные *указательные* мѣстоименные корни и ихъ основы.

а) тъ, сь: того, сего. Разница между этими двумя темами, кажется, часто фонетическаго характера: обѣ могли развиться изъ одного корня вторичной диференцировкой. Въ Славянскомъ языкѣ переходъ т въ с можно видѣть въ формахъ: да-си, ꙗ-си, вѣ-си, гдѣ с есть элементъ личнаго суффикса, происходящаго изъ мѣстоименнаго корня: ты (tu, Греч. σύ; ср. τυρός: сыръ?). Можно указать еще на аналогическій переходъ мгновеннаго въ протяжный въ формахъ: гонѭ: женѫ; годити: жьдати; гръло: жрьло; коса: чесати; а также въ случаяхъ диссимиляціи въ группахъ дт, тт: чьс-ти, пас-ти. Корень тъ, сь является въ формахъ тъи (тъ+и), тотъ (тъ+тъ), толикъ (тъ+лик), такъ (тъ+къ), сꙗкъ, селикъ, сиць, и т. п.

Соотвѣтствующій Славянскому тъ (сь) мѣстоименный корень является во многихъ формахъ языковъ родственныхъ: tam, talis, tum, tunc, tot; dum, demum; τοί, ταί, οὗτος; der, dieser и т. п.

б) онъ: ср. ἄν, ἀνά, alius (anyas: инъ?); исходною формою предполагаютъ: ana.

в) овъ: ср. αὖθι, αὐτάρ, αὐτός; οὖν; Лат. ve; праформа могла звучать: ova.

г) и, ꙗ, ю, обыкновенно съ частицею же: иже. Въ основѣ предполагаютъ слогъ: ja. По значенію своему это мѣстоименіе хотя и было первоначально указательнымъ (ср. благъ+и=ὁ ἀγαθός, Новоболгар. благъ-т), однако впослѣдствіи утвердилось въ болѣе отвлеченномъ смыслѣ *относительнаго* мѣстоименія (ср. is, item, ibi; ὅς, ὅσος; Нѣм. ja).

Наряду съ указательными развились мѣстоименія *вопросительныя.* Корневой ихъ элементъ есть звукъ к въ соединеніи съ разными гласными: къй (къ+и), каꙗ, кою; чий; какъ (къ+къ); къ-то; коль (къ+ли); коликъ (къ+лик), которъ (къ+тор); ср. qui, quod, quam, cur; κοῖος (ποῖος), κῶς (πῶς), κότερος (πότερος). Въ основѣ всѣхъ этихъ формъ лежитъ, повидимому, слогъ ka. Изрѣдка появляется въ той же роли и корень йа, въ формахъ: ꙗкъ (ꙗ+къ), юликъ (ю+лик) и т. п.

Изъ соединенія темъ вопросительныхъ съ указательными развились *соотносительныя* (correlativa): кьто: тъ; какъ (какъ): такъ; колико (коликъ): толикъ; ср. πηλίκος (ἡλίκος): τηλίκος.

Нѣсколько аналогично вопросительнымъ образовалось изъ корня ю (ja?) *неопредѣленное* мѣстоименіе етеръ. Быть можетъ тотъ же корень лежитъ въ основѣ образованій: нѣкъто, нѣкыи; нѣкакъ, нѣколикъ (ср. jemand, jemals; нѣкто: никто=jemand: niemand).

Очень остроумную теорію образованія мѣстоименныхъ корней и основъ представилъ г. Микуцкій [1]). Онъ вычислилъ тѣ простѣйшія комбинаціи звуковъ, которыя были возможны въ Праарійскомъ языкѣ, при существованіи въ немъ трехъ лишь гласныхъ (a, i, u) и 18 согласныхъ, между которыми было 6 мгновенныхъ чистыхъ (k, g; t, d; p, b), 6 мгновенныхъ же аспированныхъ (kh, gh; th, dh; ph, bh) и 6 протяжныхъ (m, n; j, r; v, s). Авторъ считаетъ нормальными корни открытые, но допускаетъ и закрытые, при вокальномъ элементѣ a: ka, ki, ku, ak; ja, ji, ju, aj и т. п. Такимъ образомъ получается 75 звукосочетаній, которымъ г. Микуцкій приписываетъ значеніе первоначальныхъ указательныхъ частицъ, изъ коихъ возникли затѣмъ мѣстоименія, образовательныя приставки, указательныя нарѣчія, предлоги и союзы. напр: азъ=a-gha-am; ты=tu-a; мене=ma-na и т. п. Нельзя сказать, чтобы теорія эта заключала въ себѣ какія нибудь внутреннія противорѣчія или невозможности; но она ничѣмъ не подтверждена, почему и не можетъ претендовать на значеніе прочнаго научнаго положенія.

Очень близки къ мѣстоименіямъ по значенію и происхожденію *числительныя*. Онѣ тоже имѣютъ смыслъ чисто абстрактный и произошли изъ корней субъективныхъ, либо опустѣлыхъ по смыслу объективныхъ. Происхожденіе основъ числительныхъ очень древне, какъ видно изъ ихъ общности во всѣхъ Арійскихъ языкахъ, а также изъ темноты ихъ состава [2]).

---

1) Филологическія Записки. 1870. № 2. стр. 104.

2) Этимологическому разбору числительныхъ Славянскаго языка посвящено спеціальное изслѣдованіе П. І. Шафарика, напечатанное въ Чешскомъ музейникѣ 1848. См. Sebrané spisy. т. III. 615 сл.

Въ основѣ Славянскаго счисленія, какъ оно выражается въ языкѣ, лежитъ десятичная система, общая всѣмъ Арійскимъ языкамъ и народамъ. Высшимъ предѣломъ Праарійской нумераціи было число 999. Самостоятельными корнями и темами обозначены въ Славянскомъ слѣдующія 12 цифръ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 100, 1000. Всѣ остальныя образованы путемъ сложенія этихъ основныхъ чиселъ десятичной системы.

1. Для перваго въ ряду чиселъ находимъ въ Славянскомъ языкѣ двѣ различныя основы:

а) инъ: инорогъ, иноходь, иночадъ; вънинѫ; Чешское jenom (юдиноѭ). Въ основѣ этой формы предполагаютъ мѣстоименный корень i, развитый суффиксомъ на: и-на. Славянскому инъ вполнѣ соотвѣтствуютъ Латин. unus (изъ oi-no=ai-na), Гот. ains, Нѣм. ein. Ср. инакъ.

б) юдинъ. Его сближаютъ съ Санскритскимъ adi (начало). Шафарикъ разлагаетъ его такъ: ю-ди-нъ и считаетъ первый слогъ указательнымъ мѣстоименнымъ корнемъ ja, а второй сравниваетъ съ Греч. δείς (въ смыслѣ τίς): οὐ-δείς.

2. дъва, duo, δύο, Гот. tva (zwei). Шафарикъ предполагалъ, что дъва=дъ+ва, т. е. сложено изъ двухъ указательныхъ корней: тъ и овъ.

3. три, tres, τρεῖς, Гот. thri (drei). По Шафарику три, подобно суффиксу тор, τερος, сложено изъ двухъ указательныхъ корней: та+ра.

4. четꙑрию, четыре, quatuor, τέσσαρες, Гот. fidvor (vier). Праформа (по Шлейхеру) должна была звучать: katvar. Шафарикъ видѣлъ въ этой темѣ соединеніе 3 корней: чет+ва+ра, изъ коихъ первый однозвученъ и однозначенъ съ словомъ чета, четъ (чьтѫ), второй съ суффиксомъ двойствен. числа ва, а третій съ указательнымъ корнемъ, находящимся и въ словѣ три. Другіе производятъ тоже слово изъ ка+три, т. е. видятъ въ немъ указат. мѣстоименіе ка, въ смыслѣ „одно", да предшествующее числительное три.

5. пѧть, πέντε, quinque, Гот. fimf (fünf), Санскр. pañkan. Шлейхеръ предполагаетъ праформу kankan, состоящую изъ удвоенія корня kan. Шафарикъ сближаетъ слова пѧть и пѧсть (отъ корня: пѧти, пьнѫ, ср. Санск. pâni=рука), находя въ этомъ

свидѣтельство, что пять пальцевъ руки служили первымъ счетнымъ орудіемъ человѣка. Объясненіе Шлейхера хромаетъ тѣмъ, что считаетъ болѣе нормальною форму съ начальнымъ к, вм. п; между тѣмъ это к встрѣчается лишь въ Латин. и Кельтскомъ, во всѣхъ же остальныхъ Арійскихъ языкахъ видимъ формы съ начальнымъ п(р).

6. **шесть**, sex, ἕξ, Гот. saihs, Сан. šaš. Шафарикъ сближаетъ это слово съ Югославянскимъ **шака** (горсть, отъ Санскр. корня sač=jungere), видя въ немъ повтореніе той же метафоры, какая скрыта въ **пать**: **пасть**.

7. **седмь**, septem, ἑπτά; Сан. saptán, Гот. sibun (sieben). Въ Славянскомъ опущенъ звукъ **п**, а звукъ **т** преображенъ въ **д**, по вліянію слѣдующаго **м**, въ которомъ видятъ элементъ, аналогичный суффиксу превосходной степени **ма** (**седьмьи**, **осмьи**). Корень этого слова очень теменъ. Шафарикъ рѣшался сближать его съ еврейскимъ шабат=sabbatum, день священный; но предполагать вліяніе Еврейскаго термина на образованіе Праарійскаго—болѣе чѣмъ смѣло.

8. **осмь**, octo, ὀκτώ, Сан. aštán. Предполагаемая праформа могла звучать aktu, такъ что **осмь** было-бы производнымъ изъ **октми**=**окми**=**осми**=**осмь**. Значеніе корня — темно. Шафарикъ видѣлъ въ этой формѣ префиксъ а и корень ket (тотъ самый, который является въ словѣ четыре), объясняя смыслъ ихъ соединенія: два раза четыре.

9. **девать**, novem, ἐννέα, Гот. niun (neun), Сан. navan. Славянское **д**, какъ видно изъ сравненія со всѣми другими соотвѣтствующими Арійскими формами, есть видоизмѣненіе звука **н**, произведенное, вѣроятно, дѣйствіемъ аналогіи сосѣдней формы: **десать**. Корень этой основы Шафарикъ сближалъ съ тѣмъ указательнымъ элементомъ на, который виденъ въ словахъ: νῦν, nunc, нынѣ; новъ, νέος novus. Девять означало-бы, по этому предположенію, новый рядъ чиселъ, послѣ двухъ четверней (4+4=8+1=9),—что въ свою очередь служило-бы подтвержденіемъ гипотезы Шафарика о происхожденіи слова восемь (повторенныя четыре).

10. **десать**, decem, δέκα, Сан. dáçan, Гот. taihun (zehn). Предполагаемая праформа: dakan. Въ Славянщинѣ она (подобно формамъ **пать**, **шесть**, **девать**) развита суффиксомъ **ть**. Корень слова **десать**: дек, дак, очевидно находится въ родствѣ съ формами: **десьнъ**, δεξιός, dexter; (in)dicare, digitus, δάκτυλος. Шафарикъ пытался пойти еще дальше и доказать, что не первая (**десать**) форма развилась изъ корня послѣднихъ, а наоборотъ, такъ что **десать** произошло де изъ **дъва+сать** (**сагати**, **сажень**), какъ Готское tai—hun=tvai—hand (двѣ руки). Но это—предположеніе очень ужъ искуственное и не оправдываемое формами большинства Арійскихъ языковъ.

100. **съто**, centum, ἑκατόν, Сан. çatá, Гот. hunda (hundert). Шлейхеръ производитъ эту форму гипотетически изъ редупликаціи темы: dakan (**деса-ть**), предполагая возможность слѣдующаго перехода: dakan-dakanta=(da)kan(da-kan)ta=kanta (Сан. çatá, Лат. centum)=kata (Слав. **съто**). Если это вѣрно, то смыслъ ста былъ-бы: десять (разъ) десять.

1000. **тысяшта**, **тысашта**; Гот. thusundja (tausend), Лит. tukstanti. Форму эту Шлейхеръ считаетъ не невозможнымъ производить изъ: daka (10)+kanti (100) = da(ka)kantja = taçantja = **тысяшта**. Названіе этого числа въ другихъ Арійскихъ языкахъ произведено отъ совершенно другихъ темъ: Сан. sahásra, Греч. χίλιοι, Лат. mille. Это показываетъ, что Праарійское счисленіе не восходило выше цифры 999.

Образованіе темъ для промежуточныхъ между разсмотрѣнными чиселъ: 11—19, 20—99, 101—999, совершается въ Славянскомъ языкѣ очень просто и наглядно.

Единицы прибавляются къ одному десятку посредствомъ предлога **на** (**юдинъ-на-десате**), а къ двумъ и болѣе—либо непосредственно, либо при участіи союза **и** (**дъвадесате и три** [1]); въ остальныхъ образованіяхъ (6×10=**шестьдесатъ**; 2×100=**дъвѣ сътѣ**) обходится безъ всякой вставочной частицы, съ отношеніемъ то подчинительнымъ, то сочинительнымъ между 2 частями формы.

1) Рѣже употреблялась форма: **три межд десатьма** (23). Она уцѣлѣла въ Чешскомъ.

Для цифры 40 развилась въ Русскомъ особая форма: сорокъ, заимствованная изъ Новогреческаго: σαράκοντα (ср. сорокоустъ, σαρακοστός).

Въ нѣкоторомъ, хотя болѣе косвенномъ, отношеніи къ числительнымъ стоятъ еше слѣдующія формы:

1) полъ (½); ср. плаха, полѣно (ср. secare, segmentum);
2) разъ: два раза; корень: разить, рѣзать;
3) кратъ: **дъва кратъі**; корень: kar (facere) или kart (findere)?
4) самъ (1), въ смыслѣ одинъ; ср. semel, simplex; ἅμα, ἅπαξ, εἷς (ἕνς=sans);
5) **гоубъ**: **соугоубъ**, **тригоубъ**; корень: **гъ(б)нѫти**; ср. duplex, triplex (plicare);
6) оба (2): ambo, ἄμφω, ἀμφί;
7) десть (24): ср. **десьница**?
8) копа (60): **копити**? ср. copia, cumulus;
9) **тьма** (10,000): **тьмьнота**; туманъ [1]).

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ образованіи *числительныхъ порядочныхъ*.

Оригинальныя темы представляютъ формы для 1-й и 2-й цифры: **прьвъ**, **дроугъи**. **Прьвъ** соотвѣтствуетъ Санскритскому: pûrva, primus, πρῶτος; ср. par (равенъ); per, παρά. **Дроугъи** не имѣетъ аналогичной основы въ языкахъ родственныхъ. По всей вѣроятности въ немъ скрывается тотъ же корень, какой въ словѣ другъ (amicus).

Всѣ остальныя порядочныя числительныя образованы изъ темъ вышеразсмотрѣнныхъ, посредствомъ суффиксовъ степеней сравненія торъ, тъ, мъ:

а) **въторъи**=**дъвъ-тор-ъ**; δεύτερος, andere; ср. **которъ**, **ютеръ**; uter; πότερος; κουφότερος;

б) **тъ**: **тъи**: **четврьтъи**, **пѧтъи**, **шестъи**; **третий**; ср. quartus, πρῶτος, τέταρτος; ср. μέγιστος;

г) **мъ**: **седмъи** (septimus, ἕβδομος), **осмъи**; ср. primus, summus, infimus.

---

1) Въ подобномъ же смыслѣ употреблялось слово **несвѣдь**, обозначавшее и 10,000 и 100,000 (см. легеонъ).

Частицы, или неизмѣняемыя части рѣчи, представляютъ окаменѣлости формъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ; поэтому образованіе ихъ тѣмъ какъ произошло, такъ и должно быть разсматриваемо въ связи съ формами глагольно-именными, съ ученіемъ о падежныхъ формахъ именъ и личныхъ—глаголовъ.

Въ заключеніе главы объ основахъ, бросимъ взглядъ на *основы сложныя* изъ нѣсколькихъ темъ или даже словъ.

Собственно говоря, каждая тема есть результатъ сложенія по крайней мѣрѣ двухъ самостоятельныхъ этимологическихъ элементовъ, изъ коихъ одинъ произошелъ обыкновенно изъ области корней объективныхъ, а другой—субъективныхъ или опустѣлыхъ; но это сложеніе произошло во времена столь отдаленныя и совершилось столь полно и тѣсно, что полученный въ результатѣ комплексъ звуковъ чувствуется въ языкѣ однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ. Отъ этого сложенія первобытнаго необходимо отличать позднѣйшее, гдѣ элементами являлись не чистые корни, а готовыя уже темы, или даже слова. Первымъ элементомъ вторичнаго сложенія могла быть либо одна изъ частицъ, либо форма глагольно-именная. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ обнаружилось стремленіе обратить полученный комплексъ звуковъ въ основу префиксованную, т. е. первый элементъ пустѣлъ до извѣстной степени, становясь вспомогательнымъ, опредѣлительнымъ для втораго, въ которомъ сосредоточивалась матеріальная сторона значенія.

Духу Славянскаго языка болѣе отвѣчаетъ форма сложеній съ префиксами (вторичными) частичными: **нечистъ, недѫгъ, ѫдолъ, оунꙑлъ, възмездие, оубогъ, патока, потокъ, прадѣдъ, прѣлихъ, проказа, раздолие, надежда, бездъна, облако, объноштьнъ, забава, измѣна, сѫпрѧгъ, съборъ** и т. п. Еще болѣе обширную роль играютъ вторичные частичные префиксы въ Славянскихъ глагольныхъ основахъ: они исчислены уже выше, въ отдѣлѣ о префиксахъ.

Что касается сложныхъ основъ съ первыми элементами изъ частей рѣчи измѣняемыхъ, то значительная ихъ часть въ Славянскомъ языкѣ возникла въ историческое уже время на книжной почвѣ, по вліянію сосѣднихъ языковъ. Такъ напр. множество подобныхъ образованій Церковнославянскаго носятъ явные слѣды Греческаго вліянія: **благовѣствование**: εὐαγγέλιον; **любомѫдрие**: φιλοσοφία; **богословьць**: θεολόγος; **православьнъ**: ὀρθόδοξος и т. п.

Есть однако въ Славянскомъ извѣстное число подобныхъ образованій несомнѣнно самобытныхъ: куропатка (ср. **коуропътина**), **виноградъ**, **листопадъ**, хлѣбосолъ, **инорогъ**, иноходь, **чрьноокъ**, **калъженъ**, **браточадъ**. Въ этихъ словахъ первая часть стоитъ въ тематической формѣ; но болѣе согласно съ духомъ Славянскаго языка ставить ее въ формѣ лексической: жаръ-птица, горемыка, скопидомъ, не-тронь-меня, перекати-поле и т. п.

На послѣдней ступени, въ образованіи словъ сложныхъ изъ словъ же, языкъ переходитъ уже изъ области этимологической въ синтаксическую, т. е. изъ круга словъ въ среду предложеній.

В. Ученіе объ образованіи словъ.

Предѣлъ и цѣль развитія корня въ Арійскихъ языкахъ заключается въ образованіи слова, т. е. такого комплекса звуковъ, который обозначаетъ не только матерію, но и форму понятія, отношенія называемаго предмета въ пространствѣ и времени, а также въ примѣненіи къ лицамъ говорящему, слушающему и третьему.

Ученіе объ образованіи изъ основъ словъ—составляетъ содержаніе третьей и послѣдней части аналитической морфологіи. Съ первою и второю ея частями (ученіемъ о строеніи корней и способахъ образованія темъ) оно находится въ тѣсной связи, ибо корень и основа составляютъ не что другое, какъ послѣдовательныя ступени въ органическомъ развитіи слова. Если ученіе о строеніи корней и темъ сравнить съ эмбріологіей естественныхъ организмовъ, то ученіе объ образованіи словъ соотвѣтствовало бы анатоміи организмовъ на степени ихъ самостоятельнаго существованія.

Тотъ дуализмъ языка, который выразился довольно рѣзко въ различенія основъ именныхъ и глагольныхъ, съ полной силой обнаруживается въ области словъ, въ видѣ различенія словъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ. Морфологическія средства языка, которыми образуются тѣ и другія, чрезвычайно просты и немногочисленны. Онѣ заключаются въ двухъ дюжинахъ суффиксовъ (или, какъ ихъ нѣкоторые называютъ, флексій), обозначающихъ падежныя формы въ именахъ (съ мѣстоименіями) и личныя въ глаголахъ. Второстепенныя логическія категоріи, которыя выражаются тѣми же лексическими суффиксами (или флексіями), заключаются въ родахъ и числахъ для

именъ, и въ числахъ же для глаголовъ. Такимъ образомъ въ третьей части морфологіи слѣдуетъ разсмотрѣть:

1. суффиксы падежей, въ ихъ видоизмѣненіяхъ по родамъ и числамъ;

2. суффиксы лицъ, съ ихъ развѣтвленіями по числамъ.

4. *О суффиксахъ падежей.*

Въ Праарійскомъ языкѣ предполагаютъ существованіе девяти падежныхъ формъ [1]), если причислять къ нимъ и звательный, который въ сущности есть не слово, а голая тема, столь же изолированная въ рѣчи, какъ междометіе. Уже рано эти формы начали между собою сливаться и число падежей стало непрерывно уменшаться. Такъ въ историческія эпохи мы находимъ, вмѣсто 9 первоначальныхъ падежныхъ формъ, въ Латинскомъ 6, въ Греческомъ 5, въ Готскомъ 5, въ Новонѣмецкомъ 3, въ Новороманскихъ и Англійскомъ 1 (для каждаго числа). Въ Древнеславянскомъ языкѣ было 7 болѣе или менѣе различныхъ формъ для единственнаго числа, да сверхъ того 6 для множественнаго и 3 для двойственнаго. Въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ число ихъ нѣсколько уменшилось; въ Болгарскомъ онѣ даже совсѣмъ пропали. Тѣмъ не менѣе Славянскій языкъ, въ большинствѣ своихъ нарѣчій, и теперь еще богаче склоняемыми формами языка Греческаго, временъ Омира!

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію звукосочетаній, служившихъ и служащихъ суффиксами Славянскихъ падежей, остановимся на тѣхъ способахъ, какими различены въ нашемъ языкѣ имена по *родамъ*. Предполагаютъ, что въ древнѣйшую эпоху жизни Арійскаго языка категорія рода совсѣмъ не выражалась въ языкѣ и лишь впослѣдствіи роды были различены и то не самостоятельными суффиксами, а вторичными вспомогательными средствами. Одни изъ суффиксовъ утвердились за мужескимъ родомъ, другіе за женскимъ, третьи за среднимъ. Гриммъ [2])находилъ,что въ Нѣмецкомъ языкѣ мужескій родъ имѣетъ формы болѣе явственныя и прочныя, женскій—мягче и нѣжнѣе, а средній—близкія къ мужескимъ, но тупѣе. Въ Славянскомъ наоборотъ

1) *Schleicher*. Compendium. 515.
2) Grammatik, I. 597.

самыя ясныя и прочныя формы представляетъ родъ женскій (а, і, ъв, ер); гораздо шатче и неопредѣленнѣе суффиксы мужескаго (ъ, йъ); средину между этими противоположностями занимаютъ формы средняго (о, е, ес, ѧ, ѧт): онъ выдѣлился, повидимому, позже двухъ первыхъ и примыкаетъ къ мужескому во всѣхъ формахъ, за исключеніемъ именит. падежа, а отчасти и винительнаго.

Какъ-бы то ни было, категорія рода не имѣетъ въ языкѣ Славянскомъ, какъ и прочихъ Арійскихъ, особаго суффикса, а выражается совокупностію формъ, развивающихся изъ соединенія суффиксовъ тематическихъ съ падежными, вслѣдствіе чего она и не можетъ быть предметомъ особаго разсмотрѣнія въ морфологическомъ отдѣлѣ грамматики.

Что касается категоріи *числа*, то и она не всюду имѣетъ особое звуковое выраженіе. Единственное (нормальное и древнѣйшее) напр. число совершенно обходится безъ числоваго указателя; во множественномъ числѣ находимъ распространеніе падежной формы единственнаго посредствомъ суффикса с (sa?); двойственное же характеризуется не самостоятельнымъ суффиксомъ, а вторичнымъ растяженіемъ падежныхъ суффиксовъ множественнаго, отъ котораго оно, очевидно, отдѣлилось уже въ позднее сравнительно время.

При тожествѣ логическихъ отношеній, выражаемыхъ падежными суффиксами, нѣтъ основанія предполагать для древнѣйшаго вида Арійскаго языка различныхъ падежныхъ формъ для различныхъ отдѣловъ склоняемыхъ словъ. Впослѣдствіи оказалась однако дифференцировка склоненій именнаго съ одной стороны, а мѣстоименнаго съ другой. Для Древнеславянскаго языка необходимо принять уже два главныя склоненія: 1) именное и 2) мѣстоименное. Комбинація формъ того и другаго произвела третье склоненіе—сложныхъ съ мѣстоимeніями прилагательныхъ. Дѣленія дальнѣйшія будутъ развиты и разсмотрѣны впослѣдствіи.

Падежные суффиксы именъ.

1. На переходѣ отъ основъ къ словамъ стоитъ форма *звательнаго* падежа. Морфологически она принадлежитъ еще къ области темъ; но синтаксически является словомъ, входящимъ въ составъ рѣчи, хотя и изолированнымъ въ ней, какъ междометіе.

Не принимая въ Славянскомъ языкѣ никакого подежнаго суффикса, форма зват. п. тѣмъ не менѣе отличается нѣсколько отъ чистой именной основы усиленіемъ тематическаго гласнаго, слабѣющаго въ другихъ падежныхъ формахъ, напр. въ именит. п.

Такъ при темахъ:

а) а получается въ именит. ъ, а, а въ зват. е, о: **влъкъ**: **влъче**; **доухъ**: **доуше**; **богъ**: **боже**; **ржка**: **ржко**; ср. λύκε, lupe;

б) у, въ именит. ъ, зват. оу: **сынъ**: **сыноу**; **медъ**: **медоу**; ср. γλυκύ;

в) и, въ именит. ь, въ зват. и: **кость**: **кости**; ср. πόλι.

Съ теченіемъ времени зват. п. былъ вытѣсненъ формами именительнаго, съ которыми онъ издавна совпадалъ во всѣхъ числахъ при среднемъ, а также въ двойственномъ и множественномъ при мужеск. и женск. родахъ.

2. *Именительный падежъ*. Суффиксомъ этого падежа для Арійскихъ языковъ принимается с(s) для мужескаго и женскаго рода и т(t) для средняго. Эти элементы сближаются съ прономинальными корнями: sa(ὁ, ἡ) и ta(τό).

Суффиксъ s хорошо сохранился въ языкахъ классическихъ: ἵππος, ναῦς; vox, mors. Что касается суффикса средняго рода t, то отъ него остались лишь скудные остатки: id, quid, istud, aliud, illud; Нѣм. das, was, Англ. it, that, what.

Въ Древнеславянскомъ издавна замѣчалась антипатія къ согласнымъ позвукамъ; они обыкновенно отпадали и слова кончались на гласные, которые при этомъ нѣсколько слабѣли и мутились въ чистотѣ и ясности звука. Такимъ образомъ изъ **влъкас** (λύκος, lupus) вышло **влъка**=**влъкъ**; **новас** (νέος, nouus): **новъ**; **съто** (ἕκατον, centum), **слоуто** (κλυτόν, inclutum); **гостис** (hostis): **гость**; **сыноус**: **сынъ**; **именс** (nomen): **имѧ**; **каманс** (ἄκμων-ς): **камы**; **матерс** (μήτηρ-ς, mater-s): **мати**; **небесс** (ср. νέφος, nubes): **небо**; **давусс**: **давъ** (**давъши**); **пекантс** (coquens): **пекы**. Въ формахъ женскаго рода, при темахъ а, согласный с(s) тоже отпалъ, но тематическій гласный сохранился въ чистомъ видѣ: **вьдова** (vidua), **жена** (γυνή); иногда къ суффиксу приставляется вторичный тематическій гласный: **пекжшти**, **бержшти**.

Во множест. числѣ въ формахъ имен. п. является суффиксъ с(s), составляющій, вмѣстѣ съ созвучнымъ падежнымъ суффиксомъ с, группу сс, происходящую, какъ полагаютъ, изъ саса, что видно изъ сокращенныхъ формъ: сас, ас. Этотъ приблизительно видъ имѣетъ

суф. имен. множ. въ древнѣйшихъ формахъ языковъ классическихъ: ὄπες, πατέρες, πόλιες; voces, boves; но: ἵπποι, equi (изъ equeis, equoes).

Въ Славянскомъ не сохранилось этого суффикса ни въ видѣ сас, ни въ видѣ ас, с. Слѣдъ этихъ утраченныхъ звуковъ отразился единственно на нѣкоторомъ усиленіи (замѣнительномъ растяженіи) позвучнаго тематическаго гласнаго. Такъ изъ темы влъкъ образовалась форма влъци, гдѣ звукъ и соотвѣтствуетъ Греческому дифтонгу οι (λύκοι) и произошелъ, быть можетъ, изъ Славянскаго дифтонга ѣ. Въ соотвѣтствующихъ основахъ средняго рода появляется звукъ а (нова, νέα, nova), быть можетъ — усиленный тематическій элементъ.

Нѣсколько другой характеръ представляетъ образованіе имен. множ. женскихъ основъ на а. Тутъ получается звукъ ꙑ въ твердыхъ темахъ, и ѧ въ мягкихъ: вьдꙑ: доуша. Послѣдняя форма показываетъ, что и въ первой ꙑ имѣетъ носовой характеръ, то есть почти равняется юсу (ср. камꙑ: камень; бeрꙑ: бeрѫшта). Возстановляя первоначальный его звукъ, получимъ слогъ ам, ан, за которымъ слѣдуетъ предположить утраченный с: амс, анс. Послѣдній суффиксъ совершенно совпадаетъ съ суффиксомъ винит. множ., что ведетъ къ предположенію,—не представляютъ ли формы: вьдовꙑ, доуша винит. множ., фунгирующаго въ роли именит.? Предположеніе это подтверждается стародавнимъ совпаденіемъ формъ именит. и винит. въ единствен. мужескаго рода, во всѣхъ числахъ средняго рода, и во всѣхъ трехъ родахъ двойст. числа.

При темахъ на у появляется въ имен. множ. слогъ ов съ позвучнымъ гласнымъ е: сꙑнове (υἱέϝες). Ов могло быть усиленіемъ тематическаго у; гласный же е представляетъ, повидимому, остатокъ суффикса ес (as). Такъже образована форма имен. множ. на ие въ темахъ і: чрьвие (vermes).

Формы двойственнаго числа объясняютъ, какъ сказано выше, растяженіемъ соотвѣтствующихъ суффиксовъ множественнаго. Процессъ образованія этихъ формъ не завершился ни въ одномъ Арійскомъ языкѣ, отчего количество раздѣльныхъ падежныхъ формъ двойств. гораздо меньше нормальнаго ихъ числа, для каждаго отдѣльнаго языка. Такъ и въ Славянскомъ, при 7 формахъ единственнаго и 6 множественнаго, находимъ лишь три для двойственнаго, именно:

1) именительный, который фунгируетъ также въ роли винительнаго; 2) родительный, замѣняющій съ тѣмъ вмѣстѣ формы предложнаго и 3) дательный, онъ же и творительный. Вслѣдствіе того три падежныя формы двойственнаго должны быть разсматриваемы въ связи съ соотвѣтственными этимологическими прототипами множественнаго (т. е. 1) именительнымъ, 2) родительнымъ и 3) дательнымъ).

Суффиксомъ именит. двойств. для языковъ Арійскихъ принимаютъ слогъ са̄с (sās), а̄с (ās), т. е. растяженіе суффикса именит. множ. Согласный элементъ этого суффикса не сохранился въ Славянщинѣ; но слѣдъ долгаго гласнаго отразился въ нѣкоторомъ растяженіи именныхъ темъ: **дъва влъка** (λύκω); **двѣ сътѣ**; **доуши** (изъ **доушѣ**?); **пѧти, кости, цръкъви, имени.**

3. Къ именит. и звательному падежамъ ближе всѣхъ примыкаетъ *винительный*. Мы видѣли, что во многихъ случаяхъ ихъ формы совпадаютъ. Трудно сказать, на какой логической основѣ произведено въ языкѣ сближеніе падежей, столь противоположныхъ по смыслу, какъ падежъ субъекта (именит.) и объекта (винит.). Впрочемъ рѣшеніе этого вопроса не относится къ задачамъ морфологіи, а можетъ найти мѣсто въ симазіологіи.

Суффиксомъ винит. един. въ Арійскихъ языкахъ является слогъ ам (am), или его сокращеніе: м. Въ среднемъ родѣ онъ часто фунгируетъ и въ роли именит. (вмѣсто архаичнаго суф. ta, t), распространившись туда по какой-то внутренней аналогіи (ovum, φόν). Суффиксъ **ам**, по происхожденію своему, сближается съ указательнымъ мѣстоименіемъ ама, которое уцѣлѣло въ Санскритѣ.

Извѣстно, что въ Латинскомъ языкѣ элементъ м(m) очень хорошо сохранился въ винит. (един. vocem, equum); въ Греческомъ онъ то перешелъ въ ν (ἵππον, φύσιν), то исчезъ совершенно (πατέρα, ὄπα). Подобное случилось и въ Славянщинѣ. Звукъ м пропалъ въ немъ либо вполнѣ, либо на половину. Послѣднее относится къ основамъ на а женскаго рода, гдѣ слѣдъ исчезающаго м сохранился въ юсѣ: **вьдовѫ** (viduam); **слоутѫ** (κλυτήν, inclutam). Во всѣхъ другихъ случаяхъ позвучный м отпалъ безслѣдно, какъ с въ **именит.** ед., вслѣдствіе чего эти двѣ формы совпали по звукамъ: **влъкъ** (**влъкас**, λύκος)=**влъкъ** (**влъкам**: λύκον); **чрьвь**(-is)=**чрьвь**(-im). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ замѣны отпавшаго слога ам, находимъ гласный ь, е: **большь, давъшь, камень** (**и: камене**), **матерь** (**и: матере**). Фор-

мы на е, быть можетъ, принадлежатъ родит. падежу и лишь по аналогіи фунгируютъ иногда въ роли винительнаго.

Во множеств. числѣ имена муж. и жен. рода прибавляютъ къ суффиксу ам характеристику множ. числа с: амс. Въ среднемъ же родѣ находимъ здѣсь, какъ и въ именит. мн., гласный ā, темнаго происхожденія.

Судьба суффикса амс въ Славянскомъ была противоположна его судьбѣ въ языкахъ классическихъ. Въ послѣднихъ утратился элементъ м, а сохранился с (ἵππους, equos); въ Славянщинѣ же наоборотъ исчезъ звукъ с, тогда какъ м хранился еще въ историческую эпоху языка, въ видѣ ринезованнаго гласнаго. Результатъ этой ринезаціи былъ двоякій, смотря по твердости или мягкости послѣдняго слога: въ слогахъ твердыхъ отъ соединенія тематическаго а, у съ пазвукомъ м(н) образовался большой юсъ, видоизмѣненный (какъ и во многихъ другихъ позвукахъ) въ ꙑ; въ слогахъ же мягкихъ вышелъ юсъ малый, который и сохранился въ Древнеславянскомъ:

а) влъкꙑ (изъ влъка-амс=влъкāм=влъкѫ; λύκους, lupos), рѫкꙑ, сꙑнꙑ (изъ сꙑну-амс=сꙑнум=сꙑнѫ);
б) конѧ (изъ конйа-амс=коньам), воѩ; доушѧ, матерѧ.

Въ темахъ и и нѣкоторыхъ согласныхъ (напр. ꙑ=ень) носовой позвукъ совершенно отпалъ въ формахъ винит. мн., но аналогія требуетъ допущенія и въ этихъ формахъ для древняго періода ринезма, хотя и утраченнаго, т. е. кости, пѫти развились изъ костин(с), пѫтин(с).

Разсмотрѣвъ падежи зват., именит. и винительный, составляющіе въ совокупности особую и тѣсно между собой связанную группу формъ, переходимъ къ четыремъ остальнымъ падежамъ, которые въ свою очередь смыкаются въ двѣ пары: 1) родительный съ предложнымъ (мѣстнымъ) и 2) дательный съ творительнымъ (орудным). Существованіе между ними внутренняго сродства выразилось всего нагляднѣе въ совпаденіи параллельныхъ формъ въ двойст. числѣ, о чемъ упомянуто выше. Въ Сербскомъ нарѣчіи и во множ. числѣ совершилось аналогичное сліяніе формъ тѣхъ же двухъ паръ падежей. Ниже увид мъ, что въ склоненіи прономинальномъ тоже совпали формы падежей родит. и предложнаго множеств. (тѣхъ, сихъ; насъ, васъ). Вслѣдствіе этихъ соображеній мы распредѣляемъ дальнѣйшій

обзоръ падежныхъ формъ въ слѣдующемъ порядкѣ: родит. и предложный; дател. и творительный.

4. *Родительный* падежъ нѣкоторыми своими сторонами уже въ Древнеславянскомъ примыкалъ къ винительному (ср. **матере, камене**: родит. и винит.); въ Новославянскихъ же нарѣчіяхъ взаимный ихъ обмѣнъ попадается, какъ извѣстно, на каждомъ шагу (въ одушевленныхъ именахъ муж. и средняго родовъ родит. и винит. даже вовсе не отличаются теперь какъ въ Русскомъ, такъ и другихъ нарѣчіяхъ). Тѣмъ не менѣе между суффиксами обоихъ падежей не видно особенной близости. Вмѣсто слога ам мы встрѣчаемъ здѣсь образовательную приставку ас, с, а въ нѣкоторыхъ темахъ (напр. а, муж. и средн. рода) какъ будто видоизмѣненіе или развитіе послѣдней: сйа (sja). Шлейхеръ высказываетъ предположеніе, что мы имѣемъ предъ собою въ послѣднемъ суффиксѣ соединеніе двухъ указательныхъ корней: са+йа.

Согласный элементъ этого суффикса, сохранившійся во многихъ формахъ языковъ классическихъ (ὀπός, χώρας; vocis, pater-familias), совершенно исчезъ въ Славянщинѣ, какъ и въ именит. единственнаго. Что касается гласнаго а, то онъ либо преломился въ звукъ е, либо слился съ тематическими у, і, а и потерялся въ нихъ: **небесе** (νέφεσος=νέφεος), **дъщере** (θυγατέρος=θυγατρός), **имене** (nominis), **сꙑноу**; **ношти** (noctis); **влъка, нова**. Послѣднія двѣ формы отличны отъ предшествующихъ не только тематическимъ гласнымъ (а), но и происхожденіемъ суффикса. Историческія изслѣдованія доказали, что въ основѣ какъ Греческихъ формъ ἵππου, νέου, такъ и Латинскихъ equi, novi и Славянскихъ **конꙗ, нова**, скрывается суффиксъ—не as, s, но—sja (sjo); т. е. что ἵππου развилось изъ ἵπποσjo, equi изъ equasja, **конꙗ** изъ **конйиай-са (конйа(сй)а=конꙗ)**.

Характеристическую особенность Славянскаго языка составляетъ появленіе носоваго звука въ суффиксѣ родит. ед. женскихъ основъ на а. Этотъ звукъ, подобно именит. множ. жен. рода, выражается въ видѣ то ѫ (въ твердыхъ слогахъ), то ѧ (въ мягкихъ): **водѫ, доушѧ**. Появленіе здѣсь носоваго элемента объясняютъ различно, считая его то замѣнителемъ древняго с(s), то перенесеніемъ формы мѣстнаго ед. (in, an?), или винит. и имен. множ. (**водѫ, доушѧ**), то приставкою звука м, н къ обычному суффиксу род. ед. as: mas, nas. Наиболѣе правдоподобнымъ представляется третье предположеніе, такъ какъ замѣна с въ м(н) въ Славянщинѣ была-бы явленіемъ безпримѣрнымъ; въ мѣстномъ же падежѣ Славянскаго, какъ и большей части другихъ

Арійскихъ языковъ, носовой элементъ если и былъ, то такъ давно исчезъ оттуда, что не могъ реагировать на форму родительнаго.

Правда, и безпричинная приставка элемента м(н) къ суффиксу-ас(as) не принадлежитъ къ числу явленій легко объяснимыхъ. Она могла однако совершиться подъ вліяніемъ аналогіи другихъ падежей и всего скорѣе не винит. или именит. множ., а родительнаго же множ., гдѣ находимъ суффиксъ ам(сам), равносильный вышеприведенному суффиксу ѫ, ѧ(ам, зам).

Суффиксъ родит. множ. ам считаютъ сокращеніемъ древнѣйшаго сам, который уцѣлѣлъ преимущественно въ формахъ прономинальнаго склоненія, Шлейхеръ высказываетъ предположеніе, что и суф. sam не есть исконный, а развился изъ sams.

Слогъ ам, видоизмѣненный въ ων, um, сохранился въ языкахъ классическихъ (ὀπῶν, vocum), но въ Славянщинѣ онъ долженъ былъ, по общимъ фонетическимъ законамъ, перейти въ ѫ, оу, ъ (ср. sam.: сѫ, соу, съ): небесъ (νεφέσων), именъ (nominum), матеръ (μητέρων); сыновъ (υἱέFων); влъкъ (λύκων), вьдовъ (viduarum); пѫтий (изъ пѫти-йам=пѫтиимъ= пѫтий; ср. ovium).

Къ формѣ родит. множественнаго примыкаетъ соотвѣтственная падежная форма двойств. числа, имѣющая въ Славянщинѣ суффиксъ оу (Санскр. ōs). Происхожденіе этого суффикса совершенно еще не разъяснено. По аналогіи другихъ формъ двойственнаго, представляющихъ растяженіе суффикса множественнаго, слѣдовало-бы предположить здѣсь связь съ родит. множественнаго. На почвѣ Славянскаго языка легко видѣть въ звукѣ оу растяженіе того ъ, который образовался изъ ам въ род. мн: небесъ: небесоу; сыновъ, сынъ: сыновоу, сыноу; влъкъ: влъкоу; рѫкъ: рѫкоу; костий: костию; пѫтии: пѫтию (но: матеръ: материю, вм. матероу, какъ будто по аналогіи темъ и). Но слишкомъ смѣло было-бы принимать на вѣру такое объяснененіе, пока оно не будетъ согласовано съ формами языковъ родственныхъ.

5. *Мѣстный* или *предложный* падежъ. Его суффиксомъ является звукъ і, который, по аналогіи формъ прономинальнаго склоненія, считаютъ сокращеніемъ слога ин (in); послѣдній же сближаютъ съ указательнымъ корнемъ ан (Слав. ван, вѫ, въ; Греч. ἐν, Лат. in).

Этотъ падежъ уцѣлѣлъ въ четырехъ лишь Арійскихъ языкахъ: Санскритѣ, Зендѣ, Литовскомъ и Славянскомъ; въ другихъ онъ слился съ дательнымъ, который вообще очень близокъ къ мѣстному какъ по формѣ, такъ и по значенію. Такъ и въ Славянскомъ мѣстный часто фунгируетъ вмѣсто дательнаго.

Отъ соединенія суффикса і съ тематическими а, у, і получаются въ Славянскомъ формы: ѣ (а+і), ови (у+і), и (і+і): влъцѣ, дѣлѣ, ржцѣ, новѣ; сынови, кости. При темахъ же съ согласными позвуками і остался неизмѣненнымъ: небеси, имени, матери, свекръви.

Почти всѣ эти формы (за исключеніемъ формъ на ѣ) употребляются и въ Славянскомъ вмѣсто дательныхъ, какъ это постоянно случается въ языкахъ классическихъ.

Во множественномъ предложный имѣетъ въ суффиксѣ звукъ с, при которомъ въ Санскритѣ стоитъ гласный у: su. Этотъ слогъ сближаютъ съ прономинальнымъ корнемъ sva (свой). Слогъ су правильно преобразился въ Славянщинѣ въ хъ, подобно тому, какъ это случилось въ аористѣ, гдѣ Славянское хъ соотвѣтствуетъ Греческому σα(ν). Такимъ образомъ вм. Греческаго λύκοισ(ι) получается Славянская форма: влъкохъ, влъцѣхъ. Замѣчаемое въ послѣднемъ случаѣ растяженіе тематическаго а въ ѣ (а+і) вполнѣ соотвѣтствуетъ Греч. перемѣнѣ изъ α(ο) въ οι (αι). Впрочемъ это растяженіе не есть фактъ всеобщій и необходимый; такъ въ женскихъ темахъ на а никогда его не бываетъ: ржкахъ, доушахъ.

Шафарикъ [1]) нашелъ въ памятникихъ Древнечешскаго нѣсколько образцевъ сигматическаго мѣстнаго падежа: Topolas (въ Тополяхъ), Bukovas, Polas. Они представляютъ такое-же ослабѣвшее эхо старины, какъ и аористы на съ.

6. *Дательный падежъ.* Его суффиксъ въ единст. ai очень близокъ къ мѣстному и является какъ-бы усиленіемъ послѣдняго. Въ склоненіи прономинальномъ въ суффиксѣ дат. ед. появляется элементъ губной: тебѣ, томоу, который мы встрѣтимъ и въ формахъ дат. множествен-

---

1) См. Sebrané Spisy III, 579.

наго. Это повело къ предположенію, не скрывается ли въ суффиксѣ ai древнѣйшее созвучіе: abhi?

Нормальной замѣною слога ai въ Славянщинѣ является дифтонгъ ѣ (какъ въ Греческомъ αι, οι). Такимъ образомъ отъ темы рѫка получимъ форму рѫцѣ (изъ рѫка+ai=рѫкаі), какъ въ Греческомъ χώρᾳ (т. е. χώραι), ἵππῳ, а въ Латинскомъ equo(i), populo(i).

Въ мужескихъ и среднихъ темахъ на а Древнеславянскій языкъ обнаруживаетъ суффиксъ не ѣ (ai), но оу: влъкоу, рогоу. Подобная форма встрѣчается въ Литовскомъ: vilkui, ragui. Трудно сказать, скрывается ли тутъ суффиксъ ai (ѣ), или i, т. е. имѣемъ ли мы здѣсь предъ собой форму дат. или мѣстнаго? Первое вѣроятнѣе, такъ какъ для мѣстнаго существовала въ Славянскомъ при этихъ темахъ другая форма: влъцѣ, розѣ. Объяснить же звуковой процессъ, которымъ изъ формъ: влъка-аі, рога-аі развились формы: влъкоу, рогоу—представляется дѣломъ очень труднымъ. Быть можетъ это оу развилось тутъ подъ вліяніемъ темъ на у,—что не представляется въ Славянщинѣ явленіемъ исключительнымъ.

Во множеств. дательномъ встрѣчаемъ въ Славянскомъ слогъ мъ, который соотвѣтствуетъ Латинскому bus (именьмъ: nominibus; матерьмъ: matribus), а Санскритскому bhjas. На основаніи Древнепрусскаго суффикса mans предполагаютъ для Праарійскаго форму bhjams. Если это вѣрно, то Славянскій утратилъ не только позвучное с, но и м, удержавъ лишь первый согласный губной элементъ, съ перезвукомъ его въ м. Такимъ образомъ предполагается слѣдующій рядъ переходовъ: bhjams, мјанс, манс, мѫс, мѫ, мъ. Что касается тематическаго гласнаго, то онъ уцѣлѣлъ въ формахъ: рѫкамъ, влъкъмъ, пѫтьмъ, но видоизмѣнился въ темахъ оу: сынмъ, сыновомъ; въ послѣднемъ второе о есть вставочное, какъ а, ь при согласныхъ темахъ: цръкъвамъ, камеиьмъ, матерьмъ, небесьмъ.

Двойствен. число дательнаго представляетъ въ Славянскомъ такое же усиленіе суффикса множественнаго, какъ и въ родительномъ: влъкьма: влъкъмъ=влъкоу: влъкъ. Что касается отношенія Славянскаго суффикса ма къ другимъ Арійскимъ, то онъ является, повидимому, сокращеніемъ суффикса bhjāms. Мягкость этого слога замѣчательнымъ образомъ сохранилась въ нѣкоторыхъ формахъ Русскаго языка: двумя, тремя, ср. плашмя, стоймя, ливмя.

7. *Творительный* падежъ. Суффиксомъ его служилъ, кажется, слогъ bhi, аналогичный предшествующему множест. bhj-am-s и уцѣлѣвшій въ дательныхъ формахъ прономинальнаго склоненія: tibi, sibi. Слѣды этого суффикса сохранились въ Греческомъ, въ гомерическихъ формахъ на φι (φιν): βίηφι, κεφαλῆφι, Ἰλιόφιν.

Въ Славянскомъ изъ bhi развился суффиксъ **мь**: **влъкъмь**, **сънъмь**, **пѫтьмь**, **каменьмь**. Въ темахъ женскаго рода, процессомъ вторичной дифференцировки, этотъ суффиксъ преобразился въ юсовую форму: **рѫка-мь**=**рѫкѫ**[1]) (и: **рѫко**+**ѭ**, со вставочнымъ гласнымъ), **доушѫ** (и: **доушеѭ**); **кости-мь**: **костиѭ** (изъ **костѭ**? ср. Пол. kośćią, nićą, dłońą).

Во множеств. приставляется спеціальный его суффиксъ s: bhi-s. Нормальною замѣной этого слога въ Славянщинѣ является **ми** (Греч. φι, φιν): **рѫками**; **костьми**, **каменьми**. Въ мужескихъ и среднихъ основахъ съ твердыми позвуками мы находимъ видоизмѣненіе суффикса **ми** въ звукъ **ы**: **влъкы** (изъ **влъкъ-ми**=**влъкъи**, **сыны**, **имены**, **словесы**. Темы у служили здѣсь, повидимому, образцемъ, на который сбились затѣмъ темы а и наконецъ нѣкоторыя темы согласныя (**ен**, **ес**).

Падежные суффиксы мѣстоименій.

Разсмотрѣнные выше суффиксы прилагаются къ образованію всѣхъ именъ-какъ существительныхъ, такъ и простыхъ (не сложныхъ съ мѣстоименіемъ) прилагательныхъ. Нѣсколько уклоняются отъ приведенныхъ нормъ лишь падежные *суффиксы мѣстоименій*, выдѣляемые вслѣдствіе того въ особое склоненіе основъ прономинальныхъ. Хотя это различіе и представляется вторичнымъ, а не исконнымъ [2]), однако для историческихъ эпохъ языка оно является довольно существеннымъ и должно быть принимаемо въ расчетъ. Причина различія формъ склоненія номинальнаго и прономинальнаго заключается въ звуковомъ искаженіи нѣкоторыхъ общихъ суффиксовъ, а также

---

[1]) См Miklosich, Altslovenishe Formenlehre. Wien. 1874, 10.

[2]) Ср. Grimm, Grammatik. I. 807.

въ нѣсколькихъ архаистическихъ формахъ, сохранившихся въ одномъ мѣстоименномъ склоненіи и утраченныхъ въ именномъ.

Подобно тому, какъ въ отдѣлѣ именъ существуетъ группа словъ а) съ опредѣленнымъ родовымъ характеромъ и б)—безъ таковаго (т. е. существительныя, и прилагательныя), такъ и въ отдѣлѣ мѣстоименій встрѣчаемъ аналогичную двойственность формъ, для мѣстоименій а) *родовыхъ* и б) *неродовыхъ*.

Разсмотримъ характеристическія особенности въ падежныхъ суффиксахъ тѣхъ и другихъ.

Мѣстоименія родовыя.

1. *Именительный падежъ.* Въ языкахъ классическихъ сохранились въ этой формѣ слѣды суффикса т (t) для словъ средняго рода (id, istud). Въ Славянскомъ въ соотвѣтствующихъ формахъ нѣтъ ни с, ни т: то, ѥ. Очевидно, что позвучный согласный здѣсь отпалъ; но трудно рѣшить, былъ-ли онъ т (t) или м, т. е. произошли ли то, ѥ изъ tat, jat, или изъ tam, jam.

2. *Родительный.* Вмѣсто суффикса ас (as), распространеннаго въ формахъ именныхъ, мы находимъ здѣсь слогъ сꙗ (sja), тотъ же, какой мы видѣли въ мужескихъ и среднихъ именныхъ темахъ на а. Но фонетическій рефлексъ этой формы въ мѣстоименіяхъ нѣсколько отличенъ отъ суффикса именнаго. Вмѣсто звука а (влъка изъ влъкасꙗ) мы получаемъ здѣсь со, го: чьсо, сего, того (ср. Греч. τοῖο изъ τόσιο=tasja). Слогъ со представляетъ древнѣйшій видъ суффикса, а го его позднѣйшее видоизмѣненіе. Звуковой переходъ, здѣсь совершившійся, не вполнѣ разъясненъ. Согласный г (h?) развился тутъ либо изъ с (s), либо изъ й (j). И то, и другое не принадлежитъ къ числу обычныхъ Славянскому языку перезвуковъ. Но нельзя отрицать извѣстныхъ точекъ соприкосновенія между тремя этими звуками, изъ которыхъ одинъ (г=h) есть протяжный задненебный, другой (j) средненебный а третій (с=s) передненебный или зубной. Четвертымъ элементомъ въ томъ же ряду стоимъ губной протяжный в (v). Переходъ изъ в, с въ г (h) совершился, какъ извѣстно, въ Греческомъ, въ формахъ развитыхъ чрезъ дигамму: vespera: Ϝεσπέρα, ἑσπέρα; vesta: ἑστία; septimus: ἕβδομος. Въ

Русскомъ аналогичная замѣна суффикса го въ во (тово, злово) есть тоже, какъ кажется, переходъ чисто эвфоническій, подобный древнему изъ sja въ го. Подобно звукамъ й, в,—г (h) является иногда придыхательнымъ знакомъ: гострый: вострый; Параскевга. Всѣ эти соображенія дозволяютъ предположить образованіе суффикса го изъ sja, посредствомъ простаго перезвука элементовъ втораго въ первый, причемъ возможно допустить промежуточную ступень со (а не: jo), такъ какъ какъ она уцѣлѣла даже въ языкѣ, хотя и въ единственномъ лишь словѣ: **чьсо**.

Въ родит. множ. находимъ въ Славянскомъ суффиксъ **хъ**, производимый изъ того же sam, которое скрывается въ Славянскомъ именномъ суф. род. множ. ъ. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою примѣръ того, что формы мѣстоименныя архаичнѣе соотвѣтствующихъ именныхъ.

Другая особенность прономинальной формы родит. множ. заключается въ растяженіи тематическаго гласнаго: a=ѣ: **тѣхъ**. Тоже повторяется въ формахъ: **тѣмь, тѣмъ, тѣми, тѣма**

3. *Предложный*. Въ Славянскомъ находимъ суффиксъ **мь** (**томь, юмь**), который, по сравненію съ Санскритомъ, оказывается сокращеніемъ изъ smin=min=mi=**мь** [1]).

Въ женскомъ родѣ встрѣчаемъ совершенно другой суффиксъ, именно не **мь**, но **й**: **той, юй**. Послѣдняя форма фунгируетъ и въ дат. падежѣ; ея происхожденіе темно. Шлейхеръ[2]) видѣлъ въ ней сокращеніе изъ суф. smjām; но надобно сознаться, что это предположеніе имѣетъ очень слабую вѣроятность.

4. *Дательный*. Славянскій суффиксъ **моу** (**томоу, семоу**) соотвѣтствуетъ, какъ кажется, Санскритскому smai, при чемъ **м**=sm; что касается **оу**, то оно не могло развиться изъ слога ai иначе, какъ по вліянію темъ у, перенесенному, быть можетъ, изъ именныхъ формъ: **влъкоу, рогоу**.

---

[1]) Schleicher, Compend. 629.
[2]) ib. 630.

5. *Творительный*. Суффиксъ его какъ въ един. (**мь**), такъ и во множ. (**ми**) не отличенъ отъ соотвѣтствующаго именнаго. Оригинально здѣсь лишь расширеніе тематическаго гласнаго, выражающееся въ замѣнѣ звука а въ ѣ: **тѣмь**, **тѣми**. Тоже мы видѣли въ род., предл. и дат. мн., а также въ дат. и твор. двойственнаго.

Таковы особенности падежныхъ суффиксовъ родовыхъ мѣстоименій. Второстепенное различіе замѣчается еще въ склоненіи темъ съ твердыми и мягкими позвуками; но это различіе обусловлено исключительно фонетическими мотивами и не имѣетъ этимологическаго значенія: **тъ**, **сь**; **того**, **сего**; **томоу**, **семоу**; **тѣмь**, **симь** и т. д. По примѣру **тъ** склоняются слова: **овъ**, **онъ**, **инъ**, **самъ**, **къто**; **какъ**, **такъ**, **вьсякъ**, **юдинъ**, **дъва**, **оба**; по типу же **сь** слова: **и** (**иже**), **чь-то**; **вьсь**, **нашь**, **вашь**; **мой**, **твой**, **свой**, **чий**, **кой**, **дъвои**, **обои**, **трои** и т.

Сюда же относится *склоненіе прилагательныхъ*, *сложныхъ* съ мѣстоименнымъ корнемъ **и**, употребленнымъ въ видѣ послѣдовательнаго члена (какъ въ Нѣмецкомъ jains=n): **благъ+и** (ὁ ἀγαθός); **блага+юго** (τοῦ ἀγαθοῦ); **благоу+юмоу** (τῷ ἀγαθῷ) и т. п. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ мы и находимъ подобныя нормальныя формы; но уже рано началъ дѣйствовать законъ сначала ассимиляціи, а потомъ и стяженія сосѣднихъ слоговъ этого сложнаго суффикса: **благааго**, **благоуоумоу**; **благаго**, **благомоу**. Что это стяженіе обнаружилось очень рано, видно изъ того, что даже въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянской письменности мы не встрѣчаемъ уже полныхъ формъ: **благъмь+имь**; **благъмъ+имъ**; **благъма+има**, но, вмѣсто нихъ, стяженныя: **благъимь**, **благъимъ**, **благъима**. Между тѣмъ, нѣтъ основанія предполагать, будто изъ всѣхъ формъ лишь три приведенныя уклонялись отъ общей нормы-полнаго воспроизведенія какъ именнаго, такъ и мѣстоименнаго суффикса.

Мѣстоименія неродовыя.

Слова: **азъ**, **ты**, **са** стоятъ совершенно особнякомъ въ ряду не только мѣстоименій, но и вообще именъ, тѣмъ, что не имѣютъ отношенія къ родамъ, или безразлично прилагаются къ всѣмъ тремъ родамъ.

Падежные суффиксы этихъ словъ представляютъ столь же много загадочнаго, какъ ихъ основы. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь

дѣло съ формами очень древними и искаженными въ звуковомъ отношеніи.

Въ *именит.* ед. суффиксомъ формъ **азъ**, **ты** могло быть м, если основательна ихъ реставрація въ формы: agam, tuam. Это м представляло-бы аналогію съ суффиксомъ винит. средняго рода (bonum, malum), переносимымъ и на именительный.

Въ *винит.* ед. сохранился носовой элементъ суффикса въ формахъ: **мѧ**, **тѧ**, **сѧ** (изъ: mam, tvam, svam?).

Въ *родит.* ед. суффиксъ с(s) отпалъ. Въ формахъ: **мене**, **тебе**, **себе** можно видѣть удвоеніе темъ: ma-ma, tva-tva, sva-sva (какъ Санскр. mama, tava; ср. Латин. sese). Формы эти фунгируютъ нерѣдко и въ Винит. падежѣ.

Въ *предложномъ* древнѣйшая форма сохранилась въ энклитикахъ: **ми**, **ти**, **си** (изъ: ma-i, tva-i, sva-i; ср. μοί, σοί, οἷ), гдѣ і могло развиться изъ ѣ=a+i. Она фунгируетъ и въ *дательн.* ед.

Параллельно съ этой формой развилась другая (мѣст. и дат.): **мьнѣ**, **тебѣ**, **себѣ**, изъ редуплицированныхъ, какъ кажется, основъ, съ суффиссомъ і (**мьнѣ**=mama+i=manai). Здѣсь мы встрѣчаемъ въ суффиксѣ форму, подобную женской темъ на а (**мьнѣ**: **женѣ**): аналогія, которая повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ этого склоненія: творит. ед. **мьною**, **тобоѭ**, **собоѭ**: ср. **вьдовоѭ**; твор. множ. **нами**, **вами**: ср. **вьдовами**; дат. мн. **намъ**: **вамъ**: ср. **вьдовамъ**; винит. мн. **ны**, **вы**: ср. **вьдовы**. Трудно объяснить, какимъ образомъ развилась эта аналогія неродовыхъ мѣстоименій съ женскими именами; но едва-ли можно ее отвергать.

Въ родит. (и предложн.) *множ.* встрѣчаемъ въ неродовыхъ мѣстоименіяхъ форму, столь же древнюю, какъ сигматическій род. чьсо, или аористъ: **вѣсъ**, именно: **насъ**, **васъ**, гдѣ **съ** вполнѣ соотвѣтствуетъ древнему суффиксу sam, видоизмѣненному во всѣхъ другихъ мѣстоименіяхъ въ звукъ х: **тѣхъ**, **сихъ**.

Что касается, наконецъ, формъ *двойственнаго* числа, то здѣсь во второй и третьей формахъ находимъ обычные мѣстоименные суффиксы ю, ма: **наю**, **ваю**; **нама**, **вама**; ср. **тою**, **сею**; **тѣма**, **сима**.

Но въ первой формѣ (им., вин., зват.) эта аналогія выдержана

лишь на половину: отъ азъ получаемъ въ именит. дв. **вѣ**, въ винит. **на**; отъ **ты**: **ва**, **ва**. Послѣднія три формы не отличны отъ нормальныхъ мѣстоименныхъ: **та**, **та**; но первая (**вѣ**) уклоняется не только отъ мѣстоименій, но и отъ всѣхъ склоняемыхъ словъ, представляя единственный остатокъ архаическаго различенія въ двойственномъ формъ именит. и винит. падежей. Что касается окончанія формы **вѣ**, то она аналогична женскимъ: **дъвѣ**, **вьдовѣ** и т. п.

Разсматривая совокупность морфологическихъ средствъ, которыя употреблены Славянскимъ языкомъ для образованія падежныхъ формъ, не въ ихъ генезисѣ, а въ дѣйствительномъ, и притомъ древнѣйшемъ видѣ, мы находимъ слѣдующее.

Большая часть падежныхъ формъ Славянщины отличены *вокальными* суффиксами. Очень часто послѣдніе представляютъ видоизмѣненіе тематическаго гласнаго. Такъ напр. **е**, о, оу въ формахъ зват. ед., (**рабе**, **жено**, **сыну**), ъ, ь, о, въ формахъ именит. и винит. ед. (**влъкъ**, **конь**, **око**), а въ имен. ед. и мн., род. ед. и вин. мн. (**жена раба**, **окна**) и многія другія позвучныя гласныя несутъ двойную функцію: суффиксовъ тематическихъ и падежныхъ. Въ другихъ случаяхъ для послѣдней функціи присоединенъ особый вокальный элементъ, напр. **е** въ формахъ род. ед. (**небесе**, **имене**), **ѣ** въ дат. и мѣстн. ед. (**женѣ**, т. е. **женаи**), **ы** въ род. ед. (**вьдовы**), оу въ дат. ед. (**рабоу** т. е. **раба+у**) и т. п. Три послѣдніе дифтонга заключали въ себѣ по два вокальные элемента (a+i; y+i; a+y), изъ коихъ одинъ могъ относиться къ основѣ, а другой къ падежной формѣ.

Что касается *согласныхъ* элементовъ падежныхъ суффиксовъ, то они большею частію утрачены, напр. *с* въ формахъ им. и род. ед., *м* въ формахъ винит. ед. муж. и средн., тотъ и другой (sam) въ род. мн. и т. п. Но въ нѣкоторомъ числѣ формъ и эти элементы уцѣлѣли, то въ ослабѣломъ, то въ полномъ видѣ. Такъ *м* является въ видѣ **ѫ**(**ы**), **ѧ** въ суффиксахъ винит. и творит. ед. жен. (**женѫ**), въ род. ед. жен. (**женѧ**, **доушѧ**), въ им. и вин. множ. жен. (**землѩ**), въ винит. ед. неродовыхъ мѣстоим. (**мѧ**, **тѧ**, **сѧ**) и т. п. Въ полномъ же видѣ этотъ звукъ уцѣлѣлъ въ суф. **моу**, **мъ**, **ма**, **мь**, **ми** (**томоу**, **тѣмъ**, **тѣма**, **тѣмь**, **тѣми**) и т. п.

Звукъ *с* уцѣлѣлъ то въ чистомъ видѣ (чьсо; насъ, васъ; Торо-łąs), то въ перезвукѣ х (тѣхъ, сихъ), то наконецъ въ видѣ г(h): того, сего; ср. чьсо).

5. *О суффиксахъ лицъ.*

Такъ какъ глаголъ означаетъ по преимуществу дѣйствіе или состояніе, то есть энергію или инерцію силы въ отношеніи къ матеріи (выражаемой именемъ), и такъ какъ источникомъ этой силы является обыкновенно лице—реальное или фиктивное; то въ этомъ обстоятельствѣ скрывалась уже въ зародышѣ частая и тѣсная связь личныхъ мѣстоименій съ глагольными основами. Въ Арійскихъ языкахъ онѣ срослись съ послѣдними въ одно органическое цѣлое, самое простое и первобытное предложеніе, заключавшее въ единствѣ слова элементъ какъ субъективный (подлежащее), такъ и объективный (предикатъ).

При тожествѣ функцій этихъ мѣстоименныхъ приростовъ къ глаголамъ разныхъ временъ, наклоненій, залоговъ и пр., не было первоначально въ языкѣ причины разнообразить ихъ форму; но впослѣдствіи, когда стали вырабатываться вторичные способы для внѣшняго разграниченія различныхъ глагольныхъ значеній, и когда дуализмъ временъ положительныхъ (praes., perf., futurum) съ одной стороны, а условныхъ или историческихъ (imperf., aor.) съ другой сталъ все болѣе развиваться, то и личные суффиксы подверглись вторичной дифференцировкѣ, на суффиксы *полные* (во временахъ главныхъ) и *сокращенные* (въ историческихъ).

Въ Славянскомъ языкѣ это различеніе не имѣетъ впрочемъ такого значенія, какъ въ Санскритѣ или Греческомъ; но есть признаки древняго различенія суффиксовъ полныхъ и сокращенныхъ и въ Славянскомъ: въ настоящемъ напр. личный суффиксъ сохранялъ въ I л. свой согласный элементъ (да-мь; дѣѫ), между тѣмъ въ аористѣ послѣдній совсѣмъ исчезалъ (дахъ, дѣахъ). Точно такъ въ 3 л. мн. въ praesens элементъ т(t) уцѣлѣлъ въ Древнеславянщинѣ, а въ аористахъ испарился: дадать: даша, дѣахѫ.

Мало имѣетъ приложенія къ Славянскому языку и различеніе личныхъ суффиксовъ по залогамъ, такъ какъ образованіе глаголовъ возвратнаго и пассивнаго значенія совершалось въ Славянскомъ съ помощію одного мѣстоименія **сѧ** и не касалось нормальныхъ личныхъ суффиксовъ глагола.

Существенное значеніе имѣетъ въ нашемъ языкѣ лишь различеніе личныхъ формъ по числамъ, которыхъ Древнеславянскій, подобно Санскриту, Греческому и Литовскому, имѣлъ три.

Въ личномъ суффиксѣ Арійскихъ глаголовъ *перваго лица* является носовой согласный м. Нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ скрывается мѣстоименіе соотвѣтствующаго лица, котораго древнѣйшій видъ звучалъ: ма (ср. **мене**, **мънѣ**, **мѧ**, **мы**, **мой**. Этотъ слогъ нигдѣ почти не уцѣлѣлъ въ чистомъ видѣ, такъ какъ даже въ формахъ Санскр. и Греч. перфекта (babhāra, λέλοιπα изъ: λέ-λοιπ-μα? [1]), при сохраненіи празвука а, утраченъ согласный м. Вмѣсто слога ма находимъ почти всюду его видоизмѣненіе ми (mi) или мь: **юсмь**, **вѣмь**, **ямь**, **дамь**; ср. εἰμί, δίδωμι; sum, inquam. Довольно рано и слогъ ми(мь) сталъ ослабѣвать и сокращаться. Прежде всего это сокращеніе началось и раньше завершилось въ условныхъ (историческихъ) временахъ и наклоненіяхъ: **бы-хъ** (изъ **бы-са м**), **да-хъ(-м)**; но потомъ оно коснулось и главныхъ временъ, хотя въ послѣднихъ носовой элементъ суффикса долго хранился, а отчасти и теперь остается въ Славянщинѣ въ видѣ носоваго позвука: **берѫ** (ср. φέρω, изъ φέρωμι).

Во *множественномъ* числѣ къ суффиксу ма приставлялся новый элементъ, съ зубнымъ придыхательнымъ с, за которымъ кажется слѣдовалъ гласный i: ma+si. Этотъ второй элементъ сохранился въ Латинскомъ суффиксѣ: mus, а также въ Дорической формѣ: μες. По происхожденію онъ могъ быть родственнымъ мѣстоименному корню tu, σύ (ты), такъ что masi означало-бы: я+ты=мы. Въ Славянщинѣ второй суффиксъ исчезъ, такъ что остался лишь слогъ **мъ**: **юсмъ**, **бѫдемъ**.

Суффиксъ I лица *двойственнаго* числа отличается отъ множествен. (masi) лишь первымъ согласнымъ: вмѣсто м(m) здѣсь

---

1) Ср. Schleicher, Compend. 663. 664.

является в(v): vasi. Этотъ переходъ совершился подъ вліяніемъ аналогичнаго перезвука **м** въ в въ двойствен. мѣстоименнаго корня ма: вм. **ма** въ двойств. находимъ **вѣ**. Это **вѣ** и воспроизведено въ глагольномъ суффиксѣ: **юсвѣ**, **вѣвѣ**, **давѣ**. Впослѣдствіи эта форма раздвоилась: для муж. рода **ва**, для средн. же и женскаго—**вѣ**.

Въ суффиксахъ *втораго лица* находимъ мѣстоименный корень tva=**тъı**. Подобно тому, какъ въ I лицѣ ма преобразилось въ mi, такъ во II л. изъ tva, ta: ti. Послѣднее появляется иногда въ чистомъ видѣ, напр. fecisti, tutudisti; но большею частію этотъ суффиксъ перегласовался въ слогъ **си** (si): **юси**, **даси**, **гаси**, **вѣси** (ср. εἰσί, φέρεις(ι). Впрочемъ, и это не было еще концемъ перезвуковъ разсматриваемаго суффикса. Подобно тому, какъ въ падежныхъ суффиксахъ с уцѣлѣлъ лишь въ одиночныхъ формахъ (**чьсо**, **насъ**, **васъ**), въ большинствѣ же ихъ преобразился въ х, такъ и въ суффиксахъ личныхъ звукъ с уцѣлѣлъ лишь въ четырехъ исчисленныхъ архаическихъ формахъ; во всѣхъ же другихъ либо совсѣмъ исчезъ (въ аористахъ: **бъı**, **рече**), либо перешелъ въ звукъ ш (**везеши**, **дѣюши**; ср. **доусити**: **доушѫ**; **писати**: **пиши**).

Во *множеств.* числѣ для II л. находимъ въ Славянскомъ суффиксъ **те**, совершенно сходный съ Греческимъ τε: **юсте**, **берете**: ἐστέ, φέρετε. Сравненіе съ Латинскимъ (tis) показываетъ, что и здѣсь скрывается второй прономинальный корень si, вѣроятно такого-же происхожденія, какъ въ I л. множ., то есть отъ корня **тъı**: σύ. Если это вѣрно, то въ суффиксѣ II л. множ. tasi заключалось бы первоначально значеніе: ты+ты=вы.

Въ *двойств.* II л. господствовалъ суффиксъ **та** (**юста**, **вѣста**, **бѣста**),—т. е. форма множественнаго (**те**), съ перезвукомъ гласнаго въ характеристическій для двойст. звукъ **а** (ср. **ва**; **та**).

Наконецъ въ суффиксахъ *третьяго лица* появляется указательный корень та (ta), ослабленный (какъ и въ I и II лицахъ) въ слогъ **ти** (ti), **ть**: **юсть**, **везеть** (ср. ἐστί, τίθητι; est, vehit). Въ историческихъ временахъ ослабленіе этого суффикса прошло еще дальше и онъ совершенно исчезъ наконецъ: **бъı**, **рече**; **глаголаше**. Если же иногда мы находимъ въ аористахъ III л. личный суффиксъ (**бъıсть**, **дасть**), то онъ явился туда процессомъ вторичнаго образованія, по аналогіи временъ настоящихъ. Въ послѣдняго рода формахъ замѣчательно древнее

появленіе ъ вм. ь: бꙑсть, дасть, сънѣсть, пить, жить, клѧть, сѧть Дѣйствовала ли здѣсь аналогія супина (бꙑть, дать, пить и т. п.), или другія причины, трудно рѣшить.

Во *множ.* числѣ суффиксъ 3-го л. расширяется: вмѣсто слога ti мы находимъ форму anti (или nti, послѣ гласныхъ основъ). Послѣднюю разлагаютъ на an+ti, объясняя ту и другую указательными корнями: an-a, ta (онъ, тъ), такъ что ихъ соединеніе означало бы: онъ+тотъ=они. Слогъ ant хорошо сохранился въ Латинскомъ (veh-unt, am-ant), но еще лучше въ Славянскомъ, такъ какъ здѣсь удержался и позвучный гласный і въ видѣ ь: везѫть, несѫть. Въ историческихъ временахъ второй согласный элементъ суффикса исчезаетъ: несѣахѫ(ть). Замѣчательно при этомъ въ аористахъ смягченіе большаго юса въ малый (несошѧ(ть)),—явленіе, повидимому, вторичное и не исконное. Впрочемъ въ аористахъ древнѣйшихъ (II аор), безъ характера времени, встрѣчаемъ большой юсъ въ III л. множ.: вънидѫ (вм. вънидошѧ), падѫ (падошѧ), сѣдѫ (сѣдошѧ), сърѣтѫ (сърѣтошѧ), възмогѫ (възмогошѧ), иштезѫ (иштезошѧ).

Есть рядъ глаголовъ, имѣющихъ малый юсъ въ III л. мн. настоящаго времени. Это глаголы съ тематическимъ и(ѣ) въ инфинитавѣ, удерживающіе этотъ звукъ и въ настоящемъ. Можно предполагать, что тематическій гласный (и) былъ причиною смягченія большаго юса въ малый, т. е. что формы: ходѧть, трьпѧть развились изъ древнѣйшихъ: ходи-ѫть, трьпѣ-ѫть.

Труднѣе объяснить появленіе д въ архаическихъ глаголахъ: дадѧть, ѩдѧть, вѣдѧть (но: сѫть). Быть можетъ тутъ дѣйствовала аналогія формъ императива, съ суффиксомъ и: дадимъ, ѩдимъ, вѣдимъ,—формъ, которыя въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ вытѣснили и въ изъявительномъ древнѣйшія формы: вѣмъ, дамъ, ѩмъ.

Форма III л. *двойственнаю* очень близка къ личному суффиксу II л. дв. Вмѣсто та мы находимъ здѣсь те, хотя очень часто и въ древнѣйшихъ памятникахъ тутъ употребляется та, особенно въ муж. родѣ, тогда какъ для женскаго и средн. предпочтительнѣе употреблялись формы на те, (а въ женскомъ также и на) тѣ: дѣлаюта, дѣлаасте; посꙑластѣ.

Личные суффиксы глаголовъ возвратнаго и страдательнаго значенія отличаются отъ разсмотрѣнныхъ своимъ сложнымъ характе-

ромъ. Одно мѣстоименіе (первое) играетъ тутъ роль субъекта, а другое (послѣднее) объекта: моꙗжсѧ=мою я себя.

Различіе Арійскихъ языковъ въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что въ однихъ второй мѣстоименный корень представляетъ редупликацію перваго (напр. Греч. μαι, σαι, ται изъ: mami, sasi, tati), тогда какъ въ другихъ онъ есть особый мѣстоименный корень. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ языки Латинскій (amor=amo-se) и Славянскій: боꙗжсѧ, бoишисѧ, боитьсѧ и т. п.

6. *Объ образованіи частицъ.*

Наука объ языкѣ принимаетъ за достовѣрное, что въ древнѣйшую эпоху жизни Арійскихъ языковъ не существовало ни одного слова, которое не было-бы падежемъ какого нибудь имени (съ мѣстоименіемъ), либо личною формою какого нибудь глагола. Частицы или неизмѣняемыя части рѣчи не могли развиться иначе, какъ чрезъ окоченѣніе извѣстныхъ падежныхъ и личныхъ формъ словъ. Онѣ принадлежатъ слѣдовательно къ новообразованіямъ языка, хотя нѣкоторыя восходятъ ко временамъ очень отдаленнымъ. Число частицъ увеличивается непрерывно, по мѣрѣ того, какъ гибкость словъ слабѣетъ, формы застываютъ, каменѣютъ:—имена и глаголы обращаются въ частицы, которыя могутъ быть названы окаменѣлостями измѣняемыхъ частей рѣчи.

Что касается корней и темъ, лежащихъ въ основѣ частицъ, то хотя тутъ преобладаютъ (особенно въ формахъ древнѣйшихъ) корни субъективные, однако и объективные появляются уже въ Древнеславянскомъ въ немаломъ числѣ образованій. Отъ корней мѣстоименныхъ, безъ сомнѣнія, произошли частицы: а, и, иъ, бо, да, же; въ, вꙑ, до, за, изъ, къ, на, надъ, объ, отъ, не, недъ, при, про, съ; ни, не, ли, чи, къ е, сьде, когда, тогда и т. п

Отъ корней же и темъ именно-глагольныхъ образовались частицы: васнь, рекъше (igitur), зѣло, обаче, тъчиѭ и т. п.

По суффиксамъ своимъ [1]) однѣ изъ частицъ примыкаютъ къ

1) Ср. Miklosich, Syntax, 157 сл.

формамъ падежей, другія же къ формамъ личныхъ глаголовъ; въ первомъ случаѣ необходимо отличать падежи самостоятельные отъ соединенныхъ съ предлогами.

1. Частицы въ формахъ *винительнаго* падежа:

а) *безъ предлоговъ*: **зѣло**, **любо**; **како**, **вънъ**, **обаче**, **дьнесь**; Рус. гораздо, точь въ точь, ближе, вечѡръ, тотчасъ, теперь, лѣтось. Быть можетъ сюда относятся и Древнеславянскія несклоняемыя формы: **двогоубь**, **трегоубь**, **исплъньь**, **различь**, **свободь(-дъ)**.

б) *съ предлогами*: **въинѫ**, **въскѫѭ**, **въскрай**, **окрьстъ**, **окрѫгъ**; Рус. вдоль, вдругъ, врознь, порознь, вообще, насилу, насквозь, навзничь, опричь, около; Пол. wbrew; Серб. након(ьць).

2. Частицы въ формахъ *родительнаго* падежа:

а) *безъ предлоговъ*: **дѣлга**? **ради**? Рус. вчера, дома;

б) *съ предлогами*: **искони**, **заоутра**, **изъвъноу**, **досꙑти** (Пол. dosyć, dość); Рус. издавна, изстари, слегка, сперва, снова, наизусть; Чеш. zejmena; Пол. natychmiast (ср. покамѣстъ), Серб. због (съ бока? ради).

3. Частицы въ формахъ *предложнаго* падежа:

а) *безъ предлоговъ*: **блазѣ**, **добрѣ**, **льзѣ**, **поздѣ**, **прѣди**; **врьхоу**, **близоу**, **вънѣ**, **горѣ**, **долѣ**, **лани**, **трѣбѣ**, **ꙗвѣ**, **годѣ**, **нꙑнѣ**, **сквозѣ**; Рус. намедни (Серб. ономадне, nuper); среди;

б) *съ предлогами*: Рус. вмѣстѣ, вскорѣ, вчужѣ, наяву, наединѣ, потомъ, позади; Пол. owszem, powoli.

4. Частицы въ формахъ *дательнаго* падежа:

а) *безъ предлоговъ*: **домови**; Рус. домой, долой; ср. нѣтуть (ти), Пол. gdzieś(i), jakoś(i).

б) *съ предлогами*: Рус. кстати, пѡпросту, поелику; Пол. gwoli; Чеш. počesku.

5. Частицы въ формахъ *творительнаго*:

а) *безъ предлоговъ*: **тъчиѭ**, **юдиноѭ** (semel), **большьмь** (magis); **большьми**, **малꙑ** (parum), **пакꙑ**, **римьскꙑ** (romane); Рус. пѣшкомъ,

даромъ, рядомъ, днемъ и ночью, опрометью, пятью; щегольски; Чеш. honem, Пол. razem;

б) *съ предлогомъ*: Рус. порусски.

6. Что касается формъ *именительнаго* падежа, то къ нимъ можно причислить Новославянскія дѣепричастія, т. е. причастія съ адвербіальнымъ характеромъ: Рус. читая, играючи; написавъ, выпивши. Сюда же относятся частицы: хотя и молъ (изъ: молвилъ?).

Къ частицамъ же должны быть относимы по своей формѣ *инфинитивы и супины*, такъ какъ и они являются въ одномъ неизмѣнномъ видѣ, представляющемъ окаменѣлость формы падежной. Какой падежъ скрывается въ инфинитивѣ, родительный, дательный или предложный, трудно рѣшить, такъ какъ при суффиксѣ ть (ti) во всѣхъ трехъ означенныхъ формахъ является слогъ ти: такъ Рус. знать, честь, имѣютъ: знати, чести, въ род., дат. и предложномъ. Слѣдов. вопросъ о падежной роли инфинитивнаго суффикса не можетъ быть рѣшенъ на почвѣ морфологической и долженъ быть перенесенъ на симазіологическую.

Что касается супина (на: тъ, тоу), то въ немъ можно видѣть форму винит. или дат. темъ на tu: быть, бытоу.

Въ Новославянскихъ нарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще рѣзче выразилась метаморфоза инфинитива въ частицы: напр. Рус. знать (вм. видно); чуть-чуть (еле-еле).

Изъ личныхъ формъ глагола, окаменѣлыхъ въ частицы, встрѣчаются слѣдующія.

1. *Настоящее* изъявительнаго. Суффиксъ II л. множ. те соединяется иногда съ частицами для образованія новыхъ: Рус. на, нате; ну, нуте; ср. полно, полноте; Срб. овамоте. Въ другихъ случаяхъ появляется въ подобной роли суф. двойственнаго числа, въ формѣ: ста (юста?): пожалуйста. Въ Малорусскомъ же нарѣчіи и суффиксъ I л. множ. (мо) встрѣчается въ такихъ соединеніяхъ: нумо, нумте.

Отъ личныхъ формъ наст. изъявит. произошли наши союзы: если (юстьли), буде (бѫдеть); частица де (дѣють?); Пол. albowiem, Чеш. pry (inquit), Серб. морда (fortasse, изъ: море бити да).

2. *Повелительное*. Рус. будьто, что-ни-будь, вѣдь, небось, спасибо(гъ), пусть, пускай, почти; Пол. niechaj, Серб. нека, Хут. naj.

3. *Аористъ*. Союзъ бы (чтобы, дабы), существующій теперь въ Русскомъ, Пол., Чеш., Хут., развился изъ аориста: быхъ, бы, бы. Въ глагольномъ значеніи онъ и донынѣ употребляется въ Сербскомъ, Болгарскомъ и Лужицкихъ нарѣчіяхъ.

Не всѣ однако формы частицъ такъ легко могутъ быть пріурочены къ одной изъ падежныхъ или личныхъ формъ. Есть цѣлый ихъ рядъ довольно темнаго происхожденія. Таковы напр. не только простые односложные предлоги и союзы (въ, къ, а, и и т. п.) но и многія нарѣчія, которыхъ корень ясно выдѣляется отъ суффикса: да, де, доу, дѣ, жди (шти), ли, лѣ, ма, ми (когда, къде, кѫдоу, кѫдѣ, трижди, коли, доколѣ, кольма, кольми). Лишь послѣднія (ма, ми) формы съ нѣкоторою вѣроятностію можно пріурочить къ формамъ творит. множ. и двойствен. (ср. тѣма, тѣми); всѣ же остальныя представляютъ образованія загадочныя.

На этомъ мы заключаемъ *анализъ* составныхъ элементовъ Славянскаго слова. Къ задачамъ морфологіи относится еще ихъ *синтезъ*, какъ онъ выражается въ системахъ склоненія и спряженія: но разсмотрѣніе послѣднихъ можетъ быть предметомъ особой статьи.

А. Будиловичъ.

О ЗЕМЛѢ ПОЛОВЕЦКОЙ.

(Историко-географическій очеркъ).

Русскія поселенія въ раннее время лежали по Донцу и по лѣвой сторонѣ Днѣпра, простираясь чуть ли не до Азовскаго и Чернаго морей, о чемъ свидѣтельствуютъ названія многихъ мѣстностей весьма древнія [1]). Но подъ напоромъ кочевыхъ народовъ, которые одинъ за другимъ занимали южный край Россіи, наши предки мало по малу уступали свои города, обращавшіеся въ городища, пришлецамъ, ведя съ ними постоянныя войны въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Раздолье южно-русскихъ степей, множество рѣкъ и удобныхъ водопоевъ, сочныя травы и богатыя пастбища издавна привлекали кочевыхъ народовъ для привольнаго житья въ этой благодатной мѣстности, съ ихъ многочисленными стадами. Азіатскія племена, обитавшія въ южныхъ степяхъ, имѣвшія враждебныя столкновенія съ русскимъ народомъ, оставили память о себѣ въ географическихъ названіяхъ мѣстностей, которыя могутъ иногда разъяснять или дополнять скудныя лѣтописныя извѣстія о дикихъ кочевникахъ.

На памяти исторіи, *Хазары* постепенно подвигались отъ Яика къ Дону, потомъ кочевья ихъ простирались по Донцу вплоть до Тавриды. Въ Харьковской губ. сохранилось много слѣдовъ пребыванія этихъ степняковъ въ ея предѣлахъ; эти слѣды можно отыскать въ названіяхъ разныхъ мѣстностей, которыя находятся въ трехъ уѣздахъ, прилегающихъ къ Донцу съ правой стороны. *Хазарское городище* лежитъ около с. Ковеговъ въ 8 верстахъ отъ г. Валокъ; недалеко отъ него въ трехъ верстахъ отъ вала урочище называется

---

1) Извѣст. Акад. Н. VIII, 314. Статья *И. И. Срезневскаго.* Въ 1170 г. князья собирались „поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути“ къ Черному и Азовскому морямъ. Ипат. 97.

Хозаревскимъ. Городище это расположено на взгорьѣ по берегу ручья и мѣстами окружено тройнымъ валомъ; вообще городища Валковскаго у. самыя значительныя въ той мѣстности и ихъ надо признать одними изъ древнѣйшихъ. Другія названія также указываютъ на мѣстности, гдѣ прежде обитали Хазары: въ 32 верстахъ отъ г. Валокъ на р. Березовой есть хуторъ *Заказаровка*, а въ 20 верстахъ отъ г. Лебедина лежитъ хуторъ *Коцаревъ*. Въ самомъ г. Харьковѣ находится улица *Кацарская*, а вблизи города есть *Каганово городище* и *Кагановъ перевозъ*; все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о поселеніяхъ Хазаръ, князь которыхъ назывался *Каганомъ*. Отсюда, вѣроятно, въ IX в. они дѣлали набѣги на славянскія племена, подчинивъ своей власти Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Олегъ освободилъ отъ Хазарскаго вліянія Сѣверянъ и Радимичей; а Святославъ, взявъ г. Бѣлувѣжу, сдѣлалъ свободными и Вятичей; но часть Хазаръ оставалась въ Русской землѣ въ подчиненіи Половцевъ, потомъ перешла на службу къ русскимъ князьямъ. Отъ насильства Половцевъ *Бѣловѣжцы*, какъ называетъ лѣтопись Хазаръ, перебрались въ нынѣшнюю Черниговскую губ. и основали г. *Бѣлувѣжу* близь верховьевъ р. Остра, гдѣ находимъ нѣсколько селеній съ этимъ именемъ; остатки этого городка доселѣ можно видѣть у нѣмецкой колоніи Бельмешь [1]). Когда возникъ этотъ городъ Хазаръ—неизвѣстно, но лѣтописи сохранили память объ ихъ переселеніи въ Черниговскую область, отмѣтивъ подъ 1117 г. слѣдующій случай: „придоша Бѣловѣжцы въ Русь“ (*Ипат. 8. Густинс. 291*). Недалеко отъ развалинъ Бѣлавѣжи находимъ селеніе съ названіемъ *Козары*, на пути отъ с. Носовки въ г. Козелецъ; сохранились также слѣды ихъ жительства около г. Воронежа, гдѣ близъ слободы Чижевки, недалеко отъ шлюзовъ, указываютъ *Козарское городище* и *Козарское поле*. Въ XI стол. мы встрѣчаемъ Хазаръ въ Тмутараканскомъ княжествѣ [2]).

Хазаръ смѣнили *Печенѣги*, которые также обитали около Донца недалеко отъ г. Чугуева,—и названія мѣстъ ихъ жилья сохранились до нашихъ дней. *Печенѣжская гора*, находящаяся на лѣвомъ берегу Донца (въ 7 верстахъ выше г. Чугуева, около с. Масловки), поражаетъ зрителя своими грандіозными размѣрами, особенно если смотрѣть на

1) *Изслѣдованія Лерберга* подробно описываютъ этотъ старинный городокъ (*стр. 385*).

2) Древн. и Нов. Рос. 1876 г. V, 65. Калужск. губ. Вѣдом. 1842 г. № 42. П. С. Лѣт. I, 87. 88.

нее съ противоположной гористой стороны Донца, напримѣръ—отъ церкви изъ с. Конетка. Въ 1667 г. упоминается г. *Печенѣги* въ числѣ другихъ русскихъ городовъ; это—теперешнее село *Печенѣги*, тоже лежащее на Донцѣ въ 23 верстахъ отъ Чугуева при горѣ *Бубонѣ*; съ 1646 г. отъ гоненья панежанъ тамъ стали селиться выходцы польскаго края изъ Черкасъ и употреблялись для охраны границы отъ нападенія крымскихъ Татаръ. Эти *Печенѣжскіе Черкасы* постоянно измѣняли русскимъ, нападали на Аркадіевскую пустынь и дѣйствовали по мыслямъ Дорошенко вмѣстѣ съ Татарами; извѣстный атаманъ Сѣрко былъ полковникомъ Зміевскихъ и Печенѣжскихъ Черкасъ или казаковъ въ 1668 г. и желалъ поселиться въ своемъ домѣ въ Мареѳѣ 1675 года [1]). Напрасно нѣкоторые писатели думали, будто эти Печенѣжскіе Черкасы были потомками старинныхъ Печенѣговъ: только старая мѣстность, въ которой они поселились, дала имъ названіе въ XVII стол. Извѣстно, что Печенѣги въ послѣдній разъ приступили къ Кіеву *безъ числа* въ 1036 г., но Ярославъ въ злой сѣчѣ, продолжавшейся цѣлый день, сокрушилъ ихъ силу, о чемъ лѣтопись замѣтила: „и побѣгоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся камо бѣжати, тонаху въ Сѣтомли, ина въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне“ *(Лавр. 65)*. Побѣда русскихъ князей надъ Печенѣгами заставила ихъ пробираться за Днѣпръ и за Дунай, гдѣ добили ихъ Греки съ Половцами, а въ южныхъ степяхъ осталось ихъ мало. Потомъ нѣкоторые переселились въ Кіевскую область и смѣшались съ другими степными племенами, которые извѣстны подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* и *Берендѣевъ*. Остатки Печенѣговъ помогали русскимъ князьямъ и въ XII в., но часто льстили имъ и измѣняли, не исключая *Печенѣговъ Каневскихъ* [2]).

Ослабивъ силу Печенѣговъ, русскіе стали дѣйствовать наступательно противъ *Торковъ*, которые сидѣли по Донцу далѣе Печенѣговъ и были одного съ ними племени. Племя это обитало около нынѣшняго г. Славянска и сообщило свое наименованіе нѣсколькимъ мѣстностямъ: двѣ рѣки издавна назывались *Торъ* и *Тореңъ*, соляныя озера—*торскими* и самый г. Славянскъ носилъ имя *Тора*; деревня *Торская* лежитъ въ 90 верстахъ отъ г. Купянска при р. Жеребцѣ. Около г. Славянска находится *Торское городище*, вблизи котораго въ

1) Опис. Харьковс. епархіи. Пр. *Филарета*. I, 19. 292; II, 6. 51; III, 263; IV, 66. 97—101. 106—110.

2) Ипат. лѣт. 18. 60. 90. 96. Воскр. 25. Никон. II, 134.

XVII в. былъ татарскій перелазъ и тутъ поставленъ острожекъ въ 1646 г. для оберeганья соляныхъ промысловъ. Старое *Торчиново городище* лежитъ на р. Мерлѣ въ 6 верстахъ отъ г. Краснокутска; въ описаніи сторожей 1571 г. сказано: „а Мерлъ перелезти ниже Торчинова городища". *Торская дорога* шла около р. Тетлѣги, подлѣ дачъ Чугуевцевъ за Сѣверскимъ Донцомъ, недалеко отъ рѣчки Гнилицы [1]). Въ 1080 г. часть Торковъ выселилась съ Донца въ Переяславскую область *(Лавр. 87. 97)*; другая часть на правую сторону Днѣпра, о чемъ свидѣтельствуетъ названіе *Торческа* или *Торцйскаю*, и служила князьямъ кіевскимъ. Въ 1116 г. „бишася Половцы съ Торкы и съ Печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дни и двѣ нощи,—и придоша въ Русь къ Володимеру Торци и Печенѣзи". Такимъ образомъ Половцы вытѣснили съ Донца племена, которыя измѣняли имъ и дѣйствовали въ пользу русскихъ; въ 1121 г. Владиміръ однако прогналъ Берендѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги бѣжали сами,—„и тако мятущеся сдѣ, однѣ—и тако погибоша". (*Ипат 8. Лавр. 104*). Но Торки не погибли и оставались въ предѣлахъ Черниговскаго княжества въ осѣдломъ положеніи въ XII стол. По указанію лѣтописей, остатки Торскаго племени жили близь *Баруча* и *Броньякняжа*, теперешней *Браницы*, въ Кролевецкомъ у. (на рѣчкѣ Грабаровкѣ, лѣвомъ притокѣ р. верхняго Трубежа), около *Нѣжатина*, недалеко отъ нынѣшняго *Нѣжина*, въ окрестностяхъ *Городка* или *Городни* на р. Сможѣ, впадающей въ Удай, съ лѣвой стороны выше г. Прилукъ, въ окрестностяхъ *Серебрянаю*, теперешняго *с. Сребнаю* Прилуцкаго у., по роменскому тракту на р. Лысогорѣ. Н. П. Барсовъ вѣрно объясняетъ мѣстность, гдѣ обитали Торки: „или въ сѣверной части Прилуцкаго, или въ южной Нѣжинскаго уѣзда, можетъ быть, въ окрестностяхъ теперешняго хутора *Барышовцова*, принадлежащаго селу *Носовкѣ* (Нѣжинскаго у. на границѣ съ прилуцкимъ [3])". Торки въ XII стол. то помогали русскимъ князьямъ своимъ участіемъ въ битвахъ, то льстили и измѣняли имъ [4]).

---

1) А. эксп. IV, стр. 273. Опис. Харьк. епархіи. I, 314. III, 219—250. IV, 62. V, 115—118. 127. 132. На Торскихъ вершинахъ часты были столкновенія казаковъ съ Татарами въ XVII в. Доп. къ А. ист. X, N 44, с. 4.

2) Лавр. 129=1125 г.; 132=1135 г. Ипат. 107.

3) Очерки рус. истор. геогр. Варшава. 1873 г. стр. 140.

4) Ипат. 60. 90. 96. 100—101. 106. 143. 174.

Болѣе вѣрными русскимъ оставались *Ковуи*—небольшая отрасль Торскаго племени,—которые сначала жили тоже въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. Тамъ при рѣчкѣ Ворсклицѣ и р. Боровой нанаходится *Кукуево городище*, между деревнями Литовкой и Боголюбовой, окруженное двумя валами и рвомъ въ 3 сажени вышины; другое *Кукуево городище* лежитъ около села Боровеньки Лебединскаго у. на р. Пслѣ въ 12 верстахъ отъ уѣзднаго города. Оба эти городища надо считать памятниками древнихъ жилищъ Ковуевъ. При нашествіи Половцевъ одни изъ нихъ передвинулись на правый берегъ Днѣпра, гдѣ г. Черкасы и Торческъ; другіе пошли съ Торками въ предѣлы Черниговскаго княжества и назывались *Ковуями Черниговскими*, которые постоянно помогали русскимъ князьямъ въ битвахъ противъ Половцевъ[1]).

Столкновеніе русскихъ съ Торками въ 1054 году вызвало ихъ на борьбу съ *Половцами*; какъ только русскіе князья побѣдили Торковъ, въ тоже время познакомились съ Половцами: „иде Всеволодъ на Торкы, и побѣди Торкы. Въ семъ же лѣтѣ приходи *Болушь* съ Половци, и сотвори Всеволодъ миръ съ ними, и возвратишася вспять, отнюду же пришли". Значитъ, Половцы въ это время придвинулись къ Торкамъ, которые, вѣроятно, обратились къ нимъ за помощью, а заключенный миръ показываетъ, что передъ этимъ была ссора. Подобное же явленіе повторилось въ 1060 году: четыре русскіе князя „совокупивше вои безчислены, поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, безчислено множьство на Торкы. Се слышавше Торци убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи отъ зимы, гладомъ, моромъ и судомъ Божіимъ; тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ". Но лѣтописецъ ошибся въ разсчетѣ: въ защиту Торковъ 1061 г. явились болѣе опасные враги—Половцы, сдѣлали первый удачный набѣгъ на русскую землю, побѣдили Всеволода, подъ предводительствомъ своего князя *Искала* (Сокала) и повоевавъ Русь, ушли во свояси *(Лавр. 70. 1 Соф. 140)*. Съ тѣхъ поръ Половцы стали дѣлать набѣги смѣлые и постоянные на русскія поселенія въ нынѣшней Полтавской, а отчасти и въ Черниговской губ. Они воевали по р. Сожицѣ или Оржицѣ, брали и осаждали города Черниговъ, Переяславъ, Прилуки, Переволоку *(теперь Переволочное на р. Удаѣ къ вост. отъ Прилукъ)*, Песоченъ или Песочки на р. Сулѣ, Ромны,

1) Опис. Харьков. епар. III, 55. 56—8. 489—490. Ипат. 60. 90. 99. 130—131.

Горошинъ, Снятинъ и Лубны. Русскіе князья гонялись за Супой, Хоролъ, Сулу и Голтву, отражая ихъ нападенія [1]).

Вообще наступательная война русскихъ съ Половцами въ XI стол. не отличалась смѣлостью и ограничивалась защитой собственныхъ пограничныхъ укрѣпленій; только въ 1103 г. они „умыслиша *дерзнути* поити въ землю ихъ". Первая побѣда надъ Половцами произошла въ ихъ землѣ 4-го апрѣля; войска пошли внизъ по Днѣпру однѣ берегомъ, другія въ лодкахъ, „придоша ниже порогъ и сташа въ протолчехъ въ Хортичемъ островѣ"; потомъ шли въ полѣ 4 дня и одержали знаменательную побѣду въ нынѣшней Екатеринославской губ. Однихъ князей Половецкихъ избили 20 человѣкъ, обогатились скотомъ и челядью, „и заяша Печенѣгы и Торкы съ вежами. И придоша въ Русь съ полономъ великымъ, и съ славою и съ побѣдою великою". Виновникъ этого удачнаго похода, Владиміръ Мономахъ, въ 1109 г. послалъ съ другой стороны войско, въ Половецкое поле и оно взяло вежи подъ предводительствомъ Дмитра Иворовича *у Дону*, т. е. на Донцѣ [2]).

Но самый удачный походъ сдѣлали князья на Половцевъ въ 1111 году: тогда они въ первый разъ проникли въ глубь Половецкихъ степей и одержали блистательную побѣду надъ своими врагами—кочевниками, которая современниками считалась чудомъ и приписана помощи и участію ангеловъ. И этотъ славный походъ совершонъ, благодаря энергіи Владиміра Мономаха; онъ сталъ убѣждать Кіевскаго в. кн. Святополка идти весной на поганыхъ, но встрѣтилъ отпоръ дружины, которая говорила: „хощетъ погубити смерды и ролью смердомъ", т. е. при раннемъ походѣ, когда заняты будутъ лошади и люди, нельзя произвести посѣва. Не смотря на противодѣйствіе дружины весеннему походу, Мономахъ доказалъ его необходимость и настоялъ на своемъ. Ему хотѣлось, должно быть, застать рано и въ расплохъ Половцевъ на ихъ *зимовищахъ* около Донца и потому онъ рѣшился идти въ весеннюю распутицу: обыкновенно кочевые степня-

---

1) Лавр. 87. 92. 103. 104. Очерки рус. истор, геогр. *Барсова*. 141. Р. *Оржица* выходитъ изъ Прилукскаго у., течетъ по Пирятинскому и Лубенскому на 130 верстъ и впадаетъ въ р. Сулу.

2) Лавр. 118—119. 121. Малая рѣка *Хортица* впадаетъ въ Днѣпръ въ Екатеринославской губ. противъ острова *Хортица*.

-ми съ весны на лѣто переходили съ Донца и Дона на югъ въ широкія степи на Калміусъ, на Орель, въ низовьяхъ Дона и къ Азовскому морю, гдѣ имѣли *лѣтовища*, а на зиму опять шли обратно [1]). Походъ Мономаха, замѣчательный тѣмъ, что Руcскіе въ первый разъ проникли въ средину Половецкой земли, представляется различно у разныхъ писателей и по времени и по мѣстности, да и показанія лѣтописей на этотъ разъ неодинаковы [2]). Приблизительно—точный разсчетъ движенія войскъ представилъ Н. П. Барсовъ въ своей „Географіи начальной лѣтописи"; но и у него вкрались лѣтописныя ошибки, какъ увидимъ далѣе.

Мономахъ съ князьями отправился изъ Переяславля *во вторую недѣлю* или во второе воскресенье великаго поста, которое приходилось въ тотъ годъ 26-го февраля. Въ лѣтописяхъ путь его означенъ переходомъ черезъ рѣки, которыя протекаютъ въ Полтавской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что войска двигались обычной дорогой, по которой ходили тогда Половцы на Переяславль, по которой ѣздили и торговцы въ землю Половецкую: извѣстно, что пути установливаются надолго и прокладывать по Россіи новыя дороги прямоѣзжія— трудъ богатырскій. Слѣдовательно, направленіе пути войскъ можно означить тѣми мѣстностями, которыя упоминаются въ лѣтописяхъ. Мономахъ пошелъ къ р. Супою черезъ *Воинъ*, теперешнее с. Войницы (въ 11 верстахъ отъ г. Переяслава), около котораго находился валъ въ XI стол. и теперь еще хорошо видный *(Лавр. 97. 139)*. Войница составляетъ первую станцію отъ Переяслава, — и когда князья пошли на Половцевъ въ 1110 г., то дошедъ до Войницы, вернулись назадъ, потому что путь былъ плохой [3]). Въ 1111 г. князья, переправившись чрезъ р. Супой, пришли на Сулу въ пятницу 3-й недѣли поста 3-го марта; значитъ они въ пять дней сдѣлали 138 верстъ *(отъ Супоя до Сулы около 108 верстъ)*; шли они, вѣроятно, по направленію къ городку *Лукомлю*, на р. Сулѣ, который уже въ XII стол. разоренъ былъ Половцами и назывался *городищемъ (Ипат. 122)*, а можетъ быть—къ *Горошину*, взятому Половцами при *Мономахѣ*, а укрѣпленіе это лежало южнѣе Лукомья тоже на Сулѣ. (Лавр. 103). Въ суботу 4-го марта пришли на р. Хоролъ и отъ таянія снѣговъ

1) Лавр. 121. 174.

2) Ист. рос. *Татищева* II, 207—209. Ист. гос. рос. *Карамзина* II, пр. 204.

3) Лавр. 121. Ипат. 87. *Войницы* при рч. Броваркѣ и въ 20 верстахъ отъ с. Ташани, что на Супоѣ. *Спис. насел. мѣстъ*. 161.

пометали сани; отъ Лукомья до г. Хорола считается 28 верстъ. Судя по выраженію Воскресенской лѣтописи, что князья по переправѣ чрезъ Хоролъ, *выидоша въ поле*,—можно заключить о пограничной линіи по этой рѣкѣ Переяславскаго княжества въ началѣ XII стол. *(П. Собр. Лѣт. VI, 21).* Если они направлялись отъ Хорола къ с. Бѣлоцерковкѣ, лежащей у р. Псла, то прошли 38 верстъ—и достигли Псела въ воскресенье крестопоклонное 5-го марта; отъ Псела до Голтвы прошли еще 25 верстъ (отъ Бѣлоцерковки на Пселѣ до Рѣшетиловки на Голтвѣ 25 в.). Здѣсь подождали войска и во вторникъ 7-го марта на 4-й недѣлѣ поста пришли на р. Ворсклу, сдѣлавъ 36 верстъ, если шли отъ Рѣшетиловки въ окресности Полтавы. Такимъ образомъ отъ Переяславля до Ворсклы или до Полтавы прошли 264 версты въ 10 дней, дѣлая съ остановками круглымъ счетомъ верстъ 26 въ сутки; отъ Хорола до Полтавы около 100 верстъ прошли они въ 4 дня, когда бросили сани. Н. П. Барсовъ замѣчаетъ: „Очевидно, путь лежалъ выше устьевъ Хорола и Голтвы, по всей вѣроятности отъ Лукомля, пограничнаго городка Переяславской области на Сулѣ, къ Ворсклѣ въ окрестности Полтавы или приблизительно по паралели 59° 50'. Здѣсь всего около 125 верстъ. Это разстояніе они прошли въ 5 дней (3—7 марта), дѣлая такимъ образомъ въ день круглымъ счетомъ верстъ по 25" [1]). Если бы князья шли сѣвернѣе напримѣръ, на Лубны, Миргородъ и Балаклію; то миновали бы р. Голтву; слѣдовательно они направлялись южнѣе—на Бѣлоцерковку. Въ средокрестье или въ среду 4-й недѣли поста 8-го марта пошли они съ Ворсклы, „и оттуда проидоша многи рѣки". На основаніи этого лѣтописнаго замѣчанія, можно судить гадательно о слѣдующихъ обстоятельствахъ. Едвали войска шли на Чугуевъ или Зміевъ: въ этомъ направленіи нѣтъ почти совсѣмъ рѣкъ, только и встрѣтилась бы имъ р. Можь и еще около Чугуева р. Уды; значитъ, онѣ направлялись или сѣвернѣе или южнѣе. Много рѣкъ онѣ должны были перейдти, если бы двигались выше г. Харькова; здѣсь надо бы переправиться чрезъ Коломакъ, Уды, Лопань и Харьковъ, несчитая мелкихъ рѣчекъ, увеличивающихся весной во время разлива воды. Точно также встрѣтили бы много рѣкъ на пути въ окрестности Изюма; тутъ прошли бы Коломакъ, Орчикъ, Берестовую, верховья Орели и

---

1) Очерки рус. историч. геогр. прим. 227. Полтава упоминается въ 1174 г. какъ крайнее пограничное русское поселеніе. *Ипат. 107.*

Береку. Какъ бы то ни было, князья пришли къ Донцу во вторникъ на 5-й недѣлѣ, по другимъ спискамъ лѣтописей—въ воскресенье той же недѣли, по третьимъ—во вторникъ на 6-й недѣлѣ. Н. П. Барсовъ держится указанія послѣдняго и говоритъ, что „отъ Ворсклы до Шаруканя на Дону они шли 14 дней, прибывши туда вечеромъ 21 го марта, во вторникъ на 6-й недѣлѣ поста". Въ Ипатьевской лѣтописи дѣйствительно отмѣчено, что они пришли къ Донцу на 6-й недѣлѣ, но это не вѣрно; въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ означено точнѣе, что дѣло было во вторникъ 5-й недѣли, т. е. 14 марта, а слѣдовательно онѣ достигли отъ Ворсклы до Донца *(отъ 8—14-ю)* не въ 14, но въ 7 дней (отъ Полтавы до Харькова считается 132 версты). Если бы князья 21 марта были на Донцѣ, т. е. на 6-й недѣлѣ во вторникъ, то они овладѣли бы Шаруканемъ въ недѣлю цвѣтную 26-го марта, тогда какъ этотъ праздникъ они проводили послѣ взятія двухъ городовъ и удачной побѣды надъ Половцами при потокѣ Дѣгея, а 27 марта уже разбили ихъ на р. Салницѣ. Едвали не вѣрнѣе всѣхъ списковъ чтеніе Воскресенской лѣтописи, въ которой сказано, что „въ 5-ю же *недѣлю* поста пріидоша къ Донови, во вторникъ же оболкшеся во брони, поидоша съ Донови, полкы изрядивше, ко граду Шаруканю" *(П. С. Лѣт. VI, 21)*. Это свидѣтельство очень достовѣрно по точности: изрядить полки въ одинъ день, бывшіе въ походѣ 17 дней, сразу нелегко, да и едва ли все войско могло придти въ одинъ день; надо было, вѣроятно, поджидать его, какъ это случилось на Голтвѣ ранѣе. При такомъ разсчетѣ, войско отъ Ворсклы до Донца, на разстояніи примѣрно 150 верстъ, пришло къ Донцу въ пять или 6 дней, что согласно съ прежнимъ его движеніемъ. Изрядивъ полки, князья пошли 14 марта во вторникъ къ г. Шаруканю и взяли его въ воскресенье 19 марта; это—первый городъ въ землѣ Половецкой.

Хотя всѣ почти писатели утверждаютъ, будто г. Шарукань лежалъ на Донцѣ, но надо полагать скорѣе, что въ недалекомъ отъ него разстояніи; въ одной лѣтописи сказано неопредѣленно: *поидоша къ Шаруканю*, но съ Донца ли ушли войска или двинулись вдоль по берегу, неизвѣстно, только въ Воскресенскомъ спискѣ означено прямо, что Мономахъ и князья „поидоша съ Донови ко граду Шаруканю" *(Ипат. 2 Воскр. 21)*; значитъ, онъ находился не на Донцѣ.—Что же это за городъ и почему доселѣ не опредѣлено его мѣстоположеніе? Вообще отгадывать положеніе городовъ и мѣстечекъ по географическимъ старинпымъ названіямъ весьма трудно, особенно въ землѣ

Половецкой, гдѣ смѣнялись постоянно восточныя племена однѣ другими, оставляя каждое свои слѣды и названія, которыя передѣлывались нерѣдко русскими на свой ладъ, напр. изъ *Адалаги* вышла русская *Водолага*, изъ *Гузуна—Изюмъ* и т. дал. Много названій географическихъ въ Половецкомъ полѣ у русскихъ носили двойныя имена, собственныя и восточныя: Орель и Уголъ, Самара и Снопородъ и проч. У Половцевъ же постоянно названіе одного и тогоже города мѣнялось часто, потому что они именовали ихъ по своимъ ханамъ—князьямъ или родоначальникамъ: когда по смерти одного предводителя извѣстнаго рода дѣлался другой, то и городъ измѣнялъ названіе. Въ жизни Половцевъ господствовалъ родовой бытъ, о которомъ вѣрно разсуждалъ еще Татищевъ, что у нихъ множество князей зависитъ отъ множества и раздѣленія улусовъ; поэтому самыя племена ихъ назывались по родоначальникамъ: Токсобичи, Каепичи, Багубарсовы, Бастѣева чадь, Чаргова чадь; имена городовъ половецкихъ означены по тогдашнимъ владѣльцамъ, а несущественныя [1]). Тотъ же городъ *Шаруканъ* носилъ въ разное время нѣсколько названій: сначала онъ означался именемъ града *Осенева* или *Асенева* отъ Половецкаго хана Асана (Асеня, Асиня, Осеня), котораго взялъ въ плѣнъ Мономахъ, и впослѣдствіи женилъ на его внукѣ сына своего Георгія. По смерти Асана (1082 г.), его городъ уже сталъ носить названіе *Шарукана*, по имени хана *Шарука*, который едва непопалъ въ плѣнъ русскимъ въ 1107 г. на Хоролѣ. Наконецъ г. Шаруканъ называется *Чешуевымъ* (Чешлюевымъ), также по имени хана, сдѣлавшагося предводителемъ по смерти Шарукана. Всѣ эти названія въ русскихъ лѣтописяхъ служатъ для означенія одного и того же города: въ одномъ спискѣ онъ называется Шаруканомъ, въ другомъ Осеневымъ, въ третьемъ Чешуевымъ [2]). Г. *Сугровъ* тоже названъ по имени хана *Сугры*, который взятъ былъ въ плѣнъ князьями при нападенія на г. Лубны 1107 г. (*Лавр. 120*). О положеніи этихъ городовъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1185 г. Игорь Святославичъ перебрелъ Донецъ, шелъ по лѣвой его сторонѣ къ р. Осколу и миновалъ города Шаруканъ и Сугровъ; слѣдовательно они ле-

---

1) Ист. Рос. *Татищева* 1774 г. II, пр. 351. III, пр. 535. У Печенѣговъ мы видимъ тоже явленіе. Окрайны Россіи. Вып. 1. М. 1865 г. пр. 13.

1) Лавр. 87. 120. 128. Ипат. 2.

жали по правую сторону Донца и выше устьевъ р. Оскола, иначе Игорь встрѣтилъ бы ихъ, когда перешелъ на другую сторону; Владиміръ Мономахъ направлялся тоже къ р. Сальницѣ, какъ и Игорь, но по правой сторонѣ Донца и потому долженъ былъ имѣть дѣло съ этими городами. Если не на Донцѣ находился г. *Шарукань*, то онъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго *Харькова* (Харкань, Гаркань, Шаркань), который переиначенъ Малороссійскими казаками на свой ладъ и невѣрно произведенъ отъ казака *Харько*; еще преосв. Филаретъ опровергалъ мнѣніе, будто Харькову далъ свое имя первый поселенецъ казакъ Харько [1]). Однако пріурочивая г. Шарукань къ мѣстности Харькова, мы встрѣчаемся съ большимъ затрудненіемъ, что этотъ городъ называется въ лѣтописахъ *Чешуевымъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что это имя происходитъ отъ хана родоначальника половецкаго, но Чешуя—хана мы не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и думаемъ, что это слово передѣлано на русскій ладъ, а прежнее названіе было *Чугаевъ* или *Чугуевъ* отъ хана *Чугая*; дѣйствительно, мы знаемъ, что у Половцевъ были ханы съ этимъ именемъ и одинъ изъ нихъ убитъ въ 1180 г. (*Ипат. 125*).

Такъ какъ многія мѣстности въ землѣ Половецкой назывались по именамъ хановъ, то позволительно предположить, что нѣкоторыя рѣки и населенныя мѣста получили отъ нихъ свои наименованія. Особенно много такихъ названій можно насчитать въ Харьковской губ., наприм.: отъ хана или родоначальника *Буса* („поютъ время *Бусово*, лелѣютъ месть *Шаруканю*") происходятъ имена—*Бусовъ яръ* въ Волчанскомъ у. на лѣвомъ берегу Донца въ 15 верстахъ отъ у. города; *Бузовъ новый*, *Бузовъ старый* въ 35 верстахъ отъ Волчанска, *Бузова рѣчка*, *Бузовъ хуторъ*, *Бузовскій* (Зміевс. у.), *Бузовикъ* (Лебединс. у.), *Бузовскій* (Купянс. у.). Такъ какъ *Бусовъ яръ* лежитъ въ 15 верстахъ отъ *Салтова*, то еще болѣе можно быть увѣреннымъ въ Половецкомъ происхожденіи *Бусова*. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ говорится: „Стрѣляеши съ отня злата стола *Салтана* за землями; стрѣляй, господине, Кончака поганаго кощея за русскую землю". Ясно, что салтанами назывались ханы Половецкіе, которые и дали свое имя *Салтовскому городищу* на Донцѣ, *Верхнему Салтову*, *Старому Салтову* (Волчанск. у.), *Салтановкѣ* (Сумс. у.). Можно думать, что

1) Опис. Харьк. епар. II, 5. Въ Полтавской губ. есть хуторъ *Хархановъ* Лохвиц. у. въ 22 верстахъ отъ у. города.

названіе *Куряжъ* колодецъ и *Куряжъ* рѣка, гдѣ теперь *Куряжскій* монастырь при р. Удахъ, въ 10 верстахъ отъ Харькова, обязаны своимъ происхожденіемъ также кочеванію въ этой мѣстности хана *Кури* или Куряжа; объ этомъ ханѣ лѣтопись отмѣтила подъ 1096 г. что Куря воевалъ около Переяславля и сжегъ с. *Устье*. Тоже можно сказать о мѣстностяхъ съ именемъ *Топчіева*, которыя находятся, въ Харьковскомъ, Валковскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ, что онѣ получили названіе отъ хана *Топчія* и проч. [1]).

Половцы не были устроителями городовъ и, занимая оставленныя другими народами городища, не могли укрѣплять и отстаивать ихъ; поэтому стоило осадить русскимъ засѣвшихъ въ городѣ Половцевъ, они скоро сдавались—и ни одного случая не найдется, когда бы они сняли осаду, что съ Половцами бывало часто. Впрочемъ и городовъ ими занимаемыхъ насчитывается очень мало, но всѣ ихъ надо искать на мѣстахъ нынѣшнихъ городищъ, которыя и находятся около Харькова и Чугуева [2]). Итакъ, взявъ легко Шарукань 19-го марта, когда сами жители вынесли князьямъ рыбу и вино, они отправились къ г. *Сугрову*. По всѣмъ почти спискамъ лѣтописей можно гадать, что Шарукань лежалъ отъ Сугрова на разстояніи одного дня пути, но это несправедливо; очевидно, переписчиковъ лѣтописей смущало слово—*завтра* и они думали, что князья пришли на другой день. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ означено точно, что къ Сугрову пришли *завтра въ среду*, т. е. въ среду утромъ; поэтому переходъ отъ Шаруканя совершенъ въ три дня и Сугровъ былъ зажжонъ 22 марта. Если вѣрно, что Шарукань или Чешуевъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Чугуева, то Сугровъ надо искать около Изюма, судя по времени перехода войска и соображая его съ разстояніемъ городовъ. (Чугуевъ отъ Изюма отстоитъ на 88 верстъ). По взятіи г. Сугрова, князья 23-го марта „въ четвергъ поидоша съ Дона", слѣдовательно Сугровъ стоялъ несомнѣнно на Донцѣ. Далѣе они направились къ р. *Салницѣ*, которую Карамзинъ считалъ за р. *Салъ*, впадающую въ Донъ, не смотря на то, что еще Татищевъ очень вѣрно замѣтилъ: „Донъ есть Донецъ сѣверскій, который Доном на многихъ мѣстахъ

1) Рус. Ист. Сборн. III, 118. 120. Опис. Харьк. епар. I, 100; II, 112; IV, 5—7. 42. 52. 277—289. Лавр. 98. См. „Списки населен. мѣстъ Харьковс. губ".

2) *Чугуево городище* значится въ книгѣ Большаго чертежа *(стр. 31)*; выше Чугуева въ 5 верстахъ по Донцу, около рч. Теплги, въ с. Кочеткѣ называется улица *Старый Кременчугъ*, т. е. старая крѣпость Чугуя или Чуги.

именованъ, что и рѣка *Сальница* утверждаетъ, ибо оная течетъ въ Донецъ съ правой стороны ниже Изюма, какъ въ Большомъ Чертежѣ показано". Мнѣніе Карамзина давно опровергнуто, какъ несостоятельное, Бутковымъ, Арцыбашевымъ и другими писателями [1]). Надо удивляться, какъ доселѣ не принято чтеніе Хлѣбниковскаго списка лѣтописи, въ которомъ вмѣсто неизвѣстной Сальницы, означена р. *Сольница*, а это названіе самое вѣрное. *(Ипат. 2 въ прим.)*. Р. Сольница лежитъ дѣйствительно въ 45 верстахъ ниже Изюма, считая по берегу Донца, и называлась такъ въ старинныхъ памятникахъ отъ многихъ соляныхъ озеръ, которыя находятся отъ нея въ полуверстѣ; эта знакомая намъ рѣка получила ранѣе названіе *Тора*, потому что на ней кочевали прежде Торки, прогнанные Половцами. Какъ Торъ назывался Сольницей, такъ г. Торскій или Слаянскъ—*Соленымъ Городомъ*, а озера Торскія—*Солеными озерами* [2]). Пробираясь съ Донца, князья въ пятницу 24 марта встрѣтили войско Половцевъ, которые „изрядиша полкы своя и поидоша къ боеви", но Богъ помогъ русскимъ князьямъ, супостаты побѣждены были *на потоцѣ Дегѣя* (Дегеявъ), который составляетъ притокъ р. Солницы, въ четырехъ верстахъ отъ Донца. Если древняя Сальница есть р. Торъ или теперешній *Казенный Торецъ*, то Дегѣя составляетъ *Кривой Торецъ* или Сольню рѣку; ростовскій лѣтописецъ при разсказѣ о побѣдѣ Мономаха на потокѣ Дегѣя, прибавилъ: „или Салнѣ рѣцѣ", считая Сальницу другой рѣкой; въ Воскресенскомъ спискѣ тоже находимъ на полѣ поясненіе потока Дегѣя—„Салня рѣка" [3]). Какъ обстоятельства дѣла, такъ и разстояніе не противорѣчатъ этому мнѣнію: послѣ побѣды 24 марта, князья праздновали два дня благовѣщенье и вербное воскресенье, въ которое пришли обратно на Донъ, а въ страстной

---

1) Ист. Татищева. II, пр. 204. 352. Ист. гос. рос. II, пр. 205. III, пр. 70. Въ Землеопис. рос. Имп. *Е. Зябловскаго* означена *Сальница*, впадающая въ Донецъ съ правой стороны выше Изюмца (V, 287). „Едва ли *Сальницею* не называется рѣка, падающая въ Донецъ съ лѣвой стороны между Осколомъ и Боровскою" *(Атласъ рос. имп. 1796 г. карта 49)*. Игорь или война Половецкая. Арцыбашева. (Вѣстн. Евр. 1826 г. № 11, стр. 177. № 12, стр. 241). Очерки геогр. *Барсова* (прим. 227). Бутковъ прямо указалъ, что Сальница есть р. *Торъ*. Вѣстн. Евр. 1821 г. №№ 21—22, стр. 52.

2) Опис. Харьк. епар. I, 180—2. V, 115—118. 127—132. 134. Г. Славянскъ лежитъ въ разстояніи отъ Харькова въ 165 верстахъ, отъ Бахмута—въ 40, отъ Екатеринослава—въ 260.

3) Ист. гос. рос. II, пр. 205. П. С. Лѣт. VII, 22.

понедѣльникъ 27 марта одержали блистательную побѣду надъ Половцами на р. Сальницѣ, надо полагать, при впаденіи Тора въ Донецъ. Какъ Мономахъ, такъ и Игорь Сѣверскій направлялись къ Торскимъ или Славянскимъ солянымъ озерамъ, которыми дорожили и степные народы и русскіе промышленники, куда лежалъ *Солоный путь*, по которому ѣздили русскіе торговцы и который старались князья отбить у Половцевъ въ 1170 г. *(Ипат. 97)*.

Теперь остается упомянуть о третьемъ Половецкомъ городѣ: въ 1116 г. Ярополкъ „ходи на Половечскую землю къ рѣцѣ, зовомѣй Донъ, и ту взя полонъ многъ, и 3 городы взя половечьскыѣ: *Галинъ* (Балинъ, Балисъ), Чешюевъ и Сугровъ". *Балинъ* доселѣ существуетъ фамилія въ Харьковской губ., но опредѣлить мѣстоположеніе этого города на Донцѣ—мы не беремся. Тотъ же князь ходилъ *за Донъ* въ 1120 г., но не нашелъ Половцевъ и воротился домой. О Мстиславѣ князѣ замѣчено подъ 1129 г., что онъ загналъ Половцевъ *за Донъ* и *за Волгу* [1]). Не смотря на это извѣстіе, границы Половецкой земли оставались и послѣ тѣ же въ Посульѣ, а на сѣверовостокѣ Переяславской области крайними городами по прежнему были *Вырь* или *Выревъ*, *Вьяхань* и *Попашь*. Н. П. Барсовъ пишетъ: „На р. Вырѣ, впадающей въ Сеймъ съ лѣвой стороны въ Путивльскомъ у, находятся населенныя мѣста *Виры*, при устьѣ Синяки, слоб. *Вирки* (оба въ Сумскомъ у.) и *Виры (старые?)* въ Путивльскомъ у. на границѣ съ Сумскимъ у. Къ какому изъ нихъ правильнѣе пріурочивать лѣтописный *Вырьскъ*, опредѣлить нельзя" [2]). Хотя и встрѣчается въ Харьковской губ. с. *Старые Вири* (на р. Вирѣ, въ 32 верстахъ отъ г. Сумъ и въ 16 отъ Бѣлополья); но не оно было крѣпостцей въ началѣ XII стол., а искать его надо недалеко, гдѣ находится городище. *Вирское городище* было тамъ, гдѣ теперь лежитъ заштатный городъ *Бѣлополье* (въ 224 в. отъ Харькова, въ 40 в. отъ г. Сумъ). Въ этомъ случаѣ нельзя миновать объясненія преосвящ. Филарета на счетъ положенія Выря, которое, къ сожалѣнію, оста-

---

2) Лавр. 128. Ипат. 7—8. Воскр. л. 28.

2) „Къ *Выреви* бяху пришли Аепа и Бонякъ" (Лавр. 104. 130; Ипат. 4. 11). Въ 1147 г. у Выря, какъ украйнаго города, Половцы ходили къ ротѣ. (Лавр. 42, Ипат. 35). Въ 1161 г. Князь Изяславъ говорилъ: „въ Половця не могу ити, а у Выри не могу голодомъ мерети" (Ипат. 87. 90. Воскр. 71). Находясь вблизи Половецкихъ кочевьевъ, Вырь былъ небезопаснымъ городомъ. Геогр. Начал. Лѣт. пр. 248.

лось неизвѣстнымъ Барсову. Филаретъ пишетъ: „Въ царской грамотѣ 25 янв. 1704 г. читаемъ: въ 1672 г. по указу царя Алексѣя Михайловича бояринъ Г. Ромодановскій въ Путивльскомъ у., въ 30-ти верстахъ отъ Путивля, на р. *Виру* да на устьѣ р. *Крыги*, въ угодьяхъ Путивльцевъ построилъ г. *Бѣлополье на Старомъ Вирскомъ городищѣ*, а въ томъ городѣ поселились изъ—за Днѣпра сотникъ съ Черкасы на татарской сакмѣ.—И такъ тамъ, гдѣ нынѣ расположенъ заштатный гор. Бѣлополье, было старое городище—памятникъ стараго г. *Выря*". За тѣмъ онъ говоритъ о городкахъ *Вьяханѣ* и *Попашѣ*, что „новые историки незнаютъ мѣста этихъ городовъ" и указываетъ г. *Попашъ* на рч. Попадьѣ, впадающей въ Сулу и протекающей близъ Ольшаной, въ 4-хъ. верстахъ выше Недригайлова и въ 40 в. отъ Выря—Бѣлополья. Г. *Вьяханъ*, по его мнѣнію, находился на мѣстѣ нынѣшняго Терновскаго городища, которое въ Дворцовыхъ разрядахъ называется то *Дехановскимъ*, то *Лехановскимъ городищемъ*, въ 5-ти верстахъ отъ слободы Терновъ на рч. Тернѣ, впадающей въ Сулу, въ С. З. отъ у. города Лебедина, недалеко отъ границъ Курской и Полтавской губ. [1]).

За тѣмъ въ глубину половецкихъ степей по направленію къ Донцу сдѣлалъ неудачный походъ князь Игорь Святославичъ Сѣверскій въ 1185 г., обставленный въ лѣтописи нѣкоторыми географическими подробностями. Онъ отправился во вторникъ на пасхѣ 23 апрѣля изъ Новгородъ-Сѣверска въ Переяславль, гдѣ соединясь съ нѣкоторыми князьями, двинулся къ Донцу. Какъ видно, онъ держался не того пути, по которому слѣдовалъ Мономахъ въ 1111 году внутрь земли Половецкой, а шелъ по украйнѣ Руси, на соединеніе съ Путивльскимъ войскомъ и съ братомъ своимъ Всеволодомъ; поэтому онъ двигался сѣвернѣе, вѣроятно, въ окрестности Бѣлгорода. Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ означаетъ эту дорогу такъ: „Комони ржутъ за Сулою, стоятъ стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода". У Игоря съ Всеволодомъ шли ранѣе переговоры, гдѣ имъ соединиться: „Сѣдлай, брате, своя борзая комони (*Кони у нихъ тучни*.

1) Опис. Харьк. епар. III, 408—413. 577. 592—3. Дворц. разр. II, 885—908. Барсовъ указываетъ г. *Попашъ* тоже на рч. Попадьѣ ниже Недригайлова. Геогр. Начал. лѣт. пр. 247.

Ипат.), а мои ти готови, осѣдлапи у Курьска напереди“ [1]). Мономахъ пошелъ во время распутицы и оттого движеніе его было медленно, а Игорь избралъ самое лучшее время и пришелъ изъ Переяславля къ Донцу менѣе, чѣмъ въ недѣлю, 1-го мая, когда было затмѣніе солнца передъ вечеромъ, въ 7-й часъ дня, какъ утверждаетъ Татищевъ. Объ-этомъ затмѣніи пѣвецъ Слова выразился коротко, что „солнце Игорю тьмою путь заступаше“, отъ него войска всѣ тьмою были прикрыты; но лѣтописецъ изобразилъ его подробно: „мѣсяца мая въ 1-й день на память св. пророка Іеремія, въ середу на вечерни, бысть знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти, человѣкомъ въ очью яко зелено баше, и въ солнци учинися яко мѣсяцъ, изъ рогъ его яко угль жаровъ исхожаше: страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменье божье!“ [2]). Но Игорь не испугался, когда другіе поникли головами, въ размышленіи, что это предзнаменованье недоброе,—и перебрелъ Донецъ въ тотъ же вечеръ; пошелъ онъ по лѣвой сторонѣ рѣки къ Осколу, гдѣ два дня ожидалъ брата своего Всеволода, „тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курска“. Надо согласиться съ Бутковымъ, что дорога, по которой шелъ Игорь, лежитъ по возвышенію между рѣками Донцомъ и Осколомъ и приводитъ на Донецкій перевозъ, на 12 верстъ ниже Изюмскаго кургана; поэтому пѣвецъ Слова восклицаетъ: „О руськая земле, уже за шеломянемъ еси“! Перебродивъ черезъ Донецъ, Игорь направился къ р. *Сальницѣ* или къ Тору (*отъ впаденія Оскола до устьевъ Тора по теченію Донца 60 верстъ*); на Сальницѣ войска встрѣтили сторожей, которыхъ послали впередъ „языка ловить“; они сказали, что надо броситься на Половцевъ борзо, ибо они вооруженные ѣздятъ, п. ч. не застали въ расплохъ, или идти назадъ. Въ движеніи отъ перехода чрезъ Донецъ съ 1-го мая, въ ожиданіи Всеволода у Оскола, минула цѣлая недѣля—и на Сальницу пришелъ Игорь въ четвергъ мироносицкой недѣли 9-го мая. Оттуда „ѣхаша черезъ ночь“ къ вежамъ половецкимъ; этотъ ночной переходъ въ Словѣ о Полку изо-

---

1) Путивльскій князь присоединился къ Игорю на дорогѣ, п. что онъ неупоминается въ числѣ князей, отправившихся изъ Переяславля *(Лавр. 167)*. "Игорь, соединивъ войска въ Путивлѣ, гдѣ и супруга его оставалась, шелъ чрезъ города Суджу, Корочу и вступилъ на древній Изюмскій шляхъ“. (*Бутковъ*).

2) Показанія русскихъ лѣтописей вполнѣ подтверждаются астрономическими таблицами. (Лавр. 167. Ипат. 130. Ист. Рос. Татищева III, 261. Рус. Достоп. III, стр. 16, пр. 42).

бражается самыми поэтическими чертами: „Долго ночь меркнетъ, заря—свѣтъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ (*войска?*) галичъ убуди. Русичи великая поля черлеными щиты перегородиша... Съ заранія въ пятокъ потопташа поганыя полкы половецкыя“. Точность показаній поэта удивительна и часто равняется лѣтописнымъ фактамъ: „заутра пятку наставшу, во обѣднее время (*часовъ около 12*) усрѣтоша полкы Половецькіѣ, бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ; вежѣ своя пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ р. *Сюурлія*“ (Сюурма, Суюрлій). Сколько извѣстно, положеніе этой рѣки неопредѣлено [1]); но если признать за несомнѣнное, что Сальница означаетъ Сольницу или Торъ, то и рѣку Суюрлій опредѣлить не трудно. Отъ истоковъ Тора (Казеннаго Торца) верстахъ въ 30 впадаетъ рч. *Орелька* въ р. *Орель* и образуетъ уголъ, на границѣ Харьковской губ. съ Екатеринославской; вотъ эта-то рѣка и называется *Сюурлій* (Суерель, Суорель, Суюрель), гдѣ сливаются двѣ Орели; а такъ какъ въ лѣтописи Орель порусски называется *Угла*, *Уюлъ* (*Ипат. 128*), то вѣрно будетъ и чтеніе Татищева, который эту рѣку назвалъ *Сууглы*, вмѣсто Суюрлій. (*Ист. рос. III, 263—265*). Отъ Сальницы до Суюрлія русскіе князья ѣхали цѣлую ночь и день до обѣда, и время это вполнѣ отвѣчаетъ разстоянію двухъ рѣкъ. Это тѣмъ болѣе достовѣрно, что и ранѣе русскіе побѣждали Половцевъ неразъ на р. *Орели* и на Самарѣ, какъ увидимъ далѣе.

Самая побѣда описана такъ: „И якоже быша къ рѣцѣ ко Сюурлію, и выѣхаша изъ Половецкихъ полковъ стрѣльцы, пустиша по стрѣлѣ на Русь, и тако поскочиша. Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ *Сюрлія*; поскочиша же и ти Половци силы половецкія, которіѣ же далече рѣкы стояхуть. Стрѣльци поткоша по нихъ и биша ихъ имаша“. Татищевъ замѣчаетъ, что Половцы въ это время отступили

---

[1]) Рус. Дост. III, пр. 207, стр. 61. Вѣстн. Евр. 1821. N 20; 1830. N 19. Бутковъ думалъ, что Сюурлія—р. Торъ; Арцыбашевъ объ *этой* рѣкѣ пишетъ: „Намъ она неизвѣстна; но очевидно, что сія рѣка была въ разстояніи одного перехода отъ Сальницы. Не Ольховой ли колодезь, падающій въ Донецъ, ниже Боровой 20 верстъ? *Ссу* по татарски—рѣчка“ (Вѣстн. Евр. 1821, N 21—22, стр. 152. 1826 N 12, стр. 241). Карамзинъ не дѣлалъ попытки опредѣлить, гдѣ былъ Сюурлій. Отъ Гнилой Орели къ р. Торцу верстъ съ 20. Кн. Бол. Чертежа 13.

отъ рѣки за гору [1]). Надо полагать, что они бѣжали на Ю. В. по направленію къ Кальміусу, а русскіе передовые полки до вечера гналисъ за ними, брали въ плѣнъ, „друзіи же въ ночи пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ", который захватывали по преимуществу въ вежахъ. Пѣвецъ Слова объясняетъ, что это былъ за полонъ: „Помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато и паволоки и драгыя оксамиты, и всякыя узорочья половецкыя". Но эта погоня за добычей увлекла ихъ слишкомъ далеко въ степи Половецкія; благоразумные братья Игорь и Всеволодъ Святославичи, „по малу идяста, не распустяста полку своего, передняя же Русь биша ихъ", какъ-то: Святославъ Ольговичъ, Владиміръ Игоревичъ, Ольстинъ съ Ковуи и стрѣльцы Они въ преслѣдованіи сильно зарвались и утомили лошадей; Святославъ говорилъ Игорю, что онъ обратно идти ночью не можетъ, иначе долженъ отстать: „Далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои немогуть *(изнемоьли)*, аже ми будеть поѣхати, то толако ми будеть—на дорозѣ остати". Изъ этого видно, что они уклонились уже далеко отъ Суюрлія въ поле, гдѣ и ночевали: „дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло". Въ Лаврентьевскомъ спискѣ прибавлено: „И стояша на вѣжахъ 3 дни веселяся, а рекуще: братья наша ходили съ Святославомъ (1184 г.) и билися съ ними, зря на Переяславль, а они сами къ нимъ пришли, а въ землю ихъ не смѣли по нихъ ити; а мы въ земли ихъ есмы, и самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ. А нонѣ поидемъ на нихъ за Донъ и до конца избьемъ ихъ; оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ и луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь". Если бы они остановились на Орели, то имъ нечѣмъ было-бы хвалиться передъ Святославомъ, который за годъ предъ тѣмъ одержалъ блистательную побѣду надъ Половцами за Орелью, хотя шелъ со стороны Днѣпра: Игорь подвинулся дальше и именно—къ Лукоморью Азовскому. Съ другой стороны, это показаніе противорѣчитъ Ипатьевскому списку лѣтописи, въ которомъ отмѣчено, что князья послѣ побѣды въ пятницу, не только не останавливались на 3 дня для пиршества, но только ночевали въ полѣ и на другой день въ субботу окружены были Половцами на разсвѣтѣ. Послѣднее свидѣтельство точнѣе, потому что *во первыхъ*, у князей прошла бы цѣлая недѣля нъ бездѣйствіи, если бы они остановились на три дня среди поля, что немыслимо,

---

[1]) Ипат. 130. Ист. Рос. *Татищева*. Ш, 263.

во вторыхъ, и эту ночь провели они по необходимости, противъ воли Игоря, такъ какъ кони утомились, а *въ третьихъ* показаніе списка Лаврентьевскаго отличается слишкомъ общими чертами и приверженностью къ Святославу Кіевскому, не въ пользу Игоря. [1]).

„Свѣтающи суботѣ, начаша выступати полци Половецкіи, *акъ борове*; изумѣшася князи рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество. И рече Игорь: „се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю“ (половецкую) Кончака, Козубурновича, Токсобича и проч. Пѣвецъ Слова поясняетъ мѣстностью, что лѣтопись означаетъ по именамъ хановъ—родоначальниковъ: „Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря и отъ всѣхъ странъ, русскія полки оступиша“. Окруженные Русскіе, считая за грѣхъ оставить черныхъ людей на произволъ судьбы, рѣшились слѣзть съ коней и пѣшими „хотяхуть бьющеся дойти рѣки Донца“. Цѣлый день бились они крѣпко до вечера, „наставши же нощи суботніи, и поидоша бьючися“; по другому списку лѣтописи, люди и кони изнемогли „отъ безводья, и поступиша мало къ водѣ, по 3 дни бо не пустили бяху ихъ къ водѣ“. Отступленіе неудалось князьямъ, войска были отброшены Половцами со стороны Донца и бѣжавшимъ некуда было уйти, потому что окружили всѣхъ полками, точно огородили стѣнами сильными. Въ воскресенье возмялись Ковуи Черниговскіе, аненый Игорь попался въ плѣнъ; Всеволодъ крѣпко бился „идуще вкругъ при езерѣ“, но тоже взятъ былъ Половцами; и такъ въ праздникъ, вмѣсто веселья, наведе Господь гнѣвъ свой на р. *Каялы*. „Бишася день, бишася другый, третьяго дне къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрыя *Каялы*“ [2]). Воскресный день побѣды Половцевъ надъ русскими по разсчету выходитъ въ недѣлю о Разслабленномъ 12-го мая; Татищевъ пишетъ по случаю битвы: „такъ окончися сей несчастливый бой, во 2-ю недѣлю пасхи“.—Выраженіе весьма

---

[1]) Рус. истор. Сбор. III, 110. 111. Лавр. 167—168. Ипат. 130. Если 3 дня исселились и 3 дня бились съ Половцами до прихода ихъ главныхъ силъ, то могла пройти цѣлая недѣля.

[2]) „Изнемогли бо ся бяху безводьемъ, и кони и сами, въ зноѣ и въ тузѣ, а къ водѣ неладуче имъ ити“. *Лавр. 168*. „Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ луки спряже, тугою имъ тулы затче“. *Сл. о Пол* Увидѣвъ Всеволода, одолѣваемаго врагами, Игорь просилъ себѣ смерти, чтобы не видѣть его паденія. *Ипат. 131*. „Игорь полки заворачиваетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода“. *Сл. о Пол.*

неопредѣленное и оно станетъ понятнымъ, если принять двѣ недѣли по пасхѣ или, послѣ пасхальной седмицы (*III пр.*, *70*). Что же касается до положенія р. *Каялы*, то разные писатели искали ее въ различныхъ мѣстностяхъ: Карамзинъ думалъ, что это— р. *Кагальникъ*, въ землѣ Донскаго войска, но Бутковъ вѣрно указалъ на р. *Кальміусъ*. Всѣ обстоятельства говорятъ, что Игорь не слишкомъ далеко былъ отъ Азовскаго моря, когда остатокъ бѣжавшихъ Ковуевъ, преслѣдуемый Половцами, не вернулся на родину: „прочіи въ морѣ истопоша". Не напрасно русскія войска хвалились послѣ побѣды надъ степняками, что такъ далеко не бывали ихъ дѣды, что они пойдутъ до Лукоморья. Недаромъ и фантазія пѣвца Слова о Полку витаетъ далеко „въ полѣ незнаемѣ *среди земля Половецкыя*", около Сурожа; онъ восклицаетъ: „О далече зайде соколъ, птиць бья къ морю"! Игорь съ самаго начала похода стремился проникнуть въ глубь степей, преломити копье конецъ поля Половецкаго и онъ имѣлъ дѣло съ *Половцами Лукоморскими*. И прежде Русскіе иногда пробирались неподалеку оттуда, какъ Святославъ грозный Кіевскій, который „поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, яко вихръ выторже", или какъ князь Михаилъ бился у Лукоморья съ Половцами и спасъ его Богъ. Все это заставляетъ убѣдиться, что *Каяла* рѣка непремѣнно есть *Кальміусъ*, къ которому отброшенъ былъ Игорь, когда преслѣдовалъ враговъ отъ Сюурлія или отъ Угла, образуемаго двумя Орелями; въ два съ половиною дня войска могли свободно пройти разстояніе отъ одной рѣки до другой верстъ въ 70 [1]). Слѣдовательно, Каяла или Кальміусъ будетъ той же рѣкой, что *Калецъ*, *Калакъ*, *Калка*, (Каялка), на которой была несчастная битва русскихъ съ Татарами въ 1224 г. среди поля Половецкаго и битва Мамая съ Тохтамышемъ. Бутковъ объясняетъ дѣло такимъ образомъ: „Въ субботу рано русскіе стали отступать, желая приблизиться къ Донцу; но Половцы, окруживъ ихъ, принудили удаляться во глубину безводной степи, къ сторонѣ Азовскаго моря. Томясь жаждою въ тогдашній чрезмѣрный зной, Русскіе дрались на походѣ весь тотъ день и слѣдующую ночь;

---

[1]) Ист. гос. рос. III, пр. 70. Еще Арцыбашевъ опровергъ мнѣніе Карамзина, доказавъ невозможность пройти отъ Оскола до Кагальника 350 верстъ съ вечера середы до субботы. Онъ спрашивалъ: Каяла—не Андаръ ли, впадающій въ Донецъ ниже Ольховаго колодца? Вѣстн. Евр. 1826 г. N 12, с. 248. Мнѣніе Буткова тамъ же 1821 г. N 20. с. 53. 1830 г. N 19. Ипат. 132. 104. 128, 142. 163, 175. Лукоморье—Азовское море. Ист. гос. рос. II, пр. 64. III, пр. 2. 70.

наконецъ, стѣсненные у береговъ быстрой Каялы (*Кальміуса*), истощились въ своихъ силахъ. Въ воскресенье въ полдень *5-ю Мая* (?), въ третій день сраженій, пали стяги Игоревы; многіе воины побиты, многіе, и самъ Игорь, взяты въ плѣнъ, нѣкоторые же изъ ушедшихъ потопли въ морѣ Азовскомъ. Игорь сносилъ неволю у Дона на правой сторонѣ Донца; ибо, бѣжавши оттуда въ Россію, переправился на луговой и слѣдственно на лѣвый Донецкій берегъ". Въ этомъ объясненіи заключается много правды. Въ 1224 г. Татары надвинулись на землю Половецкую: Русскіе пошли на ихъ защиту, по Днѣпру, потомъ отъ острова Варяжскаго у р. Хортицы двинулись въ поле Половецкое; оттуда шли 8 дней до р. Калки, гдѣ были разбиты *на Калкохъ*, т. е. между *Кальчикомъ* и *Кальміусомъ*. (Ипат. 163—165. Лавр. 218).

Побѣдивъ Русскихъ въ 1185 г., часть Половцевъ опять придвинулась къ своей любимой рѣкѣ Сальницѣ, гдѣ и находился въ плѣну Игорь Святославичъ, хотя всѣ почти писатели думали, будто онъ жилъ на берегу Донца съ правой стороны. Вежа, въ которой сидѣлъ плѣнный князь, стояла на берегу рѣки, иначе издали нельзя бы услышать ему свистъ Лавора, который давалъ знакъ князю съ той стороны, что лошади готовы („велитъ князю разумѣти"). Рѣка эта была *Торъ* или Сольница: въ пятницу, когда у Половцевъ по восточному обычаю, вѣроятно, начался съ вечера праздникъ и сторожи Игоря напились кумыса, играли и веселились, — онъ бѣжалъ незамѣтно. Въ заходъ солнца послалъ онъ конюшаго своего къ Лавру, „река ему: переѣди на ону сторону *Тора* съ конемъ поводнымъ"; поднявъ стѣну вежи, онъ пришелъ къ рѣкѣ, перебрелъ чрезъ нее, сѣлъ на приготовленнаго коня—„и тако поидоста сквозѣ вѣжѣ". Пѣвецъ Слова отлично зналъ всѣ подробносви, что Игорь сначала перебрелъ Торецъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ по лугу къ Донцу: „поскочи горностаемъ къ тростію (въ тростникъ, *въ камышъ*), и бѣлымъ гоголемъ на воду; вержеся на борзъ комонь... и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами". За тѣмъ идетъ разговоръ Донца съ Игоремъ, что тотъ лелѣялъ его на своихъ волнахъ и стлалъ ему постелю изъ зеленой травы на своихъ серебряныхъ берегахъ и одѣвалъ теплыми мглами. По всему видно, что Игорь былъ въ плѣну около нынѣшняго г. Славянска на южной сторонѣ Торца и, доскакавъ до Донца, переплылъ черезъ него, а затѣмъ шелъ приблизительно тѣмъ же безопаснымъ путемъ по лѣвой его сторонѣ, какимъ велъ войска". И *иде пѣшь* 11 денъ до г. *Донца*, и оттолѣ иде во свой Новгородъ".

Почему онъ шелъ пѣшимъ, когда Лаворъ предоставилъ въ его распоряженіе коня, поясняетъ Слово о Полку, что они надорвали лошадей: „преторгоста бо своя борзая комоня;“ а что князь шелъ 11 дней отъ устья Торца до г. Донца, тоже весьма естественно [1]). Городъ Донецъ, въ который пришелъ Игорь, основательно ищутъ въ окрестностяхъ Харькова; въ книгѣ Большаго Чертежа означено: „На лѣвой сторонѣ вверхъ по Удамъ, выше хорошаго городища, *Донецкое городище*, отъ Хорошаго верстъ съ пять“. Въ 1571 г. велѣно было ѣхать рыльскому головѣ для наблюденія за Татарами“, внизъ по р. Удамъ чрезъ Павлово селище *къ Донецкому городищу* да къ Харошеву городищу“, которое находится въ 8 верстахъ отъ Харькова между Бабаями и с. Филиповымъ; тамъ доселѣ видны валы и рвы [2]). Отъ устья р. Тора до этого городка по теченію Донца гидрографически насчитывается до 500 верстъ, а по прямой дорогѣ отъ Харькова до Славянска 160 верстъ; такимъ образомъ въ 11 дней можно свободно пройти пѣшкомъ 220 верстъ, по 20 въ сутки, принимая это среднее разстояніе для пути Игоря.

Въ область теченія Донца ходили на Половцевъ преимущественно князья Переяславскіе и Черниговскіе; что же касается до Кіевскихъ князей, то они избирали обыкновенно путь внизъ по Днѣпру, отъ котораго на востокъ углублялись въ поле Половецкое. Въ сущности и со стороны Донца, и со стороны Днѣпра, Русскіе стремились за предѣлы теперешнихъ губерній Полтавской и Харьковской въ Екатеринославскую, на р. Орель, Самару и Кальміусъ. Въ 1152 г. отрядилъ Изяславъ, князь Кіевскій, сына своего Мстислава на Половцевъ и Богъ помогъ ему побѣдить ихъ *„на Углѣ и на Самарѣ*, и полонъ многъ взялъ, самѣхъ прогна, вежѣ ихъ поима, конѣ ихъ и скоты ихъ зая, и множество душъ крестьянскихъ отполони и возвратишася въ Переяславль [3])“. Еще дальше пробирались

---

1) Рус. Достоп. III, 228, прим. 13. Рус. Ист. Сборн. III, 126. Арцыбашевъ думалъ, что Лаворъ переѣхалъ на ту сторону Донца. Вѣстн. Евр. 1826 г. № 12, стр. 258. Ипат. 133—134.

2) Городскія поселенія, т. V, ч. 1, стр. 310. Книга Бол. Чертежа. *Спасскаю.* 1846 г. 14 32. Опис. Харьк. епар. I, 110.

3) Ипат. 71. Р. Углъ или Орель впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Ворсклы, беретъ начало въ Зміевс. у. Харьковск. губ., течетъ по границамъ Полтавс. губ. съ Харьковской и Екатеринославской.

Русскіе въ глубину Половецкихъ степей въ 1170 году, когда гонялись за ними отъ Днѣпра до Донца по направленію Орели и Торца; совокупились князья въ Кіевѣ по зову в. князя Изяслава и двинулись оттуда 2-го марта въ суботу на средохрестной недѣлѣ, направляясь *на Тумашъ* (Тюмащъ) и *за Каневъ*. „Идоша князи 9 днев изъ Кіева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Иславича, иже идуть на нѣ князи русьстіи—и побѣгоша, лишившеся женъ и дѣтій; князи поѣхаша вборзѣ по нихъ. И взяша вѣжѣ ихъ *на Углѣ рѣцѣ*, а другыѣ *по Снопороду* (Снепороду, который назывался на восточномъ языкѣ—*Самара*), а самѣхъ постигоша у *Чернаю лѣса*, и ту притиснувше къ лѣсу, избиша ѣ, а ины руками изоимаша; Бастіи же и иніи мнози гониша по нихъ и *за Въсколъ* (Осколъ), бьюче и". Забравъ множество колодниковъ, чагъ, дѣтей и скота, князья освободили христіанъ, которые томились въ плѣну у Половцевъ [1]). И возвратились они обратно въ домы свои на самое Христово воскресенье, которое въ 1170 г. было 5 апрѣля, а 1168 г. 31 марта. Такое медленное возвращеніе показываетъ, что князья далеко забрались въ землю Половцевъ, и удальцы изъ Торковъ и Берендѣевъ могли гнаться за ними по Орели и по Сальницѣ за Осколъ, по Игоревой дорогѣ, которою онъ шелъ до Суюрлія. Если 9 дней шли отъ Кіева до Половцевъ, 10-го марта одержали первую побѣду и вернулись назадъ только 31 марта; то неудивительно, что гнали ихъ за Донецъ и за Осколъ. Въ 1184 г. вложилъ Богъ въ сердце Святославу Кіевскому пойти на Половцевъ и послалъ онъ по окольные князи, которые обѣщались совокупиться около Днѣпра на устьѣ Сулы; Святославъ пошелъ по Днѣпру, о которомъ пѣвецъ Слова говоритъ: „Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославля носады до плъку Кобякова". На мѣстѣ, „идѣже называется *Инжиръ-Бродъ*, ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра, и 5 дней искаша ихъ. Ту же отряди моложеѣ князи предъ своими полки, Владиміра Переяславскаго и другихъ. Половци же узрѣвше Володимерь полкъ, крѣпко идущь

1) Ипат. 97—98 Воскр. 82. По Словарю *Щекатова*, Снопородъ и Самара—одна рѣка.—Марта 2 приходилось въ средокрестную субботу 1168 г., а не 1170 г.—*Каневъ* отъ Кіева лежитъ по Днѣпру на 214 верстъ и въ XII в. былъ пограничнымъ пунктомъ, гдѣ ожидали возвращенія русскихъ торговцевъ войска. Ип. 94 98. Еще 141. *Тумащь*—с. Томашевка, Васильковск. у., Кіевс. губ., близъ Ирпени. Погод. IV, 177.

на нихъ, и побѣгоша гонимы гнѣвомъ Божіимъ: онѣмъ жеѣхавшимъ по нихъ, не постигше, возворотишася Русь, и стояша на мѣстѣ, нарицаемѣмъ *Ерель*, его же Русь зоветъ *Уголъ*. Половецкій же князь Кобякъ, мнѣвъ толко Руси, возвратися и погна въ слѣдъ ихъ, начаша стрѣляти о рѣку и бысть того надолзѣ". Услыхавъ объ—этомъ, Святославъ и Рюрикъ послали свѣжіе большіе отряды; тогда Половцы *поскочиша*, а Русь начала ихъ сѣчь и забирать въ плѣнъ. Тутъ взяли Кобяка съ двумя сыновьями въ плѣнъ, „и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святославли!" Плѣнныхъ князей однихъ лѣтописецъ насчиталъ 417, а всѣхъ вообще до 7000 человѣкъ, которыхъ „руками яша". И эту побѣду одержали Русскіе за Орелью, 30 іюля въ понедѣльникъ [1]). Въ туже сторону на Самару ходили Святославъ съ Рюрикомъ зимой 1187 г.; такъ какъ лежалъ глубокій снѣгъ, то они выбрали путь по Днѣпру, дошли до *Снепорода*, схватили половецкихъ сторожей и узнали отъ нихъ, что вежи и стада находятся у Голубаго лѣса, „лежатъ за полдне". Но неохота Ярослава идти далѣе, потому что дружина изнемогла, и раздоръ князей сдѣлали этотъ походъ неудачнымъ (*Ипат. 134—5*).

Внизъ по Днѣпру князья обыкновенно выходили къ Каневу, иногда на цѣлое лѣто, „стрегучи рускіѣ земли", и ожидали здѣсь возвращенія торговцевъ, пока взыдетъ Гречникъ и Залозникъ; дѣлали набѣги „изъѣздомъ безъ возъ" на Половцевъ на Днѣпровскомъ бродѣ *на Татинци*; нападали „вборзѣ изъѣздомъ", доѣзжая до *Протолочіи* или *Хортицы*. Изъ описанія этихъ походовъ видно, что Половцы часто переходили бродами черезъ Днѣпръ съ лѣваго берега на правый, кочевали на р. Бугъ и Дунай; это имъ было тѣмъ удобнѣе, что часть ихъ земляковъ жила за Днѣпромъ, которые извѣстны подъ именемъ *Каневскихъ или Русскихъ Половцевъ* [2]). Въ XII

2) Ипат. 127—128. Ист. Рос. *Татищева*, III, 257, пр. 535. Лавр. 167. Рус. Ист. Сборн. III, 116. *Инжиръ—Бродъ* Арцыбашевъ указываетъ между Переволочинской и Борисоглѣбской крѣпостью въ Екатериносл. губ. Вѣсти. Евр. 1821 г. № 11, 181.

1) Лавр. 168. Ипат. 94. 106. 141. 148. 153. *Татинецъ* есть *Мутатинецъ*, урочище Золотоношс. у. Полтавской губ., близь устья Золотоноши. Ипат. 134. *Хортица*—небольшая рѣка Екатеринославс. губ., впадающая въ Днѣпръ противъ острова Хорти-

стол. границей Кіевской области съ землею Половецкою былъ холмистый водораздѣлъ между рѣками Росью и Тясминой, по Бугу за Росью уже шли кочевья Половецкія; здѣсь на украйнѣ поселены были Торки и Черные Клобуки, и по Роси возникла цѣлая система укрѣпленныхъ городковъ, которые еще началъ строить Ярославъ Великій 1032 г. въ огражденіе отъ набѣговъ Печенѣжскихъ; на югѣ Кіевской губ. и теперь тянутся непрерывно городища, отъ устья р. Тясмины до Буга. Здѣсь за Росью шла постоянная борьба русскихъ съ Половцами, особенно *на Ивлѣ рѣкѣ Половецкой*, гдѣ стояла стража, наблюдавшая за движеніемъ русскихъ князей; туда ходили они *дорогой Половецкой* [1]).

Наконецъ нужно упомянуть и о томъ, что Рязанская область подвергалась набѣгамъ Половецкимъ со стороны Дона, хотя очень рѣдко, и князья рязанскіе дѣлали нападенія на землю Половецкую уже въ позднее время: въ 1199 г. князь Всеволодъ Юрьевичъ ходилъ изъ г. Владиміра на Половцевъ, *„по зимовищамъ ихъ возлѣ Донъ"*, но они прослышали о его движеніи и бѣжали къ Азовскому морю; въ 1206 г. рязанскіе князья сдѣлали удачное нападеніе на Половцевъ и взяли вежи ихъ [2]).

Такимъ образомъ земля Половецкая простиралась въ южнорусскихъ степяхъ отъ Дона и до Буга, хотя въ разное время имѣла не одинаковыя границы; между Волгой и Дономъ не видно Половецкихъ кочевокъ,—и выраженіе лѣтописи, что Мстиславъ загналъ Половцевъ за Донъ, за Волгу и за Яикъ—надо признать фразой. Съ другой стороны, Половцы никогда не выдерживали дружнаго натиска нѣсколькихъ князей русскихъ крупныхъ областей и пользовались случаями

цы; бродъ около р. Хортицы назывался *Протолчіемъ*. Ипат. 140. П. С. Л. VII, 130. Ипат. 83—4. 103—4. 136. 141. П. С. Лѣт. 87. Лавр. 218.

2) Лавр. 65. Очерки Рус. Географіи. *Барсова*, стр. 119—121. Въ 1193 г. Ростиславъ съ Мстиславомъ шли за Рось и *на Ивлѣ* изымаша сторожѣ Половецкіѣ. Ипат. 142—143. О томъ же см. Ипат. 103. 140, подъ 1172 и 1190 годами. *Ивла*—рѣка протекала выше пороговъ и впадала въ Днѣпръ съ правой стороны. Словарь *Щекатова*, II, 692.

1) Лавр. 174. 179. 180. 182. 186. 188.

для раззоренія страны, когда „князи не въ любви живутъ". Это обстоятельство точно подмѣчено пѣвцомъ Слова о Полку Игоревѣ, который говоритъ, что князья сами на себя крамолу ковали своими ссорами и усобицами, „а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русскую".

Н. Аристовъ.

ЗАМѢТКА

О ТЕКСТѢ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ.

Появленіе новыхъ сборниковъ русскихъ былинъ, начавшееся съ шестидесятыхъ годовъ, произвело, какъ извѣстно, весьма сильное впечатлѣніе. И это впечатлѣніе было совершенно естественно. Извѣстное прежде по изданіямъ Калайдовича и Сахарова былевое содержаніе почти теряло значеніе въ виду сообщаемаго новыми сборниками: многое являлось впервые; многіе мотивы, или только намѣченные, или слабо развитые, явились съ богатымъ и разнообранымъ содержаніемъ. Какъ будто открывалась новая область народной поэзіи. Впечатлѣніе было такъ сильно, что въ одно и тоже время обнаруживались и признаки скептическаго отношенія къ новому содержанію, и чрезмѣрное увлеченіе послѣднимъ.

Увлеченіе въ свою очередь было также естественно: быстрое усвоеніе новаго и богатаго матеріала неодолимо влекло къ обобщеніямъ и выводамъ, не давая времени спокойно осмотрѣться и основательно вдуматься въ дѣло, свести точные счеты съ однородными явленіями. Большая часть обобщеній и выводовъ, сдѣланныхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ, какъ и должно было ожидать, оказалась преждевременною, не выдержавшею и кратковременной пробы; но и эти выводы въ свое время принесли не малую пользу: оцѣниваемые также подъ первымъ впечатлѣніемъ, они возбуждали и усиливали сочувствіе и интересъ къ дѣлу и вызывали новые опыты изученія.

Неопредѣленность, шаткость и невѣрность выводовъ происходили, кажется, и отъ излишняго довѣрія къ тексту былинъ, отъ недостатка анализа его, отъ вѣры, что все въ немъ обстоитъ благополучно, что весь онъ, какъ записанъ со словъ пѣвца, можетъ и долженъ служить матеріаломъ для выводовъ и соображеній. Дѣйствительно, эта вѣра въ текстъ лежитъ въ основаніи появившихся до

сихъ поръ опытовъ изученія былинъ. Если и встрѣчаются въ нихъ указанія на порчу, путаницу въ текстѣ, то они отличаются случайностію и относятся почти всегда къ пересказамъ, записаннымъ со словъ неблагонадежныхъ пѣвцовъ. А между тѣмъ и общія соображенія, и имѣющіяся свѣдѣнія о пѣвцахъ, и, наконецъ, самый былевой матеріалъ не даютъ достаточныхъ основаній для такой вѣры въ текстъ.

Наши былины, къ какому бы времени мы ни относили ихъ сложеніе, во всякомъ случаѣ прошли чрезъ длинный рядъ вѣковъ и всегда были предметомъ устныхъ пересказовъ; всѣ онѣ, за исключеніемъ небольшаго сборника Кирши Данилова, записаны на нашей памяти. Что при такихъ условіяхъ возможно, естественно и даже неизбѣжно смѣшеніе былеваго матеріала, пропуски въ одной былинѣ и произвольныя добавленія въ другой, перенесеніе изъ одной въ другую, особенно при нѣкоторомъ сходствѣ содержанія,—въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться, какъ и въ томъ, что необходима предварительная работа надъ текстомъ для его исправленія; понятно также, что исправленіе текста, при тѣхъ же условіяхъ, дѣло не легкое, по отсутствію фактическихъ основаній и по неизбѣжному, въ слѣдствіе того, вторженію личныхъ взглядовъ. Въ общемъ смыслѣ можно допустить нѣкоторое сходство въ состояніи нашего современнаго былеваго текста съ тѣмъ, въ какомъ находились гомерическія пѣсни до общей ихъ редакціи, когда онѣ, подобно нашимъ, обращались въ народѣ въ видѣ отдѣльныхъ, разрозненныхъ отрывковъ. Если же допустить предположеніе К. Аксакова, высказанное 20 лѣтъ тому назадъ, до изданія послѣднихъ сборниковъ, что „была, быть можетъ, цѣлая эпопея, теперь утраченная въ цѣлости, что всѣ былины составляютъ одно живое цѣлое“ (Р. Бес. 1856. ɪv. 6), то въ задачи общей редакціи нашихъ былинъ должна войти и задача—отыскать соединительныя нити между отдѣльными былинами, опредѣлить ихъ взаимное отношеніе и установить, соотвѣтственно тому, новое распредѣленіе всего былеваго матеріала.

Смѣшеніе и порча первоначальнаго текста былинъ происходили тѣмъ легче, чѣмъ больше забывался его первоначальный смыслъ и чѣмъ больше вторгались новыя данныя изъ послѣдующей жизни. народное творчество, прекратившееся по отношенію къ первоначальному тексту, продолжалось въ другомъ направленіи: былина оставалась открытою для новыхъ явленій жизни, наиболѣе поражавшихъ народное воображеніе, а также для новаго литературнаго содержанія; и то и другое обработывалось на почвѣ и въ духѣ стараго

матеріала, чтó естественно должно было сильно отражаться на общемъ составѣ послѣдняго; переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію только въ устныхъ пересказахъ и обогащаясь новыми пріобрѣтеніями, она постепенно растрачивала древнія черты и въ содержаніи и въ языкѣ, замѣняя ихъ позднѣйшими. Точное и научно—доказательное выдѣленіе многочисленныхъ наслоеній въ нашихъ былинахъ и таковое же ихъ объясненіе, при настоящемъ состояніи текста, едва ли одолимая задача.

Эти соображенія о необходимости анализа текста былинъ подтверждаются и имѣющимися свѣдѣніями о современныхъ пѣвцахъ, съ такимъ усердіемъ собранными покойнымъ Гильфердингомъ. Оказываетя, что даже лучшіе пѣвцы, пріобрѣтшіе наибольшій навыкъ къ пересказамъ и относящіеся къ дѣлу съ особенною любовію, какъ Рябининъ, Щеголенокъ, Прохоровъ, Калининъ и др., нерѣдко перепутываютъ содержаніе и при вторичномъ распѣвѣ допускаютъ существенные варіанты. Такъ Рябининъ, „понявшій былины отъ лучшихъ знатоковъ“, постепенно забывалъ ихъ, и притомъ такъ скоро, что не могъ Гильфердингу пропѣть тѣ 23 былины, которыя онъ пѣлъ Рыбникову, не говоря о тѣхъ, которыя онъ слыхалъ отъ стариковъ и которыя уже перезабылъ; даже Романовъ, считающій себя первымъ сказателемъ и считающій пѣніе былинъ чѣмъ-то въ родѣ профессіи, оказывается забывшимъ былину про Василья Буслаева, пропѣтую десять лѣтъ тому назадъ Рыбникову; пересказы Сарафанова Гильфердингу, сравнительно съ егоже пересказами Рыбникову, представляютъ значительный упадокъ поэтическаго склада; Щеголенокъ, съ малолѣтства пріобрѣтшій склонность къ пѣнію былинъ, соединялъ часто въ одну былину разнородные предметы; Калининъ, знавшій прежде столько былинъ, что и въ недѣлю не переслушать, „ставши на крестьянство“, перезабылъ многія и т. д. И это все относится къ лучшимъ, благонадежнѣйшимъ пѣвцамъ. При такомъ состояніи дѣла, конечно, трудно опредѣлить, на какой стадіи забвенія и смѣшенія текста находился пѣвецъ въ минуты записи, не говоря о смѣшеніи и порчѣ текста пѣвцами предшествовавшихъ поколѣній. То предпочтеніе, какое обыкновенно при общихъ выводахъ отдаютъ тексту лучшихъ современныхъ пѣвцовъ, можетъ возбуждать разныя недоумѣнія: достоинство текста легко можетъ объясняться большею толковитостью пѣвца, большимъ умѣньемъ распредѣлять матеріалъ послѣдовательно и связно, и не даетъ никакаго ручательства въ

томъ, что текстъ перешелъ къ послѣднему пѣвцу именно въ современномъ его видѣ.

Искаженіе текста облегчалось и тѣмъ, что лучшіе пѣвцы отъ частаго упражненія въ усвоеніи и пересказѣ былинъ въ совершенствѣ овладѣвали ихъ внѣшней формой, языкомъ и размѣромъ, такъ что для нихъ не составляли никакого затрудненія перестановка былевыхъ мотивовъ, сокращенія, добавленія и распространенія на основаніи и въ духѣ стараго матеріала [1]); всѣ эти измѣненія, облеченныя въ обычную былевую форму, уравнивались и сливались съ остальнымъ содержаніемъ былины, такъ что изслѣдователю, не задавшемуся мыслью объ анализѣ текста, можетъ казаться все обстоящимъ благополучно. Разумѣется, всѣ эти измѣненія совершались, такъ сказать, безъ вѣдома самого пѣвца, безотчетно, непроизвольно, въ слѣдствіе слабой связи между отдѣльными частями матеріала, ослабленія въ памяти характерныхъ чертъ героевъ въ соотвѣтствіи съ ихъ подвигами.

Сильное вліяніе на текстъ былинъ оказываютъ личный и мѣстный элементы. По мнѣнію Гильфердинга, участіе перваго гораздо сильнѣе, чѣмъ можно бы предположить, слушая увѣренія пѣвцовъ, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ. Примѣры, приводимые для доказательства этой мысли, поразительны: пѣвецъ, обращавшійся прежде въ лакейской сферѣ, переводитъ дѣйствіе въ переднюю; послѣднія правительственныя распоряженія становятся руководящими въ ходѣ былеваго дѣйствія. Таковы же примѣры, доказывающіе вліяніе мѣстнаго элемента: два пѣвца—сосѣда поютъ совершенно различно одну и туже былину, потому что оба научились отъ своихъ отцовъ, жившихъ въ разныхъ мѣстностяхъ прионѣжья.

Должно обратить вниманіе, наконецъ, на небрежность, неумѣлость и слѣд. неисправность самыхъ записей особенно тѣхъ былинъ, которыя записывались становыми приставами, волостными писарями, фельдшерами и пр. Чтобы оцѣнить достоинство послѣднихъ записей, достаточно сравнить текстъ соотвѣтствующихъ былинъ въ сборникѣ Рыбникова съ текстомъ Гильфердинга.

Все, сказанное здѣсь, можетъ навести на мысль о необходимости пересмотра современнаго текста нашихъ былинъ съ цѣлію опредѣ-

1) Гильфердингъ разсказываетъ, что одна крестьянка пропѣла ему плавно и безъ запинки, какъ родную былину, всю предлинную сербскую пѣсню про Іову и Мару въ переводѣ Щербины, что столь длинныя былины, какъ былина о Дюкѣ, усвоиваются съ замѣчательною точностію въ три распѣва.

ленія содержанія, какое можетъ и должно быть отнесено къ каждому былевому герою, *о необходимости очищеннаго изданія всѣхъ былинъ*. Такая работа, очевидно, должна предшествовать изученію ихъ содержанія, и можно съ увѣренностью сказать, что ею были бы предотвращены многіе изъ имѣющихся въ настоящее время выводовъ и соображеній, опирающихся на недостаточно провѣренный текстъ. Для насъ дороги былины, какъ каждое произведеніе народнаго творчества; но для извлеченія изъ ихъ содержанія общихъ выводовъ, въ родѣ предложенныхъ за послѣдніе годы, необходима предварительная работа надъ ихъ текстомъ. Рѣшеніе вопросовъ о вліяніи на былины однородныхъ иноземныхъ произведеній, или, какъ были попытки въ послѣднее время, о связи ихъ съ старинною легендарною и повѣстною рукописной литературой, также находится въ зависимости отъ общей рецензіи текста.

При пересмотрѣ былинъ, кромѣ соображеній о типическомъ, неизмѣнно повторяющемся ихъ содержаніи для того или другаго богатыря, хотя тоже требующемъ провѣрки въ подробностяхъ, важное значеніе имѣютъ извѣстныя былевыя характеристики богатырей, свидѣтельствующія, какъ по крайней мѣрѣ въ настоящее время представляются народному воображенію ихъ существенныя черты; въ представленіи послѣднихъ въ теченіи времени едва ли могли произойти существенныя измѣненія. Если по этимъ характеристикамъ Добрыня отличается *вѣжествомъ*, *тишиною*, *уговоромъ*, *смиреньицемъ*, Алеша—*смѣлостью*, Чурило—*щепленьемъ*, *походкой щепливой*, Дюкъ—*богатствомъ*, то и въ былинахъ, относящихся къ нимъ, очевидно, должно признавать существеннымъ только то содержаніе, которое заключаетъ въ себѣ развитіе тѣхъ же характеристическихъ чертъ, и по меньшей мѣрѣ съ особенною осторожностью должно относиться къ тѣмъ мотивамъ, которые выходятъ за предѣлы былевыхъ характеристикъ.

Обратимся къ тексту былинъ и приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Былина подъ № 2-мъ (сборн. Гильф.) о Садкѣ, Вольгѣ и Микулѣ представляетъ весьма оригинальное смѣшеніе обѣихъ Новгородскихъ былинъ, пересказываемыхъ всегда отдѣльно, всегда строго различаемыхъ—былинъ о Садкѣ и Васильѣ Буслаевѣ, съ былиной о Микулѣ, также никогда не оказывающеюся въ такомъ соединеніи. Обѣ Новгородскія былины такъ отличны другъ отъ друга, по своему основному содержанію выражаютъ столь различныя черты Новгородской жизни—вольность, выродившуюся въ буйное своеволіе, и торговлю, скопившую несмѣтныя богатства,— что соединеніе ихъ

вмѣстѣ и неожиданно, и неестественно. Очевидно, въ памяти пѣвца, и притомъ лучшаго (Калинина), смѣшались совершенно отдѣльные основные мотивы. Весьма замѣчателенъ переходъ отъ одной былины къ другой, доказывающій, какъ легко было пѣвцу, настроенному на складъ былевой поэзіи и обладающему обширнымъ ея матеріаломъ, связывать самыя разнородныя и несоединимыя части этого матеріала: проигралъ Садко закладъ, не скупилъ товаровъ Новгородскихъ; за это бахвальство за ложное слѣдовало, по уговору, отсѣчь ему буйную голову—и вотъ онъ бѣжитъ къ Вольгѣ Всеславьеву и проситъ его сберечь отъ смерти напрасной. Интересно это смѣшеніе Вольги Всеславьева съ Васильемъ Буслаевымъ, повлекшее пѣвца, какъ увидимъ, къ новому смѣшенію. Является на сцену Вольга, т. е. Василій Буслаевъ, и начинаетъ избіеніе Новгородцевъ. Эта часть былины оказывается весьма плохимъ сокращеніемъ обширно и прекрасно развитаго содержанія отдѣльной былины о Васильѣ Буслаевѣ. Имя Вольги затронуло хранившійся въ памяти пѣвца другой, также совершенно отдѣльный, мотивъ—и вотъ начинается разсказъ о встрѣчѣ Вольги съ Микулой, о знаменитыхъ сошкѣ и конѣ Микулы. Переходъ къ этой послѣдней былинѣ сочиненъ пѣвцомъ: ужаснулся Вольга (Василій), убивши своего крестнаго отца, мать грозитъ ему небесной карой—и Вольга совершенно неожиданно, набравши дружину, отправляется къ Микулѣ. Смѣшеніе идетъ дальше. На дорогѣ къ городу Орѣховцу, куда, какъ извѣстно, Вольга приглашаетъ Микулу, наѣзжаютъ они на камень огромный (бѣлъ—горючь камень)—и пѣвецъ опять возвращается къ Василью Буслаеву, къ извѣстному разсказу о его смерти. Изъ этого анализа выдно, что вся эта былина случайно, единственно въ слѣдствіе смѣшенія въ памяти пѣвца былеваго матеріала, сшита изъ одной части былины о Садкѣ, двухъ частей былины о Васильѣ Буслаевѣ и былины о Вольгѣ и Микулѣ; каждая изъ этихъ частей можетъ послужить варіантомъ къ отдѣльнымъ былинамъ съ соотвѣтствующимъ содержаніемъ.

У другаго, также благонадежнаго пѣвца, Прохорова, таже былина о Вольгѣ и Микулѣ (№. 45 Гильф.) перепутана до совершенной безсмыслицы. Оба они народились въ одно время: рыба ушла въ глубину, птица улетѣла въ лѣса и т. д. (извѣстное начало былины о Волхѣ Всеславьевичѣ), оба они вылавливаютъ рыбу и птицу—и за тѣмъ пѣвецъ восклицаетъ: „да какъ тутъ-то еще да вѣдь что было"... Ратаемъ оказывается Вольга и роли совершенно перемѣшаны:

„А ты этые Вольга̀ Всеславьевичь,

А пожалуй-ко Микулушка Селягиновичъ!
Ино тутъ дубья да колодья въ борозду валитъ.
Ай же ты Вольга да е Всеславьевичъ"...

Пѣвецъ самъ сознавалъ, что эта былина спуталась у него въ головѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ оба богатыря отправляются въ Куржевецъ и Орѣховецъ, при чемъ Вольга подхватилъ сошку ратную *чоботомъ сафьяновымъ*, нахлестали мужиковъ орѣховскихъ до—люби, и только на возвратномъ пути замѣчаются чудесныя свойства коня *Вольги*, за которымъ едва гонится Микула.—Въ одной былинѣ Касьянова (№ 156) одежда чуднаго ратая Микулы необычно изображается чертами, очевидно, взятыми изъ былины о Чурилѣ:

„У оратая кудри качаются
Что не скаченъ ли жемчугъ разсыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
Вотъ шиломъ пяты, носы востры,
Вотъ подъ пяту пяту воробей пролетитъ,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчикъ у него да черна бархата".

Также, безъ сомнѣнія, должно понимать одежду Ильи Муромца въ одной былинѣ (Кир. I, 22—23), гдѣ онъ является въ кафтанѣ рудожелтой камки, поваживающимъ тросточкой по пуговкамъ золоченымъ, на которыхъ изображены львы лютые. И здѣсь пѣвецъ для одежды Ильи заимствовалъ матеріалъ изъ былинъ, спеціально характеризирующихъ щегольство и богатство, о Чурилѣ и Дюкѣ. Проф. Миллеръ, замѣтивши, что „богатство Ильѣ не къ разуму и не къ радости, а на старости и не надобно", полагаетъ однако, что „признаки богатства мѣстами уцѣлѣли за Ильей еще отъ тѣхъ временъ, когда являлся онъ *молодымъ*, т. е. вѣчно—юнымъ въ миѳическомъ смыслѣ, богомъ громовникомъ"; допустивши за тѣмъ заимствованіе пуговицъ изъ былинъ о Чурилѣ и Дюкѣ, онъ все-таки видитъ въ тросточкѣ первоначальную палицу, вязъ или дубъ, а въ томъ, что отъ движенія тросточки по пуговкамъ послѣднія *разгремѣлись* и лютые звѣри разревѣлись,—явленіе грома (стр. 285). Такое толкованіе черты, очевидно, ошибочно внесенной пѣвцомъ въ одну былину изъ другой, можно объяснить единственно излишнею вѣрою въ текстъ былинъ.

Если у Калинина смѣшиваются былевые мотивы о Садкѣ, Буслаевѣ и Микулѣ, то у одного изъ лучшихъ пѣвцовъ, Щеголенка,

Святогоръ, къ которому, по пересказу того же Калинина (№ 1. Гильф.), ѣдетъ самъ Илья, потому что ему (Святогору) „не придано ѣздить на святую русь“ и имѣть общеніе съ русскими богатырями, оказывается живущимъ у того же Садки, купца богатаго (Г. № 119), что впрочемъ не имѣетъ никакого отношенія ко всему содержанію былины. Вмѣсто Ильи здѣсь Святогоръ сажаетъ въ свой колчанъ (карманъ) богатырскій Самсона Самойловича, появленіе котораго въ настоящемъ случаѣ также едва ли не обязано смѣшенію былеваго матеріала въ памяти пѣвца: вынувши Самсона изъ колчана и назвавши его меньшимъ братомъ, Святогоръ ѣдетъ съ нимъ дальше. Самсонъ внезапно исчезаетъ, Святогоръ догоняетъ старцевъ съ сумочками, въ которыхъ заключена „земная тягота“, неожиданно встрѣчается опять съ Самсономъ, наѣзжаетъ на гробницу каменную и принимаетъ смерть великую; по всей вѣроятности, содержаніе, относившееся лично къ Самсону, утратилось, а оставшееся имя его замѣнило собою выпавшее имя Ильи.—Появленіе Святогора у того же пѣвца на Московской заставѣ (Г. №. 118), гдѣ между прочими русскими богатырями вовсе не оказывается Ильи, а также посылка Добрыни въ землю Тальянскую „стоять за Кіевъ градъ“ также могутъ возбудить подозрѣніе въ смѣшеніи текста.

Въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ часто замѣчается тоже явленіе. Такъ у Ѳоминой, „большой мастерицы пѣть былины и пѣсни“, Илья, очевидно, смѣшивается съ Ставромъ (Г. № 16): у него оказывается жена, Офимья Александровна, обманувшая девять царей, девять русскихъ богатырей, обманывающая самого Владиміра и освобождающая своего мужа изъ крѣпи темной (погребовъ глубокихъ) явившись къ Владиміру, она даже сватается за дочь его, Катерину Микуловну(!). Вся эта былина, при пересмотрѣ текста, можетъ послужить только варіантомъ, и то плохимъ, къ былинѣ о Ставрѣ.

Если оказывается смѣшеніе отдѣльныхъ былевыхъ мотивовъ, то естественно встрѣтить тоже смѣшеніе въ пересказѣ одного и тогоже мотива. Такъ въ былинѣ Щеголенка (№ 120) о первыхъ подвигахъ Ильи, въ концѣ разсказа о расправѣ съ Идолищемъ, оказавшейся здѣсь совсѣмъ не на мѣстѣ, вовсе не говорится, по примѣру всѣхъ, сюда относящихся, былинъ, о пораженіи Идолища, послѣ того какъ онъ бросилъ въ Илью ножикъ-кинжалище:

„Пролетѣлъ же этотъ ножикъ-кинжалище
Во эти сѣни во рѣшетчаты.
Онъ вышелъ ли старой казакъ Илья Муромецъ...

И отъ этого Одолища поганаго
А съ этихъ сѣней да со рѣшетчатыхъ
На широкъ дворъ ко своему ли коню да къ богатырскому".

Введеніе рѣшетчатыхъ сѣней въ пересказъ, очевидно, спутало воспоминанія пѣвца: полетѣло кинжалище *въ сѣни—и съ этихъ сѣней* вышелъ Илья, при чемъ Идолище остался безъ окончательной расправы. Въ слѣдъ за тѣмъ не во время веселится богатырское сердце Ильи, что очистилъ дорогу къ Кіеву, такъ какъ остается еще на дорогѣ Соловей-разбойникъ, противъ котораго Илья тотчасъ и отправляется; стихи объ очищеніи дороги, повторяющіеся на своемъ мѣстѣ въ концѣ былины (стр. 654), попались сюда совершенно случайно. Въ слѣдующемъ затѣмъ разсказѣ о расправѣ съ Соловьемъ продолжается путаница текста; стихи: „устрашился же у стара казака Ильи Муромца, устрашился конь да богатырскіи", повторяющіеся тутъ два раза, въ первомъ случаѣ оказываются совершенно излишними и неумѣстными (стр. 651). Исправленный текстъ долженъ быть слѣдующій: „пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ.. ко этому ко полю ко чистому. Ѣзди Саловей Рахмановъ на богатырскомъ конѣ (? изображеніе Соловья на богатырскомъ конѣ, выкидывающимъ изъ виду вонъ палицу въ сорокъ пудовъ, безъ сомнѣнія, взято съ находящагося рядомъ тогоже изображенія Ильи). Онъ свистнулъ тутъ по змѣиному... устрашился у стара казака Ильи Муромца этого крику да звѣринаго, этого свисту да змѣинаго, его конь да богатырскій". Въ той же былинѣ разсказъ о томъ, какъ Илья

„Пріѣхалъ-то въ городъ во Черниговъ,
Входитъ-то онъ въ церковь въ Божій храмъ" и т. д.

и служитъ молебенъ, потому что не исполнилъ заповѣди Божіей, окровавилъ руки во человѣчью кровь (654), безъ всякаго сомнѣнія, зашелъ изъ мотива объ освобожденіи Чернигова, который здѣсь пропущенъ, не смотря на то, что былина имѣетъ сводный характеръ. Пѣвецъ только что заставилъ Илью сказать, что очистилъ дорогу къ Кіеву, и заводитъ его въ Черниговъ единственно для того, чтобы отслужить молебенъ. Такъ непрерывно перепутываетъ текстъ лучшій пѣвецъ.

Гораздо важнѣе тѣ случаи искаженія текста, когда къ основнымъ мотивамъ той или другой былины, болѣе или менѣе правильно передаваемымъ, прибавляются цѣлые мотивы, вовсе не соотвѣтствующіе ни смыслу былинъ, къ которымъ они прибавляются, ни былевымъ характеристикамъ богатырей. Свѣдѣніями о пѣвцахъ лег-

ко объясняется возможность такого внесенія въ былину чуждаго ей содержанія. Очищеніе текста отъ этихъ произвольныхъ прибавленій, представляющее и больше затрудненій и больше опасностей увлечься личнымъ взглядомъ, особенно необходимо потому, что эти прибавленія, при излишнемъ довѣріи къ тексту, могутъ послужить и дѣйствительно послужили матеріаломъ для общихъ выводовъ.

Въ началѣ одной былины о Потокѣ наметывается извѣстная, спеціально относящаяся къ этому богатырю служба,—отвозъ даней—выходовъ, при чемъ привлекаются Илья съ Добрыней, на которыхъ наметывается тоже служба (Рыбн. II. 59. I. 228. Кир. IV. 57). Извѣстно, что ни въ одной основной былинѣ объ Ильѣ нѣтъ мотива объ отвозѣ или привозѣ даней: и это естественно, такъ какъ въ былевой экономіи, точно распредѣлившей роли между героями, для этой службы предназначенъ одинъ изъ нихъ, именно Потокъ. Былевая характеристика вполнѣ соотвѣтствуетъ этому спеціальному назначенію Потока: одна изъ отличительныхъ чертъ его—„умѣнье на конѣ ѣздить". Доказательствомъ, что Ильѣ и Добрынѣ назначается въ настоящемъ случаѣ вовсе не свойственная имъ служба, что они привлечены сюда по ошибочному воспоминанію пѣвца, для полноты запѣва, служитъ то, что въ большинствѣ относящихся сюда пересказовъ о нихъ вовсе не упоминается; только въ одномъ они, исполнивъ порученіе, возвращаются въ Кіевъ. Пѣвцу хорошо извѣстенъ обычный былевой запѣвъ, по которому Владиміромъ наметываются на богатырей разныя службы, соотвѣтствующія ихъ назначенію; онъ только ошибочно ассимилировалъ службу Ильи и Добрыни съ службой Потока. Въ другихъ, относящихся сюда, былинахъ наметываніе службъ происходитъ правильно: Ильѣ назначается съѣздить на горы сорочинскія—прибить силу поганую отъ мала до велика, Добрынѣ—ѣхать за синее море, бить, земли прибавливать и т. д. (Р. II, п. 15). При такомъ взглядѣ на этотъ запѣвъ, трудно согласиться съ мнѣніемъ, что Ильѣ приходится добываніе даней изъ Золотой орды, что подъ Золотой ордой должно разумѣть тутъ позднѣйшія, покоренныя нами орды—Казанское, Астраханское царства, что Потоку достаются дани съ Турціи, а Добрыни—съ Швеціи и т. д. (Илья Мур. стр. 464).

Замѣтимъ кстати, что самыя путешествія Потока за данями или съ данями обыкновенно представляются весьма многочисленными: не успѣетъ онъ воротиться изъ одного царства, какъ ему назначается такая же служба въ другое царство и т. д., такъ что онъ является

какимъ-то богатыремъ-бродягой, perpetuum mobile, выражающимъ собой особую черту древней народной жизни (Кир. IV. XXXVII. Мил. 465). При всемъ вниманіи къ умѣнью Потока на конѣ ѣздить, едва ли можно признать справедливымъ такое представленіе. Во всѣхъ многочисленныхъ пересказахъ былинъ о Потокѣ заключается развитіе двухъ основныхъ темъ—его отношеній къ женѣ и службы по отвозу или привозу даней—выходовъ. Эти двѣ темы находятся въ точномъ соотвѣтствіи съ полной былевой характеристикой Потока, по которой онъ отличается умѣньемъ на конѣ ѣздить, а также красотою и угожествомъ. Всѣ названія мѣстъ, встрѣчающіяся въ различныхъ варіантахъ послѣдней темы—Турція, Индія, Подолье Лиходѣево, темная орда, царство заморское—варіанты одного и тогоже мѣста, какъ и названія царей—Налетъ, Бухарь,—варіанты одного и тогоже названія.

Прекрасныя былины о Чурилѣ и Дюкѣ, явившіяся съ такимъ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ въ послѣднихъ изданіяхъ, составляютъ совершенно особую категорію былинъ, отличную отъ всѣхъ остальныхъ: это былины въ тѣсномъ смыслѣ бытовыя, выходящія изъ обычной сферы богатырства. Первая выражаетъ собою народно-поэтическое представленіе эротическаго элемента, а также щегольства, вторая—богатства. Народное творчество истощило всѣ, находившіяся въ его роспоряженіи, средства для изображенія того и другаго. По обработкѣ особенно нѣкоторыхъ пересказовъ видно, что оно съ особенною любовію остановилось на сюжетѣ этихъ былинъ. Совершенству обработки, конечно, много помогали съ одной стороны простота содержанія, съ другой—его занимательность и живое отношеніе къ дѣйствительности. Но за то тоже усердіе, съ какимъ трудилось народное творчество надъ обработкой формы этихъ былинъ, а также общій характеръ ихъ содержанія, пригодный всѣмъ эпохамъ, облегчали совершавшуюся въ продолженіе вѣковъ растрату древнихъ чертъ, выражавшихъ собою первоначальное значеніе героя былины, постепенное приближеніе къ условіямъ и обстановкѣ современной жизни. Близость содержанія къ жизни дѣлали все болѣе и болѣе излишними первоначальныя миѳическія черты, по которымъ сложились эти былины, какъ и всѣ остальныя; эти черты постепенно затемнялись, сглаживались и замѣнялись позднѣйшими.

И здѣсь все основное содержаніе былинъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ былевой характеристикой обоихъ героевъ: если Чурило отличается красотой и щепленіемъ (щегольствомъ), такъ силь-

но дѣйствовавшими на женщинъ, а Дюкъ богатствомъ, то и всѣ былины о нихъ заключаютъ въ себѣ подробное развитіе этихъ основныхъ чертъ. Все остальное, все, что не относится къ этимъ послѣднимъ, должно признать несущественнымъ, механически приставленнымъ къ основному содержанію. Для доказательства этой мысли, остановимся на былинѣ о Дюкѣ, такъ какъ въ ней эта приставка оказывается болѣе распространенною; все, сказанное здѣсь объ этой былинѣ, въ равной мѣрѣ можетъ быть отнесено и къ былинѣ о Чурилѣ.

Господствующая и основная тема всѣхъ пересказовъ былины о Дюкѣ состоитъ *въ сопоставленіи домашняго богатства иноземному и въ признаніи, послѣ продолжительной и упорной борьбы, превосходства послѣдняго надъ первымъ.* Развитіе этой темы слѣдующее: иноземный богачь является въ Кіевъ къ Владиміру и здѣсь сталкивается съ туземнымъ богачемъ и щеголемъ. Послѣдній обращается весь въ негодованіе и раздраженіе противъ своего соперника, явившагося, какъ онъ тотчасъ понялъ, смѣнить его собою. Начинается борьба на жизнь и смерть, но не богатырская, такъ какъ ни тотъ ни другой вовсе не были богатырями, начинается состязаніе богатствомъ и щегольсгвомъ. Когда это состязаніе окончилось рѣшительнымъ пораженіемъ Чурилы, изумленный народъ, въ лицѣ своего представителя, все еще не рѣшается разсгаться съ своимъ старымъ, вѣками нажитымъ, представленіемъ богатства и отправляетъ Добрыню на родину Дюка для окончательнаго удостовѣренія въ справедливости Дюковой похвальбы—и только послѣ этого удостовѣренія признаетъ превосходство чужаго богатства надъ своимъ, замѣняетъ Чурилу Дюкомъ.

За тѣмъ весь богатырскій аппаратъ этой былины не имѣетъ никакого органическаго отношенія къ основной темѣ. Въ немъ нѣтъ ничего, что характезировало бы Дюка, какъ особеннаго богатыря въ ряду другихъ богатырей; относящіеся сюда мотивы, очевидно, взяты на прокатъ изъ другихъ былинъ.

На просьбу Дюка благословить его на богатырскіе подвиги, мать отвѣчаетъ отказомъ, уговариваетъ не ѣхать на заповѣдную богатырскую гору, на богатырскія заставы, и совѣтуетъ лучше ѣхать на угощеніе къ Владиміру. Не послушался Дюкъ, поѣхалъ на богатырскую гору, на заставы —и что же тамъ дѣлаетъ? „Поднялся онъ на гору шеломчатую, началъ по горѣ поѣзживать, своей силы пробовать, туги луки натягивать, свои дорогія стрѣлы сострѣливать, да и задумался: стать мнѣ этихъ стрѣлъ пострѣливать, то не напол-

нить мнѣ имѣнья во чисто поле"—и спустился съ горы (Р. II. 161 и др.). Разбудивши на заставахъ Илью, на вопросъ его, не хочетъ ли испробовать съ нимъ силы молодецкой, отвѣчаетъ: „что мнѣ съ тобой ѣхать въ чисто поле? Тебѣ смерть на бою не написана... положить надоть буйная головушка"; разбудилъ же онъ его для того, чтобы поучиться похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ. За такую вѣжливость Илья цѣлуетъ его въ уста, называетъ меньшимъ крестовымъ братомъ и обѣщаетъ помощь на всякій случай: „поѣзжай въ стольный Кіевъ-градъ, говоритъ Илья, буду я за тебя печаль держать и буду я за тебя заступатися". Послѣднія слова Ильи предполагаютъ предварительную просьбу о помощи, и дѣйствительно, по другому пересказу, Дюкъ, поздоровавшись съ Ильей и сказавши, кто онъ, вдругъ заключаетъ свое привѣтствіе словами: „у меня терема—златоверхія маковки, поберегите меня въ Кіевѣ" (Р. II, 137), за что богатыри, стоявшіе на заставахъ, назвали его ученымъ добрымъ молодцемъ и обѣщали исполнить его просьбу. Такимъ образомъ во всемъ разсказѣ о встрѣчѣ Дюка съ Ильей нѣтъ никакого существеннаго, тѣмъ менѣе богатырскаго содержанія. Встрѣча съ Ильей въ былевой экономіи могла бы находить себѣ оправданіе только тогда, когда бы она оказалась нужною въ дальнѣйшемъ развитіи былины; но помощь Ильи въ Кіевѣ оказывается совершенно излишнею: тамъ нечего было дѣлать Ильѣ, гдѣ все дѣло состояло въ щепленьѣ, въ ежедневномъ переодѣваньѣ, въ похвальбѣ богатствомъ и оправданіи этой похвальбы. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ замѣтна попытка мотивировать привлеченіе Ильи въ былину: его заставляютъ провожать Дюка до Кіева, не доѣзжая трехъ поприщъ, наблюдать оттуда, чтобы не обидѣли его въ Кіевѣ, даже появляться въ самомъ Кіевѣ—и за чѣмъ? Явившись въ Кіевъ, Илья объявляетъ только, что онъ заступникъ Дюка, и за тѣмъ безслѣдно исчезаетъ. По пересказу Сорокина (Р. II, 182—3), онъ явился въ Кіевъ только тогда, когда Дюку приходилось скакать черезъ Днѣпръ; узнавши о закладѣ съ Чурилой, онъ говоритъ послѣднему: „вѣрно надоѣла тебѣ жизнь на семъ на бѣломъ свѣту! Хоть бы не перескочилъ конь у молода боярина, Дюка Степановича, черезъ матушку Нѣпру-рѣку, далъ ли (бы) я вамъ буйну голову молодаго боярина, когда я засматривалъ его ровно три года во каждый день". И за тѣмъ, попировавши въ палатахъ Владиміра, поѣхалъ съ Дюкомъ изъ Кіева и сталъ съ нимъ вездѣ поѣзживать. Случайное привлеченіе Ильи въ былину повлекло за собою даже расправу съ Идолищемъ и Соловьемъ—разбойникомъ, при чемъ первый подвигъ

остался за Ильей, между тѣмъ какъ второй отнесенъ къ Дюку (Рыбн. II, 136).

Это краткое обозрѣніе богатырскаго элемента былины о Дюкѣ, по нашему мнѣнію, можетъ служить доказательствомъ его внѣшняго, неорганическаго отношенія къ основной темѣ. Если что можно признать характеристическимъ для Дюка во всѣхъ относящихся сюда пересказахъ, то развѣ только то, что характеризуетъ его со стороны богатства и щегольства, напр. описаніе стрѣлъ, богатырской скруты, коня. Дюкъ является богатыремъ потому, что онъ герой былины; но, для изображенія его такимъ, не оказывалось въ наличности соотвѣтствующаго матеріала, и послѣдній взятъ изъ обширнаго не только былеваго, но и сказочнаго запаса: явилась потребность поляковать, явилась скрута и сбруя богатырская и богатырскій конь, понадобилась этому необычному богатырю наука богатырская и супротивникъ, съ которымъ онъ могъ бы помѣряться силой—всего; лучше было свести его съ самимъ Ильей, и это было тѣмъ удобнѣе, что съ одной стороны на Илью обыкновенно возлагается изученье богатырское, а съ другой можно было обойти богатырскій бой: не сводить же Дюка на бой съ тѣмъ, кому на бою смерть не писана; а чтобы свести Дюка съ Ильей, нужно было указать дорогу къ нему: являются богатырскія заставы, богатырская гора; съ появленіемъ же Ильи, въ воображеніи пѣвца потянулась цѣлая вереница пересказовъ о его подвигахъ: появились на сцену и Идолище, и Соловей-разбойникъ.

При такомъ взглядѣ на богатырскій элементъ въ былинѣ о Дюкѣ, нельзя согласиться съ слѣдующимъ мнѣніемъ: „народное творчество... заставляетъ Дюка задать Чурилѣ такой урокъ: „что ты затѣялъ щепить—басить на землѣ русской—посреди ея немощенныхъ улицъ и въ ея не казистыхъ храмахъ? Во всемъ этомъ я, съ моимъ сиротскимъ посельицемъ, превзойду и тебя, и вашъ стольный Кіевъ; а вотъ передъ чѣмъ нельзя не склонить головы всему міру—такъ это передъ русскимъ могучимъ богатыремъ, *единымъ* какъ солнышко на небѣ, Ильей Муромцемъ, крестянскимъ сыномъ!“ Словомъ, господствующая въ былевомъ нашемъ эпосѣ мысль о *первенствѣ* Ильи только съ новою силою проводится далѣе въ былинахъ про Дюка съ Чурилой“ (Миллеръ, Илья Муром. стр. 614).

Н. Лавровскій.

III

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Предисловіе.

Предлагаемая мною работа вызвана была мыслію опредѣлить значеніе мѣстоименія ὁ [1]) въ гомерическихъ поэмахъ. Споръ, существующій до сихъ поръ между филологами относительно того, есть ли у Гомера слово ὁ ἡ τό „указательное", какъ выражаются, мѣстоименіе, или „собственный членъ", а также разногласіе ихъ на счетъ черты, разграничивающей первое отъ послѣдняго, казалось мнѣ, можно будетъ устранить, выработавъ болѣе правильный, въ сравненіи съ существующимъ теперь, взглядъ на симазіологію греческаго мѣстоименія вообще. Но принявшись за исполненіе такой задачи, я убѣдился, что ее необходимо расширить. Во первыхъ уже развитіе исходной точки, того взгляда на симазіологію мѣстоимѣнія, о которомъ мы только что упомянули, требовало себѣ болѣе широкой почвы, чѣмъ какую могъ дать мнѣ разборъ одного слова ὁ ἡ τό; а потомъ само ὁ ἡ τό нѣкоторыми сторонами своего значенія соприкасается съ другими 3-мя, даже 4-мя мѣстоимѣніями, значеніе которыхъ, за исключеніемъ одного, также не выяснено до сихъ поръ, какъ и значеніе слова ὁ. Говоря о неясности значенія нѣкоторыхъ мѣстоименій, мы имѣемъ въ виду слова αὐτός и οὗ, οἷ, ἕ, вмѣстѣ съ замѣняющимъ иногда и то и другое мѣстоименіе словомъ μίν (νίν); всѣ они, вмѣстѣ съ ὅς (который) и ὁ, въ симозіологіи греческаго мѣстоименія, извѣстными оттѣнками своего значенія составляютъ узелъ, отъ котораго уже потомъ въ разныя стороны направляются другіе оттѣнки ихъ значенія. Наша новая, расширенная задача состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть, куда какое изъ этихъ

[1]) Читатель не будетъ упрекать меня въ употребленіи термина „мѣстоименіе" о словѣ ὁ ἡ τό; хотя я тутъ, что называется, плыву противъ теченія, однако я убѣжденъ, что терминъ этотъ болѣе правиленъ, чѣмъ терминъ „членъ".

словъ направляется, и развязать самый узелъ, который до сихъ поръ обыкновенно разсѣкали, если не обходили полнымъ молчаніемъ. На сколько намъ удастся разрѣшить эту нашу задачу, объ этомъ будетъ судить снисходительный читатель. Наблюденія мы производили въ большинствѣ случаевъ надъ тѣмъ же Гомеромъ, по причинѣ, которая нами будетъ указана въ самой работѣ.

Нѣжинъ 1877 г.

А. Добіашъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Опредѣленіе задачи.

I.

Относя терминъ *указательное мѣстоименіе* къ греческой грамматикѣ, мы обыкновенно и прежде всего имѣемъ въ виду слова: οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε. Терминомъ этимъ, конечно, мы вовсе не хотимъ сказать, что достаточно только одного произнесенія этихъ словъ, чтобы слушатель вполнѣ уже могъ сознавать предметы, о которыхъ толкуетъ говорящій: такихъ *чисто указательныхъ мѣстоименій* вообще нѣтъ въ языкѣ; наблюдая же въ частности за словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, мы замѣчаемъ, что ихъ всегда приходится обставлять другими пояснительными средствами, чтобы не осталось непонятнымъ для слушателя, какой собственно предметъ говорящій имѣетъ въ виду при произношеніи этихъ указательныхъ мѣстоименій. Такимъ пояснительнымъ средствомъ можно назвать уже то обстоятельство, что наши указательныя мѣстоименія имѣютъ родовыя окончанія, примѣняющіяся къ грамматическому роду того предмета, къ которому ихъ относитъ говорящій; дальше мы видимъ, что часто съ указательными мѣстоименіями соединяется названіе самаго предмета, къ которому оно относится (мы говоримъ напр.: τοῦτο τὸ δένδρον), обозначается даже мѣсто, на которомъ находится предметъ (τοῦτο τὸ δένδρον τὸ ἐν τῷ πάτῳ), указывается на разные признаки предмета, по которымъ легче было бы его узнать (τοῦτο τὸ δένδρον τὸ ὑψηλόν) и пр. Однако всѣ эти пояснительныя средства оказываются слабыми противъ одного, которое только и можетъ считаться вѣрнымъ руководителемъ для слушателя, наводящимъ его на предметъ разговора: это именно жестъ. Жестъ необходимъ при ук. мѣстоименіи; указат. же мѣстоименіе *дѣйствуетъ только на волю слушателя, вызывая его обратить вниманіе на тотъ предметъ, на который указываетъ жестъ.* Въ од. 13, 344 и сл., мы не можемъ представить себѣ Аѳину иначе, какъ

*

размахивающую руками, или употребляющую какіе бы то ни было другіе диктическіе знаки, когда она, оріентируя Одиссея на островѣ Ιѳакѣ, говоритъ:

ἀλλ' ἄγε τοι δείξω 'Ιθάκης ἕδος, ὄφρα πεποίθῃς.
Φόρκυνος μὲν ὅδ' ἐστὶ λιμὴν, ἁλίοιο γέροντος,
ἥδε δ' ἐπὶ κρατὸς λιμένος τανύφυλλος ἐλαίη·
τοῦτο δέ τοι σπέος ἐστὶ κατηρεφὲς, ἔνθα σὺ πολλὰς
ἔρδεσκες Νύμφῃσι τελη έσσας ἑκατόμβας·
τοῦτο δὲ Νήριτόν ἐστιν ὄρος καταειμένον ὕλῃ.

Мы говорили до сихъ поръ только о случаяхъ, когда говорящій и слушатель имѣютъ *передъ собою* предметы, по отношенію къ которымъ употреблено указ. мѣстоименіе. Но то же указательное мѣстоименіе можетъ быть отнесено и къ предмету, *не находящемуся на горизонтѣ бесѣдующихъ*, предметъ же этотъ можетъ быть удаленъ отъ бесѣдующихъ не только *по мѣсту*, но и *по времени*. Кромѣ того, мы замѣчаемъ, что указательное мѣстоименіе можетъ быть употреблено о предметѣ или даже о мысли, съ которыми самъ говорящій посредствомъ одного только словеснаго объясненія или уже познакомилъ слушателя раньше, чѣмъ произнесено имъ указательное мѣстоименіе, или намѣренъ познакомить только послѣ его произнесенія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ, обозначенномъ въ послѣднемъ нашемъ пунктѣ, предметы, въ то время, когда къ нимъ говорящій относитъ указательное мѣстоименіе, представляются то же какъ бы удаленными отъ бесѣдующихъ, а именно удаленными по времени. Время это, конечно, мы измѣряемъ не причинною связью разсказываемаго, но самымъ ходомъ разсказа, и, съ одной стороны укладывая въ память разсказанное, а въ тоже самое время напрягая вниманіе на имѣющее быть разсказаннымъ, смотримъ на первое, какъ на прошедшее, а на второе, какъ на будущее, въ какое бы временное отношеніе причинная ихъ связь одно къ другому ни ставила [2]). Во избѣжаніе смѣшенія временныхъ отношеній, измѣряемыхъ причинною связью, съ временными отношеніями, измѣряемыми ходомъ разсказа, мы будемъ называть употребленіе указатель-

---

[2]) Для разъясненія моихъ словъ я представлю вотъ какой случай. Познакомивъ собесѣдника съ извѣстнымъ историческимъ фактомъ, и желая за тѣмъ объяснить причины явленія этого факта, говорящій можетъ выражаться слѣдующими словами: *этотъ фактъ* имѣлъ *вотъ какія* причины. Причины, конечно, предшествуютъ самому факту, но употребленное нами въ данномъ выраженіи указательное мѣстоименіе *этотъ* относится къ разсказанному уже, указательныя же слова *вотъ какія* относятся къ имѣющему еще быть разсказаннымъ. Примѣняясь къ терминамъ, употребленнымъ нами въ объясняемомъ этою выноскою пунктѣ, мы скажемъ, что причина относится къ факту (то и другое составляетъ здѣсь предметъ разсказа), по причинной ихъ связи, какъ предшествующее къ послѣдующему, по времени же, измѣряемому ходомъ разсказа, въ данномъ случаѣ, какъ послѣдующее къ предшествующему.

ныхъ мѣстоименій о предметѣ или мысли, представленныхъ говорящимъ слушателю прежде отнесенія къ нимъ указательнаго мѣстоименія, *эпаналептическимъ* употребленіемъ мѣстоименій, и будемъ различать это употребленіе отъ *пролептическаго*: послѣдній терминъ мы отнесемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ указ. мѣстоименіе употреблено о предметѣ, имѣющемъ быть представленнымъ слушателю только послѣ произнесенія указательнаго мѣстоименія. Примѣры, имѣющіе показать на себѣ употребленіе указательныхъ мѣстоименій о предметахъ, удаленныхъ по мѣсту или по времени, а также пролептическое и эпаналептическое ихъ значеніе, мы приведемъ здѣсь слѣдующіе:

1., Аристофанъ, ὄρνιθες ст. 1158. Вѣстникъ въ ст. 1125 разсказываетъ Писѳетеру, какъ птицы построили стѣну около города, и заканчиваетъ разсказъ слѣдующими словами: καὶ νῦν ἅπαντ' ἐκεῖνα πεπύλωται πύλαις καὶ βεβαλάνωται καὶ φυλάττεται κύκλῳ. (Разсказчикъ разумѣетъ подъ словомъ ἐκεῖνα всѣ предметы, находящіеся въ городѣ, но самъ не знакомитъ съ ними въ разсказѣ слушателя: мы скажемъ, что слово ἐκεῖνος отнесено здѣсь къ предмету, удаленному отъ бесѣдующихъ *по мѣсту*).

2., Демосѳенъ, Ὀλυνθιακός 1. 16: νῦν δὲ εὑρίσκω (Φίλιππον) τὴν... ἡμετέραν εὐήθειαν... τῷ τὴν Ἀμφίπολιν φάσκειν παραδώσειν καὶ (τῷ) τὸ θρυλούμενον ἐκεῖνο κατασκευάσαι... προσαγαγόμενον. (Что это было за θρυλούμενον, это Демосѳенъ съ своими слушателями хорошо знали, но въ рѣчи его это не объясняется: ἐκεῖνο отнесено здѣсь къ предмету, отдаленному отъ бесѣдующихъ *по времени*).

3., Од. 24. 291. Лаертъ спрашиваетъ не дающаго себя узнать Одиссея:

πόστον δὴ ἔτος ἐστίν, ὅτε ξείνισσας ἐκεῖνον
σὸν ξεῖνον δύστηνον, ἐμὸν παῖδα.

(ὁ ξεῖνος есть здѣсь то же самое лицо, о которомъ Одиссей сочиняетъ разсказъ въ ст. 261, и слово ἐκεῖνος употреблено здѣсь *эпаналептически*).

4., Ил. 4. 163: εὖ γὰρ ἐγὼ τόδε (разумѣй то, что сейчасъ будетъ сообщено читателю: τόδε употреблено здѣсь *пролептически*)

...οἶδα κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν·
ἔσσεται ἦμαρ ὅτ' ἄν ποτ' ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρὴ
καὶ Πρίαμος καὶ λαὸς ἐυμμελίεω Πριάμοιο.

Само собою разумѣется, что жесты, или другіе диктическіе знаки, въ случаяхъ, гдѣ предметъ отъ бесѣдующихъ въ вышеизложенномъ смыслѣ удаленъ, не имѣютъ уже никакого прямаго назначенія; а если они совершаются, то это бываетъ лишь только потому, что та умственная сила, которая единственно даетъ намъ возможность ознакомиться съ предметомъ, такъ сказать, осмысленно,—это именно представляющая сила,—впечатлѣвая въ самое представленіе всѣ локальныя и темпоральныя отношенія упоминаемаго въ рѣчи предмета, производитъ, въ большей или меньшей степени, у каждаго человѣка

вліяніе на движеніе тѣла, приводя это движеніе въ согласіе съ начертаніями, рисующимися въ это время въ нашемъ сознаніи и выражающими собою вышеупомянутыя пространственныя отношенія. Указательныя мѣстоименія имѣютъ въ такихъ случаяхъ цѣль *заставить насъ пополнить представленіе, развиваемое въ насъ предложеніемъ, въ которомъ поставлено это указательное мѣстоименіе, а пополняемъ мы это представленіе тѣмъ, что возстановляемъ и вносимъ въ него другое представленіе, именно представленіе предмета, съ которымъ, при пролептическомъ употребленіи указательнаго мѣстоименія, намъ предстоитъ только познакомиться въ дальнѣйшемъ разсказѣ, во всѣхъ же другихъ случаяхъ его употребленія мы познакомлены были прежде, словеснымъ ли объясненіемъ самаго разсказчика, или при какомъ бы то ни было другомъ, предшествовавшемъ употребленію указательнаго мѣстоименія, случаѣ.*

Такимъ образомъ случаи употребленія указательнаго мѣстоименія объ *удаленныхъ предметахъ* отличаются отъ употребленія ихъ *о предметахъ, находящихся на лицѣ*, тѣмъ, что здѣсь указательное мѣстоименіе заставляетъ насъ *разсматривать* предметъ, тамъ о разсмотрѣнномъ при другомъ случаѣ предметѣ *припомнить*; здѣсь мы можемъ разсматривать предметъ, съ какой стороны намъ угодно, и дѣйствуемъ при воспринимaніи его болѣе *активно*, тамъ представленіе извѣстнаго уже предмета зависитъ совершенно отъ памяти, или, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ того, какъ умѣлъ передать намъ его говорящій, и мы должны къ возстановленію его въ нашемъ представленіи относиться болѣе *пассивно*, не будучи въ состояніи отыскать въ немъ ничего новаго противъ того, что мы уже объ немъ знаемъ.

II

Аполлоній Дисколъ, грамматикъ, жившій, по свидѣтельству Свиды, въ половинѣ 2-го столѣтія по Р. Х. [3]), въ своемъ, вполнѣ сохранившемся, сочиненіи: περὶ συντάξεως τῶν τοῦ λόγου μερῶν (см. стр. 99, 15 этого сочин. по изданію Беккера), относитъ къ указательнымъ мѣстоименіямъ ἐκεῖνος и οὗτος термины: δεῖξις τῆς ὄψεως и δεῖξις τοῦ νοῦ. Очевидно, что первая δεῖξις возможна, когда предметъ, на который указывается указательными мѣстоименіями, на лицѣ, а вторая, когда этотъ предметъ въ вышеизложенномъ смыслѣ уда-

[3]) Свида собственно не опредѣляетъ времени жизни Аполлонія, но за то мы находимъ у него точное указаніе о времени жизни его сына Геродіана: Ἡρωδιανός, говоритъ Свида Ἀλεξανδρεύς, υἱὸς Ἀπολλωνίου, τοῦ γραμματικοῦ τοῦ ἐπικληθέντος Δυσκόλου, γέγονε κατὰ τον Καίσαρα Ἀντωνῖνον τὸν καὶ Μάρκον, (значитъ между 161 и 180 гг.) ὡς νεώτερον εἶναι καὶ Διονυσίου τοῦ τὴν μουσικὴν γράψαντος (Діонисія тотъ же Свида относитъ ко времени Гадріана) καὶ Φίλωνος τοῦ Βιβλίου (послѣдняго относитъ Свида ко времени Нерона).

ленъ отъ бесѣдующихъ. Аполлоній на томъ же мѣстѣ своего сочиненія между прочимъ выражаетя и такъ, что иногда-де мѣстоименія οὗτος и ἐκεῖνος οὐ δείκνυσι τὰ ὑπ' ὄψιν, ἀναφέρουσι δέ. Мы не усомнимся первую часть этой фразы привести въ связь съ вышеозначеннымъ терминомъ δεῖξις τῆς ὄψεως, а вторую съ терминомъ δεῖξις τοῦ νοῦ. Соотвѣтствующимъ этому мы находимъ у Аполлонія на стр. 101. 7 того же синтаксиса вмѣсто термина δεῖξις τῆς ὄψεως употребленіе простаго слова δεῖξις, а вмѣсто δεῖξις τοῦ νοῦ употребленіе слова ἀναφορά. Смыслъ слова ἀναφορά Аполлоній объясняетъ на стр. 98, 25 слѣдующими словами: Ἰδίωμα ἀναφορᾶς ἐστι προκατειλεγμένου προσώπου δευτέρα γνῶσις (свойство анафоры есть *возстановленіе* въ нашемъ сознаніи предмета, прежде уже представленнаго); терминъ δευτέρα γνῶσις должно противопоставить термину πρώτη γνῶσις (*освѣдомленіе*), употребленному Аполлоніемъ напр. на стр. 44. 19; послѣднее, т. е. πρώτη γνῶσις, будетъ составлять, если выражаться словами Аполлонія, ἰδίωμα τῆς δείξεως. Въ одинаковомъ значеніи съ терминомъ δευτέρα γνῶσις Аполлоній употребляетъ еще терминъ ἀναπόλησις [4]).

Такому взгляду Аполлонія на мѣстоименія, которыя мы назвали указательными, вполнѣ соотвѣтствуетъ встрѣчающаяся у него двойственность ихъ названій; онъ ихъ называетъ то δεικτικά, то ἀναφορικά. Къ нимъ, какъ къ однороднымъ, онъ присоединяетъ еще слова: αὐτός, ἐγώ, σύ, οὗ (μίν) и произведенныя отъ послѣднихъ притяжательныя ἐμός, σός, ὅς. Мы находимъ здѣсь присоединеніе притяжательныхъ мѣстоименій къ словамъ ἐγώ, σύ и οὗ правильнымъ, такъ какъ первыя отъ послѣднихъ ничѣмъ не отличаются по отношенію къ теоріи диксиса и анафоры; они суть ничто иное, какъ синтаксически склоняемыя формы, употребляемыя вмѣсто синтасически неизмѣняемыхъ родительныхъ падежей ἐμοῦ, σοῦ и οὗ.—Всѣ эти вышепоименованныя слова, вмѣстѣ съ словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, составляютъ у Аполлонія особую часть рѣчи, называемую имъ ἀντωνυμία [5]). Его опредѣленіе антонимін помѣщено въ его сочиненіи περὶ ἀντωνυμίας стр. 10. 3 и гласитъ такъ: ἀντωνυμία ἐστὶ λέξις ἀντὶ ὀνόματος προσώπων ὡρισμένων παραστατική (антонимія есть часть рѣчи, которою мы располагаемъ—такой смыслъ лежитъ въ словѣ παραστατική — вмѣсто имени существительнаго для обозначенія предмета опредѣленнаго). Объ ὁρισμός (опредѣленіи) предмета, какъ можно догадаться изъ

[4]) Περὶ συντ. 29. 10. Аполлоній говоритъ о тѣхъ случаяхъ рѣчи, въ которыхъ мы познакомившись съ чѣмъ нибудь, потомъ указываемъ на это, какъ на извѣстное (возстановляемъ въ нашемъ сознаніи извѣстный намъ уже предметъ) и выражаетъ эту мысль такъ: ἀναλαβόντες τὴν γνῶσίν τινος ὡς προδεδιδαγμένοι τὴν κατ' αὐτοῦ ἀναπόλησιν παρεμφαίνομεν.

[5]) Что слово ἀντωνυμία не заключаетъ въ себѣ у Аполлонія всѣ слова, которыя вмѣщены въ понятіе нашего слова мѣстоименіе, на это указалъ между прочимъ Шеманъ въ своемъ сочиненіи: Die Lehre von den Redetheileu nach den Alten dargestellt, стр. 109.

всего предыдущаго, и какъ Аполлоній на двухъ мѣстахъ особо объясняетъ [6]), можетъ быть рѣчь тогда, когда или самъ предметъ находится на лицѣ, или когда мы въ состояніи въ нашемъ сознаніи вызвать представленіе о немъ, на основаніи или собственныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ нимъ въ какомъ нибудь другомъ случаѣ, или свѣдѣній, полученныхъ объ немъ посредствомъ разсказа.

Всѣ слова, подведенныя Аполлоніемъ подъ антонимію, раздѣлены имъ же на три разряда: на исключительно диктическія, на исключительно анафорическія и на обоюдныя. Исключительно диктическими Аполлоній объявляетъ мѣстоименія ἐγώ, σύ, какъ принадлежащія первому и второму лицамъ; исключительно анафорическими онъ признаетъ οὗ οἷ, ἕ, μίν; обоюдными считаетъ οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε. Исключительно анафарическія и обоюдныя мѣстоименія относятся, по мнѣнію Аполлонія, къ грамматическому 3-му лицу [7]).

Въ томъ мѣстѣ Аполлоніевой грамматики, изъ котораго мы почерпнули вышеприведенное распредѣленіе антонимія, особенными словами упоминается еще о словѣ αὐτός. Мы этимъ указаніемъ не можемъ здѣсь воспользоваться, такъ какъ оно могло бы насъ легко ввести въ недоумѣніе (оно сдѣлается для насъ яснымъ въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненія); принимая же во вниманіе другія мѣста этой грамматики, въ которыхъ упоминается объ αὐτός, мы можемъ сказать, что Аполлоній и αὐτός принималъ за исключитель-

---

6) Περὶ συντ. 101. 10 читаемъ слѣдующее: ἀναφερόμεναι αἱ ἀντωνυμίαι ὁρίζονται καθὸ τὰ πρόσωπα ἐγνώσθη (поелику намъ предметъ уже извѣстенъ), καὶ δεικνύμεναι, καθὸ τὰ πρόσωπα ὑπ' ὄψιν ἐστί (когда предметы находятся на лицѣ).—Сравни еще περὶ ἀντ. 10. 13, гдѣ говорится: Εἰ τὰ δεικνύμενα ὁρίζεται,—καὶ τὰ ἀναφερόμενα γνῶσιν ἐπαγγέλλεται προυφεστῶσαν,—ὅ ἐστιν πάλιν πρόσωπον ὡρισμένον,—ὀρθῶς ἄρα ὡρισμένων προσώπων παραστατικὴ ἡ ἀντωνυμία. Мѣсто это раздѣлено нами на 4 части, смыслъ и взаимную связь которыхъ мы должны понимать такъ: Если предметы, находящіеся на лицѣ, этимъ самымъ уже даютъ возможность ὁρίζεσθαι = быть опредѣленными, т. е. быть извѣстными по признакамъ, принадлежащимъ имъ какъ индивидуумамъ,—то опять съ другой стороны то представленіе о предметѣ, возстановить которое говорящій заставляетъ насъ посредствомъ антонимія, основано на свѣдѣніяхъ, собранныхъ нами при другомъ какомъ нибудь случаѣ о предметѣ, опять таки, какъ объ индивидуумѣ,—такъ что и въ послѣднемъ случаѣ можно говорить о предметѣ, какъ объ ὡρισμένον,—а потому, говоритъ Аполлоній, правильно я опредѣляю антонимію, если въ ней указываю на ὁρισμὸν τῶν προσώπων.

7) Аполлоній περὶ ἀντ. 10. B. говоритъ: Πᾶσα ἀντωνυμία ἢ δεικτική ἐστιν ἢ ἀναφορική· αἱ κατὰ πρῶτον καὶ δεύτερον πρόσωπον μόνως δεικτικαί, αἱ κατὰ τὸ τρίτον καὶ δεικτικαί καὶ ἀναφορικαί, ἐκεῖνος ὅδε, οὗτος... αἱ ὑπολειπόμεναι ἀναφορικαί, ἵ, οὗ, οἷ, ἕ. О мѣстоименіи μίν, какъ ἰσοδυναμοῦσα (имѣющее одинаковое значеніе) съ энклитическимъ ἑ, ср. περὶ ἀντ. 107. C.

ное ἀναφορικόν [8]), и относить его, наравнѣ съ словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, къ грамматическому 3-му лицу [9]).

Такими же исключительными ἀναφορικά Аполоній считаетъ еще слова: ὁ, ἡ, τό и ὅς, ἥ, ὅ; то и другое вмѣстѣ составляютъ у него въ грамматикѣ особую часть рѣчи, подъ названіемъ ἄρθρον; первое изъ нихъ называется имъ ἄρθρον προτακτικόν, второе ἄρθρον ὑποτακτικόν [10]).

III 1.

Въ грамматикѣ ученика Аристарха, Діонисія Θракійскаго [11]), въ книгѣ общеизвѣстной древнимъ ученымъ и служившей для нихъ элементарно-основною [12]) (изданной Беккеромъ въ его »Anecdota«), опредѣленіе антонимін почти ничѣмъ не отличается отъ опредѣленія, которое представляетъ намъ

---

[8]) Сопоставляя обоюдныя мѣстоименія съ словомъ αὐτός, Аполлоній всегда называетъ первыя, за неимѣніемъ для нихъ особаго термина, δεικτικά, а слово αὐτός—ἀναφορικόν. Сравни: Περὶ ἀντ. 41 C: Αἱ εἰς ος λήγουσαι ἀντωνυμίαι μονοπρόσωποι, ὀρθοτονούμεναι μὲν καὶ δεικτικαὶ οὖσαι, διὰ τοῦ ι ἐπεκτείνονται χωρὶς τῆς αὐτός· αὕτη γὰρ ἀναφορικὴ οὖσα οὔτε ἐπεκτείνεται οὔτε μόνως ὀρθοτονεῖται. Переводъ этого мѣста: Кончащіяся на ος мѣстоименія одноличныя (разумѣй слова οὗτος, ἐκεῖνος, αὐτός; Аполлоній ихъ называетъ одноличными въ отличіе отъ словъ ἐμός, ὅς, которыя тоже оканчиваются на ος, но будутъ уже „двуличными", потому что въ *основѣ* ихъ формы указывается на лицо, которому принадлежитъ извѣстный предметъ, *окончаніемъ* же своимъ относятся къ предмету, который кому-либо присвоивается. Объ этомъ сравни Аполлонія περὶ συντ. 62. и слѣд.) не бываютъ энклитическими (ὀρθοτονοῦνται), суть диктическія и распространяютъ свои формы посредствомъ ι (сравни наприм. οὑτοσί, τουτουί и т. д.), за исключеніемъ слова αὐτός; это послѣднее, *какъ анафорическое* (sic!) не распространяетъ своихъ формъ посредствомъ ι и бываетъ иногда энклитическимъ (объ энклизисѣ слова αὐτός будемъ говорить ниже). Тоже самое Аполлоній подтверждаетъ περὶ ἀντ. 46. Сравни еще περὶ συντ. 88. 1 100. 1.

[9]) Περὶ ἀντ. 80. A. Аполлоній борется съ тѣмъ взглядомъ нѣкоторыхъ грамматиковъ, по которому слово αὐτός объясняется какъ общее всѣмъ лицамъ мѣстоименіе, и говоритъ, что это слово само по себѣ принадлежитъ только 3-му лицу (αὕτη μέντοι κατ' ἰδίαν τρίτου —разумѣй προσώπου—ἐστίν).

[10]) О пониманіи Аполлоніемъ словъ, названныхъ имъ ἄρθρον, исключительно анафорическими, мы убѣждаемся изъ слѣдующихъ мѣстъ:

1., Περὶ συντ. 26. 11. Ἔστιν οὖν, καθὸ καὶ ἀπεφηνάμεθα, ἴδιον ἄρθρου ἡ ἀναφορά, ἥ ἐστι προκατειλεγμένου προσώπου παραστατική.

2., Περὶ ἀντ. 16. A. Ἡ τῶν ἄρθρων σημασία ἀλλοτρία δείξεως καθέστηκεν, ἐπαγγέλλεται δὲ ἀναφοράν, ὅ ἐστιν ἀνακολούμενον πρόσωπον.

3., περὶ ἀντ. 16. B. αἱ ἀντωνυμίαι γνῶσιν πρώτην ἐπαγγέλλονται (не всѣ же!) τὰ δὲ ἄρθρα δευτέραν γνῶσιν σημαίνει.

4., περὶ συντ. 29. 5. τὸ ἄρθρον προυφεστῶσαν γνῶσιν δηλοῖ.

[11]) Свида называетъ Діонисія Θракійскаго μαθητὴς Ἀριστάρχου и говоритъ о немъ, что онъ занимался софистикою въ Римѣ при Помпеѣ Великомъ (106—48 до Р. Х.).

[12]) Такъ можно судить по громадному разстоянію времени, которое прошло со вре-

Аполлоній, но о теоріи диксиса и анафоры въ его грамматикѣ нѣтъ и помину [13]). Аполлоній думаетъ, что эту теорію зналъ уже Аристархъ [14]) и что онъ на нее указывалъ именно тѣмъ, что называлъ антономію σύζυγος. Намъ кажется страннымъ, почему Діонисій, если эта теорія была извѣстна уже его учителю, не воспользовался ею для опредѣленія значенія словъ ὁ, ἡ, τό и ὅς, ἥ, ὅ, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ чувствовать, что его собственное опредѣленіе τοῦ ἄρθρου слишкомъ мелко [15]). По этому можно бы скорѣе предположить, что Аполлоній *безъ* достаточнаго основанія отнесъ Аристархову συζυγίαν τῆς ἀντωνυμίας къ своей теоріи, съ единственною

мени составленія этой грамматики до послѣднихъ ея комментаторовъ. Комментаторы грамматики Діонисія Θракійскаго, какъ-то: Хоребоскъ, Стефанъ, Мелампъ, Геліодоръ, относятся только къ VI и VII столѣтіямъ. Гершельманъ, установившій на вѣрныхъ основаніяхъ въ своей брошуркѣ »De Dionysii Thracis interpretibus veteribus« (Lipsiæ 1874) время, къ которому относятся вышеупомянутые комментаторы (смотри 75 стр. этого сочиненія), выражается на стр. 76 того же сочиненія, вмѣстѣ съ Шмидтомъ, слѣдующими словами: Si quis Apollonii, Herodiani, Nicanoris (грамматики эти жили раньше вышеупомянутыхъ комментаторовъ: время жизни Аполонія и Геродіана намъ уже извстно, Никанора же относитъ Свида ко времени Адріана) reliquias cum Dionysii grammatica comparet, ...ipsa incunabula, uude profecta illorum doctrina paullatim incrementa ceperat, quasi oculis videat.

[13]) Діонисій опредѣляетъ антонимію такъ: ἀντωνυμία ἐστὶ λέξις ἀντὶ ὀνόματος παραλαμβανομένη προσώπων ὡρισμένων δηλωτική; затѣмъ, какъ подраздѣленіе антонимія, приводятся имъ только πρωτότυπα ἐγώ, σύ, ἵ, ἐμός, σός и ὅς; на слова οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε не указывается особо.

[14]) Περὶ συντ. стр. 100 и 101 Аполлоній защищаетъ Аристарха отъ нападеній нѣкоторыхъ грамматиковъ, упрекавшихъ его за то, что онъ училъ, что антонимія есть σύζυγος, и говоритъ, что Аристархъ понималъ, *видно* (φαίνεται γὰρ ὅτι...), συζυγίαν τῆς ἀντωνυμίας не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее толкуютъ тѣ, которые нападаютъ на Аристарха (они подъ нею разумѣли, какъ извѣстно, то, что мы называемъ спряженіемъ, или скорѣе способность перемѣнять свои формы не по падежамъ, а по лицамъ), а въ смыслѣ τοῦ ὁρισμοῦ κατὰ τὴν ἀναφορὰν καὶ κατὰ τὴν δεῖξιν).

[15]) Для ἄρθρον встрѣчается у Діонисія такое опредѣленіе: ἄρθρον ἐστὶ μέρος λόγου πτωτικόν, προτασσόμενον ἢ ὑποτασσόμενον τῆς κλίσεως τῶν ὀνομάτων (къ словамъ склоняющимся) καὶ ὑποτασσόμενον μὲν τὸ ὅς, προτασσόμενον δὲ τὸ ὁ. Это опредѣленіе разсматриваетъ употребленіе словъ ὁ, ἡ, τό и ὅς, ἥ, ὅ съ внѣшней только стороны. Оно очень похоже по своему характеру на опредѣленія, которыя намъ представляетъ тотъ же Діонисій для предлоговъ (πρόθεσίς ἐστι λέξις προτιθεμένη πάντων τῶν τοῦ λόγου μερῶν ἐν τῇ συνθέσει καὶ συντάξει), причастій (μετοχή ἐστι λέξις μετέχουσα τῆς τῶν ῥημάτων καὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ἰδιότητος), нарѣчій (ἐπίῤῥημά ἐστι μέρος λόγου ἄκλιτον κατὰ ῥήματος λεγόμενον ἢ ἐπιλεγόμενον ῥήματι), однимъ словомъ для тѣхъ частей рѣчи, которыя, какъ полагаетъ Шеманъ (смотри: die Lehre von den Redetheilen стр. 12 и Animadversiones ad veterum Grammaticorum doctrinam de articulo стр. 17), на основаніи одного мѣста Квинтиліана (Квинтиліанъ Inst. orator. 1. 4. 20), наравнѣ съ словами ὁ и ὅς выдѣлилъ *Аристархъ*, какъ особыя части рѣчи. Надобно полагать, что побужденіемъ къ выдѣленію этихъ частей рѣчи только и послужило вниманіе къ ихъ внѣшней сторонѣ, указанной въ вышеизложенныхъ опредѣленіяхъ.

цѣлью упрочить свою теорію ссылкою на столь сильный авторитетъ. — Впрочемъ, кто бы ни создалъ теорію о диксисѣ и анафорѣ, во всякомъ случаѣ въ вопросѣ, нами разбираемомъ, мы можемъ именно *Аполлонія* назвать представителемъ ученія древнихъ [16]).

III 2.

Мы не можемъ не одобрять той точки зрѣнія, съ которой Аполлоній отправляется при раздѣленіи и опредѣленіи значенія тѣхъ вещественно-безсодержательныхъ словъ, какія представляютъ собою ἀντωνυμία и ἄρθρον; да и самое приложеніе этой точки зрѣнія къ конкретнымъ явленіямъ, какое мы замѣтили у Аполлонія, на первый взглядъ кажется намъ правильнымъ. Но, присматриваясь ближе къ *употребленію* словъ, подведенныхъ Аполлоніемъ подъ теорію диксиса и анафоры, мы находимъ во всемъ этомъ ученіи нѣкоторый пробѣлъ и наталкиваемся на нѣкоторыя противорѣчія. Мы не будемъ касаться здѣсь тѣхъ мѣстоименій, которыя Аполлоній объявляетъ или исключительно диктическими, или обоюдными, наша задача — разсмотрѣть слова, признанныя Аполлоніемъ исключительно анафорическими, именно слова αὐτός, οὗ (μίν), ὁ и ὅς. Только въ виду *рѣшенія этой нашей задачи*, мы должны относительно первыхъ, т. е. диктическихъ и обоюдныхъ, указать на три пункта:

Во первыхъ, слова ἐγώ и σύ суть слишкомъ слабыя δεικτικά; есть даже основаніе сомнѣваться въ томъ, что они настоящія δεικτικά; они не имѣютъ той силы значенія, которую имѣютъ слова οὗτος, ὅδε при диктическомъ ихъ употреблніи. Мы говорили на первыхъ страницахъ нашего сочиненія, что δεικτικόν дѣйствуетъ на волю слушателя, заставляя его обратить вниманіе на то, какой собственно предметъ говорящій имѣетъ въ виду при употребленіи этого δεικτικόν. Такое правило трудно примѣнить къ словамъ ἐγώ и σύ. Ἐγώ имѣло бы только въ такомъ случаѣ характеръ чисто диктическаго мѣстоименія, т. е. слова, побуждающаго насъ (слышащихъ произнесеніе его другимъ какимъ нибудь лицомъ) освѣдомиться, что̀ это за предметъ, имъ обозначаемый, когда во время его произношенія считалось бы еще не установленнымъ и неизвѣстнымъ, *кто* собственно нашъ собесѣдникъ. Точно такъ же и σύ имѣло бы такой характеръ только тогда, когда посредствомъ его

---

16) У комментаторовъ Діонисія Аполлоній называется ἡμέτερος γραμματικός (смотри Beckeri Anecdota стр. 763) и его грамматика βιωφελὴς τέχνη τοῦ μεγάλου γραμματικοῦ (тамъ же стр. 920) и каждая фраза этихъ комментаторовъ, относящаяся къ антонимія или ἄρθρον, напоминаетъ намъ Аполлонія.

только *устанавливалось бы*, *кого* изъ насъ произносящій это слово хочетъ сдѣлать своимъ собесѣдникомъ. Выражаясь другими словами, мы можемъ сказать: ἐγώ имѣло бы диктическое значеніе при откликахъ, а σύ при вызовахъ. Но мы знаемъ, что при вызовахъ и откликахъ одного ἐγώ или одного σύ недостаточно, а употребляется обыкновенно οὗτος σύ (вотъ ты тамъ!) и ὅδε ἐγώ (вотъ я здѣсь), иногда даже οὗτος и ὅδε безъ всякаго ἐγώ и σύ. Такое οὗτος и ὅδε, разумѣется, соединено опять съ появленіемъ всѣхъ возможныхъ пояснительныхъ средствъ, о которыхъ мы говорили на первой страницѣ нашего сочиненія [17]). Приведемъ для примѣра слѣдующія мѣста:

1) Еврипидъ. Орестъ 1567: Οὗτος σύ, κλήθρων τῶνδε μὴ ψαύσῃς χειρί, Μενέλαον εἶπον, ὃς πεπύργωσαι θράσει.

2) Начало Платоновой бесѣды Συμπόσιον, гдѣ Аполлодоръ разсказываетъ: Δοκῶ μοι περὶ ὧν πυνθάνεσθε οὐκ ἀμέλητος εἶναι· καὶ γὰρ ἐτύγχανον πρῴην εἰς ἄστυ οἴκοθεν ἀνιὼν Φαληρόθεν· τῶν οὖν γνωρίμων τις ὄπισθεν κατιδών με πόρρωθεν ἐκάλεσε, καὶ παίζων ἅμα τῇ κλήσει, Ὦ Φαληρεύς, ἔφη, οὗτος Ἀπολλόδωρος, οὐ περιμενεῖς;

3) Евр. Орестъ 380. Ὅδε εἰμὶ Ὀρέστης, Μενέλεως, ὃν ἱστορεῖς.

Второе наше замѣчаніе касается обоюдныхъ мѣстоименій. Уже изъ приведенныхъ нами выше примѣровъ на обороты οὗτος σύ и ὅδε ἐγώ становится понятнымъ, что слова οὗτος и ἐκεῖνος вовсе не суть мѣстоименія 3-го лица, какъ Аполлоній утверждаетъ, а что это просто слова димензіально-диктическія, побуждающія насъ только искать какой нибудь предметъ въ извѣстномъ мѣстѣ, въ какомъ бы онъ лицѣ потомъ намъ ни представлялся. Они употребляются при третьемъ лицѣ всякій разъ, когда говорящій хочетъ *указать* на предметъ, находящійся на лице, и подвергнуть его наблюденію и съ своей стороны и со стороны слушателя; при первомъ же и второмъ лицахъ они появляются не только при вызовахъ и откликахъ, т. е. когда лица, имѣющія бесѣдовать между собою, еще не установились, но и тогда, когда, послѣ установленія ихъ, говорящій хочетъ *съ особенною выразительностью* говорить о себѣ или о своемъ слушателѣ, и то же какъ бы подвергнуть себя или своего слушателя особенному наблюденію. Примѣровъ на это найдемъ много; здѣсь, для поясненія дѣла, помѣстимъ только слѣдующіе:

---

17) Конечно, вызовъ можетъ совершаться посредствомъ звательнаго падежа имени существительнаго, и откликъ посредствомъ произношенія имени откликивающагося, и такимъ образомъ можно избѣжать употребленія словъ οὗτος и ὅδε; но такъ какъ вопросъ нашъ не относится къ синтаксическимъ функціямъ именъ существительныхъ, то мы объ этомъ способѣ вызова и отклика не упомянули.

1) Ил. 19. 140. Агамемнонъ говоритъ Ахиллесу:

ἀλλ' ὄρσευ πόλεμόνδε, καὶ ἄλλους ὄρνυθι λαούς·
δῶρα δ' ἐγὼν ὅδε πάντα παρασχεῖν, ὅσσα τοι ἐλθὼν
χθιζὸς ἐνὶ κλισίῃσιν ὑπέσχετο δῖος Ὀδυσσεύς.

2) Од. 21. 207. Ἔνδον μὲν δὴ ὅδ' αὐτὸς ἐγὼ κακὰ πολλὰ μογήσας ἤλθον [18]).

Такимъ образомъ разница между оборотомъ напр. τόνδε ἐμέ и иногда встрѣчающимся оборотомъ τὸν ἐμέ (о послѣднемъ оборотѣ говоритъ Аполлоній περὶ συντ. 59. 24 и указываетъ на то, что τόν въ подобныхъ случаяхъ выражаетъ ἐξοχήν, т. е. представляетъ кѣмъ то особеннымъ лицо, обозначамое этимъ оборотомъ), если слово ὁ дѣйствительно исключительно анафорическое слово, будетъ состоять въ томъ, что въ первомъ случаѣ говорящій вызываетъ слушателя подвергнуть его, говорящаго, *наблюденію*, (τόνδε ἐμέ=меня, смотри же, кто я, и каковъ я!), а во второмъ *припомнить* о немъ все, что онъ знаетъ (τὸν ἐμέ=меня, ты же знаешь, кто я, и каковъ я). Изъ оборота τὸν ἐμέ мы видимъ, что и ἀναφορικά, совершенно наравнѣ съ δεικτικά, суть мѣстоименія, не принадлежащія одному грамматическому лицу, а общія всѣмъ лицамъ.

Но возвратимся опять къ словамъ ἐγώ и σύ и укажемъ на третье и послѣднее обстоятельство, относящееся къ δεικτικά и обоюднымъ и прикасающееся къ нашей задачѣ. Мы убѣждены, что слова ἐγώ и σύ нельзя принимать за такія δεικτικά, какими являлись οὗτος и ὅδε въ предшествующихъ двухъ пунктахъ и въ примѣрѣ изъ Одиссеи, приведенномъ нами стр. 4; но въ то же время трудно слова ἐγώ и σύ назвать и анафорическими, такъ какъ намъ для пониманія ихъ смысла не нужно никогда прибѣгать къ тому, что сказано говорящимъ прежде или послѣ ихъ произнесенія. (Мы не говоримъ уже о томъ значеніи анафоры, которое относится къ удаленнымъ по мѣсту или по времени предметамъ и которое уже къ словамъ ἐγώ и σύ не имѣетъ никакого отношенія.—Въ риторической фигурѣ ἀποστροφή и въ «oratio recta», появляющейся среди разсказа, предметъ, къ которому обращается говорящій посредствомъ слова σύ, или отъ имени котораго говорящій передаетъ прямую рѣчь посредствомъ слова ἐγώ, хотя *на-*

---

[18]) Такъ, кажется намъ, нужно понимать слова οὗτος и ὅδε при первомъ и второмъ лицахъ. Кюнеръ (ausführliche Grammatik der griech. Sprache § 356. 4) говоритъ объ οὗτος въ соединеніи со вторымъ лицомъ и принимаетъ его въ однихъ случаяхъ за оппозицію, въ другихъ—за формулу вызыванія; обороты ὅδε ἐγώ вошли у него въ примѣры §§ 467 b. 2., въ которыхъ только съ общей точки указывается на димензіальное значеніе слова ὅδε. Мы находимъ подобное раздѣленіе означеннаго грамматическаго матеріала неметодичнымъ въ виду розысканія значенія диктическихъ словъ вообще.

дѣлъ и удаленъ, однако *представляется* говорящему и слушателю *присутствующимъ*). Итакъ слова ἐγώ и σύ находятся въ срединѣ между δεικτικά и ἀναφορικά. Аполлоній ихъ назвалъ δεικτικά потому, что при нихъ δεῖξις τῆς ὄψεως *возможна*, но не принялъ въ соображеніе того обстоятельства, что эта δεῖξις τῆς ὄψεως для пониманія ихъ вовсе *не нужна* послѣ того, какъ установилось, ктò слушатель и ктò говорящій. Мы назовемъ слова ἐγώ и σύ, во вниманіе къ тому, что δεικτικά и ἀναφορικά къ обозначенію грамматическихъ лицъ, какъ выше было сказано, собственно не относятся, *прямыми указателями грамматическихъ лицъ*.

Такимъ образомъ средствъ, которыми говорящій располагаетъ для представленія слушателю предмета, кромѣ поименовательнаго средства (прямаго названія предмета по имени), которое не имѣетъ къ нашей задачѣ прямаго отношенія, оказывается *еще три*, а именно:

1. Указаніе диктическимъ знакомъ на предметъ и соединенное съ этимъ указаніемъ употребленіе диктической антоніміи.

2. Личное обозначеніе предмета; здѣсь имѣетъ мѣсто употребленіе словъ ἐγώ *и* σύ.

3. Обозначеніе предмета посредствомъ анафоры, т. е. напоминаніе слушателю разсказаннаго самимъ говорящимъ, или узнаннаго при какомъ бы то ни было другомъ случаѣ.

III 3.

Перейдемъ теперь къ Аполлоніевымъ исключительно анафорическимъ словамъ и укажемъ на тѣ недостатки и противорѣчія въ ихъ подборѣ и систематизаціи, о которыхъ мы упомянули выше.

I. Читая Аполлоніево указаніе на слово αὐτός, какъ исключительно анафорическое, мы припоминаемъ себѣ сплошь да рядомъ встрѣчающіяся мѣста въ родѣ слѣдующаго:

Ил. 4. 237. ἀλλ' οἵπερ πρότεροι ὑπὲρ ὅρκια δηλήσαντο,
τῶν ἤτοι αὐτῶν τέρενα χρόα γῦπες ἔδονται,
ἡμεῖς αὖτ' ἀλόχους τε φίλας καὶ νήπια τέκνα
ἄξομεν ἐν νήεσσιν, ἐπὴν πτολίεθρον ἕλωμεν.

Въ этомъ и въ безчисленномъ количествѣ подобныхъ мѣстъ, слово τῶν есть несомнѣнно анафорическое; оно указываетъ на предметъ, удаленный по времени, измѣряемому ходомъ разсказа, и само уже своимъ присутствіемъ, не говоря о другихъ причинахъ, уничтожаетъ всякую возможность принять слово αὐτός за ἀναφορικόν въ томъ смыслѣ, въ какомъ *мы* толкуемъ анафору. Кромѣ того, обратимъ вниманіе и на обороты ἐμαυτόν, σαυτοῦ и т. д., показывающіе прямо, что αὐτός вовсе не есть мѣсто-

имені 3-го лица, а мѣстоименіе общее всѣмъ лицамъ. Послѣ такихъ замѣчаній намъ предстоитъ исправить ученіе Аполлонія и рѣшить: *какое собственно имѣетъ значеніе слово* αὐτός *и какое оно имѣетъ отношеніе къ 3-му лицу и анафорѣ?*

II. Отвѣчая на вопросъ, какія изъ вещественно-безсодержательныхъ или, какъ грамматики выражаются, служебныхъ словъ, способны анафорически обозначить предметъ 3 лица, мы прежде всего укажемъ па οὗτος, ἐκεῖνος, ὅδε, ὁ, какъ общія всѣмъ лицамъ, затѣмъ, послѣ вышесказаннаго, отнесемся съ сомнѣніемъ къ тому, присоединять ли сюда слово αὐτός, и наконецъ положительно исключимъ слово οὗ οἷ ἕ (μίν). Послѣднее мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ приравнивать къ вышеизложеннымъ словамъ по той простой причинѣ, что если бы оно было такое же ἀναφορικόν, какъ всѣ остальныя, то оно должно бы имѣть именительный падежъ, между тѣмъ какъ οὗ, οἷ, ἕ въ именительномъ падежѣ не нуждается (форма ἵ, которую древніе грамматики приводятъ какъ именительный падежъ отъ слова οὗ, οἷ, ἕ, а также форма σφεῖς, употребляющаяся крайне рѣдко, не должны противорѣчить тому, что мы сказали объ именительномъ падежѣ разбираемаго нами слова. И о формѣ ἵ, и о формѣ σφεῖς прійдется намъ говорить ниже). Но что же тогда выражаютъ собою формы οὗ, οἷ, ἕ (μίν)? Во всякомъ случаѣ онѣ въ родительномъ, дательномъ и винительномъ падежахъ выражаютъ собою то, что въ именительномъ пад. не требовало себѣ выраженія. Слово οὗ, конечно, не нуждалось въ именительномъ падежѣ, какъ чистое reflexivum, т. е. какъ слово, появляющееся только въ грамматическомъ дополненіи (т. е. род., дат. и винит. падежахъ) глагола, для обозначенія лица, тождественнаго съ подлежащимъ этого же глагола; но мы знаемъ, что у Гомера слова οὗ, οἷ, ἕ (μίν) приходится переводить чаще словами *его*, *ему*, чѣмъ словами *себя*, *себѣ*. Является вопросъ: почему даже въ этомъ значеніи эти формы не имѣютъ имен. пад.? Когда я слышу слово γράφει безъ всякаго имен. пад. и при этомъ все-таки знаю, кто пишетъ, то значитъ, предшествующая слову γράφει рѣчь такъ живо нарисовала въ моемъ сознаніи это лицо, что нечего мнѣ теперь больше напоминать, что это за лицо, къ которому относится дѣйствіе γράφειν; тоже самое, что мы сказали объ отсутствіи именительнаго падежа въ предложеніи γράφει, мы должны сказать объ οὗ, οἷ, ἕ напр. въ Ил. 5. 1 и сл.

Ἔνθ' αὖ Τυδεΐδῃ Διομήδεϊ Παλλὰς Ἀθήνη
δῶκε μένος καὶ θάρσος, ἵν' ἔκδηλος μετὰ πᾶσιν
Ἀργείοισι γένοιτο ἰδὲ κλέος ἐσθλὸν ἄροιτο.
δαῖέ οἱ ἐκ κόρυθός τε καὶ ἀσπίδος ἀκάματον πῦρ,
ἀστέρ' ὀπωρινῷ ἐναλίγκιον, ὅστε μάλιστα
λαμπρὸν παμφαίνῃσι λελουμένος Ὠκεανοῖο·
τοῖόν οἱ πῦρ δαῖεν ἀπὸ κρατός τε καὶ ὤμων,

ὦρσε δέ μιν κατὰ μέσσον, ὅθι πλεῖστοι κλονέοντο.

Мы пока оставимъ въ сторонѣ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ примѣрѣ и укажемъ на одно, хотя простое, но очень важное для насъ обстоятельство. Предметъ рѣчи, въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова (одушевленный предметъ, вещь, abstractum, цѣлая мысль), представляющійся бесѣдующимъ въ 3-мъ лицѣ,—а это, конечно, всякій предметъ разговора, за исключеніемъ самихъ бесѣдующихъ, — составляетъ для нихъ какъ бы внѣшній міръ. Предметовъ внѣшняго міра, доставляющихъ матеріалъ бесѣдующимъ для ихъ разговора, входитъ въ одинъ непрерывный разсказъ часто очень много, смотря по сложности содержанія бесѣды. Разговоръ при этомъ переходитъ отъ одного предмета къ другому, отъ другого къ третьему, опять возвращается къ первому, а тамъ опять переходитъ къ новому, и сознаніе бесѣдующихъ играетъ при этомъ роль какъ бы зеркала, въ которомъ видна картина только до тѣхъ поръ, пока предметъ стоитъ передъ нимъ, и изчезаетъ вмѣстѣ съ предметомъ; въ нашемъ представленіи, пожалуй, картина извѣстнаго предмета не изчезаетъ совсѣмъ, но все-таки затемняется тотчасъ, какъ только вниманіе разсказчика обратится къ другому предмету и покажется опять въ своемъ настоящемъ свѣтѣ только тогда, когда разсказчикъ возвратится къ самому предмету. Возвращаясь къ предмету, разсказчикъ уже можетъ не вести къ нему слушателя простымъ поименовательнымъ, какъ мы выше выразились, средствомъ, а имѣетъ возможность обозначать его анафорико-эпаналептически, припоминая слушателю то мѣсто своего разсказа, въ которомъ онъ уже разъ объ этомъ же предметѣ упоминалъ.

Такимъ образомъ среди разсказа постоянно можетъ чувствоваться потребность анафорическаго обозначенія предметовъ, по мѣрѣ того, какъ разсказчикъ возвращается отъ одного предмета къ другому. Приведемъ слѣдующій примѣръ изъ Геродота (II. 1):

Ψαμμήτιχος παιδία δύο νεογνά... διδοῖ ποιμένι τρέφειν... ταῦτα δὲ ἐποίεέ τε καὶ ἐνετέλλετο ὁ Ψαμμήτιχος ἐθέλων ἀκοῦσαι τ ῶ ν παιδίων... ἥντινα φωνὴν ῥήξουσι πρώτην.. ὡς ὧν διέτης χρόνος ἐγεγόνει ταῦτα τ ῷ π ο ι μ έ ν ι πρήσσοντι, τ ὰ παιδία ἀμφότερα... βέκος ἐφώνεον... τὰ μὲν δὴ πρῶτα ἀκούσας ἥσυχος ἦν ὁ ποιμήν, ὡς δὲ πολλάκις φοιτέοντι πολλὸν ἦν τ ο ῦ τ ο τ ὸ ἔπος, ἤγαγε τ ὰ παιδία ἐς ὄψιν (τοῦ δεσπότου).

Совсѣмъ другое явленіе представляетъ собою вышеприведенная цитата Ил. 5 нач. Тамъ на мѣстахъ, гдѣ читается οὗ, οἷ, ἕ (μίν), предметъ 3-го лица, обозначенный черезъ это οὗ, οἷ, ἕ (μίν), не представляетъ собою ничего, что нужно бы выводить еще на свѣтъ въ нашемъ сознаніи и что нужно бы обозначать анафорически, такъ какъ онъ всецѣло занимаетъ нашу мысль, и такъ какъ его никакъ нельзя назвать въ это время удаленнымъ предметомъ или отсутствующимъ; οὗ, οἷ, ἕ (μίν) можно бы въ этомъ при-

мѣрѣ назвать такимъ же личнымъ показателемъ *присутствующаго въ нашемъ представленіи* предмета 3-го лица, какимъ было ἐγώ и σύ для *находящихся на лице* предметовъ, принадлежащихъ 1-му и 2-му грамматическимъ лицамъ. Тому условію, которому должно бы непремѣнно подвергнуться слово οὗ, чтобы стать на одинаковую степень съ анафорическими словами οὗτος, ὅδε и ἐκεῖνος, т. е. необходимости присутствія имен. надежа, не подвергнется слово οὗ, если оно станетъ на одинаковую почву съ словами ἐγώ и σύ, хотя бы эти послѣднія сами имѣли именительный падежъ. Дѣло въ томъ, что предметы, имѣющіе право въ разсказѣ быть обозначенными черезъ ἐγώ и σύ, всегда суть присутствующіе, если-бы даже объ нихъ самихъ не говорилось, а потому и вносить ихъ въ разсказъ и вызывать ихъ—*а для этого понадобятся преимущественно формы им. падежа*—всегда можно посредствомъ тѣхъ же словъ ἐγώ и σύ, между тѣмъ какъ предметъ, имѣющій право быть обозначеннымъ черезъ οὗ οἷ ἕ, считается присутствующимъ только тогда, когда онъ уже вызванъ и внесенъ въ разсказъ и *когда*, какъ мы на словѣ γράφει показали, *именительнаго падежа не нужно*.

Но странно; казалось бы, что οὗ, οἷ, ἕ (μίν) можетъ быть употреблено только тогда, когда дѣйствительно мысль наша занята исключительно *однимъ* предметомъ 3-го лица, или, по крайней мѣрѣ, когда этотъ предметъ въ нашемъ представленіи въ числѣ прочихъ находится на первомъ планѣ; а между тѣмъ у Гомера приходится встрѣчать мѣста, гдѣ нѣсколько предметовъ сразу занимаютъ наше представленіе (и въ добавокъ такіе, изъ которыхъ мы затрудняемся одинъ какой нибудь выдвинуть какъ главный), и οὗ, οἷ, ἕ, μίν употреблено о нихъ же такъ, что трудно даже съ перваго разу разузнать, къ которому изъ нихъ оно относится. Сравни напр. Ил. 3. 383 ст.

('Αφοροδίτη 'Ελένην) ἐκίχανεν
πύργῳ ἐφ' ὑψηλῷ, περὶ δὲ Τρωαὶ ἅλις ἦσαν.
χειρὶ δὲ νεκταρέου ἑανοῦ ἐτίναξε λαβοῦσα,
γρηῒ δέ μιν εἰκυῖα παλαιγενέϊ προσέειπεν,
εἰροκόμῳ, ἥ οἱ Λακεδαίμονι ναιεταώσῃ
ἤσκειν εἴρια καλά, μάλιστα δέ μιν φιλέεσκεν.
τῇ μιν ἐεισαμένη προσεφώνεε δῖ' 'Αφροδίτη.

Съ другой же стороны замѣчается употребленіе слова ὁ тамъ, гдѣ мы на основаніи всего того, что нами сказано объ οὗ, ожидали бы это послѣднее слово. Такъ въ Ил. 3 .390 мы читаемъ:

Δεῦρ' ἴθ'· 'Αλέξανδρός σε καλεῖ οἶκόνδε νέεσθαι.
κεῖνος ὅγ' ἐν θαλάμῳ καὶ δινωτοῖσι λέχεσσιν,
κάλλει τε στίλβων καὶ εἵμασιν· οὐδέ κε φαίης
ἀνδρὶ μαχησάμενον τ ό ν γ' ἐλθεῖν, ἀλλὰ χορόνδε
ἔρχεσθ' ἠὲ χοροῖο νέον λήγοντα καθίζειν.

Изъ всего этого мы убѣждаемся, что οὗ, οἷ, ἕ тѣсно связано съ ὁ, ἡ, τό.

Другое, на что мы должны здѣсь указать, это именно то, что вмѣсто того οὗ, οἷ, ἕ, μίν, которые мы замѣтили въ гомерическихъ цитатахъ, аттическій языкъ употребляетъ αὐτός,—да и въ гомерическомъ языкѣ трудно опредѣлить разницу между οὗ, употребленнымъ напр. въ Ил. 2. 91:

ὣς τῶν ἔθνεα πολλὰ νεῶν ἄπο καὶ κλισιάων
ἠϊόνος προπάροιθε βαθείης ἐστιχόωντο
ἰλαδὸν εἰς ἀγορήν. μετὰ δὲ σ φ ί σ ι ν Ὄσσα δεδήει.

и между αὐτός въ Ил. 3. 436: ...ἀλλά σ' ἔγωγε

παύεσθαι κέλομαι, μηδὲ ξανθῷ Μενελάῳ
ἀντίβιον πόλεμον πολεμίζειν ἠδὲ μάχεσθαι
ἀφραδέως, μή πως τάχ' ὑπ' α ὐ τ ο ῦ δουρὶ δαμήῃς.

Дальше намъ извѣстно, что οὗ, οἷ, ἕ, въ смыслѣ чисто рефлексивномъ, совершенно какъ русское *себя*, употребляется не только о третьемъ, но также о первомъ и о второмъ лицахъ (примѣровъ въ родѣ Βατραχομ. 23. ἀλλ' ἄγε θᾶσσον ἑὴν γενεὴν ἀγόρευε, или Ил. 10. 395: φύξιν βουλεύοιτε μετὰ σφισιν, собралъ много Кюнеръ: Ausführl. Gram. стр. 496 и 497). Послѣдняго мы, конечно, не можемъ сказать о словѣ μίν.

Всѣ замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу словъ οὗ, οἷ, ἕ (μίν), заставляютъ насъ: *привести къ одному симазіологическому знаменателю всѣ три значенія, замѣченныя нами за словомъ* οὗ, οἷ ἕ (таковыя значенія суть: значеніе рефлексивное 3-го лица, значеніе русскаго *его, ему, его* и значеніе рефлексивное всѣхъ лицъ), *выяснить отношеніе слова* οὗ *къ слову* αὐτός, *а также отношеніе обоихъ этихъ словъ вмѣстѣ къ слову* α ὐ τ ό ς *и къ анафорѣ.*

3) Если ὁ, ἡ, τό дѣйствительно ἀναφορικόν, то зачѣмъ Аполлоній не причислилъ его тоже къ категоріи антонимій и какого мѣрила онъ держался при выдѣленіи перваго изъ послѣдней? На второй вопросъ Аполлоній отвѣчаетъ самъ: вотъ слова, которыя онъ постоянно повторяетъ: ἀντωνυμία ἀντ' ὀνόματος, ἄρθρον μετ' ὀνόματος παραλαμβάνεται (смотри напр. περὶ συντ. 16. 27, 96. 28, 107. 15); но такой отвѣтъ Аполлонія не уничтожаетъ, а усиливаетъ наше недоумѣніе: ибо съ одной стороны мы видимъ, что *слово* ὁ, ἡ, τὸ употребляется, какъ впрочемъ и самъ Аполлоній замѣтилъ, *вмѣсто имени существительнаго* (ἀντ' ὀνόματος) [19]), съ другой же стороны *чистая анафорическая антонимія*, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, должна быть непремѣнно употреблена *въ соединеніи съ существительнымъ* (μετ' ὀνόματος; послѣднее

---

[19]) Περὶ συντ. 186. 22 Аполлоній приводитъ четыре примѣра изъ Гомера въ родѣ столь часто повторяющагося выраженія τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη, о которыхъ онъ на этомъ мѣстѣ говоритъ, что въ нихъ ὁ употреблено вмѣсто αὐτός, что оно только по внѣшнему виду (τῇ φωνῇ) ἄρθρον, а по значенію (τῇ δὲ ἐξ αὐτοῦ μεταλήψει) антонимія, а на стр. 136. 14 того же сочиненія мы читаемъ: τὰ ἄρθρα εἰς σύνταξιν ἀντωνυμίας παραλαμβάνεται.

видно изъ примѣровъ, помѣщенныхъ нами на стр. 5) и очень часто можетъ быть замѣнена въ этихъ случаяхъ словомъ ὁ ἡ τό. Для объясненія перваго явленія древніе грамматики приводятъ намъ только примѣры изъ Гомера; но его нельзя отрицать и въ болѣе позднихъ памятникахъ: умалчивая о другихъ примѣрахъ, относящихся сюда, указать на которые я нахожу болѣе удобнымъ ниже, я приведу здѣсь одно только ὁ δὲ, встрѣчающееся въ примѣрахъ въ родѣ Anab. 1. 6. 8: Ἦ γὰρ ἀνάγκη, ἔφη ὁ Ὀρόντας· ἐκ τούτου πάλιν ἠρώτησεν ὁ Κῦρος· ἔτι οὖν ἂν γένοιο τῷ ἐμῷ ἀδελφῷ πολέμιος, ἐμοὶ δὲ φίλος καὶ πιστός; ὁ δὲ ἀπεκρίνατο, ὅτι οὐδ᾽ εἰ γενοίμην, ὦ Κῦρε, σοί γ᾽ ἄν ποτε ἔτι δόξαιμι. Въ томъ, что слова οὗτος и ἐκεῖνος, какъ ἀναφορικά, чередуются съ словами ὁ, ἡ τό, имѣя съ ними одинаковое значеніе, мы можемъ убѣдиться изъ слѣдующихъ мѣстъ:

1., Геродотъ VII. 12 передаетъ читателю сонъ, который видѣлъ Ксерксъ передъ тѣмъ, какъ собирался въ походъ на Европу, и кончаетъ разсказъ такъ: τὸν μὲν ταῦτα εἴπαντα ἐδόκεε ὁ Ξέρξης ἀποπτάσθαι· ἡμέρης δὲ ἐπιλαμψάσης ὀνείρου μὲν τούτου (въ аттическомъ языкѣ поставимъ τοῦ ὀνείρου τούτου) λόγον οὐδένα ἐποιέετο... νυκτὸς δὲ γενομένης αὖτις τὠυτὸ ὄνειρον ἔλεγε τῷ Ξέρξῃ κατυπνωμένῳ (слѣдуетъ рѣчь мужа, приснившагося Ксерксу). Ξέρξης μὲν περιδεὴς γενόμενος τῇ ὄψι ἀνά τε ἔδραμε.

2., Геродотъ VII. 198; ἤιε εἰς τὴν Μηλίδα παρὰ κόλπον θαλάσσης, ἐν τῷ ἄμπωτίς τε καὶ ῥηχίη ἀνὰ πᾶσαν ἡμέρην γίνεται· περὶ δὲ τὸν κόλπον τοῦτόν ἐστι χῶρος πεδινός, τῇ μὲν εὐρύς, τῇ δὲ καὶ κάρτα στεινός, περὶ δὲ τὸν χῶρον οὔρεα ὑψηλὰ καὶ ἄβατα.

Изъ всего того, что мы сказали объ отношеніи слова ὁ къ словамъ, подведеннымъ Аполлоніемъ подъ антонимію, явствуетъ, что Аполлоніево *основаніе группировки* всѣхъ этихъ словъ противорѣчитъ самой *группировкѣ*. Такое основаніе должно бы привести Аполлонія скорѣе къ тому, чтобы слова ἐγώ, σύ, οὗ, οἷ, ἕ (μίν) поставить въ одну группу и прибавить къ нимъ, пожалуй, αὐτός, если онъ уже такъ придерживается взгляда, что αὐτός есть ἀναφορικόν 3-го грамматическаго лица (срав. 9 выноску), а другую группу составляли бы слова οὗτος, ἐκεῖνος, ὅδε и ὁ. Надобно полагать, что если Аполлоній такъ не дѣлаетъ, то этому причиною былъ авторитетъ того ученаго, который, какъ мы уже прежде говорили (смотри 15 выноску), выдѣлилъ слово ὁ, ἡ, τό по внѣшнимъ только признакамъ его появленія, имѣя въ виду, вѣроятно, преимущественно то употребленіе этого слова, которое пріобрѣло широкій просторъ особенно въ аттической прозѣ и въ которомъ трудно было отыскать какую нибудь сторону, связывающую его, хотя бы даже съ словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, не говоря уже о другихъ словахъ, заключающихся у Аполлонія въ категоріи антонимии. Въ самомъ дѣлѣ, употребленіе слова ὁ дошло въ аттической прозѣ до такихъ тонкостей, которыя легко было чувствовать, но трудно было объяснить на

основаніи анафоры. Насъ не удивляетъ, что, при недостаточномъ умѣніи на психологической почвѣ разбирать синтаксическія явленія, у самихъ грековъ существовалъ такой взглядъ на слово ὁ, ἡ, τό, будто оно ставится только для различія родовъ и числъ именъ существительныхъ[20]). Затрудненіе объяснять всѣ случаи употребленія слова ὁ на основаніи анафоры чувствуется и новыми грамматиками и довело Кюнера даже до такой... фразы: «Древніе грамматики находятъ всю суть значенія слова ὁ въ ἀναφορά, ἀναπόλησις προεγνωσμένου καὶ ἀπόντος προσώπου. Конечно, членъ употребляется очень часто для обозначенія указанія на извѣстное, уже упомянутое, но тогда членъ является не настоящимъ, чистымъ, а болѣе въ своемъ первоначальномъ *демонстративномъ* (sic) значеніи[21])». Намъ придется *опредѣлить по возможности всѣ значенія слова ὁ и попытаться найти отношеніе этихъ значеній къ анафорѣ.*

4) Остается указать еще на одно противорѣчіе въ Аполлоніевой теоріи. Намъ кажется страннымъ, почему у Аполлонія слово ὅς поставлено въ одной группѣ съ словомъ ὁ: мы видимъ прежде всего, что если Аполлоній при пониманіи ἄρθρου какъ παραλαμβανομένου μετ' ὀνόματος, а не ἀντ' ὀνόματος, встрѣчалъ противорѣчіе *въ нѣкоторыхъ* случаяхъ, то въ словѣ ὅς онъ не найдетъ поддержки для своего опредѣленія уже *ни въ одномъ* примѣрѣ. Аполлоній (περὶ συντ. 87. 3) сопоставляетъ фразу παρεγένετο γραμματικός, ὃς διελέξατο съ фразою ὁ γραμματικὸς παραγένετο καὶ οὗτος διελέξατο и называетъ эти фразы ἰσοδυναμοῦσαι συντάξεις (имѣющія одинаковую силу значенія). Въ этихъ двухъ фразахъ ὅς поставлено Аполлоніемъ наравнѣ съ цѣлымъ оборотомъ, состоящимъ изъ антонимiи и союза. Это уравненіе даетъ Аполлонію поводъ къ принятію слова ὅς не за антонимію, а за ἄρθρον; онъ указываетъ при этомъ на то, что если бы союзъ въ оборотѣ καὶοὗτος былъ уничтоженъ, то вся фраза не имѣла бы никакого смысла (εἴ τις ὑφέλοι σύνδεσμον, ἀσύνετα τὰ τοῦ λόγου γίνεται.—περὶ συντ. 87. 25), другими словами, что ὅς нельзя сопоставлять съ οὗτος, если послѣднее

---

[20]) Такое опредѣленіе синтаксическаго значенія слова ὁ передаетъ намъ Діогенъ Лаерт. VII. 1. (по изд. Кобета стр. 172) и приписываетъ его,—несправедливо, какъ Шеманъ полагаетъ (смотри: Шемамъ, Animadv. ad vet. gr. doc. art. стр. 15),--стоикамъ времени Хризиппа. Ἄρθρον, читаемъ на указанномъ нами мѣстѣ Діогена, ἐστὶ στοιχεῖον λόγου πτωτικόν, διόριζον τὰ γένη τῶν ὀνομάτων καὶ τοὺς ἀριθμούς, οἷον ὁ ἡ τό οἱ αἱ τα. При этомъ опредѣленіи нѣтъ и не могло быть, конечно, и помину о словахъ ὅς ἥ ὅ, которыя у Аполлонія соединены съ ὁ ἡ τό въ одну часть рѣчи.

[21]) Смотри Ausf. Gramm. стр. 512. Die alten Grammatiker, говорится тамъ, setzen das ganze Wesen des Artikels in die ἀναφορά ἀναπόλησις, προεγνωσμένου καὶ ἀπόντος προσώπου. Allerdings wird der Artikel unendlich oft gebraucht, um eine Hinweisung an Bekanntes schon Erwähntes zu bezeichnen, allein alsdann tritt der Artikel nicht als reiner Artikel auf, sondern mehr in seiner ursprünglichen demonstrativen Bedeutung.

поставлено безъ союза, и что, слѣдовательно (такое долженъ Аполлоній вывести изъ этого заключеніе), ὅς нельзя принимать за туже часть рѣчи, за которую принимается οὗτος. Мы видимъ, какую слабую Аполлоній имѣетъ опору для разбираемаго нами его ученія: то, что мы только что сообщили, даетъ ему меньше права назвать ὅς—ἄρθρον, чѣмъ антонимiею; согласно же своему взгляду на дѣло сообщенному нами въ выноскѣ 18-й, Аполлоній долженъ былъ бы положительно принять слово ὅς за антонимію, а не за ἄρθρον, если бы обратилъ вниманіе на множество гомерическихъ примѣровъ, въ которыхъ *антонимическимъ же* (ἀντωνυμικὴ σύνταξις) *а не арѳрическимъ* «синтаксисомъ» слова ὁ замѣняется слово ὅς и на оборотъ. Приводить примѣры мы не считаемъ здѣсь нужнымъ, потому что это явленіе слишкомъ извѣстное.—Для насъ, конечно, вопросъ, принадлежитъ ли ὅς къ антонимiи, или къ ἄρθρον, не имѣетъ пока смысла. На сколько выяснилось уже значеніе слова ὁ, мы не находимъ необходимымъ считать даже это послѣднее за особую часть рѣчи, *а въ какихъ отношеніяхъ слово ὅς находится къ слову ὁ*, на это отвѣтить еще не можемъ; это будетъ предметомъ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденій и составить четвертую и послѣднюю нашу задачу.

Наша задача опредѣлена. Матеріаломъ, надъ которымъ мы будемъ производить наши наблюденія для рѣшенія нашихъ четырехъ вопросовъ, мы избрали Гомера, такъ какъ въ немъ: во первыхъ употребленіе словъ οὗ и ὅς разнообразнѣе, чѣмъ въ болѣе позднихъ памятникахъ, во вторыхъ, относительно словъ αὐτός и μίν, болѣе поздніе памятники во всякомъ случаѣ не подаютъ новаго матеріала въ сравненіи съ Гомеромъ , а въ третьихъ наконецъ, относительно ὁ, ἡ и τό, если даже à priori принять, что оно въ аттическомъ языкѣ развилось дальше, чѣмъ было развито въ Гомерѣ, все же *основаніе* для его симазіологическаго разбора получается болѣе прочное у Гомера и отношеніе его къ остальнымъ ἀναφορικά отыскать легче у него же, чѣмъ въ какомъ нибудь памятникѣ аттической прозы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О СЛОВѢ ΑΥΤΟΣ

съ прибавленіемъ о значеніи словъ οὗ, οἷ, ἕ и μίν, и о симазіологическомъ отношеніи послѣднихъ словъ другъ къ другу и къ слову αὐτός.

* * *

Представитель и, можно сказать, создатель ученія, котораго придерживаются до сихъ поръ по отношенію къ разнымъ оттѣнкамъ значенія слова αὐτός, есть Готфридъ Германъ. Этотъ ученый, разсмотрѣвъ контексты всевозможныхъ конкретныхъ случаевъ употребленія слова αὐτός, приходитъ относительно значенія его къ слѣдующимъ заключеніямъ (смотри его изданіе Вигерова сочиненія de præcipiis Græcæ dictionis idiotismis стр. 733): Αὐτός, ipse, говоритъ Германъ, sic dicitur, ut quis distinquatur ab eo, qnod ipse non est, ut anima a corpore (для примѣра приводится здѣсь Германомъ Одисс. 11. 602:

Τὸν δὲ μετ' εἰσενόησα βίην Ἡρακληείην,
εἴδωλον· αὐτός δὲ μετ' ἀθανάτοισι θεοῖσιν
τέρπεται...),

vel corpus ab anima

(Ил. 1. 4. Πολλὰς δ' ἰφθίμους ψυχὰς Ἄϊδι προΐαψεν
ἡρώων, αὐτοὺς δὲ ἑλώρια τεῦχε κύνεσσιν),

vel homo a rebus, quas ipse habet]

(Од. 19. 32. ὃς μὲν ἀπηνὴς αὐτὸς ἔῃ καὶ ἀπηνέα εἰδῇ,
τῷ δὲ καταρῶνται πάντες βροτοὶ ἄλγε' ὀπίσσω
ζωῷ, ἀτὰρ τεθνεῶτί γ' ἐφεψιόωνται ἅπαντες·

ὅς δ' ἂν ἀμύμων αὐτὸς ἔῃ καὶ ἀμύμονα εἰδῇ,
τοῦ μέν τε κλέος εὐρὺ διὰ ξεῖνοι φορέουσιν
πάντας ἐπ' ἀνθρώπους, πολλοί τέ μιν ἐσθλὸν ἔειπον),

vel a sociis et sodalibus suis

(Ил. 8. 4. Ζεὺς δὲ θεῶν ἀγορὴν ποιήσατο τερπικέραυνος
ἀκροτάτῃ κορυφῇ πολυδειράδος Οὐλύμποιο.
αὐτὸς δέ σφ' ἀγόρευε, θεοὶ δ' ὑπὸ πάντες ἄκουον.

Ил. 19. 302. Ὣς ἔφατο κλαίουσ', ἐπὶ δὲ στενάχοντο γυναῖκες
Πάτροκλον πρόφασιν, σφῶν δ' αὐτῶν κήδε' ἑκάστη),

vel aliquid a rebus, quæ circa sunt

(Од. 3. 171. ἢ καθύπερθε Χίοιο νεοίμεθα παιπαλοέσσης,
νήσου ἔπι Ψυρίης, αὐτὴν ἐπ' ἀριστέρ' ἔχοντες),

vel totum a pàrtibus

(Ил. 7. 474. ἔνθεν ἄρ' οἰνίζοντο καρηκομόωντες Ἀχαιοί,
ἄλλοι μὲν χαλκῷ, ἄλλοι δ' αἴθωνι σιδήρῳ,
ἄλλοι δὲ ῥινοῖς, ἄλλοι δ' αὐτῇσι βόεσσιν,
ἄλλοι δ' ἀνδραπόδεσσι· τίθεντο δὲ δαῖτα θάλειαν),

vel aliquis a semet ipso, ita ut ipse sine alius rei adjumento quid facere dicatur

(Ил. 8. 75. ἐν δ' ἐτίθει δύο κῆρε τανηλεγέος θανάτοιο,
Τρώων θ' ἱπποδάμων καὶ Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων,
ἕλκε δὲ μέσσα λαβών, ῥέπε δ' αἴσιμον ἦμαρ Ἀχαιῶν.
αἱ μὲν Ἀχαιῶν κῆρες ἐπὶ χθονὶ πουλυβοτείρῃ
ἑζέσθην, Τρώων δὲ πρὸς οὐρανὸν εὐρὺν ἄερθεν,
αὐτὸς δ' ἐξ Ἴδης μεγάλ' ἔκτυπε, δαιόμενον δὲ
ἧκε σέλας μετὰ λαὸν Ἀχαιῶν·

Ил. 17. 48. ὁ δὲ δεύτερος ὤρνυτο χαλκῷ
Ἀτρείδης Μενέλαος, ἐπευξάμενος Διὶ πατρί·
ἂψ δ' ἀναχαζομένοιο κατὰ στομάχοιο θέμεθλα
νύξ', ἐπὶ δ' αὐτὸς ἔρεισε, βαρείῃ χειρὶ πιθήσας).

Къ послѣднему пункту приведеннаго нами правила Германъ еще добавляетъ: «quo in genere quædam paullo obscuriores distinctiones sunt» и приводитъ при этихъ словахъ слѣдующія два мѣста изъ Гомера:

Од. 6. 328. Ὣς ἔφατ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλυε Παλλὰς Ἀθήνη·
αὐτῷ δ' οὔπω φαίνετ' ἐναντίη· αἴδετο γάρ ῥα
πατροκασίγνητον·

Ил. 9. 449 ὅς μοι παλλακίδος περιχώσατο καλλικόμοιο,
τὴν αὐτὸς φιλέεσκεν...

Кромѣ этихъ указаній мы встрѣчаемъ у Германа въ упомянутой книгѣ еще много другихъ, которыя, однако, мы здѣсь не будемъ сообщать, потому что сами намѣрены разбирать ихъ въ другомъ отдѣлѣ нашего сочиненія, а пока будемъ имѣть дѣло съ одинадцатью вышеупомянутыми ссылками.

I 1.

Первыя двѣ изъ Германовыхъ цитатъ припоминаютъ намъ многочисленную группу гомерическихъ мѣстъ, вмѣщающихъ въ себѣ слово αὐτός, въ которыхъ—не столько distinguitur aliquis ab eo, quod ipse non est, какъ говоритъ Германъ, а скорѣе—*извѣстный предметъ выставляется отличающимся отъ предметовъ, представляющихся намъ принадлежащими ему, какъ главному*. Судя по заглавіямъ, которыя Германъ надписываетъ надъ каждою изъ одинадцати цитатъ, къ нашему правилу слѣдовало бы отнести всѣ первые семь примѣровъ; но, вчитываясь въ самые примѣры, мы находимся въ большомъ затрудненіи не только отнести ихъ къ нашему правилу, но вообще подвергнуть ихъ какой нибудь абстракціи, на столько опредѣлительной, чтобы она могла сдѣлаться факторомъ, пригоднымъ для отысканія одного общаго результата о значеніи слова αὐτός. Что касается перваго, т. е. отношенія этихъ ссылокъ къ нашему правилу, то примѣръ Ил. 19. 302, не говоря уже о другихъ, менѣе удаляющихся отъ центра, назначеннаго этимъ правиломъ, едва ли и имѣетъ хоть какое нибудь отношеніе къ этому центру. Наше правило есть абстракція изъ примѣровъ въ родѣ слѣдующихъ:

Од. 1. 251. τοὶ δὲ φθινύθουσιν ἔδοντες
οἶκον ἐμόν· τάχα δή με διαρραίσουσι καὶ αὐτόν.

Од. 1. 39. Αἴγισθος
γῆμ' ἄλοχον μνηστὴν ('Αγαμέμνονος), τὸν δ' ἔκτανε νοστήσαντα,
εἰδὼς αἰπὺν ὄλεθρον· ἐπεὶ πρό οἱ εἴπομεν ἡμεῖς,
Ἑρμείαν πέμψαντες, ἐύσκοπον Ἀργειφόντην,
μήτ' αὐτὸν κτείνειν μήτε μνάασθαι ἄκοιτιν·

Ил. 8. 403. γυιώσω μέν σφωϊν ὑφ' ἅρμασιν ὠκέας ἵππους,
αὐτὰς δ' ἐκ δίφρου βαλέω κατά θ' ἅρματα ἄξω·

Ил. 2. 263. εἰ μὴ ἐγώ σε λαβὼν ἀπὸ μὲν φίλα εἵματα δύσω,
χλαῖνάν τ' ἠδὲ χιτῶνα, τά τ' αἰδῶ ἀμφικαλύπτει,
αὐτὸν δὲ κλαίοντα θοὰς ἐπὶ νῆας ἀφήσω
πεπληγὼς ἀγορῆθεν ἀεικέσσι πληγῇσιν.

Од. 10. 339. ἦ μοι σοὺς μὲν ἔθηκας ἐνὶ μεγαροῖσιν ἑταίρους,
αὐτὸν δ' ἐνθάδ' ἔχουσα δολοφρονέουσα κελεύεις
ἐς θάλαμόν τ' ἰέναι καὶ σῆς ἐπιβήμεναι εὐνῆς.

Од. 9. 406. ἦ μή τίς σευ μῆλα βροτῶν ἀέκοντος ἐλαύνει;
ἦ μή τις σ' αὐτὸν κτείνῃ δόλῳ ἠὲ βίηφιν;

Од. 9. 40. Ἰλιόθεν με φέρων ἄνεμος Κικόνεσσι πέλασσεν,
Ἰσμάρῳ· ἔνθα δ' ἐγὼ πόλιν ἔπραθον, ὤλεσα δ' αὐτούς·
ἐκ πόλιος δ' ἀλόχους καὶ κτήματα πολλὰ λαβόντες
δασσάμεθ', ὡς μή τίς μοι ἀτεμβόμενος κίοι ἴσης.

Ил. 1. 112. τοῦδ' ἕνεκά σφιν ἑκηβόλος ἄλγεα τεύχει,
οὕνεκ' ἐγὼ κούρης Χρυσηΐδος ἀγλά' ἄποινα
οὐκ ἔθελον δέξασθαι, ἐπεὶ πολὺ βούλομαι αὐτὴν
οἴκοι ἔχειν.

Ил. 11. 668. ἦ μένει εἰσόκε δὴ νῆες θοαὶ ἄγχι θαλάσσης,
Αργείων ἀέκητι, πυρὸς δηΐοιο θέρωνται,
αὐτοί τε κτεινώμεθ' ἐπισχερώ;

Ил. 4. 237. ἀλλ' οἵπερ πρότεροι ὑπὲρ ὅρκια δηλήσαντο,
τῶν ἤτοι αὐτῶν τέρενα χρόα γῦπες ἔδονται,
ἡμεῖς αὖτ' ἀλόχους τε φίλας καὶ νήπια τέκνα
ἄξομεν ἐν νήεσσιν, ἐπὴν πτολίεθρον ἕλωμεν.

Особенный разрядъ составляютъ здѣсь тѣ примѣры, въ которыхъ и слово, обозначающее владѣльца, и то, которымъ обозначается предметъ, принадлежащій владѣльцу, поставлены въ одномъ и томъ же предложеніи одинаковыми частями его и составляютъ такимъ образомъ предложеніе слитное. Такіе примѣры встрѣчаются:

Од. 7. 70. ὣς κείνη (Ἀρήτη) περὶ κῆρι τετίμηταί τε καὶ ἔστιν
ἔκ τε φίλων παίδων ἔκ τ' αὐτοῦ Ἀλκινόοιο
καὶ λαῶν.

Ил. 11. 708. οἱ δὲ τρίτῳ ἤματι πάντες
ἦλθον ὁμῶς αὐτοί τε πολεῖς καὶ μώνυχες ἵπποι,
πανσυδίῃ.

Од. 19. 121. μή τίς μοι δμωῶν (τῶν σῶν) νεμεσήσεται, ἠὲ σύ γ' αὐτή...

Ил. 5. 450. ἤ τοι τὸν Λητώ τε καὶ Ἄρτεμις ἰοχέαιρα
ἐν μεγάλῳ ἀδύτῳ ἀκέοντό τε κύδαινόν τε.
αὐτὰρ ὁ εἴδωλον τεῦξ' ἀργυρότοξος Ἀπόλλων
αὐτῷ τ' Αἰνείᾳ ἴκελον καὶ τεύχεσι τοῖον...

Од. 9. 420. αὐτὰρ ἐγὼ βούλευον, ὅπως ὄχ' ἄριστα γένοιτο,
εἴ τιν' ἑταίροισιν θανάτου λύσιν ἠδ' ἐμοὶ αὐτῷ
εὐροίμην·

Присматриваясь къ обѣимъ этимъ группамъ примѣровъ, мы должны сказать слѣдующее:

1. Изъ примѣра Ил. 4. 237 было нами уже на страницѣ 14 заключено, что αὐτός не можетъ быть въ немъ, а слѣдовательно, можно добавить, и въ другихъ примѣрахъ, составляющихъ съ нимъ одинъ разрядъ, анафорическимъ. Но и за δεικτικόν и за прямаго личнаго показателя это αὐτός ни въ какомъ случаѣ принимать нельзя: первое невозможно, потому что въ большинствѣ примѣровъ предметъ, къ которому αὐτός отнесено, есть *удаленный* по отношенію къ говорящему, а второе, потому что одно и тоже αὐτός употреблено здѣсь при *всѣхъ лицахъ*, въ то время какъ личные показатели должны представить для *каждаго лица особое слово*.

2. Сопоставляя примѣры: Од. 1. 251 съ Од. 10. 339, Од. 9. 406 съ Ил. 2. 64, Ил. 5. 450 съ Ил. 1. 112, мы замѣчаемъ, что слово, непосредственно обозначающее тотъ предметъ, который авторъ представляетъ слушателю при помощи слова αὐτός, можетъ быть пропущено и слово αὐτός совершенно будетъ достаточно для выраженія того, что выражено было въ одномъ случаѣ черезъ ἐμ' αὐτόν, въ другомъ черезъ σ' αὐτόν, а въ третьемъ черезъ αὐτοῦ Ἀλκινόοιο.

До такой самостоятельности, какая выражается въ простомъ словѣ αὐτόν въ сравненіи съ замѣняющимъ его оборотомъ напр. ἐμ' αὐτόν, слово αὐτός могло дойти, конечно, только тогда, когда самъ предметъ, къ которому αὐτός относится, достаточно опредѣленъ контекстомъ, такъ что при произношеніи слова αὐτός можно было его угадать; но этого не достаточно: и въ самомъ αὐτός должно отыскать условія для такой самоопредѣленности его значенія; послѣднее слово, не будучи ни ἀναφορικόν, ни δεικτικόν, ни πρωτότυπον (личный показатель), ни, конечно, ὀνομαστικόν (поименовательное слово), должно непремѣнно въ контекстѣ отображаться своимъ значеніемъ въ какомъ нибудь понятіи, находящемся къ нему въ отношеніи логической противоположности.—Что αὐτός не имѣло бы дѣйствительно никакого смысла, если бы рядомъ съ нимъ не были выставлены слова, обозначающія принадлежность предметовъ, къ названіямъ которыхъ приставлено слово αὐτός, это замѣчается прежде всего въ приведенныхъ нами примѣрахъ слитныхъ предложеній: въ примѣрѣ Ил. 11. 708 появилось αὐτός только въ тотъ моментъ, когда авторъ началъ думать о словѣ ἵπποι,—въ примѣрѣ Од. 7. 70 αὐτοῦ при словѣ Ἀλκινόοιο было бы не возможно, еслибы не было тамъ словъ φίλων παίδων,—въ Ил. 5. 450 оборотъ αὐτῷ Αἰνείᾳ не состоится безъ

слова τεύχεσι, и такъ и во всѣхъ прочихъ примѣрахъ.—Мы можемъ опредѣлить смыслъ словъ напр. Ἑταῖρος καὶ αὐτός, не ища къ нимъ *никакого дальнѣйшаго контекста*; опредѣляемъ мы его слѣдующими словами: друзья чьи нибудь и самъ тотъ, которому вышеозначенныя лица суть друзьями. Слово ἑταῖρος выражаетъ собою относительное понятіе: я не могу называть себя другомъ, если не имѣю при этомъ въ виду лица, которому я другъ; съ другой же стороны въ примѣрѣ *я другъ твоего брата* слово *братъ* выражаетъ по отношенію къ слову *другъ* понятіе абсолютное: оно представляется намъ центромъ своего относительнаго понятія *другъ*. Послѣ всего вышеизложеннаго мы можемъ сказать, что слово αὐτός, въ данныхъ случаяхъ, представляетъ слушателю извѣстный предметъ центромъ другихъ предметовъ; оно не ставится, пока первый предметъ не представляется намъ окруженнымъ послѣдними. Изъ Германовыхъ одинадцати ссылокъ принадлежатъ сюда: Од. 11. 602, Ил. 1. 4, Од. 19. 326, Ил. 7. 474. Сюда же можно отнести выраженія, употребляемыя древними логиками, какъ-то: αὐτὸ τὸ καλόν. Выраженіе это можно бы перевести словами: *понятіе прекраснаго*; αὐτὸς здѣсь употреблено потому, что *понятіе* или, по выраженію древнихъ, *идея* τοῦ καλοῦ представляется уму составителя такого выраженія окруженною *предметами*, называемыми καλοί; послѣдніе, какъ не принадлежащіе къ дѣлу, говорящій хочетъ, употребляя такое выраженіе, *исключить* изъ матеріала своего сужденія. Мы назовемъ такое αὐτός—αὐτός *distinctionis*.

12.

Перейдемъ къ Германовой ссылкѣ Ил. 8. 75. Это мѣсто можно понимать двоякимъ образомъ: или слова αὐτός δ' ἐξ Ἴδης μεγάλ' ἔκτυπε составляютъ противоположность къ словамъ αἱ μὲν Ἀχαιῶν κῆρες (на вѣсахъ Зевеса) ἐπὶ πουλυβοτείρῃ χθονὶ ἑζέσθην, Τρώων δὲ πρὸς οὐρανὸν εὐρὺν ἄερθεν, а въ такомъ случаѣ и этотъ примѣръ принадлежитъ къ вышеприведенной группѣ примѣровъ, или же они составляютъ противоположность къ словамъ ἕλκε δὲ μέσσα λαβών, а въ такомъ случаѣ данный примѣръ совершенно одинаковъ съ другою Германовою ссылкою Ил. 17. 48, и мы находимъ обоимъ этимъ примѣрамъ аналогію въ совершенно другихъ мѣстахъ, чѣмъ были объясняемыя выше. Послѣднее пониманіе нашего примѣра возможно только тогда, если мы считаемъ слова αἱ μὲν Ἀχαιῶν κῆρες.... ἄερθεν парентетически; онъ напоминаетъ намъ при такомъ его пониманіи тѣ мѣста изъ Гомера, въ которыхъ сопоставляются два предложенія съ одинаковымъ всегда подлежащимъ, причемъ въ одномъ изъ этихъ предложеній подлежащее относитъ свое дѣйствіе къ какому нибудь *внѣ него находящемуся* предмету, въ другомъ же предложеніи *это же* подлежащее относитъ свое дѣйствіе *къ самому себѣ*,—другими словами: въ первомъ предложеніи находится *переходной глаголъ* (въ болѣе

широкомъ смыслѣ этого слова), а во второмъ при томъ же подлежащемъ *глаголъ непереходной*. Сравни слѣдующія мѣста:

Од. 15. 219. Ἐγκοσμεῖτε τὰ τεύχε', ἑταῖροι, νηὶ μελαίνῃ,
αὐτοί τ' ἀμβαίνωμεν, ἵνα πρήσσωμεν ὁδοῖο.

Ил. 3. 113. καὶ ῥ' ἵππους μὲν ἔρυξαν ἐπὶ στίχας, ἐκ δ' ἔβαν αὐτοί.

Ил. 11. 296. ὣς ἐπ' Ἀχαιοῖσιν σεῦε Τρῶας μεγαθύμους
Ἕκτωρ Πριαμίδης, βροτολοιγῷ ἶσος Ἄρηϊ,
αὐτὸς δ' ἐν πρώτοισι μέγα φρονέων ἐβεβήκει...

Ил. 6. 260. ἀλλὰ μέν', ὄφρα κέ τοι μελιηδέα οἶνον ἐνείκω,
ὡς σπείσῃς Διὶ καὶ πατρὶ καὶ ἄλλοις ἀθανάτοισιν
πρῶτον, ἔπειτα δέ κ' αὐτὸς ὀνήσεαι, αἴ κε πίῃσθα.

Особенный разрядъ могутъ составлять здѣсь тѣ мѣста, въ которыхъ непереходной и переходной глаголъ относятся къ одному и тому же дѣйствію. Сравни напр.

Од. 23. 68. ὤλεσε τηλοῦ νόστον Ἀχαιΐδος, ὤλετο δ' αὐτός.

Ил. 2 191. ἀλλ' αὐτός τε κάθησο καὶ ἄλλους ἵδρυε λαούς.

Од. 4. 453. ἐν δ' ἡμέας πρώτους λέγε κήτεσιν, οὐδέ τι θυμῷ
ὠΐσθη δόλον εἶναι· ἔπειτα δὲ λέκτο καὶ αὐτός.

Ил. 5. 822. τοὔνεκα νῦν αὐτός τ' ἀναχάζομαι ἠδὲ καὶ ἄλλους
Ἀργείους ἐκέλευσα ἀλήμεναι ἐνθάδε πάντας·...

Од. 23. 307. αὐτὰρ ὁ διογενὴς Ὀδυσεύς, ὅσα τ' αὐτὸς ὀϊζύσας ἐμόγησεν...
πάντ' ἔλεγ'...

Схема приведенныхъ нами въ этомъ отдѣлѣ группъ примѣровъ должна выразить собою грамматическое отношеніе, замѣчаемое между двумя сказуемыми вмѣстѣ съ ихъ грамматическими распространеніями, составляющими въ этихъ примѣрахъ необходимое условіе для появленія слова αὐτός. Схема эта можетъ быть изображена формулою: Abμ:Aaν[22]). Ей соотвѣтствуетъ въ другихъ примѣрахъ схема,находящая себѣ соотвѣтствіе въ формулѣ Baμ:Aaν; послѣдняя одинаково съ первою вызываетъ постановку слова αὐτός. Для того, чтобы намъ можно было возвести къ одному общему правилу обѣ

---

[22]) Большія латинскія буквы обозначаютъ подлежащія двухъ предложеній, греческія буквы сказуемыя, а малыя латинскія буквы обозначаютъ дополненія. Однозвучныя буквы (A и a) имѣютъ въ этой формулѣ указать на то, что грамматическую часть предложенія, обозначенную этими буквами, составляетъ одно и тоже лице, одинъ и тотъ же предметъ. Конечно, дополненіе *a* въ нашихъ примѣрахъ не выражено особеннымъ словомъ, а заключается уже въ непереходномъ глаголѣ.

эти схемы, мы должны прежде всего устранить нѣкоторыя терминологическія затрудненія. Въ виду этого мы укажемъ прежде всего вотъ на что: осуществленіе на предметахъ понятія, выраженнаго въ сказуемомъ, можетъ показаться въ однихъ случаяхъ активнымъ, (напр. ὁ ἀνὴρ γέγραφε), въ другихъ же случаяхъ пассивнымъ (предметъ, на которомъ сказуемое осуществляется пассивно, можетъ быть поставленъ грамматически или подлежащимъ:—τοῦτο ὑπὸ τοῦ ἀνδρὸς γεγραμμένον ἐστίν, или дополненіемъ извѣстнаго глагола:—ὁ ἀνὴρ γέγραφε τοῦτο), и мы будемъ выражаться такъ; сказуемое опредѣляется на такомъ-то предметѣ *активно*, а на такомъ-то *пассивно* или: такой то предметъ есть *активный* опредѣлитель сказуемаго, а такой-то *пассивный*. Конечно, слова *активный* и *пассивный* выражаютъ понятія относительныя и найдутся примѣры, въ которыхъ мы, не имѣя возможности противопоставить какому нибудь опредѣлителю сказуемаго другого опредѣлителя, который вызывалъ бы насъ на отыскиваніе такого соотношенія, будемъ говорить объ *опредѣлителяхъ сказуемаго вообще* (τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν). Въ примѣрахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ двумъ схемамъ Абμ : Ааν и Ваμ : Ἀαν замѣчается, что въ одной половинѣ этихъ схемъ сказуемое находитъ себѣ въ такомъ же смыслѣ полное опредѣленіе на *одномъ* предметѣ, въ каромъ другое сказуемое нужно было опредѣлить на *двухъ* предметахъ, и мы можемъ эти разныя системы опредѣленія двухъ сказуемыхъ по взаимному ихъ отношенію назвать одну *концентрическою* а другую *эксцентрическою*.—

Такимъ образомъ правило по вопросу объ употребленіи слова αὐτός, которымъ мы намѣрены обобщить обѣ схемы, приметъ слѣдующій видъ: Сопоставленіе эксцентрическаго и концентрическаго опредѣленій двухъ сказуемыхъ, вызванное тѣмъ, что одинъ и тотъ же предметъ, который былъ въ сказуемомъ, опредѣленномъ эксцентрически, однимъ изъ частныхъ его опредѣлителей (активнымъ или пассивнымъ), является концентрическимъ опредѣлителемъ другого сказуемаго, привлекаетъ постановку слова αὐτός къ этому предмету тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ сказуемое *концентрически*. Для разъясненія схемы Ваμ : Ааν мы здѣсь поставимъ слѣдующіе примѣры:

Ил. 6. 363. ἀλλὰ σύγ' ὄρνυθι τοῦτον, ἐπειγέσθω δὲ καὶ αὐτός.

Ил. 5. 520. Τοὺς δ' Αἴαντε δύω καὶ Ὀδυσσεὺς καὶ Διομήδης
ὤτρυνον Δαναοὺς πολεμιζέμεν· οἱ δὲ καὶ αὐτοὶ
οὔτε βίας Τρώων ὑπεδείδισαν οὔτε ἰωκάς.

Од. 8. 490. λίην γὰρ κατὰ κόσμον Ἀχαιῶν οἶτον ἀείδεις,
ὅσσ' ἔρξαν τ' ἔπαθόν τε καὶ ὅσσ' ἐμόγησαν Ἀχαιοί,
ὥστε που ἢ αὐτὸς παρεὼν ἢ ἄλλου ἀκούσας.

Од. 23. 357. πολλὰ μὲν αὐτὸς ἐγὼ ληΐσσομαι, ἄλλα δ' Ἀχαιοί
δώσουσ', εἰσόκε πάντας ἐνιπλήσωσιν ἐπαύλους.

Какъ при дистинктивномъ αὐτός, въ примѣрѣ αὐτὸ τὸ καλόν, слово αὐτὸ опиралось на *подразумѣваемую* только, а не *высказанную* противуположность, точно также и здѣсь мы можемъ сказать, что иногда замѣчается присутствіе *одной* только части вышеобозначенныхъ формулъ, а именно части Aaν, вторая же часть *предполагается представленною* въ умѣ автора и слушателя; авторъ, умалчивая объ ней, *исключаетъ* ее, какъ было нами замѣчено и въ выраженіи αὐτὸ τὸ καλόν, изъ матеріала своего сужденія; этимъ-то и отличается полная схема отъ половинной, что въ первой эксцентрическое опредѣленіе одного сказуемаго съ концентрическимъ другаго сказуемаго *сопоставляется по всѣмъ логически возможнымъ схемамъ*, во второй эксцентрическое концентрическимъ *уже всегда только исключается*. Сравни:

Од. 1. 216. οὐ γάρ πώ τις ἑὸν γόνον αὐτὸς ἀνέγνω (пополни: «а другіе ему должны сказать»).

Од. 6. 218. Ἀμφίπολοι, στῆθ' οὕτω ἀπόπροθεν, ὄφρ' ἐγὼ αὐτὸς
ἅλμην ὤμοιιν ἀπολούσομαι, ἀμφὶ δ' ἐλαίῳ
χρίσομαι (пополняется мыслью: «Вы меня мыть не будете».

Од. 3. 255. ἤτοι μὲν τάδε καὐτὸς ὀΐεαι, (говорить тебѣ не нужно)
... ὥς κεν ἐτύχθη,
εἰ ζωόν γ' Αἴγισθον ἐνὶ μεγάροισιν ἔτετμεν
Ἀτρείδης Τροίηθεν ἰών, ξανθὸς Μενέλαος·...

Въ приведенныхъ нами трехъ примѣрахъ половинная схема взята изъ второй формулы Baμ:Aaν. Къ половинной схемѣ первой формулы Abμ:Aaν нужно отнести напр. предложеніе αὐτὸς ποιεῖται, если это предложеніе пополняется фразою: ἄλλους ποιεῖν οὐκ ἐᾷ, или, другими словами, если только оно исключаетъ собою эксцентрическое опредѣленіе сказуемаго, выражающееся въ оборотѣ ἐᾶν τινά τι ποιεῖν. На такой примѣръ указываетъ намъ и Германъ въ своихъ одинадцати ссылкахъ: смыслъ фразы τὴν αὐτὸς φιλέεσκε, встрѣчающейся въ Ил. 9. 449, излагаетъ онъ словами: quam ipse amabat, neque ab aliis volebat amari.

Чтобы доказывать отсутствіе анафорическаго и диктическаго значеній, а также значенія прямаго личнаго показателя въ употребленномъ въ примѣрахъ этого отдѣла αὐτός, этого отъ насъ читатель, мы надѣемся, не потребуетъ. Сопоставленіе примѣровъ Од. 4. 74 и Ил. 23. 357 съ примѣрами, въ которыхъ αὐτός не имѣетъ при себѣ никакого другого слова, обозначающаго непосредственно предметъ разговора, вызвавшій постановку въ рѣчи слова αὐτός, заставляетъ насъ объ этомъ αὐτός повторить и второй пунктъ, высказанный на стр. 26 о дистинктивномъ αὐτός. Въ какомъ именно понятіи отображается слово αὐτός, это видно изъ вышеобъясненныхъ формулъ: общій

опредѣлитель двухъ сказуемыхъ противупоставляется опредѣлителю, составляющему при томъ изъ означенныхъ сказуемыхъ, которое опредѣляется эксцентрически, одинъ изъ факторовъ этого эксцентрическаго опредѣленія. При дистинктивномъ αὐτός предметъ представляется намъ центромъ, *благодаря другимъ предметамъ, окружающимъ его*, въ этихъ же примѣрахъ предметъ дѣлается центромъ, *благодаря сказуемымъ*. Въ послѣднихъ мы назовемъ αὐτός—αὐτός *reflexionis*.

Въ синтаксическомъ отношеніи концентрація опредѣленія сказуемаго въ извѣстной намъ половинѣ разбираемыхъ нами схемъ соотвѣтствовала до сихъ поръ постановка въ этой половинѣ схемъ непереходнаго, по отношенію къ эксцентрически опредѣляемому сказуемому, глагола, такъ что концентрическій опредѣлитель своего сказуемаго могъ быть, какъ мы уже намекнули на это въ выноскѣ 22-ой, синтаксически или выраженъ, или подразумѣваемъ только *одинъ разъ*. Но вмѣсто непереходнаго глагола можетъ встрѣчаться и глаголъ переходной, а въ такомъ случаѣ концентрическій опредѣлитель долженъ быть уже синтаксически мыслимъ *два раза*: второй разъ онъ будетъ именно выраженъ въ одномъ изъ другихъ падежей кромѣ именительнаго и выраженіе это будетъ происходить всегда при посредствѣ прямыхъ личныхъ показателей предмета, со включеніемъ въ нихъ словъ οὗ οἷ ἕ. Αὐτός получаетъ потомъ возможность быть поставленнымъ и въ другомъ какомъ нибудь падежѣ кромѣ именительнаго, если именно концентрическій опредѣлитель своего сказуемаго противупоставляется пассивному, а не активному опредѣлителю другаго сказуемаго. Изъ Германовыхъ ссылокъ принадлежитъ сюда Ил. 19. 302. Сравни еще:

Од. 2. 45. οὔτε τι δήμιον ἄλλο πιφαύσχομαι οὐδ' ἀγορεύω,
ἀλλ' ἐμὸν αὐτοῦ χρεῖος, ὅ μοι χαχὸν ἔμπεσεν οἴχῳ,
δοιά·

Од. 1. 356. ἀλλ' εἰς οἶχον ἰοῦσα τὰ σ' αὐτῆς ἔργα χόμιζε,
ἱστόν τ' ἠλαχάτην τε...

Од. 11. 369. μῦθον δ' ὡς ὅτ' ἀοιδὸς ἐπισταμένως χατέλεξας,
πάντων τ' Ἀργείων σέο τ' αὐτοῦ χήδεα λυγρά.

Ил. 23. 126 ... ἔνθ' ἄρ' Ἀχιλλεὺς
φράσσατο Πατρόχλῳ μέγα ἠρίον ἠδὲ οἷ αὐτῷ.

Читатель самъ приложитъ общую дедукцію, указанную нами выше, къ каждому изъ этихъ примѣровъ. Употребляя объ αὐτός этой главы терминъ αὐτός *reflexionis* а не употребительный терминъ *reflexivum*, мы хочемъ указать на важное обстоятельство. Reflexio выражена въ этихъ примѣрахъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ она была прежде выражена значеніемъ самаго глагола) мѣстоименіями ἐγώ, σύ и названнымъ грамматиками по причинѣ, о которой намъ прійдется

еще ниже говорить, reflexivum κατ' ἐξοχήν словомъ οὗ, а появленіе слова αὐτός есть уже *послѣдствіе* такой рефлексіи, происходящей въ опредѣленіи глагола. Для показанія, до какого разнообразія могла доходить первоначальная схема, вызывающая αὐτός reflexionis, мы приведемъ еще слѣдующіе примѣры:

Од. 8. 441 τόφρα δ' ἄρ' Ἀρήτη ξείνῳ περικαλλέα χηλόν
ἐξέφερεν θαλάμοιο, τίθει δ' ἐνὶ κάλλιμα δῶρα,
ἐσθῆτα χρυσόν τε, τά οἱ Φαίηκες ἔδωκαν·
ἐν δ' αὐτὴ φᾶρος θῆκεν καλόν τε χιτῶνα...

Смыслъ послѣднихъ словъ этого мѣста несомнѣнно такой: Арета отъ Феаковъ положила ἐσθῆτα и χρυσόν, а отъ себя φᾶρος и χιτῶνα; во всякомъ случаѣ опредѣленія понятія выраженнаго въ сказуемомъ τίθημι во второмъ предложеніи болѣе концентровано на лицѣ Арета, чѣмъ въ первомъ, хотя эта концентрація не показана синтаксически ни непереходнымъ глаголомъ, ни личнымъ мѣстоименіемъ, а повела прямо, обходя оба эти средства, къ употребленію слова αὐτός.

Од. 17. 125 ὢ πόποι, ἦ μάλα δὴ κρατερόφρονος ἀνδρὸς ἐν εὐνῇ
ἤθελον εὐνηθῆναι, ἀνάλκιδες αὐτοὶ ἐόντες.

Этотъ примѣръ можно толковать двоякимъ образомъ. Одинъ способъ пониманія его мы передадимъ фразою: не будучи въ состояніи своею собственною силою возвыситься, они стараются это сдѣлать на чужой счетъ,—а въ такомъ случаѣ мѣсто это походитъ на приведенное на стр. 30 мѣсто Од. 1. 216.. Второй способъ пониманія этого мѣста можно передать словами: сами они слабы, а за сильныхъ принимаются; въ послѣднемъ случаѣ авторъ хочетъ поставить на видъ своему слушателю противорѣчіе,—несовмѣстимость мыслей, выходящихъ изъ концентрическаго опредѣленія одного, и эксцентрическаго опредѣленія другаго сказуемаго.

Ил. 12. 305. ἀλλ' ὅγ' ἄρ' (λεών) ἢ ἥρπαξε μετάλμενος, ἠὲ καὶ αὐτὸς
ἔβλητ' ἐν πρώτοισι θοῆς ἀπὸ χειρὸς ἄκοντι·

Если бы мы въ этомъ примѣрѣ слово ἥρπαξε пополнили словами τοὺς διωκομένους, то подразумѣваніе послѣдняго слова не уничтожится и въ предложеніи αὐτός ἔβλητο, хотя прежній синтаксическій видъ его измѣнится (вмѣсто прежняго διωκομένους нужно поставить оборотъ ὑπὸ τῶν διωκομένων). Наша формула Abм : Aaв непримѣнима здѣсь въ той точности, въ которой она была примѣнима въ примѣрахъ, приведенныхъ на стр. 28, но тѣмъ не менѣе эксцентрическое направленіе дѣйствія ἥρπαξε, выходящее отъ подлежащаго λεών и доходящее до дополненія τοὺς διωκομένους, и съ другой стороны *концентрически обратное* (sic) направленіе тогоже дѣйстія во второмъ предложеніи видны изъ слѣдующаго схематическаго обобщенія этого мѣста:

то, что переносится въ одномъ случаѣ отъ льва къ другому предмету, отнесено въ другомъ случаѣ ко льву-же.

Од. 4. 748. μὴ πρὶν σοι ἐρέειν, πρὶν δωδεκάτην γε γενέσθαι
ἢ σ' αὐτὴν ποθέσαι καὶ ἐφορμηθέντος ἀκοῦσαι.

Во второмъ предложеніи этой цитаты говорится, что Пенелопа должна узнать о путешествіи своего сына *по своей собственной иниціативѣ*, по смыслу же перваго предложенія она узнала бы о томъ же по *иниціативѣ чужой*. Въ этихъ нашихъ словахъ вполнѣ возстановлена одна изъ схемъ рефлексивнаго αὐτός, именно Вам : Аап.

Упомянемъ еще въ концѣ этого отдѣла о словахъ Германа, сказанныхъ по поводу двухъ относящихся къ этому отдѣлу и приведенныхъ выше ссылокъ Ил. 8. 75 и Ил. 17. 48 (смотри стр. 23); Германъ тамъ говоритъ что слово αὐτός dicitur ut distinguatur aliquis a semet ipso, ita ut ipse sine alius rei adjumento quid facere dicatur. Мы находимъ эти слова Германа во всякомъ случаѣ тѣсными для нашего рефлексивнаго αὐτός; мы назначимъ въ объясненіе и пополненіе сказаннаго нами на стр. 29 правила слѣдующіе предѣлы для рефлексивнаго αὐτός: слово принимаетъ αὐτός, когда исключительно *на немъ* сосредоточивается опредѣленіе сказуемаго въ противоположность другому сказуемому, требующему кромѣ него еще другое слово для своего пополненія, или когда на немъ опредѣляется сказуемое въ томъ направленіи, въ которомъ при его же содѣйствіи другое сказуемое опредѣляется на другомъ словѣ.

13.

Приступаемъ къ Германовой ссылкѣ Од. 6. 328. Германъ переводитъ это мѣсто такъ: preces ejus audivit, sed ipsi non venit in conspectum. Судя по переводу, можно бы это мѣсто отнести къ дистинктивному αὐτός; но въ греческомъ текстѣ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго латинскому preces, а если сравнить между собою разныя отношенія двухъ сказуемыхъ, встрѣчающихся въ этой ссылкѣ, именно словъ ἔκλυε и φαίνετο, къ одному и тому же лицу— Одиссею, то мы замѣчаемъ, что осуществленіе перваго сказуемаго на Одиссеѣ могло произойти и безъ вѣдома самаго Одиссея, между тѣмъ какъ второе могло осуществиться на томъ же лицѣ только тогда, когда это лицо само сознавало его осуществленіе.— Мы сопоставимъ съ этимъ примѣромъ нижеслѣдующія мѣста:

Од. 4. 18. μετὰ δέ σφιν 'εμέλπετο θεῖος ἀοιδὸς
φορμίζων· δοιὼ δὲ κυβιστητῆρε κατ' αὐτοὺς
μολπῆς ἐξάρχοντος ἐδίνευον κατὰ μέσσους.

(Болѣе близкое отношеніе одного и менѣе близкое другого глагола къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, пирующимъ, опредѣляется здѣсь пространствено ными размѣрами).

Од 5. 367. Εἷος ὁ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
ὦρσε δ' ἐπὶ μέγα κῦμα Ποσειδάων ἐνοσίχθων,
δεινόν τ' ἀργαλέον τε, κατηρεφές, ἤλασε δ' αὐτόν.

(Посидонъ дѣйствуетъ здѣсь на Одиссея разъ посредственно, другой разъ непосредственно).

Од. 7. 21: ἔνθα οἱ ἀντεβόλησε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη
παρθενικῇ εἰκυῖα νεήνιδι, κάλπιν ἐχούσῃ.
στῆ δὲ πρόσθ' αὐτοῦ· ὁ δ' ἀνείρετο δῖος Ὀδυσσεύς.

(Въ этомъ примѣрѣ мы замѣчаемъ такую же разницу между болѣе далекимъ и между болѣе близкимъ отношеніемъ двухъ сказуемыхъ къ одному и тому же лицу, какъ въ первой ссылкѣ Од. 4. 18.)

Од. 10. 196: εἶδον γὰρ σκοπιὴν ἐς παιπαλόεσσαν ἀνελθών,
νῆσον, τὴν πέρι πόντος ἀπείριτος ἐστεφάνωται·
αὐτὴ δὲ χθαμαλὴ κεῖται· καπνὸν δ' ἐνὶ μέσσῃ
ἔδρακον ὀφθαλμοῖσι διὰ δρυμὰ πυκνὰ καὶ ὕλην.

Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ слова περί ἐστι πόντος не имѣютъ такого прямаго отношенія къ слову νῆσος, какъ слово χθαμαλή ἐστιν: первыя относятся скорѣе къ окрестностямъ острова, вторыя уже къ самому острову. Нельзя не замѣтить той близости, въ которой находится послѣдній примѣръ къ мѣстамъ, въ которыхъ мы указывали на дистинктивное αὐτός; онъ къ нимъ гораздо ближе, чѣмъ вышеупомянутая Германова ссылка Од. 6. 328, такъ какъ понятіе окрестностей, т. е. предметовъ, представляющихся намъ окружающими предметъ νῆσος, находитъ себѣ особое выраженіе въ синтаксически самостоятельномъ словѣ περί; онъ былъ бы совершенно одинаковъ съ означенными примѣрами, если бы понятіе *окрестности* выражено было въ греческомъ текстѣ черезъ имя существительное, а не черезъ нарѣчіе. Отсутствіе послѣдняго обстоятельства заставляетъ насъ отдѣлить αὐτός, встрѣчающееся въ этомъ и сопоставленныхъ съ нимъ въ одну группу примѣрахъ, отъ дистинктивнаго αὐτός и дать ему особое названіе. Пусть будетъ мнѣ позволено называть его αὐτός *immediabilitatis*, хотя боюсь, что употребилъ во зло нрава терминолога.

Указывать и на этомъ αὐτός на отсутствіе отношенія къ ἀναφορικά, δεικτικά и прямымъ личнымъ показателямъ, какъ это мы сдѣлали съ дистинктивнымъ его значеніемъ на страницѣ 26, мы считаемъ лишнимъ. Изъ Германовыхъ ссылокъ принадлежитъ къ нему еще Од. 3. 171. Выраженія, какъ-напр.: подъ самый глазъ=ὑπ' αὐτὸν τὸν ὀφθαλμόν (сравни Ил. 13. 615:

ἤτοι ὁ μὲν κόρυθος φάλον ἤλασεν ἱπποδασείης
ἄκρον ὑπὸ λόφον αὐτόν)

ведутъ также къ отправленію исключенія, какъ примѣры, показанные на страницахъ 27 и 30.

14.

Одиннадцать ссылокъ, приведенныя Германомъ для объясненія главнаго правила его, относящагося къ значенію слова αὐτός, разобраны нами всѣ, за исключеніемъ Ил. 8. 4, о которомъ прійдется поговорить ниже. Но Германъ, какъ мы уже выше сказали, указываетъ еще на другіе оттѣнки слова αὐτός; онъ объясняетъ эти оттѣнки не дедукціями уже, а отыскиваніемъ соотвѣтственныхъ словъ въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Для насъ самыя важныя изъ этихъ его ссылокъ—первая изъ его второй статьи и всѣ 7, составляющія матеріалъ 3-й статьи разбираемыхъ нами правилъ. Послѣднія семь ссылокъ разберемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ; здѣсь разсмотримъ первую: она взята изъ Ил. 6. 450 и есть слѣдующая:

ἀλλ' οὔ μοι Τρώων τόσσον μέλει ἄλγος ὀπίσσω,
οὔτ' αὐτῆς Ἑκάβης.

Германъ по поводу этого примѣра говоритъ: Sæpe αὐτός vel, adeo significat. Мы приблизились бы довольно къ смыслу словъ οὐδ' αὐτῆς Ἑκάβης, еслибы мы перевели всю фразу словами: не печалься ни о Троянахъ, ни о Гекабѣ; разница между нашимъ переводомъ и греческою фразою только та, что Гекаба (лицо, къ слову котораго приставлено въ греческомъ текстѣ слово αὐτός), представляется намъ при чтеніи греческаго текста главныхъ изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ относится сказуемое μέλει ἄλγος, между тѣмъ какъ въ русскомъ текстѣ всѣ означенныя лица поставлены не одинаковую степень. Сравни еще слѣдующія мѣста:

Од. 19. 132: ὅσσοι γὰρ νήσοισιν ἐπικρατέουσιν ἄριστοι,
Δουλιχίῳ τε Σάμῃ τε καὶ ὑλήεντι Ζακύνθῳ,
οἵ τ' αὐτὴν Ἰθάκην εὐδείελον ἀμφινέμονται,
οἵ μ' ἀεκαζομένην μνῶνται, τρύχουσι δὲ οἶκον.

Од. 14. 94: οἶνον δὲ φθινύθουσιν ὑπέρβιον ἐξαφύοντες.
ἦ γάρ οἱ ζωή γ' ἦν ἄσπετος· οὔτινι τόσση
ἀνδρῶν ἡρώων, οὔτ' ἠπείροιο μελαίνης
οὔτ' αὐτῆς Ἰθάκης·...

Од. 10. 416: δόκησε δ' ἄρα σφίσι θυμὸς
ὣς ἔμεν, ὡς εἰ πατρίδ' ἱκοίατο καὶ πόλιν αὐτὴν
τρηχείης Ἰθάκης, ἵνα τ' ἔτραφεν ἠδ' ἐγένοντο·...

И въ этихъ примѣрахъ αὐτός очень походитъ на дистинктивное αὐτός; они отличаются отъ примѣровъ дистинктивнаго αὐτός только тѣмъ, что тамъ одинъ предметъ является главнѣе другаго на основаніи отношенія, въ которомъ всѣ эти предметы находятся *другъ къ другу*, здѣсь является

одинъ главнѣе другаго на основаніи разныхъ отношеній, въ которыхъ они находятся къ *говорящему или дѣйствующему лицамъ*. Часто даже случается, что главнымъ выставляется само дѣйствующее, или говорящее лице. Срав. для примѣра слѣдующія мѣста:

Од. 6. 39: ἀλλ' ἄγ' ἐπότρυνον πατέρα κλυτὸν ἠῶθι πρὸ
ἡμιόνους καὶ ἅμαξαν ἐφοπλίσαι, ἥ κεν ἄγῃσιν
ζῶστρά τε καὶ πέπλους καὶ ῥήγεα σιγαλόεντα.
καὶ δὲ σοὶ ὧδ' αὐτῇ πολὺ κάλλιον ἠὲ πόδεσσιν
ἔρχεσθαι· πολλὸν γὰρ ἀπὸ πλυνοί εἰσι πόληος.

Од. 6. 60: Πάππα φίλ', οὐκ ἂν δή μοι ἐφοπλίσσειας ἀπήνην
ὑψηλὴν εὔκυκλον, ἵνα κλυτὰ εἵματ' ἄγωμαι
ἐς ποταμὸν πλυνέουσα, τά μοι ῥερυπωμένα κεῖται;
καὶ δὲ σοὶ αὐτῷ ἔοικε μετὰ πρώτοισιν 'εόντα
βουλὰς βουλεύειν καθαρὰ χροῖ εἵματ' ἔχοντα.

Укажемъ здѣсь еще на одно обстоятельство. Оно видно изъ сопоставленія мѣстъ Ил. 2. 597 и Од. 16. 294. На первомъ мѣстѣ читаемъ:

...ἔνθα τε Μοῦσαι
ἀντόμεναι Θάμυριν τὸν Θρήϊκα παῦσαν ἀοιδῆς,
Οἰχαλίηθεν ἰόντα παρ' Εὐρύτου Οἰχαλῆος·
στεῦτο γὰρ εὐχόμενος νικησέμεν, εἴπερ ἂν αὐταὶ
Μοῦσαι ἀείδοιεν, κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο
αἱ δὲ χολωσάμεναι πηρὸν θέσαν, αὐτὰρ ἀοιδὴν
θεσπεσίην ἀφέλοντο, καὶ 'εκλέλαθον κιθαριστύν.

Второе мѣсто—слѣдующее:

ὁππότε κεν πολύβουλος 'ενὶ φρεσὶ θήσει 'Αθήνη,
νεύσω μέν τοι ἐγὼ κεφαλῇ, σὺ δ' ἔπειτα νοήσας,
ὅσσα τοι ἐν μεγάροισιν 'Αρήϊα τεύχεα κεῖται
ἐς μυχὸν ὑψηλοῦ θαλάμου καταθεῖναι ἀείρας
πάντα μάλ'· αὐτὰρ μνηστῆρας μαλακοῖς ἐπέεσσιν
παρφάσθαι, ὅτε κέν σε μεταλλῶσιν ποθέοντες·
„ἐκ καπνοῦ κατέθηκ“...
μή πως οἰνωθέντες, ἔριν στήσαντες ἐν ὑμῖν
ἀλλήλους τρώσετε, καταισχύνητέ τε δαῖτα
καὶ μνηστύν· αὐτὸς γὰρ ἐφέλκεται ἄνδρα σίδηρος“.

Что и въ этихъ примѣрахъ αὐτός имѣетъ одинаковое съ прежними примѣрами значеніе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хотя рядъ предметовъ, въ который входитъ предметъ, присоединяющій къ себѣ здѣсь слово αὐτός, не показанъ, но онъ во всякомъ случаѣ подразумѣвается. Это, впрочемъ, только мимоходомъ, а теперь къ дѣлу. Слова,

читаемыя въ Од. 16. 294 долженъ по совѣту Одиссея Телемахъ сказать женихамъ, когда они будутъ его спрашивать о причинѣ переборки желѣза. »Самое уже присутсвіе желѣза«, долженъ Телемахъ говорить, »не говоря уже о другомъ, могло бы Васъ побудить къ دракѣ«. Желѣзо представляется намъ въ ряду причинъ, влекущихъ за собою извѣстное дѣйствіе, самою ничтожнѣйшею и стоящею въ ряду ихъ совершенно на противоположной сторонѣ въ сравненіи съ тою, на которую въ первомъ примѣрѣ (Ил. 2. 597) прійдется стать предмету Μοῦσαι въ ряду своихъ, то есть однородныхъ съ нимъ по отношенію къ контексту, предметовъ. На такіе оттѣнки значенія слова αὐτός указываетъ Гартунгъ въ своей: Lehre von den Partikeln griechischer Sprache, когда онъ II. 4 говоритъ: durch das Wort αὐτός wird die Sache entweder unterhalb oder oberhalb der Dinge, die von ihr geschieden worden, gedacht, das heisst, entweder ihnen untergeordnet, oder über sie erhoben, wodurch dort eine vermindernde hier eine steigernde Bedeutung zum Vorschein kommt. Смыслъ этихъ словъ будетъ нами переданъ вѣрно, если мы скажемъ, что посредствомъ слова αὐτός выставляется предметъ первымъ или послѣднимъ въ ряду предметовъ, сопоставляемыхъ съ нимъ.

Не безъ значенія должно быть для насъ то обстоятельство, что русское слово *самый*, аналогичное слову αὐτός, употребляется для образованія превосходной степени, значитъ той этимологической формы, которая указываетъ на крайнюю изъ представляющихся слушателю во время ея произнесенія степеней извѣстнаго качества.

Указывая на подобныя явленія, относящія къ употребленію слова αὐτός мы невольно припоминаемъ себѣ математическую прогрессію, въ которой каждый новый членъ есть степень предыдущаго члена въ плюсовомъ или минусовомъ направленіи. Αὐτός присоединяется въ нашихъ примѣрахъ къ крайнему члену такой прогрессіи, а потому мы его назовемъ *progressivum*. Сюда же принадлежитъ оборотъ дат. падежа слова αὐτός, употребляющійся въ примѣрахъ, каковы:

Ил. 9. 542: πολλὰ δ' ὅγε προθέλυμνα χαμαὶ βάλε δένδρεα μακρὰ
αὐτῇσιν ῥίζῃσι καὶ αὐτοῖς ἄνθεσι μήλων.

Ил. 23. 8: μὴ δή πω ὑπ' ὄχεσφι λυώμεθα μώνυχας ἵππους,
ἀλλ' αὐτοῖς ἵπποισι καὶ ἅρμασιν ἆσσον ἰόντες
Πάτροκλον κλαίωμεν·...

Что такой дат. и замѣняется иногда у Гомера оборотомъ, состоящимъ изъ предлога σύν и αὐτός, объ этомъ сравни:

Ил. 9. 194. σὰν δὲ πρόσθ' αὐτοῖο· ταφὼν δ' ἀνόρουσεν 'Αχιλλεὺς
αὐτῇ σὺν φόρμιγγι, λιπὼν ἕδος, ἔνθα θάασσεν и проч.

§ 5.

Слѣдуетъ разборъ семи цитатъ, помѣщенныхъ у Германа въ 3-мъ пунктѣ его правилъ объ употребленіи слова αὐτός. Цитаты эти слѣдующія:

Ил. 13. 729: Ἕκτορ, ἀμήχανός ἐσσι παραρρητοῖσι πιθέσθαι.
οὕνεκά τοι πέρι δῶκε θεὸς πολεμήϊα ἔργα,
τοὔνεκα καὶ βουλῇ ἐθέλεις περιίδμεναι ἄλλων.
ἀλλ' οὔπως ἅμα πάντα δυνήσεαι αὐτὸς ἑλέσθαι.

Од. 7. 237: αὐτὰρ ὁ ἐν μεγάρῳ ὑπελείπετο δῖος Ὀδυσσεύς,
πὰρ δέ οἱ Ἀρήτη τε καὶ Ἀλκίνοος θεοειδὴς
ἥσθην· ἀμφίπολοι δ' ἀπεκόσμεον ἔντεα δαιτός.
τοῖσιν δ' Ἀρήτη λευκώλενος ἤρχετο μύθων·
ἔγνω γὰρ φᾶρός τε χιτῶνά τε εἵματ' ἰδοῦσα
καλά, τά ῥ' αὐτὴ τεῦξε σὺν ἀμφιπόλοισι γυναιξίν·
καί μιν φωνήσασ' ἔπεα πτερόεντα προσηύδα·
Ξεῖνε, τὸ μέν σε πρῶτον ἐγὼν εἰρήσομαι αὐτή·
τίς πόθεν εἶς ἀνδρῶν; τίς τοι τάδε εἵματ' ἔδωκεν;
οὐ δὴ φῂς ἐπὶ πόντον ἀλώμενος ἐνθάδ' ἱκέσθαι;

Од. 19. 104: Ἦ ῥα καὶ Εὐρυνόμην ταμίην πρὸς μῦθον ἔειπεν·
Εὐρυνόμη, φέρε δὴ δίφρον καὶ κῶας ἐπ' αὐτοῦ,
ὄφρα καθεζόμενος εἴπῃ ἔπος ἠδ' ἐπακούσῃ
ὁ ξεῖνος ἐμέθεν· ἐθέλω δέ μιν ἐξερέεσθαι.
Ὣς ἔφαθ', ἡ δὲ μάλ' ὀτραλέως κατέθηκε φέρουσα
δίφρον ἐΰξεστον καὶ ἐπ' αὐτῷ κῶας ἔβαλλεν·
ἔνθα καθέζετ' ἔπειτα πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς·
τοῖσι δὲ μύθων ἦρχε περίφρων Πηνελόπεια·
Ξεῖνε, τὸ μέν σε πρῶτον ἐγὼν εἰρήσομαι αὐτή·
τίς πόθεν εἶς ἀνδρῶν.

Од. 3. 19. Аѳина говоритъ Телемаху:
ἀλλ' ἄγε νῦν ἰθὺς κίε Νέστορος ἱπποδάμοιο·
εἴδομεν ἥντινα μῆτιν ἐνὶ στήθεσσι κέκευθεν.
λίσσεσθαι δέ μιν αὐτός, ὅπως νημερτέα εἴπῃ·...

Од. 3. 327. Несторъ къ Телемаху:
πὰρ δέ τοι υἷες ἐμοί, οἵ τοι πομπῆες ἔσονται
ἐς Λακεδαίμονα δῖαν, ὅθι ξανθὸς Μενέλαος.
λίσσεσθαι δέ μιν αὐτός, ἵνα νημερτὲς ἐνίσπῃ.

Од. 14. 331. Неузнанный и выдающій себя за другое лицо Одиссей разсказываетъ Евмею объ Одиссеѣ, что онъ слышалъ-де объ немъ отъ царя Θеспротовъ:
τὸν δ' ἐς Δωδώνην φάτο βήμεναι, ὄφρα θεοῖο
ἐκ δρυὸς ὑψικόμοιο Διὸς βουλὴν ἐπακούσαι,

ὅπως νοστήσῃ Ἰθάκης ἐς πίονα δῆμον
ἤδη δὴν ἀπεών, ἢ ἀμφαδὸν ἦε κρυφηδόν.
ὤμοσε δὲ πρὸς ἔμ' αὐτόν, ἀποσπένδων ἐνὶ οἴκῳ,
νῆα κατειρύσθαι καὶ ἐπαρτέας ἔμμεν ἑταίρους,
οἳ δή μιν πέμψουσι φίλην 'ες πατρίδα γαῖαν.
ἀλλ 'εμὲ πρὶν ἀπέπεμψε.

Од. 8. 396. Алкиной предлагаетъ Феакійскимъ старѣйшинамъ дать подарки Одиссею и говоритъ:

αἶψα δὲ πάντα φέρωμεν ἀολλέες, ὄφρ' ἐνὶ χερσὶν
ξεῖνος ἔχων ἐπὶ δόρπον ἴῃ χαίρων 'ενὶ θυμῷ·
Εὐρύαλος δέ ἑ αὐτὸν ἐρεσσάσθω ἐπέεσσιν
καὶ δώρῳ, ἐπεὶ οὔτι ἔπος κατὰ μοῖραν ἔειπεν.
Ὣς ἔφαθ', οἱ δ' ἄρα πάντες ἐπῄνεον...
(Εὐρύαλος δ' Οδυσσῆϊ)
(406) ἐν χερσί τίθει ξίφος ἀργυρόηλον
καί μιν φωνήσας ἔπεα πτερόεντα προςηύδα.
χαῖρε πάτερ ὦ ξεῖνε...
(416) δύσετό τ' ἠέλιος, καὶ τῷ κλυτὰ δῶρα παρῆεν
καὶ τάγ' ἐς Ἀλκινόοιο φέρον κήρυκες ἀγαυοί.

Однако все это происходитъ безъ вѣдома Одиссея; ибо въ 427-мъ стихѣ Арета говоритъ:

ἀμφὶ δέ οἱ πυρὶ χαλκὸν ἰήνατε, θέρμετε δ' ὕδωρ,
ὄφρα λοεσσάμενός τε ἰδών τ' εὖ κείμενα πάντα
δῶρα, τά οἱ Φαίηκες ἀμύμονες 'ενθάδ' ἔνειχαν,
δαιτί τε τέρπηται καὶ ἀοιδῆς ὕμνον ἀκούων.

Приводя эти примѣры Германъ говоритъ слѣдующее: Qumque sæpe αὐτός distinguat aliquem ab aliis, sæpe solum notat. Hinc nata formula αὐτοί ἐσμεν de iis, qui ut soli cum amicis et familiaribus liberius loqui solent, unde significat quod nos dicimus im Vertrauen.

Мы тутъ не можемъ согласиться съ Германомъ во многомъ. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что мѣсто Одиссеи 8. 396 совершенно одинаково съ разобраннымъ нами на стр. 33 и Германомъ совершенно иначе группированнымъ мѣстомъ Од. 6. 328: αὐτός, встрѣчающееся въ Од. 8. 385, привлечено разницею въ опредѣленіи двухъ сказуемыхъ; смыслъ видъ этого мѣста такой: Евріалъ пусть даетъ *лично* Одиссею подарокъ, а мы ему уже *другимъ* путемъ подарки передадимъ; это ясно видно изъ вышеприведеннаго контекста. Германъ имѣлъ бы только тогда нѣкоторое основаніе принимать здѣсь слово αὐτός въ значеніи solus, если бы вмѣсто αὐτόν поставлено было αὐτός и относилось бы къ Евріалу, но такого варіанта рукописи на этомъ мѣстѣ не представляютъ. Точно такъ же нельзя согласиться съ Германомъ относительно

мѣстъ Од. 7. 237 и 19. 104. Предложеніемъ εἰρήσομαι αὐτή, относящимся въ первомъ мѣстѣ къ Аретѣ, а въ другомъ къ Пенелопѣ, и Арета и Пенелопа хотятъ сказать, что онѣ *сами* будутъ расправшивать Одиссея о томъ, что имъ нужно знать, *отъ себя* Одиссей пусть имъ ничего не говоритъ. (Сравни

Од. 4. 118: μερμήριξε δ' ἔπειτα κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν.
ἠέ μιν αὐτὸν πατρὸς ἐάσειε μνησθῆναι,
ἦ πρῶτ' ἐξερέοιτο ἕκαστά τε πειρήσαιτο).

Видно, что оба примѣра Од. 7. 237 и Од. 19. 104 совершенно одинаковы съ разобраннымъ нами на стр. 32 мѣстомъ Од. 4. 748, и мы имѣемъ въ нихъ дѣло съ αὐτός reflexionis. Такое толкованіе оказывается необходимымъ въ Од. 19. 103, а потому должно быть принято и въ Од. 7. 237; послѣднее мѣсто дозволяетъ, конечно, судя по контексту, и другое толкованіе (какое,— доищется самъ читатель); однако надобно полагать, что съ типичностью выраженія εἰρήσομαι αὐτή, перешедшаго изъ перваго мѣста въ послѣднее, перешла туда и типичность мысли. Не съ такою увѣренностью мы можемъ на основаніи контекста не соглашаться съ Германомъ относительно Од. 3. 19 и Од. 3. 327. Германъ, переводя въ этихъ мѣстахъ слово αὐτός словомъ solus, объясняетъ себѣ, понятно, оба мѣста слѣдующимъ образомъ: не двое будутъ стремиться къ опредѣленной цѣли, а одинъ пусть проситъ,—толкованіе, которое нашъ контекстъ допускаетъ, но съ другой стороны нельзя не допустить и слѣдующаго объясненія: другіе въ твоемъ интересѣ до сихъ поръ дѣйствовали, но *просить* для тебя они уже отказываются, это ты уже сдѣлай себѣ самъ. При послѣднемъ толкованіи слово αὐτός будетъ опять αὐτός reflexionis. Во всякомъ случаѣ оба примѣра представляютъ собою слабую опору для принятія значенія solus въ словѣ αὐτός. Точно также на мѣсто; Од. 14. 331 Герману ссылаться нельзя Одиссей здѣсь хочетъ *увѣрить* больше Евмея въ справедливости того, что онъ говоритъ, а потому и добавляетъ, что его свѣдѣнія почерпнуты не изъ *второстепенныхъ источниковъ*, а что ему *самому* клялся царь Ѳеспротовъ въ справедливости того, что онъ ему говорилъ о фиктивномъ здѣсь лицѣ Одиссеѣ. Остается разобрать еще Ил. 13. 729. Въ этомъ примѣрѣ сказано, что два разнородныхъ достоинства могутъ не быть соединены въ одномъ и томъ же лицѣ. Такое пониманіе этого мѣста, конечно, не приближаетъ его ни къ одному изъ вышеобъясненныхъ значеній слова αὐτός;—то же самое мы должны сказать о приведенномъ Германомъ оборотѣ αὐτοί ἐσμεν.

Другіе примѣры, имѣющіе объяснить соотвѣтствіе греческаго αὐτός латинскому solus, представляютъ намъ Кюнеръ и Амейсъ: первый въ своей Ausführliche Grammatik der griech. Sprache (стр. 562), второй въ своемъ Anhang zur Odyssee (см. его замѣтку къ Од. 14. 8). Примѣры эти слѣдующіе:

Ил. 8. 99 Διογενὲς Λαερτιάδη, πολυμήχαν' Ὀδυσσεῦ,
πῇ φεύγεις.....

Ὣς ἔφατ' οὐδ' ἐσάκουσε πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς,
ἀλλὰ παρήϊξεν κοίλας ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν.
Τυδείδης δ', αὐτός περ ἐών, προμάχοισιν ἐμίχθη.

Ил. 21. 467. ...ἀλλὰ τάχιστα
παυσώμεσθα μάχης· οἱ δ' αὐτοὶ δηριαάσθων·

Од. 23. 171. ἀλλ' ἄγε μοι, μαῖα, στόρεσον λέχος, ὄφρα καὶ αὐτὸς
λέξομαι· ἦ γὰρ τῇγε σιδήρεος ἐν φρεσὶ θυμός.

Од. 15. 311. ἀλλά μοι εὖ θ' ὑπόθευ καὶ ἅμ' ἡγεμόν' ἐσθλὸν ὄπασσον,
ὅς κέ με κεῖσ' ἀγάγῃ· κατὰ δὲ πτόλιν αὐτὸς ἀνάγκῃ
πλάγξομαι, αἴ κέν τις κοτύλην καὶ πύρνον ὀρέξῃ.

Од. 15. 371. ἀλλά μοι αὐτῷ
ἔργον ἀέξουσιν μάκαρες θεοὶ ᾧ ἐπιμίμνω·
τῶν ἔφαγόν τ' ἔπιόν τε καὶ αἰδοίοισιν ἔδωκα.
ἐκ δ' ἄρα δεσποίνης οὐ μείλιχον ἔστιν ἀκοῦσαι
οὔτ' ἔπος οὔτε τι ἔργον, ἐπεὶ κακὸν ἔμπεσεν οἴκῳ,
ἄνδρες ὑπερφίαλοι·

Ил. 2. 233. ἠὲ γυναῖκα νέην (разумѣй: я долженъ привести), ἵνα μίσγεαι ἐν φιλότητι,
ἥντ' αὐτὸς ἀπονόσφι κατίσχεαι;

Изъ этихъ примѣровъ мы должны исключить прежде всего Од. 21 467. Слова, встрѣчающіяся въ этой ссылкѣ, говоритъ Аполлонъ Посидону; онъ не хочетъ—такой смыслъ находится въ этихъ словахъ—дѣйствовать въ интересѣ сражающихся Гектора и Ахиллеса и говоритъ, чтобы они сами рѣшили свою судьбу: αὐτός есть здѣсь αὐτός reflexionis. Такое же αὐτός можно усмотрѣть и въ Од. 15. 311 (до города пусть ведетъ меня проводникъ, а въ городѣ я буду пробиваться самъ). Не необходимо также въ Од. 15. 371 слово αὐτός принимать въ значеніи solus и можно бы понимать это мѣсто такъ: ко мнѣ-то самому боги относятся съ доброжелательствомъ, но госпожа моя несчастна: отъ нея ты никогда не услышишь ничего пріятнаго (αὐτός здѣсь—дистинктивное). Итакъ остается разсмотрѣть только примѣры Ил. 8. 99, Од. 23. 171 и Ил. 2. 233. Въ этихъ 3-хъ примѣрахъ отрицается опредѣленіе сказуемаго на большемъ количествѣ предметовъ или группъ ихъ въ противоположность меньшему ихъ количеству. Синтаксическая ихъ схема можетъ быть выражена здѣсь слѣдующею формулою: (А+В)μ : Аμ. (Читатель догадается, какъ нужно понимать эти знаки: они употреблены соотвѣтственно знакамъ, помѣщеннымъ нами на стр. 28 и объясняющимъ собою αὐτός reflexionis; знакъ +, употребленный въ послѣдней формулѣ, долженъ указывать на синтаксическую однородность частей предложенія, обозначенныхъ связанными посредствомъ этого знака буквами); αὐτός приставляется здѣсь къ слову, обозначенному черезъ А; предметъ, обозначенный этимъ словомъ, противопоставляется, какъ исключи-

тельный определитель извѣстнаго сказуемаго, той цѣлой группѣ предметовъ, опредѣляющихъ на себѣ въ томъ же направленіи это же сказуемое, въ которой онъ самъ состоитъ членомъ. Какая разница между αὐτός reflexionis и между тѣмъ, которое появляется въ разбираемыхъ нами примѣрахъ, отвѣтить легко, сопоставивъ формулы, помѣщенныя на стр. 28, съ формулою, выставленною здѣсь.

Оборотъ αὐτοί ἐσμεν, о которомъ Германъ упоминаетъ, принадлежитъ сюда же;—въ немъ одна половина выставленной нами выше формулы, именно $(A+B)\mu$, словами не выражена, но подвазумѣвается: фраза αὐτοί ἐσμεν отображается во фразѣ οὐ μετ' ἄλλων ἐσμέν. Другая цитата Германа, оставшаяся прежде необъясненною, именно: οὔ πως ἅμα πάντα δυνήσεαι αὐτός ἑλέσθαι (Ил. 13. 729), ведетъ насъ къ формулѣ $A\mu+B\nu : A(\mu+\nu)$, которая, относительно значенія слова αὐτός, ни чѣмъ не отличается отъ прежней $(A+B)\mu : A\mu$.

На одну изъ нашихъ цитатъ указываетъ и Аполлоній Дисколъ—это именно на приведенный нами на стр. 40 примѣръ Ил. 8. 99 (смотри περὶ ἀντωνυμίας стр. 80. B): онъ говоритъ, что αὐτός имѣетъ въ этомъ примѣрѣ (а слѣдовательно и въ другихъ, сопоставленныхъ нами въ одну съ нимъ группу) значеніе слова μόνος (ἰσοδυναμεῖ τῷ μόνος.); различіе между словомъ μόνος и между словомъ αὐτός, употребленнымъ въ нашихъ примѣрахъ, можетъ состоять развѣ только въ томъ, что μόνος отвѣчаетъ на вопросъ, *на сколькихъ* предметахъ или группахъ предметовъ опредѣляется сказуемое, а αὐτός отвѣчаетъ скорѣе на вопросъ, принимаетъ ли извѣстный предметъ, какъ извѣстный намъ уже опредѣлитель своего сказуемаго, еще другіе предметы въ свое сообщество, или нѣтъ. (такое αὐτός можетъ, значитъ, появляться только тогда, когда уже одно сказуемое на одномъ предметѣ опредѣлено и ожиданіе слушателемъ другаго опредѣлителя должно быть парализовано). Такая близость значенія нашего αὐτός къ слову μόνος заставляетъ назвать первое *монадическимъ* (на употребленіе этого термина даетъ намъ право Аполлоній πρεὶ συντ 26 и περὶ ἀντ. 14).

I. 6.

Къ монадическому αὐτός примыкаютъ примѣры, какъ-то:

Од. 23. 178. Пенелопа приказываетъ Евриклею:

ἀλλ' ἄγε οἱ στόρεσον πυκινὸν λέχος, Εὐρύκλεια,
ἐκτὸς εὐσταθέος θαλάμου, τόν ῥ' αὐτὸς ἐποίει·
ἔνθα οἱ ἐκθεῖσαι πυκινὸν λέχος ἐμβάλετ' εὐνήν,
κώεα καὶ χλαίνας καὶ ῥήγεα σιγαλόεντα.
Ὣς ἄρ' ἔφη πόσιος πειρωμένη·

Од. 19. 482. Μαῖα, τίη μ' ἐθέλεις ὀλέσαι, σὺ δέ μ' ἔτρεφες αὐτή

τῷ σῷ ἐπὶ μαζῷ, νῦν δ' ἄλγεα πολλὰ μογήσας
ἤλυθον εἰκοστῷ ἔτεϊ ἐς πατρίδα γαῖαν.

Мы говоримъ, что эти примѣры только *примыкаютъ* къ монадическому αὐτός, но не хотимъ утверждать, что употребленное въ нихъ αὐτός *тождественно* съ монадическимъ. Въ нихъ указывается на то, что второе сказуемое контекста опредѣляется на томъ же предметѣ, что и первое, а не на какомъ нибудь новомъ, между тѣмъ какъ αὐτός монадическое показываетъ, что сказуемое кромѣ того опредѣлителя, къ которому приставлено слово αὐτός, другаго опредѣлителя не имѣетъ. Послѣднее αὐτός мы назовемъ αὐτός *identitatis*. Къ нему принадлежитъ послѣдняя изъ тѣхъ ссылокъ Германа, разборомъ которыхъ мы занимались въ первыхъ параграфахъ этой главы, именно Ил. 8. 4 (смотри стр. 23 и 35).

Сопоставляя изъ приведенныхъ нами для объясненія нашего αὐτός identitatis мѣстъ примѣръ Од. 23. 178 съ примѣромъ Од. 2. 112, мы замѣчаемъ нѣкоторое разнообразіе схемъ, вызывающихъ это αὐτός. Въ Од. 23. 178 дѣйствія στόρεσσον и ἐποίει опредѣляются *на одномъ лицѣ*: схема, вызывающая тамъ слово αὐτός, будетъ правильно изображена формулою $A(\mu+\nu)$; въ примѣрѣ же Од. 2. 112 мы замѣчаемъ схему $A\mu : A+B)\nu$: ὑποκρίνομαι опредѣляется на предметѣ σύ; на томъ же предметѣ опредѣляется и οἶδα, но не исключительно на немъ, а и на предметѣ 'Αχαιοί.

Αὐτός identitatis мы видимъ и въ примѣрахъ: Καλλίαν πέμπτον αὐτὸν στρατηγὸν ἔπεμψαν (Θук. 1. 8), Κορινθίων στρατηγὸς ἦν Ξενοκλείδης πέμπτος αὐτός (Θук. 1. 46) и т. д. (Сравни русское самъ-шестъ, самъ-другъ и т. д.). Два сказуемыя, на которыя мы указывали какъ на необходимое условіе появленія этого αὐτός identitatis, въ послѣднихъ примѣрахъ видны, если мы разложимъ на пр. первую изъ приведенныхъ нами фразъ на слѣдующія два предложенія: Каллія послали полководцемъ; самъ онъ былъ пятымъ въ числѣ посланныхъ съ нимъ. Что эти обороты примыкаютъ къ вышеупомянутой схемѣ $A\mu : (A+B)\nu$, это читателю, надѣемся, будетъ ясно.

Укажемъ здѣсь еще на слѣдующіе примѣры:

Од. 10. 113. τὴν δὲ γυναῖκα
εὗρον ὅσην τ' ὄρεος κορυφήν, κατὰ δ' ἔστυγον αὐτήν.

Од. 8. 472. κῆρυξ δ' ἐγγύθεν ἦλθεν ἄγων ἐρίηρον ἀοιδόν,
Δημόδοκον λαοῖσι τετιμένον· εἷσε δ' ἄρ' αὐτὸν
μέσσῳ δαιτυμόνων, πρὸς κίονα μακρὸν ἐρείσας.

Од. 11. 15. ἔνθα δὲ Κιμμερίων ἀνδρῶν δῆμός τε πόλις τε,
ἠέρι καὶ νεφέλῃ κεκαλυμμένοι· οὐδέ ποτ' αὐτοὺς

'Ηέλιος φαέθων καταδέρκεται ἀκτίνεσσιν.

И въ этихъ примѣрахъ слово αὐτός показываетъ, что сказуемое того предложенія, въ которомъ оно поставлено, опредѣляется на томъ же предметѣ, на которомъ опредѣлялось предшествующее сказуемое; но отдѣлить нужно было эти примѣры отъ вышеприведенныхъ потому, что въ послѣднихъ не видно той выразительности значенія самого слова αὐτός, какую можно было замѣтить въ первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ первыхъ примѣрахъ все же оставалось сильно замѣтнымъ то отсутствіе какого—нибудь отношенія къ анафорическимъ словамъ и къ прямымъ личнымъ показателямъ, на которое мы прямо указывали при αὐτός дистинктивномъ и рефлексивномъ и о которомъ можно было, какъ очевидномъ послѣ сдѣланныхъ по поводу первыхъ двухъ αὐτός замѣчаній, умолчать во всѣхъ остальныхъ, разобранныхъ нами до сихъ поръ значеніяхъ слова αὐτός. Мы видѣли въ означенныхъ примѣрахъ, приведенныхъ на αὐτός identitatis, что хотя предметъ, въ которомъ постановка слова αὐτός отображалась, не былъ иногда поименованъ (поименованъ онъ въ Од. 2. 213), однако онъ всетаки подразумѣвался, такъ какъ самое чтеніе слова αὐτός вызывало въ насъ противопоставленіе оборотовъ или καὶ οὐκ ἄλλος τις, или, въ схемѣ Aμ : (A+B)ν, καὶ ἄλλος (вчитываясь въ самые примѣры, читатель найдетъ, надѣемся, послѣднія наши слова вѣрными). Ничего подобнаго мы не отыщемъ во второй группѣ примѣровъ этого параграфа: противопоставленіе какого нибудь логически сосѣдняго предмета при чтеніи слова αὐτός въ насъ не вызывается[23]) и слово αὐτός само представляется намъ уже какъ бы прямымъ личнымъ показателемъ предмета 3-го лица (если бы вся мысль предложенія, въ которомъ это αὐτός поставлено, относилась къ предмету 2-го лица, то мы поставили бы вмѣсто него σύ, ἐγώ) и поставленнымъ, если только значеніе слова οὗ вѣрно было нами указано на стр. 17 (1-я строка), вмѣсто этого послѣдняго слова (анафорическимъ его изъ-за такого значенія не будемъ называть на томъ основаніи, на которомъ мы въ концѣ 16-ой стран. и οὗ, οἷ, ἕ не называли ἀναφορικόν). На сколько вѣрно наше предположеніе о тождественности словъ οὗ и этого αὐτός, мы увидимъ послѣ; а пока мы наше αὐτός будемъ называть *слабое* αὐτός *identitatis*.

---

[23]) Это-то αὐτός Аполлоній и предлагаетъ въ винит. падежѣ писать энклитически ((ср. 8 сноску); говоритъ же Аполлоній περὶ ἀντ. стр. 78, такъ: διαφέρει τὸ ἔπαισεν αὐτὸν ἐγκλινόμενον τοῦ ὀρθοτονουμένου· ὁ μὲν (вм. τὸ μὲν) γὰρ ἔμφασιν ὑπεροχῆς σημαίνει, ὁ δὲ (вм. τὸ δὲ) καὶ ἐκ εὐτελοῦς τινος τάττεται. Смыслъ этого мѣста такой: отличается ἔπαισεν αὐτον отъ ἔπαισέν αὐτον тѣмъ, что въ первомъ слово αὐτός обозначаетъ предметъ въ *отличіе отъ другаго предмета*, а въ послѣднемъ *безъ этого оттѣнка*.

§ 7.

Мы прекращаемъ провѣрку Германа, такъ какъ эта провѣрка была бы только упражненіемъ въ разборѣ того, что мы считаемъ доведеннымъ уже до конца. Провѣряя же весь матеріалъ, представляемый намъ по вопросу о значеніи слова αὐτός *Гомеромъ* и исключая изъ него выраженіе ὁ αὐτός, а также все то, что входитъ въ вопросъ объ отношеніи этого выраженія къ простому αὐτός (обо всемъ этомъ мы будемъ говорить ниже), мы находимъ только одинъ оттѣнокъ значенія этого слова нами еще не затронутымъ; мы это αὐτός назовемъ αὐτός *intensivum* [24]). Его нужно признавать въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ:

Од. 4. 655. ἐν δ' ἀρχὸν ἐγὼ βαίνοντ' ἐνόησα
Μέντορα, ἠὲ θεόν, τῷ δ' αὐτῷ πάντα ἐῴκει.

Геродотъ. V. 61. [25]). Λαοδάμας τρίποδ' αὐτὸς εὐσκόπῳ Ἀπόλλωνι
μουναρχέων ἀνέθηκε τεὶν περικαλλὲς ἄγαλμα.

---

[24]) Читатель не потребуетъ отъ насъ отводить въ нашей статьѣ особенную графу оборотамъ αὐτός ἕκαστος и двойнаго αὐτός, не потому, конечно, что эти обороты у Гомера не встрѣчаются, а потому, что въ нихъ слово αὐτός не представляетъ никакого особеннаго значенія противъ тѣхъ, которыя мы уже вычислили. Въ самомъ дѣлѣ: оборотъ αὐτός ἕκαστος, или, какъ послѣ, со временъ Аристотеля, писали, αὐθέκαστος, показываетъ только, что мы въ сужденіи, выраженіемъ котораго служитъ фраза, заключающая въ себѣ подобный оборотъ, имѣемъ дѣло съ двумя (въ подобныхъ случаяхъ употребляется αὐτός ἑκάτερος), или нѣсколькими предметами, къ которымъ сказуемое должно быть отнесено къ каждому по одиночкѣ; слово же αὐτός можетъ въ нихъ быть и αὐτός reflexionis (сравни Дем. κατὰ Φιλ. 1. 7:

ἐὰν παύσησθε αὐτὸς μὲν οὐδὲν ἕκαστος ποιήσειν ἐλπίζων, τὸν δὲ πλησίον πάνθ' ὑπὲρ αὐτοῦ πράξειν, καὶ τὰ ὑμέτερ' αὐτῶν κομιεῖσθε, ἂν θεὸς θέλῃ, καὶ τὰ κατερρᾳθυμημένα πάλιν ἀναλήψεσθε, κἀκεῖνον τιμωρήσεσθε),

или слабое αὐτός identitatis (Эсхилъ. Пром. 950:

πατὴρ ἄνωγέ σ' οὕστινας κομπεῖς γάμους αὐδᾶν πρὸς ὧν τ' ἐκεῖνος ἐκπίπτει κράτους, καὶ ταῦτα μέντοι μηδὲν αἰνικτηρίως, ἀλλ' αὔθ' ἕκαστα φράζε), и т. д.

Что же касается двойнаго αὐτός, то на него особенно будетъ указано ниже.

[25]) Изъ Гомера мы больше примѣровъ не приводимъ. Примѣры какъ то:

Од. 21. 207. Ἔνθον μὲν δὴ ὅδ' αὐτὸς ἐγώ, κακὰ πολλὰ μογήσας,
ἤλυθον εἰκοστῷ ἔτεϊ ἐς πατρίδα γαῖαν.

Од. 24. 321. (слова Одиссея) Κεῖνος μέν τοι ὅδ' αὐτὸς ἐγώ, πάτερ, ὃν σὺ μεταλλᾷς,
ἤλυθον εἰκοστῷ ἔτεϊ ἐς πατρίδα γαῖαν.

Од. 22. 154. Τὸν δ' αὖ Τηλέμαχος πεπνυμένος ἀντίον ηὔδα·
ὦ πάτερ, αὐτὸς ἐγὼ τόδε γ' ἤμβροτον, οὐδέ τις ἄλλος

(Такова была, по свидѣтельству Геродота, надпись на одномъ треножникѣ въ Өиванскомъ храмѣ Аполлона Исменійскаго). Сюда же принадлежитъ и Платоново αὐτὸ τοῦτο. Смотри напр.

Федонъ 70 B. ἀλλὰ τοῦτο δὴ ἴσως οὐκ ὀλίγης παραμυθίας δεῖται καὶ πίστεως, ὡς ἔστι τε ἡ ψυχὴ ἀποθανόντος τοῦ ἀνθρώπου καί τινα δύναμιν ἔχει καὶ φρόνησιν. Ἀληθῆ, ἔφη, λέγεις, ὁ Σωκράτης, ὦ Κέβης· ἀλλὰ τί δὴ ποιῶμεν; ἢ περὶ αὐτῶν τούτων βούλει διαμυθολογῶμεν, εἴτε εἰκὸς οὕτως ἔχειν εἴτε μή; Ἔγωγ' οὖν, ἔφη ὁ Κέβης, ἡδέως ἂν ἀκούσαιμι, ἥντινα δόξαν ἔχεις περὶ αὐτῶν.

Апол. Сокр. 34. Д. ἐπιεικῆ ἄν μοι δοκῶ πρὸς τοῦτον λέγειν λέγων ὅτι ἐμοί, ὦ ἄριστε, εἰσὶ μέν πού τινες καὶ οἰκεῖοι· καὶ γὰρ τοῦτο αὐτὸ τὸ τοῦ Ὁμήρου, οὐδ' ἐγὼ ἀπὸ δρυὸς οὐδ' ἀπὸ πέτρης πέφυκα, ἀλλ' ἐξ ἀνθρώπων, ὥστε καὶ οἰκεῖοί μοί εἰσι καὶ υἱεῖς, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τρεῖς, εἷς μὲν μειράκιον ἤδη, δύο δὲ παιδία...

Платоново αὐτὸ τοῦτο можно бы переводить словами: *именно это, вотъ это именно*, въ русскомъ, языкѣ часто приходится слышать: *самое* (больше всего соотвѣтствуетъ!) *вотъ это*. Къ этому-то αὐτός и относятся слова Аполлонія, читаемыя περὶ ἀντ. стр. 10, о которыхъ мы умолчали на стр. 8 и которыя гласятъ такъ: αὐτὸς δεικτικὴ γίγνεται συντασσομένη ταῖς δεικτικαῖς = αὐτός дѣлается диктическимъ, будучи присоединено къ диктическимъ мѣстоименіямъ (подъ словомъ δεικτικά нужно, конечно, разумѣть, по пониманію Аполлонія, не только обоюдныя мѣстоимѣнія ἐκεῖνος οὗτος ὅδε, но и личныя ἐγώ, σύ). Мы скажемъ въ дополненіе ученія Аполлонія, что такое αὐτός присоединяется не только къ словамъ οὗτος, ἐκεῖνος, ὅδε, ἐγώ и σύ (слѣдовательно и къ οὗ, μίν), но и *къ существительнымъ*. Оно служитъ вообще усилительнымъ средствомъ при обозначеніи извѣстнаго предмета, какой-бы мы путь для обозначенія этого предмета ни избрали (см. стр. 14). И въ немъ замѣчается та ὑπεροχή, которую Аполлоній

αἴτιος, ὃς θαλάμοιο θύρην πυκινῶς ἀραρυῖαν
κάλλιπον ἀγκλίνας. τῶν δὲ σκοπὸς ἦεν ἀμείνων.

Од. 8. 356. Τὸν δ' αὖτε προσέειπε Ποσειδάων ἐνοσίχθων·
Ἥφαιστ', εἴπερ γάρ κεν Ἄρης χρεῖος ὑπαλύξας
οἴχηται φεύγων, αὐτός τοι ἐγὼ τάδε τίσω.

Ил. 17. 139. Ὦ πέπον, ὦ Μενέλαε διοτρεφές, οὐκέτι νῶϊ
ἔλπομαι αὐτὼ περ νοστησέμεν ἐκ πολέμοιο.

Ил. 6. 290. ἐς θάλαμον κατεβήσετο (мать Гектора) κηώεντα,
ἔνθ' ἔσαν οἱ πέπλοι παμποίκιλοι, ἔργα γυναικῶν
Σιδονίων, τὰς αὐτὸς Ἀλέξανδρος θεοειδὴς
ἤγαγε Σιδονίηθεν ἐπιπλὼς εὐρέα πόντον·

и проч. допускаютъ, конечно, толковать слово αὐτός въ смыслѣ intensivi, но кромѣ этого толкованія возможно и другое (какое?), и отправляться отъ нихъ для константированія интенсивнаго αὐτός нельзя.

выставляетъ за необходимое условіе для ὀρθοτόνησις слова αὐτός (смотри 23-ю выноску): то οὐκ ἄλλος τις, которое прямо поставлено въ сомнительномъ мѣстѣ Од. 22. 154 (смотри 25-ю выноску), подразумѣвается вездѣ въ примѣрахъ, въ которыхъ мы указывали на αὐτός intensivum. Сюда же можно причислять αὐτός, предупреждающее собою относительныя предложенія. Примѣры собралъ Кюнеръ (см. Ausfhürl Gram § 468. 2. 4); мы, для уясненія дѣла, приведемъ Евр. Тр. 657:

ἀπέπτυσ' αὐτήν, ἥτις ἄνδρα τὸν πάρος
καινοῖσι λέκτροις ἀποβαλοῦσ' ἄλλον φιλεῖ.

Намъ кажется, что въ подобныхъ примѣрахъ слово αὐτός есть слово синтаксически не самостоятельное: при немъ можно, по примѣру разбора другихъ примѣровъ, помѣщеннаго на стр. 26. 2, считать пропущеннымъ пролептически или эпаналептически употребленное ἀναφορικόν. Что впрочемъ въ подобныхъ примѣрахъ и другое толкованіе возможно, объ этомъ мы убѣдимся въ концѣ нашего сочиненія.

Мы отыскали цѣлый рядъ значеній слова αὐτός, отнесши къ нимъ термины: αὐτός distinctionis, reflexionis, immediabilitatis, αὐτός progressivum, monadicum, αὐτός identitatis, наконецъ αὐτός intensivum; αὐτός identitatis мы различали сильное и общее всѣмъ грамматическимъ лицамъ отъ слабаго и свойственнаго только 3-му грамматическому лицу. Какъ всѣ эти значенія соединить въ одно, въ какой точкѣ всѣ эти значенія сходятся, на это мы отвѣтимъ въ слѣдующей главѣ [26]).

II

Всѣ сравнительныя грамматики разлагаютъ, какъ извѣстно, слово αὐτός на части αὐ+τός. То явленіе, что рядомъ съ формою αὐτός образовалась въ нѣкорыхъ нарѣчіяхъ греческаго языка равносильныя ему по значенію форма αὑς (αὑς=αὐτός· Κρῆτες καὶ Λάκωνες.—Гесихій), а больше еще [27]) то, что

[26]) Во всякомъ случаѣ анафорическій элементъ, о которомъ говоритъ Аполлоній (см. стр. 8 наш. соч.) и который Бенгарди, въ подражаніе Аполлонію, съ такою увѣренностію выставляетъ за главный въ словѣ αὐτός, называя это послѣднее истиннымъ ἀναφορικόν (Ein aechtes ἀναφορικον см. Wissenschaftliche Synt. der gr. Sprache 1829, стр. 286), нельзя замѣтить ни въ одномъ изъ значеній слова αὐτός (нигдѣ не употребляется αὐτός о предметѣ, удаленномъ отъ бесѣдующаго въ смыслѣ, выясненномъ на страницахъ 4 и 5), развѣ только, до извѣстной степени (именно на сколько слово αὐτός вмѣстѣ съ οὗ соприкасается съ словомъ ὁ; см. стр. 17 въ концѣ и 18 въ началѣ) въ слабомъ αὐτός identitatis,—хотя и тутъ ничего положительнаго утверждать не можемъ, пока не удастся намъ объединить всѣ значенія слова αὐτός и пока не доищемся настоящаго отношенія между οὗ, αὐτός и ὁ.

[27]) Мы говоримъ „больше еще", потому что самая замѣтка Гесихія относительно существованія формы αὑς возбуждаетъ много сомнѣній. Сравни объ этомъ Аренса de dia-

слово αὐτόθι въ одномъ и томъ же нарѣчіи чередуется съ словомъ αὖθι [26]), ведетъ насъ къ заключенію, что вторая составная часть слова αὐτός, именно основа το, не имѣетъ на рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи значенія слова αὐτός никакого особеннаго вліянія и что все искомое нами значеніе заключено въ первой его составной части αὐ.

Что первая составная часть слова αὐτός въ своемъ этимологическомъ корнѣ сходится съ извѣстнымъ намъ словомъ αὖ, на это указываютъ лучшіе авторитеты въ сравнительномъ языкознаніи (Сравни объ этомъ Боппа Vergl. Gramm. 544, Бенфея Gr. Wurzel. I. 275, Мейера Vergl. Gramm. 332).

Казалось бы, что слѣдуетъ прежде всего разобрать значеніе этого слова αὖ, какъ слова, по своему составу, болѣе простаго, чѣмъ αὐτός, а за тѣмъ уже путь отъ такого разбора къ рѣшенію вопроса, которому посвящена

---

lectis II 272. и Виндиша Untersuchungen über den Ursprung des Relativpronomens (Curtius Studien II. 2. стр. 365).

[26]) Сравни слѣдующія двѣ группы примѣровъ:

Од. 17. 357. Нищій (переодѣтый Одиссей) пришелъ въ домъ Одиссея, получилъ тамъ милостыню (хлѣбъ да мясо)...

...καὶ ἀμφοτέρῃσιν ἐδέξατο καὶ κατέθηκεν
αὖθι ποδῶν προπάροιθεν, ἀεικελίης ἐπὶ πήρης.

Ил. 3. 244. Ὣς φάτο, τούς δ' ἤδη κάτεχεν φυσίζοος αἶα
ἐν Λακεδαίμονι αὖθι, φίλῃ ἐν πατρίδι γαίῃ.

Од. 10. 165. τῷ δ' ἐγὼ ἐμβαίνων δόρυ χάλκεον ἐξ ὠτειλῆς
εἰρυσάμην· τὸ μὲν αὖθι κατακλίνας ἐπὶ γαίῃ
εἴασ'.

Ил. 10. 209. Несторъ посылаетъ въ лагерь Троянцевъ узнать,
ἅσσα τε μητιόωσι μετὰ σφίσιν, ἢ μεμάασιν
αὖθι μένειν παρὰ νηυσὶν ἀπόπροθεν, ἦε πόλινδε
ἂψ ἀναχωρήσουσιν, ἐπεὶ δαμάσαντό γ' Ἀχαιούς.

Другая группа примѣровъ:

Ил. 24. 673. οἱ μὲν ἄρ' ἐν προδόμῳ δόμου αὐτόθι κοιμήσαντο,
κῆρυξ καὶ Πρίαμος, πυκινὰ φρεσὶ μήδε' ἔχοντες,
αὐτὰρ Ἀχιλλεὺς εὗδε μυχῷ κλισίης εὐπήκτου.

Ил. 24. 707. Ὣς ἔφατ', οὐδέ τις αὐτόθ' ἐνὶ πτόλεϊ λίπετ' ἀνήρ.

Од. 11. 187. Мать сообщаетъ сыну Одиссею, пришедшему къ ней въ адъ:
Τηλέμαχος τεμένη νέμεται καὶ δαῖτας ἐίσας
δαίνυται, ἃς ἐπέοικε δικασπόλον ἄνδρ' ἀλεγύνειν·
πάντες γὰρ καλέουσι. πατὴρ δὲ σὸς αὐτόθι μίμνει
ἀγρῷ, οὐδὲ πόλινδε κατέρχεται:

Одинаковость значенія словъ αὐτόθι и αὖθι становится изъ сопоставленія этихъ двухъ группъ примѣровъ ясною.

эта глава нашего сочиненія, будетъ очень короткій и прямой и будетъ состоять только въ томъ, что выводы о значеніи слова αὖ мы будемъ непосредственно прилагать ко всѣмъ тѣмъ значеніямъ слова αὐτός, которыя указаны нами въ предыдущей главѣ.

Но на дѣлѣ оказывается не то. Мы не должны забывать, что слово αὖ есть *частица* и, слѣдовательно, уже по существу своему могло развить, какъ на самомъ дѣлѣ и развило, значенія гораздо болѣе разнообразныя, болѣе отстоящія другъ отъ друга, чѣмъ какими были указанныя нами въ предыдущей главѣ значенія слова αὐτός, а между тѣмъ мы рады бы видѣть въ той роли, которую нашъ планъ возлагаетъ на частицу αὖ, такое слово, которое имѣло бы или только одно значеніе, а если нѣсколько, то по крайней мѣрѣ такихъ, которыя были бы болѣе сосредоточены, болѣе близки другъ къ другу, чѣмъ значенія самого слова αὐτός. Кромѣ того, самый вопросъ объ опредѣленіи значенія частицы αὖ находится въ настоящее время въ такомъ положеніи, что рѣшеніе *его самого* требуетъ большой осторожности, и уже изъ-за этого опасно принимать его (значеніе слова αὖ) за самостоятельную и вмѣстѣ съ тѣмъ положительную точку исхода для опредѣленія значенія какихъ бы то ни было находящихся съ нимъ въ этимологической связи словъ. То опредѣленіе его значенія, которое предлагаетъ намъ Беймлейнъ въ его Untersuchungen über griech. Part. стр. 44, уже слишкомъ не соотвѣтствуетъ нашей цѣли. „Чаще всего", говоритъ онъ, »появляется αὖ въ значеніи оборота *съ другой же стороны*, *напротивъ того*; это значеніе, впрочемъ, отчасти уже въ эпическомъ языкѣ, такъ ослаблено, что слово αὖ, наравнѣ съ частицею δέ, вводитъ въ разсказъ вообще только что нибудь *новое*, *дальнѣйшее*... Въ значеніи *опять* встрѣчается слово αὖ сравнительно рѣже.... Что первоначальное значеніе этой частицы было *назадъ*, этому доказательствомъ служитъ не только глаголъ αὐερύειν, но и нѣкоторые примѣры употребленія простаго αὖ и составнаго αὖτις. Конечно, въ Гомерѣ нѣтъ примѣра, гдѣ бы простое αὖ употреблялось въ такомъ значеніи, но за то встрѣчаемъ его въ Евр. Эл. 587 [29])«

---

[29]) Смотри Untersuchungen über griechische Partikeln стр. 44: Am häufigsten erscheint αὖ in der Bedeutung hinwiederum, dagegen, andrerseits, zum Theil in der epischen Sprache so abgeschwächt, dass es nur wie δέ, ein Weiteres, Neues einführt... Für die Bedeutung wieder, abermals, von Neuem, auch finden sich verhältnissmässig wenigere Beispiele... Dass die ursprüngliche Bedeutung dieses Adverbs zurück ist, erhellt nicht nur aus dem Verbum αὐερύειν, sondern auch aus einigen Beispielen des allein gebrauchten αὖ und αὖτις. Zwar findet sich bei Homer kein Beispiel, dass das einfache αὖ in diesem Sinne gebraucht wird, wohl aber kommt bei Euripides αὖ in dieser Bedeutung vor Electra 587. То обстоятельство, что Беймлейнъ принялъ самое рѣдкое значеніе за первона-

Надѣемся, что читатель не найдетъ вышесказанное нами мнѣніе объ этомъ опредѣленіи Беймлейна неосновательнымъ: оно должно намъ съ перваго же разу казаться не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми значеніями, которыя мы выставили при словѣ αὐτός; оно даже, если наше опредѣленіе значеній слова αὐτός вѣрно, навлекаетъ подозрѣніе на тѣхъ, которые указываютъ на слово αὖ, какъ на ἔτυμον слова αὐτός. Это впрочемъ только одна сторона логическаго заключенія, вытекающаго изъ этого несоотвѣтствія между нашими значеніями слова αὐτός и значеніями Беймлейна для слова αὖ [30]); возможно и то заключеніе, что самое опредѣленіе Беймлейна, если не совсѣмъ невѣрно, то, по крайней мѣрѣ, не точно, или не полно. Для насъ можетъ быть руководящимъ только послѣднее заключеніе [31]); но въ такомъ случаѣ *слово* αὖ скорѣе *само потребуетъ* для своей поправки выясненія значенія другихъ словъ, находящихся съ нимъ въ этимологическомъ связи, чѣмъ чтобы могло *послужить имъ* точкою исхода. За упомянутую поправку слова αὖ, и при томъ именно съ употребленіемъ только что указаннаго нами метода, взялся въ послѣднее время извѣстный толкователь Гомера, Дюнцеръ, изложивъ свой взглядъ на αὖ въ книгѣ Homerishe Ab-

---

чальное, не должно навлекать подозрѣніе на его ученіе. Чешское слово zase такъ легко разлагается на два слова za+se (=за себя), что въ первоначальномъ его значеніи „назадъ“ сомнѣваться нельзя, а между тѣмъ природный чехъ чувствуетъ его, даже внѣ контекста, въ значеніи „опять“.

[30]) Такое несоотвѣтствіе, должно быть, дало поводъ Христу (смотри: Grundzüge der griech. Lautlehre; Leipzig. 1859; стр. 262) отрѣшиться при этимологическомъ разборѣ слова αὐτός отъ слова αὖ и обратить вниманіе на церковно-славянское ово—ово (значеніе: τὸ μὲν τὸ δέ; сравни Ев. Луки VIII. 5: Изыде сѣяй сѣяти сѣмене своего; и егда сѣяше, ово паде при пути,... а другое паде на камень...) и на зендское awa (объ немъ свидѣтельствуетъ Бенфей Gr. Wurzell. I. 272 и придаетъ ему значеніе слова *этотъ*), извлечь изъ нихъ корень awa, объявить его демонстративно-прономинальнымъ корнемъ и отличить его отъ другаго awa (санскритскій неотдѣляемый предлогъ, обозначающій *отъ*, латинское ab), принятаго имъ въ основаніе при этимологическомъ разборѣ словъ αὖ и ἀφ.

[31]) Мы считаемъ ученіе Христа, сообщенное нами въ предыдущей сноскѣ уверткою. Взаимная этимологическая связь словъ αὖ+τε, αὖ+τις, αὖ+θις, ἐξ+αὖ+τις, εἰς+αὖ+θις, αὖ+θι, αὐ+τό+θι, адвербіальнаго αὐ+τοῦ и αὐ+τός слишкомъ бросается въ глаза, чтобы отказаться отъ мысли, что первая составная часть послѣдняго изъ нашихъ словъ, т. е. слова αὐ+τός, въ своемъ этимологическомъ корнѣ сходится съ тѣмъ же самымъ словомъ, тождественность котораго съ такою же составною частью перваго изъ нашихъ словъ, именно слова αὖ+τε, не подлежитъ никакому сомнѣнію (въ подтвержденіе послѣдняго мы указываемъ на постоянное чередованіе у Гомера частицы αὖ съ частицею αὖτε; оно видно изъ примѣровъ, сопоставленныхъ Дюнцеромъ въ его Homerische Abhandlungen Leipzig 1872, стр. 583--587). Христъ, видно, пользуется разстояніемъ двухъ вышеуказанныхъ значеній аснвы awa для *разсѣченія* того, что скорѣе своею нераздѣлимостью само могло бы послужить звеномъ для *соединенія* этихъ двухъ значеній.

handlungen (Leipzig 1872 г.) стр. 579 и слѣд. Этотъ ученый называетъ изслѣдованіе Беймлейна, касающееся частицы αὖ, крайне неосновательнымъ (höchst ungründlich) и самъ, представивъ читателю рядъ словъ, имѣющихъ съ словомъ αὖ одинъ этимологическій корень (именно слова αὖθι, ἐνταῦθα, ἐνταυθοῖ, санскритскій неотдѣляемый предлогъ awa, слова αὐτός и αὔτως, αὖτις и αὐτίκα), объявляетъ частицу αὖ *демонстративною* (sic) и принимаетъ за первоначальное значеніе слова αὖ, даже αὖτε, то, которое выражается въ нѣмецкомъ языкѣ словомъ da. Мы не беремся пока рѣшать, дѣйствительно ли это значеніе слова αὖ есть *первоначальное;* но что его за частицею αὖ признавать нужно и что, слѣдовательно, Беймлейнъ въ своемъ изслѣдованіи упустилъ его изъ виду, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Очень вѣскій голосъ въ пользу Дюнцера даетъ Аполлоній Софистъ, который въ своемъ Λεξικὸν κατὰ στοιχεῖον τῆς τε Ἰλιάδος καὶ Ὀδυσσείας (смотри по издан. Беккера стр. 47) объясняетъ значеніе слова αὖ частицею δή, ссылаясь при этомъ на начало 5-й книги Иліады, гдѣ сказано:

Ἔνθ' αὖ Τυδεΐδῃ Διομήδεϊ Παλλὰς Ἀθήνη
δῶκε μένος καὶ θάρσος, ἵν' ἔκδηλος μετὰ πᾶσιν
Ἀργείοισι γένοιτο ἰδὲ κλέος ἐσθλὸν ἄροιτο.

Дюнцеръ самъ *не нашелъ* нужнымъ приводить это указаніе Аполлонія; его доказательство состоитъ въ указаніи на цѣлый рядъ примѣровъ употребленія частицы αὖ, въ которыхъ допустить нельзя ни одного изъ значеній, отнесенныхъ Беймлейномъ къ частицѣ αὖ, тогда какъ частицею δή употребленное въ нихъ αὖ можетъ быть замѣняемо безъ нарушенія смысла. Къ такимъ примѣрамъ, какъ изъ самыхъ контекстовъ можно заключить, несомнѣнно принадлежатъ:

Ил. 20. 215, гдѣ Эней начинаетъ свою родословню слѣдующими словами:

εἰ δ' ἐθέλεις καὶ ταῦτα δαήμεναι, ὄφρ' εὖ εἰδῇς
ἡμετέρην γενεήν, πολλοὶ δέ μιν ἄνδρες ἴσασιν·
Δάρδανον αὖ πρῶτον τέκετο νεφεληγερέτα Ζεύς,
κτίσσε δὲ Δαρδανίην, ἐπεὶ οὔπω Ἴλιος ἱρὴ
ἐν πεδίῳ πεπόλιστο, πόλις μερόπων ἀνθρώπων,
ἀλλ' ἔθ' ὑπωρείας ᾤκεον πολυπίδακος Ἴδης.
Δάρδανος αὖ τέκεθ' υἱὸν Ἐριχθόνιον βασιλῆα....

Од. 21. 363, гдѣ женихи говорятъ Евмею:

Πῇ δὴ καμπύλα τόξα φέρεις, ἀμέγαρτε συβῶτα,
πλαγκτέ; τάχ' αὖ σ' ἐφ' ὕεσσι κύνες ταχέες κατέδονται
οἶον ἀπ' ἀνθρώπων, οὓς ἔτρεφες, εἴ κεν Ἀπόλλων
ἡμῖν ἱλήκῃσι καὶ ἀθάνατοι θεοὶ ἄλλοι.

Дюнцеръ сознаетъ, что за словомъ αὖ, кромѣ перваго значенія, нужно признавать и одно изъ значеній Беймлейна,—именно значеніе, соотвѣтствующее значенію частицы δέ. Дюнцеръ говоритъ: въ гораздо большемъ количествѣ случаевъ сравнительно съ тѣмъ, гдѣ αὖ имѣетъ значеніе нѣмецкаго da, предложеніе съ αὖ и αὖτε должно быть мысленно *въ извѣстномъ отношеніи* къ предшествующей мысли, будетъ ли это отношеніе простаго присоединенія новой мысли къ прежней, или продолженія предыдущаго, или логическаго противопоставленія предшествующему. (Viel häufiger sind die Fälle, wo der Satz, in welchem αὖ, αὖτε steht, auf das Vorige, sei es anknüpfend, sei es fortsetzend, sei es gegensätzlich bezogen wird—стр. 583). Развитіе такого значенія изъ перваго значенія δή, или, точнѣе сказать, существованіе одного значенія рядомъ съ другимъ въ одномъ и томъ же словѣ, Дюнцеръ находитъ возможнымъ, да и мы, руководясь статьею Квичалы о частицѣ δέ (Zeitschrift für österr. Gymn. XV. 313), не можемъ съ нимъ не согласиться; но ими, по мнѣнію Дюнцера, вся симазіологическая сторона слова αὖ уже исчерпывается; остальныя два значенія, указанныя для этого слова Беймлейномъ, т. е. значенія „назадъ" и „опять", этотъ ученый за αὖ признавать ни въ какомъ случаѣ не хочетъ.

Для оправданія своего ученія о значеніи частицы αὖ, въ опроверженіе ученія Беймлейна, Дюнцеръ долженъ прежде всего уничтожить связь между αὖ и глаголомъ αὐερύειν, въ которомъ значеніе „тянуть назадъ" не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію [31]). За тѣмъ онъ долженъ по крайней мѣрѣ перетолковать по своему всѣ мѣста, въ которыхъ Беймлейнъ видитъ αὖ въ значеніи „опять", а также мѣсто Евр. Ел. 587 и примѣры, приведенные Беймлейномъ на употребленіе слова αὖθις въ значеніи „назадъ", или же, по отношенію къ слову αὖθις, доказать, что значеніе „назадъ" въ немъ развилось изъ демонстративнаго значенія нѣмецкаго слова da, *благодаря окончанію* θις.

Спрашивается, какъ на самомъ дѣлѣ Дюнцеръ удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ и въ самомъ ли дѣлѣ наши требованія на столько сильны, чтобы повести къ опроверженію ученія Беймлейна? О первомъ, т. е. о доказательствѣ отсутствія связи между частицею αὖ и словомъ αὐερύειν, Дюнцеръ считаетъ лишнимъ распространяться: не смотря на многочисленныя заявленія боль-

---

[31]) Объ αὐερύειν толкуютъ и Etym. mag. и Аполлоній Софистъ и Гесихій одинаково, именно въ томъ смыслѣ, что оно равняется обороту εἰς τ' οὐπίσω ἕλκειν. Шире объясняетъ слово αὐερύειν схоліастъ Иліады (смотри Схоліи Беккера къ стиху 1. 459). Онъ говоритъ: αὐέρυσαν εἰς τ' οὐπίσω ἀνέκλων τὸν τράχηλον τοῦ θυομένου ἱερείου ὡς προσέχειν εἰς οὐρανὸν τοῖς θεοῖς, οἷς καὶ ἐθύοντο.

шинства ученыхъ въ пользу Беймлейна, онъ думаетъ (стр. 580), что въ отсутствіи связи между αὖ и αὐερύειν долженъ быть убѣжденъ каждый, кто занимается Гомеромъ (sic!); αὐερύειν онъ разлагаетъ не на αὖ+ἐρύειν, а на α+ἐρύειν, и предлагаетъ въ первой составной части ἀ усматривать или вмѣстѣ съ Дедерлейномъ и Курціусомъ предлогъ ἀνά [33]), или санскритскій неотдѣляемый предлогъ awa (читатель удивляется вмѣстѣ съ нами Дюнцеру послѣ сообщеннаго нами на страницѣ 51-ой). — Перетолковывать всѣ примѣры, въ которыхъ Беймлейнъ переводитъ слово αὖ словомъ *опять*, и замѣнять въ нихъ предлагаемое Беймлейномъ значеніе *опять* значеніемъ, очень легко вездѣ прививающимся, именно значеніемъ частицы δή, Дюнцеру не стоило труда, такъ какъ всегда можно предположить, что вторичность осуществленія того, что выражается *въ предложеніи* (я неговорю *въ существительномъ*; мы не имѣемъ примѣровъ, гдѣ бы αὖ отнесено было къ существительному.. Для уразумѣнія этихъ моихъ словъ я прошу читателя обратить вниманіе на то, что ниже сказано о примѣрѣ ὁ αὖθις χρόνος), если бы даже исторически была прослѣдима, осталась, если не не дознанною говорящимъ, то по крайней мѣрѣ не выраженной имъ не только посредствомъ частицы, но и другимъ какимъ бы то ни было способомъ (не употребила же Θемистида никакой частицы въ родѣ русскаго слова *опять*, когда въ Ил. 15. 99, встрѣтивъ Геру, возвратившуюся отъ Зевеса съ горы Иды, сказала:

„Ἥρη, τίπτε βέβηκας, ἀτυζομένῃ δὲ ἔοικας;
ἦ μάλα δή σ' ἐφόβησε Κρόνου παῖς, ὅς τοι ἀκοίτης",

а вѣдь намъ, какъ безъ сомнѣнія и Θемистидѣ, очень хорошо извѣстно, что подобное φοβεῖν происходило передъ тѣмъ не разъ. — Точно также на пр. у Евр. въ Ел. 782, въ словахъ τί τόδε καινὸν αὖ λέγεις, можно вторичность осуществленія дѣйствія καινὸν λέγειν считать не выраженною посредствомъ частицы и для слова αὖ пріискивать другое значеніе). Однако если у Дюнцера вся суть обличительной противъ Беймлейна аргументаціи заключается лишь только въ указаніи на пе возможность какимъ нибудь примѣромъ *доказать* необходимость принятія частицы αὖ и αὖτε непремѣнно въ значеніи *опять* (хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внесеніе такого понятія въ контекстъ не про-

---

33) Курціусъ Grundz. der. gr. Etymol. 552 говоритъ: я согласенъ съ мнѣніемъ Дедерлейна, который (Gloss. 2290), какъ и многіе передъ нимъ, въ звукѣ α слова αὐερύειν видятъ предлогъ ἀνά. Значеніе *вытягивать, вверхъ тянуть* отвѣчаетъ вполнѣ употребленію этого слова (Jch stimme Döderlein bei, der, wie andere vor ihm, in dem α des Wortes αὐερύειν die Præposition ἀνά erkennt. Die Bedeutung ausziehen, emporziehen ist durchaus angemessen). Курціусъ могъ не заходить такъ далеко въ толкованіи значенія слова ἀνά и могъ больше придержаться даже при такомъ этимологизированіи слова αὐερύειν уче-

тиворѣчитъ смыслу), то его работа оказывается безцѣльною [31]) и наше требованіе, относящееся къ этой части его аргументаціи, слишкомъ слабымъ. Что касается мѣста Евр. Ел. 589, въ которомъ хоръ обращается къ возвратившемуся въ свой отечестневный городъ Оресту съ словами:

Ἔμολες ἔμολες ὦ χρόνιος ἁμέρα
κατέλαμψας, ἔδειξας ἐμφανῆ
πόλει πυρσόν, ὃς παλαιᾷ φυγᾷ
πατρίων ἀπὸ δωμάτων τάλας
ἀλαινῶν ἔβα· σὲ θεός αὖ θεός
ἁμετέραν τις ἄγει νίκαν,

то относительно необходимости выраженія понятія *назадъ* посредствомъ особенной частицы *въ этомъ контекстѣ* мы должны сказать тоже самое, что говорили о необходимости выраженія въ рѣчи понятія „опять“ *вообще;* Дюнцеръ и здѣсь дѣла не сдѣлалъ. — Послѣднею задачею Дюнцера было, по нашему мнѣнію убѣдить насъ въ отсутствіи понятія *назадъ* въ словѣ αὖθις, или же доказать, что значеніе *назадъ* развилось изъ значенія нѣмецкой частицы da, благодаря окончапію θις. Перваго Дюнцеръ не дѣлаетъ, но, согласно съ Беймлейномъ, оба эти значенія (которыя онъ отрицалъ въ словахъ αὖ и

нія древнихъ. Что и ἀνὰ обозначаетъ „назадъ“, на это указываетъ и Etym. Mag. (ἀνὰ σημαίνει τὴν ἄνω σχέσιν καὶ τὴν εἰς ὀπίσω ἀνάκαμψιν) и живые примѣры (сравни ἀνατρέχεσθαι, ἀναχωρεῖν и т. д.)

[31]) Сводя итоги разбору отдѣльныхъ мѣстъ, Дюнцеръ говоритъ: Kein einziges Beispiel ist nachzuweisen, wo man αὖ αὖτε als wieder, von neüem fassen müsste, weil sonst dieser Begriff vermisst würde; этимъ словамъ предшествуетъ у Дюнцера слѣдующее: Denn wenn an einzelnen Stellen freilich der Begriff wieder, von neuem dem Sinne nicht widerspricht, so ist dieser in anderen, äüsserlich ganz gleichen, unmöglich anzunehmen. Послѣднія слова сообщенной нами изъ Дюнцера выдержки говорятъ, конечно, больше, чѣмъ мы въ пополняемомъ этою сноскою пунктѣ высказали. Сужденіе Дюнцера справедливо, что αὖ и αὖτε, употребляемое въ типическихъ оборотахъ, должно имѣть и типическое значеніе. Такой типическій оборотъ есть на пр. γὰρ αὖτε, γὰρ αὖ, и мы должны согласиться съ Дюнцеромъ, что если есть несомнѣнные примѣры, въ которые при употребленія оборота γὰρ αὖτε понятіе *опять* внести нельзя (а такой примѣръ Дюнцеръ отыскалъ между прочимъ въ Од. 9. 393, гдѣ сказано:

ὡς δ' ὅτ' ἀνὴρ χαλκεὺς πέλεκυν μέγαν ἠὲ σκέπαρνον
εἰν ὕδατι ψυχρῷ βάπτῃ μεγάλα ἰάχοντα
φαρμάσσων· τὸ γὰρ αὖτε σιδήρου γε κράτος ἐστίν·
ὣς τοῦ σίζ' ὀφθαλμὸς ἐλαϊνέῳ περὶ μοχλῷ),

то его нельзя признавать за αὖ при оборотѣ γὰρ αὖ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ смыслъ внесеніе его въ контекстъ допускаетъ; но вѣдь Беймлейнъ подъ значеніемъ *опять* приводитъ и такія мѣста, къ которымъ это замѣчаніе о типичности оборота Дюнцеръ отнести не можетъ. Для примѣра достаточно указать на діалогъ Платона, Εὐθύφρων (начало), гдѣ собесѣдникъ Сократа, сознавшись передъ Сократомъ, что изъ за всего, чтобы онъ ни ска-

αὖτε), въ словѣ αὖθις считаетъ вѣрными [34]). Примѣровъ на αὖθις онъ не приводить никакихъ; но засвидѣтельствованіе такихъ значеній древними [35]) и примѣры въ родѣ ὁ αὖθις χρόνος [36]) (гдѣ αὖθις отнесено къ существительному и уже въ значеніи частицъ δέ и δή ни въ какомъ случаѣ не мыслимо), должно быть, побудили его *признать* эти два значенія за словомъ αὖθις. Въ своемъ этимологическомъ составѣ слово αὖθις не имѣетъ ничего особеннаго въ сравненіи съ словами αὖ и αὖτε, что могло бы придавать исключительно *ему* такое значеніе [37]), и мы можемъ допустить разницу въ значеніяхъ этихъ 3-хъ словъ только въ смыслѣ *экономіи языка*, по которой они всегда могли употребляться такъ, что въ одномъ изъ нихъ больше простора получило одно значеніе, а въ другомъ другое; но *зародышъ*

залъ на вечѣ, надъ нимъ смѣются, какъ надъ бѣшеннымъ (καταγελῶσι ὡς μαινομένου), потомъ разсказываетъ, что подаетъ жалобу на кого—то, и, будучи спрошенъ Сократомъ, на кого, отвѣчаетъ ὃν διώκων αὖ δοκῶ μαίνεσθαι.

[34]) So wenig αὖ αὖτε je die Bedeutung wieder hat, so wenig hat αὖτις die Bedeutung der Wiederholung je eingebüsst (!) die bei dem Wege, der gegangen wird, natürlich meist anf ein Zurückgehen sich bezicht. (стр. 592).

[35]) Etym. mag. говорить: αὖθις—σημαίνει τὸ ἐξ ὑστέρου, ἢ τὸ ἐκ δευτέρου. Свида: αὖτις εἰς τ' ὀπίσω (рѣшать вопросъ, относящійся къ двоякости орѳографія этого слова, именно αὖτις и αὖθις, мы считаемъ отдаленнымъ отъ нашей задачи).

[36]) Платонъ о законахъ 934 А. οὐχ ἕνεκα τοῦ κακουργῆσαι διδοὺς τὴν δίκην, οὐ γὰρ τὸ γεγονὸς ἀγένητον ἔσται ποτέ, τοῦ δ' εἰς τὸν αὖθις ἕνεκα χρόνον ἢ τὸ παράπαν μισῆσαι τὴν ἀδικίαν.

[37]) Дюнцеръ на стр. 592-й извѣстнаго намъ сочиненія толкуетъ такъ: „αὖτις образовано не непосредственно отъ слова αὖ, а отъ слова αὐτός, и обозначаетъ: *этимъ способомъ*, *такимъ же способомъ* (изъ послѣдняго значенія Дюнцеръ развиваетъ значенія *опять* и *назадъ*); αὖθις есть тоже самое слово, что αὖτις; орѳографія его можетъ основываться на ложной аналогіи слова αὖθι (könnte auf falscher Analogie des αὖθι beruhen)". И по мнѣнію Бенфея слово αὖτις образовано отъ слова αὐτός, а не отъ αὖ (Wurzell. 1. 275); какъ оно образовалось, это Бенфеемъ не показано; но αὖθις онъ производитъ уже непосредственно отъ αὖ; окончаніе θις онъ уравниваетъ съ санскритскимъ окончаніемъ his, или болѣе первоначальнымъ dhis (Wurzell. II. 269), обозначающимъ направленіе *откуда*. Мнѣніе Бенфея относительно αὖθις имѣетъ за собою прочное основаніе (онъ указываетъ въ мѣстѣ, на которое мы только что сослались, на аналогическія отношенія между санскритскими окончаніями dha, dhas и dhi, dhis. Первыя, не имѣющія s, обозначаютъ спокойствіе на мѣстѣ, вторыя обозначаютъ направленіе *откуда;* примѣровъ много встрѣчаемъ тамъ же), мнѣніе же Дюнцера есть чистѣйшая догадка. Держась мнѣнія Бенфея, мы видимъ, что въ словѣ αὖθις понятіе *назадъ* можетъ заключаться только въ *первой* составной части αὖ. Въ самомъ дѣлѣ, слово αὖθις въ значеніи *назадъ* отвѣчаетъ на вопросъ *куда* — указываетъ, значитъ на *движеніе*; θις, по мнѣнію Бенфея имѣетъ въ виду только точку, какъ *начало* движенія, а *направленіе движенія* (назадъ) выражено уже въ αὖ. Что касается слова αὖτις, то если бы даже образованіе его, предлагаемое Дюнцеромъ, было вѣрно, все же отъ вѣрныхъ его значеній *опять назадъ*, или хотя бы даже отъ суммирующаго ихъ, по мнѣнію Дюнцера, значенія *такимъ же способомъ*, къ значенію предполагемому Дюнцеромъ первоначальнымъ, именно къ значенію *этимъ способомъ*, переходъ довольно труденъ. (Въ русскомъ языкѣ къ слову *этотъ* должно было присоединиться слово *же*, для того чтобы оно могло выразить повтореніе.

этихъ значеній въ корнѣ означенныхъ 3-хъ словъ и, прибавимъ, не только ихъ, но и этимологически, вѣроятно, тѣсно съ ними связаннаго и очень важнаго въ нашемъ вопросѣ слова ἄψ [38]), долженъ быть для всѣхъ одинаковый; самихъ же значеній будетъ четыре, именно: назадъ опять, δή и δέ.—Какое значеніе преобладаетъ въ каждомъ изъ нашихъ словъ, на это указывать здѣсь не станемъ. (Въ чешскомъ языкѣ всѣ 4 значенія сосредоточены въ словѣ pak=слав. паки; сравни слова: naopak=въ противоположную сторону, opakovati=повторять; co pak to mluviš?=τί δὴ τοῦτο λέγεις; vy odejdete, my pak ostanem zde=ὑμεῖς μὲν ἄπιτε, ἡμεῖς δὲ μενοῦμεν). Напрасно стремился Дюнцеръ уничтожить связь между αὐερύειν и αὖ и ошибочно объяснялъ корень всѣхъ разбираемыхъ нами словъ «демонстративно пропоминальнымъ:» На это не давало ему право ни то awa, на которое онъ ссылается (awa всѣ переводятъ латинскимъ предлогомъ ab. Бенфей: Wurzell. I. 126 говоритъ, что awa обозначаетъ «Wechselverhaeltniss von einem Orte zum anderen), ни всѣ тѣ греческія слова, которыя онъ приводитъ рядомъ съ санскритскимъ awa (см. стр. 51), — какъ тѣ, которыя мы уже разобрали, такъ и тѣ, которыя нами еще незатронуты.

II. 2.

Если мы изобразимъ перемѣну направленія съ одной стороны знаками ⇄, а съ другой знакомъ ⌒, то разница между этими двумя графическими изображеніями перемѣны движенія будетъ опредѣляться вотъ чѣмъ: въ первомъ случаѣ эта перемѣна движенія будетъ заключаться въ противоположности двухъ направленій, а во второмъ только отрицается прямота линіи, по которой движется предметъ; къ первому случаю относится вопросъ:

[38]) Что ἄψ имѣетъ одинаковый корень съ словами αὖ, αὖτε, αὖθις, это видно даже изъ указаній древнихъ. Etym mag. разлагаетъ слово αὖτε на α+τε, появленіе въ немъ буквы υ объясняетъ плеоназмомъ, а буквѣ α, составляющей, по его мнѣнію, первую составную часть, придаетъ значеніе назадъ (ὀπίσω). Замѣчательно: Etym. mag. отличаетъ нѣсколько значеній представочнаго α и употребляетъ для нихъ терминовъ какъ то: ἁ στερητικόν, ἁ ἐπιτατικόν (въ словахъ напр. ἀβληχρός, ἄβρομος, ἀθροίζω.), ἁ σημαῖνον τὸ ὁμοῦ (напр. ἀδελφός) и ἁ πλεοναστικόν; только въ 3-хъ словахъ, на сколько мы замѣтили, именно въ словѣ ἀκόλουθος, αὐερύειν и αὖτε, признаетъ его за σημαῖνον τὸ ὀπίσω и производитъ его sub voce αὐερύειν отъ слова ἄψ (τὸ δὲ ἁ, τὸ σημαῖνον τὸ ὀπίσω, ἀπὸ τοῦ ἄψ γέγονε; αὖ здѣсь Etym. mag. не усматриваетъ да и вообще объ αὖ въ этомъ словарѣ нѣтъ и помину). Фонетическіе законы вовсе не противорѣчатъ такому сближенію слова ἄψ съ словомъ αὖ. Въ латинскихъ формахъ aufero, abstuli видна аналогія той фонетической перемѣны, которая требуется для перехода отъ αὖ къ ἄψ. Кажется, что и лат. a, ab, abs, и греч. αὖ имѣютъ одинаковое начало въ санскритскомъ вышеупомянутомъ awa (прочь). Другое доказательство для тождественности корня словъ αὖ и ἄψ мы приведемъ ниже. Объ этой тождественности думалъ уже Поттъ (Et. Forssch. II. 132, 316), категорически ее высказалъ Христъ (Lautlehre 262). Она для насъ очень важна, потому что значеніе *назадъ*, признать которое нехотѣлось Дюнцеру въ словѣ αὖ, не оспоримо въ словѣ ἄψ.

куда движется предметъ, и получается отвѣтъ: вправо, влѣво и т. д., а ко второму случаю относится вопросъ, *какъ* движется предметъ, и получается въ отвѣтъ, что не по *прямой линіи*, а что, дошедши до извѣстнаго пункта, *подвергается повороту*. Послѣднее т. е. отрицаніе прямоты линіи въ движеніи предметовъ мы положимъ въ основаніе опредѣленію значанія того ἔτυμον, въ которому сводятся всѣ выше разбираемыя слова: *означенное* ἔτυμον *будетъ имѣть значеніе «не впередъ»* [39]);—къ такому положенію повело насъ все вышесказанное; мы назвали бы корень разбираемыхъ нами словъ *не доместративно—прономинальнымъ*, какъ это дѣлаетъ Дюнцеръ, а—*модально-прономинальнымъ*.

Слова αὖ, αὖθις, αὖτε, ἄψ, исходя отъ общаго значенія *не впередъ*, могли дѣйствительно развить, каждое по своему, и значеніе *назадъ*, и значенія: δέ (переходъ въ рѣчи къ предмету, совершенно другому сравнительно съ предществующимъ), *все кругомъ* [40]), *опять*, δή (какъ частицы, прикрѣпляющей съ извѣстною силою наше представленіе къ тому слову, или къ тому предложенію, при которомъ она поставлена).—Αὐτίκα (мы переходимъ къ другимъ словамъ, указаннымъ Дюнцеромъ, какъ этимологичегиски связаннымъ съ словомъ αὖ), какъ частица времени (такою дѣлается она при посредствѣ окончанія ίκα; ср. πηνίκα ἡνίκα), указываетъ на то, что извѣстное дѣйствіе, въ предложеніи котораго слово αὐτίκα поставлено, не должно быть отнесено къ другой, болѣе удаленной точкѣ времени, чѣмъ на которой наше представленіе находилось по отношенію къ непосредственно предшествующему дѣйствію. Αὖθι, какъ частица мѣста (частицею мѣста оно дѣлается при посредствѣ окончанія θί, которое Бенфей: Wurzellexikon II. 269 сопоставляетъ съ санкритскимъ dhi, обозначающимъ спокойствіе на мѣстѣ; ср. выносну 27.), равняется своимъ значеніемъ обороту: *все на одномъ и томъ же мѣстѣ*, *не двигаясь съ мѣста* [41]). Вмѣсто αὖθι встрѣчается не

---

[39]) Мы согласны съ Бенфеемъ, который Wurzell. I. 275 производитъ отрицаніе οὐ отъ того же корня, отъ котораго происходятъ слова αὖ αὖθις и т. д.

[40]) Такое значеніе развило слово ἄψ въ compositum ἀψόρροος. Ἀψόρροος есть у Гомера, какъ извѣстно, эпитетъ Океана; въ схоліяхъ Беккера говорятся (смотри schol. ad Il. 18. 399), что это слово прибавляется къ слову Ὠκεανός „διὰ τὸ κύκλῳ περιθεῖν τὴν γῆν.“ Вотъ доказательство, которое мы имѣли въ виду въ 38-й выноскѣ; оно заключается въ засвидѣтельствованіи развитія въ словѣ ἄψ значеній, по направленію, тождественному другимъ словамъ, образованнымъ отъ αὐ. Мы здѣсь имѣемъ въ виду слово αὐτόῦ, о которомъ смотри ниже.

[41]) Что αὖθι не есть δεικτικόν, ни ἀναφορικόν, а что его надобно понимать именно за *модальное* слово, это видно лучше всего изъ мѣста Од. 8. 275, гдѣ отсутствіе всякаго отношенія слова αὖθι къ *опредѣленному мѣсту* неоспоримо; мѣсто это слѣдующее:

Ἥφαιστος δ ὡς οὖν θυμαλγέα μῦθον ἄκουσεν,
βῆ ῥ' ἴμεν ἐς χαλκεῶνα, κακὰ φρεσὶ βυσσοδομεύων
ἐν δ' ἔθετ' ἀκμοθέτῳ μέγαν ἄκμονα, κόπτε δὲ δεσμοὺς
ἀρρήκτους ἀλύτους, ὄφρ αὖθι μένοιεν.

только то αὐτόθι, на которое нами выше было указано (смотри выноску 28 ю), но, какъ извѣстно, и адвердіальное αὐτοῦ [42]).

Мы не считаемъ нужнымъ объяснять значеніе другихъ нарѣчій, связанныхъ этимологически съ словомъ αὐτός и перейдемъ къ главному предмету этой главы, т. е. къ самому слову αὐτός. Послѣднее, какъ слово адъективно-склоняемое, имѣющее 3 разныя окончанія для 3-хъ разныхъ грамматическихъ родовъ и долженствующее всегда синтаксически опираться на извѣстное поименованіе предмета, нужно признать, если не хотимъ погрѣшить противъ послѣдовательности, за слово, служащее не для диктическаго, или анафорическаго, или прямаго личнаго обозначенія предмета, а только *для прикрѣпленія, пріостановленія нашего вниманія на томъ предметѣ, на поименованіе котораго оно синтаксически опирается. По этому-то оно и можетъ быть:*

*1. Средствомъ для затверженія въ памяти слушателя извѣстнаго предмета, какъ опредѣлителя извѣстнаго сказуемаго (*αὐτός intensivum*).*

*2. Средствомъ для вызова въ умѣ слушателя логическаго сопоставленія тамъ, гдѣ авторъ или хочетъ указать слушателю на особенность подбора предмета, къ которому приходится отнести сказуемое (*αὐτός progressivum*), или направлять его прямо къ предмету помимо всего, что въ его представленіи съ этимъ предметомъ соединено* (αὐτός distinctivum и αὐτός immedia bilitatis).

3. Средствомъ, коимъ наша представительная сила, пріуроченная уже прежде къ извѣстному предмету, какъ опредѣлителю сказуемаго, имѣетъ быть удержана при этомъ предметѣ, поелику приходится опредѣлить на немъ:

а) *Это сказуемое какъ на исключительномъ, въ извѣстномъ направленіи, его опредѣлитель* (αὐτός monadicum),

б) *тоже сказуемое и въ другомъ противъ прежняго направленіи* (αὐτός reflexionis).

в) *новое сказуемое въ какомъ бы то ни было направленіи* (сильное и слабое αὐτός identitatis).

---

[42]) Какъ на особенно замѣчательное употребленіе слова αὐτοῦ, укажемъ на мѣсто Од. 5, 275:

οὐδέ οἱ ὕπνος ἐπὶ βλεφάροισιν ἔπιπτεν
Πληϊάδας τ' ἐσορῶντι καὶ ὀψὲ δύοντα Βοώτην
Ἄρκτον θ', ἣν καὶ ἄμαξαν ἐπίκλησιν καλέουσιν,
ἥτ' αὐτοῦ στρέφεται καί τ' Ὠρίωνα δοκεύει,
οἴη θ' ἄμμορός ἐστι λοετρῶν Ὠκεανοῖο.

Тоже самое мѣсто встрѣчается въ Ил. 18. 488; тамъ слово αὐτοῦ схоліастъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: ἥτις περὶ τὸν ἀρκτικὸν καὶ ἀειφανῆ κύκλον ἤτοι πόλον στρέφεται. Эти мѣста мы и имѣли въ виду въ 40-й выноскѣ.

Прибавленіе.

Разсматривая еще разъ всѣ симазіологическіе оттѣнки слова αὐτός по всѣмъ примѣрамъ, которые нами приведены въ I-ой главѣ этой части, мы находимъ, что вездѣ необходимо съ слобомъ αὐτός синтаксически соединять, или по крайней мѣрѣ подразумѣвать, вообще *вызывать въ нашемъ мышленіи* слово, какъ средство, представляющее намъ *непосредственно* тотъ предметъ, къ которому отнесено αὐτός, какое бы это средство изъ приведенныхъ на стр. 14. ни было. При одномъ только слабомъ αὐτός identitatis (см. стр. 44), при томъ αὐτός, которое составляетъ, хотя не по внѣшнему количеству употребленія его, но качественно, въ ряду съ другими симазіологическими оттѣнками, самую ничтожную часть всего αὐτός, мы можемъ предположить, что грекъ этой необходимости не чувствовалъ; мы это можемъ преположить даже тогда, если допустимъ, что онъ при чтеніи такого αὐτός вовсе не упускалъ изъ виду *общаю значенія ею.* Если на пр. грекъ говорилъ: Κλέαρχος φυγὰς ἦν· —τούτῳ συγγενόμενος ὁ Κῦρος ἠγάσθη αὐτόν καὶ ἔδωκε κ. τ. ἀ. (Ксен. Ан. I. 1. 9.)[12]), то слово αὐτός могло не вызывать въ мышленіи слушателя словъ Κλέαρχος и τούτῳ уже потому, что и такъ его мысль всецѣло занята обозначаемымъ этими словами предметомъ и онъ уже напередъ знаетъ, къ кому ἠγάσθη относится, такъ что на появленіе въ рѣчи даже самаго слова αὐτός, не говоря уже о вызываніи въ его мышленіи словъ Κλέαρχος и τούτῳ, не дѣлаетъ никакихъ притязаній и указаніе говорящаго, упомянутое нами въ 42 выноскѣ,— почти лишнее (нѣтъ нужды приводить примѣры для увѣренія читателя въ томъ, что на самомъдѣлѣ слабое αὐτός ident. часто пропускается; это извѣстно каждому, сколько нибудь знакомому съ греческими авторами). Если дѣйствительно, какъ утверждаетъ Аполлоній (смотри выноску 23), слабое αὐτός identitatis подвергалось энклизису, то этимъ энклизисомъ, какъ мы замѣчаемъ, достигалось многаго: говорящій давалъ имъ знать, что онъ еще передъ произношеніемъ этого слова и самъбылъ приготовленъ, и слушателя считалъ приготовленнымъ на отнесеніе сказуемаго къ извѣстному уже предмету (такъ что постановка такого αὐτός равнялась упомянутому выше выпущенію его), между тѣмъ какъ при ὀρθοτονούμενον αὐτός или, говоря болѣе спеціально, при *сильномъ* αὐτός identitatis (о другихъ оттѣнкахъ слова αὐτός мы здѣсь уже не станемъ говорить), онъ на что нибудь подобное не расчитывалъ; вслѣдствіе чего и явилась потребность, *вызвать* въ нашемъ мышленіи упомянутое выше (въ 5-й строчкѣ „прибавленія") слово и присоединить его къ слову αὐτός, тѣмъ больше что само слово αὐτός, какъ модальное слово, къ предмету непосредственно не ведетъ.

Что слабое αὐτός ident. употреблялось только о *предметахъ 3 л.*, на это

[12]) Держась общаго значенія скова αὐτός, говорящій хочетъ въ приведенномъ нами изъ Анавазиса примѣрѣ словомъ αὐτός сказать слушателю слѣдующее: Для пассивнаго опредѣленія слова ἠγάσθη ты не ищи новаго предмета, а оставайся при томъ, который занимаетъ твою мысль въ настоящее время.

нами указано уже на стр. 44; первое и второе лице имъ не пользовались (грекъ не говорилъ напр. ἀφίκετο πρὸς ἐμέ, καὶ ἔδωκε αὐτῷ—въ смыслѣ „мнѣ"—παντοῖα δῶρα); тамъ не отставалъ языкъ отъ словъ ἐγώ и σύ, а только ихъ энклиновалъ въ извѣстныхъ случаяхъ; для 3-го же лица слово αὐτός очень пригодилось, такъ какъ оно освобождало языкъ отъ необходимости, *поименовывать* предметъ, когда уже достаточно извѣстно, какъ онъ называется, или *указывать* на него, когда онъ намъ уже достаточно знакомъ, или, наконецъ, *анафоровать* его изъ контекста или изъ происходившаго въ насъ въ другое, удаленное уже время представленія, когда рѣчь въ этомъ мѣстѣ представляетъ ничѣмъ не прерванное продолженіе предшествующей, относящейся къ нему же, рѣчи [43]).

Намъ скажутъ, что, вычисляя средства для обозначенія предметовъ 3-го лица, мы забыли совершенно объ οὗ οἷ ἕ, что все то, что мы теперь говорили объ αὐτός, есть чуть ли не повтореніе сказаннаго нами объ οὗ на страницахъ 16 и 17. и что при существованіи этого послѣдняго слова въ языкѣ и при признанномъ нами на стр. 17-ой его значеніи, въ слабомъ αὐτός identitatis совершенно также не нуждался языкъ *въ третьемъ лицѣ*, какъ *и въ первомъ и во второмъ лицахъ*. На это мы отвѣтимъ, что если бы языкъ и не нуждался въ такомъ словѣ, то ничто не помѣшало бы ему обогатить себя и присоединить къ имѣющемуся въ немъ уже средству средство новое, если только это новое средство способно, на основаніи общихъ законовъ языка, проложить себѣ дорогу къ отождествленію его съ другимъ средствомъ. Это, впрочемъ, слишкомъ общій отвѣтъ на предполаемое нами возраженіе; относя же это возраженіе къ словамъ οὗ и αὐτός, мы находимъ въ немъ скорѣе поводъ указать на довольно опредѣленное различіе въ употребленіи каждаго изъ этихъ словъ, чѣмъ признать ихъ тождественными. Надобно припять во вниманіе, что 3 грам. лицо принимаетъ въ свою область предметы и одушевленные, и неодушевленные, между тѣмъ какъ предметы, обозначаемые черезъ ἐγώ, σύ, уже всегда, хотя бы даже при посредствѣ олицетворенія, разсматриваются какъ одушевленные. Замѣчательно, что Гомеръ слово οὗ, οἷ, ἕ въ указанномъ нами на стр. 17. значеніи, употребляетъ крайне рѣдко о не одушевленныхъ предметахъ. Примѣры въ родѣ Ил. 1. 236:

ναὶ μὰ τόδε σκῆπτρον, τὸ μὲν οὔποτε φύλλα καὶ ὄζους
φύσει, ἐπειδὴ πρῶτα τομὴν ἐν ὄρεσσι λέλοιπεν,

[43]) Живымъ ἀνάλογον къ слову αὐτός, по отношенію ограниченія его на предметы третьяго лица, является славянское мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ,. Мы знаемъ, что это мѣстоименіе въ церковнославянскомъ языкѣ, въ соединеніи съ частицею *же*, употреблялось въ качествѣ *относительнаго мѣстоименія,* мѣстоименія, значитъ, общаго всѣмъ грамматическимъ лицамъ. Что частица *же* сама не сдѣлала его ни относительнымъ, ни способнымъ быть относимымъ ко всѣмъ грамматическимъ лицамъ, въ этомъ никто изъ насъ сомнѣваться не будетъ, и мы можемъ смѣло сказать, что вся причина этой двойственности его употребленія заключается въ способности самого разбираемаго нами мѣстоименія.

οὐδ' ἀναθηλήσει· περὶ γάρ ῥά ἑ χαλκὸς ἔλεψεν
φύλλα τε καὶ φλοιόν· νῦν αὖτέ μιν υἷες 'Αχαιῶν
ἐν παλάμῃς φορέουσι δικασπόλοι, οἵ τε θέμιστας
πρὸς Διὸς εἰρύαται,

во всемъ Гомерѣ встрѣчается только еще въ Од. 15. 117.

δῶσω τοι κρητῆρα τετυγμένον· ἀργύρεος δὲ
ἔστιν ἅπας, χρυσῷ δ' ἐπὶ χείλεα κεκράανται,
ἔργον δ' Ἡφαίστοιο· πόρεν δέ ἑ Φαίδιμος ἥρως

(тотъ же примѣръ повторяется въ Од. 4. 617),

въ Од. 7. 216. οὐ γάρ τι στυγερῇ ἐπὶ γαστέρι κύντερον ἄλλο
ἔπλετο, ἥτ' ἐκέλευσε ἕο μνήσασθαι ἀνάγκῃ,

въ Од. 4. 355. νῆσος ἔπειτά τις ἔστι πολυκλύστῳ ἐνὶ πόντῳ
Αἰγύπτου προπάροιθε, Φάρον δέ ἑ κικλήσκουσιν.

Очень можетъ быть, что причина появленія слова οὗ въ этихъ примѣрахъ была тоже олицетвореніе: по крайней мѣрѣ, въ Од. 7. 216 оно не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Надобно полагать, что οὗ, οἷ, ἓ въ значеніи, о которомъ мы говоримъ, выразилю лишь только требованіе на уравненіе его съ словами ἐγώ и σύ, если *прежде всего по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ* допустило развитіе слабаго αὐτός identitatis. Не такимъ оказывается у Гомера слово μίν; *послѣднее очень часто* употребляется *о неодушевленныхъ предметахъ* (Ср. Од. 4. 617, 5. 256, 9. 120, 10. 1, 10. 305, 12. 76, 13. 188, 13. 239, 19. 441, 22. 125.—21. 150, 21. 246, 21. 294, 29. 338, Ил. 20. 214, 21. 585 и т. д.). Мы до сихъ поръ только не хотѣли идти въ разрѣзъ съ обычною группировкою, приводя μίν вездѣ рядомъ съ словомъ οὗ οἷ ἓ, хотя оно симозіологически скорѣе приближается къ слабому αὐτός identitatis [43]).

---

[44]) Наше мнѣніе о симазіологической близости словъ αὐτός и μίν находитъ себѣ поддержку въ производствѣ слова μίν приведенномъ Курціусомъ (смотри: Grundzüge der gr. Etym. стр. 532). Онъ не соглашается съ тѣми, которые производятъ форму μίν отъ корня *ma* и форму νιν отъ корня *na*,—по той-де причинѣ, что въ такомъ разѣ нужно бы ожидать винительные падежи μον и νον; Курціусъ вмѣстѣ съ Дедерлейномъ возводитъ форму μίν на первоначальное ἰμ—ἰμ; онъ указываетъ въ ней на фонетическое чередованіе въ греческомъ языкѣ звуковъ μ и ν, находитъ на основаніи этого закона возможною и форму νίν и считаетъ, какъ видно, оба эти слова, μιν и νιν, за удвоенныя формы отъ прономинальнаго корня *i*, распространяющагося, какъ мы знаемъ, въ *ja*; однимъ словомъ, и μιν и νιν напоминаютъ собою въ этимологическомъ, и даже, какъ оказывается, въ симазіологическомъ отношеніи упомянутое нами въ предшествующей сноскѣ мѣстоимѣніе и, ια, ιο.—То сопоставленіе словъ μίν и ἕ, которое мы находимъ у Амейса (смотри: Homerische Kleinigkeiten Mühlh. 1861. стр. 22), и по которому μίν указываетъ на что нибудь, данное *самимъ разсказомъ, или находящееся на лицо*, а ἕ на что нибудь, *находящееся только*

Въ памятникахъ аттическаго нарѣчія слабое αὐτός identitatis заходитъ гораздо больше, чѣмъ въ Гомерѣ, въ ту область слова οὗ, которая нами принята за *первоначальную*. Послѣднее, конечно, не было *совсѣмъ* вытѣснено первымъ: примѣръ Ксен. Анав. 5. 4. 33. (ἐζήτουν δὲ οἱ Μοσσύνοικοι ταῖς ἑταίραις, ἃς ἦγον οἱ Ἕλληνες, ἐμφανῶς συγγίγνεσθαι. νόμος γὰρ ἦν οὗτός σφισι) не есть единственный этого рода, хотя и рѣдкость (смотри Кюнеръ: Ausf. Gr. § 455 5. 8). Слово οὗ, οἷ, ἕ оставалось тогда уже только въ роли такъ называемаго *возвратнаго мѣстоименія*, гдѣ активнымъ опредѣлителемъ сказуемаго является предметъ тождественный съ его подлежащимъ. Мы говоримъ „оставалось въ роли такъ называемаго возвратнаго мѣстоименія", а не „перешло въ роль возвратнаго мѣстоименія" и думаемъ, что возвратное значеніе слова οὗ οἷ ἕ есть только *ограниченіе употребленія его, какъ прямаго личнаго показателя 3 л.* (что оно въ этомъ случаѣ усиливается словомъ αὐτός, объ этомъ мы говорили на стр. 31). Въ самомъ дѣлѣ, если Гомеръ напр. въ Ил. 4. 335 говоритъ:

Θρήϊκες ἀκρόκομοι, δολίχ' ἔγχεα χερσὶν ἔχοντες,
οἵ ἑ, μέγαν περ ἐόντα καὶ ἴφθιμον καὶ ἀγαυόν,
ὦσαν ἀπὸ σφείων,

то σφείων здѣсь ни чуть не отличается относительно возможности его употребленія отъ словъ ἐγώ и σύ, употребленныхъ па пр. у Дем. 40. 8 (ὑμεῖς τοὺς ὑ μ ε τ έ ρ ο υ ς παῖδας ἀγαπᾶτε) и у Плат. Лах. 179. (αἰτιώμεθα τοὺς πατέρας ἡμῶν), однако не заслуживающихъ отъ того названія возвратныхъ мѣстоименій. Ограничиваясь ролью возвратнаго мѣстоименія, слово οὗ, οἷ, ἕ само вытѣснило изъ нея тѣ слова, на которыя эта роль была прежде распространена (оно потомъ и могло быть названо reflexivum κατ' ἐξοχήν; см. стран. 32). Мы имѣемъ здѣсь въ виду опять слова μίν и αὐτός: употребленіе этихъ словъ въ рефлексивномъ значеніи служитъ опять таки доказательствомъ такимъ-же и тому-же, какимъ и чему послужили выше слова ἐγώ и σύ. Что μίν употребляется у Гомера рефлексивно, въ этомъ убѣждаетъ насъ повторяющійся столь часто оборотъ τῷ μιν εἰσάμενος (смотри напр. Од. 6. 24, Ил. 2. 22, 2. 795, 16. 720, 20. 82. и т. д.); что и на αὐτός распространено было у Гомера возвратное значеніе, это мы видимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Од. 4. 247. Елена разсказываетъ объ Одиссеѣ, какъ онъ

ἄλλῳ δ' αὐτὸν φωτὶ κατακρύπτων ἤϊσκεν,
δέκτῃ, ὃς οὐδὲν τοῖος ἔην ἐπὶ νηυσὶν Ἀχαιῶν.

въ нашемъ представленіи, (jenes weist auf etwas durch die Erzählung gegebenes oder in der wirklichen sinnlichen Anschauung vorhandenes hin, dieses dagegen geht auf etwas bloss in der Vorstellung befindliches), если *само себя* неопровергаетъ окончательно, то по крайней мѣрѣ имѣетъ дѣло съ чѣмъ то слишкомъ неуловимымъ на конкретныхъ случаяхъ, чтобы заслужить довѣріе, особенно когда не имѣетъ для себя другихъ доказательствъ чѣмъ одни контексты.

τῷ ἴκελος κατέδυ Τρώων πόλιν, οἱ δ' ἀβάκησαν
πάντες·

Од. 2. 125. Антиной говоритъ Телемаху о Пенелопѣ:
τόφρα γὰρ οὖν βίοτόν τε τεὸν καὶ κτήματ' ἔδονται,
ὄφρα κε κείνη τοῦτον ἔχῃ νόον, ὅντινα οἱ νῦν
ἐν στήθεσσι τιθεῖσι θεοί. μέγα μὲν κλέος αὐτῇ
ποιεῖτ', αὐτὰρ σοίγε ποθὴν πολέος βιότοιο.

Ил. 9. 342. ἐπεὶ ὅστις ἀνὴρ ἀγαθὸς καὶ ἐχέφρων,
τὴν αὐτοῦ φιλέει καὶ κήδεται, ὡς καὶ ἐγὼ τὴν
ἐκ θυμοῦ φίλεον δουρικτητήν περ ἐοῦσαν [46]):

---

[46]) Примѣры эти приводитъ Аполлоній смотри περὶ ἀντ. стр. 101. Въ Од. 2. 125 ...путъ вмѣсто αὐτῇ αὐτῆς, а ποιεῖται объясняютъ въ значеніи γίγνεται (смотри Аполлонія ...ὶ ἀντ. 102); въ такомъ случаѣ, конечно, этотъ примѣръ не подходилъ бы сюда (хотя ... подобномъ толкованіи нарушается вся синтаксичеткая симметрія предложенія, вмѣща...аго въ себѣ слово αὐτῆς, съ слѣдующимъ); но за то редакція другихъ двухъ ...мѣровъ, въ приведенномъ нами ея видѣ, не оспорима. Конечно, легко было во ...ъ этихъ примѣрахъ вмѣсто αὐτὸν поставить αὐτόν, вмѣсто αὐτῆς αὐτῆς (такъ ...орыя рукописи сдѣлали; смотри изданіе La Roche); но вѣдь намъ извѣстно, что у Го... композиціи ἑαυτοῦ ἑαυτῷ и т. д. не встрѣчаются, а всегда только οὗ αὐτοῦ οἷ αὐτῷ ... Виндишъ: Relativpronomen: Gurtius Studien II. 2. стр. 349.—Схолія къ Ил. 9. 342 ...тъ Птолемея за то, что онъ въ этомъ стихѣ поставилъ αὐτοῦ вмѣсто αὐτοῦ и что ...наетъ, „ὅτι Ὅμηρος οὐδέποτε συνθέτῳ κέχρηται ἀντωνυμίᾳ"); тѣмъ менѣе можно предположить ...ствованіе формъ αὐτοῦ αὐτῆς. Можно еще принимать въ этихъ примѣрахъ слово αὐτός ...ко за αὐτός reflexionis и считать мѣстоименіе οὗ οἷ ἕ пропущеннымъ (такіе пропус и мы ...чали въ I-й главѣ 2-й части нашего сочиненія и при другихъ значеніяхъ слова αὐτός, ...ри αὐτός reflexionis такой пропускъ необходимо принять въ Од. 10. 87, гдѣ сказано:

αὐτὰρ ἐμοὶ πνοιὴν Ζεφύρου προέηκεν ἀῆναι,
ὄφρα φέροι νῆάς τε καὶ αὐτούς· οὐδ' ἄρ' ἔμελλεν
ἐκτελέειν. αὐτῶν γὰρ ἀπωλόμεθ' ἀφραδίῃσιν,

...ѣ αὐτῶν вызываетъ къ себѣ въ пополненіе слово ἡμῶν). Такъ объясняетъ наши при... самъ Аполлоній. Намъ кажется, что симазіологическая тождественность слова αὐτός ...ловомъ μίν на одномъ полѣ значенія его прокладываетъ ему дорогу и къ то...твенности на разбираемомъ нами теперь полѣ. Схолія къ Од. 4. 244, именно къ слѣдамъ:

ἀλλ' οἷον τόδ' ἔρεξε καὶ ἔτλη καρτερὸς ἀνὴρ
δήμῳ ἔνι Τρώων, ὅθι πάσχετε πήματ' Ἀχαιοί.
αὐτόν μιν πληγῇσιν ἀεικελίῃσι δαμάσσας,
σπεῖρα κάκ' ἀμφ' ὤμοισι βαλών, οἰκῆϊ ἐοικώς,
ἀνδρῶν δυσμενέων κατέδυ πόλιν εὐρυάγυιαν,

...ъ встрѣчающіяся въ означенномъ нами стихѣ слова αὐτόν и μίν за симазіологиче... ...ждественныя слова (ἰσοδυναμοῦσαι ἀντωνυμίαι) и считаетъ одно изъ нихъ достаточ... (ἀντὶ τῆς μιᾶς παραλαμβάνονται). Это одно можетъ быть, конечно, и αὐτός и должно быть

Для насъ понятно, что такое ограниченіе употребленія слова οὗ, οἷ, ἕ, которое заставило произносящихъ его чувствовать его если не *исключительно*, то, по крайней мѣрѣ, *преимущественно въ возвратномъ смыслѣ*, проложило этому же слову дорогу въ область другихъ лицъ и довело его до того, что оно сдѣлалось *общимъ для всѣхъ лицъ возвратнымъ мѣстоименіемъ* (см. стр. 18 н. соч.). Кюнеръ (Ausf Gr. § 455. 7) замѣтилъ, что это послѣднее значеніе получило полный ходъ въ александрійскій періодъ (In der alexandrinishen Mundart greift dieser Gebrauch immer mehr um sich). Въ Гомерѣ, въ которомъ первое значеніе слова οὗ, т. е. значеніе личнаго показателя 3-го лица, не было еще ограничено, о такомъ общевозвратномъ значеніи его нѣтъ и помину; только въ загадочной Долоніи, въ 398 стихѣ, лучшія рукописи вмѣсто φύξιν βουλεύουσι μετὰ σφίσιν (Долонъ тутъ говоритъ Одиссею, что Гекторъ послалъ его вывѣдать, думаютъ ли греки о бѣгствѣ) пишутъ βουλεύοιτε μετὰ σφίσιν (βουλεύοιτε здѣсь, конечно, возможно, такъ какъ Долонъ всегда былъ въ правѣ, обращаясь къ Одиссею, считать его представителемъ всѣхъ грековъ и указываетъ ему на грековъ въ 2-мъ лицѣ), послѣ чего σφίσιν получаетъ значе-

---

потомъ уже во всякомъ случаѣ приминаемо въ возвратномъ значеніи. Другой варіантъ этого мѣста есть αὐτὸν μὲν (смотри La Roche изданіе Гомера), а третій, примѣняющійся къ вышеуказаннымъ αὐτοῦ, αὐτὸν и αὐτῇ, есть αὐτὸν μὲν. Къ последнему варіанту, должно быть и относятся слова, сказанныя, какъ свидѣтельствуетъ La Roche od versum Jl. 4. 24, Аристархомъ, что αὐτὸν здѣсь должно быть поставлено φιλῶς· οὐκ οἶδε, продолжаетъ Аристархъ, τὴν Ἀττικῶν (correxit Dindorfus pro αὐτῶν) συνήθειαν ὁ ποιητής (Диндоръ пополняетъ: qui soli, Attici, αὐτὸν dicunt). Такое указаніе Аристарха, конечно, тоже подтверждаютъ рефлексивное значеніе слова αὐτός.—Не принимаемъ мы за рефлексивное то αὐτός, которое присоединяется въ формѣ косвенныхъ падеж. къ имен пад. этого же слова для усиленія его (мы имѣетъ здѣсь въ виду обороты αὐτὴ πρὸς αὐτήν, αὐτοὶ ὑπ' αὐτῶν и т. д.; см. въ вын. 24. о двойномъ αὐτός) хотя этимъ косв. падежамъ въ другихъ оборотахъ, встрѣчающихся рядомъ съ ними, соответствуютъ формы αὐτοῦ, αὐτὸν и т. д. (рядомъ съ оборотомъ αὐτοὶ ὑπ' αὐτῶν на пр. появляется оборотъ αὐτοὶ ὑφ' αὐτῶν. О существованіи тѣхъ и другихъ оборотовъ въ греческомъ языкѣ сравни Кюнеръ: Ausf. Gramm. § 455. 4. 4). Мы не принимаемъ это αὐτός за рефлексивное потому, что тогда нужно бы его признавать рефлексивнымъ не въ одномъ 3-мъ лицѣ, а во всѣхъ (ибо подобные обороты, какъ видно въ указанномъ нами мѣстѣ грамматики Кюнера, употребляются о всѣхъ грамматическихъ лицахъ), а съ другой стороны мы находимъ прекрасное ἀνάλογον въ русскомъ языкѣ, ведущее насъ именно къ тому, чтобы принять въ однихъ оборотахъ косвенный падежъ слова αὐτός за повтореніе того αὐτός, которое встрѣчается тамъ же въ им. пад., не смотря на рефлексивное пониманіе формъ ἑαυτόν и т. д., встрѣчающихся въ другихъ оборотахъ. Ἀνάλογον это есть русское *самъ на самъ*. Конечно, указывая на русское *самъ на самъ*, какъ на ἀνάλογον греческимъ оборотамъ, мы имѣемъ въ виду только одинаковость *закона* въ обоихъ языкахъ, а не одинаковость *простора* въ примѣненіи этого закона къ конкретнымъ случаямъ; послѣдній, т. е. просторъ примѣненія этого закона, оказывается въ греческомъ языкѣ, въ виду нашихъ оборотовъ, гораздо больше, чѣмъ въ русскомъ.

общевозвратное [17]).—Слово ὅς (свой) въ такомъ общевозвратномъ значеніи ввелъ въ текстъ Гомера, въ разрѣзъ съ текстомъ Аристарха, Бругманъ въ своемъ сочиненіи: Ein Problem der homerishen Textkritik Leipzig; 1876. г. [18]) Намъ кажется, что такое значеніе слова ὅς развилось на совершенно другой почвѣ, чѣмъ общевозвратное значеніе слова οὗ; первое, въ значеніи, предлагаемомъ Бругманомъ, мы можемъ принять въ текстъ Гомера вовсе не въ ущербъ нашему положенію о симзіологическомъ развитіи послѣдняго; ὅς могло въ этомъ общевозвратномъ значеніи войти въ языкъ Гомера на такихъ же правахъ, на какихъ у него принято слово ἴδιος, имѣющее съ ὅς, какъ извѣстно, общій этимологическій корень. Дѣло представляется намъ вотъ какъ: Стремленіе выразить понятіе „принадлежащій *опредѣленному* предмету" отыскало въ рѣчи средство для своего осуществленія въ образованіи адъективной формы отъ слова, обозначающаго этотъ *опредѣленный* предметъ. Образуя напр. отъ ἔτυμον *богъ* прилагательное *божій*, мы выражаемъ понятіе *принадлежащій богу*. Чтобы можно было такимъ же образомъ выразить понятіе «собственный», относящееся къ понятію „принадлежащій *опредѣленному* лицу", какъ absolutum къ relativum, нужно было искать для него ἔτυμον (такое, какимъ послужило слово *богъ* слову *божій*) въ такомъ словѣ, которое *не* обозначало бы *опредѣленнаго* предмета: если мы понятіе слова „собственный" опишемъ посредствомъ выраженія „принадлежащій тому же самому предмету, о которомъ въ томъ или другомъ случаѣ придется говорить", то увидимъ, что̀ именно должно быть выражено въ ἔτυμον искомой нами адъективной формы. Предметъ, упоминаемый въ нашемъ описаніи понятія „собственный", долженъ былъ, въ самый моментъ образованія такой адъективной формы, представляться творцу ея въ 3-мъ грамматическомъ лицѣ, причемъ корень swa оказалъ ему (при отыскиваніи слова для обозначенія этого предмета) свои услуги. Так. образомъ, слово ὅς, равно, какъ и русское *свой*, могло получить общевзовратное значеніе, благодаря *идеализированію* корня swa (употребленію его для выраженія понятія, не имѣющаго отношенія къ единичному случаю, т. е. къ предмету, которому что нибудь присваивается; сравни

---

17) Древнимъ комментаторамъ, какъ извѣстно, этотъ стихъ надѣлалъ много хлопотъ. Его то выпускали (Аристофанъ), то писали съ 3-мъ лицомъ глагола βωλεύω (Аристоникъ).

18) На стр. 117 этого сочиненія онъ составилъ перечень всѣмъ мѣстамъ Гомера, въ которыхъ онъ вводитъ ὅς въ общевозвр. знач. Неоспоримыми, на основаніи критики текста, онъ считаетъ: Од. 2. 134 и 206, 4. 192, 9. 28, 11. 492, 13. 320, 16. 149, 17. 103 19. 596; Ил. 1. 393, 3. 244, 6. 221, 7. 153, 14. 249, 15. 138, 18. 231, 19. 322 и 342, 21 412, 24. 422 и 550.

выраженіе: *свое милѣе чужаго*) противоположному отнесенію его, какъ корня личнаго мѣстоименія, *къ отдѣльнымъ предметамъ*. Мы, однако, видимъ, что это идеализированіе корня swa вызвано было въ словѣ ὅς чѣмъ-то, находящимся *внѣ* значенія этого корня (и привлекающимъ корень swa только въ качествѣ одного изъ факторовъ для выраженія чего-то цѣлаго); оно не будетъ имѣть въ немъ примѣненія, коль скоро такого толчка извнѣ не будетъ; послѣднее (то есть отсутствіе упомянутаго толчка) замѣчается въ употребленіи *простаго* слова οὗ, въ противоположность словамъ, *произведеннымъ* отъ него (на ὅς и ἴδιος мы уже указали, а на другія въ этомъ родѣ укажемъ ниже). Вотъ почему мы и сказали, что общевозвратное значеніе слова οὗ должно имѣть другую почву для своего развитія, чѣмъ общевозвратное значеніе слова ὅς.

Итоги всему, сказанному нами объ οὗ, οἷ, ἕ здѣсь и на страницахъ 16 и сл., будутъ слѣдующіе: οὗ, οἷ, ἕ *есть первоначально личный показатель присутствующаго въ нашемъ представленіи предмета 3 л.; по мѣрѣ же замѣненія его въ этомъ значеніи словомъ αὐτός, оно чувствовалось болѣе возвратнымъ, а какъ возвратное перешло уже въ область другихъ грам. лицъ.* Наше положеніе объ этомъ мѣстоименіи расходится *существенно* съ господствующимъ въ настоящее время ученіемъ. Мы не говоримъ здѣсь о томъ ученіи, которое, перечисляя 3 разныхъ значенія слова οὗ, οἷ, ἕ, именно значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица, рефлексивное 3-го л. и общерефлексивное,—второе выставляетъ за «нормальное», первое за „діалектическую особенность", а третье за „злоупотребленіе языка" (Missbrauch; см. Крюгеръ: Gr. Sprachl. 51. 2. 15); мы на это ученіе должны смотрѣть только, какъ на сообщеніе одной группировки фактовъ, и видѣли бы въ немъ просто *отклоненіе* вопроса о разъясненіи взаимнаго отношенія этихъ трехъ значеній, если-бы при этомъ не было внесено въ него указаніе на „злоупотребленіе языка", освобождающее насъ, впрочемъ, какъ указаніе не филологическое, отъ дальнѣйшаго разбора этого ученія. Обратимъ вниманіе на другую теорію. Она діаметрально противоположна съ *нашею* теоріею: за первоначальное значеніе мѣстоимѣнія οὗ она принимаетъ общерефлексивное значеніе, другія же два значенія—за развившіяся изъ него; развилось же, по мнѣнію ея представителей, изъ обощевозвратнаго значенія прежде *возвратное значеніе* 3-го лица, а за тѣмъ уже значеніе *личнаго мѣстоименія* того же грамматическаго лица. Эта теорія развита въ послѣднее время особенно Виндишемъ и Бругманомъ. Они изложили ее въ упомянутыхъ нами уже сочиненіяхъ: Untersuchungen über den Ursprung des Relativpronomens in den indogermanisehen Sprachen (Виндишъ) и Ein Problem der homerischen Textkritik (Бругманъ) [49].

[49]) Бругманъ выставляетъ себя до нѣкоторой степени противникомъ Виндиша; но

Принятіе значенія *личн. мѣстоим. 3 л.* болѣе позднимъ, въ сравненіи съ значеніемъ *возвратнымъ* того же грамматическаго лица, было, конечно, не-

въ общей сложности они оба идутъ, по отношенію къ нашей теоріи, *однимъ* направленіемъ. Вотъ болѣе обстоятельное изложеніе ученія Виндиша и Бругмана:

Виндишъ принимаетъ за первоначальное значеніе то, которое мы отвели для сильнаго αὐτός identitatis въ соединеніи его съ личными мѣстоименіями; для растолкованія этого значенія читателю, онъ прибѣгаетъ къ сопоставленію слова οὗ съ нѣмецкимъ ich, du, er selbst (смотри 344 страницу его сочиненія). „Въ этомъ значеніи", говоритъ авторъ, „кроется уже общевозвратное значеніе" (стр. 343). Изъ него де развиваются: съ одной стороны значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица (или, какъ авторъ выражается, въ разрѣзъ съ тѣмъ, что мы говорили на страницахъ 16 и сл. „анафорическое" значеніе), а съ другой стороны возвратное значеніе 3-го лица. Развитіе и того и другаго значенія изъ одного общаго начала идетъ *совершенно независимо* другъ отъ друга (стр. 345), „хотя, прибавляетъ Виндишъ, „послѣдне значеніе установилось *позже* перваго" (стр. 332). Всѣ четыре пункта, сообщенные нами здѣсь, непосредственно выходятъ изъ смысла указанныхъ нами четырехъ мѣстъ изъ сочиненія Виндиша. Подлинное гласитъ такъ (приводимъ мы подлинное въ томъ порядкѣ, въ которомъ составлено наше изложеніе его): Als ursprüngliche Bedeutung des Wortes οὗ hat man nicht „selbst", sondern „ich, du, er selbst" anzusetzen.. Es ist nur eine specielle, in manchen Sprachen im Laufe der Zeit zur alleinigen Herrschaft gelangte Anwendnng, wenn es als Reflexivpron. die Identität des Objectes mit dem Satzsubjecte bezeichnet... Im griechischen soll man unter Reflexivpronomen οἷ (разумѣй: Reflexivpronomen der dritten Person) ein ursprüngliches „ihm selbst" u. s. w. verstehen und dabei annehmen, dass in einem griechischen Pronomen diese ursprüngliche Bedeutung noch nicht erloschen war. Dadurch kommt auch eine gewisse Einheit in den Gebrauch desselben, da es ja zu gleicher Zeit reflexiv und einfach anaphorisch angewendet wird.... Für das griechische ist die reflexive Function als das Prius anzusetzen.—Виндишъ могъ, не измѣняя своей точкѣ зрѣнія при опредѣленіи первоначальнаго значенія οὗ (какая это была точка зрѣнія, на это мы укажемъ ниже), въ подтвержденіе такого значенія, указать на форму σφεῖς (къ ней очень подходитъ его переводъ „sie selbst"), употребленную напр. у Геродот. VIII. 7, гдѣ сказано: τῶν νεῶν ἁπασέων ἀποχρίναντες διηκοσίας περιέπεμπον ἔξωθεν Σκιάθου, ὡς ἂν μὴ ὀφθέωσι ὑπὸ τῶν πολεμίων περιπλώουσαι Εὔβοιαν κατά τε Καφηρέα καὶ Γεραιστὸν ἐς τὸν Εὔριπον, ἵνα δὴ περιλάβοιεν, οἱ μὲν ταύτῃ ἀπικόμενοι καὶ φράξαντες αὐτῶν τὴν ὀπίσω φέρουσαν ὁδόν, σφεῖς δὲ ἐπισπόμενοι ἐξ ἐναντίης. Такое же σφεῖς мы видимъ у Θук. 4. 114: τοὺς δὲ πάντας παρασκευάζεσθαι ἐκέλευσεν ὡς βεβαίους τε ἐσομένους ξυμμάχους καὶ τὸ ἀπὸ τοῦδε ἤδη ὅ τι ἂν ἁμαρτάνωσιν αἰτίαν ἕξοντας· τὰ δὲ πρότερα οὐ σφεῖς ἀδικεῖσθαι, ἀλλ' ἐκείνους μᾶλλον ὑπ' ἄλλων κρεισσόνων, καὶ ξυγγνώμην εἶναι, εἴ τι ἠναντιοῦτο. Сравни еще Ксен. Anab. VII. 5. 9, Θук. V. 46. 3 и V. 63. 5, Плат. Пол. 487 B. Ксен. Ἑλληνικά V. 2. 8. и т. д. Сюда же принадлежитъ употребленіе именительнаго падежа ἵ, пополняющаго, по ученію древнихъ (смотри Аполлоній Дис. περὶ ἀντ. 10. B, и 69 C и сл.), этимологію слова οὗ, имѣющаго дѣйствительно общую съ οὗ основу (если бы не было въ немъ густаго придыханія, то можно бы подумать, что это слово образовано, какъ выше объясненное μίν, отъ корня ja; но густое придыханіе въ немъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; смотри объ этомъ Гартунга: Casus 114) и употребленнаго, по

обходимое послѣдствіе принятія общевозвратнаго значенія за *первоначальное*, но само по себѣ осталось нашими учеными недоказаннымъ; доказательство Виндиша, повторяемое Бругманомъ, уличаетъ и того и другаго только въ недальновидности. Виндишу показалось очень пригоднымъ для его теоріи то обстоятельство, что на 14 мѣстъ изъ Одиссеи приходятся 43 мѣста въ Иліадѣ, въ которыхъ нужно οὗ, οἷ, ἕ принять за рефлексивное (стр. 332); но почему же онъ скорѣе не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что οὗ, οἷ, ἕ у Гомера въ значеніи личнаго мѣстоимѣнія употребляется *очень часто*, а въ аттическомъ языкѣ *очень рѣдко*, и не вывелъ изъ *этого* другое, во всякомъ случаѣ болѣе вѣрное, заключеніе?

Виндишъ, правда, присовокупляетъ къ сообщенному нами указанію о численномъ отношеніи въ Иліадѣ и Одиссеѣ рефлексивнаго οὗ къ οὗ,

---

свидѣтельству Аполловія (смотри περὶ ἀντ. стр. 70 B), Софокломъ въ „Эномаѣ" въ контекстѣ: ἡ μὲν, ὡς ἵ θάσσονα, ἡ δὲ ὡς ἵ τέκοι παῖδα (такъ читаетъ это мѣсто Диндорфъ; здѣсь идетъ рѣчь о двухъ матеряхъ, изъ которыхъ каждая своего сына хвалитъ; „одна говоритъ",—такой будетъ переводъ этого мѣста,—„что *она* родила болѣе быстраго сына, а другая опять, что она"....)—Мы, конечно, будемъ и σφεῖς и ἵ объяснять иначе, чѣмъ могъ объяснять Виндишъ. Въ приведенныхъ нами примѣрахъ контекстъ вызываетъ читателя на *логическое противопоставленіе*; это и есть причина постановки именительнаго падежа слова οὗ; въ противномъ случаѣ онъ былъ бы лишній. Что въ подобныхъ примѣрахъ удерживается то значеніе, которое мы сами предназначили слову οὗ на стр. 17. (1-я строчка) и что они не противорѣчатъ тому, что мы на томъ же мѣстѣ говорили объ отсутствіи именительнаго падежа въ словѣ οὗ (тамъ мы не имѣли въ виду логическаго противопоставленія), ни выводу нашему изъ этого отсутствія, это, надѣемся, читателю будетъ ясно.—На сколько этими примѣрами расширяется почва для симазіологическаго сближенія слова οὗ съ словомъ αὐτός, на это также у читателя, безъ сомнѣнія, отвѣтъ готовъ.

Переходимъ теперь къ изложенію ученія Бругмана. Бругманъ, къ нашему удивленію, при отыскиваніи значенія, названнаго имъ первоначальнымъ, не хочетъ принимать въ соображеніе существованія въ языкѣ именительныхъ падежей σφεῖς и ἵ. Не представляя на то никакого объясненія, онъ въ полемикѣ съ Виндишемъ отдѣлывается слѣдующими словами: σφεῖς kommt hier (разумѣй при отыскиваніи первоначальнаго значенія) *natürlich* nicht in Betracht (стр. 85). Можетъ, впрочемъ, быть, что мы должны видѣть это объясненіе въ указаніи на то (смотри стр. 14), что σφεῖς есть форма относительно молодая (relativ jung); но въ ἑαυτοῦ (а общевозвратное значеніе развило, какъ извѣстно, преимущественно *это* слово) въ значеніи общевозвратнаго слова есть тоже, какъ мы выше указали (см. стр. 62), и какъ онъ самъ сознаетъ на стр. 43, позднее, а все же онъ на него настаиваетъ при рѣшеніи этой же задачи (смотри у него стр. 39).—Исключая, какъ мы сказали, формы σφεῖς, ἵ изъ числа слагаемыхъ для подведенія итога, рѣшающаго вопросъ о первоначальномъ значеніи слова οὗ, Бругманъ считаетъ необходимымъ условіемъ для появленія слова οὗ въ извѣстномъ предложеніи—предварительную постановку въ немъ (или предварительное подразумѣваніе) слова, обозначающаго тотъ же самый предметъ, который обозначаетъ οὗ; это слово должно занимать въ предложеніи другое положеніе, чѣмъ οὗ; оно можетъ быть или грамматическимъ подлежащихъ, или другимъ членомъ предложенія (въ предложеніи ὁ πατὴρ ἤσθετο τὸν υἱὸν περὶ

имѣющему значеніе русскаго *ему его*, еще другое указаніе, которое, по своему характеру, должно бы имѣть *большой* вѣсъ въ его аргументаціи; но дѣло въ томъ, что это указаніе, если мы его правильно понимаемъ, совершенно *ложное*. Виндишъ говоритъ, что рефлексивное οὗ у Гомера появляется „*преимущественно въ типическихъ оборотахъ*“ (vorwiegend in gewissen Versformeln; Бругманъ на стр. 85 передаетъ смыслъ этихъ словъ словами: vorwiegend in formelhaften Wendungen). Дѣйствительно, на типическіе обороты, въ которыхъ извѣстное слово представляетъ какую нибудь особенность въ сравненіи съ его обыкновеннымъ употребленіемъ, мы можемъ очень часто смотрѣть какъ на доказательство, что означенная особенность того или другаго слова есть остатокъ болѣе древняго, въ сравненіи съ обыкновеннымъ, его употребленія, чего бы эта особенность ни касалась, этимологіи ли, или симазіологіи, или синтаксиса. Но Виндишъ видитъ эту типичность оборотовъ по отношенію къ слову οὗ тамъ, гдѣ результаты науки совершенно не даютъ ему права усматривать ее и гдѣ и рефлексивное οὗ и οὗ, имѣющее значеніе русскаго *его*, *ему*, появляются одинаково. Онъ указываетъ на то, что рефлексивное οὗ встрѣчается въ соединеніи съ *предлогами* (смотри стр. 331), какъ будто бы чѣмъ нибудь отличались, по вопросу о типичности оборота, слова ἀπὸ εἷο, встрѣчающія на пр. въ Од. 22. 19 (θοῶς δὲ ἀπὸ εἷο τράπεζαν ὦσε) и переводящіяся словами *отъ себя*, отъ слова ἕο, встрѣчающагося въ Ил. 2. 239 (ἕο μέγα ἀμεί-

ἓ φοβεόμενον можетъ относиться слово ἓ или къ слову πατήρ или къ слову υἱόν). Такое слово онъ называетъ реципіентомъ слова οὗ и, допуская его во всѣхъ 3-хъ грамматическихъ лицахъ, назначаетъ такимъ образомъ предѣлы *первоначальному* значенію слова οὗ. Изъ этого значенія развилось за тѣмъ, по его пониманію, рефлексивное значеніе 3-го лица, а изъ послѣдняго уже „анафорическое“ значеніе. Разница-де между 3-мъ и 2-мъ значеніемъ только та, что одно имѣетъ болѣе объективный характеръ, а другое болѣе субъективный, такъ что, если мы напр. переводимъ предложеніе ὁ πατὴρ ἐκάλεσε πρὸς ἓ τὸν υἱὸν словами „отецъ призвалъ *къ себѣ* сына“, то въ насъ, по пониманію Бругмана, происходитъ тоже самое, что бываетъ при косвенной рѣчи, и мы въ словѣ ἓ выставляемъ не *себя* самихъ обозначателями лица, показаннаго этимъ словомъ, но самое лицо πατήρ; сами же являемся обозначателями предмета, если напр. переводимъ предложеніе ἐκάλεσε τὸν υἱὸν καὶ ἔδωκέ οἱ... словами „призвалъ сына и далъ *ему*“. Такое пониманіе Бругманемъ слова οὗ мы видимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ его сочиненія: Dass die Stämme swa und sava... überall von Anfang an allgemeine Reflexiva waren, ist eine sicher erwiesene Thatsache. (стр. 37) Dass der Recipient des Reflexivprouomen weitaus in den meisten Fällen Subject ist, ist allerdings richtig, aber er kann eben so gut ein anderes Satztheil sein, und das Wesen des Ponomen ist im letzteren Falle genau dasselbe, wie wenn Bezug auf das Subject Statt findet. (стр. 86). Ich glaube, wir können das Wesen des Reflexivpronomen in Kürze nicht besser bezeichnen, als wenn wir von innerer oder subjectiver Anaphora reden, im Gegensatz zu der äusseren oder objectiven, wie sie z. B. in dem Satz *er geht zu ihm* vorliegt....In dem Reflexivum... stellt sich der Redende selbst auf den Standpunkt des Recipienten und verfällt so zu sagen, momentan in die oratio obliqua (стр. 87).

νονα φῶτα ἠτίμησεν): мы должны сказать, въ виду той общеизвѣстной теоріи, по которой предлоги у Гомера имѣютъ значеніе *синтаксически самостоятельныхъ нарѣчій*, что по отношенію къ типичности оборотовъ разницы между нашими мѣстами никакой нѣтъ; Виндишъ долженъ былъ эту теорію опровергнуть, прежде чѣмъ могъ здѣсь говорить о типичности оборотовъ. Кромѣ того, самъ Виндишъ приводитъ мѣсто, гдѣ οὗ въ значеніи рефлексивномъ употреблено *безъ* предлоговъ (смотри стр. 331), и также и съ другой стороны можно найти въ Гомерѣ достаточное количество примѣровъ, гдѣ οὗ въ значеніи русскаго *его* употреблено *съ* предлогами (сравни Од. 13. 26, 15. 302, 17. 261, 20. 162, 23. 144, 23. 304 и т. д.). Сказаннаго, кажется мнѣ, достаточно, чтобы убѣдится въ несостоятельности аргументаціи Виндиша.

Немного другой характеръ имѣетъ доказательство того положенія, что общерефлексивное значеніе есть *первоначальное* значеніе слова οὗ. Оно заключается въ выводѣ, сдѣланномъ на основаніи значеній цѣлаго ряда словъ, собранныхъ изъ разныхъ языковъ и возводимыхъ сравнительною грамматикою къ корню swa. Мы ихъ съ своей точки зрѣнія раздѣляемъ на *двѣ* группы. Въ первую группу входятъ слова, какъ-то: греческое ἔτης (собственно σFέτης; возможность образованія этого слова отъ корня swa совершенно та же самая, какъ въ словахъ *свояк*ъ, *свояченица*), санскритское nihswa (=безъ собственности, бѣдный), swabhâwa (=особенность), swadhâ (=собственное дѣяніе), swatawas и swakshatra (=αὐτάρκης) и т. дал. Значеніе всѣхъ этихъ словъ, думаютъ наши ученые, предполагаетъ въ основѣ *swa*, какъ составной части ихъ, отсутствіе всякаго намека на какое бы то ни было грамматическое лицо и заставляетъ насъ придавать ей то значеніе, на которое мы указывали при ὅς на стр. 65; они его передаютъ словомъ eigen (смотри Виндишъ стр. 343. и Бругманъ стр. 39). Мы совершенно согласны съ такимъ мнѣніемъ Виндиша и Бругмана относительно отсутствія намека на извѣстное грамматическое лице въ сложныхъ словахъ, произведенныхъ отъ корня swa, но заключать изъ этого, какъ они это дѣлаютъ, что отсутствіе такого грамматическаго лица должно лежать въ основаніи *первоначальнаго значенія* слова οὗ, это значитъ смѣшивать такія понятія, которыя нужно строго различить между собою. Та же самая ошибка вкралась въ ихъ выводы и по отношенію къ тѣмъ явленіямъ, которыя мы вносимъ въ другую изъ вышеупомянутыхъ группъ. Мы разумѣемъ здѣсь прежде всего выставляемое нашими учеными употребленіе слова *себя* въ славянскихъ языкахъ. Выдѣляемъ мы случаи употребленія его въ особенную группу, какъ читатель самъ догадается, потому, что не можемъ не относить слово *себя* къ опредѣленному предмету (подъ *опредѣленнымъ* предметомъ мы подразумѣваемъ тотъ же самый предметъ, о которомъ мы говорили на стр. 65 въ послѣдней, а на стр. 66 въ

2-й строкахъ). Въ самомъ дѣлѣ, въ выраженіи напримѣръ, „Я не могу никакъ простить себя, что я такъ поступилъ", слово *себя* слишкомъ живо напоминаетъ намъ лице *я*, чтобы ставить его па одну точку съ какимъ нибудь санскритскимъ niḥswa, или другими вышеупомянутыми словами. Слово *себя* можетъ, конечно, быть употребляемо во *всѣхъ* грамматическихъ лицахъ, но это случается благодаря столкновенію его съ словомъ *ему*, *его*, точно также какъ греческое οὗ употребляется о всѣхъ грамматическихъ лицахъ, благодаря столкновенію его съ словомъ μίν и αὐτός. Грамматики хорошо сдѣлали, назвавъ его, при такомъ его употребленіи, *общевозвратнымъ* мѣстоименіемъ, но изъ этого опять — таки не слѣдовало нашимъ ученымъ заключать, особенно въ виду санскритскато, гомерическаго и латинскаго словъ, соотвѣтствующихъ этимологически славянскому *себя*, а все таки не употребляющихся въ *общевозвратномъ значеніи*, что въ корнѣ swa есть общевозвратное значеніе *первоначальное*.

Очевидное дѣло, что и Бругманъ и Виндишъ, при рѣшеніи вопроса о первоначальномъ значеніи корня swa, исходили изъ убѣжденія, что первоначальное значеніе должно быть то, которое вмѣщаетъ въ себѣ всѣ остальныя значенія словъ, происходящихъ отъ этого корня; его мы имѣли въ виду въ сноскѣ на стр. 67 (строчка 19 снизу). Что это убѣжденіе ошибочно, объ этомъ нечего говорить; въ виду такого значенія, какое замѣчается за корнемъ swa въ словѣ ἔτης или славянскомъ *себя*, первоначальное значеніе должно оставаться для филолога такимъ же неизвѣстнымъ *x*, какимъ оно было въ виду значенія *онъ*, *его*, *ему* и т. д.; отыскивать же это неизвѣстное *x* слѣдовало на другой почвѣ.—Мы сдѣлали попытку отыскать и почву (сообщивъ свой взглядъ на извѣстный рядъ мѣстоименій и сопоставивъ οὗ съ другими синонимами) и неизвѣстное *x* на ней. —[50])

[50]) При томъ сходствѣ, которое представляютъ между собою и корни swa и twa, и склоненіе мѣстоименій, происходящихъ отъ этихъ корней, именно словъ σοῦ и οὗ трудно было не предполагать, что οὗ должно быть первоначально такимъ личнымъ мѣстоименіемъ 3-го лица, какимъ является σοῦ для 2-го лица. Что славянское *себя*, равно какъ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О СЛОВѢ 'Ο

(съ экскурсомъ о значеніи слова ὅς—который) и симазіологическомъ отношеніи слова ὁ къ словамъ οὗ, αὐτός, μίν и ὅς.

***

Передовыми грамматиками, въ разработкѣ вопроса о значеніи слова ὁ, въ настоящее время считаются Бернгарди, Матіэ, Бутманъ, Тиршъ, Крюгеръ и Кюнеръ. Такую выборку сдѣлалъ Кохъ въ статьѣ De articulo Homeri, помѣщенной въ „Programm der Thomasschule“. Leipzig. 1872. Кромѣ этихъ ученыхъ Кохъ указываетъ еще на другихъ, сообщающихъ нѣкоторыя указанія относительно значенія слова ὁ спеціально въ Гомерѣ; онъ говоритъ именно о Негельсбахѣ, Дюнцерѣ, Ферстерманѣ, Генцѣ и Классенѣ. Изъ послѣднихъ, впрочемъ, для насъ важенъ только Ферстерманъ, такъ какъ *въ системѣ* одинъ онъ разобралъ этотъ вопросъ, всѣ же прочіе, сколько намъ извѣстно, разсуждали объ этомъ вопросѣ всегда только ad hoc, не уклоняясь при этомъ отъ рамки, выработанной другими грамматиками по вопросу о развитіи значенія слова ὁ, и только перенося отдѣльные случаи его употребленія изъ одной графы этой рамки въ другую, смотря потому какъ кто изъ

иногда и греческое οὗ (сравни Бругманъ: Probl. der homer. Textkr. стр. 11—37.) употребляется для *всѣхъ* грамматическихъ чиселъ безразлично (въ то время, какъ οὗ для множ. числа представляетъ формы не только *съ особыми*, въ сравненіи съ ед. числомъ, *окончаніями*, но и съ совершенно *другою основою*), то это не безъ причины: *себя* употреблялось всегда о томъ, что въ разсказъ уже *внесено* и что, слѣдовательно, количествомъ уже *опредѣлено*, между тѣмъ, какъ οὗ должно часто *вносить* въ разсказъ предметы и само *обозначать* ихъ количество; вслѣдствіе этого слово οὗ могло остаться *безъ* средствъ для обозначенія грамматическихъ чиселъ, а οὗ должно было эти средства отыскать.

нихъ былъ направленъ—приблизить гомерическое ὁ къ аттическому, или отдалить первое отъ послѣдняго.

Упомянутая нами рамка у всѣхъ вышепоименованныхъ грамматиковъ, по нашему взгляду, одинакова, и мы намѣрены указывать на нее при каждомъ удобномъ случаѣ въ этой части нашего сочиненія. У одного только Ферстермана отличается теорія нашего вопроса отъ всѣхъпрочихъ грамматиковъ, и съ отличіемъ этимъ мы познакомимъ читателя сейчасъ же. Ферстерманъ излагаетъ свою теорію въ сочиненіи: Bemerkuugen über den Gebrauch des Artikels bei Homer. Programm des Gymnasium's zu Salzwedel. 1861. Сочиненіе Ферстермана, въ большей степени, чѣмъ работы другихъ вышеупомянутыхъ грамматиковъ, носитъ на себѣ характеръ симазіологическаго этюда, стоящаго на исторической почвѣ и стремящагося уяснить послѣдовательность въ развитіи отдѣльныхъ оттѣнковъ значенія слова ὁ. Въ отличіе отъ категорій, выставленныхъ значенію слова ὁ другими грамматиками, или, скорѣе, въ пополненіе ихъ, Ферстерманъ указываетъ на то, что процессъ противопоставленія въ умѣ говорящаго имѣетъ вліяніе на появленіе въ рѣчи слова ὁ ἡ τό (schon bei Homer dient der Artikel an zahlreichen Stellen wesentlich als Träger des Gegensatzes; стр. 5) Съ этимъ указаніемъ Ферстермана нельзя не согласиться (мы будемъ имѣть возможность убѣдиться въ справедливости его), хотя и можно пожалѣть, что авторъ, для разработки симазіологіи слова ὁ, слишкомъ неудачно избралъ исходную точку вслѣдствіе чего трудно ему было не только привести упомянутый мотивъ для появленія въ рѣчи слова ὁ въ тѣсную связь съ другими оттѣнками значенія его, а также опредѣлить точнѣе кругъ вліянія этого мотива на ὁ, но вообще удовлетворительно рѣшить задачу, возлагаемую на его сочиненіе, при упомянутомъ его характерѣ. Авторъ принимаетъ ὁ, ἡ, τό первоначально за мѣстоименіе 3 гр. лица (nach seiner ursprünglichen Bedeutung ist der Artikel, wie ich glaube, ein einfaches Pronomen, nicht ein demonstratives oder deictisches, wie die gevöhnliche Ansicht ist; стр. 3). Такой взглядъ на слово ὁ мы считаемъ ошибочнымъ. По нашему мнѣнію ὁ есть общее всѣмъ грамматическимъ лицамъ; это нами было высказано уже на страницѣ 13; къ обороту τὸν ἐμέ,, указанному нами тамъ же, мы присоединяемъ еще въ оправданіе этого нашего взгляда примѣры изъ Гомера (Ферстерману они были извѣстны; сравни въ его сочиненіи стр. 5), въ которыхъ слово ὁ употреблено и о другихъ граммат. лицахъ, кромѣ 3-го лица. Сравни:

Од. 21. 353. „μῆτερ ἐμή, τόξον μὲν Ἀχαιῶν οὔτις ἐμεῖο
κρείσσων, ᾧ κ' ἐθέλω, δόμεναί τε καὶ ἀρνήσασθαι,
ἀλλ' εἰς οἶκον ἰοῦσα τὰ σ' αὐτῆς ἔργα κόμιζε,
ἱστόν τ' ἠλακάτην τε, καὶ ἀμφιπόλοισι κέλευε
ἔργον ἐποίχεσθαι· τόξον δ' ἄνδρεσσι μελήσει

πᾶσι, μάλιστα δ' ἐμοί· τοῦ γὰρ κράτος ἔστ' ἐνὶ οἴκῳ".

Ил. 19. 324. νῦν δὲ σὺ μὲν κεῖσαι δεδαϊγμένος, αὐτὰρ ἐμὸν κῆρ
ἄκμηνον πόσιος καὶ ἐδητύος, ἔνδον ἐόντων,
σῇ ποθῇ. οὐ μὲν γάρ τι κακώτερον ἄλλο πάθοιμι,
οὐδ' εἴ κεν τοῦ πατρὸς ἀποφθιμένοιο πυθοίμην,
ὅς που νῦν Φθίηφι τέρεν κατὰ δάκρυον εἴβει
χήτεϊ τοιοῦδ' υἷος· ὁ δ' ἀλλοδαπῷ ἐνὶ δήμῳ
εἵνεκα ῥιγεδανῆς Ἑλένης Τρωσὶν πολεμίζω

Ил. 8. 211. οὐκ ἂν ἔγωγ' ἐθέλοιμι Διὶ Κρονίωνι μάχεσθαι
ἡμέας τοὺς ἄλλους, ἐπειὴ πολὺ φέρτερός ἐστιν.

Не безъ значенія для насъ долженъ быть и оборотъ ἐμὲ τὸν δύστηνον, встрѣчающійся въ Од. 7. 223 и 248. Всѣ эти явленія доказываютъ, что слово ὁ ἡ τό не принадлежитъ одному 3-му граммат. лицу, а скорѣе всѣмъ лицамъ. Если мы притомъ примемъ во вниманіе тѣсную этимологическую связь между словами ὁ и οὗτος (что первая составная часть слова οὗτος есть именно слово ὁ, въ этомъ нѣтъ, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія), а также и то, на что нами указано на стр. 19, то мы должны при разсматриваніи значенія слова ὁ непремѣнно исходить изъ той мысли, что ὁ есть или обоюдная антонимія (т. е. ἀναφορικόν и δεικτικόν) или исключительно анафорическое слово (и терминъ ἀναφορικόν и терминъ δεικτικόν нужно понимать въ смыслѣ, объясненномъ *нами* въ 1 ч. нашего сочиненія); а такъ какъ въ самомъ Гомерѣ нельзя указать ни на одинъ случай, гдѣ ὁ необходимо было бы признавать за δεικτικόν, и такъ какъ вообще можно предположить, что для дейксиса скорѣе годятся *composita*, чѣмъ простыя слова, то мы не поступимъ не правильно, если ὁ ἡ τό примемъ in hypothesi только за (общее, конечно, всѣмъ лицамъ) ἀναφορικόν.

Грамматики указываютъ на нѣкоторѣя мѣста у Гомера, въ которыхъ ὁ поставлено-де къ извѣстному слову потому, что на предметъ, обозначаемый этимъ словомъ, можно указать жестомъ. Такія мѣста суть:

Ил. 1. 20. ὑμῖν μὲν θεοὶ δοῖεν Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντες
ἐκπέρσαι Πριάμοιο πόλιν, εὖ δ' οἴκαδ' ἱκέσθαι·
παῖδα δ' ἐμοὶ λῦσαί τε φίλην τά τ' ἄποινα δέχεσθαι

(такъ говоритъ Хризесъ, желая выкупить свою дочь);

Ил. 3. 54. γνοίης χ' οἵου φωτὸς ἔχεις θαλερὴν παράκοιτιν.
οὐκ ἄν τοι χραίσμῃ κίθαρις τά τε δῶρ' Ἀφροδίτης,
ἥ τε κόμη τό τε εἶδος, ὅτ' ἐν κονίῃσι μιγείης.

Ил. 4. 399. τοῖος ἔην Τυδεὺς Αἰτώλιος· ἀλλὰ τὸν υἱὸν
γείνατο εἷο χέρηα μάχῃ, ἀγορῇ δέ τ' ἀμείνω

(эти слова говоритъ Агамемнонъ къ самому Тидиду);

Ил. 2. 275. νῦν δὲ τόδε μέγ' ἄριστον ἐν Ἀργείοισιν ἔρεξεν,

ὅς τὸν λωβητῆρα ἐπεσβόλον ἔσχ' ἀγοράων

(такъ говоритъ народъ въ похвалу Одиссея о присутствующемъ Θерситѣ).

Намъ придется о каждомъ изъ этихъ примѣровъ говорить ниже, а пока мы заявляемъ, что грамматики при этомъ своемъ пониманіи слова ὅ сдѣлали такую ошибку, какую сдѣлалъ Аполлоній, объявляя слова ἐγώ и σύ за δειχτιχά. (Ср. стр. 14). Вчитываясь въ другія цитаты, отъ которыхъ всѣ наши грамматики отправляются при разсматриваніи значенія слова ὁ, мы находимъ возможнымъ выдѣлить нѣкоторыя изъ нихъ въ особыя группы. Эти группы мы намѣрены сообщить читателю въ нижеслѣдующихъ параграфахъ:

I. 1.

Посредствомъ ὁ ἡ τό *говорящій возвращается къ лицу даже послѣ самыхъ короткихъ вставочныхъ разсказовъ о какомъ нибудь предметѣ, отвлекшихъ его отъ этого лица.* Сравни:

Од: 6. 20. τοῦ μὲν ἔβη πρὸς δῶμα θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη,
νόστον Ὀδυσσῆϊ μεγαλήτορι μητιόωσα.
βῆ δ' ἴμεν ἐς θάλαμον πολυδαίδαλον, ᾧ ἔνι κούρη
κοιμᾶτ' ἀθανάτῃσι φυὴν καὶ εἶδος ὁμοίη,
Ναυσικάα, θυγάτηρ μεγαλήτορος Ἀλκινόοιο,
πὰρ δὲ δύ' ἀμφίπολοι, Χαρίτων ἄπο κάλλος ἔχουσαι,
σταθμοῖιν ἑκάτερθε· θύραι δ' ἐπέκειντο φαειναί.
ἡ δ' ἀνέμου ὡς πνοιὴ ἐπέσσυτο δέμνια κούρης,
στῆ δ' ἄρ' ὑπὲρ κεφαλῆς, καί μιν πρὸς μῦθον ἔειπεν.

Ил. 5. 620. τὸν ῥα κατὰ ζωστῆρα βάλεν Τελαμώνιος Αἴας,
νειαίρῃ δ' ἐν γαστρὶ πάγη δολιχόσκιον ἔγχος,
δούπησεν δὲ πεσών. ὁ δ' ἐπέδραμε φαίδιμος Αἴας
τεύχεα συλήσων· Τρῶες δ' ἐπὶ δούρατ' ἔχευαν
ὀξέα, παμφανόωντα· σάκος δ' ἀνεδέξατο πολλά.
αὐτὰρ ὁ λὰξ προσβὰς ἐκ νεκροῦ χάλκεον ἔγχος
ἐσπάσατ'...

Ил. 6. 254. ...δεύτερος αὖτε
Αἴας διογενὴς προΐει δολιχόσκιον ἔγχος,
καὶ βάλε Πριαμίδαο κατ' ἀσπίδα πάντοσ' ἐΐσην.
διὰ μὲν ἀσπίδος ἦλθε φαεινῆς ὄβριμον ἔγχος,
καὶ διὰ θώρηκος πολυδαιδάλου ἠρήρειστο·
ἀντικρὺ δὲ παραὶ λαπάρην διάμησε χιτῶνα
ἔγχος· ὁ δ' ἐκλίνθη καὶ ἀλεύατο κῆρα μέλαιναν.

Сюда же принадлежитъ приведенный на стр. 72 примѣръ Ил. 19. 324, въ которомъ ὁ анафоруетъ 1-е лицо. Особенно частою вставкою бываетъ

описаніе какой нибудь картины природы, представленной авторомъ съ цѣлью сравненія этой картины съ тѣмъ, что говорится о главномъ предметѣ разсказа. У Гомера окончаніе такого описанія совпадаетъ съ окончаніемъ гекзаметра, а новый гекзаметръ, въ большинствѣ случаевъ, начинается словами ὣς ὁ, ὡς ἡ, возвращаясь такимъ образомъ къ главному предмету разсказа. Сравни:

Ил. 5. 163. Ἔνθ' υἷας Πριάμοιο δύω λάβε Δαρδανίδαο,
εἰν ἑνὶ δίφρῳ ἐόντας, Ἐχέμμονά τε Χρομίον τε.
ὡς δὲ λέων ἐν βουσὶ θορὼν ἐξ αὐχένα ἄξῃ
πόρτιος ἠὲ βοὸς, ξύλοχον κάτα βοσκομενάων,
ὣς τοὺς ἀμφοτέρους ἐξ ἵππων Τυδέος υἱὸς
βῆσε κακῶς ἀέκοντας, ἔπειτα δὲ τεύχε' ἐσύλα·...

Од. 5. 434. καὶ τὸ μὲν ὣς ὑπάλυξε, παλιρρόθιον δέ μιν αὖτις
πλῆξεν ἐπεσσύμενον, τηλοῦ δέ μιν ἔμβαλε πόντῳ.
ὡς δ' ὅτε πουλύποδος θαλάμης ἐξελκομένοιο
πρὸς κοτυληδονόφιν πυκιναὶ λάϊγγες ἔχονται,
ὣς τοῦ πρὸς πέτρῃσι θρασειάων ἀπὸ χειρῶν
ῥινοὶ ἀπέδρυφθεν· τὸν δὲ μέγα κῦμα κάλυψεν.

Ил. 12. 135. τὼ μὲν ἄρα προπάροιθε πυλάων ὑψηλάων
ἕστασαν ὡς ὅτε τε δρύες οὔρεσιν ὑψικάρηνοι,
αἵ τ' ἄνεμον μίμνουσι καὶ ὑετὸν ἤματα πάντα,
ῥίζῃσιν μεγάλῃσι διηνεκέεσσ' ἀραρυῖαι·
ὣς ἄρα τὼ χείρεσσι πεποιθότες ἠδὲ βίηφιν
μίμνον ἐπερχόμενον μέγαν Ἄσιον οὐδ' ἐφέβοντο.

Мѣста, встрѣчающіяся рядомъ съ приведенными, свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтъ, возвращаясь послѣ такой вставки опять къ прежнему предмету разсказа, *не всегда* нуждался въ особомъ обозначеніи этого предмета черезъ анафорическое слово, а что достаточно было для его обозначенія словъ οὗ οἷ ἕ (съ отсутствіемъ имен. пад.), αὐτός и μίν. Смотри:

Ил. 16. 406. ...ὡς ὅτε τις φὼς
πέτρῃ ἔπι προβλῆτι καθήμενος ἱερὸν ἰχθὺν
ἐκ πόντοιο θύραζε λίνῳ καὶ ἤνοπι χαλκῷ·
ὣς ἕλκ' ἐκ δίφροιο κεχηνότα δουρὶ φαεινῷ,
κὰδ δ' ἄρ' ἐπὶ στόμ' ἔωσε·

Ил. 17. 436. ἀλλ' ὥστε στήλη μένει ἔμπεδον, ἥτ' ἐπὶ τύμβῳ
ἀνέρος ἑστήκῃ τεθνηότος ἠὲ γυναικός,
ὣς μένον ἀσφαλέως περικαλλέα δίφρον ἔχοντες,
οὔδει ἐνισκίμψαντε κάρηατα·

Ил. 11. 23. Ἀτρείδης δ' ἐβόησεν ἰδὲ ζώννυσθαι ἄνωγεν
Ἀργείους· ἐν δ' αὐτὸς ἐδύσετο νώροπα χαλκόν.
κνημῖδας μὲν πρῶτα περὶ κνήμῃσιν ἔθηκεν

καλάς, ἀργυρέοισιν ἐπισφυρίοις ἀραρυίας·
δεύτερον αὖ θώρηκα περὶ στήθεσσιν ἔδυνεν,
τόν ποτέ οἱ Κινύρης δῶκε ξεινήϊον εἶναι.
πεύθετο γὰρ Κύπρονδε μέγα κλέος, οὕνεκ' Ἀχαιοὶ
ἐς Τροίην νήεσσιν ἀναπλεύσεσθαι ἔμελλον·
τοὔνεκά οἱ τὸν δῶκε, χαριζόμενος βασιλῆϊ.

Ил. 12. 402. ...ἀλλὰ Ζεὺς κῆρας ἄμυνεν
παιδὸς ἑοῦ, μὴ νηυσὶν ἔπι πρύμνῃσι δαμείη·
Αἴας δ' ἀσπίδα νύξεν ἐπάλμενος, οὐδὲ διαπρὸ
ἤλυθεν ἐγχείη, στυφέλιξε δέ μιν μεμαῶτα.
χώρησεν δ' ἄρα τυτθὸν ἐπάλξιος·...

Од. 4. 708. „Κῆρυξ, τίπτε δέ μοι παῖς οἴχεται; οὐδέ τί μιν χρεὼ
νηῶν ὠκυπόρων ἐπιβαινέμεν, αἵ θ' ἁλὸς ἵπποι
ἀνδράσι γίγνονται, περόωσι δὲ πουλὺν ἐφ' ὑγρήν.
ἦ ἵνα μηδ' ὄνομ' αὐτοῦ ἐν ἀνθρώποισι λίπηται;“

Такіе примѣры даютъ намъ поводъ сопоставлять въ Гомерѣ слово ὁ съ словами οὗ οἷ ἕ αὐτός и μίν. Говоря объ οὗ οἷ ἕ мы, конечно, здѣсь и вездѣ, гдѣ бы ни приходилось производить подобное сопоставленіе, имѣемъ въ виду только то οὗ οἷ ἕ, которое впослѣдствіи было замѣнено словомъ αὐτός, и которое не есть ни reflexivum 3-го лица, ни общевозвратное мѣстоименіе (ибо эти два значенія уже вовсе не соприкасаются съ словомъ ὁ). Точно также слова αὐτός и μίν могутъ быть сравниваемы съ словомъ ὁ на столько, на сколько они являются синонимами тому значенію слова οὗ, которое само входитъ въ область этого сопоставленія. Съ другой стороны, слово ὁ ἡ τό выходитъ изъ области нашего сопоставленія тогда, когда оно относится къ грамм. 1 и 2 лицамъ. Мы говоримъ, конечно, держась уже одного общаго направленія только о *сопоставленіи* въ нашихъ примѣрахъ словъ οὗ αὐτός и μιν съ словомъ ὁ, и вовсе не имѣемъ въ виду *отождествленія* въ нихъ этихъ словъ: согласно предположенію, высказанному нами объ ὁ на стр. 74, слово ὁ нужно здѣсь принимать за ἀναφορικόν, т. е. вызывающее возобновленіе представленія о предметѣ, затемненномъ на время въ сознаніи говорящаго другою картиною, οὗ, οἷ, ἕ остается прямымъ личнымъ показателемъ присутствующаго въ сознаніи говорящаго предмета, и также и другія слова, входящія въ наше сопоставленіе, удерживаютъ каждое свое значеніе. Въ такомъ взглядѣ на дѣло поддерживаетъ насъ между прочимъ и указанное нами не много выше обстоятельство, именно, что ὁ не имѣетъ никакихъ рѣшительно отношеній къ οὗ reflexivum, при появленіи котораго предметъ, обозначенный имъ, уже непремѣнно долженъ быть присутствующимъ въ нашемъ сознаніи. Что черту, разграничивающую употребленіе словъ οὗ и αὐτός отъ употребленія слова ὁ, на основаніи внѣшнихъ какихъ нибудь признаковъ въ нашихъ случаяхъ

провести нельзя, это для насъ понятно; отъ *выразительности и прочности самаго представленія у говорящаго* зависитъ затемненіе въ немъ предмета, или пребываніе его въ немъ на первомъ планѣ, во все то время, пока говорящій, уклонившись отъ предмета, не возвратится опять къ нему.

I. 2.

Ὁ ἡ τό *анафоруетъ предметъ, представленный авторомъ слушателю непосредственно передъ анафорою.* Изъ Гомера, изобилующаго, какъ извѣстно, такими мѣстами, мы приведемъ слѣдующіе примѣры:

Ил. 1. 12. Τίς τ' ἄρ σφωε θεῶν ἔριδι ξυνέηκε μάχεσθαι;
Λητοῦς καὶ Διὸς υἱός. ὁ γὰρ βασιλῆϊ χολωθεὶς
νοῦσον ἀνὰ στρατὸν ὦρσε κακήν, ὀλέκοντο δὲ λαοί.

Од. 8. 65. Κῆρυξ δ' ἐγγύθεν ἦλθεν ἄγων ἐρίηρον ἀοιδόν,
τὸν πέρι Μοῦσ' ἐφίλησε, δίδου δ' ἀγαθόν τε κακόν τε·
ὀφθαλμῶν μὲν ἄμερσε, δίδου δ' ἡδεῖαν ἀοιδήν.
τῷ δ' ἄρα Ποντόνοος θῆκε θρόνον ἀργυρόηλον
μέσσῳ δαιτυμόνων, πρὸς κίονα μακρὸν ἐρείσας·
κὰδ δ' ἐκ πασσαλόφι κρέμασσεν φόρμιγγα λίγειαν.

Од. 2. 348. ἐν δὲ γυνὴ ταμίη νύκτας τε καὶ ἦμαρ
ἔσχ', ἣ πάντ' ἐφύλασσε νόου πολυϊδρείῃσιν,
Εὐρύκλει', Ὦπος θυγάτηρ Πεισηνορίδαο.
τὴν τότε Τηλέμαχος προσέφη θάλαμόνδε καλέσσας.

Ил. 2. 795. ἀγχοῦ δ' ἱσταμένη προσέφη πόδας ὠκέα Ἶρις·
εἴσατο δὲ φθογγὴν υἷϊ Πριάμοιο Πολίτῃ,
ὃς Τρώων σκοπὸς ἷζε, ποδωκείῃσι πεποιθώς,
τύμβῳ ἐπ' ἀκροτάτῳ Αἰσυήταο γέροντος,
δέγμενος ὁππότε ναῦφιν ἀφορμηθεῖεν Ἀχαιοί·
τῷ μιν ἐεισαμένη μετέφη πόδας ὠκέα Ἶρις.

Од. 1. 359. ...μῦθος δ' ἄνδρεσσι μελήσει
πᾶσι, μάλιστα δ' ἐμοί· τοῦ γὰρ κράτος ἔστ' ἐνὶ οἴκῳ.

(Сравни примѣръ Од. 21. 353, приведенный на стр. 73).

Од. 1. 152. αὐτὰρ ἐπεὶ πόσιος καὶ ἐδητύος ἐξ ἔρον ἕντο
μνηστῆρες, τοῖσιν μὲν ἐνὶ φρεσὶν ἄλλα μεμήλει,
μολπή τ' ὀρχηστύς τε· τὰ γάρ τ' ἀναθήματα δαιτός.

Од. 5. 49. εἵλετο δὲ ῥάβδον, τῇ τ' ἀνδρῶν ὄμματα θέλγει,
ὧν ἐθέλει, τοὺς δ' αὖτε καὶ ὑπνώοντας ἐγείρει·
τὴν μετὰ χερσὶν ἔχων πέτετο κρατὺς Ἀργειφόντης.

Ил. 1. 325. „Ἔρχεσθον (повелит. накл.) κλισίην Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος·
χειρὸς ἑλόντ' ἀγέμεν Βρισηΐδα καλλιπάρῃον·

εἰ δέ κε μὴ δώῃσιν, ἐγὼ δέ κεν αὐτὸς ἕλωμαι
ἐλθὼν σὺν πλεόνεσσι· τό οἱ καὶ ῥίγιον ἔσται.“

Ил. 3. 176. ὡς ὄφελεν θάνατός μοι ἁδεῖν κακός, ὁππότε δεῦρο
υἱέϊ σῷ ἑπόμην, θάλαμον γνωτούς τε λιποῦσα
παῖδά τε τηλυγέτην καὶ ὁμηλικίην ἐρατεινήν.
ἀλλὰ τάγ' οὐκ ἐγένοντο· τό καὶ κλαίουσα τέτηκα.

Ил. 17. 404. ...οὐδ' ἄρα πώ τι
ᾔδεε Πάτροκλον τεθνηότα δῖος Ἀχιλλεύς.
πολλὸν γὰρ ἀπάνευθε νεῶν μάρναντο θοάων,
τείχει ὕπο Τρώων· τό μιν οὔποτε ἔλπετο θυμῷ
τεθνάμεν, ἀλλὰ ζωόν, ἐνιχριμφθέντα πύλῃσιν,
ἂψ ἀπονοστήσειν...

Од. 5. 311. ὡς δὴ ἔγωγ' ὄφελον θανέειν καὶ πότμον ἐπισπεῖν
ἤματι τῷ, ὅτε μοι πλεῖστοι χαλκήρεα δοῦρα
Τρῶες ἐπέρριψαν περὶ Πηλείωνι θανόντι.
τῷ κ' ἔλαχον κτερέων, καί μευ κλέος ἦγον Ἀχαιοί·
νῦν δέ με λευγαλέῳ θανάτῳ εἵμαρτο ἁλῶναι.“

Ил. 4. 290. αἲ γάρ, Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηναίη καὶ Ἄπολλον,
τοῖος πᾶσιν θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι γένοιτο·
τῷ κε τάχ' ἠμύσειε πόλις Πριάμοιο ἄνακτος,
χερσὶν ὑφ' ἡμετέρῃσιν ἁλοῦσά τε περθομένη τε.

Мѣсто, занимаемое словомъ ὁ въ нашихъ и имъ подобныхъ примѣрахъ, бываетъ или начало предложенія, или сейчасъ же послѣ союзовъ, если таковые имѣются въ текстѣ. Переводить мы можемъ въ этихъ примѣрахъ слова ὁ ἡ τό словами *этотъ-то*, *вотъ этотъ*, *потому то*, *вотъ онъ*, въ нѣкоторыхъ даже случаяхъ словами *вотъ кто*, *вотъ что*, *вотъ почему*, а описыватъ его значеніе словами: „этотъ предметъ, съ которымъ я (говорящій) тебя (слушателя) познакомилъ“.

Въ аттической прозѣ встрѣчается въ подобныхъ случаяхъ, какъ извѣстно, вмѣсто ὁ исключительно обоюдная антонимія. У Гомера подобная замѣна нашего ὁ обоюдною антонимiею, не можетъ быть, конечно, отрицаема, однако, должна быть названа явленіемъ болѣе рѣдкимъ уже потому, что одна и та же роль раздѣлена между *двумя* категоріями словъ. Обоюдную антонимію мы замѣчаемъ у Гомера напр.:

Ил. 9. 35. ἀλκὴν μέν μοι πρῶτον ὀνείδισας ἐν Δαναοῖσιν,
φὰς ἔμεν ἀπτόλεμον καὶ ἀνάλκιδα· ταῦτα δὲ πάντα
ἴσασ' Ἀργείων ἠμὲν νέοι ἠδὲ γέροντες.

Од. 7. 316. οἶκον δέ τ' ἐγὼ καὶ κτήματα δοίην,
εἴ κ' ἐθέλων γε μένοις· ἀέκοντα δέ σ' οὔτις ἐρύξει
Φαιήκων· μὴ τοῦτο φίλον Διὶ πατρὶ γένοιτο.

Какъ особенный случай появленія слова οὗτος, мы замѣтимъ тотъ, въ которомъ представленіе предмета совершается однимъ изъ бесѣдующихъ, а анафорированіе другимъ. Сравни:

Од. 17. 163. Өеоклименъ божится Пенелопѣ, что Одиссей возвратится и что онъ замышляетъ отомстить женихамъ ея, на что она отвѣчаетъ:

,,αἲ γὰρ τοῦτο, ξεῖνε, ἔπος τετελεσμένον εἴη·
τῷ κε τάχα γνοίης φιλότητά τε πολλά τε δῶρα
ἐξ ἐμεῦ, ὡς ἄν τίς σε συναντόμενος μακαρίζοι."

Од. 18. 170. παιδὶ δὲ κεν, говоритъ Пенелопа, εἴποιμι ἔπος, τό κε κέρδιον εἴη,
μὴ πάντα μνηστῆρσιν ὑπερφιάλοισιν ὁμιλεῖν,
οἵτ' εὖ μὲν βάζουσι, κακῶς δ' ὄπιθεν φρονέουσιν.
Τὴν δ' αὖτ' Εὐρυνόμη ταμίη πρὸς μῦθον ἔειπεν·
,,ναὶ δὴ ταῦτά γε πάντα, τέκος, κατὰ μοῖραν ἔειπες.
ἀλλ' ἴθι καὶ σῷ παιδὶ ἔπος φάο μηδ' ἐπίκευθε".

Конечно, мы не хотимъ сказать, что здѣсь встрѣчается исключительно только οὗτος. Есть примѣры у Гомера и съ ὁ. Сравни напр.

Од. 17. 193. ἀλλ' ἄγε νῦν ἴομεν· δὴ γὰρ μέμβλωκε μάλιστα
ἦμαρ, ἀτάρ τάχα τοι ποτὶ ἕσπερα ῥίγιον ἔσται.
Τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη πολύμητις Ὀδυσσεύς
,,γιγνώσκω, φρονέω· τάγε δὴ νοέοντι κελεύεις.
ἀλλ' ἴομεν. σὺ δ' ἔπειτα διαμπερὲς ἡγεμόνευε.
δὸς δέ μοι, εἴ ποθί τοι ῥόπαλον τετμημένον ἐστίν,
σκηρίπτεσθ'. ἐπειὴ φατ' ἀρισφαλέ' ἔμμεναι οὐδόν."

Изъ представленныхъ нами въ этомъ пунктѣ примѣровъ на употребленіе слова ὁ видна способность этого слова анафоровать все, что только можетъ составлять предметъ рѣчи: оно анафоруетъ и одушевленные и неодушевленные предметы, и отвлеченныя понятія и цѣлыя мысли. Экстенсивная сила анафоры [49]) здѣсь до того слаба, что мы не чувствуемъ особенной разницы между этимъ ὁ и пролептическимъ его употребленіемъ. Одинаковымъ чувствуется первое съ послѣднимъ по отношенію къ экстенсивной силѣ анафоры особенно тогда, когда предметомъ анафоры изъ вышеупомянутыхъ предметовъ рѣчи оказывается цѣлая мысль. Разница между пролептическимъ и эпаналептическимъ ὁ въ такихъ случаяхъ опредѣляется такъ, какъ опредѣляется разница между тою разстановкою періода,

---

[49]) Говоря объ экстенсивной силѣ анафоры мы имѣемъ въ виду разстояніе двухъ точекъ разсказа, изъ которыхъ на одной происходитъ представленіе предмета, а на другой анафоруется этотъ предметъ; чѣмъ больше это разстояніе, тѣмъ больше экстенсивная сила анафоры.

въ которой синтаксически подчиняющая часть періода *предшествуетъ* синтаксически подчиненной части, и между обратною разстановкою. Пролептическое ὁ ἡ τό можетъ быть, конечно, употреблено не только о цѣлой мысли, но и о другихъ вышеупомянутыхъ предметахъ рѣчи, если только *представленіе* этихъ предметовъ совершается не посредствомъ ихъ поименованія *однимъ* именемъ существительнымъ, а посредствомъ описанія, или перечисленія. Ни то ни другое средство представленія не ушло далеко отъ роли придаточныхъ предложеній. Все сказанное здѣсь видно изъ сравненія вышеприведенныхъ примѣровъ съ слѣдующими:

Од. 20. 84. ἀλλὰ τὸ μὲν καὶ ἀνεκτὸν ἔχει κακόν, ὁππότε κέν τις
ἤματα μὲν κλαίῃ, πυκινῶς ἀκαχήμενος ἦτορ,
νύκτας δ' ὕπνος ἔχῃσιν...

Од. 20. 381. ἀλλ' εἴ μοί τι πίθοιο, τό κεν πολὺ κέρδιον εἴη·
τοὺς ξείνους ἐν νηῒ πολυκλήϊδι βαλόντες
ἐς Σικελοὺς πέμψωμεν, ὅθεν κέ τοι ἄξιον ἄλφοι.

Од. 6. 182. οὐ μὲν γὰρ τοῦγε κρεῖσσον καὶ ἄρειον,
ἢ ὅθ' ὁμοφρονέοντε νοήμασιν οἶκον ἔχητον
ἀνὴρ ἠδὲ γυνή.

Ил. 17. 406. ἐπεὶ ουδὲ τὸ ἔλπετο πάμπαν,
ἐκπέρσειν πτολίεθρον ἄνευ ἕθεν.

Ил. 5. 665 τὸ μὲν οὔτις ἐπεφράσατ' ουδ' ἐνόησεν,
μηροῦ ἐξερύσαι δόρυ μείλινον, ὄφρ' ἐπιβαίη,
σπευδόντων [80])

Од. 13. 331. τῷ σε καὶ οὐ δύναμαι προλιπεῖν δύστηνον ἐόντα,
οὕνεκ' ἐπητής ἐσσι καὶ ἀγχίνοος καὶ ἐχέφρων.

Ил. 11 186. „Βάσκ' ἴθι, Ἶρι ταχεῖα, τὸν Ἕκτορι μῦθον ἐνίσπες.
ὄφρ' ἂν μέν κεν ὁρᾷ Ἀγαμέμνονα, ποιμένα λαῶν,
θύνοντ' ἐν προμάχοισιν, ἐναίροντα στίχας ἀνδρῶν,
τόφρ' ἀναχωρείτω, τὸν δ' ἄλλον λαὸν ἀνώχθω
μάρνασθαι δηΐοισι κατὰ κρατερὴν ὑσμίνην.

Од. 19. 535. ἀλλ' ἄγε μοι τὸν ὄνειρον ὑπόκριναι καὶ ἄκουσον.
χῆνές μοι κατὰ οἶκον ἐείκοσι πυρὸν ἔδουσιν
ἐξ ὕδατος, καί τέ σφιν ἰαίνομαι εἰσορόωσα·
ἐλθὼν δ' ἐξ ὄρεος μέγας αἰετὸς ἀγκυλοχείλης и т. д.

---

[80]) На сколько этотъ и предшествующій (Ил. 17. 406.) примѣры близки къ примѣрамъ, въ которыхъ указывается нашими грамматиками на конструкцію члена съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, это не нуждается съ нашей стороны ни въ какихъ особыхъ разъясненіяхъ. Конечно, конструкція, какую представляетъ напр. предложеніе ἐπὶ τῷ μὴ λυπεῖν τε τοὺς ἄλλους

Нѣтъ нужды указывать, какое изъ сообщенныхъ нами положеній оправдывается на каждомъ изъ этихъ примѣровъ въ отдѣльности. — Что и здѣсь слово ὁ бываетъ замѣняемо обоюдною антониміею, это доказываютъ слѣдующіе примѣры:

Ил. 9. 244. ταῦτ' αἰνῶς δείδοικα κατὰ φρένα, μή οἱ ἀπειλὰς
ἐκτελέσωσι θεοί, ἡμῖν δὲ δὴ αἴσιμον εἴη
φθίσθαι ἐνὶ Τροίῃ ἑκὰς Ἄργεος ἱπποβότοιο.

Ил. 2. 119. αἰσχρὸν γὰρ τόδε γ' ἐστὶ καὶ ἐσσομένοισι πυθέσθαι,
μὰψ οὕτω τοιόνδε τοσόνδε τε λαὸν Ἀχαιῶν
ἄπρηκτον πόλεμον πολεμίζειν ἠδὲ μάχεσθαι
ἀνδράσι παυροτέροισι τέλος δ' οὔπω τι πέφανται.

Мы указали на всѣ явленія пролептическаго и эпаналептическаго

καὶ αὐτοὶ ἀμυνόμενοι μὴ βλάπτεσθαι τὸ ἴσον νέμετε (Θук. 1. 71), не требуетъ для пониманія ея смысла такого напряженнаго вниманія, какого требуютъ тѣ случаи, въ которыхъ слово τό поставлено слишкомъ далеко отъ своего неопредѣленнаго наклоненія; но тѣмъ не менѣе слово τό, которое какъ самостоятельное по своему значенію, можетъ войти *одинокимъ* въ синтаксическій составъ предложенія, остается здѣсь, равно какъ и въ предложеніяхъ, приведенныхъ въ текстѣ, *представителемъ* того предмета рѣчи, познакомиться съ которымъ, въ предѣлахъ синтаксическаго состава этого же предложенія, оказывается труднымъ по причинѣ сложности и несклоняемости выраженій, представляющихъ намъ этотъ предметъ (мы говоримъ труднымъ, но не хотимъ назвать это невозможнымъ; вѣдь *встрѣчаемъ* же въ нашихъ случаяхъ рядомъ съ словомъ τό и *отсутствіе* его. Сравни напр. Герод. 1. 210: ὃς ἀντὶ μὲν δούλων ἐποίησας ἐλευθέρους Πέρσας εἶναι, ἀντὶ δὲ ἄρχεσθαι ὑπ' ἄλλων ἄρχειν ἁπάντων). Если въ гомеровскихъ цитатахъ, которыхъ касается наша замѣтка, неопредѣленное накл. съ своими грамматическими дополненіями могло быть сравниваемо съ придаточными предложеніями, помѣщенными въ рѣчи *послѣ* своихъ главныхъ предложеній, то въ цитатѣ изъ Θукидида и ей подобныхъ можно такое же неопр. накл. сравнивать съ придаточными предложеніями, *вставленными* въ главное; въ послѣднихъ случаяхъ употребленіе слова τό, въ отличіе отъ первыхъ случаевъ, будетъ нами называться, на основаніи, извѣстномъ уже читателю изъ нашей замѣтки, *синтаксическимъ его употребленіемъ*.

Подъ синтаксическое τὸ подходятъ адвербіальные обороты, какъ то: τὸ κατὰ τοῦτον (=на сколько его касается), τὸ καθ' ἡμέραν (смотри Платона: Περὶ πολ. 567 A), τὸ νῦν (= теперь) и др. (больше такихъ примѣровъ приводитъ Бернгарди Wissensch. Syntax der gr. Spr. стран. 328. 3 и 4). Болѣе близкими къ вышепоказаннымъ эти обороты будутъ именно тогда, когда они распространены неопредѣленнымъ накл. εἶναι, какъ это встрѣчается у Ксен. Ἀνάβασις I. 6. 9 (ἀλλὰ σχολὴ ᾖ ἡμῖν τὸ κατὰ τοῦτον εἶναι τοὺς ἐθελοντὰς φίλους εὖ ποιεῖν), тамъ же 3. 2. 37 (ὀπισθοφυλακῶμεν ἡμεῖς οἱ νεώτεροι τὸ νῦν εἶναι) и другихъ мѣстахъ (смотри: Кюнеръ Ausführl. Gramm. der gr. Spr. § 479. 4); встрѣчающееся въ нихъ слово τὸ входитъ въ синтаксическій составъ своего предложенія, какъ accusativus relationis. Сюда также принадлежатъ выраженія: τοῦ ἄλφα ἡ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστί, — τὸ ἐὰν ἔλθοις καταλληλότητα οὐκ ἔχει (=выраженіе ἐὰν ἔλθοις неправильно). На сколько эти примѣры отличаются отъ предыдущихъ, на это читатель, надѣемся, не потребуетъ отъ насъ отвѣта.

ὁ, имѣюшія отношеніе къ этому параграфу; объ одномъ только рядѣ явленій мы здѣсь умолчали, потому что для него уже предназначено нами другое мѣсто.

Если въ первомъ параграфѣ ὁ сталкивалось съ словами οὗ, οἷ, ἕ, μίν и αὐτός, то это тѣмъ болѣе замѣчается здѣсь: въ самомъ дѣлѣ;

въ Ил. 3. 231 (Τὸν δ' Ἑλένη τανύπεπλος ἀμείβετο, δῖα γυναικῶν,
,,οὗτος δ' Αἴας ἐστὶ πελώριος, ἕρκος Ἀχαιῶν·
Ἰδομενεὺς δ' ἑτέρωθεν ἐνὶ Κρήτεσσι θεὸς ὣς
ἕστηκ' ἀμφὶ δέ μιν Κρητῶν ἀγοὶ ἠγερέθονται)
и въ Од. 10. 312 (ὣς ἄρα φωνήσας πόρε φάρμακον ἀργειφόντης
ἐκ γαίης ἐρύσας καί μοι φύσιν αὐτοῦ ἔδειξε)

самое *представленіе* предметовъ, къ которымъ относится μιν и αὐτός, такъ же предшествуетъ непосредственно употребленію словъ μίν и αὐτός, какъ и въ приведенныхъ на стр. 78-й примѣрахъ употребленію слова ὁ.

Мы видимъ, однако, что сопоставленіе перечисленныхъ выше словъ съ словомъ ὁ получаетъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ параграфѣ. Здѣсь намъ придется рѣшить вопросъ: что̀ достигается особеннаго черезъ постановку слова ὁ по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которые мы уже, кажется, не имѣемъ право считать *удаленными* или *затемненными* въ нашемъ представленіи, какъ это замѣчалось при постановкѣ слова ὁ въ примѣрахъ перваго параграфа, а которые появленіе слова ὁ застаетъ всегда *присутствующими* въ нашемъ представленіи?

Постараемся рѣшить этотъ вопросъ. Сопоставленіе слова ὁ съ словами οὗ, οἷ, ἕ, μίν можетъ касаться только тѣхъ изъ нашихъ примѣровъ, въ которыхъ ὁ анафоруетъ *одушевленный* предметъ, потому что само οὗ οἷ ἕ для обозначенія неодушевленныхъ предметовъ, или цѣлой мысли, какъ мы уже высказались въ статьѣ объ αὐτός (см. стр. 60 и 61), *не* употребляется. (На подобное условіе сопоставленія не нужно было особо указывать въ первомъ параграфѣ: оно не исключало бы тамъ ни одного примѣра изъ сопоставленія, такъ какъ во всѣхъ приведенныхъ тамъ примѣрахъ шла рѣчь исключительно объ *одушевленныхъ* предметахъ). Намъ приходится здѣсь имѣть дѣло изъ вышеприведенныхъ примѣровъ только съ Од. 8. 65, Од. 2. 348 и Ил. 2. 795. Принимая во вниманіе, при сопоставленіи слова ὁ съ словомъ οὗ οἷ ἕ, чередованіе формъ οὗ οἷ ἕ съ отсутствіемъ именительнаго падежа, мы должны рѣшать нашъ вопросъ въ предѣлахъ слѣдующихъ четырехъ возможностей:

1) Предметъ былъ въ первый разъ представленъ въ именительномъ падежѣ и остается въ томъ же падежѣ и въ слѣдующемъ за тѣмъ предложеніи. Въ этомъ случаѣ приходится сопоставлять напр.

Ил. 1. 44. (Ὣς ἔφατ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλυε Φοῖβος Ἀπόλλων,
βῆ δὲ κατ' Οὐλύμποιο καρήνων χωόμενος κῆρ,
τόξ' ὤμοισιν ἔχων ἀμφηρεφέα τε φαρέτρην).

съ Ил. 1. 73. (.. τοῖσι δ' ἀνέστη
Κάλχας Θεστορίδης οἰωνοπόλων ὄχ' ἄριστος,
ὃς ἤδη τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα,
καὶ νήεσσ' ἡγήσατ' Ἀχαιῶν Ἴλιον εἴσω
ἣν διὰ μαντοσύνην, τήν οἱ πόρε Φοῖβος Ἀπόλλων·
ὅ σφιν ἐϋφρονέων ἀγορήσατο καὶ μετέειπεν).

2) Предметъ былъ представленъ въ первый разъ въ именительномъ падежѣ, а въ слѣдующемъ предложеніи приходится обозначать его однимъ изъ косвенныхъ падежей. Сопоставимъ напр.

Ил. 4. 2. (Οἱ δὲ θεοὶ πὰρ Ζηνὶ καθήμενοι ἠγορόωντο
χρυσέῳ ἐν δαπέδῳ, μετὰ δέ σφισι πότνια Ἥβη
νέκταρ ἐῳνοχόει·)

съ Ил. 1. 55. (Ἐννῆμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ᾤχετο κῆλα θεοῖο,
τῇ δεκάτῃ δ' ἀγορήνδε καλέσσατο λαὸν Ἀχιλλεύς·
τῷ γὰρ ἐπὶ φρεσὶ θῆκε θεὰ λευκώλενος Ἥρη·
κήδετο γὰρ Δαναῶν, ὅτι ῥα θνήσκοντας ὁρᾶτο).

3) Предметъ былъ представленъ первый разъ въ косвенномъ падежѣ и остается въ косвенномъ падежѣ и въ слѣдующемъ предложеніи. Ὁ ἡ τὸ встрѣчается здѣсь напр. въ Ил. 5. 603.

(„Ὦ φίλοι, οἷον δὴ θαυμάζομεν Ἕκτορα δῖον
αἰχμητήν τ' ἔμεναι καὶ θαρσαλέον πολεμιστήν·
τῷ δ' αἰεὶ πάρα εἷς γε θεῶν, ὃς λοιγὸν ἀμύνει·
καὶ νῦν οἱ πάρα κεῖνος Ἄρης βροτῷ ἀνδρὶ ἐοικώς),

а οὗ οἷ ἕ напр. въ Ил. 2. 11.

(„Βάσκ' ἴθι, οὖλε Ὄνειρε, θοὰς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν·
ἐλθὼν ἐς κλισίην Ἀγαμέμνονος Ἀτρεΐδαο
πάντα μάλ' ἀτρεκέως ἀγορευέμεν ὡς ἐπιτέλλω·
θωρῆξαί ἑ κέλευε καρηκομόωντας Ἀχαιοὺς
πανσυδίῃ).

4) Предметъ былъ представленъ первоначально въ косвенномъ падежѣ, а въ слѣдующихъ предложеніяхъ переходитъ въ именительный падежъ. Сопоставимъ здѣсь напр.

Од. 12. 17. Ἡμεῖς μὲν τὰ ἕκαστα διείπομεν· οὐδ' ἄρα Κίρκην
ἐξ Ἀΐδεω ἐλθόντες ἐλήθομεν, ἀλλὰ μάλ' ὦκα
ἦλθ' ἐντυναμένη.

съ Ил. 1. 12. νοῦσον ἀνὰ στρατὸν ὦρσε κακήν, ὀλέκοντο δὲ λαοί,
οὕνεκα τὸν Χρύσην ἠτίμησ' ἀρητῆρα
'Ατρείδης· ὁ γὰρ ἦλθε θοὰς ἐπὶ νῆας 'Αχαιῶν,
λυσόμενός τε θύγατρα φέρων τ' ἀπερείσι' ἄποινα.

Мы видимъ, что во всѣхъ четырехъ случаяхъ рядомъ съ примѣрами на οὗ οἷ ἕ и отсутствіемъ именительнаго падежа появляются и примѣры на ὁ ἡ τό; но стоитъ только немного вдуматься въ обѣ эти группы примѣровъ, чтобы понять различіе въ характерѣ первой группы отъ послѣдней: тамъ идетъ дѣло только о *присоединеніи* новаго заявленія о лицѣ къ заявленію, *уже прежде* сдѣланному говорящимъ, и оба эти заявленія соединяются въ нашемъ представленіи *въ одно цѣлое;* здѣсь же характеръ предложеній, начинающихся съ ὁ, *есть общій со всѣми остальными примѣрами, упомянутыми въ этомъ параграфѣ, однако не имѣющими никакого отношенія къ слову* οὗ οἷ ἕ, съ примѣрами, въ которыхъ ὁ анафоруетъ цѣлую мысль, съ примѣрами, въ которыхъ оно анафоруетъ и другія лица кромѣ 3-го, и съ примѣрами, въ которыхъ ὁ употреблено пролептически. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, а лѣдовательно и въ предложеніяхъ, въ которыхъ ὁ сталкивается съ οὗ οἷ ἕ, слово ὁ *заставляетъ насъ, конечно, пополнять содержаніе предложенія, вмѣщающаго въ себѣ это* ὁ, *внесеніемъ въ него предмета, съ которомъ* само ὁ согласовано грамматически, но вмѣстѣ съ тѣмъ—а это есть самое существенное въ нашемъ сопоставленіи—въ однихъ случаяхъ *имъ* только т. е. словомъ ὁ, а не тѣмъ предложеніемъ, въ которомъ предметъ *представленъ, выставляется этотъ предметъ особымъ началомъ, особою точкою, на которую долженъ опираться новый рядъ сужденій, новый разсказъ,* въ другихъ же случаяхъ *имъ* только, а не предложеніемъ, въ которомъ предметъ *представленъ, захватывается этотъ предметъ въ область прекращеннаго передъ его представленіемъ и теперь опять имѣющаго продолжаться разсказа* (послѣднее замѣчается въ Од. 2. 348, Ил. 2. 795, Од. 1. 182). Во всякомъ случаѣ слово ὁ, въ нашихъ примѣрахъ, переноситъ насъ въ новую область мыслей, въ сравненіи съ тою, въ которой мы находились во время *представленія* предмета; время представленія предмета, будучи измѣряемо ходомъ разсказа, представляется совершенно инымъ, чѣмъ время, въ которомъ произносится предложеніе, начинающееся съ слова ὁ. Мы видимъ, что въ этихъ случаяхъ вполнѣ сохраняется анафорическое значеніе слова ὁ: анафора относится здѣсь къ предмету, удаленному по времени, измѣряемому ходомъ разсказа; переводъ чрезъ распространенныя указ. мѣстоименія (*этотъ то* и т. д; см. стр. 79) оказывается поэтому возможнымъ, описаніе его значенія выраженіемъ: „тотъ предметъ, который я вамъ сейчасъ сообщ*илъ*" (perfectum; время *представленія*, значитъ, уже прошло)—правильнымъ и разстановка его, на которую мы указали на той же 79 стр., соотвѣтствующею его значенію. Намъ кажется, что „*начинательное*", какъ мы выра-

зились бы, значеніе слова ὁ въ примѣрахъ, подходящихъ подъ этотъ параграфъ, *доказано*, а потому особое сопоставленіе его съ слабымъ αὐτός identitatis и μίν, какъ не ведущее насъ къ особымъ разультатамъ, считаемъ лишнимъ.

Но начинательное значеніе слова ὁ не ограничивается этими случаями: коль скоро лице, опредѣливъ въ извѣстномъ направленіи свое отношеніе къ дѣйствію (или какъ *главный дѣятель*, или какъ лице, служащее *предметомъ* дѣйствія для другихъ дѣятелей), перемѣняетъ это свое отношеніе, то его гомерическій языкъ, въ предложеніи, заявляющемъ о такой перемѣнѣ отношенія, тоже обозначаетъ черезъ ὁ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя подраздѣленіями.

Первое подраздѣленіе составляютъ тѣ случаи, въ которыхъ предметъ, обозначаемый чрезъ ὁ, перемѣняетъ свое активное отношеніе къ разсказываемому дѣйствію въ пассивное и активное его положеніе перенимаетъ какое нибудь другое лице. Сравни напр.

Од. 4. 525. ἤτοι ὁ μὲν (᾿Αγαμέμνων) χαίρων ἐπεβήσετο πατρίδος αἴης,
καὶ κύνει ἁπτόμενος ἣν πατρίδα· πολλὰ δ᾿ ἀπ᾿ αὐτοῦ
δάκρυα θερμὰ χέοντ᾿, ἐπεὶ ἀσπασίως ἴδε γαῖαν.
τὸν δ᾿ ἄρ᾿ ἀπὸ σκοπιῆς εἶδε σκοπός, ὅν ῥα καθεῖσεν
Αἴγισθος δολόμητις ἄγων, ὑπὸ δ᾿ ἔσχετο μισθὸν
χρυσοῦ δοιὰ τάλαντα.

Ил. 3. 21. αὐτὰρ ὁ (᾿Αλέξανδρος) δοῦρε δύω κεκορυθμένα χαλκῷ
πάλλων ᾿Αργείων προκαλίζετο πάντας ἀρίστους
ἀντίβιον μαχέσασθαι ἐν αἰνῇ δηϊοτῆτι.
Τὸν δ᾿ ὡς οὖν ἐνόησεν ἀρηΐφιλος Μενέλαος
ἐρχόμενον προπάροιθεν ὁμίλου, μακρὰ βιβάντα,
ὥστε λέων ἐχάρη μεγάλῳ ἐπὶ σώματι κύρσας,
ὣς ἐχάρη Μενέλαος...
...φάτο γὰρ τίσεσθαι ἀλείτην·
αὐτίκα δ᾿ ἐξ ὀχέων σὺν τεύχεσιν ἆλτο χαμᾶζε.
Τὸν δ᾿ ὡς οὖν ἐνόησεν ᾿Αλέξανδρος θεοειδὴς
ἐν προμάχοισι φανέντα, κατεπλήγη φίλον ἦτορ·
ἂψ δ᾿ ἑτάρων εἰς ἔθνος ἐχάζετο κῆρ᾿ ἀλεείνων....
τὸν δ᾿ Ἕκτωρ νείκεσσεν ἰδὼν αἰσχροῖς ἐπέεσσιν...

Сюда же принадлежатъ столь часто встрѣчающіяся выраженія: τὸν δ᾿ ἀπαμειβόμενος προσέφη... ὡς φάτο, τὸν δ᾿ ὁ γέρων ἡγήσατο φώνησέν τε... ὡς ἔφατ᾿ εὐχόμενος, τοῦ δ᾿ ἔκλυε... Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ *смѣняемый* дѣятель со всѣми своими дѣйствіями представляется такою же точкою отправленія для *новыхъ* дѣйствій и для *новаго* разсказа, какою былъ въ предыдущихъ примѣрахъ *представленный* предметъ. Все, что мы сказали объ ὁ въ первомъ пунктѣ этого параграфа, сохраняетъ свою силу и здѣсь. Что, впрочемъ, и смѣна дѣятеля могла не повлечь за собою появленія слова ὁ, это доказываетъ

намъ выраженіе ὣς ἔφατ', αὐτὰρ ἐγώ μιν ἀμειβόμενος προσέειπον, встрѣчающееся чуть-ли не такъ же часто, какъ и соотвѣтствующія ему выраженія съ ὁ.

Во второе подраздѣленіе входятъ тѣ случаи, въ которыхъ слово ὁ обозначаетъ лице, переходящее изъ пассивнаго отношенія къ дѣйствію въ активное; сюда принадлежитъ аттическое ὁ δὲ, указанное нами на стр. 19. Объ этихъ случаяхъ, однако, уже трудно утверждать то, что было сказано о случаяхъ перваго пункта; они подаютъ скорѣе матеріалъ для того ὁ, къ которому мы теперь переходимъ.

I. 3.

Коль скоро Гомеръ, заговоривъ о какомъ нибудь предметѣ, начнетъ, среди разсказа о немъ, сопоставлять его съ другимъ какимъ нибудь предметомъ, то онъ обозначаетъ его уже не черезъ οὗ οἵ μίν αὐτός, *а черезъ* ὁ.

Мы здѣсь различаемъ два случая. Одинъ изъ нихъ можетъ насъ и не удалять отъ пониманія слова ὁ въ томъ значеніи, какое мы ему отвели въ предыдущемъ параграфѣ. Въ пополненіе того, что мы сказали на стр. 6-й о начертаніяхъ, рисующихся въ нашемъ сознаніи во время разсказа объ удаленномъ отъ насъ предметѣ, мы замѣтимъ слѣдующее: Наша сила представленія заставляетъ насъ отводить въ самомъ представленіи опредѣленное мѣсто всѣмъ предметамъ, которые входятъ въ это послѣднее. При этомъ опредѣленіи мѣста мы руководимся или дѣйствительностью, если намъ эта дѣйствительность извѣстна (а въ такомъ случаѣ въ нашемъ представленіи во время рѣчи говорящаго рисуется картина вполнѣ соотвѣтствующая пространственнымъ отношеніямъ *дѣйствительности*), или же разсказомъ говорящаго, (а въ этихъ случаяхъ вѣрность нашего представленія зависитъ вполнѣ отъ степени точности и отчетливости самаго разсказа), а за тѣмъ (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не располагаемъ ни своими свѣдѣніями, ни указаніями разказчика), предметъ занимаетъ въ нашемъ представленіи положеніе *случайное*. При томъ сопоставленіи предметовъ, какое мы имѣемъ въ виду въ этомъ параграфѣ, въ вопросѣ объ отведеніи мѣста въ нашемъ представленіи сопоставляемымъ предметамъ, насъ не поддерживаетъ ни дѣйствительность, ни разсказъ, и однако въ нашемъ представленіи рисуются двѣ горизонтально противуположныхъ точки, на которыхъ мы и размѣщаемъ сопоставляемые нами предметы. Употребляя слово ὁ о томъ изъ двухъ сопоставляемыхъ предметовъ, который уже считается присутствующимъ въ нашемъ представленіи, говорящій дѣлаетъ то же самое, что сдѣлалъ бы онъ, если бы пришлось ему сопоставлять съ какимъ нибудь предметомъ предметъ, *находящійся на лице,* хотя бы даже *освѣдомленіе* объ этомъ послѣднемъ предметѣ (πρώτη γνῶσις; см. стр. 7). у него происходило заранѣе (передъ сопоставленіемъ). Обратимъ вниманіе на слѣдующаго рода разговоръ:

А. Ты видишь вотъ *это* дерево?

В. Вижу.

А. Какъ ты находишь, не слѣдуетъ ли *его* пересадить ближе къ зданію, чтобы лѣтомъ, даже въ самый полдень, была тѣнь отъ него въ комнатѣ?

В. Отъ *этого*-то дерева будетъ тѣнь въ твоей комнатѣ и при теперешнемъ его положеніи, но то дерево, которое по ту сторону твоей комнаты и которое ты мнѣ вчера показывалъ, нужно уже во всякомъ случаѣ пересадить.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ діалогѣ повторяющееся два раза слово «это» имѣетъ каждый разъ другой характеръ: первое есть чистое δειχτιχόν; второе не можетъ быть δειχτιχόν, потому что при немъ не освѣдомляемся о предметѣ, а должно быть ἀναφοριχόν. Спрашивается: почему лицу, обозначенному въ этомъ діалогѣ буквою В, удобнѣе было анафоровать предметъ „дерево" через слово „это", чѣмъ обозначать его тѣмъ словомъ, которымъ оно было обозначаемо непосредственно передъ словомъ *это* (именно: словомъ *его*, *имъ*)? На основаніи дознаннаго нами выше психологическаго явленія, именно способности фиктивно размѣщать въ нашемъ представленіи сопоставляемые предметы, и въ виду представленнаго нами примѣра, мы на этотъ вопросъ отвѣтимъ слѣдующимъ образомъ: принимаясь сопоставлять присутствующій въ нашемъ представленіи предметъ съ другимъ какимъ нибудь однороднымъ предметомъ, мы вносимъ его въ извѣстное локальное отношеніе къ сопоставляемому съ нимъ предмету; это отношеніе придаетъ ему совсѣмъ другое положеніе въ разсказѣ, чѣмъ какое онъ имѣлъ, когда былъ единственнымъ предметомъ разсказа; оно заставляетъ насъ положить преграду между тѣмъ временемъ, когда мы исключительно о немъ разсказывали, и между тѣмъ, когда мы начали его *сопоставлять*; вотъ почему мы и сказали, что эти случаи не удаляютъ насъ отъ случаевъ предыдущаго параграфа. Сравни:

Ил. 18. 146. Οὔλυμπόνδε θεὰ Θέτις ἀργυρόπεζα
ἤϊεν, ὄφρα φίλῳ παιδὶ κλυτὰ τεύχε' ἐνείκαι.
Τὴν μὲν ἄρ' Οὔλυμπόνδε πόδες φέρον· αὐτὰρ 'Αχαιοὶ
θεσπεσίῳ ἀλαλητῷ ὑφ' Ἕκτορος ἀνδροφόνοιο
φεύγοντες νῆάς τε καὶ Ἑλλήσποντον ἵκοντο·

Ил. 5. 47. Ἰδομενεὺς δ' ἄρα Φαῖστον ἐνήρατο, Μῄονος υἱὸν
Βώρου, ὃς ἐκ Τάρνης ἐριβώλακος εἰληλούθει.
τὸν μὲν ἄρ' Ἰδομενεὺς δουρικλυτὸς ἔγχεϊ μακρῷ
νύξ' ἵππων ἐπιβησόμενον, κατὰ δεξιὸν ὦμον·
ἤριπε δ' ἐξ ὀχέων, στυγερὸς δ' ἄρα μιν σκότος εἷλεν.
Τὸν μὲν ἄρ' Ἰδομενῆος ἐσύλευον θεράποντες·
υἱὸν δὲ Στροφίοιο Σκαμάνδριον, αἵμονα θήρης,
'Ατρείδης Μενέλαος ἕλ' ἔγχεϊ ὀξυόεντι,
ἐσθλὸν θηρητῆρα·

Од. 24. 412. Гомеръ переходитъ отъ разсказа сцены въ домѣ Лаерта къ разсказу о Молвѣ (Ὄσσα) слѣд. словами:

Ὣς οἱ μὲν (разумѣй: всѣ тѣ, о которыхъ кончается рѣчь)
περὶ δεῖπνον ἐνὶ μεγάροισι πένοντο·
Ὄσσα δ' ἄρ' ἄγγελος ὦκα κατὰ πτόλιν ᾤχετο πάντῃ...

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ случаями, гдѣ изъ сопоставляемыхъ предметовъ только *одинъ* былъ слушателю извѣстенъ изъ непосредственно предшествующаго разсказа. Немного иначе представляются намъ случаи, въ которыхъ *оба* предмета были представлены слушателю раньше самаго сопоставленія. Мы разумѣемъ здѣсь мѣста, какъ то:

Од. 3. 269. ὁ δ' εὔκηλος μυχῷ Ἄργεος ἱπποβότοιο
πόλλ' Ἀγαμεμνονέην ἄλοχον θέλγεσκ' ἐπέεσσιν.
ἡ δ' ἤτοι τὸ πρὶν μὲν ἀναίνετο ἔργον ἀεικές,
δῖα Κλυταιμνήστρη· φρεσὶ γὰρ κέχρητ' ἀγαθῇσιν.
πὰρ δ' ἄρ' ἔην καὶ ἀοιδὸς ἀνήρ, ᾧ πόλλ' ἐπέτελλεν
Ἀτρεΐδης Τροίηνδε κιὼν εἴρυσθαι ἄκοιτιν.
ἀλλ' ὅτε δή μιν μοῖρα θεῶν ἐπέδησε δαμῆναι,
δὴ τότε τὸν μὲν ἀοιδὸν ἄγων ἐς νῆσον ἐρήμην
κάλλιπεν οἰωνοῖσιν ἕλωρ καὶ κύρμα γενέσθαι,
τὴν δ' ἐθέλων ἐθέλουσαν ἀνήγαγεν ὅνδε δόμονδε.

Ил. 11. 472. τρὶς δ' ἄϊεν ἰάχοντος (Ὀδυσῆος) ἀρηΐφιλος Μενέλαος.
αἶψα δ' ἄρ' Αἴαντα προσεφώνεεν ἐγγὺς ἐόντα....
Ὣς εἰπὼν ὁ μὲν ἦρχ', ὁ δ' ἅμ' ἕσπετο ἰσόθεος φώς.

Особенный разрядъ составляютъ здѣсь тѣ мѣста, гдѣ два предмета, одинаково извѣстные изъ непосредственно предшествующаго разсказа, сходятся въ *одномъ* предложенія, служа при этомъ разнородными распространеніями одного и того же сказуемаго. Примѣры представляютъ слѣдующія мѣста:

Ил. 15. 417. Ἕκτωρ δ' ἀντ' Αἴαντος ἐείσατο κυδαλίμοιο.
τὼ δὲ μιῆς περὶ νηὸς ἔχον πόνον, οὐδ' ἐδύναντο
οὔθ' ὁ τὸν ἐξελάσαι καὶ ἐνιπρῆσαι πυρὶ νῆας,
οὔθ' ὁ τὸν ἂψ ὤσασθαι, ἐπεί ῥ' ἐπέλασσέ γε δαίμων.

Ил. 21. 601. αὐτῷ γὰρ ἑκάεργος Ἀγήνορι πάντα ἐοικὼς
ἔστη πρόσθε ποδῶν· ὁ δ' ἐπέσσυτο ποσσὶ διώκειν.
εἷος ὁ τὸν πεδίοιο διώκετο πυροφόροιο....

Мы видимъ, что и въ этомъ, и въ предшествующемъ разрядахъ слово ὁ употребляется объ *обоихъ* предметахъ сопоставленія. Къ какому изъ сопоставляемыхъ предметовъ каждое ὁ относится, это можно узнать иногда (см. напр. Ил. 15. 417) только изъ контекста. Это ὁ очень близко къ δεικτικά, такъ какъ цѣль его появленія имѣетъ *распознавательный* характеръ и рас-

познаваніе не ушло далеко отъ *освѣдомленія* (πρώτη γνῶσις) [81]). Воспользуемся существованіемъ у Аполлонія двухъ терминовъ о значеніи анафорическихъ словъ, именно δεῖξις τοῦ νοῦ и ἀναφορά, и назовемъ значеніе, замѣченное нами въ примѣрахъ этого пункта, δεῖξις τοῦ νοῦ;—въ какомъ отношеніи такая δεῖξις τοῦ νοῦ находится къ другимъ оттѣнкамъ слова ὁ, на это мы укажемъ въ концѣ 3-ей части.

Сюда же слѣдуетъ отнести случаи, упомянутые на стр. 86. На сколько они отличаются отъ вышеприведенныхъ примѣровъ, на это указывать не станемъ; въ Гомерѣ замѣчаемъ соотвѣтствіе аттическому ὁ δὲ въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ:

Ил. 24. 470 Πρίαμος δ' ἐξ ἵππων ἆλτο χαμᾶζε,
Ἰδαῖον δὲ κατ' αὖθι λίπεν· ὁ δὲ μίμνεν ἐρύκων
ἵππους ἡμιόνους τε·

Ил. 5. 17. Φηγεύς ῥα πρότερος προΐει δολιχόσκιον ἔγχος·
Τυδείδεω δ' ὑπὲρ ὦμον ἀριστερὸν ἤλυθ' ἀκωκὴ
ἔγχεος, οὐδ' ἔβαλ' αὐτόν· ὁ δ' ὕστερος ὤρνυτο χαλκῷ
Τυδείδης·

Приведемъ еще нѣкоторыя замѣчанія по поводу нашихъ трехъ параграфовъ. Исходя изъ послѣднихъ указаній третьяго параграфа, мы вполнѣ понимаемъ, что появленію слова ὁ вмѣсто οὗ могло содѣйствовать желаніе *отличить* предметъ, какъ особенный, въ противоположность другому какому нибудь предмету, хотя бы даже и не упомянутому въ текстѣ. Такъ мы понимаемъ слово τοῦ, встрѣчающееся въ Ил. 9. 378, гдѣ Ахиллесъ говоритъ Одиссею объ Агамемнонѣ:

οὐδέ τί οἱ βουλὰς συμφράσσομαι, οὐδὲ μὲν ἔργον·
ἐκ γὰρ δή μ' ἀπάτησε καὶ ἤλιτεν· οὐδ' ἂν ἔτ' αὖτις
ἐξαπάφοιτ' ἐπέεσσιν· ἅλις δέ οἱ. ἀλλὰ ἕκηλος
ἐρρέτω· ἐκ γάρ εὑ φρένας εἵλετο μητίετα Ζεύς.
ἐχθρὰ δέ μοι τοῦ δῶρα, τίω δέ μιν ἐν καρὸς αἴσῃ.
οὐδ' εἴ μοι δεκάκις τε καὶ εἰκοσάκις τόσα δοίη
ὅσσα τέ οἱ νῦν ἔστι, καὶ εἴ ποθεν ἄλλα γένοιτο...

Смыслъ слова τοῦ, встрѣчающагося здѣсь среди нѣсколькихъ οὗ, можно опи-

---

81) Δεικτικά мы всегда понимали какъ слова, указывающія на предметы, находящіеся на лицо въ *дѣйствительности*; здѣсь эти предметы присутствуютъ въ *нашемъ представленіи*.—При томъ распознаваніи, которое лежитъ въ основаніи появленія этого ὁ, мы не располагаемъ, разумѣется, такимъ вѣрнымъ руководительнымъ средствомъ, какимъ мы располагаемъ при δεῖξις τῆς ὄψεως (см. стр. 3), но всѣ остальныя средства, указанныя нами тамъ же, какъ содѣйствующія освѣдомленію о находящихся на лицо предметахъ, могутъ употребляться и здѣсь о предметахъ присутствующихъ въ представленіи

сать словами: „этого, о которомъ я говорю, въ различіе отъ другихъ". Несомнѣннымъ становится такое сопоставленіе предмета съ предметомъ

въ Од. 17. 155: αὐτὰρ ὁ βῆ διὰ δῶμα φίλον τετιημένος ἦτορ,
νευστάζων κεφαλῇ· δὴ γὰρ κακὸν ὄσσετο θυμός.
ἀλλ' οὐδ' ὣς φύγε Κῆρα· πέδησε δὲ καὶ τὸν Ἀθήνη
Τηλεμάχου ὑπὸ χερσὶ καὶ ἔγχεϊ ἶφι δαμῆναι..

Часто разсказчикъ не заботится слишкомъ о томъ, чтобы вызывать слушателя на распознаваніе присутствующихъ въ представленіи предметовъ, а у него самаго (т. е. у разсказчика) представляющая сила очень свободно совершаетъ постоянную перемѣну въ группировкѣ этихъ предметовъ, выдвигая при этомъ, еще передъ упоминаніемъ о каждомъ изъ нихъ въ разсказѣ, на первый планъ всегда тотъ предметъ, о которомъ придется вслѣдъ за тѣмъ говорить. Вслѣдствіе всего этого говорящій самъ не чувствуетъ особенной надобности вноситъ въ рѣчь вышеупомянутый распознавательный характеръ, а обозначаетъ всѣ присутствующіе въ его представленіи предметы одинаково черезъ οὗ (при такихъ же условіяхъ появляются и въ русскомъ языкѣ формы *его*, *ему* и т. д. вмѣсто словъ „распознавательныхъ"), а для слушателя такой разсказъ часто дѣлается непонятнымъ, такъ что послѣдній долженъ не рѣдко останавливать разсказывающаго и спрашивать его, кого онъ подразумѣваетъ подъ словомъ *его*, употребляемымъ имъ въ рѣчи. Вотъ какъ мы объясняемъ себѣ появленіе слова οὗ, упомянутое нами на стр. 17 и засвидѣтельствованное тамъ же примѣромъ Ил. 3. 383. Сравни еще:

Ил. 5. 8 и слѣд. ὦρσε δέ μιν (Διομήδη) κατὰ μέσσον, ὅθι πλεῖστοι κλονέοντο.
Ἦν δέ τις ἐν Τρώεσσι Δάρης ἀφνειὸς ἀμύμων,
ἱρεὺς Ἡφαίστοιο· δύω δέ οἱ υἱέες ἤστην,
Φηγεὺς Ἰδαῖός τε, μάχης εὖ εἰδότε πάσης.
τώ οἱ ἀποκρινθέντε ἐναντίω ὁρμηθήτην·

Ил. 7. 433 и сл. Ἦμος δ' οὔτ' ἄρ πω ἠώς, ἔτι δ' ἀμφιλύκη νύξ,
τῆμος ἄρ' ἀμφὶ πυρὴν κριτὸς ἔγρετο λαὸς Ἀχαιῶν,
τύμβον δ' ἀμφ' αὐτὴν ἕνα ποίεον ἐξαγαγόντες
ἄκριτον ἐκ πεδίου, ποτὶ δ' αὐτὸν τεῖχος ἔδειμαν
πύργους θ' ὑψηλούς, εἶλαρ νηῶν τε καὶ αὐτῶν.
ἐν δ' αὐτοῖσι πύλας ἐνεποίεον εὖ ἀραρυίας,
ὄφρα δι' αὐτάων ἱππηλασίη ὁδὸς εἴη·
ἔκτοσθεν δὲ βαθεῖαν ἐπ' αὐτῷ τάφρον ὄρυξαν,
εὐρεῖαν μεγάλην, ἐν δὲ σκόλοπας κατέπηξαν.

Од. 7. 171. υἱὸν ἀναστήσας ἀγαπήνορα Λαοδάμαντα,
ὅς οἱ πλησίον ἷζε, μάλιστα δέ μιν φιλέεσκεν.

Съ другой же стороны желаніе быть понятымъ слушателемъ уничтожаетъ возможность постановки слова οὗ не только въ такихъ примѣрахъ, какими представляются Ил. 5. 8 и другіе, поставленные съ нимъ въ одинъ разрядъ, но и въ примѣрахъ, не предусмотрѣнныхъ нашими 3-мя параграфами. Оно ведетъ разсказчика, при произношеніи выраженія цѣлой мысли, очень часто къ *разбивкѣ* этого выраженія на возможно бо̀льшее число частей, опредѣляющихся на основаніи синтаксическихъ законовъ предложенія; эта разбивка на части получаетъ свое выраженіе въ интонаціи; каждая изъ этихъ частей должна быть особо выслушиваема слушателемъ и вызывать въ его сознаніи особое представленіе, какъ частное, имѣющее дать въ соединеніи съ другими представленіями, соотвѣтствующими другимъ частямъ предложенія, точное цѣлое. Если въ такихъ случаяхъ приходится въ какой нибудь изъ этихъ частей упоминать о предметѣ, упомянутомъ въ другой части, то уже разсказчикъ не обозначаетъ его, какъ присутствующій, черезъ οὗ, μίν, αὐτός, а анафоруетъ его, какъ переходящій изъ одного синтаксическаго цѣлаго въ другое, черезъ ὁ. Сравни:

Ил. 4. 28. Ἥρῃ δ' οὐχ ἔχαδε στῆθος χόλον, ἀλλὰ προσηύδα
„Αἰνότατε Κρονίδη, ποῖον τὸν μῦθον ἔειπες.
πῶς ἐθέλεις ἅλιον θεῖναι πόνον ἠδ' ἀτέλεστον,
ἱδρῶ θ' ὃν ἴδρωσα μόγῳ, καμέτην δέ μοι ἵπποι
λαὸν ἀγειρούσῃ, Πριάμῳ κακὰ τοῖό τε παισίν.

Од. 10. 68. Ὣς φάσαν. αὐτὰρ ἐγὼ μετεφώνεον ἀχνύμενος κῆρ
„ἄασάν μ' ἕταροί τε κακοὶ πρὸς τοῖσί τε ὕπνος
σχέτλιος.

Въ этихъ двухъ примѣрахъ слова τοῖο τε παισίν и τοῖσί τε ὕπνος представляются намъ совершенно другимъ синтаксическимъ цѣлымъ, чѣмъ слова, предшествующія имъ, не смотря на то, что они не составляютъ даже полнаго предложенія. Приниманіе *полнаго* предложенія за одно синтаксическое цѣлое влечетъ за собою появленіе слова ὁ въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ:

Ил. 4. 293. Ὣς εἰπὼν τοὺς μὲν λίπεν αὐτοῦ, βῆ δὲ μετ' ἄλλους·
ἔνθ' ὅγε Νέστορ' ἔτετμε, λιγὺν Πυλίων ἀγορητήν.

Ил. 5. 434. Αἰνείᾳ δ' ἐπόρουσε βοὴν ἀγαθὸς Διομήδης,
γιγνώσκων ὅ οἱ αὐτὸς ὑπείρεχε χεῖρας Ἀπόλλων·
ἀλλ' ὅγ' ἄρ' οὐδὲ θεὸν μέγαν ἅζετο, ἵετο δ' αἰεὶ
Αἰνείαν κτεῖναι καὶ ἀπὸ κλυτὰ τεύχεα δῦσαι.

Ил. 5. 849. Ὡς δὲ ἴδε βροτολοιγὸς Ἄρης Διομήδεα δῖον,
ἤτοι ὁ μὲν Περίφαντα πελώριον αὐτόθ' ἔασεν
κεῖσθαι, ὅθι πρῶτον κτείνων ἐξαίνυτο θυμόν,
αὐτὰρ ὁ βῆ ῥ' ἰθὺς Διομήδεος ἱπποδάμοιο.

I. 4.

Перейдемъ къ новымъ фактамъ. *Если группа извѣстныхъ намъ однородныхъ предметовъ, входя въ матеріалъ логическаго сужденія, должна быть раздѣлена на двѣ, или нѣсколько частей, то эти части обозначаются черезъ* ὁ ἡ τό. См. слѣд. мѣста:

Од. 20. 149. ἡ δ' αὖτε δμωῇσιν ἐκέκλετο δῖα γυναικῶν,
Εὐρύκλει', Ὦπος θυγάτηρ Πεισηνορίδαο·
„Ἀγρεῖθ', αἱ μὲν δῶμα κορήσατε ποιπνύσασαι,
ῥάσσατέ τ' ἔν τε θρόνοις εὐποιήτοισι τάπητας
βάλλετε πορφυρέους· αἱ δὲ σπόγγοισι τραπέζας
πάσας ἀμφιμάσασθε, καθήρατε δὲ κρητῆρας
καὶ δέπα ἀμφικύπελλα τετυγμένα· ταὶ δὲ μεθ' ὕδωρ
ἔρχεσθε κρήνηνδε, καὶ οἴσετε θᾶσσον ἰοῦσαι.

Ил. 2. 90. ἠύτε ἔθνεα εἶσι μελισσάων ἀδινάων,
πέτρης ἐκ γλαφυρῆς αἰεὶ νέον ἐρχομενάων·
βοτρυδὸν δὲ πέτονται ἐπ' ἄνθεσιν εἰαρινοῖσιν·
αἱ μέν τ' ἔνθα ἅλις πεποτήαται, αἱ δέ τε ἔνθα·
ὣς τῶν ἔθνεα πολλὰ νεῶν ἄπο καὶ κλισιάων.‥ ἐστιχόωντο.

Од. 14. 444. „ἔσθιε, δαιμόνιε ξείνων, καὶ τέρπεο τοῖσδε,
οἷα πάρεστι· θεὸς δὲ τὸ μὲν δώσει, τὸ δ' ἐάσει,
ὅττι κεν ᾧ θυμῷ ἐθέλῃ· δύναται γὰρ ἅπαντα.

Эти мѣста во многомъ напоминаютъ намъ примѣры, приведенные на стр. 89. Особенность, замѣчаемая въ примѣрахъ этого параграфа и побуждающая насъ отдѣлить ихъ отъ тѣхъ примѣровъ, съ которыми мы ихъ сравниваемъ, заключается въ неопредѣленности индивидуальности сторонъ сопоставленія: въ случаяхъ, съ которыми мы сравниваемъ эти примѣры, всякій разъ подъ словомъ ὁ нужно было подразумѣвать только одинъ *извѣстный предметъ* изъ тѣхъ, которые были сопоставляемы, здѣсь же подъ нимъ подразумѣвается одна *какая бы то ни была* часть изъ раздѣленной на двѣ стороны группы. Такою же неопредѣленностію значенія относительно индивидуальности предмета отличается ὁ, встрѣчающееся въ аттическомъ оборотѣ τὸν καὶ τόν; сравни напримѣръ Лизія ὑπὲρ τοῦ Ἐρατοσθένους φόνου 23: ὁ δ' Ἐρατοσθένης, ὦ ἄνδρες, εἰσέρχεται, καὶ ἡ θεράπαινα ἐπεγείρασά με εὐθὺς φράζει ὅτι ἔνδον ἐστί. κἀγὼ εἰπὼν ἐκείνῃ ἐπιμελεῖσθαι τῆς θύρας, καταβὰς σιωπῇ ἐξέρχομαι καὶ ἀφικνοῦμαι ὡς τὸν καὶ τόν (къ тому, другому) καὶ τοὺς μὲν ἔνδον κατέλαβον, τοὺς δὲ οὐκ ἐπιδημοῦντας εὗρον.

У Гомера нѣтъ мѣстъ, въ которыхъ всрѣчался бы оборотъ τὸν καὶ τόν, но что гомерическое ἔνθα καὶ ἔνθα (тамъ и сямъ) есть явленіе совершенно тождественное съ указаннымъ нами аттическимъ оборотомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Особенность своего рода представляетъ 11-я рапсодія Одиссеи, гдѣ Одис-

сей, перечисляя лицъ, съ которыми ему пришлось видѣться въ аду, разсказываетъ такъ:

Од. 11. 260. Τὴν δὲ μετ' 'Αντιόπην ἴδον, 'Ασωποῖο θύγατρα,
ἣ δὴ καὶ Διὸς εὔχετ' ἐν ἀγκοίνῃσιν ἰαῦσαι,
καί ῥ' ἔτεκεν δύο παῖδ', 'Αμφίονά τε Ζῆθόν τε,
οἳ πρῶτοι Θήβης ἕδος ἔκτισαν ἑπταπύλοιο,
πύργωσαν τ', ἐπεὶ οὐ μὲν ἀπύργωτόν γ' ἐδύναντο
ναιέμεν εὐρύχορον Θήβην, κρατερώ περ ἐόντε.
Τὴν δὲ μέτ' 'Αλκμήνην ἴδον, 'Αμφιτρύωνος ἄκοιτιν,...
271: Μητέρα τ' Οἰδιπόδαο ἴδον, καλὴν 'Επικάστην,...
281. Καὶ Χλῶριν εἶδον περικαλλέα...
298. Καὶ Λήδην εἶδον...
305. Τὴν δὲ μετ' 'Ιφιμέδειαν, 'Αλωῆος παράκοιτιν
εἴσιδον, ἣ δὴ φάσκε Ποσειδάωνι μιγῆναι...
321 Φαίδρην τε Πρόκριν τε ἴδον καλήν τ' 'Αριάδνην,
κούρην Μίνωος ὀλοόφρονος,...
326. Μαῖράν τε Κλυμένην τε ἴδον στυγερήν τ' 'Εριφύλην,
ἣ χρυσὸν φίλου ἀνδρὸς ἐδέξατο τιμήεντα...
601. τὸν δὲ μέτ' εἰσενόησα βίην 'Ηρακλείην и т. д.

И въ этомъ примѣрѣ слово ὁ, во всѣхъ предложеніяхъ, въ которыхъ оно появляется, есть слово *неопредѣленное* по отношенію къ индивидуальности обозначаемаго имъ предмета: оно только переноситъ вниманіе слушателя на другой изъ перечисляемыхъ предметовъ, не давая вовсе знать, что̀ это будетъ за предметъ (мы могли бы переводить его словомъ *затѣмъ*). Конечно, неопредѣленность индивидуальности обозначаемаго имъ предмета уничтожается сейчасъ же послѣ произнесенія слова ὁ; однако мы видимъ, что слова, уничтожающія эту неопредѣленность, составляютъ совершенно другую часть предложенія, чѣмъ слово ὁ, и что, слѣдовательно, само ὁ вовсе не причастно въ ея уничтоженія.

* * *

Остановимся пока на этихъ 4-хъ параграфахъ. Изъ всѣхъ нашихъ примѣровъ вышеупомянутые нѣмецкіе грамматики ни въ одномъ не находятъ того, что дало бы по ихъ пониманію право слову ὁ ἡ τό называться „членомъ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Одинъ только Тиршъ расширилъ предѣлы „собственнаго члена“ (съузивъ при этомъ предѣлы «не-члена») до того, что нѣкоторые изъ нашихъ примѣровъ входятъ въ область перваго. Тиршъ вноситъ въ область „собственнаго члена“ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ слово ὁ поставлено для обозначенія какого нибудь предмета *не одинокимъ*, а влечетъ за собою названіе самого предмета. По его

пониманію будетъ напр. въ Ил. 5. 17. (примѣръ этотъ приведенъ нами на стр. 90) слово ὁ уже „членомъ", а не тѣмъ, чѣмъ онъ его признавалъ напр. въ Ил. 24. 470 (см. тамъ же). Странно выражается Тиршъ о подобномъ появленіи „члена": „Ὁставится", говоритъ онъ въ § 207. 16 своей грамматики (Gramm. der griech. Srache г. 1855), „будучи лишено ударенія и дѣлаясь черезъ это членомъ, для предварительнаго обозначенія лица, поименованіе котораго имѣетъ послѣдовать въ дальнѣйшемъ разсказѣ [53])". Мы называемъ такое выраженіе Тирша страннымъ потому, что въ примѣрахъ, подведенныхъ имъ сюда и имѣющихъ именно такой характеръ, какой представляетъ собою только что упомянутое нами мѣсто Ил. 5. 17, Тиршъ не можетъ указать, на сколько такое ὁ имѣетъ меньше права на удареніе, чѣмъ то ὁ, которое не влечётъ за собою вовсе никакого имени существительнаго. Если Тиршъ подразумѣваетъ подъ словомъ „удареніе" одинъ орѳографическій знакъ, то право на такой орѳографическій знакъ у перваго ὁ и у втораго—одинаковое. Это право есть авторитетъ древнихъ рукописей, которыя, какъ свидѣтельствуетъ Ла Рошъ въ извѣстномъ читателю изданіи Гомера, почти всѣ сохраняютъ удареніе и на первомъ ὁ и на второмъ. Если же Тиршъ подъ словомъ „удареніе" понималъ интонацію чтенія, основанную на значеніи слова ὁ (служившую, впрочемъ, надобно полагать, руководительницею и при постановкѣ самаго орѳографическаго знака), то чѣмъ же отличается ὁ въ Ил. 5. 17. отъ Ил. 9. 19, или чѣмъ отличается напр. ὁ въ гексаметрѣ ἡ μὲν ὣς εἰποῦσ' ἀπέβη πόδας ὠκέα Ἶρις отъ ὁ, встрѣчающагося въ гексаметрѣ ἤτοι ὅ γ' ὣς εἰπὼν κατ' ἄρ' ἕζετο, τοῖσι δ' ἀνέστη? Могъ ли читатель во всѣхъ этихъ четырехъ примѣрахъ во время чтенія слова ὁ знать, послѣдуетъ ли за нимъ существительное или нѣтъ? Конечно нѣтъ; во всѣхъ четырехъ примѣрахъ слово ὁ—одинаковое, равно какъ и значеніе его въ нихъ—одинаковое (значеніе это мы можемъ во всѣхъ ихъ назвать—самоопредѣляющимъ), а если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, послѣ двухъ или нѣсколькихъ словъ, присоединилось къ тексту существительное, то оно имѣетъ чисто аппозиціональный характеръ.

У остальныхъ пяти грамматиковъ, какъ нами уже высказано выше, ни одинъ изъ нашихъ четырехъ параграфовъ не доходитъ до предѣловъ „собственнаго члена". Въ различіе отъ этого собственнаго члена, они называютъ ὁ, употребленное въ этихъ случаяхъ, pronomen demonstrativum. Основаніе такого выдѣленія болѣе опредѣленно высказалъ Кюнеръ, и о его ученіи поговоримъ ниже; всѣ же остальные четыре грамматика, при выдѣленіи нашихъ случаевъ изъ собственнаго члена и названіи слова ὁ демонстративнымъ мѣ-

---

[53]) Es steht das bezeichnende (sic) ὁ, dann des Accntes ermangelnd und dadurch zum Artikel geworden, als vorläufige Angabe der Person, die im Verlaufe der Rede genannt wird.

стоимениемъ, ссылаются лишь только на то, что въ нихъ вмѣсто ὁ можно де поставить οὗτος или ἐκεῖνος, или же, какъ Бернгарди выражается, моглибыть въ живомъ разговорѣ (?—im Leben) достаточно замѣнены диктическимъ знакомъ, или интонаціей (Wissensch. Synt. стр. 305). Сообщенное нами замѣчаніе Бернгарди—ложное; о назначеніи диктическихъ знаковъ, упомянутыхъ въ этомъ замѣчаніи, мы уже говорили на страницѣ 3-й; въ словѣ ὁ они не имѣютъ никакого прямаго назначенія, если только послѣднее не есть диктическое, а чисто анафорическое (сравни стр. 72). Точно также и то, что другіе грамматики говорятъ о замѣнѣ слова ὁ словами οὗτος и ἐκεῖνος, не даетъ имъ никакого права называть это ὁ демонстративнымъ въ отличіе отъ „собственнаго члена" потому, что мы съ одной стороны и въ примѣрахъ, внесенныхъ ими же въ предѣлы «собственнаго члена», находимъ подобное замѣненіе возможнымъ [53]), а съ другой стороны въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ примѣровъ (сравни нашъ 4-й параграфъ), принятыхъ всѣми ими въ область не-члена, такое замѣненіе слова ὁ словомъ οὗτος вовсе нельзя допустить. Такимъ образомъ слово demonstrativum остается у этихъ грамматиковъ по отношенію къ опредѣленію значенія слова ὁ непонятымъ и непонятнымъ терминомъ, и мы должны требовать отъ нихъ, при ихъ отдѣленіи члена отъ pronom. demonstr., указаніе на другія болѣе опредѣленныя положенія. Такихъ болѣе опредѣленныхъ положеній, какъ мы уже выше намекнули, трудно у нихъ доискаться. Всѣ они начинаютъ свои статьи о значеніи слова ὁ одинаково. Слово ὁ, говорятъ они, есть такое-то pronomen; оно удержалось въ значеніи этого pronomen въ слѣдующихъ случаяхъ; затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе самихъ случаевъ, группируемыхъ каждымъ иначе, или по внѣшнему виду появленія слова ὁ, или совсѣмъ безъ всякаго мѣрила. Одна только группа выдѣляется всѣми грамматиками одинаково—это

---

[53]) Коль скоро вносятся въ предѣлы „собственнаго члена" случаи, въ которыхъ ὁ намекаетъ на предметъ, сообщенный уже говорящимъ, или общеизвѣстный и говорящему и слушателю, то уже изъ примѣровъ, приведенныхъ нами на первыхъ страницахъ нашего сочиненія, дѣлается понятнымъ, что мы никогда не можемъ ручаться за то, что вмѣсто ὁ, употребленнаго въ этихъ ими указанныхъ случаяхъ, могла появиться обоюдная антонимія. Такіе случаи вносятся, однако, въ предѣлы собств. члена и у Бернгарди (на стр. 315 приводится имъ какъ примѣръ на его „риторическій *собственный* членъ" мѣсто изъ Аристофана Πλοῦτος 302: *ἀλλά με τοιχωρύχος τις διέβαλε. εἰσδὺς γάρ ποτε εἰς τὴν οἰκίαν οὐκ εἶχεν οὐδὲν λαβεῖν;* слова *εἰς τὴν οἰκίαν* самъ Бернгарди переводитъ in das *aus der Geschichte bekannte* Haus), и Матіе (стр. 711. § 267 выставляетъ прямо правило: Besnders steht der Artikel,—разумѣй собственный членъ,—auch wo er sonst nicht steht, wenn angezeigt werden soll, dass das Substantiv, zu dem es gehört, schon vorher genannt worden, oder etwas allgemein bekanntes, etwas bestimmtes ist), и Бутманъ (стр. 358 § 124 читаемъ у Бутмана правило, имѣющее такой же смыслъ, какъ и правило Матіэ), и Крюгеръ (§ 50. 2. 1 выражается о собственномъ членѣ тоже такъ).

оборотъ οἱ μέν—οἱ δέ· замѣчено также по поводу этого оборота, что ὁ указываетъ на предметы то неопредѣленные, то опредѣленные (*eigentlich nur* von bestimmten, *dann aber auch* von unbestimmten;—такъ говоритъ Бутманъ въ своей Griechische Grammatik 1858 г. стр. 346; въ послѣднихъ словахъ Бутмана заключены случаи, разобранные нами подъ пунктомъ I. 4. въ началѣ); кромѣ же этого пункта трудно найти другой, который сближалъ бы этихъ грамматиковъ другъ съ другомъ. Отсутствіемъ всякой группировки отличается книга Матіэ. — Бернгарди прежде всего старается увѣрить насъ, ссылаясь при этомъ на Аристарха (ссылка эта очень не вѣрная)[54]), что Гомеръ не зналъ „собственнаго члена"; потомъ онъ приводитъ изъ Гомера нѣкоторые примѣры «адвербіально-демонстративнаго» (sic) ὁ [55]), указываетъ на обороты: καὶ ὅς (оборотъ этотъ употребляется, какъ извѣстно, вмѣсто аттическаго ὁ δέ, указаннаго нами на стр. 87), адвербіальное τῷ=*посему* (см. мѣсто Од. 5. 311, приведенное нами на стр. 79), τῇ καὶ τῇ (=*туда и сюда*; оборотъ этотъ принадлежитъ къ 4-му нашему парагр.), τὸν καὶ τόν, ὁ μέν—ὁ δέ, переходитъ затѣмъ къ случаямъ, подходящимъ у насъ подъ 2-й парагр., распространяется объ оборотѣ ἐν τοῖς при превосходной степени и, наконецъ, упоминаетъ объ ὁ, предупреждающемъ собою относительныя предложенія (напр. τῆς, οἵα παρ' ὑμῖν ἐστι, πολιτείας).

[54]) Бернгарди стр. 305 говоритъ собственно такъ: Homer selbst war noch unbekannt mit dem Artikel, oder einer Form, welche sich ausschliesslich als eine logische Auszeichnung und Charakteristik des Substantivbegriffs mit dem Namen verbinden sollte, wie auch die genaueren Grammatiker des Alterthums nach Aristarch's Vorgang mit geringen Abweichungen vom Dichter urtheilten. Насъ удивляютъ эти слова Бернгарди: такого значенія „собственнаго члена", какое представляетъ Бернгарди, древніе грамматики вовсе не знали, не исключая даже самого Аполлонія, котораго Бернгарди по справедливости считаетъ самымъ глубокомысленнымъ и счастливѣйшимъ изъ древнихъ изслѣдователей нашего вопроса (unter jenen älteren Forschungen aber dürfen uns als die tiefsinnigsten und glücklichsten die des Apollonius erscheinen;—стр. 311), какже они его въ самомъ дѣлѣ могли отрицать у Гомера? — Мало того, они даже не отдѣляли никакого „собственнаго члена" отъ не-члена, а всякое ὁ называли ἄρθρον; они указывали только какъ на особенность значенія слова ὁ на ἀντωνυμικὴν σύνταξιν τοῦ ἄρθρου, о которой мы говорили въ 19 выноскѣ и которая разобрана почти (ср. стр. 83, 1 строчку) вся въ нашихъ 4-хъ параграфахъ, но это не имѣетъ, какъ видно, ничего общаго съ вопросомъ, рѣшаемымъ Бернгардимъ. Аполлоній дѣйствительно, по примѣру Аристарха, часто повторяетъ о языкѣ Гомера, что въ немъ ἐλλείπει ὁ λόγος συνήθως τοῖς ἄρθροις; въ этихъ словахъ, однако, заключается только такой смыслъ, что у Гомера ставится не вездѣ членъ, гдѣ его поставила бы аттическая проза, а отъ такого взгляда до отрицанія „собственнаго члена" у Гомера очень далеко; можно даже сказать, что Аполлоній почти вездѣ свою ἀρθρικὴ σύνταξις τοῦ ἄρθρου (терминъ этотъ употребляется въ различіе отъ ἀντωνυμικὴ σύνταξις) только и объясняетъ мѣстами изъ Гомера.

[55]) Таковы: Ил. 18. 485 (τὰ τείρεα πάντα, τά τ' οὐρανὸς ἐστεφάνωται), Ил. 18. 486. (τό τε σθένος Ὠρίωνος), Ил 20. 257. (χεύαντες δὲ τὸ σῆμα) и Ил. 10. 11 (ἐς πεδίον τὸ Τρωικόν). Матіэ считаетъ въ этихъ примѣрахъ, во всѣхъ безъ исключенія, слово ὁ за приближающееся къ «собственному члену» (см. его грамматики § 264. 4).

Бутманъ, въ вышеуказанной книгѣ, приводитъ сначала случаи употребленія оборота οἱ μὲν—οἱ δέ, говоритъ потомъ о замѣнѣ этото оборота оборотомъ ὃς μέν—ὃς δέ, указываетъ на обороты: καὶ ὅς, ἣ δ' ὅς, τὸν καὶ τόν, адвербіальное τῷ, а заканчиваетъ статью о демостративномъ ὁ утвержденіемъ, что *у Гомера* почти вездѣ ὁ ἡ τό есть demonstrativum; на три гомерическихъ мѣста, впрочемъ, показано имъ какъ на приближающіяся къ собственному члену, это именно: Ил. 1. 167 (σοὶ τὸ γέρας πολὺ μεῖζον· Матіэ въ этомъ примѣрѣ видитъ чистое demonstrativum;—см. его грамматики стр. 700), Ил. 7. 412 (τὸ σκῆπτρον ἀνέσχεθε πᾶσι θεοῖσι) и Ил. 12. 289 (τὸ δὲ τεῖχος ὑπὲρ πᾶν δοῦπος ὀρώρει).

Въ такомъ приблизительно тонѣ, какъ у Бернгарди и Бутмана, составлены замѣтки объ ὁ demonstrativum и у Крюгера. Всѣ эти грамматики, въ особенности же Крюгеръ, очень тщательно собирали все, что могло бы относиться къ опредѣленію значенія того ὁ, въ которомъ они видѣли не-членъ, но за ближайшее опредѣленіе этого не-члена они не брались.

Изъ нашихъ замѣтокъ видно, что у Бернгарди, Матіэ и Бутмана демонстративное ὁ идетъ далеко за предѣлы нашихъ 4-хъ пунктовъ. Бернгарди во всемъ Гомерѣ видитъ только ὁ demonstrativum, а Бутманъ и Матіэ не ушли далеко отъ него. Ближе становятся къ нашимъ 4-мъ пунктамъ предѣлы демонстративнаго ὁ у Крюгера, но на сколько они ближе и въ какомъ именно отношеніи наши 4 пункта находятся къ его ὁ demonstrativum, на это трудно отвѣтить, такъ какъ и онъ не объясняетъ намъ, что̀ онъ подразумѣваетъ подъ этимъ своимъ терминомъ. Бо̀льшею опредѣленностію въ ученіи объ ὁ «demonstrativum“ отличается, какъ мы уже сказали, Кюнеръ; его ученія, однако, мы коснемся только въ слѣдующей главѣ.

II. 1.

Изъ словъ Кюнера, высказанныхъ о демонстративномъ ὁ и помѣщенныхъ въ § 457. а. 1, мы выводимъ такой смыслъ: ὁ ἡ τό является демонстративнымъ тогда, когда говорящій посредствомъ его одного (субстантивное demonstrativum;— этотъ терминъ соотвѣтствуетъ Аполлоніевой ἀντωνυμικὴ σύνταξις), или въ соединеніи съ какимъ нибудь именемъ (адъективное demonstrativum) *анафоруетъ* (см. стр. 6 нашего сочиненія) предметъ, поелику этотъ послѣдній авторомъ или *предполагается* извѣстнымъ, или *сдѣланъ* извѣстнымъ *имъ самимъ* въ его разсказѣ [56]).

---

[56]) Кюнеръ выражается собственно такъ: In den homerischen Gedichten hat das Pronomen ὁ ἡ τό noch fast durchweg die Bedeutung eines so wohl substantivischen, als auch adjectivischen Demonstrativ's, das auf einen Gegenstand hinweist, ihn als einen bekannten oder besprochenen darstellt oder ihn vor die Seele des Hörenden rückt und vergegenwärtigt.

Подводя подъ это правило всѣ значенія слова ὁ, разобранныя нами въ предыдущей главѣ, именно *синтаксическое* (см. 50-ю выноску), *пролептическое* (см. I. 2), *начинательное* (см. тамъ же), *вызывательное* (такимъ терминомъ обозначаемъ ὁ, разобранное въ I. 1), *распознавательное* (см. I. 3), *неопредѣленно-раздѣлительное* и *неопредѣленно-присоединительное* (см I. 4), мы видимъ, что два первыхъ значенія и два послѣднихъ остаются невходящими въ это правило; съ другой же стороны оно вмѣщаетъ въ себѣ многіе случаи, не вошедшіе у насъ вовсе въ предыдущую главу, такъ какъ мы имѣли дѣло почти [57]) исключительно только съ субстантивнымъ, по выраженію Кюнера, ὁ. Въ числѣ послѣднихъ (то есть неразъясненныхъ нами) случаевъ находятся какъ разъ тѣ, которые Кюнеръ въ своемъ правилѣ ставитъ на *первый* планъ, это именно случаи, въ которыхъ говорящій, какъ думаетъ Кюнеръ, черезъ употребленіе слова ὁ въ соединеніи съ какимъ нибудь именемъ (nomen, какъ склоняемой части рѣчи), *указываетъ на предметъ какъ на достаточно извѣстный слушателю.*

Не будемъ пока разсматривать въ этомъ правилѣ *основаніе отдѣленія* объясняемаго въ немъ ὁ отъ „собственнаго члена" и отведенія ему термина pronomen demonstrativum; назвавъ такое ὁ, въ свою очередь, *историческимъ*, мы обсудимъ здѣсь *самый смыслъ* этого правила.

Приведенное правило Кюнера мы считаемъ недостаточнымъ. Дѣло въ томъ, что Кюнеръ подъ словомъ *предметъ* только и разумѣетъ, видно, то, что въ каждомъ данномъ синтаксическомъ цѣломъ выражено черезъ nomen, будетъ ли это синтаксическое цѣлое только какая нибудь часть предложенія (сравни: τοῦ Κύρου βασιλεύοντος πολλά τε καὶ καλὰ ἔργα ὑπὸ τῶν Περσῶν ἐπράχθη· выраженіе τοῦ Κύρου βασιλεύοντος—а оно есть только *часть* предложенія—представляется намъ самостоятельнымъ синтаксическимъ цѣлымъ), или полное предложеніе, или цѣлый рядъ предложеній. Кюнеръ не принялъ во вниманіе, что извѣстнымъ слушателю можетъ предполагаться не только *предметъ* въ принятомъ имъ смыслѣ этого слова, но и *все* содержаніе упомянутаго нами синтаксическаго цѣлаго.

Вотъ мѣста, отъ которыхъ мы считаемъ удобнымъ отправиться при разъясненіи историческаго ὁ.

Ил. 20. 147. Ὣς ἄρα φωνήσας ἡγήσατο κυανοχαίτης
τεῖχος ἐς ἀμφίχυτον Ἡρακλῆος θείοιο,
ὑψηλόν, τό ῥά οἱ Τρῶες καὶ Παλλὰς Ἀθήνη

[57]) Исключеніе составляютъ: Ил. 11. 186 и Од. 19. 535 на стр. 81, а затѣмъ Ил. 11. 48 на стр. 89; на сколько мы имѣли право смѣшивать такую ἀρθρικὴ σύνταξις съ ἀντωνυμική, это разъяснится ниже.

ποίεον, ὄφρα τὸ κῆτος ὑπεκπροφυγὼν ἀλέαιτο,
ὁππότε μιν σεύαιτο ἀπ' ἠϊόνος πεδίονδε.

Ил. 5. 559. οἵω τώγε λέοντε δύω ὄρεος κορυφῇσιν
ἐτραφέτην ὑπὸ μητρὶ βαθείης τάρφεσιν ὕλης·
τὼ μὲν ἄρ' ἁρπάζοντε βόας καὶ ἴφια μῆλα
σταθμοὺς ἀνθρώπων κεραΐζετον, ὄφρα καὶ αὐτὼ
ἀνδρῶν ἐν παλάμῃσι κατέκταθεν ὀξέϊ χαλκῷ.
τοίω τὼ χείρεσσιν ὑπ' Αἰνείαο δαμέντε
καππεσέτην, ἐλάτῃσιν ἐοικότες ὑψηλῇσιν.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ил. 20. 147 помѣченныя нами два предложенія суть цѣликомъ *историческій намекъ;* они намекаютъ на слѣдующій миѳъ (въ схоліяхъ Иліады, изданныхъ Беккеромъ, смотри стр. 556; миѳъ этотъ заимствовалъ схоліастъ у Гелланика):

Ποσειδῶν καὶ Ἀπόλλων, προστάξαντος Διὸς Λαομέδοντι θητεῦσαι, ἐπὶ μισθῷ τεταγμένῳ τὸ τεῖχος κατασκευάζουσιν· Λαομέδων δὲ παραβὰς τοὺς ὅρκους καὶ τὰς συνθήκας, μὴ δοὺς τὸν μισθόν, ἀπήλασεν αὐτούς· ἀγανακτήσας δὲ Ποσειδῶν ἔπεμψε τῇ χώρᾳ κῆτος, ὃ τούς τε παρατυγχάνοντας ἀνθρώπους καὶ τοὺς γιγνομένους καρποὺς διέφθειρεν: μαντευομένῳ δὲ Λαομέδοντι χρησμὸς ἐδόθη Ἡσιόνην τὴν θυγατέρα αὐτοῦ βορὰν ἐκθεῖναι τῷ κήτει καὶ οὕτως ἀπαλλαγήσεσθαι τοῦ δεινοῦ· προθεὶς δὲ ἐκεῖνος τὴν θυγατέρα, μισθὸν ἐκήρυξε τῷ τὸ κῆτος ἀνελόντι τοὺς ἀθανάτους ἵππους δώσειν, οὓς Τρωὶ Ζεὺς ἀντὶ Γανυμήδους ἔδωκεν. Ἡρακλῆς δὲ παραγενόμενος ὑπέσχετο τὸν ἆθλον κατορθώσειν καὶ Ἀθηνᾶς αὐτῷ πρόβλημα ποιησάσης τὸ καλούμενον ἀμφίχυτον τεῖχος εἰσδὺς διὰ τοῦ στόματος εἰς τὴν κοιλίαν τοῦ κήτους αὐτοῦ τὰς λαγόνας διέφθειρεν.

Сравнивая этотъ миѳъ съ данными двумя предложеніями Иліады, мы видимъ, какъ много пришлось слушателю дѣлать дополненій къ послѣднимъ, если они не должны были остаться непонятными. Гомеръ сдѣлалъ только самый *короткій намекъ* на этотъ миѳъ, и это дало ему поводъ употребить *одно* историческое ὁ; онъ могъ сдѣлать болѣе широкій намекъ на него, и это дало бы ему возможность *чаще* употреблять историческое ὁ; *припоминательная сила каждаго такого* ὁ *была бы, конечно, слабже, чѣмъ сила одного* ὁ *при теперешней редакціи нашего мѣста.* Въ предложеніи, читаемомъ у Ѳукидида 1. 9. 1. (Ἀγαμέμνων τέ μοι δοκεῖ τῶν τότε δυνάμει προύχων καὶ οὐ τοσοῦτον τοῖς Τυνδάρεω ὅρκοις κατειλημμένους τοὺς Ἑλένης μνηστῆρας ἄγων τὸν στόλον ἀγεῖραι) мы находимъ три историческихъ ὁ (синтаксическое цѣлое, служащее здѣсь историческимъ намекомъ, опять отмѣчено нами особо); ту же самую мысль можно было проще выразить такъ: Τόντε Τρωικὸν στόλον, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, Ἀγαμέμνονος δύναμις, καὶ οὐ τοσοῦτον οἱ Τυνδάρεω ὅρκοι ἤγειραν. При послѣдней редакціи понадобились только два историческихъ ὁ и при выслушиваніи выраженія οἱ Τυνδάρεω ὅρκοι пришлось слуша-

теля припоминать себѣ гораздо больше, чѣмъ отъ него требовало выраженіе Ѳукидида. Бываютъ здѣсь еще и другія явленія: въ томъ мѣстѣ Платоновой Апологіи, гдѣ Сократъ объясняетъ судьямъ, какое было бы для него пріятное чувство быть въ аду καὶ ἐξετάσαι τὸν ἐπὶ Τροίαν ἀγαγόντα τὴν πολλὴν στρατιάν, употребленіе выраженія τὴν πολλὴν στρατιάν, гдѣ встрѣчается историческое ὁ, едва-ли было расчитано Сократомъ на то, чтобы его слушатели припоминали себѣ, кого именно Агамемнонъ повелъ подъ Трою; намъ кажется, что эти слова не намекали ни на что больше, чѣмъ сколько содержится въ самихъ словахъ πολλὴν στρατιάν; авторъ такимъ образомъ доходитъ часто при употребленіи историческаго ὁ до простаго *пересказыванія* [58]), не требующаго себѣ никакакого пополненія со стороны слушателя, и *припоминательная сила* выраженій, имѣющихъ при себѣ ὁ, бываетъ очень слаба.

Въ русскомъ языкѣ роль такого историческаго ὁ исполняетъ слово *то*, приставляемое къ имени (nomen); кромѣ того появляется въ началѣ всего предложенія, выражающаго собою что нибудь, предполагаемое слушателю извѣстнымъ, слово *это*. (Говорятъ напр. такъ: когда *это* французы вторгнулись въ Москву—*то*, то и т. д.; съ послѣдняго слова *то* начинается разсказъ, имѣющій уже характеръ не *намека*, а *заявленія*). Слово *это* принадлежитъ къ сказуемому, или скорѣе къ цѣлому предложенію, что очень на своемъ мѣстѣ, такъ какъ намекъ относится здѣсь не къ имени, а къ цѣлому предложенію. Такимъ образомъ русскій языкъ проводитъ свое слово, соотвѣтствующее греческому историческому ὁ, съ большею послѣдовательностью, чѣмъ греческій свое ὁ. Съ другой стороны нужно замѣтить, что къ самому *nomen*, въ разбираемыхъ нами случаяхъ, русскій языкъ *не всегда* прибавляетъ слово *то*; по большей части онъ для него выбираетъ такія слова, которыя больше нуждалися въ дополненіи своего собственно содержанія или, другими словами, при которыхъ припоминательной силы больше. Такъ же бываетъ и въ греческомъ языкѣ; естественно, что въ подобныхъ случаяхъ безъ ὁ будутъ преимущественно собственныя имена и сказуемыя, какъ заключающія въ своемъ логи-

---

[58]) Мы должны, конечно, отличать пересказываніе, предполагающее содержаніе его *извѣстнымъ* слушателю, отъ такого пересказыванія, которое имѣетъ цѣлью *познакомить* слушателя съ своимъ содержаніемъ. Весь, сообщенный нами миѳъ Гелланика о чудовищѣ мы сами могли бы начать разсказывать словами: Ἑλλάνικός λέγει ὅτι и такимъ образомъ дали бы знать, что только *пересказываемъ* то, о чемъ другіе передъ нами говорили; но это еще не даетъ намъ право вносить *свое* историческое ὁ въ текстъ, если только не расчитываемъ на знаніе этого разсказа слушателемъ, а хотимъ только его сообщить ему, какъ новость для него.

ческомъ содержаніи *все*, что ими говорящій хочетъ представить, а съ ὁ будутъ прежде всего нарицательныя слова, употребляемыя (вопреки тому, что они есть собственно названія цѣлаго рода предметовъ) для обозначенія отдѣльныхъ индивидуумовъ, вошедшихъ случайно въ историческій фактъ, на который намекается.

Конечно, отъ такого эпическаго поэта, какимъ представляется намъ Гомеръ, мы менѣе всего ожидаемъ, что онъ въ своихъ поэмахъ будетъ ссылаться—не скажемъ на знаніе *предметовъ вообще*, а скажемъ только—на знаніе *фактовъ* (дѣло эпика есть *развить* передъ нами фактъ, *а не ссылаться* на него). Есть основаніе одобрять древнихъ комментаторовъ Иліады, если они возбуждаютъ сомнѣніе противъ поэтической подлинности приведеннаго нами мѣста: въ схоліяхъ Беккера мы читаемъ по поводу этого мѣста слѣдующее: ἡ διπλῆ, ὅτι οὕτως εἴρηκε σὺν τῷ ἄρθρῳ τὸ κῆτος, ὡς παραδεδομένης τῆς ἱστορίας τῆς περὶ τοῦ κήτους.

Перейдемъ ко второй изъ вышеприведенныхъ цитатъ. И здѣсь мы видимъ только намекъ на то, что предполагается извѣстнымъ слушателю. Ὁ употреблено здѣсь только при *одномъ* изъ существительныхъ (а именно при первомъ), что мы находимъ совершенно естественнымъ, потому что вообще не приходилось здѣсь слушателю ничего пополнять къ логическому содержанію каждаго изъ словъ, употребленныхъ въ этомъ намекѣ, а для того, чтобы только какъ нибудь *внести* характеръ намека въ это описаніе, достаточно было *одного* ὁ, особенно когда это ὁ приставлено къ слову, обозначающему *главный* предметъ описываемой въ этомъ намекѣ сцены. Въ такомъ взглядѣ на дѣло поддерживаетъ насъ аналогія прочувствованныхъ нами явленій чешскаго языка. Говорятъ напр. въ чешскомъ языкѣ такъ: on skáče, jako *ta* kočka, když si hrá s myší =онъ бѣгаетъ, какъ кошка, когда играется съ мышью; что этотъ примѣръ имѣетъ совершенно такой характеръ, какъ приведенный нами изъ Гомера, въ этомъ никто изъ насъ сомнѣваться не будетъ. Правда, и въ чешскомъ, и въ гомеровскомъ примѣрѣ встрѣчаются здѣсь одни имена *нарицательныя*, на которыя мы въ первой гомеровской цитатѣ указывали какъ на болѣе всего нуждающіеся въ ὁ при внесеніи ихъ въ намекъ; читатель, однако, видитъ, что нарицательныя имена нашихъ примѣровъ имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ нарицательныя имена въ намекахъ перваго разряда: здѣсь они остаются тѣмъ, чѣмъ они были и внѣ контекста, т. е. названіями *цѣлаго рода предметовъ* (generis, противоположнаго индивидууму), равно какъ и самая сцена, описываемая здѣсь, есть ничто другое, какъ что-то, принадлежащее *къ характеристикѣ этого рода предметовъ*.

Конечно, мы не найдемъ въ разбираемой нами цитатѣ того несоотвѣт-

ствія характеру эпической поэзіи, какое можно искать въ Ил. 20. 147; скорѣе удивляемся, почему Гомеръ не употреблялъ чаще въ подобныхъ случаяхъ историческаго ὁ. Все, что намъ здѣсь разсказывается, есть явленіе, съ которымъ, нужно предполагать, сжился и пѣвецъ, и его слушатель (а можетъ быть пѣвецъ и его слушатель сжились и съ миѳомъ, разсказаннымъ выше, такъ что замѣтка схоліаста о неподлинности оказалась бы потомъ неосновательною), и въ добавокъ самое отношеніе, въ которомъ находится этотъ разсказъ къ главному предмету разсказа (онъ представляетъ собою, какъ comparans, что то такое, на чемъ, какъ на извѣстномъ, должно быть выяснено разсказываемое comparatum), даетъ поэту право, безъ нарушенія эпическаго характера поэзіи, употребить историческое ὁ.

Употребленію историческаго ὁ *въ синтаксическомъ цѣломъ*, какъ указанію на извѣстность слушателю *содержанія этого синтаксическаго цѣлаго*, мы противополагаемъ употребленіе этого же ὁ при *одномъ nomen*, какъ указаніе на извѣстность слушателю *предмета*, обозначеннаго этимъ nomen. Такое ὁ съ nomen должно достигать того же самаго, чего достигло ὁ въ синтаксическомъ цѣломъ: оно должно вызвать въ сознаніи слушателя представленіе полное, ненаходящееся въ зависимости отъ его контекста (отъ того синтаксическаго цѣлаго, въ которое оно входитъ), а контекстъ его долженъ имѣть уже характеръ не *намека*, а *заявленія*, или же, объясняясь въ примѣрахъ, оно должно относиться къ своему контексту, какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ изъ 20-й книги Иліады вторая половина относится къ первой (сравни стр. 101 строка 19). Вопросъ возникаетъ такой: можно-ли дѣйствительно *однимъ* словомъ выразить все то, на что нами указываемо было выше, какъ на историческій намекъ: можно ли, напр., черезъ *одно* слово выразить такой историческій фактъ, на какой намекаетъ Ил. 20. 147, или историческое какое нибудь учрежденіе, — можно ли дальше *однимъ* словомъ представить слушателю такой индивидуумъ, на какой намекаетъ приведенное мѣсто изъ Ѳукидида, или такое дѣйствіе, на какое намекается въ Ил. 5. 559? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ *положительно*; имена, обозначающія такіе предметы, бываютъ разные техническіе термины (сравни напримѣръ термины: τειχοσκοπία, βοιώταρχοι, θεωρός и другіе), собственныя имена (вмѣсто синтаксическаго цѣлаго, встрѣчающагося въ приведенномъ нами мѣстѣ изъ Ѳукидида, можно было поставить слово Ἀγαμέμνων), а затѣмъ, въ случаяхъ, какіе представляетъ Ил. 5. 559, обыкновенное нарицательное слово, какъ слово, указывающее на цѣлый родъ предметовъ, или на качества и дѣйствія, свойственныя этому роду предметовъ. Историческое ὁ, замѣченное нами въ синтаксическомъ цѣломъ, остается по большей части и при этихъ словахъ; хотя характеръ пересказыванія, замѣченный нами въ историческомъ цѣломъ, въ нихъ исчезъ, но за то являются многія изъ нихъ съ такимъ логическимъ содержаніемъ, которое

заключаетъ въ себѣ кромѣ предмета, выраженнаго имъ въ данномъ случаѣ, и др. предметы, такъ что ихъ для даннаго случая приходится *специализировать*[59]) (сравни слово θεωρός; оно обозначаетъ прежде всего каждаго *зрителя вообще*); въ другихъ же случаяхъ, хотя и содержаніе словъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что при посредствѣ ихъ авторъ хочетъ представить (сравни слово βοιώταρχοι; это слово выработала исторія и оно имѣетъ уже опредѣленное значеніе, такое, приблизительно, какое имѣютъ собственныя слова), все же лучше, если говорящій употребитъ особенное средство для *вызова* въ сознаніи слушателя представленія, затемненнаго, можетъ быть, въ минуту внесенія самаго предмета въ контекстъ, такъ какъ это представленіе не составлялось у него исподволь (такъ бываетъ при техническихъ терминахъ), менѣе произвольнымъ и менѣе сознательнымъ *путемъ*, а опредѣлилось у него *разъ*, *путемъ изученія*. Такой же смыслъ, какой имѣетъ ὁ при техническихъ терминахъ, нужно придавать ему и при *собственныхъ именахъ*, а къ общимъ *нарицательнымъ словамъ*, упомянутымъ на предыдущей страницѣ (въ 6 строкѣ снизу), хорошо прибавлять ὁ для того, чтобы вызвать какъ можно полное, опять таки какъ то научно пріобрѣтенное представленіе *всѣхъ* качествъ обозначаемаго имъ рода предметовъ. О послѣднихъ случаяхъ говоритъ Аполлоній (см. περὶ συντ. стр. 26), что въ нихъ ὁ есть ἀναφορικὸν κατ' ἐξοχήν (ὁ φιλόσοφος равняется выраженію *истинный философъ*).

II. 1.

Отъ историческаго ὁ мы должны отличать ὁ *адъективно-субституціональное*. Послѣднее употребляется разсказчикомъ при поименованіи такихъ предметовъ, о которыхъ онъ самъ уже говорилъ, или на которые, *въ томъ случаѣ если они находились на лицѣ*, самъ указалъ. При существованіи въ языкѣ адъективно-субституціональнаго ὁ лучше вяжутся отдѣльныя части разсказа, чѣмъ безъ него. Вызывая предметъ при посредствѣ указанія на него словомъ ὁ изъ той части разсказа, въ которой было уже объ немъ упомянуто, говорящій заставляетъ насъ припоминать всю часть разсказа, изъ которой предметъ анафоруется, и такимъ образомъ, продолжая объ немъ повѣствовать, больше обезпечиваетъ себя въ содѣйствіи слушателя лучшему пониманію его разсказа. И здѣсь русское *то* замѣняетъ греческое ὁ. Примѣрами пусть служатъ слѣдующія группы мѣстъ:

Первая группа:

Од. 10. 517. Ἀλλ' ὅτε δή ῥ' ἐπὶ νῆα θοὴν καὶ θῖνα θαλάσσης

[59]) Вообще же специализація словъ здѣсь крайне рѣдка; вмѣсто словъ τὸν ἐπὶ Τροίαν ἀγαγόντα τὴν πολλὴν στρατιάν, праведенныхъ выше изъ Апологіи, не достаточно поставить напр. τὸν ἥρωα, а нужно непремѣнно соединить такое слово, если уже настаивась на его употребленіи, съ какимъ нибудь другимъ словомъ, или оборотомъ, чтобы была достигнута искомая цѣль.

ἤομεν ἀχνύμενοι, θαλερὸν κατὰ δάκρυ χέοντες,
τόφρα δ' ἄρ' οἰχομένη Κίρκη παρὰ νηῒ μελαίνῃ
ἀρνειὸν κατέδησεν ὄϊν θῆλύν τε μέλαιναν,
ῥεῖα παρεξελθοῦσα·

Од. 11. 4. Αὐτὰρ ἐπεί ῥ' ἐπὶ νῆα κατήλθομεν ἠδὲ θάλασσαν...
ἐν δὲ τὰ μῆλα λαβόντες ἐβήσαμεν, ἂν δὲ καὶ αὐτοὶ
βαίνομεν ἀχνύμενοι, θαλερὸν κατὰ δάκρυ χέοντες.

Од. 11. 20. νῆα μὲν ἔνθ' (разумѣй: εἰς Κιμμερίων χώραν) ἐλθόντες
ἐκέλσαμεν, ἐκ δὲ τὰ μῆλα
εἰλόμεθα.

Од. 11. 35. τοὺς δ' ἐπεὶ εὐχωλῇσι λιτῇσί τε, ἔθνεα νεκρῶν,
ἐλλισάμην, τὰ δὲ μῆλα λαβὼν ἀπεδειροτόμησα
ἐς βόθρον.

Вторая группа:

Од. 9. 332. αὐτὰρ τοὺς ἄλλους κλήρῳ πεπαλάσθαι ἄνωγον,
ὅστις τολμήσειεν ἐμοὶ σὺν μοχλὸν ἀείρας
τρῖψαι ἐν ὀφθαλμῷ, ὅτε τὸν γλυκὺς ὕπνος ἱκάνοι.

Од. 9. 375. ἦ καὶ ἀνακλινθεὶς πέσεν ὕπτιος...
... κὰδ δέ μιν ὕπνος
ᾕρει πανδαμάτωρ...
καὶ τότ' ἐγὼ τὸν μοχλὸν ὑπὸ σποδοῦ ἤλασα πολλῆς,
εἵως θερμαίνοιτο· ἔπεσσί τε πάντας ἑταίρους
θάρσυνον, μή τίς μοι ὑποδδείσας ἀναδύῃ.
ἀλλ' ὅτε δὴ τάχ' ὁ μοχλὸς ἐλάϊνος ἐν πυρὶ μέλλεν
ἅψεσθαι...

Третья группа:

Од. 17. 371. τοῖσι δὲ καὶ μετέειπε Μελάνθιος αἰπόλος αἰγῶν
»κέκλυτέ μευ μνηστῆρες ἀγακλειτῆς βασιλείης
τοῦδε περὶ ξείνου (указываетъ на лице). ἦ γάρ μιν πρόσθεν
ὄπωπα

Од. 17. 398. ἦ ρα καὶ 'Αντίνοον ἔπεα πτερόεντα προσηύδα
»'Αντίνο' ἦ μευ καλὰ πατὴρ ὣς κήδεαι υἷος,
ὃς τὸν ξεῖνον (анафорически) ἄνωγας ἀπὸ μεγάροιο δίεσθαι. [60])

На сколько отличается историческое ὁ отъ адъективно-субституціональнаго, это для насъ ясно: что при первомъ ὁ говорящій анафоровалъ изъ свѣдѣній слушателя, то онъ теперь анафоруетъ изъ собственнаго разсказа. Ана-

[60]) Такъ же мы смотримъ и на мѣсто Ил. 2. 275, приведенное нами на стр. 74: слово τὸν λωβητῆρα относится къ Θерситу, и все это мѣсто есть только *продолженіе* разсказа объ этомъ лицѣ.

форированіе это можетъ совершаться опять или при посредствѣ *синтаксическаго цѣлаго* (указывать на примѣры считаемъ лишнимъ), или при посредствѣ *одного nomen* (При выборѣ этого nomen не требуется здѣсь такая осторожность, какая требовалась при историческомъ ὁ. Специализація словъ получаетъ здѣсь больше простора: словомъ ὁ ἥρως, на которое мы указывали въ 59 выноскѣ какъ на недостаточное при историческомъ ὁ, можетъ оказаться здѣсь достаточнымъ, потому что самъ *контекстъ* способствуетъ уразумѣнію его) И въ томъ и въ другомъ случаѣ говорящій требуетъ, чтобы слушатель подставлялъ или субституировалъ—отсюда происходитъ названіе нашего ὁ—все то, что было прежде имъ сказано о томъ же предметѣ, такъ какъ оно пополняетъ *смыслъ* анафорующаго *синтаксическаго цѣлаго*, или охарактеризовало *предметъ*, обозначенный черезъ анафорующее *nomen*.

Мы, конечно, не будемъ поднимать вопроса о томъ, до какихъ размѣровъ можетъ доходить разстояніе, на которомъ стоятъ другъ отъ друга первый разсказъ отъ ссылки на него, или какой степени можетъ достигнуть *экстенсивная сила* адъективно-субституціональнаго ὁ; самое меньшее разстояніе мы находимъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ адъективно субституціональное ὁ замѣняетъ собою *субстантивное* ὁ въ вызывательномъ, начинательномъ и распознавательномъ его значеніяхъ (во всѣхъ этихъ значеніяхъ ὁ является субстантивно-субституціональнымъ). Сказанное нами доказываютъ слѣдующія мѣста:

Ил. 10. 77. Ὣς εἰπὼν ἀπέπεμπεν ἀδελφεόν, εὖ ἐπιτείλας.
αὐτὰρ ὁ βῆ ῥ' ἰέναι μετὰ Νέστορα, ποιμένα λαῶν·
τὸν δ' εὗρεν παρά τε κλισίῃ καὶ νηῒ μελαίνῃ
εὐνῇ ἔνι μαλακῇ· παρὰ δ' ἔντεα ποικίλ' ἔκειτο,
ἀσπὶς καὶ δύο δοῦρε φαεινή τε τρυφάλεια
πὰρ δὲ ζωστὴρ κεῖτο παναίολος, ᾧ ῥ' ὁ γεραιὸς
ζώννυθ', ὅτ' ἐς πόλεμον φθισήνορα θωρήσσοιτο.

Ил. 5. 794. Ὣς εἰποῦσ' ὤτρυνε μένος καὶ θυμὸν ἑκάστου.
Τυδεΐδῃ δ' ἐπόρουσε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη·
εὗρε δὲ τόνγε ἄνακτα παρ' ἵπποισιν καὶ ὄχεσφιν
ἕλκος ἀναψύχοντα, τό μιν βάλε Πάνδαρος ἰῷ.

Ил. 24. 252. ἦ καὶ σκηπανίῳ δίεπ' ἀνέρας· οἱ δ' ἴσαν ἔξω
σπερχομένοιο γέροντος· ὁ δ' υἱάσιν οἷσιν ὁμόκλα
νεικειών Ἕλενόν τε Πάριν τ' Ἀγάθωνά τε δῖον
Πάμμονά τ' Ἀντίφονόν τε βοὴν ἀγαθόν τε Πολίτην
Δηΐφοβόν τε καὶ Ἱππόθοον καὶ Δῖον ἀγαυόν.
Ἐννέα τοῖς ὁ γεραιὸς ὁμοκλήσας ἐκέλευσεν.

Ил. 1. 35. Ὣς ἔφατ', ἔδεισεν δ' ὁ γέρων (Χρύσης) καὶ ἐπείθετο μύθῳ.
βῆ δ' ἀκέων παρὰ θῖνα πολυφλοίσβοιο θαλάσσης,
πολλὰ δ' ἔπειτ' ἀπάνευθε κιὼν ἠρᾶθ' ὁ γεραιὸς

Ἀπόλλωνι ἄνακτι, τὸν ἠΰκομος τέκε Λητώ.

Сюда же принадлежатъ примѣры, о которыхъ мы говорили въ 57 выноскѣ (ὁ съ nomen вмѣсто простаго ὁ возможно, видно, и при пролептическомъ употребленіи слова ὁ). Отъ *произвола* поэта (столько мы можемъ сказать въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный нами въ той же выноскѣ) зависитъ — дать анафоруемому предмету любое [61]) названіе или анафоровать его, при такой слабой экстенсивной силѣ анафоры, черезъ одно ὁ.

Сопоставимъ теперь эти примѣры съ слѣдующими:

Од. 18. 223. οἷον δὴ τόδε ἔργον ἐνὶ μεγάροισιν ἐτύχθη,
ὃς τὸν ξεῖνον ἔασας ἀεικισθήμεναι οὕτως.
πῶς νῦν, εἴ τι ξεῖνος ἐν ἡμετέροισι δόμοισιν
ἥμενος ὧδε πάθοι ῥυστακτύος ἐξ ἀλεγεινῆς;
σοί κ' αἶσχος λώβη τε μετ' ἀνθρώποισι πέλοιτο.

Ил. 24. 248. ὁ δὲ (Πρίαμος) Τρῶας μὲν ἅπαντας
αἰθούσης ἀπέεργεν ἔπεσσ' αἰσχροῖσιν ἐνίσσων·

слѣдуетъ прямая рѣчь, послѣ которой читаемъ:

Ἦ καὶ σκηπανίῳ δίεπ' ἀνέρας· οἱ δ' ἴσαν ἔξω
σπερχομένοιο γέροντος.

Од. 8. 544. ἀλλ' ἄγ' ὁ μὲν σχεθέτω, ἵν' ὁμῶς τερπώμεθα πάντες
ξεινοδόχοι καὶ ξεῖνος, ἐπεὶ πολὺ κάλλιον οὕτως·
εἵνεκα γὰρ ξείνοιο τάδ' αἰδοίοιο τέτυκται,
πομπὴ καὶ φίλα δῶρα, τά οἱ δίδομεν φιλέοντες.

Ил. 3. 249. Послѣ того, какъ Елена познакомила Пріама съ Аяксомъ и Идоменеемъ...

...κήρυκες δ' ἀνὰ ἄστυ θεῶν φέρον ὅρκια πιστά,
ἄρνε δύω καὶ οἶνον εὔφρονα, καρπὸν ἀρούρης,
ἀσκῷ ἐν αἰγείῳ· φέρε δὲ κρητῆρα φαεινὸν
κῆρυξ Ἰδαῖος ἠδὲ χρύσεια κύπελλα·
ὤτρυνεν δὲ γέροντα παριστάμενος ἐπέεσσιν.

Изъ этого сопоставленія мы видимъ, что въ Гомерѣ при вторичномъ упоминаніи объ одномъ и томъ же предметѣ не всегда приходится употреблять слово ὁ [62]) и что совершенно достаточно для анафоры простое nomen,

---

[61]) Выборъ этихъ названій бываетъ самый разнообразный (ср. стр. 106, 4 строку) Различія между существительнымъ и прилагательнымъ или причастіемъ тутъ не чувствуемъ; слова τὼ μὲν ἄρα δειλώ (Ил. 5. 574), αὐτὰρ ὁ διογενής (Ил. 21, 17), τὸν δύστηνον (Од. 20. 224) достигаютъ такой же цѣли, какой и существительныя.

[62]) То обстоятельство, что въ Гомерѣ, какъ видно изъ приведенныхъ нами послѣднихъ двухъ группъ примѣровъ, а также изъ сравниваемыхъ съ ними группъ, указываемыхъ на стр. 1·6 (строка 18), одна и таже цѣль достигается и постановкою оборота напр. ὁ γέρων, и постановкою простаго γέρων, или даже простаго ὁ, дало, вѣроятно, поводъ нѣкоторымъ грамматикамъ принимать въ оборотѣ ὁ γέρων и слово ὁ и слово γέρων за два само-

хотя бы даже нарицательное и принадлежащее не исключительно анафоруемому имъ предмету. Послѣднее можно было допустить особенно потому, что само мѣсто, изъ котораго предметъ анафоруется, очень близко къ мѣсту, гдѣ происходитъ анафора; простымъ nomen замѣняется здѣсь не только простое ὁ но и (какъ читателю остановится яснымъ послѣ сказаннаго въ I главѣ этой части) слово οὗ, οἷ, ἕ καὐτός, и nomen это не могло остаться, конечно, непонятымъ слушателемъ (если слушатель могъ понимать οὗ, οἷ, ἕ, не имѣющее никакого *знаменательнаго* значенія, то тѣмъ больше могъ понять какое нибудь γέρων, употребленное вмѣсто οὗ).

Что ὁ могло быть также пропущено при вторичномъ появленіи собственныхъ именъ, какъ словъ, принадлежащихъ исключительно тѣмъ предметамъ, которые въ извѣстномъ случаѣ анафоруются изъ предшествующаго, и что его отсутствіе вовсе не препятствуетъ той дѣятельности слушателя, вызывать которую способно само ὁ, объ этомъ нѣтъ нужды распространяться.

Дальше мы понимаемъ пропущеніе адъективно субституціональнаго ὁ и въ нарицательныхъ словахъ, когда они предназначены разскащикомъ для обозначенія такихъ предметовъ, которые, если даже объ нихъ разъ уже была рѣчь и если была бы возможность анафоровать ихъ изъ предъидущаго контекста, ничуть не оопредѣлились бы больше при посредствѣ анафоры, чѣмъ безъ нея.

стоятельныхъ, совершенно независящихъ другъ отъ друга (по вопросу объ обозначеніи ими предмета) слова; слово γέρων они толкуютъ въ смыслѣ аппозиціональнаго прибавленія къ слову ὁ (переводя оборотъ ὁ γέρων словами: *онъ*, *старикъ*), и расширяютъ такимъ образомъ въ Гомерѣ предѣлы „демонстративнаго" ὁ. Мы, съ своей стороны, должны указать на большую разницу между нашимъ ὁ γέρων и между тѣми явленіями, которыми мы опровергали ученіе Тирша о рубежѣ между „собственнымъ членомъ" и „демонстративнымъ" ὁ (и въ которыхъ дѣйствительно можно толковать ὁ за самостоятельное слово; см. стр. 95). Разница эта заключается не столько въ разстановкѣ (здѣсь существительное слѣдуетъ непосредственно за словомъ ὁ, тамъ между ὁ и существительнымъ вставлены другія слова), сколько въ томъ, что въ нашемъ ὁ γέρων слово, употребленное для *поименованія* предмета, есть существительное *нарицательное* (тамъ мы встрѣчали имя *собственное*), принадлежащее, по своему логическому содержанію, еще другимъ предметамъ кромѣ того, который имъ здѣсь обозначается. Какъ, спрашиваемъ, посмотрѣли бы тѣ, которыхъ касается эта выноска, на нашъ оборотъ, если бы грамматическій родъ такого нарицательнаго слова не согласовался бы *съ природнымъ родомъ* (можно даже сказать *съ* родомъ *собственнаго имени*) анафоруемаго имъ предмета, если бы напр. какой нибудь Θерситъ анафоруемъ былъ у Гомера, при одинаковой съ нашими примѣрами экстенсивной силѣ анафоры, оборотомъ τὸ ἀνθρώπιον)? Трудно было бы, должно быть, держаться имъ такого взгляда. Мы въ чередованіи простаго ὁ съ оборотомъ ὁ γέρων и съ простымъ γέρων видимъ такое же явленіе, какое замѣчается въ мѣстахъ, въ которыхъ слово τὸ (средній родъ) чередуется съ выраженіемъ ὁ μῦθος (муж. родъ; тутъ уже ни кто не можетъ принимать ὁ за самостоятельное слово; примѣры сравни на стр. 81 и съ простымъ μῦθος. О возможности послѣдняго свидѣтельствуетъ Ил. 1. 33 и др. Въ Ил. 1. 33 читаемъ такъ:

„ἀλλ' ἴθι, μή μ' ἐρέθιζε, σαώτερος ὥς κε νέηαι"
ὣς ἔφατ', ἔδδεισεν δ' ὁ γέρων καὶ ἐπείθετο μύθῳ.

При такихъ условіяхъ пропускается ὁ иногда *и въ аттическомъ языкѣ;* сравни Memor. II. 1. 12: Ἀλλ' εἰ μέν, ἔφη ὁ Σωκράτης, ὥσπερ οὔτε δι' ἀρχῆς οὔτε διὰ δουλείας ἡ ὁδὸς αὕτη φέρει, οὕτω μηδὲ δι' ἀνθρώπων, ἴσως ἄν τι λέγοις· εἰ μέντοι ἐ ν ἀ ν θ ρ ώ π ο ι ς ὢν μήτε ἄρχειν ἀξιώσεις μήτε ἄρχεσθαι μήτε τοὺς ἄρχοντας ἑκὼν θεραπεύσεις, οἶμαί σε ὁρᾶν, ὡς ἐπίστανται οἱ κρείττονες τοὺς ἥττονας καὶ κοινῇ καὶ ἰδίᾳ κλαίοντας καθιστάντες δούλοις χρῆσθαι.

Ὁ можетъ быть пропущено также, если авторъ вовсе не хочетъ связывать мѣста, въ которомъ онъ упоминаетъ вторично о предметѣ, съ мѣстомъ, въ которомъ предметъ въ первый разъ былъ представленъ. Если въ Од. 10. 528 разсказывается, какъ Кирка совѣтовала Одиссею при входѣ въ адъ... ὄιν ἀρνειὸν ῥέζειν θῆλύν τε μέλαιναν εἰς Ἔρεβος στρέψαντι, и затѣмъ (въ Од. 572) слѣдуетъ разсказъ, какъ та же Кирка ему, собравшемуся отплыть изъ острова... οἰχομένη νηὶ μελαίνῃ ἀρνειὸν κατέδησεν ὄιν θῆλύν τε μέλαιναν, то вторая сцена, разсказываемая Одиссеемъ, могла быть представлена совсѣмъ внѣ связи съ предъидущимъ мѣстомъ (слова ἀρνειὸν ὄιν θῆλύν τε μέλαιναν не нужно было пополнять мыслію: которые Одиссей долженъ былъ по совѣту Кирки принести въ жертву) и могла обойтись безъ субституціональнаго ὁ. Другое дѣло Од. 9. 550. Въ этомъ мѣстѣ разсказываетъ Одиссей, какъ онъ и дружина его, освободившись отъ преслѣдованія Киклопа... μῆλα Κύκλωπος γλαφυρῆς ἐκ νηὸς ἑλόντες δάσσαντο, ἀρνειὸν δ' αὐτῷ (Одиссею) ἐυκνήμιδες ἑταῖροι μήλων δαιομένων δόσαν ἔξοχα,— и дѣйствительно, нельзя не только неприводить это мѣсто въ связь съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ Одиссей разсказываетъ о спасительномъ для него выпущеніи изъ пещеры овецъ и барана (Од. 9. 425—432), но—а это самое важное въ нашемъ вопросѣ—слово ἀρνειός должно получить оттуда свое болѣе точное опредѣленіе (тотъ самый баранъ, который вынесъ Одиссея изъ пещеры), такъ что въ самомъ дѣлѣ, какъ Аполлоній выражается (περὶ συντ. 5. 23),... ὁ λόγος ἐπιζητεῖ τὴν ἀναφορὰν τοῦ ἀρνός, отсутствіе же слова ὁ здѣсь, особенно при такой значительной экстензивной силѣ анафоры, доказываетъ, что языкъ Гомера во всякомъ случаѣ не успѣлъ р звить въ себѣ въ такой степени адъективно-субституціональное ὁ, въ какой развилъ его аттическій языкъ.

II. 3.

Въ тѣсной связи съ историческомъ и анафорическомъ ὁ находится ὁ *контекстивное.*

Внесши извѣстный предметъ въ представленіе, говорящій можетъ вслѣдъ затѣмъ наткнуться на такое nomen, которое обозначаетъ или принадлежность внесеннаго въ представленіе предмета, или вообще что нибудь, находящееся въ связи съ нимъ. Мы найдемъ естественнымъ, если то, что имѣетъ быть обозначено этимъ nomen, войдетъ въ представленіе самаго говорящаго и *сообра-*

жающаю слушателя раньше его поименованія, именно вмѣстѣ со внесеніемъ въ представленіе вышеупомянутаго предмета; поэтому горорящему, въ то время, когда онъ намѣревается поименовать такую принадлежность предмета, или то, что находится въ связи съ нимъ, приходится *вызывать* все это уже изъ *предетавленія*, что, конечно, повлечетъ за собою постановку слова ὁ къ вышеупомянутому nomen.

Примѣровъ у Гомера встрѣчается очень много. Сравни:

1) Ил. 18. 486 Гефэстъ, на щиту, который готовился для Ахилеса...

...γαῖαν ἔτευξεν, ἐν δ' οὐρανόν, ἐν δε θάλασσαν
ἠέλιόν τ' ἀκαμάντα σελήνην τε πλήθουσαν,
ἐν δὲ τὰ τείρεα πάντα, τά τ' οὐρανὸς ἐστεφάνωται
Πληιάδας θ' Ὑάδας τε τό τε σθένος Ὠριώνος
ἄρκτον θ' ἣν καὶ ἄμαξαν ἐπίκλησιν καλέουσιν

Сложное выраженіе τὸ σθένος Ὠρίωνος (оно поставлено здѣсь вмѣсто простаго Ὠρίων: σθένος Ὠρίωνος περιφραστικῶς τὸν Ὠρίωνα — схоліастъ) привлечено здѣсь первыми частями происходящаго здѣсь перечисленія извѣстныхъ древнимъ грекамъ-мореплавателямъ созвѣздій, при которомъ нельзя уже было обойти молчаніемъ Оріона.

2) Ил. 7. 412. разсказывается объ Агамемнонѣ, что онъ поклявшись Зевесомъ ...ὣς εἰπὼν τὸ σκῆπτρον ἀνέσχεθε πᾶσι θεοῖσιν.

О предметѣ σκῆπτρον не было передъ тѣмъ и помину; однако самого Агамемнона, уже при выведеніи его поэтомъ на сцену, трудно было и поэту и его слушателю иначе представить себѣ, какъ съ скипетромъ въ рукѣ, а потому поэтъ, разсказывая объ этомъ скипетрѣ, могъ его *анафоровать*.

3) Также мы понимаемъ слово τὸ σκῆπτρον, встрѣчающееся въ Ил. 10. 321. Долонъ здѣсь говоритъ Гектору:

Ἕκτορ, ἔμ' ὀτρύνει κραδίη καὶ θυμὸς ἀγήνωρ
νηῶν ὠκυπόρων σχεδὸν ἐλθέμεν ἔκ τε πυθέσθαι
ἀλλ' ἄγε μοι τὸ σκῆπτρον ἀνάσχεο, καί μοι ὄμοσσον.

Грамматики любятъ приводить и этотъ примѣръ (ср. стр. 74) для доказательства первоначальной демонстративной силы слова ὁ и объясняютъ, что оно здѣсь употреблено для сопровожденія жеста, указывающаго на скипетръ. Мы видимъ только *случайность* въ томъ, что здѣсь можно Долону *жестомъ* указать на σκῆπτρον; указаніе это, однако, вовсе не имѣло цѣлью ближайшее ознакомленіе съ предметомъ,—и если бы Долонъ въ *отсутствіи Гектора* сообщалъ туже рѣчь другому лицу, или самъ Гомеръ передавалъ бы эту рѣчь своему слушателю какъ oratio obliqua, то оба они могли бы слово σκῆπτρον также опять соединить съ ὁ; примѣръ этотъ былъ бы потомъ совершенно одинаковъ, по отношенію къ выраженію τὸ σκῆπτρον, съ приведеннымъ нами выше Ил. 7. 412. Такой характеръ, какъ Ил. 10. 821, имѣетъ и

Ил. 23. 75. (καί μοι δὸς τὴν χεῖρ' ὀλοφύρομαι [62]) и другіе

Нѣтъ сомнѣнія, что Гомеръ гораздо чаще пользовался бы контекстивнымъ ὁ, если бы это не было въ ущербъ эпической вѣскости словъ, въ силу которой каждое знаменательное слово должно *только вносить* въ представленіе матеріалъ для картины рисующейся въ немъ, но никакъ не *предполагать* въ немъ этотъ матеріалъ. Если мы судимъ правильно о значеніи слова ὁ, то совсѣмъ другой характеръ имѣетъ мѣсто напр. въ

Ил. 10. 110. (σπερχόμενος δ' ἀπὸ τοῖιν ἔσυλα τεύχεα καλά),

чѣмъ оно имѣло бы, если слова τεύχεα καλά были бы соединены съ ὁ Въ послѣдней конструкціи (τὰ τεύχεα) будетъ ὁ контекстивное, такъ какъ *соображающему* слушателю трудно было при этомъ контекстѣ другое ожидать, кромѣ именно этихъ словъ; но эпика не расчитываетъ на *сообразительность* слушателя—она имѣетъ дѣло только съ *впечатлительностью его*.

***

Единственные изъ нашихъ шести грамматиковъ, упомянувшіе объ этомъ ὁ, оказываются Крюгеръ и Кюнеръ [64]). Въ различіе отъ предъидущихъ оттѣнковъ его, на сколько, разумѣется, эти послѣдніе ими затронуты, они оба называютъ наше ὁ „собственнымъ членомъ". Мы видимъ, однако, какъ слаба та опора, какую можно здѣсь найти для положенія преграды между этимъ ὁ и предшествующими его оттѣнками и для принятія его началомъ для новой какой нибудь половины въ симазіологіи слова ὁ. Какъ историческое, адъективно субституціональное и субстантивно-субституціональное ὁ, такъ и контекстивное ὁ опираются своимъ появленіемъ на матеріалъ, *заранѣе* опредѣлившійся и у слушателя, и у говорящаго. У говорящаго возстановленіе этого матеріала въ самый моментъ произношенія извѣстнаго синтаксическаго

---

[63]) Сюда принадлежатъ и мѣста Ил. 1. 20, 3. 54 и 4. 399, упомянутыя нами на на стр. 74 (сравн 60 выноску).

[64]) Крюгеръ 50. 2. 3 выражается о немъ такъ: Gleichfalls deiktisch steht der Artikel, in so fern der Begriff als einem vorschwebenden Gegenstande natürlich, notorisch oder üblicher Weise zukommend gedacht wird. У Кюнера § 461. E. 2 читаемъ такъ: Der Artikel tritt sehr häüfig zu Gattungsnamen, um denselben als den einem Gegenstande zugehörigen, eigenen, zukommenden, mit ihm in einer nothwendigen Beziehung oder Verbindung stehenden zu bezeichnen.

Въ примѣрахъ, приведенныхъ въ предъидущей выноскѣ а также въ приведенныхъ въ текстѣ легко найти мѣста, припоминающія намъ правило Кюнера (продолженіе правила, приведеннаго нами въ этой выноскѣ), которое гласитъ, что ὁ замѣняетъ собою очень часто притяжательное мѣстоименіе (der Artikel vertritt sehr häufig die Stelle der Posessivpronomen). Да; его можно оправдать не только при употребленіи его *вмѣсто* мѣстоименія притяжательнаго (замѣтка Кюнера о такой замѣнѣ вытекаетъ непосредственно изъ значенія контекстивнаго ὁ; смотри въ *нашемъ* правилѣ контекстивнаго ὁ первый случай), но и *вмѣстѣ* съ нимъ; Гомеръ употребляетъ слово ὁ *вмѣстѣ* съ притяж. мѣст. довольно часто (см. Ил. 15. 58, 18. 451; Од. 14. 153, 19. 487; Ил. 68. 457 и т. д.).

цѣлаго и пріуроченіе его къ этому цѣлому вызываетъ постановку слова ὁ, а у слушателя, наоборотъ, послѣдняя (т. е постановка слова ὁ) вызываетъ первое. Такой смыслъ имѣетъ слово ὁ во всѣхъ сопоставленныхъ здѣсь оттѣнкахъ его не исключая даже — столько мы можемъ сказать въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный нами на стр. 90 (строка 6) — распознавательное ὁ.

Если уже раздѣлять всю симазіологію слова ὁ на двѣ половины, то болѣе *рѣзкое* различіе замѣчается между всѣми упомянутыми здѣсь оттѣнками слова ὁ съ одной стороны и между субстантивно-раздѣлительнымъ, субстантивно-присоединительнымъ, пролептическимъ и синтаксическимъ ὁ съ другой стороны. Въ послѣднемъ разрядѣ ὁ *не вноситъ*, какъ это бываетъ въ первомъ, въ извѣстное синтаксическое цѣлое картину *полную*, заранѣе приготовленную, а только набрасываетъ въ представленіи слушателя контуръ, который въ однихъ случаяхъ такъ и остается контуромъ (при τὸν καὶ τόν, ἔνθα καὶ ἔνθα), въ другихъ же—получаетъ болѣе полное содержаніе или въ самомъ томъ синтаксическомъ цѣломъ, въ которомъ появляется ὁ, или въ слѣдующемъ.

1. 4.

Отправимся теперь отъ Ил. 7. 442. Мѣсто это слѣдующее:

Ὣς οἱ μὲν πονέοντο καρηκομόωντες Ἀχαιοί·
οἱ δὲ θεοὶ πὰρ Ζηνὶ καθήμενοι ἀστεροπητῇ
θηεῦντο μέγα ἔργον Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων.

Употребленное въ этомъ примѣрѣ слово οἱ въ соединеніи съ словомъ θεοί никто изъ насъ не назоветъ ни историческимъ, ни адъективно-субституціональнымъ. Причина перваго нашему читателю ясна, а для убѣжденія его во второмъ достаточно сообщить, что о богахъ во всей 7-й книгѣ Иліады не было рѣчи, за исключеніемъ стиховъ 17 — 60 (значитъ 382-мя стихами раньше нашего мѣста), не имѣющими притомъ къ мѣсту Ил. 7. 442 никакого отношенія: они описываютъ дѣйствіе Аѳины и Аполлона въ рядахъ воюющихъ сторонъ и кончаются словами:

κὰδ δ' ἄρ' Ἀθηναίη τε καὶ ἀργυρότοξος Ἀπόλλων
ἑζέσθην, ὄρνισιν ἐοικότες αἰγιόχοιο,
φηγῷ ἐφ' ὑψηλῇ πατρὸς Διὸς αἰγιόχοιο,
ἀνδράσι τερπόμενοι·

Читатель скажетъ, что разбираемое нами οἱ есть οἱ контекстивное, что оно указываетъ на лица, дѣйствія которыхъ тѣсно связаны съ тѣмъ, что разсказывалось въ предшествующихъ стихахъ (именно съ тѣмъ, что въ нашей цитатѣ суммировано словами: ὣς οἱ μὲν πονέοντο καρηκομόωντες Ἀχαιοί). Конечно, въ данномъ мѣстѣ, мы не можемъ отказаться отъ возможности принимать слова ὁ контекстивнымъ, однако рядомъ съ ней выставляемъ и другую возможность его пониманія. Мы видимъ нѣкоторую разницу между нимъ и примѣрами, помѣ-

щенными въ продыдущемъ параграфѣ: мы замѣчаемъ, что въ немъ скорѣе, чѣмъ въ предшествующихъ примѣрахъ, слово ὁ чувствуется указывающимъ на совершенно другую сторону, на новую какъ бы сцену хотя бы одного и того же дѣйствія; если мы будемъ сравнивать адъективное ὁ съ субстантивнымъ, то встрѣчающееся въ Ил. 7. 442 ὁ будетъ соотвѣтствовать субстантивному присоединительному ὁ, а такого сопоставленія мы въ предыдущемъ параграфѣ сдѣлать не могли.

Да; ὁ можетъ быть принято здѣсь за *адъективно-присоединительное*. Субстантивно-присоединительное ὁ указывало только на *точку*, образовавшуюся въ представленіи разсказчика на сторонѣ, противоположной той, на которой помѣщалось разсказанное прежде, а адъективно-присоединительное ὁ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на предметъ, который на этой точкѣ помѣщенъ (ср. стр. 112, строку 15).

Какъ субстантивно-присоединительное ὁ тѣсно связано съ субстантивно-раздѣлительнымъ, точно также и адъективно-присоединительное ὁ нельзя не группировать съ адъективно-раздѣлительнымъ. Послѣднее мы видимъ въ примѣрѣ:

Ил. 13. 640. Ὣς εἰπὼν τὰ μὲν ἔντε' ἀπὸ χροὸς αἱματόεντα
συλήσας ἑτάροισι δίδου Μενέλαος ἀμύμων,
αὐτὸς δ' αὖτ' ἐξαῦτις ἰὼν προμάχοισιν ἐμίχθη.

(объ ἔντεα не было передъ этимъ рѣчи. [65])

Съ примѣрами Ил. 7. 442 и Ил. 13. 640 нужно сопоставить слѣдующіе:

Од. 21. 128. τρὶς μέν μιν πελέμιξεν ἐρύσσεσθαι μενεαίνων,

[65]) Сравни эти примѣры съ нижеслѣдующими:

Од. 5. 391. ἀλλ' ὅτε δὲ τρίτον ἦμαρ ἐϋπλόκαμος τέλεσ' ἠώς
καὶ τότ' ἔπειτ' ἄνεμος μὲν ἐπαύσατο, ἡ δὲ γαλήνη
ἔπλετο νηνεμίη, ὁ δ' ἄρα σχεδὸν εἴσιδε γαῖαν.

Ил. 11. 702. χρεῖος μέγ' ὀφείλετ' ἐν Ἤλιδι δίῃ (Νηλῆϊ)
τέσσαρες ἀθλοφόροι ἵπποι αὐτοῖσιν ὄχεσφιν
ἐλθόντες μετ' ἄεθλα· περὶ τρίποδος γὰρ ἔμελλον
θεύσεσθαι· τοὺς δ' αὖθι ἄναξ ἀνδρῶν Αὐγείας
κάσχεθε, τὸν δ' ἐλατῆρ' ἀφίει ἀκαχήμενον ἵππων.

Ил. 11. 69. Гомеръ сравниваетъ сразившихся Ахеянъ и Троянцевъ съ косарями, которые...
...ἐναντίοι ἀλλήλοισιν
ὄγμον ἐλαύνουσι ἀνδρὸς μάκαρος κατ' ἄρουραν
πυρῶν ἢ κριθέων· τὰ δὲ δράγματα ταρφέα πίπτει.

Въ Ил. 18. 550 разсказываетъ намъ поэтъ, какой щитъ Гефестъ готовилъ для Ахеянъ, и говоритъ, между прочимъ, что онъ изобразилъ на немъ...
...τέμενος βαθυλήιον· ἔνθα δ' ἔριθοι

τρὶς δὲ μεθῆκε βίης, ἐπιελπόμενος τόγε θυμῷ,
νευρὴν ἐντανύσειν διοϊστεύσειν τε σιδήρου.
καί νύ κε δή ῥ' ἐτάνυσσε βίῃ τὸ τέταρτον ἀνέλκων,
ἀλλ' Ὀδυσεὺς ἀνένευε καὶ ἔσχεθεν ἱέμενόν περ.

Ил. 1. 54. Ἐννῆμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ᾤχετο κῆλα θεοῖο,
τῇ δεκάτῃ δ' ἀγορήνδε καλέσσατο λαὸν Ἀχιλλεύς·

Ил. 12. 88. Οἱ μὲν ἅμ' Ἕκτορ' ἴσαν καὶ ἀμύμονι Πουλυδάμαντι,
οἳ πλεῖστοι καὶ ἄριστοι ἔσαν, μέμασαν δὲ μάλιστα
τεῖχος ῥηξάμενοι κοίλῃς ἐπὶ νηυσὶ μάχεσθαι.
καί σφιν Κεβριόνης τρίτος εἵπετο· πὰρ δ' ἄρ' ὄχεσφιν
ἄλλον Κεβριόναο χερείονα κάλλιπεν Ἕκτωρ,
τῶν δ' ἑτέρων Πάρις ἦρχε καὶ Ἀλκάθοος καὶ Ἀγήνωρ,
τῶν δὲ τρίτων Ἕλενος καὶ Δηΐφοβος θεοειδής,
υἷε δύω Πριάμοιο·

Ил. 20. 270....ἐπεὶ πέντε πτύχας ἤλασε κυλλοποδίων,

ἤμων ὀξείας δρεπάνας ἐν χερσὶν ἔχοντες,
δράγματα δ' ἄλλα μετ' ὄγμον ἐπήτριμα πῖπτον ἔραζε,
ἄλλα δ' ἀμαλλοδετῆρες ἐν ἐλλεδανοῖσιν δέοντο.
τρεῖς δ' ἄρ' ἀμαλλοδετῆρες ἐφέστασαν· αὐτὰρ ὄπισθεν
παῖδες δραγμεύοντες ἐν ἀγκαλίδεσσι φέροντες
ἀσπερχὲς πάρεχον· βασιλεὺς δ' ἐν τοῖσι σιωπῇ
σκῆπτρον ἔχων ἑστήκει ἐπ' ὄγμου γηθόσυνος κῆρ,
κήρυκες δ' ἀπάνευθεν ὑπὸ δρυῒ δαῖτα πένοντο,
βοῦν δ' ἱερεύσαντες μέγαν ἄμφεπον· αἱ δὲ γυναῖκες
δεῖπνον ἐρίθοισιν λεύκ' ἄλφιτα πάλυνον.

Аѳина, удостовѣривши Одиссея въ томъ, что онъ находится на берегу Ѳеакіи скоэт, приказываетъ ему (Од. 13. 404 и слѣд.)...

...πρώτιστα συβώτην εἰσαφικέσθαι,
ὅς τοι (Ὀδυσσῆι) ὑῶν ἐπίουρος
...αἱ δὲ νέμονται
παρ' Κόρακος πέτρῃ ἐπί τε κρήνῃ Ἀρεθούσῃ
ἔσθουσαι βάλανον μενοεικέα καὶ μέλαν ὕδωρ
πίνουσαι...,

затѣмъ она, сдѣлавъ еще нѣкоторыя распоряженія, уходитъ, Одиссей же по ея приказанію отправляется къ Евмею видитъ, между прочимъ, въ его дворѣ (см. Од. 14. 16)...

...συφεοὺς δυοκαίδεκα
πλησίον ἀλλήλων εὐνὰς συσίν· ἐν δὲ ἑκάστῳ
πεντήκοντα σύες χαμαὶ εὐνάδες ἐρχατόωντο,
θήλειαι τοκάδες· τ ο ὶ δ' ἄρσενες ἐκτὸς ἴαυνον
πολλὸν παυρότεροι.

τὰς δύο χαλκείας, δύο δ' ἔνδοθι κασσιτέροιο,
τὴν δὲ μίαν χρυσέην·

Од. 6. 63. πέντε δέ τοι φίλοι υἷες ἐνὶ μεγάροις γεγάασιν,
οἱ δύ' ὀπυίοντες, τρεῖς δ' ἠΐθεοι θαλέθοντες·

И въ этихъ примѣрахъ словомъ ὁ обозначена точка, образующаяся въ нашемъ представленіи какъ показатель или раздѣленія группы предметовъ на двѣ или нѣсколько частей, или продолженія вычисленія ряда предметовъ; но слова, присоединенныя къ этому ὁ, не расчитаны вовсе, какъ въ Ил. 7. 442 и Ил. 13. 640, на ближайшее опредѣленіе раздѣляемыхъ или присоединяемыхъ предметовъ (сравни стр. 112, 15 строку), развѣ только въ *количественномъ* отношеніи. Присутствіе такихъ количественныхъ словъ, какъ δύο—δεκάτῃ—τὸ τέταρτον, отдѣляетъ наши примѣры отъ субстантивно-раздѣлительнаго и присоединительнаго ὁ, отсутствіе же другихъ словъ, указывающихъ на *вещественность* предметовъ (какъ было въ примѣрѣ Ил. 7. 442 слово θεοί, и въ Ил. 13. 640 слово ἔντεα), отдѣляетъ ихъ и отъ *этихъ* примѣровъ.

Мы понимаемъ, что въ послѣднихъ примѣрахъ слова δύο, τέταρτον, δεκάτῃ *сами* уже вносятъ въ контекстъ пониманіе раздѣленія и присоединенія и что слово ὁ, какъ способное развить у слушателя такое же пониманіе, поставлено только по закону тавтологіи [66]) и могло быть пропущено. Чередованіе въ нашихъ примѣрахъ оборотовъ съ ὁ съ словами, поставленными безъ такого ὁ, осуществляетъ на себѣ возможность этого пропуска [67]) (конечно, ὁ не будетъ лишнимъ, если какое нибудь δύο имѣетъ указывать на два предмета, опредѣленные передъ тѣмъ какъ индивидуумы въ текстѣ, или исторически извѣстные; въ такихъ случаяхъ будетъ ὁ уже или субституціональное, или историческое).

Сюда же принадлежитъ ὁ, употребляющееся въ соединеніи съ словомъ ἄλλος. Возможность уравненія слова ἄλλος съ количественными словами предшествующихъ примѣровъ, по отношенію къ употребленію при немъ слова ὁ —на сколько оно опять, какъ вышеупомянутое οἱ δύο, не есть субституціональное или историческое—видна особенно изъ слѣдующаго примѣра:

Од. 13. 66. Ἀρήτῃ δ' ἄρα οἱ δμῳὰς ἅμ' ἔπεμπε γυναῖκας,
τὴν μὲν φᾶρος ἔχουσαν εὐπλυνὲς ἠδὲ χιτῶνα,

---

[66]) Подъ закономъ тавтологіи разумѣемъ законъ, въ силу котораго одно и то же понятіе выражается нѣсколькими средствами. Сравни русскую фразу: *въ добавокъ* къ этому онъ *еще при*ставилъ (одно и то же понятіе выражено 3-мя средствами: *въ добавокъ*, *еще* и *при*).

[67]) О такихъ примѣрахъ Негельсбахъ (Anmerkungen zur Ilias стр. 186) замѣтилъ слѣдующее: Die Setzung oder Weglassung des Artikels scheinen bloss metrische *Rücksichten* zu bestimmen. Подобные пропуски возможны и въ аттической прозѣ; сравни примѣръ изъ Апологіи Сократа 34. Д., приведенный нами на стр. 46.

τὴν δ' ἑτέρην χηλὸν κοικνὴν ἅμ' ὄπασσε κομίζειν·
ἡ δ' ἄλλη σῖτόν τ' ἔφερεν καὶ οἶνον ἐρυθρόν. [68])

И здѣсь слово ὁ есть, собственно говоря, лишнее и напрасно, кажется намъ, Зенодотъ перемѣнялъ гомерическое ἄλλοι, при томъ смыслѣ, при которомъ аттическій языкъ развилъ употребленіе оборота οἱ ἄλλοι [69]), въ несвойственное гомерическому языку слово ὦλλοι [70]). Также и съ другой стороны неправильно поступаютъ тѣ, которые, опираясь на чередованіе у Гомера формы ἄλλοι съ оборотомъ οἱ ἄλλοι, принимаютъ у него въ послѣднемъ оборотѣ слово οἱ за слово, болѣе самостоятельное въ сравненіи съ ὁ аттическаго оборота [71]).

---

[68]) Намъ скажутъ, что здѣсь оборотъ ἡ ἄλλη, опять какъ и выраженіе τὰ ἔντεα въ Ил. 13. 640 (ср. стр. 113), вмѣщаетъ въ себѣ ὁ контекстивное, такъ какъ послѣ того, какъ уже началось перечисленіе, нужно было *ожидать* и его продолженіе; но ἡ ἄλλη должно заключить въ себѣ такое ὁ, какое заключало въ себѣ въ предпослѣднемъ стихѣ выраженіе ἡ μέν, а это послѣднее есть непремѣнно раздѣлительное.

[69]) Аттикъ отнесся дѣйствительно къ оборотамъ ἄλλοι и οἱ ἄλλοι экономически. Ἄλλοι онъ употребляетъ только тогда, когда предметы, имѣющіе быть слушателю показаны, представляются ему *не* принадлежащими въ опредѣлившійся въ его умѣ *заранѣе* кругъ другихъ, съ ними сопоставленныхъ въ рѣчи, предметовъ (примѣръ приводитъ Аполлоній περὶ συντ. стр. 34 слѣдующій: ἄλλοις ἀνθρώποις ὁμίλει μὴ τοῖς περὶ Τρύφωνα). Крюгеръ: Griech. Sprachlehre § 50. 4. 9. выражается объ употребленіи оборота οἱ ἄλλοι такъ: Ἄλλος, alius, mit der Idee der Absonderung, wird mit dem Artikel meist (!) nur *dann verbunden, wenn das ein ganzes Ergänzende* zu bezeichnen ist; онъ опирается при этомъ на слѣдующее правило, встрѣчающееся у Аполлонія (περὶ συντ. стр. 38): Παντότε οὖν τὸ ἄλλοι συνέξει τὸ ἄρθρον, ἡνίκα τοῦ κατηγορουμένου πλήθους ὅλου ἐστὶν ἐ μ π ε ρ ι λ η π τ ι κ ὸ ν τήν τε διαίρεσιν πάλιν μερικὴν ποιεῖται.

[70]) Конъектура Зенодота относится именно къ слѣдующимъ мѣстамъ:

Ил. 10. 1. ἄλλοι μὲν παρὰ νηυσὶν ἀριστῆες Παναχαιῶν
εὗδον παννύχιοι, μαλακῷ δεδμημένοι ὕπνῳ·
ἀλλ' οὐκ Ἀτρεΐδην Ἀγαμέμνονα, ποιμένα λαῶν
ὕπνος ἔχε γλυκερός·

Ил. 2. 1. ἄλλοι μέν ῥα θεοί τε καὶ ἀνέρες ἱπποκορυσταὶ
εὗδον παννύχιοι, Δία δ' οὐκ ἔχε νήδυμος ὕπνος.

Насъ поддерживаетъ въ нашемъ мнѣніи относительно этой конъектуры Etym. mag., въ которомъ прямо сказано на стр. 821: ὦλλοι ἀντὶ τοῦ οἱ ἄλλοι· αἱ τοιαῦται δὲ συναλοιφαὶ τῆς δευτέρας εἰσὶν Ἰάδος, ᾗ Ὅμηρος οὐκ ἐχρήσατο· διόπερ Ζηνοδότῳ μέμφονται εἰπόντι δεῖν ἀναγιγνώσκειν ὦλλοι μὲν ῥα θεοί τε καὶ ἀνέρες.

[71]) Амейсъ по поводу мѣста Од. 1. 26 говоритъ такъ: οἱ δὲ δὴ ἄλλοι... übersetze ich: sie aber nun, die anderen Götter, die sich täglich im Palast des Zeus versammeln. Въ своемъ Anhang zu Homers Odyssee (стр. 6) онъ указываетъ на другіе подобнаго рода примѣры, а именно на: Од. 1. 24, Ил. 11. 504, 16. 763, 19. 345, 20. 23. Но если присмотрѣться ближе къ этому аппозиціональному разбору нашихъ грамматиковъ, то мы убѣдимся, что онъ не ведетъ ни къ чему особенному, отличающему гомерическій оборотъ отъ аттическаго. Гомерическое οἱ δὲ ἄλλοι можно разлагать на столько, на сколько и у аттиков-

Многіе обороты формируются въ нашемъ мышленіи на почвѣ, если не *высказаннаго* то, по крайней мѣрѣ, *предполагаемаго* и происходящаго въ дѣйствительности въ нашемъ умѣ раздѣленія на нѣсколько частей извѣстнаго ряда предметовъ (какъ бы извѣстной линіи, какъ совокупности точекъ) и получаютъ раздѣлительное ὁ. Такъ мы смотримъ на ὁ, являющееся у Гомера въ оборотѣ ἐπεὶ τὸ πρῶτον (лат. ut primum), въ аттическомъ оборотѣ οἱ πλείους (оборотомъ οἱ πλείους аттикъ хочетъ передать слушателю слѣдующую мысль: раздѣливъ извѣстную группу на двѣ не одинаковыхъ половины, ты отнеси къ контексту большую половину), даже въ оборотѣ οἱ πάντες (предполагая существованіе нѣсколькихъ сторонъ въ цѣлой группѣ предметовъ, говорящій хочетъ оборотомъ οἱ πάντες съ выразительностью уничтожить

каждый такой оборотъ долженъ быть разложенъ, чтобы сдѣлалось наглядно понятнымъ появленіе въ немъ слова ὁ. Примѣры, приведенные Амейсомъ, больше поддавались такому разложенію, чѣмъ какія нибудь другія, совершенно однородныя съ ними гомерическія цитаты. Послѣдній изъ приведенныхъ Амейсомъ примѣровъ принадлежитъ къ той группѣ гомерическихъ мѣстъ, которую замѣтилъ уже Крюгеръ и о которой послѣдній въ своей Griechische Sprachlehre II Th. 2 H. § 50. 5. 5. выражается такъ: οἱ ἄλλοι verbindet auch schon Homer appositiv mit einem persönlichen Pronomen, besonders öfters mit einem bloss im Verbum enthaltenen. Крюгеръ разумѣетъ здѣсь примѣры, гдѣ οἱ ἄλλοι присоединено къ 1-му или 2-му лицу сказуемаго. Особенно послѣдніе примѣры указываютъ, какъ трудно бываетъ иногда разложить оборотъ οἱ ἄλλοι хотя бы и у того же Гомера; смотри напр. слѣдующія мѣста:

1) Парисъ, передъ поединкомъ, предстоящимъ ему съ Менелаемъ, говоритъ къ Гектору и окружающимъ его (Ил. 3, 73) слѣдующее:

ὁππότερος δέ κε νικήσῃ κρείσσων τε γένηται
κτήμαθ' ἑλὼν εὖ πάντα γυναῖκά τε (Елену) οἴκαδ' ἀγέσθω,
οἱ δ' ἄλλοι φιλότητα καὶ ὅρκια πιστὰ ταμόντες
ναίοιτε Τροίην ἐριβώλακα, τοὶ δὲ νεέσθων,
Ἄργος ἐς ἱππόβοτον καὶ Ἀχαιΐδα καλλιγύναικα.

Здѣсь Амейсъ разложилъ бы оборотъ οἱ δ' ἄλλοι такъ: ihr aber, die anderen (слово *ὁ* онъ будетъ переводить словомъ *ihr* на такомъ основаніи, на какомъ онъ Од. 1. 26 тоже слово переводитъ черезъ *sie*; о неправильности этого основанія мы уже умалчиваемъ); но какъ же онъ разложитъ слѣдующую цитату:

Ил. 14. 368. κείνου δ' οὔ τι λίην ποθὴ ἔσσεται, εἴ κεν οἱ ἄλλοι
ἡμεῖς ὀτρυνώμεθ' ἀμυνέμεν ἀλλήλοισιν...?

послѣдовательность требуетъ, чтобы Амейсъ отвѣтилъ: *wir*, die anderen, *wir* wollen Eifer anlegen и т. д. Еще труднѣе было бы разложить мѣсто:

Ил. 8. 211. οὐκ ἂν ἐγώ γ' ἐθέλοιμι Διὶ Κρονίωνι μάχεσθαι
ἡμέας τοὺς ἄλλους, ἐπεὶ ἦ πολὺ φέρτερός ἐστιν.

Мы видимъ, что у Гомера разложить оборотъ οἱ ἄλλοι бываетъ иногда столь же трудно, сколько и у аттиковъ.

возможность выдѣленія какой нибудь изъ этихъ частей изъ даннаго контекста), въ ὁ при числительныхъ и др.

Экскурсъ.

Мы возвращаемся въ первой главѣ этой части. Относительно примѣровъ, подведенныхъ тамъ подъ I. 4, мы находимъ очень важную замѣтку у Аполлонія Дискола. Аполлоній считаетъ тамъ постановку слова ὅς болѣе правильною, чѣмъ ὁ: онъ приводитъ περὶ συντ. стр. 92 примѣръ „διέπτησαν ἀετοί, ὅς μὲν ἀπὸ ἀνατολῆς, ὅς δὲ ἀπὸ δύσεως“ сводитъ въ Од. 1. 23. (Αἰθίοπες, τοὶ δίχθα δεδαίαται ἔσχατοι ἀνδρῶν, οἳ μὲν δυσομένου Ὑπερίονος, οἳ δ' ἀνίοντος) формы οἵ къ началу ὅς, а не къ началу ὁ, метафразируетъ мѣсто Од. 12. 73—101. (οἱ δὲ σκόπελοι ὁ μὲν οὐρανὸν εὐρὺν ἱκάνει, τὸν δὲ ἕτερον σκόπελον χθαμαλώτερον ὄψει 'Οδυσσεῦ) въ предложенія: οἱ δὲ δύω σκόπελοι ἱκάνουσιν ὅς μὲν ἄχρι τοῦ οὐρανοῦ, ὅς δὲ ἄχρι τοῦ 'Ολύμπου, и говоритъ, что у Арата: Φαινόμενα. 25 (καί μιν πειραίνουσι δύω πόλοι ἀμφοτέρωθεν, ἀλλ' ὁ μὲν οὐκ ἐπίοπτος, ὁ δ' ἀντίος ἐκ Βορρέαο ὕψοθεν 'Ωκεανοῖο) обороты ὁ μὲν и ὁ δὲ поставлены вмѣсто оборотовъ ὅς μὲν и ὅς δέ, называя притомъ только вторые цѣлесообразными (ἐντελεῖς) [72].

Читая это мѣсто Аполлоніевой грамматики, мы невольно останавливаемся на двойственности выраженій, возможной и въ русскомъ языкѣ въ примѣрахъ, соотвѣствующихъ нашимъ греческимъ. Примѣры изъ Крылова (о всемъ и рядитъ онъ и судитъ, и то не такъ, и тотъ дуракъ, и изъ-за того то худо будетъ) и изъ сборника былинъ Рыбникова (всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на почестномъ напивалися; который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, который хвалится отцемъ матерью, который хвалится молодой женой) показываютъ на упомянутую нами двойственность. Что же можно сказать здѣсь объ употребленіи словъ *тотъ—тотъ* въ раличіе отъ словъ *который—который*, или замѣняющихъ, какъ извѣстно, эти послѣднія словъ *кто—кто*? Нѣтъ сомнѣнія, что слова *кто—который*, въ данномъ случаѣ, не перестаютъ совсѣмъ быть тѣмъ, за что они обыкновенно *внѣ* контекста принимаются, именно *вопросительными словами*: говорящій въ нашихъ примѣрахъ даетъ ими знать, что *не рѣшенъ* вопросъ, какіе индивидуумы изъ раздѣляемой на двѣ или нѣсколько сторонъ группы предметовъ мы должны представлять себѣ на одной и какіе на другой сторонѣ. Не есть-ли

---

[72]) Самъ Аполлоній употребляетъ постоянно ὅς μὲν—ὅς δὲ (ср. мѣсто его грамматики, приведенное въ 23. выноскѣ). Соединеніе оборота ὁ μὲν съ оборотомъ ὅς δὲ замѣчается въ Кироп. V. 3. 16 и др. Съ оборотомъ ὅς μὲν—ὅς δὲ можно сопоставить оборотъ ὅτε μὲν—ὅτε δὲ. (Обо всѣмъ сравни Кюнеръ, Ausführl. Gramm. § 527. 1. 2). Сюда же принадлежатъ оборотъ ὅς καὶ ὅς, встрѣчающійся рядомъ съ оборотомъ ὁ καὶ ὁ (сравни Бернгарди Wissensch. Synt. стр. 305).

въ самомъ дѣлѣ греческое ὅς въ синтаксическомъ отношеніи почти [73]) тоже самое, что русскія слова *кто—который*, и не назовемъ ли мы употребленіе этихъ словъ тоже *болѣе* соотвѣтствующимъ сущности мысли въ нашихъ случаяхъ (въ случаяхъ, гдѣ намъ дѣйствительно все равно, какой изъ индивидуумовъ на какую сторону попадетъ)?

Перейдемъ къ другимъ случаямъ употребленія мѣстоименія ὅς. Мы приведемъ здѣсь слѣдующій рядъ примѣровъ:

Од. 6. 158. κεῖνος δ' αὖ περὶ κῆρι μακάρτατος ἔξοχον ἄλλων,
ὅς κέ σ' ἐέδνοισι βρίσας οἶκόνδ' ἀγάγηται.

Од. 8. 209. ἄφρων δὴ κεῖνός γε καὶ οὐτιδανὸς πέλει ἀνήρ,
ὅστις [74]) ξεινοδόκῳ ἔριδα προφέρηται ἀέθλων
δήμῳ ἐν ἀλλοδαπῷ.

Од. 10. 74. οὐ γάρ μοι θέμις ἐστὶ κομιζέμεν οὐδ' ἀποπέμπειν
ἄνδρα τόν, ὅς κε θεοῖσιν ἀπέχθηται μακάρεσσιν.

(такъ говоритъ Эолъ къ Одиссею, когда тотъ, занесенный вторично бурею на островъ Эола, просилъ его о помощи).

Ил. 2. 62. Приснившійся Агамемнону Несторъ говоритъ слѣдующее:
εὕδεις, 'Ατρέος υἱὲ δαΐφρονος ἱπποδάμοιο;
οὐ χρὴ παννύχιον εὕδειν βουληφόρον ἄνδρα,
ᾧ λαοί τ' ἐπιτετράφαται καὶ τόσσα μέμηλεν.

Од. 5. 106. φησί τοι ἄνδρα παρεῖναι ὀϊζυρώτατον ἄλλων,
τῶν ἀνδρῶν οἳ ἄστυ πέρι Πριάμοιο μάχοντο.

---

[73]) Мы говоримъ „*почти*“, потому что слова *который—кто* имѣютъ болѣе широкій просторъ употребленія, чѣмъ греческое ὅς. Они употребляются въ прямыхъ вопросахъ (кто пришелъ? который изъ нихъ это сказалъ?), въ которыхъ греческое ὅς употребить нельзя, а также въ смыслѣ неопредѣленныхъ мѣстоименій (если кто придетъ, то скажи все), куда ὅς тоже не входитъ. Говоря о неопредѣленныхъ мѣстоименіяхъ, мы должны объясниться немного съ читателемъ, такъ какъ слова *кто—который* (въ примѣрахъ, о которыхъ мы говоримъ въ текстѣ), а слѣдовательно и соотвѣтствующее имъ въ этихъ случаяхъ слово ἵς, тоже можно бы принять до нѣкоторой степени за неопредѣленныя мѣстоименія. Мы разумѣемъ подъ неопредѣленными мѣстоименіями тѣ близкія къ разбираемымъ нами случаямъ слова, которыя могутъ встрѣчаться только въ *главныхъ* предложеніяхъ, а въ придаточныхъ требуютъ союза (если кто—εἴ τις), наше же ὅς чувствуется словомъ *придаточныхъ* предложеній, само исполняя при этомъ роль союза. Стоитъ только обратить вниманіе на русское *такъ*, вставляемое въ относящіяся сюда выраженія, чтобы убѣдиться въ справедливости послѣднихъ нашихъ словъ (сравни пословицу: кому—такъ чинъ, а кому—такъ блинъ; слово *кому* чувствуется представителемъ неполнаго придаточнаго предложенія, а слова *такъ чинъ* представляютъ собою неполное главное предложеніе; точно также мы смотримъ на предложенія съ оборотами ὅς μέν, ὅς δέ).

[74]) Въ словѣ ὅστις, встрѣчающемся часто въ этихъ примѣрахъ вмѣсто ὅς, элементъ неопредѣленности усиленъ присоединеніемъ къ слову ὅς слова τις.

Од. 4. 98. καὶ ἀπώλεσα οἶκον
εὖ μάλα ναιετάοντα, κεχανδότα πολλὰ καὶ ἐσθλά.
ὧν ὄφελον τριτάτην περ ἔχων ἐν δώμασι μοῖραν
ναίειν, οἱ δ' ἄνδρες σόοι ἔμμεναι, οἳ τότ' ὄλοντο
Τροίῃ ἐν εὐρείῃ, ἑκὰς Ἄργεος ἱπποβότοιο.

Од. 3. 185. Несторъ говоритъ Телемаху, пришедшему къ нему за вѣстью объ отцѣ, такъ:

ὣς ἦλθον, φίλε τέκνον, ἀπευθής, οὐδέ τι οἶδα
κείνων, οἵ τ' ἐσάωθεν Ἀχαιῶν οἵ τ' ἀπόλοντο.

Вмѣсто того, чтобы разбирать этотъ рядъ примѣровъ въ отдѣльности, мы сопоставимъ ее съ 3-ею группой, исчерпывающею собою уже весь матерьалъ, относящійся къ опредѣленію значенія слова ὅς. Въ послѣднюю группу мы поставимъ вотъ какіе примѣры:

Од. 1. 286. πρῶτα μὲν ἐς Πύλον ἐλθὲ καὶ εἴρεο Νέστορα δῖον,
κεῖθεν δὲ Σπάρτηνδε παρὰ ξανθὸν Μενέλαον·
ὃς γὰρ δεύτατος ἦλθεν Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων.

(Что здѣсь ὅς поставлено вмѣсто ὁ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ это послѣднее употреблено въ примѣрахъ, подведенныхъ нами подъ I. 2. этой части, это не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій).

Од. 24. 190. ὣς ἡμεῖς, Ἀγάμεμνον, ἀπωλόμεθ', ὧν ἔτι καὶ νῦν
σώματ' ἀκηδέα κεῖται ἐνὶ μεγάροις Ὀδυσῆος·
οὐ γάρ πω ἴσασι φίλοι κατὰ δώμαθ' ἑκάστου,
οἵ κ' ἀπονίψαντες μέλανα βρότον ἐξ ὠτειλέων
κατθέμενοι γοάοιεν. ὃ γὰρ γέρας ἐστὶ θανόντων.

(Постановку слова τό, которую мы, можетъ быть, ожидали бы въ этомъ примѣрѣ по сходству его съ примѣрами, приведенными на стр. 79, не позволяютъ метрическія правила).

Геродотъ VII. 18. Ταῦτά τε δὴ ἐδόκεε Ἀρτάβανος τὸ ὄνειρον ἀπειλέειν καὶ θερμοῖσι σιδηρίοισι ἐκκαίειν αὐτοῦ μέλλειν τοὺς ὀφθαλμούς. καὶ ὃς ἀμβώσας μέγα ἀναθρώσκει καὶ παριζόμενος Ξέρξῃ, ὡς τὴν ὄψιν οἱ τοῦ ἐνυπνίου διεξῆλθε ἀπηγεόμενος, δεύτερά οἱ λέγει τάδε.

(Гомеръ употребилъ бы здѣсь вмѣсто καὶ ὅς оборотъ ὁ δέ; примѣръ этотъ по вопросу объ ὁ, имѣетъ сходство съ примѣрами, приведенными нами на стр. 90).

Разница между значеніями слова ὅς въ послѣдней и предпослѣдней группахъ примѣровъ очевидна. Въ предпослѣдней группѣ мы черезъ предложеніе, введенное словомъ ὅς, только *знакомимся* съ предметомъ, и такое ознакомленіе

составляетъ исключительную цѣль этого предложенія[75]), въ послѣдней же группѣ мы съ предметомъ познакомлены помимо такого предложенія, а слово ὅς захватываетъ только (также какъ и ὁ въ примѣрахъ, приведенныхъ въ III ч. подъ 1. 2) *извѣстный* уже намъ предметъ, для того чтобы можно было о немъ въ введенномъ этимъ словомъ предложеніи высказать опять что нибудь новое.

Значенія слова ὅς нами исчерпаны. Если корень этого слова, какъ утверждаетъ сравнительная грамматика, есть дѣйствительно ja [76]), то при симазіологическомъ опредѣленіи его нужно не упускать изъ виду значенія, развившагося и въ другомъ мѣстоименіи, происходящемъ отъ того же корня ja, именно значенія греческаго μίν (лат. is; сравни выноску 44 стр. 61).

Спрашивается: какъ нужно смотрѣть на всѣ вышеуказанныя значенія, чтобы ихъ возможно было привести къ одному симазіологическому знаменателю? Что греческое μίν не должно принимать за анафорическое, это разъяснено читателю выше. Точно также и личнаго мѣстоименія въ словѣ μίν не слѣдуетъ усматривать: корень ja, какъ видно изъ слова ὅς (см.

Од. 2. 41: Ὦ γέρον, οὐχ ἕκας οὗτος ἀνήρ, τάχα δ' εἴσεαι αὐτός,
ὃς λαὸν ἤγειρα· μάλιστα δέ μ' ἄγγος ἱκάνει)

есть общій всѣмъ лицамъ, тогда какъ *личное* мѣстоименіе должно бы имѣть корень, принадлежащій исключительно одному лицу (такъ же мы судимъ объ

---

[75]) Это и есть тѣ примѣры, которые мы имѣли въ виду на стр. 83-ей въ 1-ой строкѣ. Въ нихъ, на равнѣ съ примѣрами, приреденными нами въ 3-ей ч. I. 2, предметъ, съ которымъ мы познакомились въ относительномя предложеніи, *анафоруется* въ предложеніи синтаксически высшемъ. Въ нашихъ примѣрахъ приходилось анафоровать этотъ предметъ *пролептически*; что и *эпаналептическая* анафора здѣсь возможна, это не требуетъ ни какихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Анафорующее мѣстоименіе могло въ нихъ не только соединяться съ *именемъ* (часто въ подобныхъ случаяхъ, у Гомера, слово ставится *послѣ* имени; сравни: πόλιν τήν, ὅθι въ Ил. 4. 41 и др.), но могло быть *вполнѣ замѣнено* именемъ (сравни 62 выноску); бываютъ здѣсь даже и такіе случаи, что и анафорующее мѣстоименіе и то, что его замѣняетъ, *совсѣмъ* пропускается (εἴσομαι χάριν, ἀνθ' ὧν ἔπαθον.

[76]) Съ этимологизированіемъ слова ὅς, переданнымъ намъ древними и приводящимъ это слово въ столь близкое отношеніе къ ὁ, согласиться, конечно, нельзя (Аполлоній περὶ συντ. 49. 21 говоритъ, что форма ὁ потеряла въ началѣ букву τ, а въ концѣ букву ς. Это ς, продолжаетъ Аполлоній, осталось только въ ἄρθρον ὑποτακτικόν, т. е. въ словѣ ὅς. На стр. 109. 20 тотъ же ученый утверждаетъ, что οὗτος происходитъ отъ ὅς. Изъ этихъ двухъ замѣчаній Аполлонія можно заключить, что древними считались слова ὅς и ὁ за слова одного корня). Мы удивляемся, что нѣкоторые изъ новыхъ грамматиковъ повторяютъ такое ученіе за древними (Тиршъ: Gramm. der gr. Spr. Leipzig 1855, стр. 297, говоритъ, что ὁ есть собственно ὅς безъ букви ς—eigentlich ὅς ohne ς, а Бернгарди: Wissensch. Synt. стр. 305 называетъ ὅς полною формою, а ὁ укороченною?—herabgesunken). Сравнительная грамматика, вопреки заявленіямъ Боппа (Vergl. Gr. III § 382), Бенфея (Wurzell. II, 400), указавшихъ и въ другихъ греческихъ словахъ на замѣну первоначальнаго j густымъ придыханіемъ, немного колебалась сопоставить греческое ὅς съ санскритскимъ jas, jâ, jád и принимать ja за общій для обоихъ этихъ словъ корень; колебаніе это вызвано было открытіемъ локрійской надписи, представляю-

αὐτός на стр. 26)[77]). Вотъ все, что мы и можемъ принять въ соображеніе при *симозіологическомъ объединеніи слова* μίν *съ словомъ* ὅς. Перейдемъ теперь къ ὅς. Уже Виндишъ замѣтилъ (стр. 211), что оно не доходитъ никогда до чисто вопросительнаго значенія. Что онъ говоритъ о неупотребленіи его въ придаточныхъ предложеніяхъ послѣ глаголовъ, обозначающихъ вопросъ, это, положимъ, не вѣрно[78]); но самое исключеніе его изъ области прямаго вопроса, упомянутое нами въ 73 выноскѣ, уже достаточно показываетъ на невозможность считать его вопросительнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ: въ примѣрахъ въ родѣ Ил. 2. 367

(εἰ δέ κεν ὧς ἔρξῃς καί τοι πείθωνται Ἀχαιοί,
γνώσῃ ἔπειθ' ὅς θ' ἡγεμόνων κακὸς ὅς τέ νυ λαῶν
ἠδ' ὅς κ' ἐσθλὸς ἔῃσι· κατὰ σφέας γὰρ μαχέονται),

или даже приведеннаго нами въ 78 выноскѣ выраженія «ὅτι ποιῶ», всегда можно если не ставить, то, по крайней мѣрѣ, подразумѣвать пролептически или эпаналептически анафорическое слово (смыслъ фразы «ὅτι ποιῶ» можно передать словами: что я дѣлаю, объ *этомъ* ты спрашиваешь?). Потому то мы и не выставляли подобные примѣры особенною группою; они принадлежатъ подъ одну категорію съ примѣрами Од. 6. 158, 8. 209, 10. 74 и т. дал. (см. стр. 119). На вопросъ, *ведетъ* ли собственно такое ὅς къ предмету, можно-ли его (ὅς) считать однимъ изъ средствъ рѣчи, указанныхъ нами на стр. 14, [79]) мы отвѣтимъ отрицательно; не оно ведетъ къ предмету, а то слово, на которое оно синтаксичаски опирается, высказано ли это послѣднее, или нужно его *подразумѣвать. Слово же* ὅς *служитъ только сред-*

щей ὅτι съ дигаммою (Ϝοτι; привелъ эту надпись въ извѣстность Россъ), и усматриваніемъ въ словѣ ὅς значенія вопросительнаго мѣстоименія. Но что упомянутая локрійская надпись не можетъ имѣть никакого значенія при рѣшеніи вопроса объ этимологическомъ производствѣ слова ὅς, это доказалъ Виндишъ въ такъ часто приводимомъ нами сочиненіи (стр. 212 и слѣд.); а что и его симазіологическая сторона не препятствуетъ возведенію слова ὅς къ началу ja, это видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

[77]) Слово οὗ, οἷ, ἕ, положимъ, появилось общимъ для всѣхъ лицъ словомъ какъ *личное мѣстоименіе*, но тутъ дѣйствовала причина (спеціализированіе слова οὗ вслѣдствіе вторженія въ его роль слова αὐτός и μίν), какой при корнѣ *ja* прослѣдить нельзя.

[78]) Стоитъ только припомнить примѣры въ родѣ «τί γὰρ ποιεῖς; ὅτι ποιῶ» (Аристофанъ Ватр. 189; слова «τί ποιεῖς» говоритъ тамъ Харонъ, слова „ὅτι ποιῶ" Діонисъ;—сравни еще Платона Εὐθύφρων 2. и др.), чтобы убѣдиться въ неточности замѣчанія Виндиша: въ приведенномъ нами примѣрѣ зависитъ предложеніе хотя не отъ высказаннаго, но, по крайней мѣрѣ, отъ подразумѣваемаго ἐρωτᾷς (ты спрашиваешь, что я дѣлаю?—а вотъ что я дѣлаю...); что здѣсь употреблено ὅτι, а не простое ὅ, это не мѣшаетъ намъ принять такіе примѣры въ область употребленія слова ὅς (ср. приведенный на 119 стр. примѣръ Од. 8. 209 и относящуюся къ нему выноску).

[79]) ἀναφορικόν можно бы слово ὅς назвать на столько, насколько оно *въ соединеніи съ своимъ сказуемымъ* заставляетъ насъ припоминать о предметахъ (какъ ὁ съ именемъ,

ствомъ вызова въ мышленіи такого синтаксически согласующагося съ нимъ слова, *помагая при этомъ языку въ его стремленіи соблюсти синтаксическіе законы предложенія* [79]).

Послѣднее наше положеніе, видно, примѣнимо и къ ὅς, появляющемуся въ примѣрахъ нашей 3-й группы (см. Од. 1. 286 и т. д. на стр. 120) [80]), и вообще объединяетъ всѣ вышеозначенныя значенія, развившіяся изъ корня *ja* [81]).

такъ здѣсь ὅς съ сказуемымъ имѣютъ цѣль намекать намъ на извѣстное; вотъ и причина, которая побудила Аполлонія назвать ὅς ἄρθρον ὑποτακτικόν); но въ такомъ случаѣ появленіе сказуемаго должно бы всегда быть необходимымъ уже условіемъ *гипотактическаго* ἀναφορικόν, тогда какъ ὅς нашей 3-й группы, равно какъ и μίν, образованное тоже отъ ja, этому условію не подвергаются.

[79]) Желая выразить понятіе напр. *несправедливо поступающій* формою сказуемаго, грекъ нуждался въ подлежащемъ для этого сказуемаго; настоящее же подлежащее, какъ слово, обозначающее предметъ, о которомъ высказывается сужденіе, нужно было поставить *въ другомъ* предложеніи, въ которомъ онъ на дѣлѣ и *высказывалъ* сужденіе о несправедливо поступающемъ; а потому онъ и употребилъ въ упомянутомъ *вспомагательномъ*, такъ сказать, предложеніи такое слово, которое заставило бы при произношеніи этого вспомогательнаго предложенія имѣть въ виду *настоящее* подлежащее *втораго* предложенія. Вотъ, какъ мы понимаемъ предложеніе ὅστις ἂν ἀδικῇ, ἐκεῖνος ἀπεχθάνεται (настоящее подлежащее могло быть мѣстоимѣніе, анафорующее то, что высказано въ вспомагательномъ предложеніи); ὅς, такимъ образомъ, чувствовалось мѣстоимѣніемъ *придаточныхъ* предложеній (слыша его, слушатель не могъ не искать къ нему другаго предложенія). Такое толкованіе этого ὅς ни чуть не противорѣчитъ толкованію слова ὅς въ оборотѣ ὅς μὲν—ὅς δὲ, *представленному* нами въ 73 выноскѣ.—Другимъ путемъ, въ сравненіи съ греческимъ, направился въ нашихъ случаяхъ латинскій языкъ. *Онъ* прибѣгъ въ нихъ къ вопросительнымъ словамъ, сводящимся къ корню kwa; онъ вызывалъ у слушателя черезъ *спрашиваніе* представленіе того предмета, о которомъ хотѣлъ высказать сужденіе (кто поступаетъ несправедливо? спрашивалъ римлянинъ и, получивъ на это отвѣтъ въ представленіи слушателя, или другими словами, вызвавъ у слушателя представленіе, если не историческаго то, по крайней мѣрѣ, воображаемаго лица, высказывалъ потомъ объ этомъ лицѣ сужденіе). Славянскіе языки, какъ извѣстно, располагаютъ въ такихъ случаяхъ и тѣмъ и другимъ средствомъ (рядомъ съ *кто*, *который*, встрѣчается *иже)*.

[80]) Ὅς чувствуется въ предложеніяхъ 3-й группы словомъ главнаго предложенія; но этого причина не есть какое нибудь другое значеніе самаго слова ὅς въ сравненіи съ объясненнымъ въ текстѣ, а другой характеръ отношенія предложенія съ ὅς къ предложенію, заключающему въ себѣ то слово, на которое ὅς опирается (о другомъ характерѣ отношенія между означенными предложеніями ср. сказанное нами на стр. 121 строка 3). Эти то примѣры и дали поводъ нѣкоторымъ принимать ὅς за „демонстративное", точно также, какъ примѣры нашей второй группы были причиною принятія слова ὅς за первоначальное interrogativum (см. Philologus XXVII. Jahrberichte стр. 500—рефератъ Генца).

[81]) При нашемъ взглядѣ на симазіологію корня ja получаетъ еще больше силы сказанное нами въ 41 выноскѣ о симазіологической близости слова μίν съ αὐτός identitatis (и αὐτός не ведетъ прямо къ предмету; объ этомъ сравни прежде всего 42 выноску). Что слово μίν принадлежатъ исключительно 3-му лицу, это понятно изъ того же сопоставленія.

Сопоставляя ὅς съ словомъ ὁ, мы должны указать на способность слова ὁ замѣнять собою слово ὅς во *всѣхъ* его трехъ группахъ. По отношенію къ первой и 3-й группамъ мы о такой замѣнѣ уже говорили (и указали вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько такое ὁ примыкаетъ къ другимъ своимъ значеніямъ, несоприкасающимся уже вовсе съ словомъ ὅς); что и во второй группѣ такая замѣна возможна, это становится яснымъ въ примѣрѣ:

Од. 14. 227. (αὐτὰρ ἐμοὶ τὰ φίλ' ἔσκε, τά που θεὸς ἐν φρεσὶ θῆκεν). и т. д. (Въ Од. 14 226 и ему подобныхъ не уклоняется ни то, ни другое ὁ отъ своего обыкновеннаго значенія: они анафоруютъ другъ друга—одно пролептически, а другое эпаналептически).

III 1.

Сказаннымъ нами въ эскурсѣ исчерпана вся задача сопоставленія слова ὅς съ словомъ ὁ. Но примѣры, выставленные тамъ на употребленіе слова ὅς, не теряютъ для насъ значенія и при дальнѣйшемъ разборѣ исключительно только одного ὁ.

Мы говорили до сихъ поръ *о самостоятельномъ* употребленіи слова ὁ, о значеніи его какъ фактора при пресдтавленіи предмета черезъ *синтаксическое цѣлое*, а также при предсѣавленіи его черезъ *одно nomen*. Между послѣднимъ и преднослѣднимъ его употребленіемъ находится употребленіе его какъ фактора при представленіи предмета посредствомъ nomen въ соединеніи съ грамматическимъ опредѣленіемъ. Грамматическое опредѣленіе играетъ въ рѣчи такую же роль, какъ вышеобъясненныя 2-я и з-я группы относительныхъ предложеній, а потому, объясняя ὁ при первомъ, мы будемъ имѣть возможность сопоставлять его съ послѣдними.

На стр. 109 можно замѣтить, что цѣлымъ предложеніемъ, введеннымъ словомъ ὅς, говорящій или можетъ указывать на опредѣлившійся кружокъ предметовъ, случайно попавшихъ уже подъ ту примѣту, на которую указывается сказуемымъ придаточнаго предложенія (см. приведенныя нами на ст. 119: Од. 5. 106, Од. 4. 98, Од. 2. 51, Од. 3. 185), или же имѣть въ виду только всевозможные случаи такого опредѣленія вышеупомянутаго кружка предметовъ въ будущемъ (смотри тамъ же од. 8. 209, 10. 74, Ил. 2. 62).

Говоря объ опредѣленіи предметовъ, мы допускаемъ, что они по вопросу объ индивидуальности ихъ могутъ быть неизвѣстны и тому и другому изъ собесѣдниковъ (Од. 3. 185), или могутъ быть извѣстны только говорящему, а не слушателю (такой случай можно допустить въ Од. 2. 51), или на оборотъ; но это не мѣшаетъ толковать говорящему о нихъ какъ такихъ, къ которымъ примѣта, высказанная въ относительномъ предложеніи или опредѣленіи, на дѣлѣ уже отнесена.

Въ другихъ же случаяхъ, когда говорящій въ относительномъ предложеніи или опредѣленіи указываетъ только на *возможность* появленія такихъ предметовъ, опять на оборотъ можно допустить, что говорящій при произношеніи опредѣленія или относительнаго предложенія имѣетъ какое нибудь извѣстное лицо въвиду (Ил. 2. 62), но въ тоже самое время онъ предполагаетъ, что кромѣ этого лица могутъ попасть подъ примѣту, высказанную имъ въ извѣстныхъ намъ выраженіяхъ, и другіе индивидуумы, и указываетъ по этому въ опредѣленіи и относительномъ предложеніи только на то, какіе должны быть индивидуумы (въ случаѣ если бы пришлось ихъ развѣдывать), чтобы могло быть отнесено къ нимъ то, что высказывается имъ въ главномъ сказуемомъ. Въ послѣднемъ случаѣ наше представленіе, могущее имѣть дѣло только съ *реальными* предметами, *должно воображать* какого нибудь реальнаго представителя этихъ индивидуумовъ. Такогопредставителя достаточно для нашего представленія только одного, а потому вътѣхъ случаяхъ, гдѣ не приходится указывать на то, что непремѣнно нѣсколько индивидуумовъ должно попасть подъ извѣстную намъ примѣту, эта примѣта выражается въ ед. числѣ (Од. 8. 209).

Сокращая придаточныя предложенія въ примѣрахъ нашей 2-ой группы, мы получаемъ слѣдующія фразы:

Изъ Од. 8. 209. ἄφρων δὴ καὶ οὐτιδανὸς πέλει ἀνὴρ ὁ ξεινοδόκῳ ἔριδα προσφερόμενος ἀέθλων δήμῳ ἐν ἀλλοδαπῷ.

Изъ Од. 10. 74. οὐ γάρ μοι θέμις ἐστὶ κομιζέμεν οὐδ᾽ ἀποπέμπεμεν ἄνδρα τὸν θεοῖσι ἀπεχθόμενον μακάρεσσι.

Изъ Од. 3. 185. ὣς ἦλθον φίλε τέκνον ἀπευθής οὐδέ τοι οἶδα τῶν τε σαωθέντων Ἀχαιῶν τῶν τε ἀπολομένων.

Изъ Од. 4. 98. καὶ ἀπώλεσα οἶκον εὖ μάλα ναιετάοντα, κεχανδότα πολλὰ καὶ ἐσθλά, ὧν ὤφελον τριτάτην περ ἔχων ἐν δώμασι μοῖραν ναίειν, ἄνδρες δὲ σόοι ἔμμεναι οἱ τότ᾽ ὀλόμενοι Τροίῃ ἐν εὐρείῃ ἑκὰς Ἄργεος ἱπποβότοιο и т. д.

Приводя эти примѣры, мы вовсе не хотѣли представлять читателю упражненіе въ сокращеніи придаточныхъ предложеній; наша цѣль была указать на слѣдующее:

1) Что мы здѣсь вообще поставили ὁ, это читатель не найдетъ противорѣчащимъ духу греческаго языка: въ Од. 3 185 и 4. 98 это ὁ есть историческое, а въ Од. 8. 209 и 10. 74 мы имъ подражаемъ примѣрамъ въ родѣ Плат. Πολιτ. 294. A: τὸ δ᾽ ἄριστον οὐ τοὺς νόμους ἐστὶν ἰσχύειν, ἀλλὰ ἄνδρα τὸν μετὰ φρονήσεως βασιλικόν.

2) *Постановка слова ὁ послѣ имени нарицательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ передъ его грамматическимъ опредѣленіемъ въ нашихъ сокращеніяхъ безспорно правильная.* Она и понятна при историческомъ ὁ: на вопросъ, что изъ оборота ἄνδρες οἱ τότ᾽ ὀλόμενοι больше заслуживаетъ быть названо историческимъ намекомъ, слово ли ἄνδρες или выраженіе τότ᾽ ὀλόμενοι, мы должны

отвѣчать указаніемъ на послѣднее. Слово ἄνδρες исполняетъ только, при отыскиваніи историческихъ лицъ, такую роль, какую играетъ для математика широкое геометрическое мѣсто при отыскиваніи особо еще обусловленныхъ точекъ.

3) Конечно, авторъ могъ выражаться напр. и такъ: Κῦρος ὁ νεώτερος ἔθανε ὑπὸ Ἀρταξέρξου, ὥσπερ δεδήλωται ἐν τῷ συγγράμματι τῷ Ἀνάβασις ἐπιγεγραμμένῳ. Выраженіе это отличается отъ приведенныхъ выше, по отношенію къ употребленію слова ὁ, тѣмъ, что въ немъ ὁ поставлено особо передъ именемъ, соотвѣтствующимъ упомянутымъ во 2-мъ пунктѣ слову ἄνδρες, и особо передъ его грамматическимъ опредѣленіемъ (при тождественности разстановки и этого имени и его опредѣленія съ разстановкою, встрѣчающеюся въ вышеприведенномъ мѣстѣ Пл. Пол. 294. А). Но и это имѣетъ свою причину: говорящій принималъ уже самое слово σύγγραμμα за намекъ для слушателя, а только въ *коррективномъ* смыслѣ, въ смыслѣ аппозиціи присовокупилъ еще новый намекъ къ прежнему, указывая при этомъ на извѣстную сторону предмета (которой, можетъ быть, слушателъ при словахъ τῷ συγγράμματι не могъ припомнить), чтобы быть лучше понятнымъ для слушателя. Не такъ вышло бы, если бы говорящій въ опредѣленіи не считалъ удобнымъ опираться на знаніе слушателя, а просто хотѣлъ сдѣлать отъ себя заявленіе о предметѣ съ цѣлью поучить слушателя. Слова „ἐν τῷ σργγάμματι, συγγεγραμμένῳ Θεμιστογένει" нужно уже отъ говорящаго принимать въ такомъ смыслѣ: въ извѣстномъ тебѣ, слушатель, сочиненіи, которое, ты прими къ свѣдѣнію, написано *Θемистогеномъ*. Если здѣсь *предшествуетъ* опредѣленіе имени существительному, тогда мы, конечно, не можемъ говорить напр. ἐν τῷ Ἀναβάσις ἐπιγεγραμμένῳ τῷ σύγγραμματι, а должны непремѣнно слово τῷ пропустить предъ словомъ συγγράμματι, такъ какъ послѣ произнесенія словъ τῷ Ἀναβάσις ἐπιγεγραμμένῳ слово σύγγραμμα не можетъ служить особымъ намекомъ для слушателя, а скорѣе въ соединеніи съ своимъ опредѣленіемъ составляетъ, какъ намекъ, одно непрерывно цѣлое. Иначе выйдетъ, если мы переставимъ вышеупомянутое выраженіе „ἐν τῷ σργγάμματι συγγεγραμμένῳ Θεμιστογένει". Тамъ мы должны уже сказать такъ: ἐν συγγεγραμμένῳ Θεμιστογένει τῷ συγγάμματι; причина такой разстановки этихъ словъ читателю будетъ уже ясна.—Вотъ какъ мы должны понимать извѣстное намъ ученіе грамматиковъ о „предкативномъ" и „аттрибутивномъ членѣ". На сопоставленіе всѣхъ этихъ опредѣленій (разобранныхъ въ нашемъ 3-мъ пунктѣ) съ относительными предложеніями 3-ей группы особо указывать не станемъ.—Не лишнимъ считаемъ указать здѣсь еще вотъ на что: Въ выраженіи „τὸ Ἀνάβασις ἐπιγεργαμμένον σύγγράμμα τὸ Ξενοφῶντι (или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, Θεμιστογένει; ср. Ἑλληνικά III. 1. 2) συγγεγραμμένον" опредѣленіе τὸ Ξενοφῶντι συγγεγραμένον можетъ опираться на знаніе слушателемъ не одного Анабазиса, а двухъ (т. е. Анабазиса Ксенофонта и Аріана), а тогда опредѣленіе должно вызвать въ слушателѣ *сопоставленіе*, и можетъ служить средствомъ для

предупрежденія слушателя не смѣшивать въ извѣстномъ контекстѣ одного съ другимъ.

4) Въ сокращеніяхъ изъ Од. 8.209 и 10.74 слово ὁ есть несомнѣнно раздѣлительное (сравни стр. 112, 8 и слѣд. строки). *Какой* рядъ предметовъ приходится дѣлить на нѣсколько сторонъ, на это въ нашихъ сокращеніяхъ *указано* (указано это въ опредѣляемомъ существительномъ) [82]). Указаніе это можетъ быть, впрочемъ, и пропущено, какъ легко подразумѣваемое (сравни выноску 75) [83]).

Примѣры, поставимъ здѣсь слѣдующіе [84]).

Ил. 23. 702: Πηλείδης δ' αἶψ' ἄλλα κατὰ τρίτα θῆκεν ἄεθλα,
δεικνύμενος Δαναοῖσι, παλαισμοσύνης ἀλεγεινῆς·
τῷ μὲν νικήσαντι μέγαν τρίποδ' ἐμπυριβήτην,
τὸν δὲ δυωδεκάβοιον ἐνὶ σφίσι τῖον 'Αχαιοί·

Ил. 8. 478. σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω
χωομένης, οὐδ' εἴ κε τὰ νείατα πείραθ' ἵκηαι
γαίης καὶ πόντοιο.

---

[82]) Изъ нашихъ словъ вытекаетъ, что языкъ, пользующійся съ послѣдовательностью такимъ раздѣлительнымъ ὁ при опредѣленіяхъ,—а это мы ожидаемъ отъ аттическаго языка,—будетъ всегда ставить ὁ, когда извѣстное genus предметовъ обозначено не чрезъ одно имя существительное, а черезъ имя существительное въ соединеніи съ опредѣленіемъ, такъ какъ послѣднее всегда въ этихъ случаяхъ присоединяется къ первому съ цѣлью *съузить* логическое его содержаніе (и указать на его одну часть). Но на дѣлѣ это не такъ: ἀγαθοὶ δαίμονες, въ значеніи генерическомъ, встрѣчается столь же часто въ аттидѣ, какъ и οἱ ἀγαθοὶ δαίμονες или δαίμονες οἱ ἀγαθοί (о возможности обѣихъ этихъ разстановокъ сравни стр. 126 строку 27). Мы, однако, на такое ἀγαθοὶ δαίμονες смотримъ совершенно иначе, чѣмъ на выраженіе съ ὁ: намъ кажется, что выраженіе ἀγαθοὶ δαίμονες перешло уже совершенно на почву сложныхъ существительныхъ (ἀγαθοδαίμων употребляется вмѣсто ἀγαθὸς δαίμων; сравни Аполлонія περὶ ἀντ. 26), не нуждающихся, какъ выраженій, состоящихъ изъ одного слова, ни въ какомъ ὁ. Съ другой стороны въ выраженіи οἱ ἀγαθοὶ δαίμονες, въ смыслѣ генерическомъ, не нужно *всегда* принимать οἱ за раздѣлительное: отправляясь отъ вышеупомянутой возможности постановки выраженія ἀγαθοὶ δαίμονες, мы къ нему можемъ приставить ὁ съ цѣлью, высказанною на 104 стр. въ 19 строкѣ.

[83]) Только пропускомъ опредѣляемаго слова мы себѣ объясняемъ появленіе слова ὁ при самостоятельныхъ прилагательныхъ и причастіяхъ (сравни напр. Од. 17. 218: ὡς αἰεὶ τὸν ὁμοῖον; Ил. 1. 106: αἰεὶ τὰ κάκ' ἐστὶ φίλα φρεσὶ μαντεύεσθαι; Ил. 10. 237: τὰ χερείονα νικᾷ и т. д.). Прилагательныя и причастія тѣмъ и стали прилагательными и причастіями, что чувствовались выраженіями *опредѣленія*; иначе они есть тѣ же *существительныя* и могутъ быть безъ ὁ, какъ другія названія generis.

[84]) Сюда мы подводимъ оборотъ ἐν τοῖς съ превосходною степенью: изъ мнѣній, высказанныхъ Бенгардимъ. въ „Wissensch' Synt." на стр. 311 (смотри нашего сочиненія стр. 97), мы предпочитаемъ то, по которому оборотъ напр. ἐν τοῖς χαλεπώτατα διῆγον объясняется фразою ἐν τοῖς χαλεπῶς διάγουσι χαλεπώτατα διῆγον. Сравни съ этимъ оборотомъ выраженіе ἐν τοῖς πελώριος", встрѣчающееся въ Ил. 5. 396, приведенномъ на стр. 130.

3. Ил. 8. 320. κάτθαν' ὁμῶς ὅ τ' ἀεργὸς ἀνὴρ ὅ τε πολλὰ ἐοργώς.

Чѣмъ эти примѣры отличаются другъ отъ друга, на это у читаеля будетъ отвѣтъ готовъ.

III. 2.

Въ уясненіи дальнѣйшаго развитія значенія слова ὁ подъ нами совершенно исчезаетъ почва, на которой мы до сихъ поръ стояли почти исключительно, именно почва, данная намъ Гомеромъ. На вопросъ, приходится ли въ аттической прозѣ имѣть дѣло съ другими оттѣнками значенія слово ὁ, чѣмъ которые нами уже объяснены, мы должны, на сколько намъ приходилось наблюдать за этимъ вопросомъ въ аттической прозѣ, отвѣтить почти отрицательно. Аттической языкъ, конечно, пользовался гораздо чаще тѣми значеніями слова ὁ, которыя нашему читателю уже извѣстны, а за тѣмъ развилъ еще только одну его симазіологическую сторону: *онъ употребляетъ ὁ при подлежащемъ.* Говоря о подлежащемъ, мы разумѣемъ, конечно, не грамматическое подлежащее, ставящееся въ именительномъ падежѣ, а предметъ, который подлежитъ въ каждомъ данномъ случаѣ обсужденію, предметъ, *данный* намъ (а если онъ *данъ*, то его можно *анафоровать*; мы видимъ, что и здѣсь слово ὁ сохраняетъ свою силу какъ ἀναφορικόν) для того, чтобы мы къ нему отыскали подходящее... *сказуемое* (опять не въ грамматическомъ смыслѣ). Такое подлежащее можетъ встрѣчаться въ разныхъ падежахъ. Русскій языкъ можетъ оттѣнить такое подлежащее отъ сказуемаго тѣмъ, что онъ сказуемое *интонируетъ* при чтеніи. Вслушаемся въ слѣдующія два предложенія (интонація чтенія показана удареніемъ, поставленнымъ надъ интонируемымъ словомъ): Смерть— это не есть наказа́ніе для людей, а перехо́дъ изъ худшей жи́зни въ лучшую;—въ смерти видятъ благодѣя́ніе. Въ обоихъ этихъ предложеніяхъ слово *смерть* переводится въ греческомъ языкѣ при посредствѣ слова ὁ, интонируемыя же слова, на сколько въ нихъ, какъ именно здѣсь, нѣтъ особаго повода употреблять ὁ съ другимъ какимъ нибудь оттѣнкомъ, чѣмъ который разбирается въ этомъ параграфѣ (т. е. съ какимъ нибудь изъ вышеразобранныхъ), пишется безъ ὁ.

Сюда мы подводимъ ὁ, употребляющееся столь часто въ родительномъ раздѣлительномъ (τῶν ἀνθρώπων οἱ μὲν... и т. д. Аполлоній περὶ συντ· стр. 35 говоритъ: Πᾶσα γενικὴ παντὸς ὀνόματος ἐπιμεριζομένη πάντως συνέχει τὸ ἄρθρον), а также и ὁ, встрѣчающееся *иногда* (сравни Крюгеръ § 50. 11. 22) при диктическихъ антонимiяхъ (τόδε τὸ δένδρον = *изъ деревъ* вотъ это) [85]).

---

[85]) Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ случаяхъ, гдѣ слова οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε употребляются *анафорически*. И въ этихъ случаяхъ встрѣтимъ вмѣстѣ съ словами ἐκεῖνος οὗτος и ὅδε слово ὁ, но это соединеніе можетъ быть уже явленіе тавтологіи (сравни 66 выноску). У Гомера

* * *

Мы хотѣли было теперь, по примѣру I-й главы этой части, сообщить разультаты«, отысканные нашими шестью грамматиками о »собственномъ членѣ. Но предполагая, что они читателю извѣстны, мы отказываемся отъ этого намѣренія, тѣмъ болѣе что при той неопредѣленности гипотезиса, отъ котораго они выходятъ при разсматриваніи всего ὁ вообще, исполненіе этого намѣренія повело бы насъ къ слишкомъ непроизводительной полемикѣ. Мы свой гипотезисъ (сравни стр. 74, 25 строку) для разсматриванія слова ὁ, на сколько умѣли, опредѣлили, а дѣйствительное употребленіе этого слова мы находимъ совершенно соотвѣтствующимъ выходящимъ изъ этого гипотезиса тезисамъ. Тезисы эти нами были въ каждомъ отдѣльномъ параграфѣ разъясняемы, а итоги имъ подведены на стр. 112-ой.

Задача наша окончена. Читатель найдетъ у насъ отвѣты на *всѣ* вопросы, выставленые нами въ первой части; только одно небольшое примѣчаніе мы должны еще здѣсь помѣстить (сравни стр. 45, 6 строку), это именно:

Примѣчаніе.

объ ὁ αὐτός и отношеніи его къ αὐτός.

На пути, по которому мы уже разъ пошли при опредѣленіи значеній обоихъ факторовъ нашего оборота, т. е. словъ ὁ и αὐτός, одинъ только взглядъ изъ существующихъ теперь идетъ намъ *на встрѣчу*, взглядъ, впрочемъ, принадлежащій *не новымъ* грамматикамъ, а тому же Аполлонію Дисколу. Правило его (περὶ συντ. 59) слѣдующее: ἔγκειται μὲν ἐν τῇ αὐτός ἡ ἀναφορά· ὁπήνικα δ' ἑτέρα προσγίνεται, τὸ ἐγκείμενον τῆς ἀναφορᾶς ἐν τῇ αὐτός συμπαραλαμβάνεται διὰ τοῦ ὁ ἄρθρου, δηλοῦντος καὶ αὐτοῦ ἀναφοράν, καὶ οὕτω δίς ἀναφέρεται.

И такъ Аполлоній видитъ въ оборотѣ ὁ αὐτός двѣ анафоры, или обозначеніе *одного и того же—двумя средствами*. Онъ сравниваетъ его въ этомъ отношеніи съ оборотомъ ῥηΐτεροι μᾶλλον, гдѣ другой разъ указано—де словомъ μᾶλλον на то же, что одинъ разъ уже выражено было окончаніемъ τέρος. Въ исправленіе ученія Аполлонія, мы можемъ, на основаніи всего, объясненнаго нами объ ὁ и αὐτός, сказать слѣдующее:

не встрѣчается ὁ ни въ случаяхъ, упомянутыхъ въ текстѣ, ни въ случаяхъ, упомянутыхъ въ выноскѣ: выраженія »κεῖνον τὸν κάμμορον» (Од. 2. 351) и „τοῦτον τον ἄναλτον“ (Од. 18. 114.) принадлежатъ къ явленіямъ, розобраннымъ на стр. 126 (въ 14 строкѣ), а выраженіе „αἱ κύνες αἶδε“ (Од. 19, 372) есть соединеніе субституціи съ диксисомъ какъ аппозиціею.

1) Въ оборотѣ ὁ αὐτός слово αὐτός можетъ принадлежать только къ слову ὁ, а не къ слову, которое соединяется синтаксически съ оборотомъ ὁ αὐτός. Въ самомъ дѣлѣ: если бы на пр. изъ словъ ὁ, αὐτός, οἶκος нужно было составить такое выраженіе, въ которомъ αὐτός должно бы принадлежать къ слову οἶκος, или скорѣе къ выраженію ὁ οἶκος, то въ такомъ случаѣ пришлось бы свести разстановку словъ къ выраженіямъ: αὐτός ὁ οἶκος, или ὁ οἶκος αὐτός. Разстановка, которая при существительномъ оказывается единственно возможною, установилась и тамъ, гдѣ существительное отсутствуетъ: говорятъ всегда τὰ αὐτά и τὸ αὐτό, а не αὐτὰ τά или αὐτὸ τό.

2) Ἀὐτός вошло въ оборотъ ὁ αὐτὸς съ значеніемъ не *первоначальнымъ*, а съ однимъ изъ оттѣнковъ, вычисленныхъ нами въ первой главѣ второй части; это αὐτός есть сильное αὐτός identitatis. Ὁ, встрѣчающееся въ этомъ оборотѣ, анафоруетъ предметъ, удаленный по времени, измѣряемому ходомъ разсказа; оно можетъ быть и пролептическое и эпаналептическое; экстенсивная сила послѣдняго бываетъ при этомъ оборотѣ очень слаба. Такимъ образомъ, употребляя въ рѣчи оборотъ ὁ αὐτός, мы указываемъ слушателю на то, что *предметъ*, *упомянутый за предѣлами синтаксическаго цѣлаго*, *вмѣщающаго въ себѣ этотъ оборотъ* (все это высказано въ словѣ ὁ), *остается* (это высказано въ словѣ αὐτός) такимъ факторомъ этого же синтаксическаго цѣлаго, какимъ онъ былъ въ томъ синтаксическомъ цѣломъ, изъ котораго онъ анафорируется. Переводить оборотъ ὁ αὐτός мы будемъ правильно черезъ *тотъ* (ὁ)—*же* (αὐτός). На сколько *же* способно соотвѣтствовать греческому αὐτός, мы видимъ изъ симазіологическаго сопоставленія частицы δή—а δή соотвѣтствуетъ значенію слово же—съ корнемъ *awa*, указаннаго на стр. 56. Все сказанное въ этомъ пунктѣ можно провѣрить на слѣд. *двухъ* примѣрахъ:

Ил. 5. 396. τλῆ Ἥρη, ὅτε μιν κρατερὸς παῖς Ἀμφιτρύωνος
δεξιτερὸν κατὰ μαζὸν ὀιστῷ τριγλώχινι
βεβλήκει· τότε καί μιν ἀνήκεστον λάβεν ἄλγος·
τλῆ δ' Ἀίδης ἐν τοῖσι πελώριος ὠκὺν ὀιστόν,
εὖτέ μιν ὡὐτὸς [86]) ἀνήρ, υἱὸς Διὸς αἰγιόχοιο,
ἐν Πύλῳ ἐν νεκύεσσι βαλὼν ὀδύνησιν ἔδωκεν.

Од. 7. 55. Ἀρήτη δ' ὄνομ' ἐστὶν ἐπώνυμον, ἐκ δὲ τοκήων
τῶν αὐτῶν, οἵπερ τέκον Ἀλκίνοον βασιλῆα.

Читателю извѣстно указаніе грамматиковъ, что Гомеръ употребляетъ вмѣсто ὁ αὐτός простое αὐτός. Указаніе это относится къ шести мѣстамъ: Ил. 12. 225 и 23. 480; Од. 21. 366, 8. 107, 10. 263, и 16. 138. (см. Lexicon Hom. ed. Ebeling). Чтобы коснуться этого указанія, мы поставимъ себѣ об-

[86]) Можетъ быть, лучше писать ὁ αὐτός и читать синицезизомъ; сравни 70 выноску.

щій вопросъ: на сколько ὁ αὐτός *могло* быть замѣнено простымъ словомъ ὁ и на сколько простымъ αὐτός?—

Отвѣтимъ прежде на первую часть этого вопроса. Разница между ὁ и ὁ αὐτός можетъ состоять лишь въ томъ, что ὁ прежде всего заставляетъ насъ *отыскивать только* предметъ въ другомъ мѣстѣ текста, а ὁ αὐτός съ выразительностью указываетъ на повторяемость появленія одного и того же предмета какъ фактора двухъ разныхъ логическихъ сужденій, какъ того, выраженіемъ котораго служитъ текстъ, вмѣщающій въ себѣ оборотъ ὁ αὐτός, такъ и сужденія, выраженнаго въ текстѣ, изъ котораго анафоруется предметъ. Вотъ что кажется намъ удобнымъ предложить читателю для провѣрки этихъ нашихъ словъ. Говорятъ на пр. такъ: Κρίτων πάντα ἐδίδου Σωκράτει πρὸς τὴν χρείαν· ἐπεὶ δὲ ὁ φιλόσοφος ἔφευγε, πολλὰ ἔπραττε ὁ αὐτὸς μαθητής, ὅπως σώσει τὸν διδάσκαλον. Поставимъ вмѣсто ὁ αὐτὸς μαθητής просто ὁ μαθητής и обобщимъ схематически какъ примѣръ съ ὁ αὐτὸς μαθητής, такъ и примѣръ съ ὁ μαθητής. Схематическое обобщеніе послѣдняго будетъ слѣдующее: А (т. е. дѣйствіе πολλὰ πράττειν) имѣетъ извѣстное отношеніе къ В (т. е. μαθητής), вмѣсто же В (μαθητής) можно поставить С (Κρίτων). Совсѣмъ другимъ оказывается схематическое обобщеніе перваго примѣра. Тамъ говорится такъ: В, или же одинаковое съ нимъ С (Κρίτων или μαθητής), имѣетъ отношеніе не только къ А (πολλὰ πράττειν), но и къ D (πάντα διδόναι πρὸς χρεῖαν); ὁ μαθητής, какъ особый видъ анафоры, вызываетъ на простую субституцію, а ὁ αὐτὸς μαθητής на сопоставленіе двухъ разныхъ логическихъ сужденій [87]).

Разница, выставленная нами между ὁ μαθητής и ὁ αὐτός μαθητής, если она только вѣрно подмѣчена, важна конечно сама по себѣ, какъ уясненіе двухъ оборотовъ, сосѣднихъ въ классификацій явленій языка, но не такъ чувствуется иногда ея значеніе въ *результатахъ*, достигаемыхъ въ рѣчи первымъ и вторымъ оборотомъ. Простая субституція (сравни страницу 106 строку 4) не рѣдко ведетъ насъ къ *повторенію* въ нашемъ мышленіи логическаго сужденія, высказаннаго о предметѣ въ томъ текстѣ, изъ котораго анафоруется (сравни стр. 104, 8 строку снизу) предметъ. Такимъ образомъ результаты, достигаемые въ рѣчи оборотомъ ὁ ματηθής и ὁ αὐτός ματηθής отстоятъ другъ отъ друга на столько, на сколько отстоитъ одновременное мышленіе двухъ разныхъ логическихъ сужденій отъ логическаго ихъ сопоставленія. Послѣднее (сопоставленіе) очень важно (а тогда ὁ αὐτός не заменимо простымъ ὁ), когда два исторически *совершенно* разнородныхъ (смотри приведенный нами примѣръ Ил. 5. 396), или даже противорѣчащихъ другъ

---

[87]) Сказанное нами до сихъ поръ во второмъ пунктѣ уясняетъ и пополняетъ конецъ 37 выноски.

другу (προύδωκε τὴν πατρίδα ὁ αὐτὸς ἀνήρ, ὅς αὐτὴν πρότερον ἐφίλει) дѣйствія *отнесены*, *противъ всякаго предположенія*, къ одному и тому же лицу.

Переходимъ къ отвѣту на вторую половину поставленнаго выше вопроса. Сравнивъ все, сказанное нами выше по поводу первой половины нашего вопроса, съ тѣмъ, что сказано на стр. 43 (19 строка) о сильномъ αὐτός identitatis, мы можемъ отвѣтить на вторую половину нашего вопроса кратко: возможность замѣны цѣлаго оборота ὁ αὐτός зависитъ отъ уничтоженія необходимости *анафоровать* предметъ, на который указываемъ какъ на относящійся къ двумъ разнымъ сужденіямъ; дѣйствительно, уничтоживъ необходимость анафоры, мы совсѣмъ переходимъ на почву примѣровъ, приведенныхъ нами на стр. 43 подъ αὐτός identitatis.

Только уничтоженіемъ необходимости производить анафору мы объясняемъ себѣ пока два изъ шести вышеуказанныхъ гомерическихъ мѣстъ, именно Ил. 23. 480 и Од. 8. 108.
Въ первомъ изъ нихъ читаемъ:

ἵπποι δ' αὐταὶ ἔασι παροίτεραι, αἵ τὸ πάρος περ,
Εὐμήλου·

второе изъ нихъ слѣдующее:

ἦρχε δε τῷ αὐτὴν ὁδόν, ἥνπερ οἱ ἄλλοι
Φαιήκων οἱ ἄριστοι.

Мы видимъ, что постановка слова ὁ, при которой наше αὐτός перемѣнилось бы въ оборотъ ὁ αὐτός, оправдывалась бы только пролептическимъ анафорированіемъ относительнаго предложенія; но что въ подобныхъ случаяхъ можно обойдтись и безъ ὁ, на это мы указали на стр. 121.

Аттическій языкъ поставилъ бы тутъ, конечно, ὁ αὐτός (а можетъ быть мѣста, о которыхъ мы говорили на стр. 47, въ 4 и слѣд. строкахъ, надобно считать *одинаковыми* съ приведенными здѣсь 2-мя примѣрами изъ Гомера), потому что онъ любитъ въ большей степени, чѣмъ Гомеръ, пролептически анафоровать черезъ ὁ относительныя предложенія. Мало того: онъ анафоруетъ и тѣ обороты, которые произошли изъ *сокращенія* относительныхъ предложеній (говоритъ напр. τὸ αὐτὸ ἔχω σοί вмѣсто τὸ αὐτὸ ἔχω, ὅπερ καὶ σύ), а также я тѣ, въ которыхъ всѣ слѣды относительнаго предложенія пропали (εἰσέβαλον εἰς τὴν πόλιν, καὶ νικηθέντες απεχώρησαν τὴν αὐτὴν ὁδόν), тогда какъ Гомеръ, отправляясь отъ возможности *не* анафоровать относительныя предложенія, не ставитъ анафоры и тамъ, гдѣ относительныхъ предложеній вовсе нѣтъ. Послѣднимъ мы объясняемъ остальныя гомеровскія мѣста, на которыя указано нашими грамматиками какъ на употребляющія αὐτός вм. ὁ αὐτός. Мѣста эти суть:

Ил. 12. 225: οὐ κόσμῳ παρὰ ναῦφιν ἐλεύσομεθ' αὐτὰ κέλευθα.

Од. 10. 263: τὸν δ' ἄψ ἠνώγεα αὐτὴν ὁδὸν ἡγήσασθαί.

Од. 16. 138: ἢ καὶ Λαέρτῃ αὐτὴν ὁδὸν ἄγγελος ἔλθω.

Од. 21. 366: ὣς φάσαν, αὐτὰρ ὁ θῆκε φέρων

αὐτῇ ἐνὶ χώρῃ. (По русски переводятъ слова αὐτῇ ἐνὶ χώρῃ, совершенно согласно съ гомеровскимъ выраженіемъ, словами *на мѣстѣ же* а не *натомъ же мѣстѣ)*.

Опечатки:

I. Въ офиціальномъ отдѣлѣ.

	Напечатано: Классы должности	Разряды: По мундиру					Слѣдовало напечатать: Классы должности	Разряды: По мундиру
Экстраординарнымъ .	VI	VII	—	—	—	—	VI	VI
Наставникамъ . .	VIII	VII	—	—	—	—	VIII	VIII

страница.	строка.	напечатано:	слѣдовало напечатать:
63	снизу 12	профессоровъ;	профессоровъ:
64	„ 5	ходатайства	ходатайствовать
82	сверху 8	должность института тутской библіотеки	должность библіотекаря институтской библіотеки

II. Въ неофиціальномъ отдѣлѣ:

1. *Въ статьѣ г. Люперсольскаго.*

5	снизу 1	многихъ знатныхъ	многимъ знатнымъ
8	св. 18 (прим.)	σφίσ	σφισι
9	св. 2	Магаклъ	Мегаклъ
17	примѣч. 2	Bockh Stuatca	Bœckh Staatshaush.
20	сн. 2 (прим. 5)	möghichst	möglichst
25	св. 11	продставателями	представителями
33	сн. 7	поденьщими	поденьщики
34	св. 12	ошибастся	ошибается
40	сн. 4	отвѣчалъ ей не то	отвѣчалъ ей на то
43	св. 13	Аристафанъ	Аристофанъ
47	сн. 7	воввышенное	воввышенное
48	св. 4	высоту этого дѣла	высоту того дѣла.
64	св. 1	он	по

2. *Въ статьѣ г. Грота.*

89	св. 10	спстемъ	системъ
92	сн. 6	достнгнута	достигнута
93	сн. 9	оцѣкою	оцѣнкою
94	сн. 5	иредметовъ	предметовъ
95	сп. 2	(прим. 1) не достаетъ словъ:	ср. Этюды, стр. 17.
97	св. 13	χαυαρώτατον	χαθαρώτατον
99	сн. 10	францэссихъ	французскихъ

3. *Въ статьѣ г. Будиловича.*

Стран.	Строка	Напечатано.	Читай.
109	4	силъбъ	стлъбъ
110	13	свану ти	сванути
119	27	нѧти.	пѧти:
120	20	морфологическее	морфологическое
121	19	потверждается	подтверждается
127	33	тему	темъ
132	6	которые	которыя
133	23	(foras)	(foras),
139	12	побратимь	побратим
140	14	каиѣı	камѣı
146	24	отврьстъ	отъврьстъ
„	31	ꙗто	ꙗто.
149	24	зубнымъ	зубнымъ д.
150	7	молодежи	молодежи:
153	28	ъха;	ъха:
154	16	дроуг ици	дроугоици
160	7	протяжнныхъ	протяжныхъ
168	39	позволитетьно	позволительно
170	37	имперфиктъ	имперфектъ
173	36	неизсякаемымъ	неизсякаемымъ
176	20	звукосочетаніе	звукосочетанія
„	22	потвержденія	подтвержденія
177	3	т говъ	тоговъ
„	9	часто	чисто
„	25	ova	ava
187	1	нодежнаго	падежнаго
188	15	вьд вѣı	вьдовѣı
192	8	зам	ꙗм
193	24	памятникихъ	памятникахъ
195	15	влъкъи	влъкъи)
198	8	какъ какъ	какъ
197	13	и т.	и т. п.
202	12	мой	мой)

Въ приложеніи:

3	15	св.	опо отпосится	они относятся
10	11	„	Хоребоскъ	Херобоскъ
„	7	сн.	ῥήτατος	ῥήματος
17	16	„	Ἀφοροδίτη	Ἀφροδίτη
18	23	св.	αὐτός	ὁ
20	8	сн.	διόριζον	διορίζον
22	6	св.	praecipiis	praecipuis
22	7	„	distinquatur	distinguatur
25	14	„	οἰσόχε	εἰσόχε
„	18	„	ἔδοται	ἔδονται
34	10	сн.	нрава	право

Стран.	Строка		Напечатано.	Читай.
39	9	св.	ἐρεσσάσθω	ἀρεσσάσθω
47	11	„	λεχτόροις	λέχτροις
50	2	сн.	асневы	осноры
51	6	„	Δάρδανοος	Δάρδανος
56	13	„	терминовъ	термины
64	23	„	od	ad
„	21	„	Dindorfus	Dindorfius
„	20	„	подтверждаютъ	подтверждаетъ
72	1	„	сродства	средства
77	1	св.	ἀργυρέροισιν	ἀργυρέοισιν
94	24	„	*затѣмъ*	*слѣдующій*
100	16	„	μισιθόν	μισθόν
101	1	„	слушателя	слушателю
108	2	сн.	ἐθέριξε	ἐρέθιζε
109	6	св.	χλίίοντας	χλαίοντας
„	7	сн.	анафорическомъ	субституціональнымъ
114	15	„	иоаклійскомъ	иоакейскомъ
116	15	„	πομένα	ποιμένα
118	3	св.	въ	къ
127	13	сн.	съ цѣлою	съ цѣлью
128	15	„	жижни	жизни